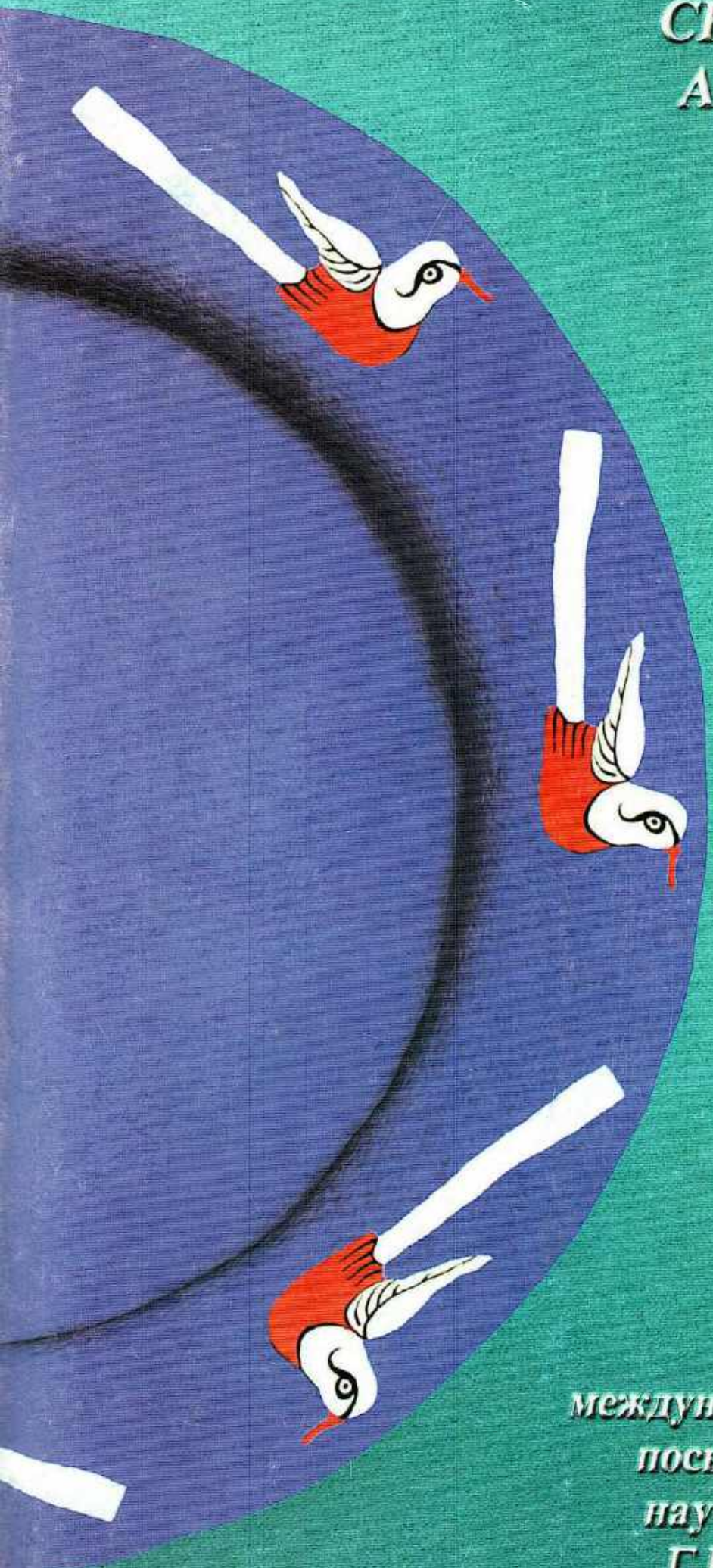
СРЕДНЯЯ АЗИЯ
АРХЕОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРА

Материалы
международной конференции
посвященной 50-летию
научной деятельности
Г.В.ШИШКИНОЙ

Афрасиаб. Май 1978 года.

Двадцатилетие Афрасиабской экспедиции.
М.И. Филанович, Г.В. Шишкина, Л.Г. Брусенко.

Галина Васильевна Шишкина - известный специалист по древней и средневековой археологии и истории культуры Средней Азии. Научные работы Г.В. Шишкиной по истории сложения и развития городского центра на Афрасиабе - городища древнего Самарканда, получили широкое международное признание.

Поколению археологов – афрасиабцев 60 гг. выпала нелегкая участь первопроходцев в изучении древнейших периодов урбанизации Согда…

Акрополь древнего Самарканда (Афрасиаб).
На переднем плане крепостная стена VI-IV вв. до н.э.(реконструкция).
Фото: MAFUZ

МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ПОСВЯЩЕННОЙ
50-летию НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Г.В.ШИШКИНОЙ

Государственный музей Востока
г. Москва, Россия
14 – 16 декабря 2000 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АЛПАТКИНА Т.Г. (ответственный секретарь)
БОЛЕЛОВ С.Б.
ИНЕВАТКИНА О.Н.(председатель)
МКРТЫЧЕВ Т.К.

ISBN 966-521-102-x

© Государственный музей Востока, 2000

CENTRAL ASIA
ARCHAEOLOGY
HISTORY
CULTURE

PAPERS

presented to the

INTERNATIONAL CONFERENCE

DEDICATED TO THE 50th ANNIVERSARY

OF G.V. SHISHKINA'S

SCHOLARLY ACTIVITY

STATE ORIENTAL MUSEUM

MOSCOW, RUSSIA

14th-16th December 2000

Editorial Team:

T. Alpatkina (executive secretary)

S. Bolelov

O. Inevatkina (editor-in-chief)

and T. Mkrtychev

****

В 2000 году исполнилось 50 лет научной деятельности Галины Васильевны Шишкиной – известного специалиста по древней и средневековой археологии, а также по истории культуры Средней Азии. Несмотря на то, что библиография ее работ не столь обширна, а перечень ее почетных званий и степеней не столь велик, как у некоторых ее современников, – ее вклад в науку по-настоящему трудно переоценить.

Выбор профессии, которой Г.В.Шишкина в прямом смысле слова посвятила свою жизнь, во многом был определен родителями и средой, окружавшей ее с детства.

Г.В.Шишкина родилась 11 августа 1930 года в Бухаре, где в эти годы работали ее родители. Мать Полина Андреевна Гончарова – один из первых профессиональных советских этнографов-искусствоведов, ведущий специалист по золотошвейному искусству Бухары, сотрудник Государственного музея искусств Узбекской ССР, консультант-этнограф по прикладному искусству Узбекистана.

Отец Василий Афанасьевич Шишкин – известный востоковед и археолог, один из крупнейших специалистов по истории и культуре народов Средней Азии, принадлежал к плеяде первых советских ученых, заложивших основы среднеазиатской археологической школы.

Детство Г.В.Шишкиной прошло под сводами медресе рядом с Ляби-хаузом в Бухаре, затем в махалля старого Ташкента в окружении друзей и единомышленников родителей. Отсюда она вынесла и знание узбекского языка, и любовь к истории этой древней земли. Творческая атмосфера в доме, пример отца как человека и разностороннего ученого, мнение которого всегда было критерием оценки всей ее научной работы, заложили высокий уровень требовательности Г.В.Шишкиной к себе, к своим друзьям и коллегам.

В 1948 году Галина Васильевна поступает на кафедру археологии Среднеазиатского Государственного университета в Ташкенте. Первые археологические сезоны, как и у всех студентов кафедры, прошли в Южно-Туркменистанской археологической экспедиции на городищах Старого Мерва и Старой Нисы. По окончании университета в 1952 г. она учится в аспирантуре в Институте истории материальной культуры в Москве у М.М.Дьяконова, стажируясь в экспедициях Поволжья на раскопках курганов.

В 1956 году Галина Васильевна приходит устраиваться на работу в Институт Истории Академии Наук Узбекистана. Она была принята директором института Я.Я.Гулямовым в качестве лаборанта в отдел археологии, который возглавлял Василий Афанасьевич Шишкин. С этого времени вся ее научная жизнь была связана с изучением городской культуры одного из интереснейших историко-культурных регионов Средней Азии – Согда.

Уже первые раскопки, проведенные Г.В.Шишкиной на Пайкендском городском некрополе и в замке Бад-Асия в окрестностях Пайкенда, а также в усадьбе Кафыр–Кала под Самаркандом, показали, что молодой исследователь умеет самостоятельно мыслить, а ее работы отличаются особой тщательностью, столь необходимой при обработке археологического материала. С 1958 года в составе Самаркандского археологического отряда, руководимого В.А.Шишкиным, Галина Васильевна работает на Афрасиабе. С самого начала ей была присуща широта научных интересов: в равной степени ее привлекали и нумизматика, и коропластика, и знаменитая настенная живопись Афрасиаба. Но именно методологические разработки полевых исследований городища сформировали ее основную научную тему, связанную с изучением древнейших культурных напластований Самарканда середины первого тысячелетия до н.э.

Археологам, которые начинали работать вместе с Галиной Васильевной, выпала нелегкая роль первопроходцев в изучении древней городской культуры Согда. Сейчас, когда на Афрасиабе и на памятниках Самаркандской округи исследуются ранние пласты городской культуры региона, трудно даже поверить, что после смерти В.А.Шишкина были моменты (к счастью, непродолжительные), когда в экспедиции преобладали стереотипы, утвердившиеся под влиянием теории В.Л.Вяткина о раннесредневековом происхождении Самарканда. В те годы вопросы, касающиеся древности городища, даже не обсуждались, а идея соответствия Афрасиаба Мараканде греческих источников считалась абсурдной. Тема диссертации, над которой работала Галина Васильевна Шишкина, – "Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба" – была объявлена не актуальной. Но она настойчиво отстаивала свою точку зрения, преодолевая все связанные с этим трудности, по крупицам собирая материал в архивах, рискуя быть обвиненной в плагиате и проводя собственные исследования на городище во внерабочее время.

В результате Галине Васильевне удалось детально разработать стратиграфию древних слоев Афрасиаба, относящихся к первым векам до нашей эры, и собрать материал, убедительно подтверждавший гипотезу А.И.Тереножкина о древнем происхождении городища. Однако, диссертация Г.В.Шишкиной была допущена к защите в Ташкенте не сразу, а лишь в 1969 году после положительных отзывов и благодаря поддержке, которую ей оказали ведущие специалисты Москвы и Ленинграда. А некоторое время спустя во время работ, которые проводила Г.В.Шишкина по изучению фортификации внешнего кольца (считавшегося до этого кольцом самых поздних городских стен), были выявлены остатки стены VI–IV вв. до н.э. Так научная гипотеза о первоначально гигантских размерах древнего города (219 га), высказанная ранее на основании стратиграфических данных, получила дополнительное подтверждение.

Кандидатская диссертация Г.В.Шишкиной и ряд ее научных статей: "О местонахождении Мараканды" (1969 г.), "Материалы первых веков до н.э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба" (1969 г.), "Эллинистическая керамика Афрасиаба" (1975 г.) и "Les remparts de Samarkand" (1986 г.) получили широкое международное признание и явились тем фундаментом, на котором базируются все последующие исследования ранней истории Самарканда.

Всем известна трудность изучения ранних слоев на многослойных городищах. Галина Васильевна, как и В.А.Шишкин, была настоящим исследователем Афрасиаба в комплексе его проблем, не отдавая приоритет своей главной теме, добросовестно исследуя и обрабатывая материалы всех эпох. Благодаря этому и вышли в свет ее книги "Глазурованная керамика Самарканда" (1979 г.) и "Ремесленное производство Самарканда" (1986 г.) – один из лучших примеров формализованного подхода к типологии глазурованной и стеклодельной продукции. Книги Г.В.Шишкиной и сегодня являются фундаментальными исследованиями в этой области, незаменимыми при практической работе со средневековыми коллекциями в музеях мира.

В 1977 г. Г.В.Шишкина становится заведующим сектора Средневековой археологии Института археологии УзССР и начальником Согдийско-Самаркандской экспедиции. Ей досталось тяжелое наследство. Поставленные В.А.Шишкиным задачи по изучению Афрасиаба и Согда в целом так и не были осуществлены. Работы, начатые в 1960-е годы на основных объектах городища и давшие материалы, которые позволили бы восстановить структуру и

динамику древнего города, остались не завершенными. Практически все предстояло решать заново. Препятствия возникали со всех сторон: например, "вековые отвалы", образовавшиеся за годы многолетних исследований, значительно затрудняли продолжение работы.

Но именно в этих условиях сказались качества Галины Васильевны как ученого, организатора и человека. Своей увлеченностью делом, своей энергией и знаниями она сумела объединить вокруг себя сотрудников экспедиции, привлечь научное и общественное внимание к судьбе уникального археологического памятника – Афрасиаба.

За годы ее руководства Согдийско-Самаркандской экспедицией были сделаны крупнейшие открытия в изучении исторической топографии древнего Самарканда: определена двухчастная структура цитадели с укрепленной замковой частью на платформе и дворцовой площадкой; выявлен цокольный этаж ахеменидских стен на т.н. "1-м укреплении", что подтвердило существование доэллинистического города с ярко выраженным административно-культовым центром – Акрополем. По ее инициативе было проведено геологическое бурение межквартальных участков и обнаружены древние водоемы, относящиеся к ранним периодам жизни города. Результаты бурения на Афрасиабе позволили Г.В.Шишкиной вместе с группой исследователей разработать методику применения геологического бурения в археологии при изучении ранних слоев городищ с большим культурным слоем. Ее настойчивости мы обязаны существованием прорисовок части знаменитой Афрасиабской живописи. Эти прорисовки оказались единственной документированной черно-белой копией афрасиабской живописи до реставрации.

Помимо изучения Афрасиаба Согдийско-Самаркандская экспедиция вела активные разведки и исследования в Самаркандской округе, в Придаргомской степи и в отрогах Нуратинских гор (булакбашинская курганная группа). Значительный вклад Г.В.Шишкиной в изучение проблемы урбанизации Центральной Азии был отмечен руководством Узбекистана – в 1985 году в составе коллектива ученых Института археологии она была удостоена Республиканской премии им.Бируни.

Основные результаты исследования городской культуры Самаркандского Согда увидели свет в публикации Г.В.Шишкиной "Ancient Samarkand: Capital of Soghd" (1994 г.), в которой были подведены итоги целой эпохи в среднеазиатской археологии. Высокий уровень обобщений, сделанных Галиной Васильевной по истории древнего Самарканда, признан мировой научной общественностью. Исследования Афрасиаба, которые в настоящее время проводит Узбекско-французская экспедиция (MAFUZ), организованная П.Бернаром и руководимая Ф.Грене и М.Исамиддиновым, до сих пор опираются на достижения и открытия, сделанные Г.В.Шишкиной, ее предшественниками и учениками.

В 1985 году Галина Васильевна переезжает в Москву и начинает работать в Государственном музее Востока в должности старшего научного сотрудника, а с 1987 года – заведующей сектором археологии Средней Азии, созданным в составе Отдела истории материальной культуры и древнего искусства. Под ее руководством в Государственном музее Востока была организована Среднеазиатская археологическая экспедиция, которая в 1986–1991 годах проводила работы по изучению Бухарского и Самаркандского Согда по соглашению с Бухарским музеем-заповедником и Институтом археологии (г.Самарканд).

Базовым памятником в Бухарском Согде было выбрано городище Вархша, изучением которого Галина Васильевна продолжила дело, начатое Василием Афанасьевичем Шишкиным. В результате исследований были получены материалы, которые позволили значительно дополнить историю Вархши на ранних этапах ее существования, выявить новые элементы в планировке вархшинского дворца, уточнить его периодизацию, дополнить знания о ганчевом декоре айвана. Разведывательные работы в Вархшинском оазисе дали основание для нового взгляда на структуру городища и характер его округи.

В качестве объекта исследования в Самаркандском Согде Г.В.Шишкина выбрала городище Дурмен-тепе, которое по классификации исследовательницы могло относиться к городам второго порядка в окрестностях Самарканда. Археологические работы на Дурмен-тепе дали основание для реконструкции динамики развития города, которая была сопоставлена с урбаническими процессами в регионе. За время работ на этом памятнике Среднеазиатская археологическая экспедиция ГМВ открыла уникальный комплекс согдийских штампованных оссуариев, а также погребения кочевников XI–XII вв., судя по материалам, возможно, несториан.

Деятельность Г.В.Шишкиной в качестве руководителя сектора и экспедиции в 1985–1993 гг. вывела на качественно новый уровень археологические исследования музея Востока в Средней Азии и задала мощный научный импульс на годы вперед.

В настоящее время продолжается научно-исследовательская и музейная деятельность Галины Васильевны, теперь уже в качестве ведущего научного сотрудника. Невозможно представить работу сектора Средней Азии без эрудиции, опыта и неиссякаемой энергии Галины Васильевны, ее ничем не заменимых советов и высоких требований к уровню научных работ.

За многолетний и плодотворный труд, за особые заслуги в области сохранения и развития культуры и искусства Галина Васильевна Шишкина в 1999 году была награждена почетным знаком Министерства культуры Российской Федерации "За достижения в культуре".

Этот сборник, работа над которым велась всем сектором,
мы посвящаем **ГАЛИНЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ШИШКИНОЙ.**
Мы желаем ей всего,
что только можно пожелать человеку и ученому.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Галина Васильевна Шишкина 5

Раздел I. Керамика как исторический источник **11**

Абдулгазиева Б. Исследование поселения Султанабад 12

Азимов И.М. Керамика в архитектуре Узбекистана 17

Берзина С.Я. Керамическая печать из Самарканда 19

Болелов С.Б. К вопросу о соотношении типов и орнаментов в керамике (по материалам Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме) 26

Буряков Ю.Ф. Керамическое производство средневекового Чача по материалам Канки и Шахрухии 33

Вишневская Н.Ю. Керамический комплекс IX в. из субструкционной клети цитадели Джигербента 36

Волков И.В. Ширванский керамический импорт в золотоордынских городах 45

Волков И.В., Ю.А. Зеленеев Ю.А. Золотоордынский керамический сосуд для возгонки 51

Галиева З.С. Сфероконические сосуды Средней Азии: к вопросу о типологии и хронологии 52

Ильясова С.Р. Мотив букета на глазурованной керамике IX-XII вв. 62

Иневаткина О.Н., Шпенева Л.Ю., Лушникова Е.В. Керамика из хозяйственного сектора средневековой цитадели Афрасиаба 67

Лионе Б. Греческая оккупация Согдианы. Результаты сравнительного анализа керамики Афрасиаба и Ай Ханум 75

Лушпенко О.Н. Керамические комплексы раннежелезного века Южного Согда (по материалам памятников Сангиртепа и Узункыр) 81

Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. К характеристике нижних слоев городища Кува 84

Мирзаахмедов Д.К. Комплекс керамики X в. из пригорода Пайкенда 87

Панина Э.Л., Волков И.В. Штампованная керамика золотоордынских городов 89

Папахристу О.А. Керамические сосуды-тигли для выплавки стали 92

Пилипко В.Н. Комплекс керамики ахеменидского времени с поселения Оюклы в Серахском оазисе (Южный Туркменистан) 95

Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыр-тепе в Северной Бактрии 99

Соловьев В.С. Средневековая керамика Безымянного городища (Кобадиан) 105

Халиков З.Э. Глазурованная керамика Термеза и Чаганиана XVI-первой половины XVII в. 112

Раздел II. Культовые керамические изделия в истории Средней Азии **115**

Абдуллаев К. К вопросу о семантике орнаментальных мотивов кушанской керамики 116

Аванесова Н.А. Монофункциональные сосуды доурбанистической Бактрии (по материалам исследования могильника Бустон VI) 119

Алпаткина Т.Г. Оссуарии из объекта 19 некрополя Пайкенда 128

Антонова Е.В. Обрядовые сосуды "цивилизации Окса" 138

Брыкина Г.А. Ритуально-культовая керамика из Ферганы 140

Вайнберг Б.И. Техника изготовления культовых сосудов второй половины I тысячелетия до н.э. в Хорезме 144

Грицина А.А. Терракотовая статуэтка из Уструшаны 148

Двуреченская Н.Д. Изучение терракотовой пластики Средней Азии (проблемы и перспективы их разрешения) 151
Ильясов Дж.Я. Терракота раннесредневекового Чаганиана 155
Кириллова О.В. Богиня в шлеме с городища Афрасиаб 159
Мкртычев Т.К. Буддийская терракота Бактрии-Тохаристана: к вопросу о ее роли в искусстве и культе 162
Неразик Е.Е. Антропоморфная статуэтка из Садвара 168
Обельченко О.В. Кенотафы Согда 171
Омельченко А.В. Терракотовая статуэтка из Сарай-тепе ..... 176.
Цепова О. Культовая цилиндроконическая чаша с налепами с Кампыртепа 179

Раздел III. Археологические источники по истории Средней Азии **183**
Адылов Ш., Семенов Г. "Помещение с росписью" на цитадели Пайкенда..... 184
Бернар П. Ономастика и история: имена Сохрака и Паламеда в Кушанской Бактрии 186
Grenet F. Trois documents sogdiens d'Afrasiab 196
Исамиддинов М., Рапен К. Городище Коктепа и некоторые вопросы ранней урбанизации Самаркандского Согда 203
Карев Ю.В. Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII в. 205
Кочнев Б.Д. Об одном раннекараханидском фельсе 219
Литвинский Б.А. Щит типа тюреос в Бактрии 221
Малкиель И.К. Реконструкция двери из жилища X- начала XI вв..... 225
Массон В.М. Керамические традиции и вопросы культургенеза Средней Азии в эпоху раннего железа 227
Некрасова Е.Г. Историческая топография Бухары (новые данные) 229
Немцева Н.Б. Степная резиденция караханидов 233
Ставиский Б.Я., Якубов Ю.Я., Гарифуллина З.А., Давудов Д. Д. Использование глины (лесса) в убранстве интерьера домусульманского дворца в Хисораке 239
Филанович М.И. Согдийские и хорезмийские параллели в градостроительстве Чача 245
Юсупова М.А. Традиции архитектурного сада "чарбаг" в зодчестве Бухары XVI-XVIII вв. 247
Вместо приложения. Воспоминания нерадивой ученицы. *И.Аржанцева*..... 252
Библиография..... 255
Список сокращений..... 270

CONTENTS

Galina Vasilievna Shishkina..... 5

Part I. Pottery as a historical source **11**

B. Abdulgazieva. The investigation of the Sultanabad settlement..... 12
I.M. Azimov. Pottery in Uzbekistan architecture..... 17
S.Ia. Bersina. A ceramic seal from Samarkand..... 19
S.B. Bolelov. On the correlation between types and decorations in pottery: the evidence of the Kalaly-gyr 2 site in the left-bank Chorasmia..... 26
Iu.F. Buriakov. Pottery production of medieval Chach: the Kanka and Shahruhiyya evidence..... 33
N.Iu. Vishnevskaia. Pottery complex of the 9th century A.D. from the substructure cage of the Jigerbent citadel..... 36
I.V. Volkov. Pottery imported from Shirvan in the Golden Horde cities..... 45
I.V. Volkov. and *Iu. A. Zeleneev.* A Golden Horde ceramic sublimation vessel..... 51
Z.S. Galieva. Spheroconical vessels of Central Asia: their typology and chronology..... 52
S.R. Il'yasova. The bouquet motif on glazed pottery of the 9th-12th centuries A.D..... 62
O.N. Inevatkina, L.Iu. Shpeneva, and *E.V. Lushnikova.* Pottery from the trade section of the Afrasiab medieval citadel..... 67
B. Lyonnet. The Occupation of Sogdia by the Greeks. Comparative Analysis of the Pottery from Afrasiab and Aï Khanum..... 75
O.N. Lushpenko. Early Iron Age pottery complexes of South Sogdiana: the Sangirtepa and Uzunkyr evidence..... 81
B.Kh. Matbabaev and *A.A. Gritsina.* The lower layers of the Kuva settlement..... 84
D.K. Mirzaakhmedov. Tenth-century pottery complex from a Paikend suburb..... 87
E.L. Panina and *I.V. Volkov.* Stamped pottery from the Golden Horde cities..... 89
O.A. Papachristou. Ceramic melting pots..... 92
V.N. Pilipko. Pottery complex of Achaemenid epoch from the Oiukly settlement in the Serakh oasis in South Turkmenistan..... 95
E.V. Rtveladze and *S.B. Bolelov.* Ceramic complex of the hellenistic period at Kampyr-tepe in North Bactriane..... 99
V.S. Soloviev. Medieval pottery from the Bezymiannoe site, Kobadian..... 105
Z.E. Khalikov. Glazed pottery of the 16th-first half of the 17th centuries from Termez and Chaganian..... 112

Part II. Ritual ceramic artifacts in the history of Central Asia **115**

K. Abdullaev. On semantics of ornamental motifs of Kushan pottery..... 116
N.A. Avanesova. Monofunctional vessels of pre-urbane Bactriane: the Bustan IV cemetery evidence..... 119
T.G. Alpatkina. Ossuaries from structure 19 of the Paikend necropolis..... 128
E.V. Antonova. Ritual vessels of the 'Oxus civilization'..... 138
G.A. Brykina. Ritual pottery from Fergana..... 140
B.I. Vainberg. The technique of ritual vessels manufacture in the second half of the 1st millennium B.C. in Chorasmia..... 144
A.A. Gritsina. A terracotta figurine from Ustrushana..... 148
N.D. Dvurechenskaia. The study of terracotta sculpture of Central Asia; challenges and perspectives..... 151
J.Ia. Il'yasov. Terracotta from early medieval Chaganian..... 155
O.V. Kirillova. A helmeted goddess from the Afrasiab site..... 159
T.K. Mkrtychev. Buddhist terracotta of Bactriane-Tocharistan and its role in art and cult..... 162

E.E. Nerazik. Antropomorphic figurine from Sadvar....168
O.V. Obel'chenko. Cenotaphs of Sogdiana....171
O.V. Omel'chenko. A terracotta figurine from Sarai-tepe....176
O. Tsepova. A ritual cylindroconical cup with modelled applliques from Kampyrtepa....179

Part III. Archaeological sources of Central Asian history **183**
Sh. Adylov, G.Semenov. The "Wallpainting's room" on the citadele in Paikend....184
P. Bernard. Onomastics and history: the names of Sohrakes and Palamedes in Kushan Bactriane....186
F. Grenet. Trois documents sogdiens d'Afrasiab....196
M.Isamiddinov and *Cl.Rapin.* The Koktepa site and some questions of Samarkand Sogdiana early urbanization....203
Iu.V. Karev. The political situation in the mid-eighth-century Maverranahr....205
B.D. Kochnev. An early Karahanid fels....219
B.A. Litvinski. Tureos-type shields in Bactriane....221
I.Malkiel. Reconstruction of the dwelling of Xth-beginning XIth century....225
V.M. Masson. Pottery traditions and culture genesis of Central Asia in the Early Iron Age....227
E.G. Nekrasova. The new data on historical topography of Bokhara....229
B.N. Nemtseva. The steppe residence of the Karahanids....233
B.Ia. Staviski, Iu.Ia. Iakubov, Z.A. Garifullina and D. Davudov. The use of clay or loess in the furniture of a pre-Islamic palace at Khisorak....239
M.I. Filanovich. Sogdian and Chorasmian parallels in Chach town-planning....245
M.A. Iusupova. The tradition of the *charbag* garden in Bokhara architecture of the 16th-18th centuries....247
Addenda. Reminiscences of careless disciple. *I. A. Argantzeva* 252
Bibliography....255

РАЗДЕЛ I

КЕРАМИКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Б.АБДУЛГАЗИЕВА
(Институт археологии, г.Самарканд,
Республика Узбекистан)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СУЛТАНАБАД

Керамическое производство Ферганы периода шурабашатской культуры (IV–I вв. до н.э.) исследовано слабо, хотя к настоящему времени известно более 50 поселений разной степени изученности. Они в основном расположены в восточной части Ферганской долины (*Заднепровский Ю.А., 1985, с.306–307*). Керамический материал характеризуется сочетанием станковой красноангобированной и лепной крашеной, расписной и неорнаментированной посуды, где доминирует лепная. Однако, стратиграфических данных недостаточно, керамические центры не изучены, поэтому до сих пор остаются дискуссионными вопросы синхронизации и абсолютной датировки поселений. По мнению некоторых исследователей, станковая красноангобированная керамика на поселениях шурабашатской культуры – не местного производства, а привозная из западных районов Ферганы (*Горбунова Н.Г., 1971*). Новые материалы по керамическому производству памятников шурабашатской культуры получены при изучении поселения Султанабад, особая значимость которого заключается в том, что оно представляет собой специализированный центр по производству керамики, впервые обнаруженный в Фергане.

Поселение Султанабад расположено в Кургантепинском районе Андижанской области, юго-западнее городища Султанабад, на правом берегу Шахрихансая. Часть поселения разрушена в результате обвалов берега сая. В срезе берега обнажения культурных слоев прослеживались местами до 6–7 метров толщиной. Верхняя часть снесена техникой при строительных работах приблизительно на 1–1,5 м. По форме поселение относится к типу тепа с площадкой: его приблизительные размеры 30х50 м. Для выявления стратиграфии культурных напластований на поселении в двух местах были заложены шурфы, которые затем были превращены в раскопы (Р–1 и Р–2). В восточной части поселения (Р–2) вскрыто сооружение с пахсовыми стенами: коридор шириной 0,8 м и примыкающее к нему помещение.

В юго-западной части поселения, в том месте, где в обрезе берега были хорошо видны слои, насыщенные керамикой (Р–1), выявлено пять строительных горизонтов (в дальнейшем С–1, С–2, С–3, С–4, С–5).

Нижний – С–1 – залегал на глубине 6,5 м. Он представляет собой огромную яму площадью более 3,5х4 м (ее южная часть разрушена при обвале берега сая) и глубиной 50–60 см. Она оказалась заполненной фрагментами керамики, плотно утрамбованной. В следующем периоде – С–2 – вскрыты остатки трех помещений, представлявших собой храм огнепоклонников (*Абдулгазиева Б., 1997, с. 2*).

С самого возникновения поселения его население занималось керамическим производством, что четко выявлено на Р–1 в С–3 и С–5. Между периодами С–2 и С–3 восточный и юго-восточный участки поселения пришли в запустение и превратились в место свалки керамических отходов. Обживание охватывало только территорию, расположенную севернее Р–1. По всей видимости, гончары работали интенсивно, о чем можно судить по следам их деятельности на Р–2 и Р–1. На Р–1 вскрыто семь мусорных ям с керамическими отходами, перекрытых мощными слоями золы с прослойками земли общей толщиной 1,5–2 м. Ямы различной формы и величины (овальные длиной 4 м, шириной 2,3 м, глубиной 1,5–2 м; круглые диаметром 2 м) опущены в нижележащие строительные горизонты. Такая же картина отмечена на Р–2, где на заброшенном участке также образовался отвал керамического производства. Керамика обоих раскопов однородна.

Архитектурные остатки и слои горизонта С–5 раскопа 1 сильно разрушены множеством поздних ям. Результаты раскопок показывают, что в период С–5 поселение переживает свой расцвет. Здесь выявлены остатки трех помещений. Два из них, по всей видимости, являлись керамической мастерской. В первом большом частично сохранившемся помещении длиной 8 м обнаружена яма, содержащая тонкоотмученную светлую глину, замешанную с камышовым пухом. Здесь же в завале найден фрагмент необожженного венчика хума, изготовленного из подобной глины. Во втором помещении, примыкающем к первому с восточной стороны, обнаружены два небольших терочных камня и вскрыта небольшая яма в полу. Третье помещение, имевшее складское назначение, также сохранилось только частично. В нем вскрыто пять хумов. Судя по планировке, керамическая мастерская и "хумхона" принадлежали одному владельцу. Насыщенность слоев в "хумхоне" косточками винограда позволяет предположить, что в ней хранилось вино и либо здесь же, либо поблизости располагалась винодельня.

Богатый керамический материал, полученный из раскопов поселения Султанабад, позволяет судить об ассортименте изготовлявшейся продукции. Хронологически она подразделяется на два периода. Первый включает С–1 и С–2, второй – С–3, С–4 и С–5.

Станковые сосуды первого периода изготовлены из хорошо промешанной тонкоотмученной глины и, в основном, покрыты плотным красным или (реже) черным, как лак, ангобом. Встречается красный ангоб с черными пятнами опалин.

Характерные особенности станковой керамики: 1) "наплыв" на плечиках мисок, кувшинов и горшков (рис.1, *1б*); 2) рельефный валик, подчеркивающий перегиб стенок у чаш и мисок, переход от плечика к горловине у кувшинов, горшков (рис.1, *б*); 3) мелкое рифление на плечиках сосудов.

Станковая керамика подразделяется на пять категорий с вариантами. В основном это посуда столового назначения: миски, кувшины, горшки, фляги и посуда баночного типа.

МИСКИ – самая распространенная категория (сюда включаются и чаши, отличающиеся меньшими размерами, чаще всего тонкостенные). Выделяются следующие основные типы: 1) миски глубокие округлой формы, венчик

заострен, слегка отогнут (рис.1, *1,2*); 2) неглубокие миски, нижняя часть конической формы, верхняя в виде невысокого вертикального бортика или с вогнутым утолщенным краем. Этот тип отличается от других массивностью стенок; миски покрыты плотным коричневым ангобом полностью или широкой полосой вдоль венчика (рис.1, *8,11,15,20*); 3) миски округлой формы с выделенным бортиком (рис.1, *6,7,13–14*); 4) миски с широким, слегка отогнутым бортом, который внутри уступом переходит в стенку (рис.1, *3,4*); вариант – край венчика снаружи заканчивается закругленным валиком.

КУВШИНЫ различной величины, яйцевидной формы; у некоторых горловина выделена рельефным валиком, венчик овальный или слегка утолщенный, плавно отогнут (рис.1, *9,10,12*), у некоторых имеется полочка для крышки (рис.1, *16*). Диаметры устья стандартны: у небольших кувшинов – 6–7 см, у крупных – 9–10 см.

ГОРШКИ округлой формы, утолщенный венчик плавно отогнут (рис.1, *17*).

АМФОРОВИДНЫЕ РИТОНЫ со сферическим туловом и выделенной горловиной (рис.1, *5*).

ФЛЯГИ с сильно выпуклым туловом на плоской боковине.

БАНОЧНЫЕ сосуды вытянутых пропорций (рис.1, *18,19*). Имеются образцы грубых толстостенных сосудов, покрытых изнутри или снаружи непрочной облупившейся красной краской.

Формы лепной посуды в основном аналогичны станковой.

Лепная керамика подразделяется на девять категорий: миски, кубки, кувшины, горшки, банки, тагора, котлы, хумы, жаровни. Кроме того, среди лепной керамики выделяются три группы: 1) расписная и крашеная, 2) неорнаментированная и 3) сероглиняная кухонная. Сосуды отличаются стандартизацией форм. Первые две группы лепной керамики изготовлены из глины с включением шамота, реже песка. Среди них доминируют сосуды открытых форм типа мисок, тагора и горшков, характерной чертой которых является скошенный край, вогнутый внутрь; утолщение стенок тулова в самой широкой части; горизонтально или вертикально прикрепленные под венчиком пластинчатые ручки; конусовидные выступы. Сосуды первой группы покрыты светло-розовой или оранжево-красной облицовкой, поверх которой нанесена роспись карминно-фиолетовой или красновато-коричневой краской. Орнаментировалась, как правило, столовая посуда. Обычным украшением ее является широкая полоса краски вдоль венчика снаружи, порой доходящая до середины тулова и заходящая внутрь сосуда узкой полосой по венчику. Некоторые миски и кубки окрашены снаружи полностью или расписаны в верхней половине. Самый распространенный мотив орнамента – ромбы и вписанные друг в друга или заштрихованные квадраты. Вторая группа керамики покрыта светлым розовато-серым ангобом, залощена, внутри ангоб покрывает стенки толстым слоем, порой также с лощением. Третья группа – котлы той же формы, что и сосуды типа тагора, но отличающиеся от них составом теста – оно с примесью дресвы, раковин.

Из других находок следует отметить керамические пряслица разной формы и величины: станковые биконические, шаровидные и дисковидные.

Примерно такая же типовая классификация присуща и второму периоду. Резких изменений между I и II периодами в технике и технологии изготовления станковой и лепной керамики не отмечено. Ведущей формой продолжают оставаться миски. В лепной керамике большое распространение получают такие характерные признаки первого периода, как "наплыв" и рельефные полосы на плечиках сосудов.

Вместе с тем происходят и изменения. Исчезает тип миски с конической нижней частью и вертикальным бортиком, появляются новые типы: 1) с округлым туловом и резким переходом в верхней части к отогнутому под углом бортику; 2) с округлым туловом и горизонтальными бороздками по краю (рис.2, *1*), возможно, отдаленный отголосок среднеазиатского варианта "мегарских" чаш; 3) конической формы, с плавно отогнутым бортиком и венчиком в виде валика. Более широкое распространение получают миски с перегибом стенок, некоторые из них имеют по две ручки (рис.2, *9,11–13*). В кувшинах тоже наблюдается появление новых черт: рифление (бороздки) по венчику, сравнительно высокая горловина, завершающаяся резко отогнутым венчиком, раструбообразно отогнутый венчик (рис.2, *14,16*). Довольно редко встречающаяся форма – бокал на полой ножке (рис.2, *2*). В красноангобированной керамике появляется процарапанный орнамент в виде заштрихованных сеток, спиралей (рис.3, *1–3,6*). Следует отметить фрагмент миски (амфоровидного ритона?) с процарапанной надписью и кубка с изображением птицы (рис.3, *5*).

В лепной керамике второго периода самыми распространенными являются сосуды открытых форм: миски, тагора, горшки. Широкое распространение получили миски с перегибом стенок – и ярко выраженным, и чуть намеченным. Способ орнаментирования разнообразен: окраска полностью внутри и снаружи; роспись верхней половины сосуда; комбинирование обоих приемов – верхняя часть с росписью, нижняя окрашена. Орнамент в основном в виде ромбиков, покрытых квадратной сеткой в сочетании с полукругами, завитками или пучком волнистых горизонтальных линий (рис.3, *7,11,12,15*). Продолжали бытовать глубокие миски округлой формы с прямым, либо вогнутым краем, часть из них расписана или окрашена (рис.3, *18*). Некоторые миски на кольцевом поддоне. Характерны горшки округлой формы с выделенной шейкой, венчик отогнут, некоторые расписаны, у более крупных на плечиках петлевидные ручки (рис.3, *13,16,19*). Сосуды баночного типа с петлевидной ручкой, расписаны (рис.3, *23*).

Обнаружены крышки двух типов, плоские: дисковидные, диаметром 30 см, с отверстием в центре или смещенным на край, и овальной формы.

Кувшины округлой формы встречены как с ручкой, так и без нее. Характерны ручки дуговидной формы, округлой в сечении. Одним концом они прикреплены к тулову, другим к венчику, несколько выступая над ним. Среди них выделяются варианты с продольным желобком, а также с конусовидным выступом в верхней или нижней части ручки. Ручки с подобными признаками имеются в керамике позднеахеменидских памятников долины Персеполя (*Sumner, 1986, Tabl. III, I, V*).

Целые хумы и хумча найдены в помещении складского назначения. Они изготовлены из теста хорошей отмучки, черепок плотный. У них яйцевидная форма с широким устьем диаметром 80–90 см, отогнутый венчик в виде валика или заканчивающийся утолщенным краем, прямоугольным в сечении, дно плоское диаметром 25–30 см, высота 146–

156 см. У хумчи с округлым туловом, сужающимся к отогнутому венчику, имеются петлевидные горизонтально или вертикально прикрепленные ручки.

Выделяются сосуды специального назначения двух типов, редких форм. Один из них цилиндрической формы, с четырьмя симметрично расположенными по тулову вертикальными налепными полосами. Другой сосуд с кубическим туловом, резко сужающимся к цилиндрической горловине, с четырьмя ручками в виде выступов с отверстиями, явно предназначенными для подвешивания. Снаружи окрашен полностью. Длина сторон 10 см, диаметр венчика 8 см (рис.3, *21*).

Немногочисленные миниатюрные сосуды изготовлены из теста с незначительным включением песка. Подразделяются на следующие типы: 1) плошки конической формы, внутри покрыты росписью в виде широких лучей, отходящих от кольца, снаружи окрашены; 2) плошка округлой формы с массивными стенками, со следами копоти внутри, явно использовалась как чираг (светильник); 3) округлая плошка с вогнутым краем; 4) детская поилка округлой формы с носиком.

Очажные подставки, изготовленные из глины с добавлением большого количества дресвы, подразделяются на два типа: геометрические (цилиндрической или суженной по центру формы) и зооморфные в виде плоских брусков с вдавленными по сторонам ямками–"ноздрями", т.н. "бычьи головки". Оба типа подставок встречены в одних и тех же слоях в одинаковом количественном соотношении. Среди подставок первого типа встречены целые, размеры свидетельствуют об их стандартности: высота 11–12 см, диаметр 12–14 см.

Представляет интерес фрагмент дисковидного изделия диаметром около 10 см с небольшим отверстием на краю. Аналогичные предметы известны в боспорских городах эллинистического времени как грузила для ткацких станков (*Гайдукевич В.Ф., 1952, с.407, 410, 414, табл. IV; он же, 1958, с.205, рис.57*).

Богатый керамический комплекс, полученный в процессе раскопок на поселении Султанабад, отличается стандарностью форм посуды, что предполагает выпуск продукции на рынок. Важно то, что и на других поселениях в этом микрооазисе население занималось производством керамики, обнаружены остатки горна для обжига керамики. Видимо, все они представляют собой поселения, специализировавшиеся по производству такого вида товара широкого потребления, как керамическая посуда, которая находила сбыт не только у оседлого, но и у кочевого населения. На поселении Султанабад во всех строительных горизонтах вместе с бракованной лепной встречалась и бракованная станковая керамика, что является свидетельством местного производства последней.

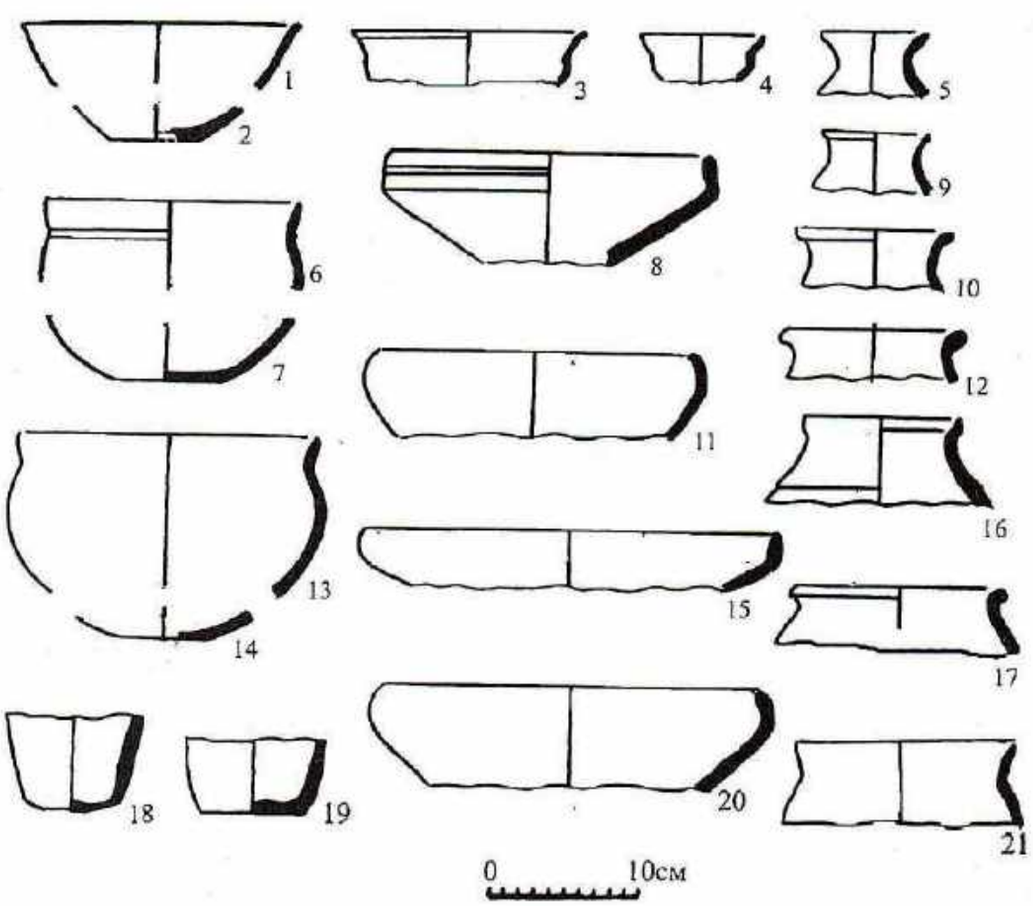

Рис. 1 Султанабад. Станковая керамика 1-го строительного горизонта.

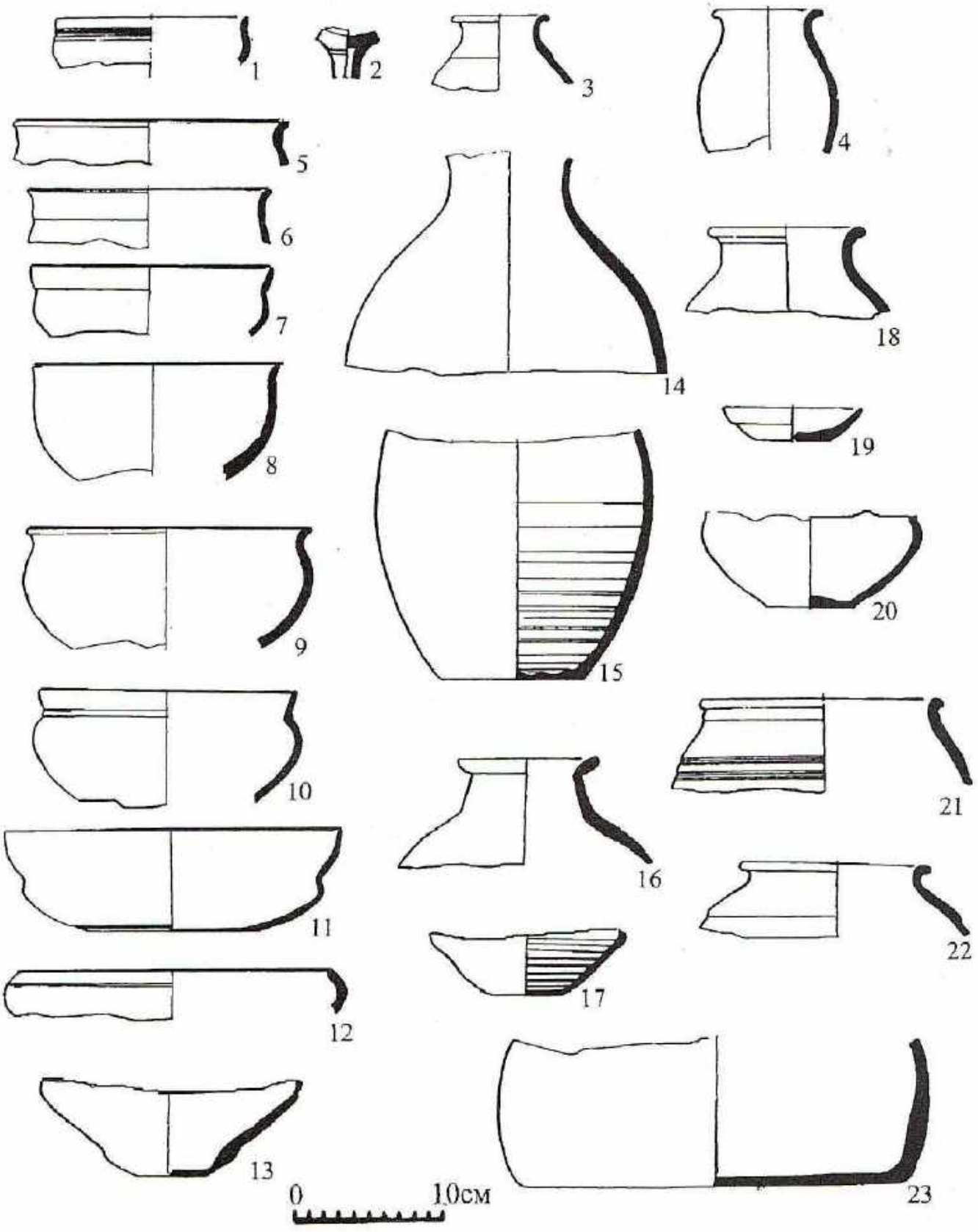

Рис. 2. Султанабад. Станковая керамика 3-го –5-го строительного горизонтов.

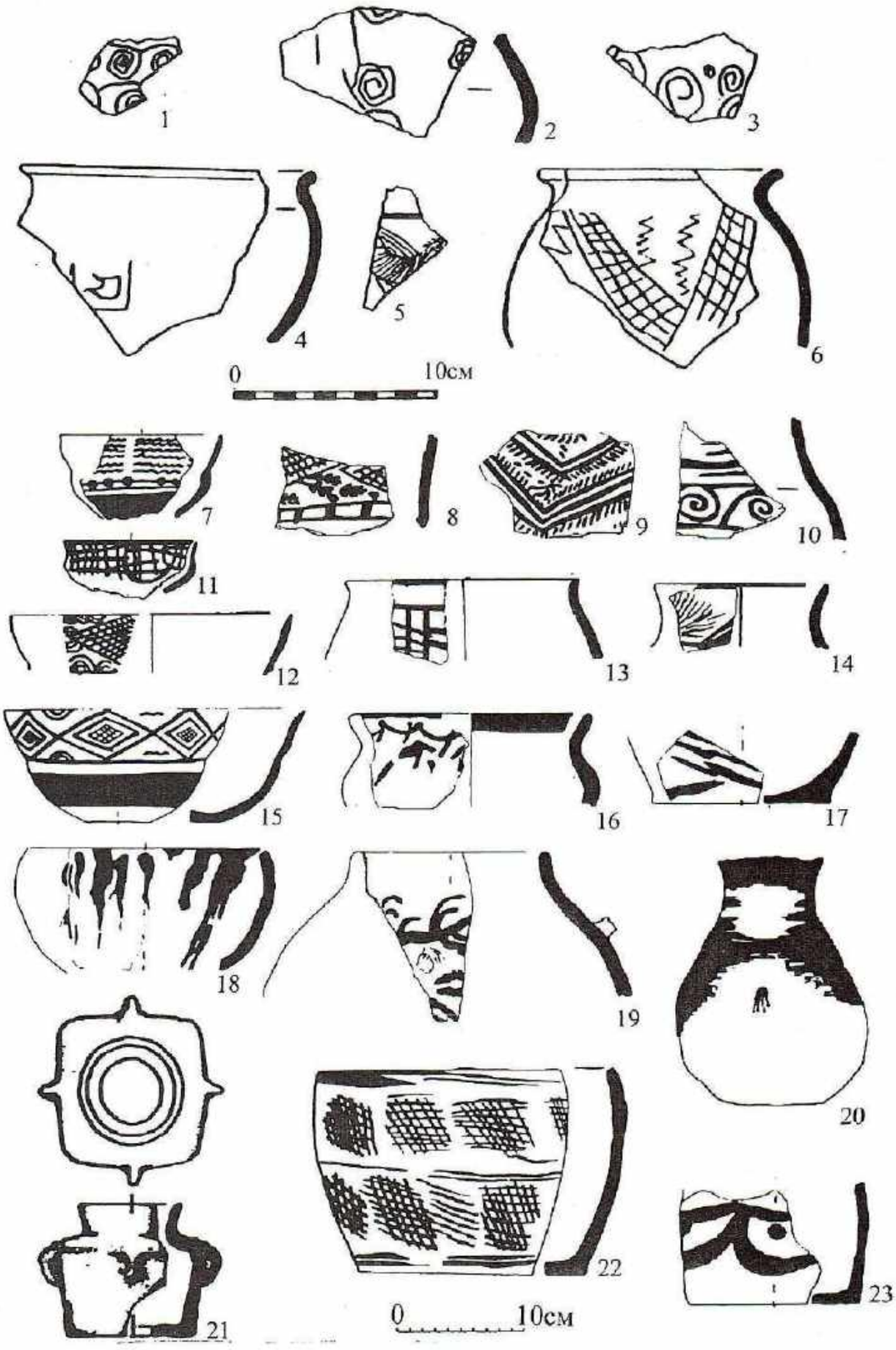

Рис. 3. Султанабад. *1–6* – станковая керамика с процарапанным орнаментом 1-го строительного горизонта. *7–23* – расписная лепная керамика 3-го и 5-го строительных горизонтов.

И.М.АЗИМОВ
(НИИ искусствознания Академии художеств РУз,
г.Ташкент, Республика Узбекистан)

КЕРАМИКА В АРХИТЕКТУРЕ УЗБЕКИСТАНА

В Узбекистане состоят на учете и охраняются государством более 2,5 тысяч памятников зодчества. Это жилые дома, дворцы, караван-сараи, торговые сооружения, мечети, минареты, мемориальные постройки и т.д. В числе самых ранних – мавзолеи IX–X вв. Саманидов в Бухаре и Араб-ата в селении Тим близ Самарканда. Рассмотрим детальнее – какова же роль керамики в строительной культуре Узбекистана?

Если постройки I-го тысячелетия возводились в основном из сырца, то во II-м тысячелетии здания чаще всего строились из жженого кирпича.

Мавзолей Саманидов, возведенный из обожженных плиток различной формы, являет собой яркий образец построек той эпохи (*Денике Б.П., 1927, с.11–13; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1948, с.12–14*). Это здание центрической композиции, то есть все фасады решены одинаково. Скромны его размеры – 10х10 м. Углы кубического объема фланкируют трехчетвертные колонны. Между гладким цоколем и арочной галереей возведены стены с очень выразительной декоративной кладкой. Усыпальница перекрыта полусферическим куполом. Цветные керамические облицовки в архитектуре Средней Азии IX–X вв. еще не имели применения. Зодчие добивались особого звучания декоративной кладкой и продуманными пропорциями.

Сплошной кирпичный декор фасадов плавно переходит в интерьер мавзолея. Настенные арки заполнены узорными керамическими решетками. В углах восьмерика возведены изящные колонки с консольными капителями, на которые опирается купол. Художественно выраженные конструкции мавзолея Саманидов и изысканный декор позволяют поставить его в ряд выдающихся памятников раннесредневекового зодчества Средней Азии.

Впечатляет архитектурный образ другого мавзолея той же поры, известного под названием Араб-ата. В его объемно-пространственной композиции явно выделяется портал, подчеркивающий главный фасад. На нем сохранилась точная дата строительства – 977–978 гг. (*Леонов Н.И., 1960, с.186–189*). Основным строительным материалом служил жженый кирпич. Здесь также зодчие украсили фасады и интерьер фигурной кладкой. В деталях превалируют спаренные кирпичики, выложенные тычком и ложком, и керамические кружочки. Игра светотени придает постройке легкость. Сплошной ковер декоративной кладки, где эпиграфика сочетается с рельефными керамическими орнаментами, создает запоминающийся образ раннесредневекового памятника зодчества.

Следующий этап – эпоха Караханидов, XI – начало XIII в. – знаменателен для истории архитектуры тем, что именно тогда зодчие построили получившие широкую известность минареты в Бухаре и в Джаркургане (рис.1, *1*), Рабат-и Малик и другие здания. Достоинства этих сооружений в том, что в них получил отражение уровень строительной культуры современной им эпохи.

Более восьми столетий над Бухарой доминирует монументальный минарет Калян при соборной мечети. Его высота около 50 м. Кроме призыва верующих на молитву, он служил дозорной башней и был ориентиром в городе, указывающим место сбора прихожан. Ствол минарета разделен на пояса, каждый из которых содержит свою декоративную рельефную кладку. Венчает минарет мощный фонарь с арочными проемами и сталактитовым карнизом. Его эмоционально-эстетическое воздействие было настолько сильно, что еще на протяжении многих столетий в постройках на территории Бухарского оазиса повторялся архитектурный образ минарета Калян (*Воронин Л.Н., 1937, с.71*).

Позже в Индии, в Дели был возведен Кутуб-минар, ствол которого разделен на несколько ярусов. Один из них очень напоминает гофрированный ствол джаркурганского минарета. Возможно, строитель делийской башни был знаком с джаркурганским минаретом, а, возможно, архитектурные образы создавались конвергентно.

В числе построек XI–начала XIII в. следует назвать бухарские мечети Намазгох и Магоки Аттори, Рабат-и Малик и др. На каждом из этих памятников сохранились резные терракотовые надписи, геометрические и растительные орнаменты, свидетельствующие о виртуозном использовании местного материала – глины, которая после художественной обработки и обжига обретает благозвучное название – терракота.

При сокрушительном, катастрофическом нашествии войск Чингиз-хана в XIII в. строительная культура на территории Узбекистана не угасла.

С новой силой возродилось искусство зодчих в XIV в. в эпоху Амира Темура. Его политика объединения разрозненных княжеств, а затем и расширения границ государства Мавераннахр за счет захвата сопредельных стран позволила собрать большой многонациональный творческий коллектив. Зодчие, керамисты, художники и специалисты-строители трудились вместе, прославляя империю Амира Темура и, прежде всего, свое искусство. Они создавали дворцы, мечети и архитектурные ансамбли: дворец Ак-сарай в Шахрисабзе, Соборную мечеть в Самарканде, мемориально-культовый комплекс Ходжа Ахмада-яссави в Туркестане и др. В эту эпоху в художественном оформлении зданий щедро применяется цветная керамика. Это мозаичный и майоликовый декор в отделке фасадов и интерьеров. Трудоемкие, но эффектные и относительно долговечные декоративные элементы на темуридских постройках сохранились до наших дней. В их композициях выделяются эпиграфика, гирихи и растительные узоры (рис.1, *2*).

Следует отметить, что в эпоху Темуридов зародилась техника декора, именуемая кундаль. Суть ее состоит в том, что на рельефный орнамент, обычно растительного характера, наносили сусальное золото, а гладкий фон покрывали синей краской. Малейший луч света, многократно отражаясь, создавал эффект мерцающих звезд на темном небе. Рельеф выполнялся из папье-маше, либо из красной глины. Так отделан интерьер мавзолеев Гур-Эмир и Ак-

сарай в Самарканде. Позже эта техника использовалась в мечети Балянд в Бухаре (XVI в.), в медресе Тилля-кари в Самарканде (XVII в.) и т.д.

С XVIII в. вплоть до начала XX в. в архитектуре Узбекистана керамика играла активную роль. В эти годы в силу географических условий и политической изоляции на территории Узбекистана сложились три ханства с центрами в Коканде, Хиве и Бухаре. Здесь развивались ярко выраженные локальные архитектурно-художественные школы: ферганская, хорезмская и бухарская. Вместе с тем, они влияли на развитие еще трех местных школ зодчества, которые находились в Самаркандской, Ташкентской и Кашкадарьинской областях (*Азимов И.М., 2000*).

Майоликовый и мозаичный декор применяется практически во всех дворцах этой поры (Куня-арк в Хиве, Худояр-хана в Коканде, Мохи-хосса в Бухаре и т.д.) и в большинстве мемориально-культовых построек (Модари-хан в Коканде, медресе Мухаммад Амин-хана и Кальта-минор в Хиве и т.д.). Декоративная архитектурная отделка ферганской школы измельчена и имеет полихромный характер. Это особенно выражено в оформлении кокандского дворца. Не очень высокое достоинство мозаичного декора здесь восполняется великолепными росписями деревянных потолков. В бухарских постройках этот изъян компенсируют превосходные резные ганчевые панно, иногда на зеркальном фоне. Непревзойденными мастерами исполнения майоликовой отделки предстали хорезмские художники-керамисты (рис. 1, *3*). Бесчисленные орнаментальные композиции сине-бело-голубой майолики сплошь покрывают стены от пола до потолка (дворцы Куня-арк и Таш-хаули в Хиве).

Таким образом, мы видим роль керамики в памятниках архитектуры Узбекистана IX – начала XX в., в которых получили отражение эстетические взгляды заказчиков, созерцателей и мастеров с их высокой художественной культурой.

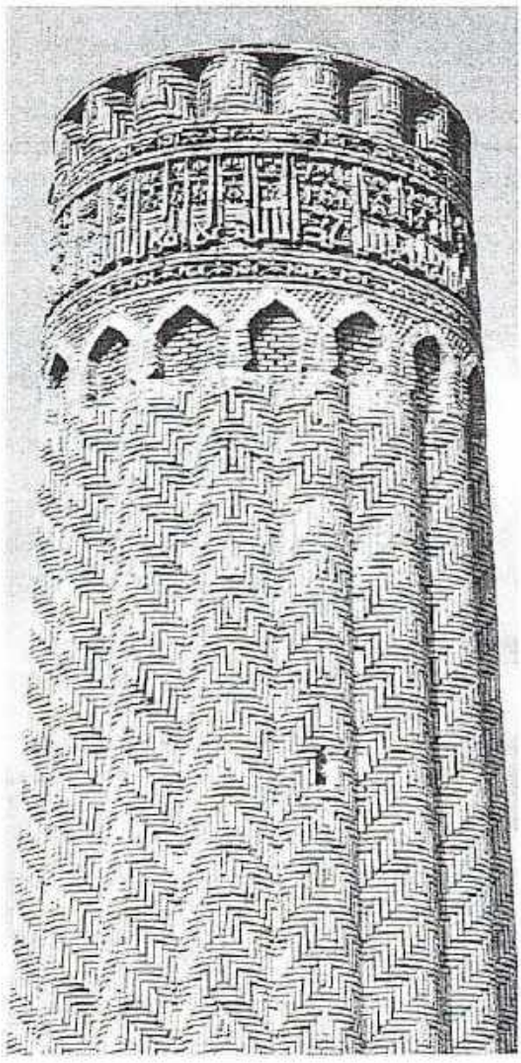

Рис.1.1 Минарет 1100 г. в Джаркургане

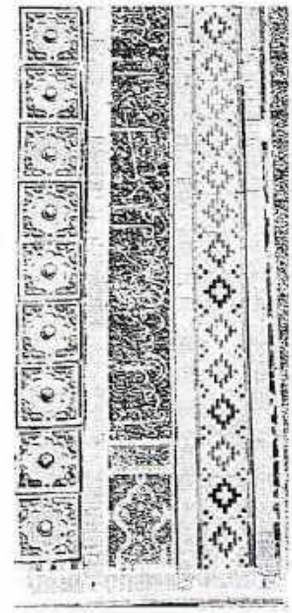

Рис.1.2. Шахи-Зинда. Мавзолей Шади-Мульк, фрагмент портала.

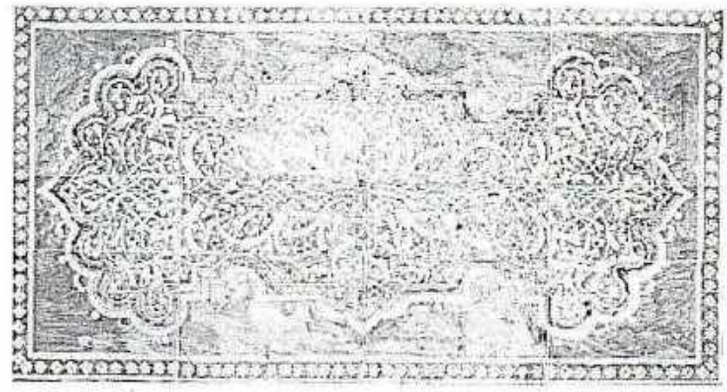

Рис.1.3. Хива. Дахма Исфандияр-хана, фрагменты облицовки.

С.Я.БЕРЗИНА
(Государственный музей Востока,
г.Москва, Российская Федерация)

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ САМАРКАНДА

Работая в среднеазиатском фонде Государственного музея Востока (в то время – Музея искусства народов Востока), Г.А.Пугаченкова обратила внимание на печать с древневосточными изображениями. В 1965 г. она опубликовала ее в совместной с Л.И.Ремпелем книге. Исследовательница отнесла печать к категории памятников среднеазиатского происхождения, выполненных в VI–IV вв. до н.э. под влиянием искусства Ахеменидского Ирана. "Влияние последнего, – писала она, – сказывается особенно заметно на вещах Аму-Дарьинского клада. Но приурочить эти вещи (или часть из них) специально к территории Узбекистана у нас нет основания. С той же оговоркой следует воспринимать и те немногие произведения эпохи Ахеменидов, которые дал древний Самарканд (Афрасиаб). Среди них – печать из красного камня с изображением воина-лучника и насечкой зубцов (не понятого мастером подражательного восприятия клинописи?) уводит нас в мир древнеиранского искусства и его героизированных образов. Другая – обнаруженная нами в фондах Музея искусства народов Востока печать из светло-розового камня, инв. № 2538, III (182), которая находит точки сближения со "звериным стилем". На лицевой стороне квадратной плитки стрела пронзает козла (?), упершегося передними ногами в землю (прием изображения, распространенный в древневосточном искусстве), и здесь насечка из зубцов идет вдоль переднего и нижнего края плитки. На обороте изображен крылатый бык (или человеко-бык?) с высоким головным убором на рогах. Высоко поднятый завитком хвост, вертикально стоящее и напоминающее рыбу крыло – все это вызывает в памяти золотые пластинки Аму-Дарьинского клада, на одной из которых изображен сходным образом крылатый бык, на другой – крылатый козел" (*Пугаченкова Г.А, Ремпель Л.И., 1965, с.31, илл.10–11*).Больше, насколько мне известно, печать из ГМВ не издавалась и не упоминалась. Обнаружить ее в фондах Музея, к сожалению, не удалось. Я располагаю фотовоспроизведением обеих сторон печати, приведенным Г.А.Пугаченковой, и записью в Инвентарной книге (за 1939 г.), где значится следующее: инв. № 1919 III, кп 12.324, старый инв. № 2358 III.

Печать глиняная квадратная. Глина розовая. Размеры 3х3 см. По ребру печати сквозное отверстие для шнура. На одной стороне изображено скачущее животное с рогами, пораженное в шею стрелой. На оборотной стороне изображение оббито и трудно различимо. Явно выражен заштрихованный треугольник. Печать происходит из большой коллекции археологических предметов, купленных музеем у Б.Н.Кастальского в 1933 г. Эту печать Кастальский сам приобрел у перекупщика в Самарканде.

Таким образом, речь идет о керамической квадратной печати со сквозным отверстием и изображениями на обеих сторонах (рис.1, *а,б*). На одной воспроизведен бык с крыльями, собственно крылатый бык или крылатый человеко-бык. Хорошо сохранилась деталь, которая позволяет дать точное определение. Это то, что инвентаризатор назвал заштрихованным треугольником, а исследовательница – высоким головным убором. На самом деле, на голове мифического существа находится плетеная корзина с кирпичами. Царь с такой корзиной на голове – исконно месопотамский сюжет, известный с глубокой древности на рельефах, отмечающих строительную деятельность правителей. В ахеменидский период подобные изображения уже не встречаются. Хотя детали изображения (как и заметила Г.А.Пугаченкова): высоко поднятый завитком хвост и напоминающее рыбу крыло – характерны для крылатых быков, крылатых козлов и крылатых коней собственно Ирана ахеменидского времени.Гопатшах с корзиной на голове до сих пор был опознан только на территории Средней Азии – на рельефе керамической крышки ритуального сосуда местного производства из храмового комплекса Калалы-гыр 2 в Хорезме. Этот центр действовал в IV–II вв. до н.э. (*Вайнберг Б.И., 1991; она же, 1991а, с.33; она же, 1992, с.54; Vainberg B.I., 1996, с.76, рис.9*) (рис.1, *2*).

Изображение на другой стороне печати сохранилось полностью. Мчащегося козла поражает стрела. Перед грудью козла выведены столбиком шесть коротких дугообразных знаков. Возможно, права Г.А.Пугаченкова, увидевшая в них попытку передать клинопись. Однако, рисунок под ногами считать воспроизведением клинописи невозможно. Это какой-то предмет или персонаж, не понятый древним мастером.

Вероятное объяснение такой детали предоставляет композиция на аналогичном памятнике, соответствующем времени и пространству, – глиняной плитке из раскопок городища Зартепа в Северной Бактрии (*Культура и искусство..., 1991, с.23, №385*) (рис.1, *3*). Размеры плитки 6х7 см. Изображение выпуклое, выполнено оттиском штампа. В публикации плитка названа плакеткой, но этому определенно противоречит сквозное отверстие. Плитка подвешивалась на шнурке. Она могла служить амулетом или печатью.

На плитке воспроизведена месопотамская сцена, также не повторявшаяся в ахеменидское время. В центре композиции важно шествует горный козел, над ним полумесяц и солнце (в виде крестообразной розетки в круге – касситский вариант вавилонской иконографии); под брюхом, между ног козла – заяц. Плитка была обнаружена в слое последнего периода обживания Зартепа и, вероятно, поэтому отнесена к IV–середине V в. Среднеазиатские памятники искусства с иконографией месопотамского типа не переходят за рубеж нашей эры. Нет сомнения, что плитка принадлежит раннему периоду жизни Зартепа, который В.М.Массон датирует II в. до н.э. – I в. н.э. (*Массон В.М., 1985, с. 258, 257*)[1].

Другую среднеазиатскую аналогию к сюжету с козлом мы видим на каменной двусторонней печати, открытой в Кой-

[1] Аналогичная плитка, судя по описанию, была найдена С.К.Кабановым в разведочном раскопе, заложенном в Еркургане (Каршинский оазис, Согд) в 1948 г. Около открытой в раскопе гончарной печи "в завале найдена керамическая плитка со штампованным изображением горного козла и зайца" (*Кабанов С.К., 1977, с.25*). Фотоснимок или рисунок плитки не приводится. Современное местонахождение не известно. В обзорном исследовании Р.Х.Сулейманова не упоминается (*Сулейманов Р.Х., 2000*).

Крылган-Кале, древнем культовом памятнике Хорезма. Печать из мергелистого известняка в виде столбика, трапециевидная в разрезе с овальными плоскими основаниями и сквозным отверстием посередине. С.А.Трудновская описывала ее следующим образом: "На одной стороне печати вырезано очень схематическое изображение рогатого животного, скорее всего, козла в профиль вправо (на оттиске влево), над ним какое-то мало понятное дополнительное изображение. На обратной стороне – сложный знак в виде двустороннего трезубца, по обеим сторонам которого расположены мелкие знаки" (*Трудновская С.А., 1967, с. 219, рис. 81,4*). Интересующая нас сторона печати затерта и частично сколота.

Эта печать обычно рассматривается и воспроизводится по графической зарисовке, выполненной к изданию Кой-Крылган-Калы. Зарисовка стороны с изображением козла оказалась неточной. Скол перед грудью животного превратился в большую прямоугольную голову, не соотносимую с козлиными рогами. Три параллельные вытянуто-каплевидные фигуры позади козла были заштрихованы как часть скола. Ромбовидный предмет, направленный острием в основание шеи, слился с длинным, задранным вверх хвостом, как бы составляя его часть. А кубок вверху композиции превратился в изломанную линию. Рассматриваемая сторона печати из Кой-Крылган-Калы (размеры: 2,3х1,9 см) содержит композицию, в центре которой изображение козла с нехарактерным для этого животного хвостом (рис.1, *4*)[2]. У него такой же длинный задранный вверх хвост как у козла на самаркандской печати. На древних печатях Передней Азии, хранящихся в Британском музее, среди изображений разных пород козлов: обычных, горных, каменных (в т.ч. каменных с крыльями) – имеется гемма касситского периода (XVII–XII вв. до н.э.), где вырезан крылатый каменный козел с длинным задранным вверх хвостом (*Wiseman D.J., 1958, №55*) (рис.2, *1*). Правомерно рассматривать козла на хорезмийской гемме как существо мифическое. В него сверху летит острый предмет, может быть, стрела. За ним, как отмечалось выше, три мелкие параллельные фигуры в виде вытянутых капель. Они аналогичны изображению колосков на верхней части рельефа ритуальной фляги из Калалы-гыр 2 (*Вайнберг Б.И., 2000, рис.2*). Над козлом (в положении возлияния?) кубок на высокой ножке[3]. С.А.Трудновская обратила внимание на то, что у этой печати края отверстия для продевания шнура очень стерты, т.е. она использовалась длительное время. Исследовательница отнесла печать к среднему периоду жизни городища, который начался в I в. до н.э./I в. н.э. (*Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 310*).

Сюжеты с козлом на печатях и плитке, очевидно, восходят к месопотамским прототипам. Следует сказать, что в отличие от древних цивилизаций Средней Азии, где изображения козлов встречаются довольно редко[4], козел – обычный персонаж месопотамского искусства, в том числе печатей-штампов и печатей-гемм. Здесь известно два круга изображений этих животных. На древнейших памятниках с разных территорий Большой Месопотамии, в последовательных этапах исторического развития, приведших к созданию Шумерского государства, козел зачастую представлен как фигура ритуальная, воплощение благого духа или божества, связанного с культом плодородия (*Антонова Е.В.,1998, с. 36–37, 56–63*). В этом же значении он фигурирует на классических месопотамских памятниках от Шумера до Элама. Вплоть до середины II тысячелетия до н.э. в "иконографии козла" не известны изображения козлов, в которых бы стреляли, или козлов, пораженных стрелой.

Только в XVI в. до н.э., с вторжением миттанийцев в Северное Двуречье, появляется новый сюжет. На миттанийских печатях впервые фиксируются сцены, где лучник стреляет в козла. Так, на сложном многоплановом цилиндре из топаза с изображением мифологических сцен (Британский музей), в левой части верхнего регистра представлена композиция, ограниченная с двух сторон одинаковыми звездами-розетками. С самого края бог-лучник направляет лук со взведенной стрелой в козла. Далее козел (уже) упал, подогнув ноги. Затем богиня ведет такого же живого козла, положив руку ему на шею (*Wiseman D.J., 1958, № 51*) (рис.2, *2*). Здесь представлены "цитаты" календарного мифа в чистом виде, начало и конец действия. Козел предстает как герой мифа, воплощение умирающей и возрождающейся природы.

В I тыс. до н.э. этот сюжет входит в репертуар искусства Передней Азии. Например, на известной бронзовой фиале из Луристана с изображением сцен охоты (Чамжи-Мума, погребение 37; вторая половина VII в. до н.э.) бог-лучник, показанный на фоне деревьев, целится в убегающего козла (*Древности страны луров, 1992, с.30*) (рис.3, *1*). Кстати, среди объектов охоты на этой же чаше выгравирован заяц. Дичь и ловчая птица в сценах охоты на фиале те же, что на рельефах "большой охоты" во дворце Саргона II (примерно 710 г. до н.э.) (*Collon D., 1995, p.143*).

Принято считать, что данный сюжет на луристанской фиале (не единственной в своем роде), как и многие другие, появился в Луристане через посредство Ассирии, захватившей в XIII в. до н.э. территорию Миттани и ставшей преемницей месопотамской цивилизации на всем пространстве Большой Месопотамии. Изображение бога-лучника, стреляющего в козла, получает распространение в ассирийской глиптике, памятники которой попадают на сопредельные территории. Печать с таким сюжетом была найдена в Эребуни (Армения) при раскопках храма бога Халди (ныне в Музее истории Армении, Ереван). На поверхности цилиндра из светло-желтого стеатита вырезан стрелок, направивший лук в козла. Печать датируется VIII в. до н.э., временем строительства храма (*Ходжаш С.И., 2000*). Нельзя исключить, что подобная печать могла оказаться в Средней Азии в первые века I тыс. до н.э. (*Кузьмина Е.Е., 1971, с.180–189*). При всем этом вывести среднеазиатские композиции прямо из месопотамского искусства не удается. В частности, изображения на печати восходят к месопотамским прототипам, но они не каноничны. В месопотамских сценах с богом-стрелком и козлом отсутствуют изображения козла, настигнутого стрелой.

Что касается сцены с гопатшахом, то дело не в ахеменидской стилистике, а в самом образе, который собственно

[2] Благодарю зав.Сектором этноархеологии Института этнографии и антропологии РАН Л.М.Левину за предоставленную возможность работать с печатями из Кой-Крылган-Калы. Фотографию печати для публикации выполнил Е.И.Желтов (ГМВ), прорисовку - Е.А.Куркина (ГМВ).
[3] Изображение воспроизводит форму керамических кубков из Кой-Крылган-Калы (*Воробьева М.Г., 1967, с.121-122, рис.45а, табл.IV,35*).
[4] Значительное количество штампов и печатей с изображением козла известно по всей Средней Азии в период раннего средневековья (IV-начало VIII в. н.э.), что связано с влиянием искусства Сасанидского Ирана.

появляется в Ахеменидском Иране. В.Г.Луконин писал по поводу гопатшаха: "Ассирийские "хранители врат" – шеду, воссозданные в гигантских масштабах в "Воротах всех стран" в Персеполе, сохраняют многие детали прототипа, трансформированные скульпторами, но символизируют иранское божество – Гопатшаха" (*Луконин В.Г., 1987, с.86*).

Учитывая последнее, а также хронологический разрыв между самыми поздними месопотамскими прототипами изображений и появлением среднеазиатских памятников с изображениями месопотамского типа, логично было бы предположить, что описанные сюжеты попали в Среднюю Азию через Ахеменидский Иран. Однако, в ахеменидском искусстве нет образа царя/гопатшаха со строительной корзиной на голове; также нет сцен священнодействия с участием козла – героя календарного мифа[5]. Они, как и многие другие, не были включены в репертуар ахеменидского имперского искусства.

Объяснение этому феномену в целом дал в одной из своих последних работ В.Г.Луконин. Анализируя художественные формы, созданные в Ахеменидской империи, он отмечает в качестве лейтмотива древнеиранского искусства использование прокламативных изображений, заимствованных у сокрушенных Ахеменидами царств, для прославления личного величия и мощи. Для чего "из громадного богатства рельефных композиций Ассирии и Элама был выбран ограниченный круг сюжетов – только изображения "чудовищ", демонов, фантастических существ, только изображения процессий воинов и данников, царя, вельмож. В ахеменидских рельефах нет столь характерных для искусства Ассирии сцен охот, боев, взятия городов, пиров, разного рода религиозных действий и пейзажей" (*Луконин В.Г., 1987, с.81–86, особо с.82*).В связи с вышесказанным я прихожу к выводу, что керамическая печать из Самарканда со сценами месопотамского типа входит в группу памятников культового характера среднеазиатской инспирации и среднеазиатского происхождения. Печать была выполнена в Согде, скорее всего, в Самарканде, в IV–I вв. до н.э.

Образы и композиции, запечатленные на самаркандской печати и совокупных с ней памятниках, мы находим в культовых комплексах Хорезма: печатях из Кой-Крылган-Калы (*Трудновская С.А., 1967, с.215–218, № 1,2*) (рис.1, *5*) и Гяура 3 (*Юсупов Х.Ю.,1980, с.77, рис.4*) (рис.3, *3*), в ритуальной керамике из Калалы-гыр 2 (*Vaimberg B.I., 1996, с.79, рис.13,12*) (рис.3, *2*). Это те же сцены, что на самаркандской печати, но вместо козла – олень. Булла с изображением оленя, пораженного в спину стрелой, была найдена еще в Гёбеклы-депе, крепости Парфянской Маргианы[6].

Б.И.Вайнберг в своем исследовании об олене в глиптике Древнего Хорезма (*Вайнберг Б.И., 2000, с.136–141*) показывает, что изображение оленя, пораженного стрелой, – "цитата" из календарного мифа как части основного индоевропейского мифа. В хорезмийском варианте календарного мифа и исполнявшемся хорезмийцами ритуале олень играл роль божества умирающей и возрождающейся природы. Она приводит доказательные аналогии хорезмийским материалам в памятниках сако-скифской и фригийской культуры. Согласно проведенному ею исследованию, во многих мифологических традициях олень был связан с культом плодородия и деревом. В частности, она обращает внимание, что русское "олень" совпадает с русским диалектным названием можжевельника –"еленец". Бог-олень рождается как ветка дерева, которая являлась символом оленя и его жизни. Олень также связан с солнцем; он священное животное бога Солнца у древних индоевропейцев, хеттов, иранцев и др. Жертвоприношение оленя, совершаемое богом Солнца (на практике – царем или жрецом) в обязательном ежегодном ритуале, обеспечивает регулярное обновление природы.

В индоевропейской мифологии существовал также вариант, возможно, изначальный, где божеством умирающей и возрождающейся природы был козел. В свете приведенных выше материалов именно этот вариант принесли в Переднюю Азию миттанийцы, хурритское племя, обитавшее ранее близ озера Урмия. В 1750–1650 гг. они соприкоснулись с индоиранскими племенами, под давлением которых двинулись на запад и вторглись в Месопотамию. До наших дней миф сохранился в устной традиции индоиранских народов Гиндукуша, населяющих Северный Кафиристан (ныне провинция Нуристан, Афганистан), главным образом, у кати и прасун. Не пересказывая книгу К.Йеттмара, сводный труд по религиям Гиндукуша (*Йеттмар К., 1986, с.56,98–104,109–110,122,144–153*)[7], остановлюсь на основных моментах, важных для настоящей темы.

В местном пантеоне, который возглавляет Имра (Мара), среди богов "второго ранга" есть бог Судрем (Сюджум), принимающий облик дикого козла. Судрем связан со священными водами, мировым древом и солнцем. Он – жрец богов (и тем самым покровитель жреческого сословия), а также бог погоды. Судрем был сотворен из ветки можжевельника и мог превращаться в козленка или взрослого козла, причем последний имеет золотую бороду, а его золотые рога достигают неба. Священное озеро Судрем-Сур носит его имя. Золотой диск (Солнце) уходит от Имры и входит в Судрем-Сур. В центре озера однажды выросло огромное дерево. Последнее описывают иногда как золотое дерево с семью золотыми ветвями. Диск (Солнце) опустился на самый большой сук. Из дерева вышла богиня Дисни (Дизани). Судрем занимает особое положение в пантеоне кафиров, будучи отцом Дисни, единственной великой богини. Кафиры представляют биологическую общность "люди" как огромное дерево и как существо женского рода. Дисни олицетворяет женское начало во всем его объеме. Она – мать богов и в то же время создание Имры, родившееся из дерева на озере Судрем. Она соратница великих богов и принадлежит к "ведущей группе" пантеона. Одновременно Дисни – дочь Судрема. Дисни связана с земледелием и скотоводством. Как дочь Судрема она богиня-жрица. Может выступать в облике дикой козы, зерна пшеницы наполняют следы ее ног. Храм Дисни играет главную роль в обрядах празднования начала календарного года – празднике зимнего солнцестояния. Жертвоприношения на этом празднике совершаются хлебом, топленым маслом и веточками можжевельника. Козлов приносят в жертву на празднике весеннего

[5] В ахеменидской глиптике официального характера дикий козел фигурирует среди чудищ, которых одолевает царь-герой. На цилиндрах и скарабеоидах частных лиц – это обычные сцены охоты (перс-лучник и пара прыгающих козлов), на многогранниках – козлы в "наборе дичи".
[6] Об этой булле авторы раскопок Ганибов В.А. и Кошеленко Г.А. сообщили в совместном докладе "Буллы Гёбеклы-депе (Туркменистан)", сделанном на конференции "Древние геммы и камни Востока" (ГМВ, 1999). Благодарю авторов за разрешение использовать неопубликованный материал.
[7] Благодарю Б.И.Вайнберг, указавшую мне на книгу К.Йеттмара в связи с настоящими штудиями.

солнцестояния и в первый день самого важного календарного праздника – "disanedu", который заканчивался оргией. Сведений о жертвоприношении Судрема нет, но в основных праздниках жертвоприношения совершаются козлами - или можжевеловыми веточками – воплощениями этого бога. В религиозных представлениях кафиров божество в облике козла участвует в основном и календарном мифах[8].

Возвращаясь к среднеазиатским печатям с изображением бога-козла, следует сказать, что их круг не ограничивается приведенными выше, содержащими сюжеты месопотамского типа. Есть печати с сюжетами, встреченными ранее только в Хорезме. Так, изображению оленя на ветке: рис.3, *4* – ритуальная фляга из Калалы-гыр 2 (*Вайнберг Б.И., 2000, рис.3*) и рис.3, *5* – амулет из находок античного времени на такырах Беркут-калы (*Толстов С.П., 1948, рис. 73*, шестой ряд сверху, второй предмет слева) – соответствует изображение козла на ветке, оттиснутое на донышке подвесной конусовидной керамической печати с городища Бараттепа в Северной Бактрии – рис.3, *6* (*ДЮУ, 1991, с.256,260, №45*). Эта случайная находка на городище получила разные описания и датировки. На с.256 указанного издания она описана как "терракотовая печать с изображением бегущего джейрана", на с.260: "В круге из соединяющихся треугольников – бегущая вправо газель, под ней простерта пальмовая ветвь". В первом случае она отнесена к кушанскому времени, во втором датирована IV–V вв.

Высота печати – 3см, дм – 3см. Козел, повернув назад голову, встает с большого листа, который отходит от длинной тонкой ветки – елочки (или который подстилает длинная тонкая ветка-елочка)[9]. За спиной козла проходит еще одна ветка-елочка (или ответвление первой). Это сюжет рождения животного на дереве, то есть превращения ветки в оленя (на хорезмийских памятниках: *Вайнберг Б.И., 2000, с.138*) или в козла (на бактрийском). Любопытно отметить, что рамка из непрерывных треугольников, ограничивающая круглое поле печати из Бараттепа, соответствует обрамлению сцены на одной из ритуальных фляг Калалы-гыр 2 (*Vainberg B.I., 1996, Fig.10*). Прием обрамления на этой печати – с разрывом рамки из-за не вмещающегося в ее пределы изображения – совпадает с приемом обрамления керамической печати из Самарканда и керамической плитки из Зартепа.Этот сюжет представлен на каменной подвесной печати из погребения первых веков н.э., открытого вблизи Душанбе, Северо-Восточная Бактрия (*Литвинский Б.А., 1958, с. 13–45, особо с. 38–41, рис 3,5*).

Как мы видим, на печатях из Средней Азии божество умирающей и пробуждающейся природы в образе козла предстает в основных моментах календарного мифа[10]. Он рождается как ветка дерева, важно шествует по миру и погибает от стрелы бога-солнца, чтобы возродиться вновь[11]. Таких памятников мало сравнительно с изображениями божества-оленя в том же мифе. Ситуация закономерная, поскольку именно олень был традиционным героем мифов древнего населения Средней Азии. Он оттеснил божество в образе козла, хотя и не вытеснил его полностью. Показательно, что в одном культовом комплексе, в Кой-Крылган-Кале, на печатях присутствуют оба героя.

Изображение на одной из сторон самаркандской печати содержит "цитату" из календарного мифа, где козла, бога умирающей и возрождающейся природы, настигает стрела. Жертвоприношение бога в облике копытного животного, судя по хорезмийским параллелям, было главным актом, означающим расставание со старым миром. С него начинается ритуал, призванный обеспечить стабильность мироздания. Тогда изображенный на другой стороне печати гопатшах со строительной корзинкой на голове (имеющий прямые аналогии в ритуальных сосудах храмового комплекса Калалы-гыр 2) – действующее лицо того же ритуала. В Персеполе, построенном специально для торжественного празднования Новруза – главного ритуального праздника империи, гигантские гопатшахи охраняли Ворота всех стран. В Средней Азии гопатшах стал богом – строителем и обновителем мира.

Керамическая печать из Самарканда, которой посвящена наша статья, содержит образы и композиции, созданные на основе месопотамских и ирано-ахеменидских прототипов, но измененных и преобразованных в соответствии с местными религиозными представлениями IV–I вв. до н.э. Печать "цитирует" основные моменты календарного мифа: гибель старого и рождение нового мира.

На основании аналогий из древних храмовых комплексов Хорезма и Согда (*Семенов Г.Л., 1995, с.171–178, рис.2*) следует считать, что печать была изготовлена для ритуалов праздника Новруз.

[8] У дардов, живущих в горных долинах по обе стороны афгано-пакистанской границы границы, козел - священное животное (*Йеттмар К., 1986, с.160-163*). Козлы, особенно горные козлы, почитаются как носители сакральной силы и у родственного дардам населения Памира (*Литвинский Б.А., 2000, с.277-293*).

[9] Место сопряжения листа и ветки сбито.

[10] По публикациям памятников из Согда и Бактрии известны керамические и каменные печати от рубежа н.э. до IV-V вв. с "групповыми" изображениями диких козлов, коз и людей в сюжетах, которые могут быть истолкованы как "цитаты" основного индоевропейского мифа.

[11] В Юго-Западной Фергане, в верховьях реки Ходжа-Бакырган (Ляйляк), в естественном каменном урочище на больших валунах выгравированы изображения горных козлов и баранов, на одном из валунов – человек с луком. Исследователи датируют петроглифы временем от середины I тыс. до н.э. (*Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г., 1999, с.103*). Судя по параллелям из каменных урочищ Сахары и других мест, здесь могло быть святилище, где отмечался календарный праздник. В данном случае Новруз.

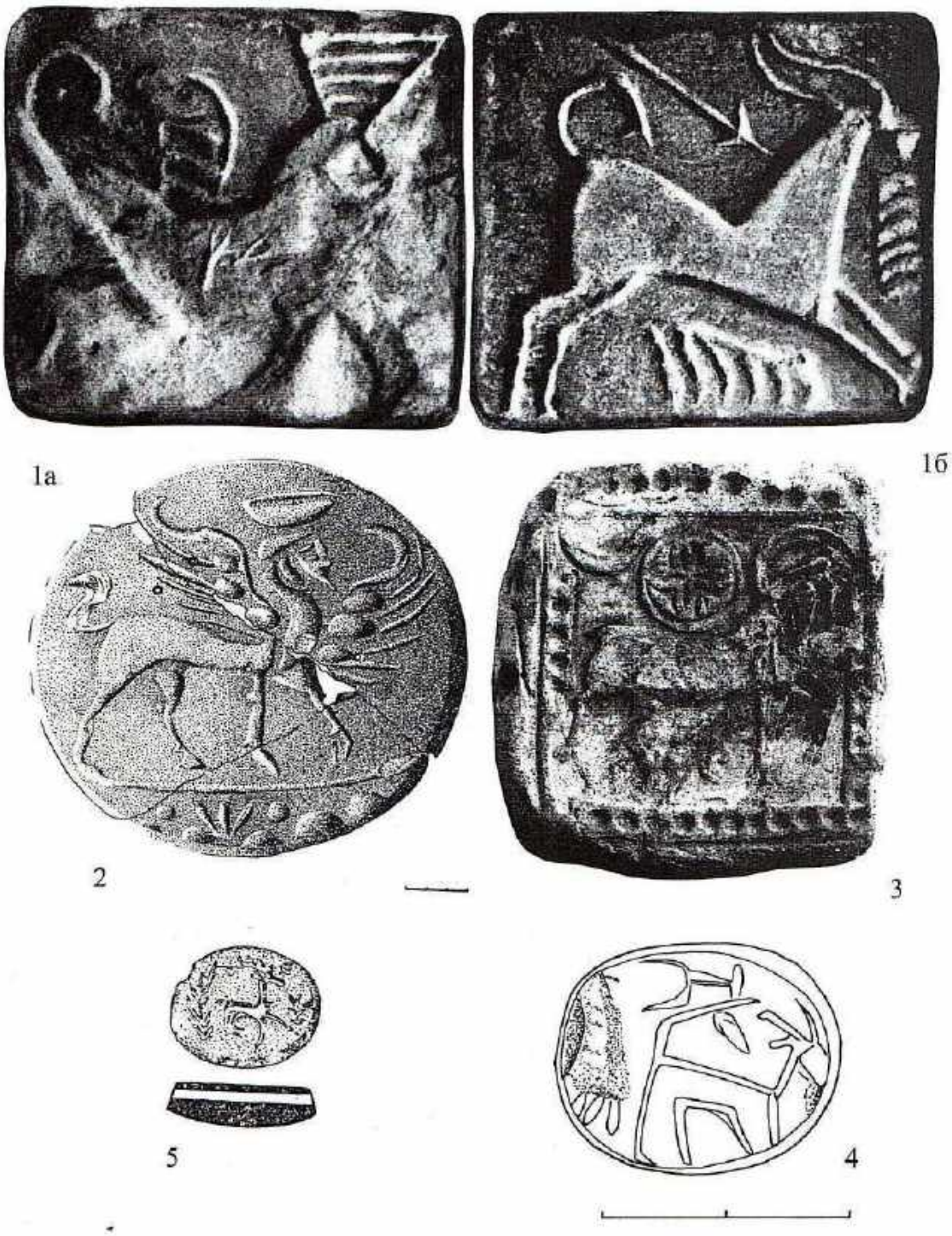

Рис.1

1а, 1б – печать из Самарканда; *2* – рельефное изображение Гопатшаха на крышке ритуального сосуда из Калалы-гыр 2; *3* -плитка из Зартепа с изображением козла; *4* — печать из Кой-Крылган-калы с изображением козла, поражаемого стрелой; *5*- печать-скарабей из Кой- Крылган-Калы с изображением оленя.

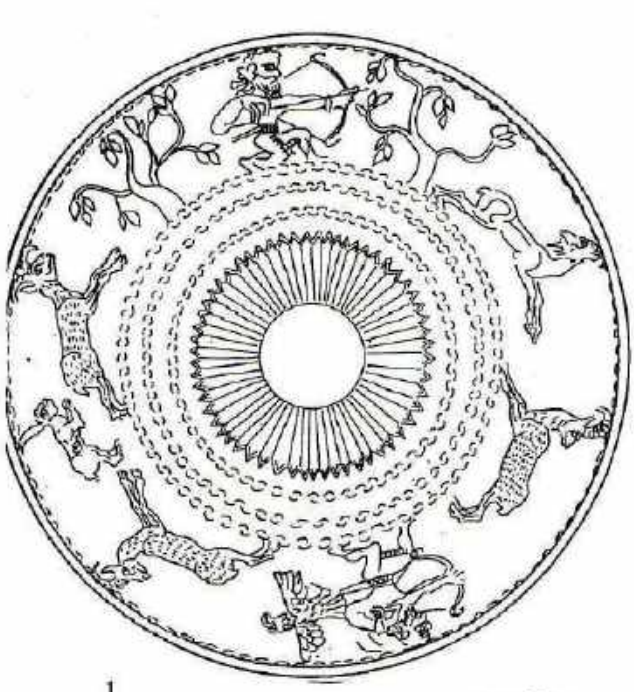
1

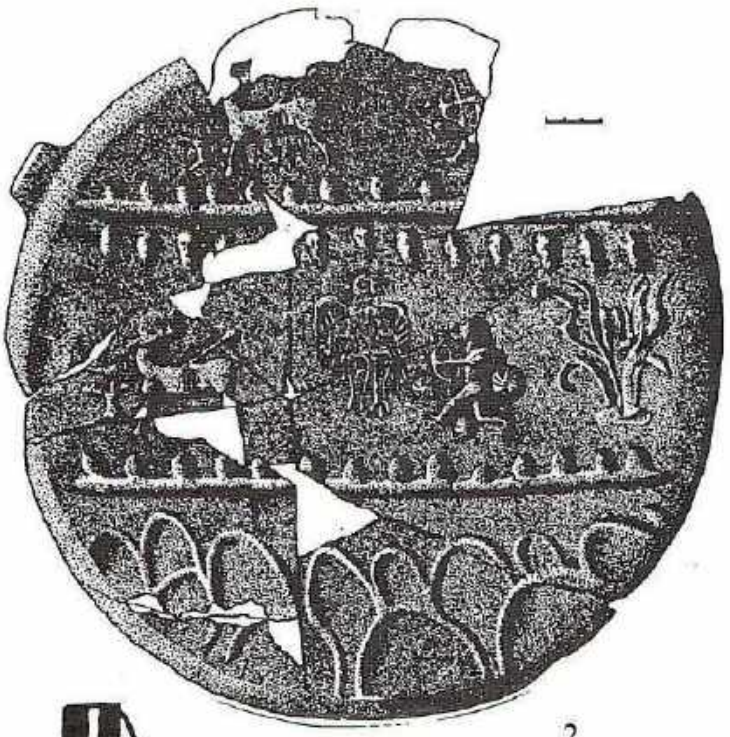
2

Рис.2

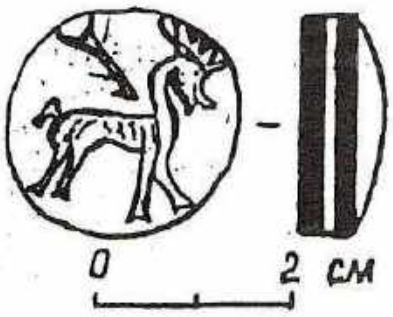
1– печать с изображением крылатого козла с длинным хвостом;
2 –многоплановая печать с ритуальными сценами.

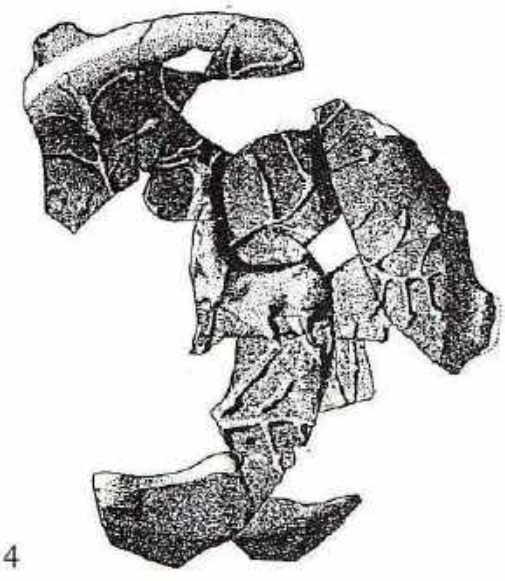
1

2

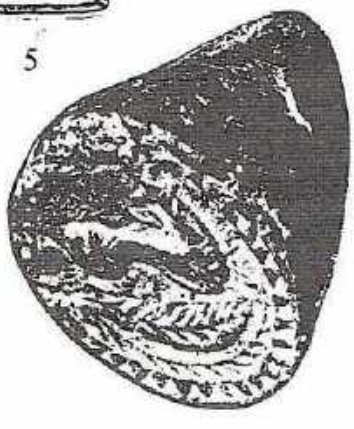
3

4

5

6

Рис.3

1-луристанская фиала с изображением сцен ритуальной охоты.
2- рельеф на ритуальной фляге из Калалы-гыр 2 с изображением бога-лучника и оленя, пораженного стрелой; *3* - печать-скарабей из Гяур 3 с изображенем оленя, пораженного стрелой; *4* - рельеф на ритуальной фляге из Калалы-гыр2 с изображением рождения оленя на дереве; *5*- амулет из Беркут-калы с изображением рождения оленя из ветки; *6* - печать из Бараттепа с изображением рождения козла на дереве.

С.Б.БОЛЕЛОВ
(Государственный музей Востока,
г.Москва, Российская Федерация)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТИПОВ И ОРНАМЕНТОВ В КЕРАМИКЕ (по материалам Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме)

Археологические раскопки на культовом центре Калалы-гыр 2 проводились в течение нескольких сезонов с 1981 по 1991 гг.[1] Памятник погиб от пожара, вследствие чего здесь получена многочисленная и разнообразная археологическая коллекция, которая в настоящее время хранится в Государственном музее Востока. Основную часть ее составляют керамические сосуды. Памятник датируется в пределах IV-II вв. до н.э.

Предлагаемая статья посвящена горшкам - одной из форм, представленной в керамическом комплексе Калалы-гыр 2. Серия сравнительно многочисленная – 174 сосуда, из них шестьдесят один целый или археологически целый.

Все горшки, которые являются предметом исследования, сформованы на гончарном круге. В результате анализа технологии изготовления сосудов можно выявить два основных способа их формовки.

В первом случае нижняя часть сосуда конструировалась следующим образом: на верхний диск гончарного круга, на песчаную подсыпку, укладывалась глиняная "лепешка" определенного диаметра (днище будущего сосуда), и на этой основе (начине - по терминологии А.А. Бобринского)[2] методом последовательного наращивания глиняных полос конструировалось полое тело сосуда. Горшки, изготовленные таким способом, имеют плоское дно.

Во втором случае изготовление сосуда также начиналось с нижней части (донно-емкостная программа), но при этом использовался слегка вогнутый керамический подкладной диск. В нем методом выдавливания формировались днище и нижняя часть стенок. На этой основе методом наращивания глиняных полос конструировалось полое тело. В результате формовки на диске горшки имеют слегка округлое, выпуклое дно.

Кроме того, выделятся небольшая группа сосудов, способ формовки которых несколько отличается от предыдущих. У них нижняя часть сформована методом жгутового налепа по донно-емкостной программе.

При проведении исследований учитывались восемь параметров и соотношения между ними, которые наиболее полно выражают форму сосуда. Для выявления типов горшков был использован способ, уже эффективно применявшийся для создания типологии целых форм, в частности, при проведении классификации глиняной посуды южно-сибирской культуры чаатас (*Кызласов Л.Р., Мартынов С.В. , 1986, с.183-193*).

У каждого сосуда все восемь параметров находятся в определенной пропорциональной зависимости (рис.1, *1*). Для выявления типов учитывались пропорции H3/H и D2/D3. В результате было выявлено три основных типа горшков, которые различаются по соотношению основных пропорциональных показателей. Эти показатели характеризуют форму тулова сосуда: яйцевидное, шаровидное, сферическое, приземистое и т.д.[3] Наиболее характерным типообразующим признаком является место расположения максимального диаметра, а также различие диаметров горловины и тулова сосуда. На следующем этапе исследования выделялись варианты типа. Основным критерием в этом случае явились соотношения H/D3; D4/D2. Указанные пропорции характеризуют форму сосуда несколько с другой стороны. Выделяются широкогорлые и узкогорлые горшки, так же, как и широкодонные, и узкодонные. Необходимо заметить, что если понятие тип включает в себя формализованное описание формы сосуда в целом (типообразующие признаки I порядка), то понятие вариант включает в себя характеристики отдельных составных частей формы - дно, горловина и т.д. (типообразующие признаки II порядка). В данном случае категория тип является приоритетной и включает в себя несколько вариантов (см. табл. 1).

Тип 1 (Г-1.0). Все сосуды этого типа изготовлены по донно-емкостной программе с использованием выпукло-вогнутой подставки (2-й способ). У большинства горшков округлое дно. Это невысокие сосуды со сферическим, приземистым туловом. Все они имеют покатые или умеренно покатые плечики и широкую или умеренно широкую горловину. Среди сосудов типа Г-1.0 явно преобладают горшки первого варианта – Г-1.1, который характеризуется сравнительно широким дном, устьем и небольшой высотой сосуда при максимальной величине диметра тулова в верхней четверти профиля сосуда. Несколькими экземплярами представлен 3-й вариант – Г-1.3, который характеризуется сравнительно большой высотой сосуда при широкой горловине, широком дне и сильно покатых плечиках (рис.1).

Тип 2 (Г-2.0). Горшки этого типа сформованы методом наращивания по донной программе (способ 1). У большинства из них плоское дно. Это пропорциональные сосуды с шаровидным туловом. В большинстве случаев диаметр днища равен или почти равен диаметру горловины. Горшки имеют широкую или умеренно широкую горловину, умеренно покатые плечики и широкое или умеренно широкое дно. Среди сосудов этого типа преобладают горшки второго варианта – Г-2.2, характерной чертой которых являются равные диаметры горловины и днища, а также сравнительно невысокая шейка (рис.1). В меньшем числе представлены горшки шестого варианта – Г-2.6. Их отличают значительно более узкое дно и сравнительно высокая шейка (рис.1). Кроме того, сосуды типа Г-2.6 разнятся с остальными горшками 2-го типа по способу изготовления. Нижняя часть сосуда формовалась по донно-емкостной программе методом жгутового налепа – 3-й способ.

[1] Начальниками отрядов в разные годы были Б.И.Вайнберг и С.М.Коляков. Исследования осуществлялись под общим руководством Б.И.Вайнберг.
[2] В статье использована терминология, предложенная А.А.Бобринским (*Бобринский А.А., 1978*).
[3] В дальнейшем: Г – горшок, арабская цифра - порядковый номер типа; 0 – общее описание типа. Вторая арабская цифра - номер варианта.

Следует заметить, что среди сосудов типа Г-2.0 отсутствуют горшки 1-го и 5-го вариантов. Лишь в небольшом количестве представлены сосуды 4-го варианта – Г- 2.4.

Тип 3 (Г-3.0). Большинство сосудов этого типа имеют плоское дно. Они так же, как и горшки типа Г-2.0, сформованы по донной программе (способ 1). Вместе с тем встречаются сосуды и с округлым дном, что является признаком формовки по донно-емкостной программе (способ 2).

Горшки типа Г-3.0 – это сравнительно крупные, высокие сосуды с яйцевидным или шаровидным туловом. Диаметр днища всегда превышает диаметр горловины. У всех сосудов относительно высокая шейка и крутые плечики. Безусловно, преобладают горшки 4-го и 5-го вариантов – соответственно Г-3.4 и Г–3.5, которые имеют максимальный диаметр днища среди сосудов типа Г–3.0 при сравнительно узкой горловине. К этому же типу принадлежит горшок шестого варианта Г-3.6, который имеет яйцевидное тулово и крутые плечики (рис.1). Среди горшков третьего типа в небольшом количестве представлены также сосуды 2-го и 3-го вариантов (Г-3.2 и Г-3.3) (рис.1), но вместе с тем отсутствуют сосуды 1-го варианта.

Характерной особенностью керамики Хорезма IV-II вв. до н.э. является большое количество орнаментированных сосудов. Не был исключением и керамический комплекс Калалы-гыр 2. Даже не прибегая к методам формализованного анализа, с уверенностью можно сказать, что орнаментировались лишь определенные формы сосудов (*Воробьева М.Г., 1959; она же, 1967, с.102-116*). Одной из таких форм являются горшки. Из 174 сосудов, являющихся предметом данного исследования, 126 орнаментированы, что составляет 72,4% от общего количества. Орнамент наносился красной краской на светлый ангоб или просто на неангобированную поверхность сосуда до обжига.

Таблица 1. Количественное соотношение вариантов по типам

Тип \ Вариант	1	2	3	4	5	6
Г –1.0	+ + + + + + + +		+			
Г – 2.0		+ + + + + + + + +	+ + + + +	+ +		+ + + + +
Г- 3.0		+		+ + + +	+ + + +	+

Орнаментальная композиция на хорезмийских сосудах этого времени на первый взгляд довольно проста – один или несколько орнаментальных поясов, покрывающих верхние две трети профиля сосуда. Орнаментальный пояс состоит из одного ритмически повторяющегося элемента орнамента. При этом в одном орнаментальном поясе всегда присутствует только один элемент орнамента, разные элементы никогда не сочетаются в одном регистре. В том случае, когда сосуд украшался несколькими последовательно расположенными по вертикали орнаментальными поясами, элементы орнамента в них могли быть разными. Обращает на себя внимание тот факт, что разделение поверхности сосуда на орнаментальные пояса или зоны предусматривалось в процессе изготовления сосуда еще до того, как мастер расписывал сосуд. Во время формовки орнаментальные зоны выделялись желобками или валиками. Затем, после просушки, эти зоны заполнялись определенными видами орнамента.

Орнамент не мыслился в отрыве от формы вещи, на которую он наносился. Только тогда, когда вещь осознается как архитектоника, на ней может появиться орнамент. Можно сказать, что орнамент подчинен форме вещи. С этим связано ритмическое повторение одних и тех же его элементов (*Антонова Е.В., 1981, с.7*). В археологической литературе широко распространено мнение о том, что глиняный сосуд, в представлениях древних народов Среднего и Ближнего Востока, является глиняной "моделью" Вселенной (подробно об этом см.: *Кузьмина Е.Е., 1986, с.175-178; Литвинский Б.А., 1991, с.70-72; Лаевская Э.Л., 1997, с.46-49*). Возможно, с этими универсальными представлениями связано сознательное разделение поверхности сосуда на зоны, которые заполнялись соответствующими орнаментальными мотивами. В полной мере это проявляется на горшках Калалы-гыр 2, на которых отмечены усложненные орнаментальные композиции. На хорезмийских горшках выделяются четыре основных, четко фиксируемых орнаментальных зоны: I – венчик и шейка, II – плечики, III – тулово, IV – придонная часть[4].

По наличию одного или нескольких элементов орнамент на хорезмийских сосудах можно разделить на два вида: простой - в одном или нескольких орнаментальных поясах присутствует один элемент орнамента;

[4] Подобная методика использовалась в процессе анализа керамического декора посуды Афанасьевской культуры. Учитывая специфику материала, исследователи выделяли на афанасьевских сосудах шесть зон; венчик и шейка рассматривались как отдельные зоны, кроме того, как отдельная зона выделялось дно (*Деопик Д.В., Митяев П.Е., 1981, с.123*).

усложненный - в нескольких орнаментальных поясах представлены различные элементы орнамента.

Среди 126 орнаментированных горшков 81 сосуд (64,3%) украшен простым орнаментом, 45 (35,7%) – усложненным. Надо сказать, что таковы пропорции для выборки в целом. Для отдельных типов характерно несколько другое соотношение: Г-1.0 – 83% - простая орнаментация, 17% - сложная; Г-2.0 – 73% - простая орнаментация, 27% - сложная; Г-3.0 – 50% - простая орнаментация, 50% - сложная.

В процессе обработки коллекции керамики Калалы-гыр 2 было высказано предположение, что для каждого типа сосуда характерна определенная орнаментальная композиция. Кроме того, можно предполагать более или менее устойчивые сочетания орнаментальных элементов в этих композициях.

В ходе исследования керамического декора были выявлены одиннадцать элементов орнамента, которые составляют основу орнаментации керамических сосудов Калалы-гыр 2 (см. табл.2-5). Все эти элементы присутствуют как в простых, так и в сложных орнаментах в различных сочетаниях. Среди них выделяются элементы близкие по форме и содержанию, которые объединяются в группы: 1-я группа – "капли" (1), "потеки" (2) и "вертикальные полосы" (3); 2-я группа – "нависающие закрашенные треугольники" (6), "стоящие закрашенные треугольники" (7) и "зигзаг" (8); 3-я группа – "спираль" (9) и "завиток" (10). Надо полагать, по своему смысловому значению близки между собой "горизонтальная полоса" (4) и "закрашенные прямоугольники" (5). Несколько особняком стоит "дерево" (11).

На горшках первого типа (Г-1.0) встречаются следующие орнаментальные элементы - " вертикальные полосы", "потеки" и "капли" - орнаменты 1-й группы. Как уже отмечалось, преобладает простой орнамент - 50% сосудов украшено "вертикальными полосами", покрывающими верхнюю половину сосуда, на 25% сосудов отмечены "потеки" и 8,3% горшков украшено "каплями" (табл.4). Никаких других элементов орнамента на горшках типа Г-1.0 не отмечено.

На сосудах с усложненной орнаментацией в равной степени представлены все перечисленные выше элементы. Несколько преобладают "вертикальные полосы". Кроме того, появляется "горизонтальная полоса" в сочетании с "потеками". "Потеки" и "вертикальные полосы" помещались на верхней части тулова сосуда - II и III зоны. "Капли" отмечены только на венчике и шейке - I зона (табл.2).

На горшках второго типа (Г-2.0) присутствуют 7 из 11 орнаментальных элементов, зафиксированных на керамике Калалы-гыр 2. Среди простых орнаментов преобладают "потеки" - 37%. Ими украшалась верхняя часть сосуда - один или несколько орнаментальных поясов во II-III зоне. Значительно меньше, по сравнению с сосудами типа Г-1.0, количество горшков, украшенных "вертикальными полосами". В то же время здесь есть сосуды, орнаментированные "спиралями" - 13,1%, которые наносились широким мазком на тулово сосуда – II-III зоны. В небольшом количестве отмечены горшки, украшенные "нависающими закрашенными треугольниками" - 3,2% и "завитками" - 1,6% (табл.4).

В сложных орнаментальных композициях также преобладают "потеки" – 31%, чаще всего они помещались на плечиках – II зона. Значительный процент приходится на такой орнаментальный элемент, как "капли" – 13,2%, ими украшался только венчик сосуда – 1 зона. Сравнительно высок процент "спиралей" и "завитков" – 13,2%. Эти декоративные элементы помещались на плечиках и тулове сосуда – II-III зоны. В таком же количестве представлены декоративные элементы 2-й группы. Среди них преобладают "нависающие закрашенные треугольники". Орнаментальные пояса с декоративными элементами этой группы в большинстве случаев помещались на плечиках – II зона. Кроме того, в орнаментальных композициях на сосудах типа Г-2.0 присутствуют "горизонтальные полосы" и "закрашенные прямоугольники" - соответственно 8,8% и 6,6%. Чаще всего они помещались на шейке сосуда - I зона. Обращает на себя внимание тот факт, что эти два орнаментальных мотива отмечены только в сложных орнаментальных композициях. Можно предполагать, что они являлись декоративными вспомогательными элементами. На горшках 2-го типа встречаются также "деревья" (табл.4).

На горшках 3 типа (Г-3.0) простая орнаментация представлена шестью элементами орнамента. У них так же, как и у двух предыдущих типов сосудов, явно преобладают "потеки"- 31,5%. В то же время значительно меньше сосудов, украшенных "вертикальными полосами" – 2,6%. По сравнению с двумя предыдущими типами большее количество сосудов, орнаментированных "закрашенными треугольниками" – 7,8%. Примечательно полное отсутствие в простых орнаментальных композициях на горшках 3-го типа "спиралей" и, в то же время, наличие на некоторых сосудах "завитков" 5,2,% (табл.4).

Среди элементов декора, использовавшихся в сложных орнаментальных композициях, ведущее место занимают орнаментальные элементы 1-й и 2-й групп - 48,1% и 38,7% соответственно. Так же, как и у горшков 2-го типа, "каплями" украшался только венчик – I зона. Орнаментальные пояса с "потеками" в большинстве случаев располагались во второй и третьей зонах - на плечиках и тулове. Иногда их наносили на венчик сосуда. Орнаментальные пояса, состоящие из декоративных элементов 2-й группы, занимали исключительно II и III зоны. Среди них явно преобладают "нависающие закрашенные треугольники" - 22,1%. Кроме того, на сосудах типа Г-3.0 встречаются орнаментальные элементы 3-й группы – 13,2%. "Спирали" и "завитки" располагались в IV и III зонах соответственно (табл.2).

В результате анализа орнаментации сосудов Калалы - гыр 2 можно, как нам представляется, определить правила размещения различных орнаментальных мотивов или поясов на тулове сосуда по зонам.

"Капли" в подавляющем большинстве случаев отмечены в верхней части - венчик или шейка (I зона). Лишь в отдельных случаях этот орнаментальный мотив помещался на плечиках (II зона). Кроме того, на верхнюю часть сосуда наносились "потеки" (11,1%), "горизонтальная полоса" (11,1%) и "закрашенные прямоугольники" (13,3%). Других элементов декора в I зоне не встречено (табл. 3).

На плечиках сосудов зафиксированы почти все элементы декора, за исключением "горизонтальных полос" и "закрашенных прямоугольников". Сравнительно широко распространены орнаментальные мотивы 1-й группы, среди которых, безусловно, преобладают "потеки" - 37,7 %. Несколько в меньшем количестве представлены элементы декора

2-й группы. Наиболее часто встречаются "нависающие закрашенные треугольники" - 20%. Единичные экземпляры сосудов, в пределах второй зоны, орнаментированы мотивами второй группы, а также "деревьями" - 6,6% и 4,4% соответственно (табл.3).

На тулове горшков (III зона) отмечены все декоративные элементы за исключением "капель". Почти в равной степени представлены орнаментальные мотивы всех трех групп: 1-я- 24,3%; 2-я – 19,8%; 3-я – 17,7%. По сравнению со всеми остальными зонами значительно возрастает доля декоративных элементов 3-й группы (табл.3).

В IV зоне (придонная часть сосуда) в единичных случаях помещаются "капли" и "потеки", немного чаще встречаются "спирали" - 4,4% (табл.3).

Следует отметить, что аналогичная схема расположения орнаментальных поясов на тулове горшков, крупных горшковидных сосудов и хумов известна и на других памятниках Хорезма, синхронных Калалы-гыр 2 (*Воробьева М.Г., 1959, с.217; она же, 1967, с.314-315, табл.I, II; Мамбетуллаев М., 1984; он же, 1990*). Такое расположение орнаментальных поясов кажется не случайным, если рассматривать керамический сосуд как модель макрокосма, о чем говорилось выше. Надо полагать, во второй половине I тыс. до н.э. в Хорезме сложилась традиционная, довольно устойчивая система символов, отражающая мировоззрение древних хорезмийцев[5]. В определенной степени эта система символов проявилась в орнаментации керамических сосудов. В данной статье не ставится задача определить семантическое значение элементов декора. Для решения этих вопросов необходимо использовать весь комплекс керамики памятника в сравнении его с другими синхронными комплексами. Как нам кажется, предложенная методика, при определенной ее коррекции в зависимости от формы сосуда, может быть использована для этих целей.

Обращаясь к сосудам с простой орнаментацией (см. табл.4), тоже можно говорить о закономерности в декоративном оформлении сосудов. Так, для сосудов типа Г-1.0 характерны орнаменты только 1-й группы.

На сосудах типа Г-2.0 также встречаются орнаментальные мотивы 1-й группы, но значительно смещаются акценты – здесь, безусловно, преобладают "потеки" и очень мало "вертикальных полос". Обращает на себя внимание наличие на горшках этого типа "спиралей", не отмеченных на других сосудах с простой орнаментацией.

На сосудах типа Г-3.0 также преобладают орнаменты 1-й группы, но только "потеки". Остальные декоративные элементы отмечены в единичных случаях (табл.1).

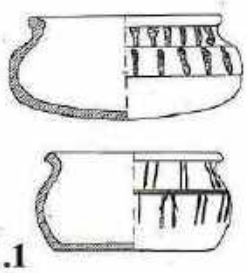
Примечательно, что "потеки" встречаются только на горшках. В орнаментальных композициях на других формах сосудов комплекса Калалы-гыр 2 (кувшины, фляги, хумы и хумчи) этот элемент декора не отмечен.

Таким образом, на основании приведенных выше данных можно предполагать, что определенному типу сосуда соответствует определенный тип орнамента. Вполне вероятно, что выбор того или иного элемента декора зависел от функционального назначения сосуда. По нашим наблюдениям, выбор этот происходил сознательно, в процессе формовки. Об этом говорит, прежде всего, разделение сосудов на зоны в случае, когда горшок украшала усложненная орнаментальная композиция, и отсутствие таких разделителей, когда на горшке был простой орнамент, состоящий из одного декоративного элемента. Другими словами, керамист заранее предполагал, как будет расписан сосуд, в зависимости от его формы. Все это свидетельствует, как нам кажется, о достаточно высоком уровне стандартизации керамического производства Хорезма в древности (*Болелов С.Б., 1999, с.20-21*).

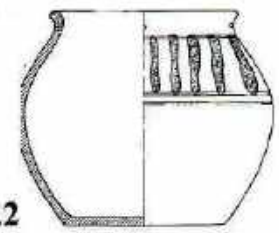
Подводя итоги этого небольшого исследования, хотелось бы еще раз обратить внимание на тот факт, что в керамическом производстве Хорезма IV-II вв. до н.э. существовали определенные стереотипы декоративного оформления сосудов монохромной росписью. Надо полагать, эти орнаментальные композиции несли не только эстетическую нагрузку, но и, в какой-то степени, отражали мировоззрение древних хорезмийцев. Примечательно, что примитивная роспись на сосудах появилась на хорезмийской посуде уже в предыдущий период (позднеархаический: *Воробьева М.Г., 1973, с.124-125*), но только в IV-II вв. до н.э. орнаменты на керамике приобретают вполне законченный вид и осмысленность.

[5] В связи с этим следует обратить внимание на сравнительно устойчивое сочетание элементов орнамента в различных композициях (см. табл.5).

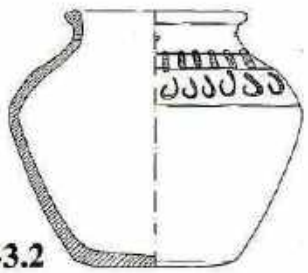
Г-1.0 **Г-2.0** **Г-3.0**

Г-1.1

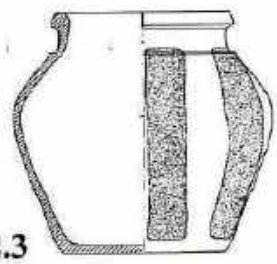
Г-2.2

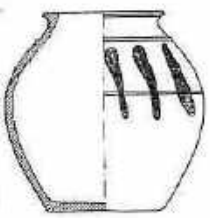
Г-3.2

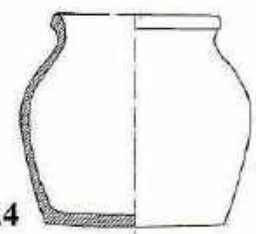
Г-1.3

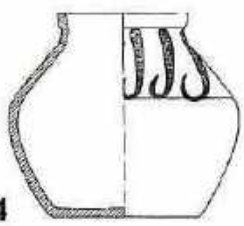
Г-2.3

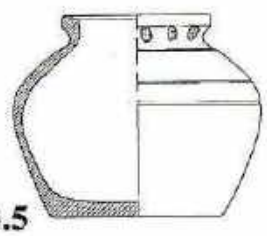
Г-3.3

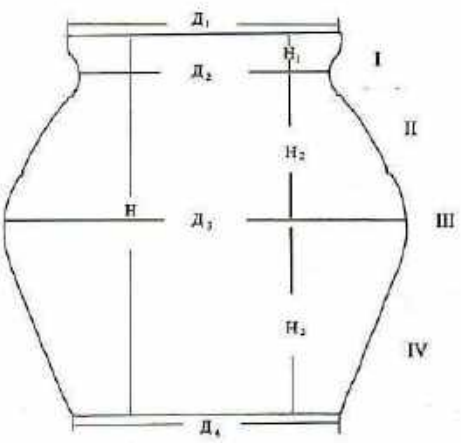
Г-2.4

Г-3.4

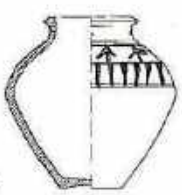

Г-3.5

Г-2.6

Г-3.6

рис. 1

Таблица 2. Сотношение типа сосуда с усложненным орнаментом

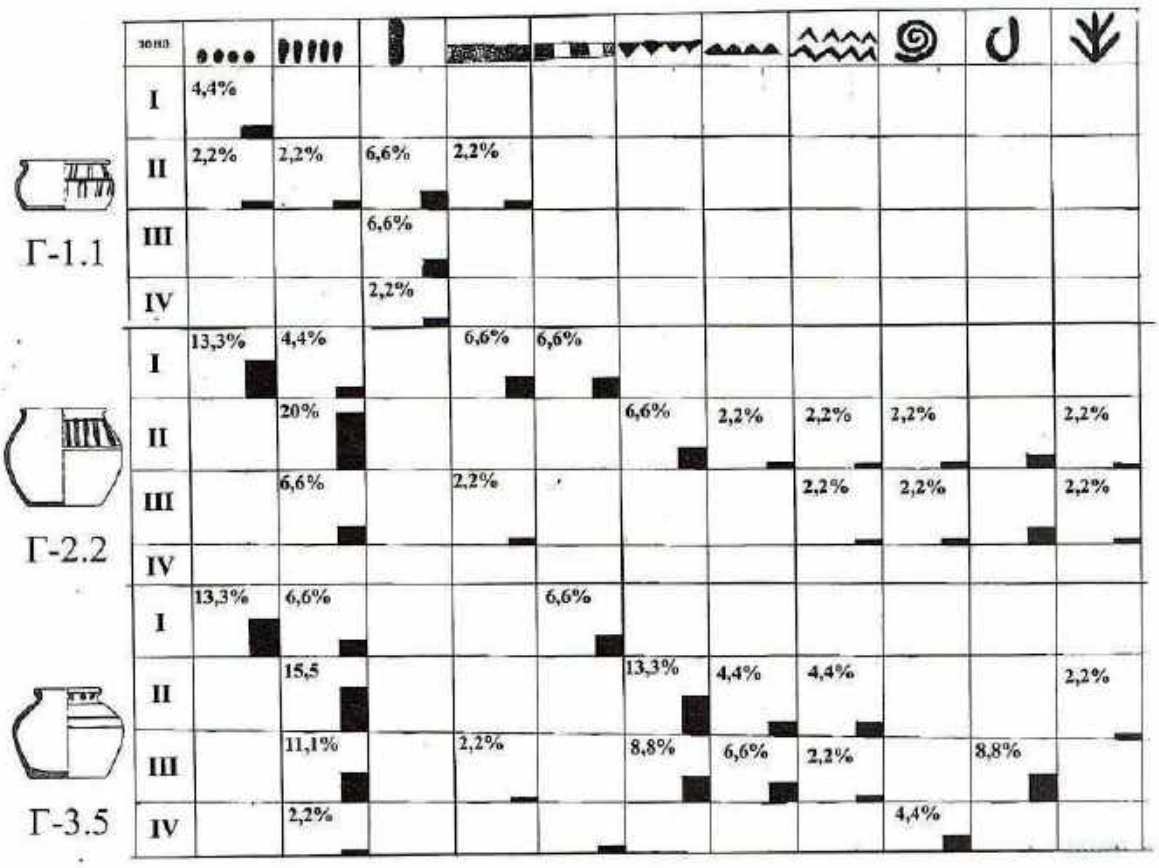

Таблица 3. Распределение орнамента по зонам

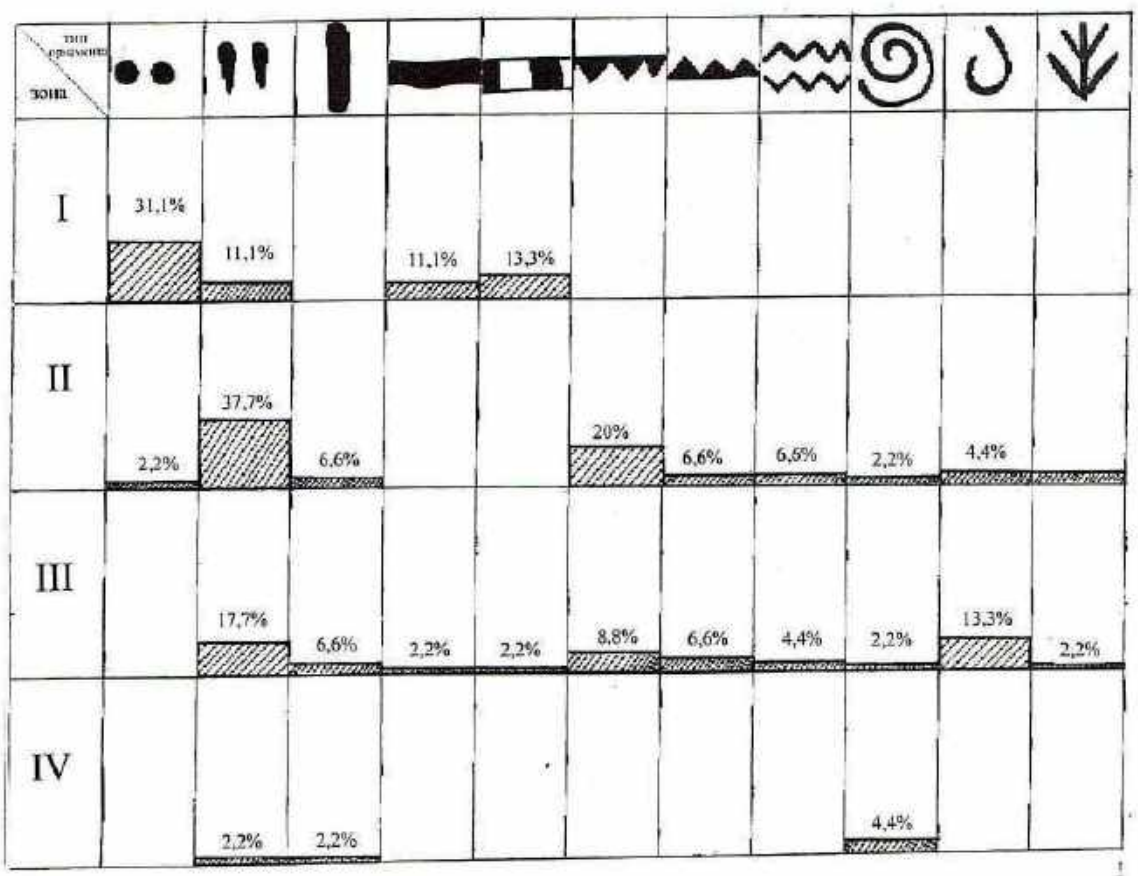

Таблица 4. Соотношение типа сосуда с простым орнаментом

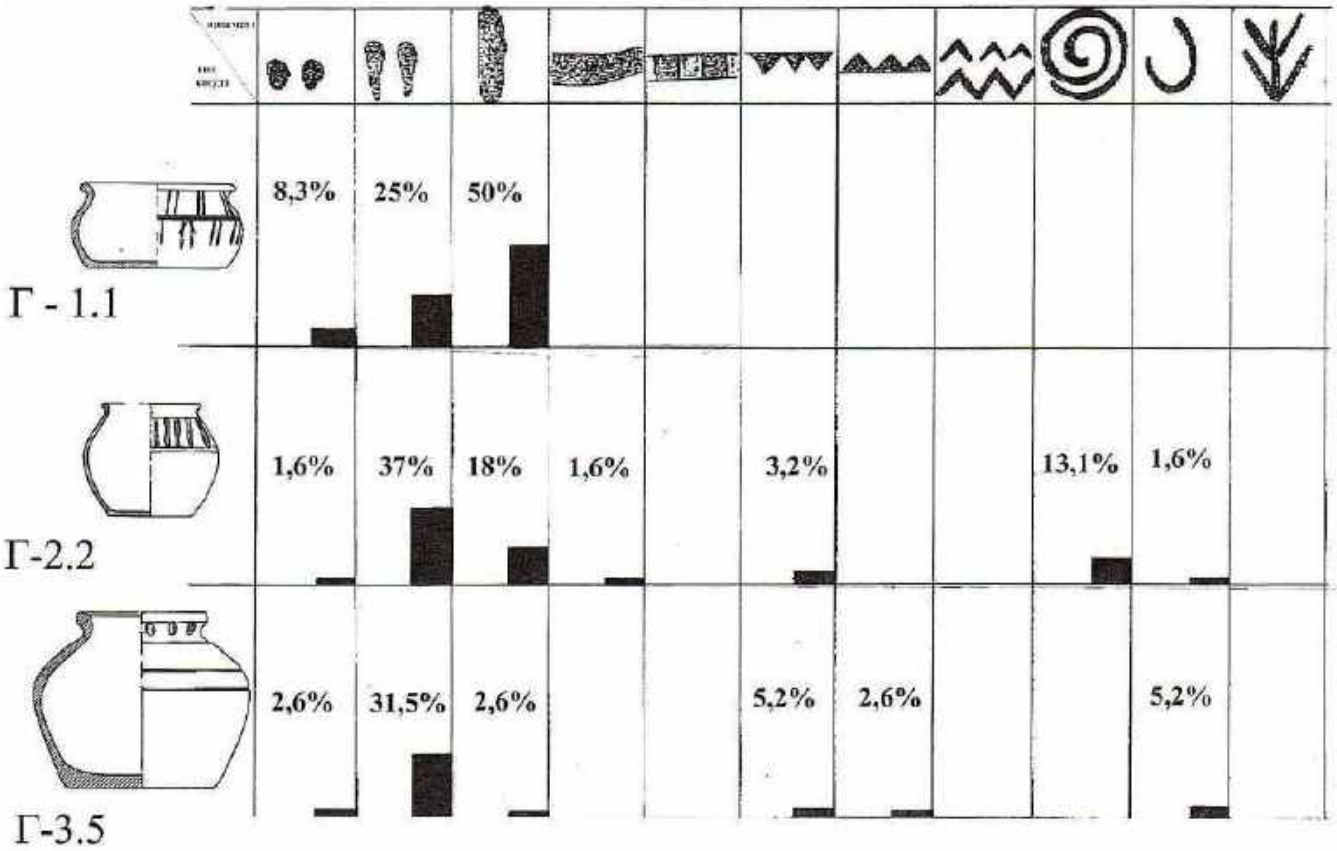
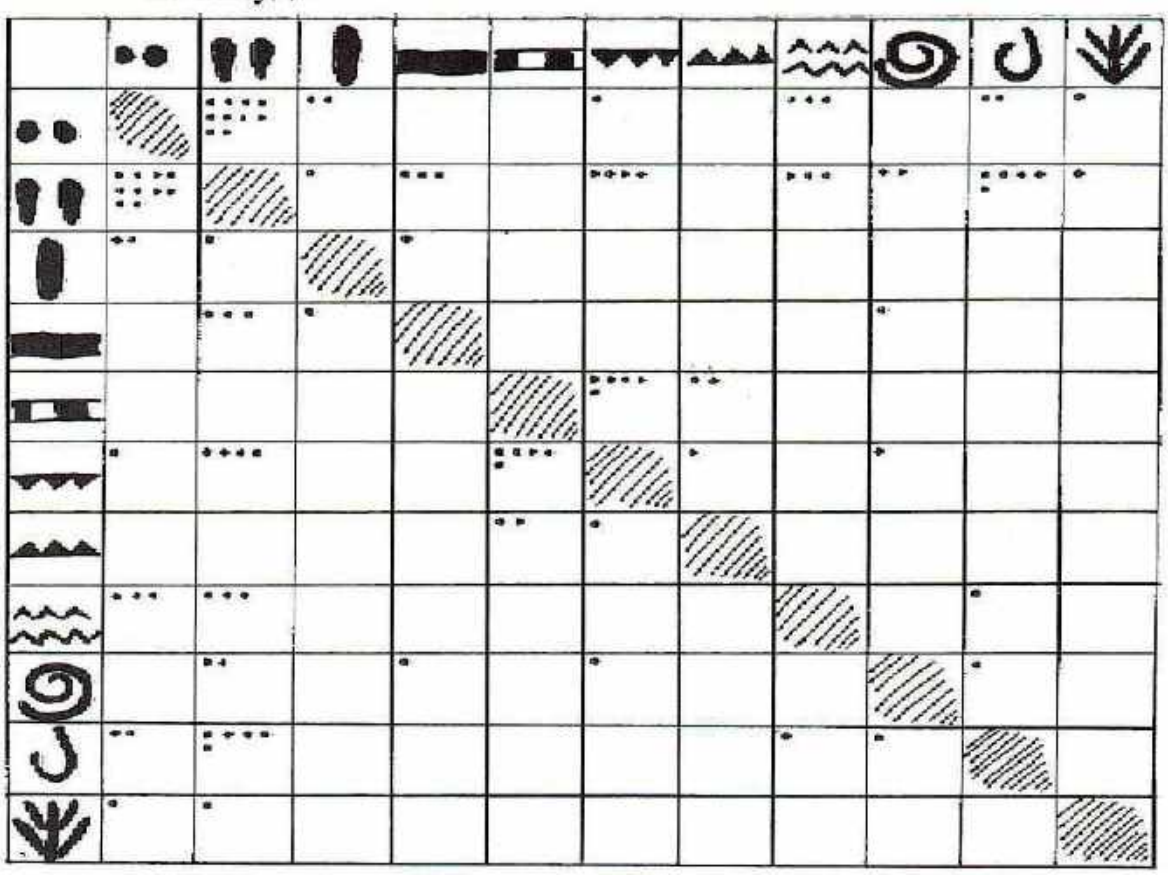

Таблица 5. Сочетание (количественное) разных элементов орнамента на сосуде

Ю.Ф.БУРЯКОВ
(Институт археологии АН РУ,
г.Самарканд, Республика Узбекистан)

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЧАЧА ПО МАТЕРИАЛАМ КАНКИ И ШАХРУХИИ

Керамическое производство - один из наиболее распространенных и динамично развивающихся видов ремесла стран Востока, получивший большое развитие в средневековую эпоху. Продукция керамистов включает массовую бытовую, производственную, культовую, а также парадную столовую посуду, представляющую собой прекрасные образцы прикладного искусства.

Расцвет его в IX-XII вв. позволил выделить крупные центры и отдельные керамические школы Хорасана и некоторых областей Мавераннахра.

Крупнейшим центром производства керамической продукции Среднеазиатского Междуречья являлся Самарканд. Восточные географы называли этот город гаванью Мавераннахра, поскольку сюда собиралась большая часть ремесленной продукции, которая расходилась затем по разным странам (*Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973, с.291*).

Процесс производства керамики, типы и формы посуды, виды декора и характер орнаментации керамики Самарканда изучены лучше, чем какого-либо города Средней Азии. И основная заслуга в этом принадлежит Г.В.Шишкиной, в течение многих лет собиравшей и обобщавшей материалы о керамическом производстве Согда, и в первую очередь о глазурованной керамике Самарканда (*Шишкина Г.В., 1979*).

Наряду с Согдом в Среднеазиатском Междуречье были и другие центры керамического ремесла.

Одним из крупных урбанизированных регионов Мавераннахра являлся Чач-Илак в бассейне Средней Сырдарьи, с ядром в Ташкентском оазисе. Он был контактной зоной между земледельческими оазисами и кочевой скотоводческой степью. Это открывало широкие возможности торговых связей и обмена локальными эталонами и элементами моды.

Регион обладает богатыми минеральными ресурсами: благородными и цветными металлами, красителями и глинами, включая каолиновые, что создавало солидную базу для производства, глазурования и декорирования керамических изделий. Не случайно восточные географы X в., перечисляя товары Мавераннахра, пользовавшиеся высоким спросом на международных рынках, сообщают, что нет товаров, подобных глиняным изделиям Чача (*Материалы по истории туркмен..., 1939, с.202*), в которых исследователи видят определенные виды его глазурованной посуды.

Выразительные комплексы глазурованной посуды были получены при раскопках в Бинкете и его округе (*Брусенко Л.Г., 1986*), в Тункете и Абрлыге (*Буряков Ю.Ф., 1963; он же, 1966; он же, 1982*), Ишкургане-Бисткете (*Богомолов Г.И., 1983*), Канке-Харашкете (*Древняя и средневековая культура Чача, 1979*).

Гораздо меньше внимания уделено самому производству средневековой керамики этого региона, хотя остатки гончарного ремесла выявлены в ряде городищ Чач-Илака. Следы керамического производства зафиксированы в шахристане и рабаде Ташкента (*Брусенко Л.Г., 1986*). Квартал керамистов VI-VIII вв. выявлен и раскопан в рабаде Канки непосредственно у южных ворот шахристана. Он включал округлые в плане двухкамерные-двухъярусные обжигательные горны с опорным столбом в центре топочной камеры, поддерживающим под обжигательной камеры (*Абдуллаев К.А., 1974*). Следы керамического производства, насчитывающие не менее восьми обжигательных горнов, открыты в западном рабаде Канки, примерно в 800 м к западу от стены шахристана. Здесь вскрыты остатки двухкамерного-двухъярусного горна цилиндрической формы без опорного столба. Расчищены топочная камера, остатки пода, верхнего свода, получен интересный комплекс парадной неглазурованной посуды - высоких двуручных кружек, украшенных красным ангобом и лощением, вертикальными и горизонтальными поясами штампованного орнамента, явно подражающим металлической посуде (рис.1,*б*). Горн датирован IX в. н.э. (*Тихонин М.Р., 1986*), хотя анализ материала позволяет отнести его, скорее, ко второй половине VIII-началу IX вв. Наиболее значительные работы по изучению гончарного производства проведены на городище Бенакет-Шахрухия.

Бенакет - один из шести крупнейших средневековых городов Чач-Илака - располагается в западной части Ташкентского оазиса на возвышенном правом берегу "реки Чача", как в средневековье называлась Сырдарья, у впадения в нее "реки Илака" - Ахангарана. Возникший около двух тысячелетий тому назад в одном фарсахе от ранней столицы Чача - Хараджкета, в средневековье город быстро разрастается, представляя собой крупный транзитный пункт на одной из центральных трасс Великого Шелкового пути близ переправы через Сырдарью и один из центров на речном пути. Площадь его с рабадами превышала 350 га.

В IX-X вв. в источниках упоминается "бенакетская дорога" как часть "большого Хорасанского пути", а на восточных рынках среди товаров сообщается о "бенакетских тканях". Отмечаются крытые базары Бенакета. При археологических исследованиях выявлены следы металлургического, стеклодувного и керамического ремесла.

Наиболее ранние следы производства глазурованной керамики выявлены на восточной окраине рабада вдоль правого берега Безымянного сая близ впадения его в Сырдарью. Здесь вместе с ранними следами стеклодувного производства (*Древний и средневековый город..., 1990*) были найдены тонкие керамические штыри с налипшими на них петлевидными ручками и стенками небольших чирагов с примятыми носиками, покрытых зеленой глазурью. Это явно часть партии, ушедшей в брак. Чираги этого типа характерны для IX-начала X в. Следы керамического производства здесь незначительны. Основная площадь этого ремесленного блока связана с приготовлением стеклянных сосудов.

Керамическая мастерская открыта в южной части этой же площади на берегу р.Сырдарьи. Здесь вскрыт округлый в плане двухкамерный-двухъярусный горн с углубленной топочной камерой, перекрытой подом сводчато-овальной формы с восемью каналами жаропроводящих продухов диаметром 12-15 см (рис.2,*г*). Продукция представлена глазурованными и неполивными сосудами XV-XVI вв. (*Буряков Ю.Ф., Тихонин М.Р., 1981*).

Но самое крупное производство керамики было сосредоточено близ шахристана к северу от него на возвышенной площади рабада, отделенной от шахристана дорогой, выросшей на месте городского рва. Площадь квартала более 2 га. Здесь вскрыты разновременные остатки жилья, производственных узлов, более 30 керамических горнов (*Буряков Ю.Ф., Брыкалова В.Г., 1988; Древний и средневековый город..., 1990*).

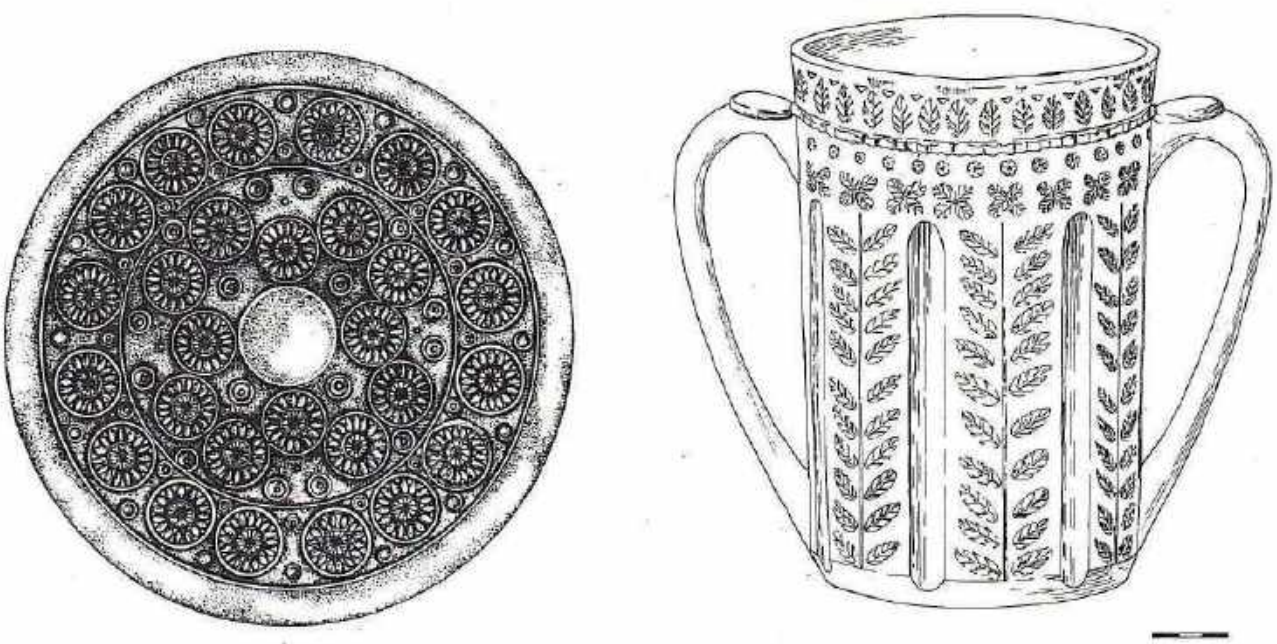
Наиболее раннюю группу представляют хозяйства гончаров X-XII вв. Они включают производственные помещения со следами установки гончарного круга, алебастровую ванну с остатками глиняной массы, небольшим хумом для воды с подводящим в него воду керамическим кубуром, айваном для сушки подготовленной для обжига керамики. Раскрыто 15 горнов круглых в плане, однокамерных-двухъярусных с топочным и обжигательным ярусами. Топочный ярус, заглубленный обычно на 60-80 см, выложен жженым кирпичом, уложенным на глиняный раствор. По кругу, разделяя ярусы, проходит полочка, на которую устанавливали сосуды. В стене над полочкой проделаны 3-4 ряда ячеек-отверстий глубиной 25-26 см и диаметром 6-8 см, в которые вставлялись керамические штыри (рис.2,*а,б,в*). На них подвешивались сосуды с ручками и чираги, для которых существовали штыри малого диаметра. Горны многократно ремонтировались. Ремонт производился путем обкладки стен изнутри, что уменьшало рабочую площадь горна. Близ горнов найдены остатки припаса керамистов, иногда бракованная керамика. Подобные горны были широко распространены и в других городах, в частности, в Самарканде (*Шарахимов Ш.Ш., 1975*).

Широко представлено керамическое производство Шахрухии XV-XVI вв. Раскрыты жилые и производственные помещения керамистов с несколькими уровнями полов и перестройками, говорящими о длительности жизни квартала. Найдены детали гончарного круга, колыбы для формовки сосудов с рельефным орнаментом, сосуды, подготовленные к обжигу и к росписи после первого обжига, детали припаса керамистов.

Горны этого периода иной конструкции. Они преимущественно круглые в плане, хотя встречаются и квадратные. Но главное - печи двухкамерные, топочная и обжигательная камеры разделены подом плоской или слегка куполообразной формы с продухами-отверстиями, проходящими несколькими рядами в центре пода поясом или вдоль его края у стыка со стеной. Горны этого времени крупные, диаметром до 2 м. Топочное отверстие глубиной до 1,5 м, с приемником топлива длиной до 130 см.

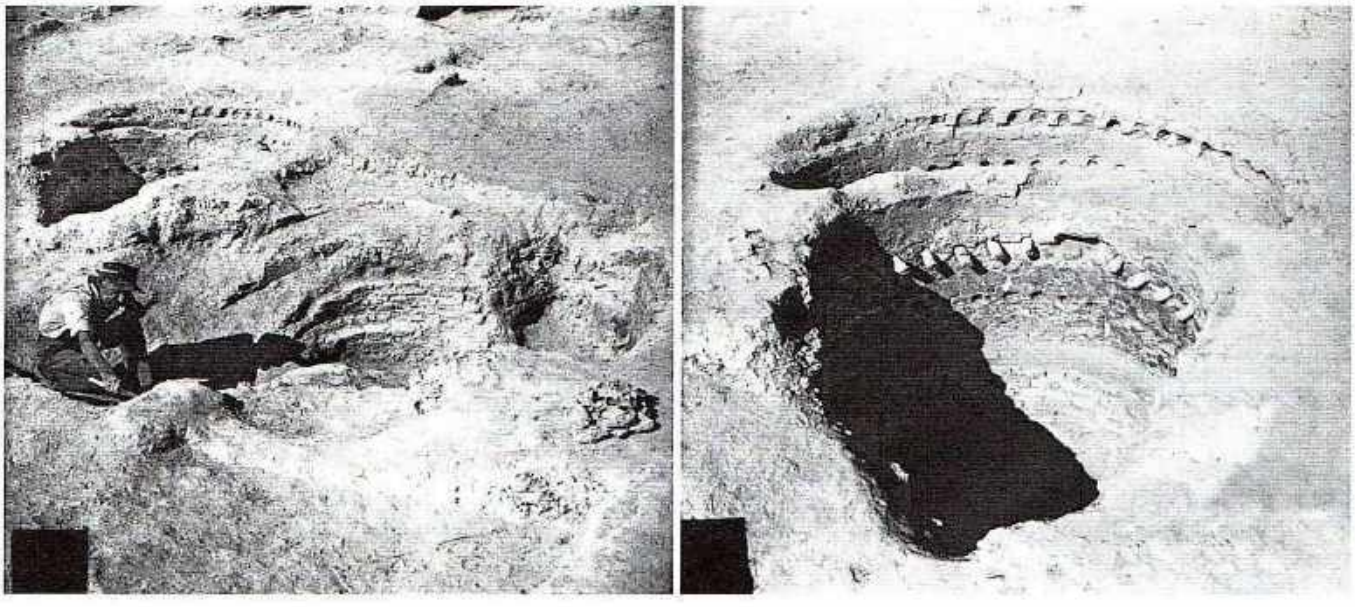
Третий тип печи - также двухкамерные, диаметром иногда более 2 м, но с устоем в топочной камере, поддерживающим под обжигательной камеры. Этим их конструкция напоминает раннесредневековые печи Канки. Но размер их более значителен, и продукция этих печей представлена комплексом неполивной и глазурованной керамики XVII - начала XVIII в.

Таким образом, раскопки в крупных центрах средневекового Чач-Илака позволяют наметить эволюцию керамического ремесла одного из крупных регионов Восточного Мавераннахра.

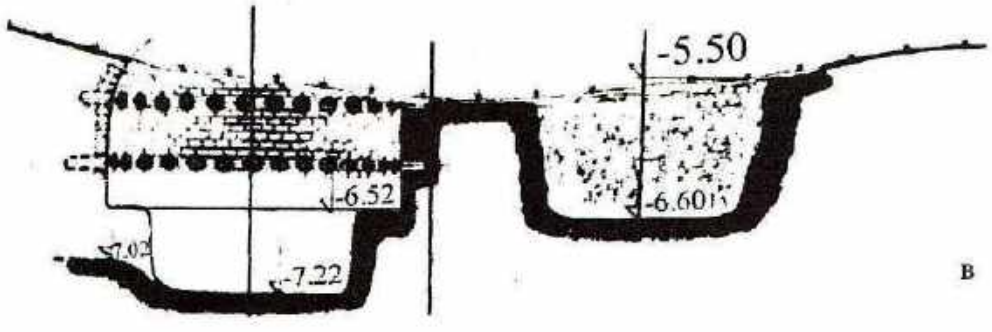

а б

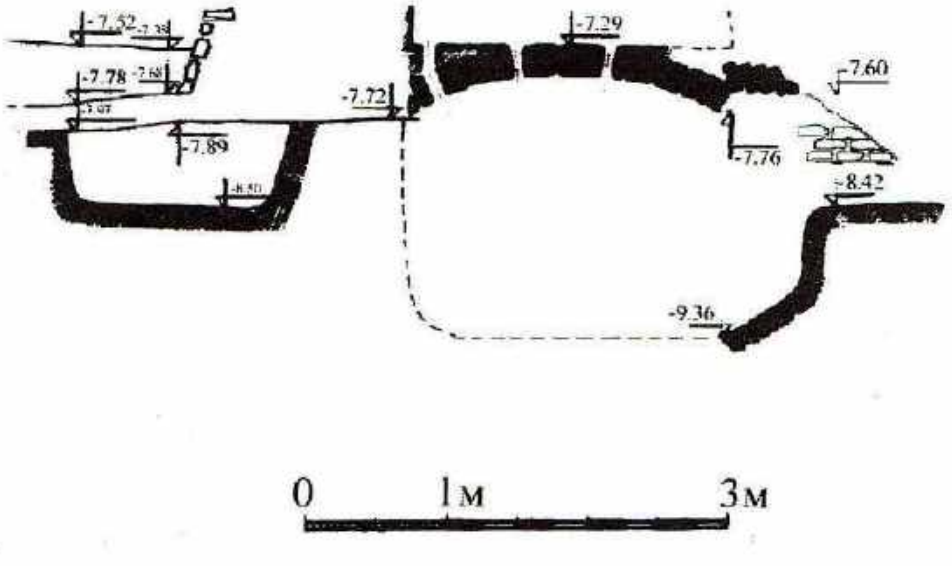
Рис. 1. Шахрухия. *а*- прорисовка орнамента на колыбе XV-XVI вв.; *б* –двуручный сосуд второй половины VIII- начала IX в., орнаментированный оттисками мелких штампов.

а б

в

г

0 1м 3м

Рис.2. Шахрухия. Керамические горны X-XI вв.:*а*- общий вид раскопа горнов X-XI вв.; *б*- внутренний вид горна со штырями; *в* – разрез горна X-XI вв.; *г*- разрез горна XV-XVI вв.

Н.Ю.ВИШНЕВСКАЯ
(Государственный музей Востока,
г.Москва, Российская Федерация)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС IX в. ИЗ СУБСТРУКЦИОННОЙ КЛЕТИ ЦИТАДЕЛИ ДЖИГЕРБЕНТА

Городище Джигербент расположено в северном Туркменистане, на левом берегу Амударьи. В древности и средневековье это один из населенных пунктов на южной границе Хорезма. Джигербент легко идентифицируется с Джафарбендом - городом на караванном пути из Бухары в Хорезм, упомянутом арабскими авторами X в. ал-Истахри и ал-Макдиси (*МИТТ, 1939, с.180, 188*). В 1974-1976 гг. отряд Хорезмской экспедиции под руководством О.А.Вишневской вел раскопки на цитадели городища. Исследования показали, что первоначально, в IV в. до н.э., на естественном холме была построена крепость, просуществовавшая с некоторыми перестройками до VIII в. н.э.

В IX в. крепость превращается в цитадель города. При этом предпринимаются крупные строительные работы по расширению площади холма и возведению нового кольца крепостных стен. Для этого к склонам холма на некоторых участках пристраивались пахсовые субструкционные клети, заполненные насыпной землей.

В одной из них было обнаружено более трехсот керамических сосудов, засыпанных измельченным материковым грунтом. Они лежали в северной половине клети на двухметровой глубине. Слой засыпки однороден, последовательные напластования отсутствуют, нет и следов позднейших перекопов. Поэтому найденный в клети керамический комплекс с уверенностью можно считать единовременным и закрытым. Вопрос о причинах возникновения подобного уникального скопления самых разнообразных сосудов остается открытым. Ясно лишь, что это не свалка гончарного брака и не склад готовой продукции, - все сосуды были в употреблении. Набор керамических форм и их расположение в слое исключают предположение о хранилище продуктов. Считать заполнение клети бытовой свалкой или ее перемещенной частью тоже не приходится, т.к. в заполнении очень невелик процент разрозненных керамических обломков и полностью отсутствуют следы органического мусора.

Комплекс из клети весьма представителен - выделяются сорок два типа сосудов с вариантами. Подавляющее большинство их (около 95%) изготовлено на гончарном круге. При типологизированном описании рассматриваются две основные категории керамики - глазурованная и неглазурованная. В основе типологии глазурованной керамики лежат технологические признаки (наличие ангоба, характер глазури, техника орнаментации) и их взаимосочетание (*Gardin J.Cl., 1963, p.133-138; Шишкина Г.В., 1979*).

Неглазурованные сосуды подразделяются на две группы - хозяйственные и столовые - и далее, в зависимости от их функционального назначения, на формы (хумы, кувшины, кружки и т.д.). Формы, в свою очередь, по морфологическим признакам делятся на типы. Лепной керамики, как отмечалось, найдено немного, она представлена определенными типами котлов и крышек, которые рассматриваются с соответствующими типами гончарных сосудов. Это непривычное объединение внутри одного типа лепных и гончарных изделий обусловлено их несомненной генетической связью.

Глазурованная керамика. В клети найдены четыре сосуда, относящиеся к трем типам.

Сосуд баночной формы, закрытый, узкогорлый, на дисковидном поддоне, с вертикальной ручкой (рис.1, *1*). Относится к типу изделий, покрытых мутной белой глазурью по черепку без ангоба, поверх нее роспись потеками зеленой глазури. Подобные кувшины известны в Хорезме в IX в. (*Вактурская Н.Н., 1959, с.285*). Для Согда Г.В.Шишкина относит появление этого типа к концу VIII-первой половине IX в. (*Шишкина Г.В., 1979, с.42,46*).

Две полусферические чаши на дисковидном поддоне (рис.1, *3,4*). По светлому черепку без ангоба, под прозрачной сероватой глазурью роспись черным, дополненная желтыми и зелеными пятнами. Чаши этого типа, аналогичной формы со сходной сетчатой орнаментацией широко известны в Средней Азии. Полную аналогию находим в комплексе согдийских ранних глазурей первой половины IX в. (*Шишкина Г.В., 1979, с.72, табл.XLI, 1,4,6; Шишкина Г.В., 1986, с.137, рис.3,9*).

Фрагмент узкогорлого кувшина с шаровидным туловом, состоящим из двух скрепленных половинок, оттиснутых в полусферических орнаментированных формах. По темно-розовому плотному черепку без ангоба сосуд покрыт темно-зеленой непрозрачной глазурью. Интересна орнаментальная схема, включающая различные архитектурные элементы, - колонны, арки, мерлоны (рис.1, *2*). Керамика с зеленой глазурью по черепку хорошо известна в Средней Азии и на Ближнем Востоке в конце VIII-IX вв. Но в Средней Азии в это время не практиковалась формовка в колыбах. Ближайшую аналогию нашему сосуду находим в керамике Суз конца VIII-IX вв. (*Rozen-Ayalon M., 1974, p.12, fig.391, 395, 400*). Соответствуют как основные технологические характеристики, так и детали орнаментации. Можно утверждать, что на Джигербенте найден иранский сосуд, очевидно, происходящий из Суз.

Заметим, что найденные в клети сосуды относятся к ранним типам глазурованной керамики и датируются в пределах конца VIII-середины IX в. Глазурованные сосуды позволяют отнести весь комплес керамики к IX в., возможно, к его середине.

Неглазурованная керамика. В группе хозяйственной керамики можно с известной долей условности выделить три подгруппы: крупные стационарные формы (хум, хумча, чан), кухонная керамика (котлы и крышки к ним) и сосуды специального назначения (маслобойки, водоносные кувшины и др.).

ХУМЫ представлены двумя типами.

Кувшинообразные сосуды с яйцевидным туловом, горлом раструбом, массивным венчиком валиком (рис.2, *б*). Этот тип является доминирующим в Хорезме афригидского времени, особенно на последнем этапе, в VII-VIII вв. (*Неразик Е.Е., 1966, с.38, рис.18*).

Бочонковидный хум с вытянутым туловом, невыделенным горлом и слабовыделенным, наклоненным внутрь венчиком (рис.2, *5*). Подобные сосуды появились еще в афригидский период. Е.Е.Неразик относит их к переходному типу (*Неразик Е.Е., 1966, с.38, рис.*18, *14,21*). В IX-XI вв. бочонковидные хумы становятся в Хорезме доминирующим типом (*Вактурская Н.Н., 1959, с.273, рис.*8/*1*).

Из четырех выделенных типов ХУМЧЕЙ два (рис.2, *1,2*), несомненно, тяготеют к афригидской керамической традиции (*Неразик Е.Е., 1959, рис.5,13; она же, 1966, рис.*18, *11-13;* 63, *9,18,19*).

Хумчи с шаровидным туловом и тремя петлевидными ручками (рис.2, *3*) до сих пор не встречались в Хорезме, но оформление венчика налепными полосами с пальцевыми вдавлениями сходно с декором хорезмийских сосудов афригидского времени.

Хумча с яйцевидным туловом, горлом раструбом и вертикальным венчиком (рис.2, *4*) - единственная в комплексе. Этот новый для Хорезма тип выделяется и необычной для крупных хозяйственных сосудов тонкоотмученной глиняной массой.

Массивный толстостенный ЧАН с коническим туловом и скругленным дном (рис.2, *7*) вполне традиционен для керамики Хорезма. Эта форма появляется в позднекушанский период (*Воробьева М.Г., 1959, с. 160, рис.*35, *30*) и продолжает существовать в VII-VIII вв. (*Неразик Е.Е., 1959, рис.*9, *15*). Наш сосуд выделяется формой ручек и богатым прочерченным декором.

В целом, вполне очевидна архаичность подгруппы крупных форм, ее тяготение к местной керамической традиции предшествующего периода (VII-VIII вв.).

В подгруппе кухонной керамики, несомненно, преобладает тип КОТЛОВ горшковидной формы с округлым туловом, цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком (рис.3, *6-13*). Оговорю сразу, что под термином "котел" в этой работе подразумеваются сосуды закрытой формы для приготовления горячей пищи. Характерным признаком для всей кухонной керамики является обильная примесь дресвы и толченого гипса в тесте. Тип котлов-горшков подразделяется на три варианта в зависимости от наличия ручки и деталей ее оформления, а также от особенностей профилировки самого сосуда.

а) С шаровидным туловом, без ручки (рис.3, *6*). Вариант представлен четырьмя станковыми сосудами. Он, несомненно, связан с т.н. кувшинообразными сосудами афригидского Хорезма VII-VIII вв. (*Неразик Е.Е., 1959, с.244,245, рис.*7, *4*).

б) Одноручные сосуды с вытянутым по вертикали туловом, плавно переходящим в слегка расширяющееся горло, ручка округлая в сечении (рис.3, *7,8*). Вариант отличается мягкостью линий и плавностью перехода от одной части сосуда к другой. В клети найдено пять сосудов, два из них лепные (рис.3, *7*). При сохранении единых морфологических признаков лепные и станковые изделия различаются характером орнаментации: налепные полосы с вдавлениями на лепных сосудах на станковых заменяются небольшим уплощенным валиком (рис.3, *8*), что обусловлено круговой техникой формовки. Вариант происходит преимущественно от лепных кухонных горшков, широко распространенных в Хорезме VII-VIII вв. (*Неразик Е.Е., 1959, с.248, рис.*9, *13; она же, 1966, рис.*20, *13, рис.*64, *28,29*). В IX в. тип лепного сосуда воспроизводится в круговой технике.

в) Этот вариант также включает два вида изделий - лепные (рис.3, *9-11*) и станковые (рис.3, *12-13*). На шесть лепных котлов приходится более пятидесяти круговых. Выделяются общие морфологические признаки: приземистое тулово, резкий переход к цилиндрическому горлу, подтреугольный венчик с верхней площадочкой; ручки подпрямоугольные в сечении, уплощенные, с глубоким желобком снаружи. Лепные сосуды украшены накладными жгутами с насечками. Особенно выделяется большой котел, имеющий в отличие от остальных не одну, а четыре ручки - две вертикальные и две дуговидные ложновитые (рис.3, *9*). Практически идентичные сосуды найдены на соседнем городище Садвар (*Армарчук Е.А., 1992).* В остальном подобные котлы и особенно характер декора необычны для керамического комплекса Хорезма как VII-VIII вв., так и IX в. Наиболее близкие аналогии находим в керамике Ферганы IX в. (*Ахраров И.А., 1966, с.129, рис.3б).* Декор, подобный нашему, типичен для керамики тюркского времени (VI-VII вв.) Чуйской долины (*Бернштам А.Н. 1950, с.121*). Орнамент в виде налепного валика с насечками появляется на третьем этапе джетыасарской культуры и связывается Л.М.Левиной с одной из волн миграции тюркского населения, пришедшейся на VI-VIII вв. (*Левина Л.М., 1971, с.189,374*). Близкие по форме котлы со сходным орнаментом найдены в Кердере в слоях VII-VIII вв. (*Гудкова А.В., 1964, с.135, рис.*35, *25*). Подобный ряд аналогий, похоже, свидетельствует о проникновении неких групп населения тюркского круга из Семиречья, через низовья Сырдарьи и Амударьи в южный Левобережный Хорезм в начале IX в.

В станковых изделиях, при сохранении формы и пропорций лепных сосудов, практически совершенно исчезает характерный накладной декор, его заменяет прочерченный гребенкой линейно-волнистый орнамент. Как и в варианте "б", речь идет о воспроизведении лепной формы в круговой ремесленной технике с утратой этнически характерного декора.

Наряду с горшковидными выделяются два новых для Хорезма типа котлов.

Котлы с уплощенным сфероконическим туловом, низким горлом, горизонтально отогнутым венчиком и двумя дуговидными ручками (рис.3, *5*). В клети найдены три сосуда этого типа. Они не имеют прототипов в керамике Хорезма предшествующего периода, зато находят многочисленные аналогии в других регионах Средней Азии (Уструшана, Согд, Чач). Наиболее близки джигербентским котлы IX в. из Кердера (*Гудкова А.В., 1964, с.133, рис.*36, *1*) и из Ферганы (*Ахраров И.А., 1966, с.129*). Отметим, что этот тип распространения и развития на Джигербенте не получил.

Котлы с коническим туловом и резким ребром перегиба к придонной части (рис.3, *4*) представлены тремя экземплярами. Этот тип, несомненно, подражает коническим каменным котлам, изготовленным из тальковых пород (*Пругер Е.Б., 1975, с.223-231; Манылов Ю.П., 1972, с.15-16*). Один из таких котлов найден в комплексе клети. Тип не характерен ни для Хорезма, ни для сопредельных областей, ни для самого Джигербента вне комплекса клети. Видимо, речь идет о локальной попытке подражания каменным сосудам в керамике, не имевшей дальнейшего развития.

КРЫШКИ к котлам делятся на два типа.

Полусферические лепные (2 экз.), богато украшенные налепными жгутами с насечками и защипами (рис.3, *1*).

Конические, с грибовидной ручкой крышки представлены четырьмя изделиями, из них три лепные (рис.3, *3*) и одна изготовленная на гончарном круге (рис.3, *2*). Круг аналогий этого типа практически тот же, что и у котлов-горшков варианта "в" и так же связан с культурами тюркского ареала. Подробнее эта тема рассматривается в специальной работе (*Вишневская Н.Ю., 1999, с.62-67*). Здесь скажу лишь, что неоднократно отмечавшееся исследователями влияние кочевнических, возможно, огузских племен на керамический комплекс оседлого населения Хорезма VII-VIII вв. (*Неразик Е.Е., 1959, с.258; она же, 1966, с.129-129*) в кухонной керамике Джигербента IX в. имеет остаточный характер. Об этом свидетельствуют явное преобладание станковых изделий и утрата характерного декора при высоком уровне ремесленной стандартизации.

К подгруппе сосудов специального назначения можно отнести тазы, маслобойки, дигирь, водоносные кувшины и кувшины с цедилкой. Все они изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученной глины с примесью песка, реже мелкодробленого гипса, покрыты светлым ангобом.

Все найденные ТАЗЫ можно отнести к одному типу: тулово коническое, со слегка скругленными стенками. Слабо профилированный венчик слегка наклонен внутрь, под ним крепятся две горизонтальные дуговидные ручки (рис.2, *14*). Как вариант может рассматриваться таз без ручек (рис.2, *15*).

МАСЛОБОЙКИ имеют горизонтальную дугообразную ручку и сбоку от нее сквозное отверстие. По деталям профиля выделяются два типа: с яйцевидным туловом и "раздутым" горлом (рис.2, *8*); с бочонковидным туловом и "вздутием" в верхней части (рис.2, *9*). Маслобойки впервые найдены в Хорезме, для остальных регионов Средней Азии это достаточно распространенная форма (*Брыкина Г.А., 1974, рис.42; Вархотова Д.П., 1990, с.148; Губаев А.Г., Логинов С.Д., 1996, табл.IV, 8; Соловьев В.С., 1996, с.59, рис.*33,3,6).

ДИГИРЬ (сосуд, используемый в колесных устройствах для черпания воды) веретенообразной формы, на середине тулова крепится петлевидная ручка, ниже и сбоку - конический выступ (рис.2, *11*). Эти сосуды известны в Хорезме в IX-X вв. (*Вактурская Н.Н., 1959, с.280, рис.4*), форма их практически неизменна.

ВОДОНОСНЫЕ КУВШИНЫ делятся на два типа.

Одноручные сосуды с яйцевидным туловом и узким цилиндрическим горлом со сливом. Венчик выделен характерным горизонтальным уступом, слив выполнен защипом (рис.2, *12*). Высота колеблется от 30 до 60 см при сохранении основных пропорций. Это самый распространенный на памятнике тип кувшинов, только в клети найдено более восьмидесяти сосудов. В Хорезме VII-VIII вв. подобный тип неизвестен, кувшины этой формы, но без слива, найдены в слое IX в. на Куня-Уазе (*Вактурская Н.Н., 1959, рис.*8, *8*). Сосуды, аналогичные джигербентским, известны на городище Садвар (*Армарчук Е.А., 1992, с.113, рис.*54, *2,5,9*).

Одноручный кувшин с округло-коническим туловом, на дисковидном поддоне. Узкое цилиндрическое горло переходит в сложнопрофилированный венчик. Наружная поверхность покрыта желтоватым ангобом и заглажена. Кувшин украшен прочерченным линейно-волнистым орнаментом и оттисками штампа (рис.2, *13*). Тип представлен одним сосудом, причем, явно выделяющимся на общем фоне. Для хозяйственных кувшинов Джигербента не характерен поддон, необычна мелкая профилировка венчика, более тонко выполнен орнамент. Весь этот набор признаков вполне типичен для керамики из Старого Мерва VII-VIII вв. (*Заурова Е.З., 1962, с.197-201, рис.*17, *2,3; рис.*19, *3*). Вполне вероятно, что кувшин типа 2 - привозной.

КУВШИНЫ С ЦЕДИЛКОЙ (2 экз.) - сосуды с грушевидным туловом, плавно переходящим в узкое горло. Венчик прямой, вертикальный, оформлен фестонами, образующими в плане пятилепестковую розетку. В венчик вмазана горизонтальная перегородка с отверстиями (цедилка), ручка крепится под венчиком и на плечике (рис.2, *10*). Кувшины с цедилкой впервые встречены в Хорезме, необычны они и для других регионов. Сама форма кувшина близка т.н. узкогорлым кувшинам без слива из слоя VIII в. Пенджикента (*Бентович И.Б., 1964, с.277, рис.*19, *5*). Кувшины с цедилкой в горловине найдены на городище Гяур-кала в слое VII-VIII вв. (*Заурова Е.З., 1962, с. 200, рис.19*) и в верхних слоях Афрасиаба (*Абишева Б.А., 1982, с.122, рис.16*). Автор датирует фрагмент X в. и отмечает редкость находки. Наиболее близок джигербентскому сосуд из замка Саратепа VIII-первой половины IX в. (*Лебедева Т.И., 1992, с.10, рис.*2, *11*). Фестончатое горло является в нашем случае вторичным заимствованием (через керамику) элемента декора металлической посуды (*Вишневская Н.Ю., 1988, с.458, рис.12*).

В целом, подгруппа 3 выделяется в комплексе хозяйственной керамики появлением новых для Хорезма форм и более широким кругом аналогий из других среднеазиатских регионов.

Группа столовой керамики из клети включает в себя десять типов кувшинов, три типа кружек и один тип мисок (оговорим сразу, что назначение части кувшинов установить довольно трудно; к столовым, с известной условностью, мною отнесены все кувшины, не имеющие ярко выраженной хозяйственной функции). Вся столовая посуда изготовлена на гончарном круге из тонко отмученной глины с незначительными примесями, черепок розоватый или кремовый в изломе, поверхность покрыта белым ангобом, принявшим при обжиге розоватый оттенок.

КУВШИНЫ с приземистым бочонковидным туловом, с выделенным переходом к широкому цилиндрическому горлу, одноручные (рис.4, *1-3*). По деталям оформления горла и венчика выделяются три варианта:

а) венчик не выделен, слив отсутствует (рис.4, *1*);

б) венчик выделен уступом, слив выполнен защипом (рис.4, *2*);

в) цилиндрическое горло вертикальными каннелюрами разделено на восемь фестонов (рис.4, *3*) - подражание декору изделий торевтики.

Кувшины этого типа известны в Хорезме в варианте "а" по материалам IX в. из Куня-Уаза (*Вактурская Н.Н., 1959, с.227, рис.*8, *13,14*).

Широкогорлый сосуд сходной формы, с двумя ручками, венчик отогнут (рис.4, *4*). Двуручные кувшины близкого типа найдены на Куня-Уазе (*Вактурская Н.Н., 1959, рис.*8, *28*), на Афрасиабе в слое IX в. (*Соколовская Л.Ф., 1995, с.15, рис.*73, *26*), в Кердере (*Гудкова А.В., 1964, с.133, рис.*36, *5*).

Кувшин с удлиненным бочонковидным туловом, цилиндрическим горлом, горизонтально отогнутым венчиком, без ручек - своего рода кринка (рис.4, *5*).

Кувшины с грушевидным туловом, плавно переходящим в узкое горло, одноручные. По характеру оформления края выделяются два варианта:

а) венчик не выделен (рис.4, *6*);

б) венчик выделен горизонтальным уступом, слив выполнен защипом (рис.4, *7*).

Прослеживается та же тенденция, что и у широкогорлых кувшинов варианта "а" и "б". Сама форма сосудов очень близка кувшинам без слива из Афрасиаба конца VIII в. (*Соколовская Л.Ф., 1995, с.14, рис.*69, *68*), известны они в керамике Кердера (*Ягодин В.Н., 1981, с.90, рис.*6, *16*).

Кувшин с грушевидным туловом, невыделенным горлом, венчик отделен желобком (рис.4, *8*).

Сосуды с цилиндрическим туловом, на трех ножках, широкое горло оформлено фестонами (рис.4, *9*). Найдено три сосуда этого типа. У двух из них по четыре вертикальные ручки, у третьего - четыре большие, четыре маленькие ручки и три ушка с отверстиями для колечек. Этот тип уникален, полной аналогии ему найти не удалось. Сама форма сосудов указывает на подражание металлическим образцам. Наиболее близким прототипом можно считать позднесасанидские бронзовые кувшины с цилиндрическим туловом на ножках (*Орбели И.А., Тревер К.В., 1935, табл.77; Persian Art, 1931, p.13*). Оформление горла фестонами в некоторых керамических формах Б.И.Маршак объясняет подражанием сасанидским ложчатым чашам (*Маршак Б.И., 1961, с.189*). Кувшины из Джигербента являются подражательной синкретической формой, причем, трудно сказать, подражает ли она непосредственно металлическим образцам или же опосредованно, через керамические формы соседних регионов (*Вишневская Н.Ю., 1988, с.455-457*).

Небольшие одноручные кувшинчики с яйцевидным туловом и горлом раструбом (рис.4, *10*) имеют широкий круг аналогий в самом Хорезме и за его пределами (*Вактурская Н.Н., 1959, рис.*8, *15; Соколовская Л.Ф., 1995, с.16, рис.*78, *5; Лунина С.Б., 1962, с.227, рис.7; Гудкова А.В., 1964, с.132, рис.*36, *6*).

Небольшие одноручные кувшинчики со сфероконическим туловом на монолитном коническом поддоне (рис.4, *12*). Горло ни в одном случае не сохранилось. Подобные сосуды известны по материалам Афрасиаба конец VIII-IX вв. (*Кабанов С.К., Филанович М.И., Урманова М.Х., 1974, с.73, рис.*3, *13*).

Небольшой одноручный кувшинчик с цилиндрическим туловом на дисковидном поддоне (рис.4, *11*). Столовые кувшины этой формы известны на Афрасиабе в конце VIII - начале IX в. (*Соколовская Л.Ф., 1995, с.16, рис.*78, *6*) и в Мерве IX в. (*Лунина С.Б., 1962, с.226, рис.7*).

Одноручные кувшины с грушевидным туловом, узкогорлые, с резко приподнятым желобчатым сливом (рис.4, *13-14*). Два найденных сосуда красноглиняные, красноангобированные и лощеные, что отличает их от остальной массы керамики. В Хорезме кувшины этого типа неизвестны, в Согде же они распространены с VII-VIII вв. (*Маршак Б.И., 1961, с.189; Бентович И.Г.,1964, с.227*), но в светлоглиняном варианте. К концу VIII в. появились красноангобированные лощеные сосуды. Время их распространения, по-видимому, не выходит за рамки начала IX в. (*Шишкина Г.В., 1979, с.22*), что еще раз подтверждает общую дату комплекса клети - середина IX в. Оба кувшина, несомненно, привозные, причем ряд признаков указывает на их происхождение из Бухарского Согда.

КРУЖКИ с округлым туловом, цилиндрическим горлом и петлевидной ручкой (рис.4, *18*). Этот тип распространен с VII по IX вв. в очень широком ареале, их прототипом являются металлические сосуды (*Маршак Б.И., 1961, с.180*). В Хорезме подобные сосуды известны в VII-VIII вв. (*Неразик Е.Е., 1959, с.245, рис.*6, *16*). Набор признаков кружек из Джигербента типичен для конца VIII - начала IX в.

Кружки с цилиндрическим туловом, конической придонной частью и петлевидной ручкой (рис.4, *15,16*). По деталям оформления края выделяются 2 варианта:

а) с невыделенным венчиком и приостренным краем (рис.4, *16*);

б) с горизонтально отогнутым венчиком (рис.4, *15*).

Цилиндрические кружки появляются в Согде в конце VII в. и продолжают существовать в первой половине IX в. (*Соколовская Л.Ф., 1995, с.14,16, рис.*77, *6,7*).

Кружка с биконическим туловом на монолитном коническом поддоне, с высокой ручкой (рис.4, *17*) необычна для IX в. и аналогий в это время не находит.

Все найденные в клети МИСКИ относятся к одному типу - эллипсоидальной формы, бортик наклонен внутрь, край приострен (рис.4,*19*). Они появляются в Хорезме в VII-VIII вв. (*Неразик Е.Е., 1959, с.246, рис.*6, *12*).

Основная масса столовой керамики, сохраняя черты местной ремесленной традиции, обнаруживает несомненное сходство с керамикой сопредельных областей, в первую очередь, с согдийской.

В отдельную группу выделены изделия редких форм. Среди них отметим светлоглиняный цилиндрический сосуд на ножках с зооморфными ручками и резным декором, возможно, курильницу (рис.4, *20*). Черепок т.н.

"самаррского" типа, форма ручек и декор характерны для ирано-согдийской керамики VIII-IX вв. (*Pougachenkova G.A., 1994, p.231, fig.3; Rozen-Ayalon M., 1974, p.156-157, fig.359-363, pl.XXI,e*).

Изучение керамического комплекса из субструкционной клети цитадели Джигербента позволяет сделать ряд наблюдений.

До сих пор в Хорезме единым блоком рассматривалась керамика IX-XI вв. Хорошо датированный комплекс клети позволяет выделить типы сосудов, характерные именно для IX в.

Можно говорить о сложении к середине IX в. в южном Левобережном Хорезме новой керамической школы городского ремесленного типа. Комплекс хозяйственной керамики при этом тяготеет к архаическому для этого времени афригидскому стилю и к керамике племен тюркского круга, но воспроизведенной уже ремесленным способом. Формы столовой посуды, напротив, генетически связаны с новым керамическим стилем, развившимся в ирано-среднеазиатском регионе уже в исламское время. Особенно явно прослеживается сходство с согдийской керамикой, меньше заметно влияние Мерва. Вместе с тем, речь не идет об имитации заимствованных форм, а, скорее, о развитии в рамках общей тенденции. Отметим, что в предшествующий период столь тесные связи с окружающими территориями не были характерны для Хорезма. Очевидно, что на материале керамики Джигербента середины IX в. фиксируется начало культурной интеграции, вызванной арабским завоеванием и сложением торговых, ремесленных и культурных связей внутри халифата. Сыграло свою роль и местоположение Джигербента на караванном пути из Согда в Хорезм.

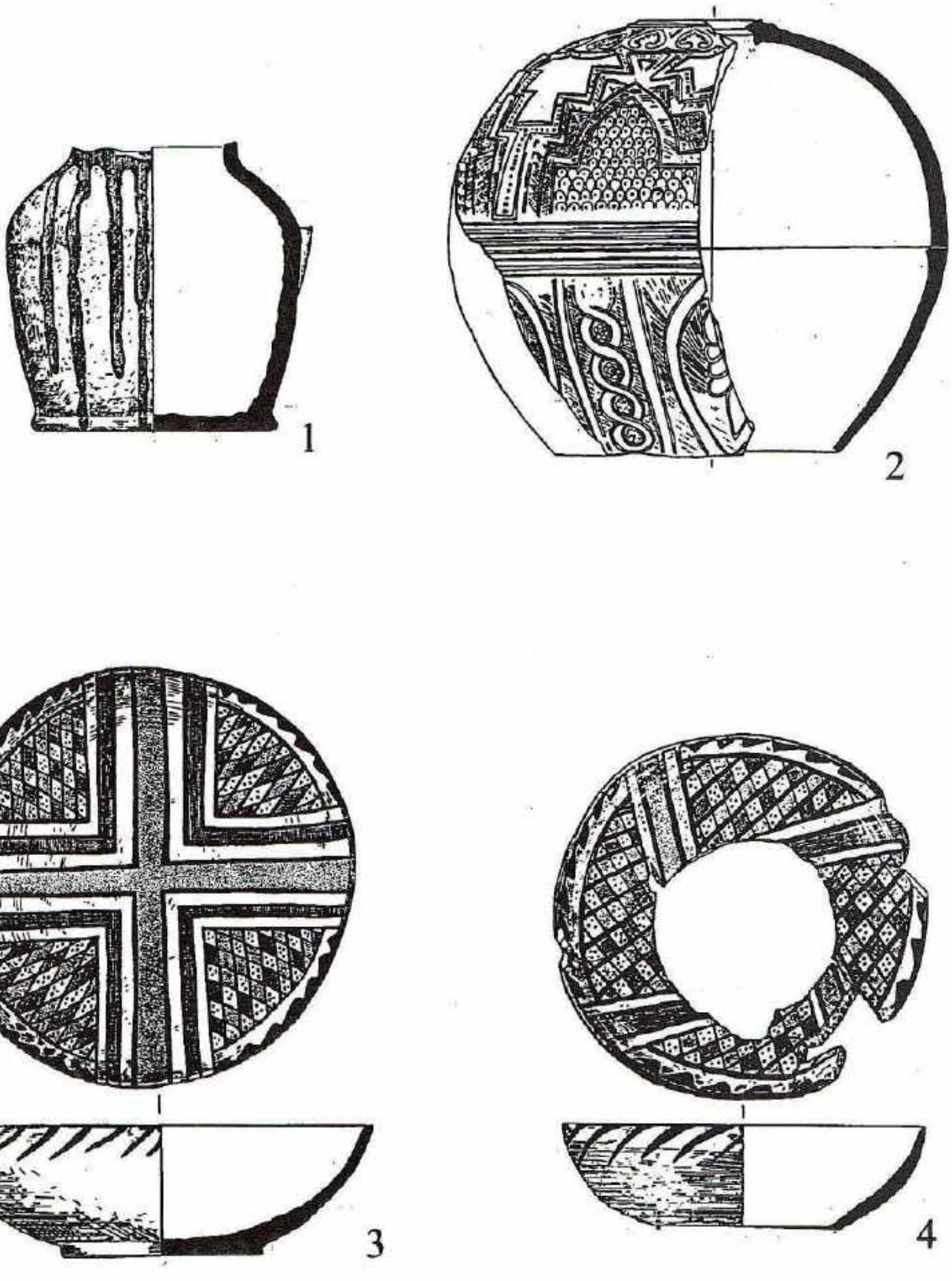

Рис.1. Джигербент. Глазурованная керамика

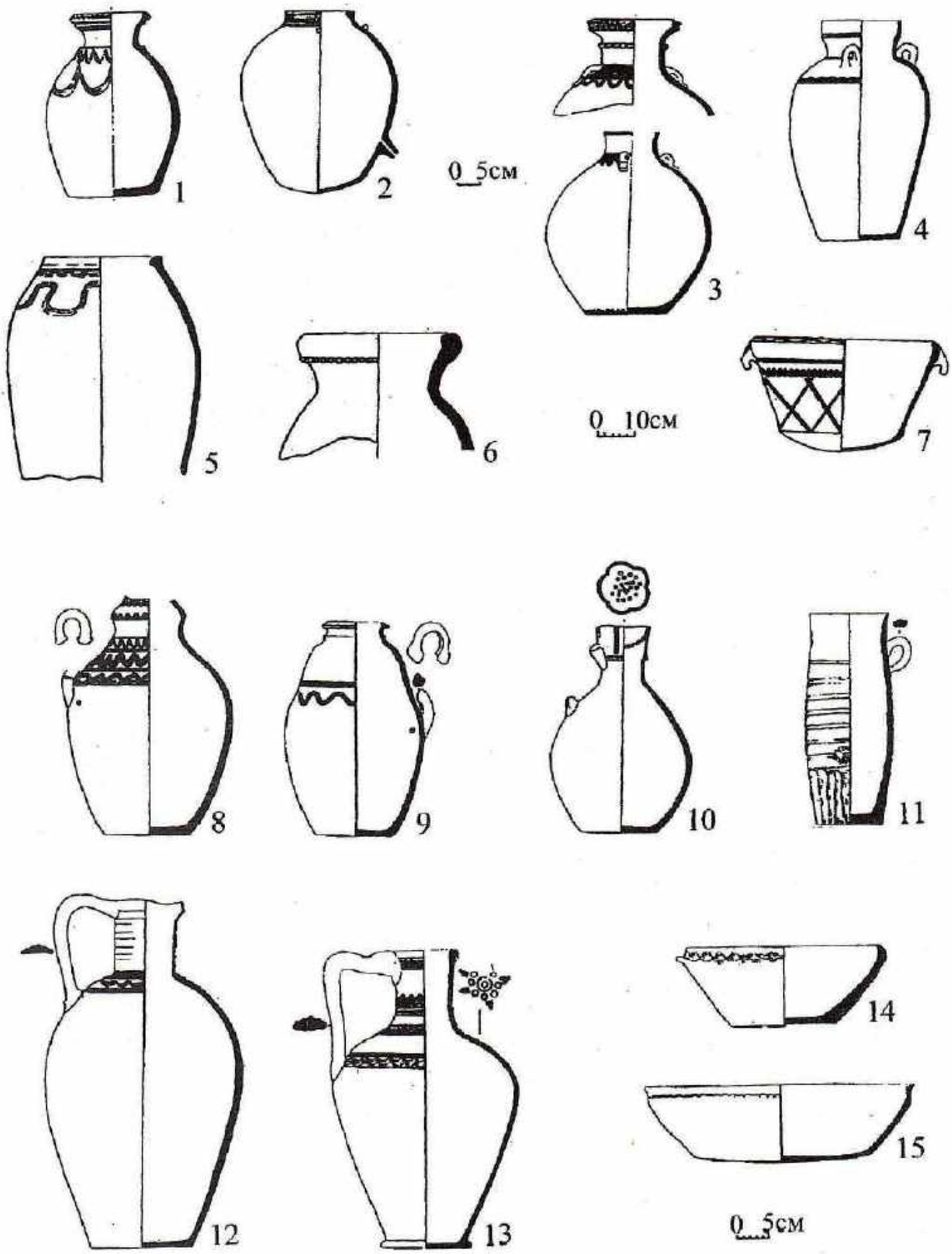

Рис.2. Джигербент. Хозяйственная керамика

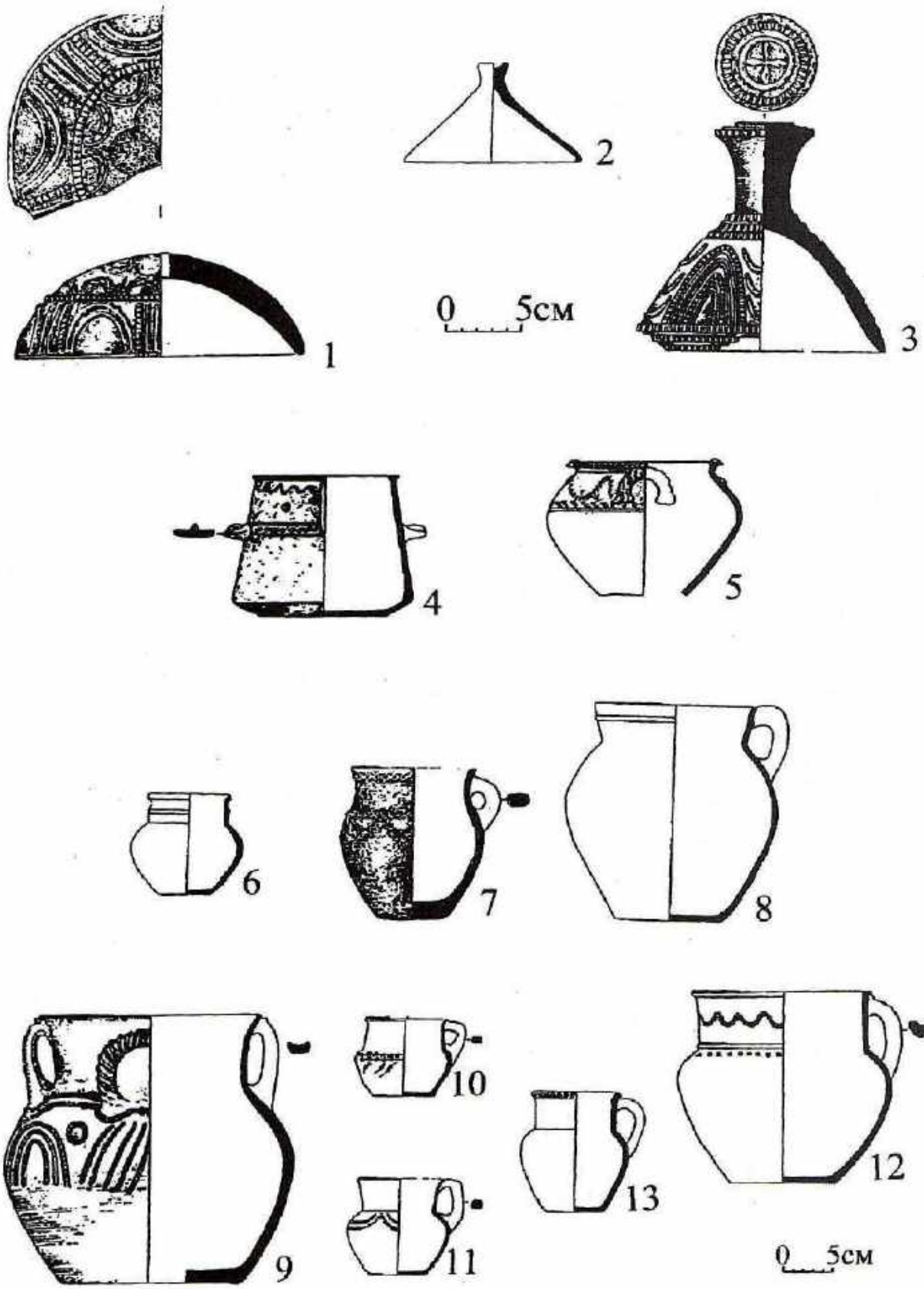

Рис. 3. Джигербент. Кухонная керамика

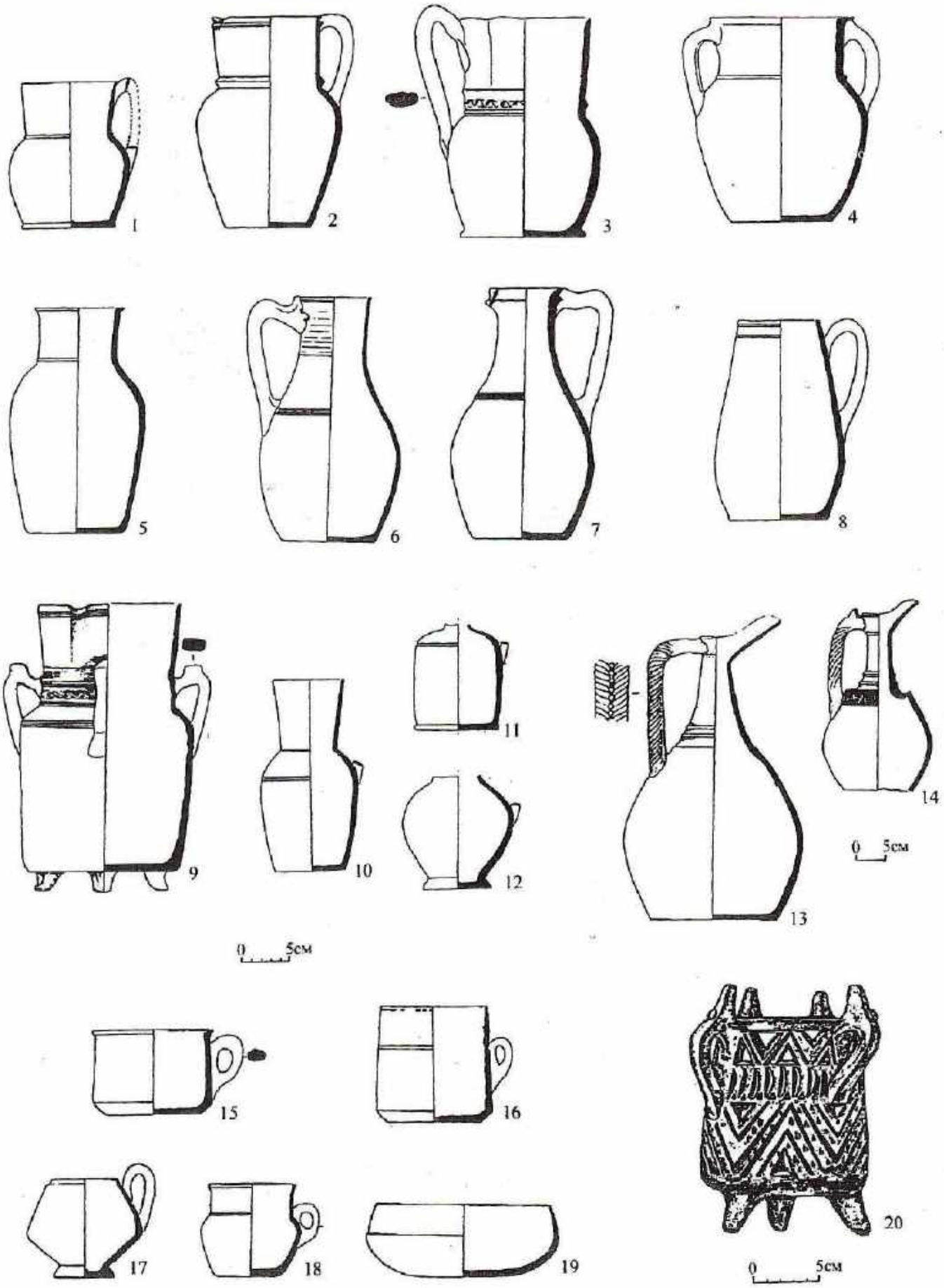

Рис. 4. Джигербент. Столовая керамика

И.В.ВОЛКОВ
(Институт культурного и природного наследия,
г.Москва, Российская Федерация)

ШИРВАНСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ИМПОРТ В ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДАХ*

Торговля и мореплавание на Каспийском море и Нижней Волге во время существования монгольских государств в этом районе не получили отражения в письменных источниках, как, например, аналогичная деятельность итальянцев в бассейне Черного моря. Это связано исключительно с плохой сохранностью документов, написанных на бумаге. Умозрительно, опираясь только на "точечные" сообщения письменных источников, можно лишь предположить, что масштабы торговли и перемещений населения в этой области не уступали таковым на караванных дорогах Великого Шелкового пути. "Путешествие за три моря" Афанасия Никитина дает отчетливое представление о том, что в XV в., когда централизованного государства в степном Поволжье уже не было, движение судов даже из России в Персию не осталось забытым предприятием. К несколько более раннему времени относится упоминание этих плаваний Иосафатом Барбаро, который писал: "Сейчас прошло, вероятно, лет двадцать с тех пор, как русские платили за плавание [по Волге] дань татарскому хану" (*Барбаро, 1971, с.158, §57*).

Естественно, функционирование волжско-каспийского пути заметно отличалось от характера движения на основных дорогах, соединяющих Европу и Китай. Конечные пункты поездок были расположены ближе друг к другу, меньшее число товаров относилось к предметам роскоши, объемы отдельных сделок были скромнее. Между тем продолжительность навигации в этом районе была весьма значительна, в торговле могли участвовать менее состоятельные купцы.

Почти единственным источником информации, касающимся этой торговли, остается археологический материал, прежде всего - керамика. Интерпретация этого источника всегда сомнительна - мы не можем сразу оценить, оживленную или ограниченную торговлю (и другие перемещения населения) она отражает. Однако, "внутренние" критерии для оценок все же есть. На золотоордынских городищах Поволжья могут быть выделены группы керамики из тех мест, о связях с которыми мы имеем письменные сведения, и из тех, о контактах с которыми таких данных нет. Поэтому соотношение групп керамики, происходящих из разных районов, позволяет сравнивать степень оживленности связей с этими районами: приблизительно одинаковые, большие, меньшие и т.д. Характер схемы такого исследования довольно постоянен. 1.Выделение группы импортной керамики. 2.Определение ее происхождения: а) выяснение направления, откуда она поступала путем картографирования; б) определение района происхождения; в) определение конкретного центра-экспортера. 3.Подсчет количества этой керамики на возможно большем числе памятников. 4.Выяснение контингента, перемещения которого отражены в керамических комплексах.

Одна из таких групп (рис.1) легко выделяется из всего комплекса керамики на городищах Нижнего Поволжья (по форме, технологии, составу формовочной массы и стилю росписи). Цель сообщения – обосновать ширванское происхождение этой группы сосудов (собственно чаш) и показать возможности исторической интерпретации находок. Чаши сделаны по донно-емкостной программе конструирования полого тела на РФК-7. После формовки и подсушки чашу переворачивали и вырезали ножом полость кольцевого поддона, от чего оставались характерные грубые ротационные следы. В редких случаях фиксируются следы налепливания диска поддона, изготовленного отдельно, но невозможно определить место этой операции в общей последовательности формовки. Отличительной является и сама форма кольца поддона – массивного, сильно утолщенного в верхней части, с отогнутым наружу краем; и специфическое углубление, возникавшее на границе кольца и нижней поверхности дна (рис.1, *1,6,11*). Эта форма поддонов очень устойчива и заметно отличается от местной поволжской. Указанная последовательность операций формовки оказалась очень живучей и зафиксирована в Азербайджане этнографически (*Агамалиева С.М., 1987, с.52-53*). Формовочные массы не имеют искусственных минеральных отощителей, а естественные (мелкий песок и слюда) присутствуют в очень незначительных количествах. Возможно, использовались какие-то органические добавки, т.к. пористость и водопоглощение у керамики этой группы значительно больше, чем у поволжской.

Есть две разновидности формы азербайджанских чаш, причем одна из них очень редкая. В большинстве случаев это приземистые чаши с широким горизонтально отогнутым венчиком (рис.1, *1-5,7-9*). В редких случаях встречаются сосуды с вертикальным бортом с утолщением снаружи (рис.1, *10*; 3, *1,6*). Все изделия выделенной группы имеют декор в технике *сграффито* и могут быть монохромными под зеленой поливой или полихромными, в исключительных случаях – монохромными с бирюзовой или желтоватой глазурью. Для гравировки использовали только тонкие линии приблизительно одной ширины. В исключительных случаях использовалось выскабливание ангобного фона (резерв) в сочетании с обычной гравировкой линией одной толщины (рис.2, *2-4*). Основной кроющей поливой сосудов с полихромной росписью является светлая желто-зеленая (часто ее неточно называют бесцветной), она лежит на всей внутренней поверхности (и частично внешней), однако, внешняя чаще покрыта зеленой поливой. Интенсивный желтый и зеленый цвета использовались для расцвечивания выгравированных деталей орнамента, причем чаще всего без точного соответствия с линиями (но отклонения от контуров обычно незначительны); марганцевый краситель - для нанесения самостоятельных деталей орнамента (без гравировки), это обычно кольца, спирали, побеги, пятна из трех точек (рис.2, *3*). Примечательно, что на зеленых монохромных изделиях также мог быть использован марганцевый

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 98-01-00286а.

краситель вне линий гравировки, хотя под поливой интенсивного зеленого цвета этот декор малозаметен. В редких случаях на полихромных изделиях использовали зеленую поливу для нанесения элементов орнамента, не связанных с гравировкой.

Классифицировать орнаменты на чашах рассматриваемой группы не представляется возможным и из-за малочисленности находок, и из-за общей неразработанности методов таких исследований: нецелесообразно разделять имеющиеся орнаменты на растительные и геометрические хотя бы уже потому, что растительные орнаменты геометризованы (повторяющийся элемент любой сложности всегда может быть расценен как геометрическая фигура). Ограничусь только характеристикой наиболее распространенных и отличительных на чашах рассматриваемой группы элементов орнамента. 1. Плоская поверхность венчиков чаш чаще всего бывает оформлена фестонами, обращенными внутрь или наружу. Они выполнены и гравированными линиями, и расцвечиванием (рис.3, *9*). 2. Наклонные фестоны на этой части также могут быть получены путем нанесения наклонных треугольников нерастекающимся марганцевым красителем без гравировки (рис.2, *2*; 3, *2,5*). 3. На внешнюю поверхность вертикальных участков края чаш часто бывают нанесены (с небольшим наклоном) фестоны, обращенные аркообразными изгибами вниз. Их всегда наносили только марганцевой краской без гравировки. Этот элемент встречается на обеих разновидностях формы чаш, на полихромных и монохромных зеленых изделиях (рис.1, *10*; 3, *1*). В исключительных случаях на этом месте марганцевым красителем наносилась сетка (рис.3, *3*). 4. На основной орнаментальной поверхности часто встречается элемент "спираль", выполненный гравировкой до 4-6 оборотов (рис.3, *2,4-8*). Однако чаще нт спираль делалась в несколько штрихов с отрывом резца от поверхности и, возможно, с изменением направления движения. Элемент может быть и помещен самостоятельно, и входить в сложные орнаментальные композиции. 5. На монохромных чашах с зеленой поливой часто присутствует равнобедренный "треугольник" (рис.3, *7*). Его основанием является часть концентрической окружности, а две другие стороны обращены к центру. Этот элемент может быть усложнен "спиралями", штриховкой и т.д.

Особо следует отметить, что на некоторых чашах этой группы по сырой глине оттиснуты клейма, расположенные внутри поддона, приблизительно в центральной части. Одно из таких клейм с Селитренного городища представляет собой сетку (на фрагменте с рис.1,*11*); другое - кольцо с зигзагообразной ломанной линией. Один фрагмент дна с клеймом найден в Маджаре, два клейма происходят из Азака (*Гудименко И.В., 1993, с.16-17, рис.2, 9)*. На территории Золотой Орды встречены также две чаши с гравированными надписями. Небольшой фрагмент (рис.2, *1*) найден на городище Самосделка Астраханской области, здесь мы имеем дело с обычной подписью мастера: "Сделал Махмуд сын Юсуфа гончар (букв. "чашечник"). Несколько букв от другой фразы не поддаются уверенному чтению. Фрагменты чаши из Азова содержат стихотворный текст (рис.2*)*: عمل محمود بن يوسف كاسه كر.

Примечательно, что уже с начала исследований Поволжской экспедиции Г.А.Федоров-Давыдов выделял эту керамику из общей массы, и в отчеты попадали иллюстрации образцов рассматриваемой группы даже из подъемного материала (*Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1980, л.89, рис.87, л.93, рис.91; они же, 1981, рис.*174, *1; они же, 1983, л.44, рис.102, 1, л.46, рис.104, 1-3, л.52, рис.*110, *2; они же, 1984, л.21, рис.43*). При раскопках гончарных мастерских в поволжских городах Золотой Орды ни разу не были встречены бракованные изделия этой группы. Были сделаны предварительные наблюдения о происхождении такой керамики с территории Азербайджана и Закавказья (*Волков И.В., 1995, с.57-62; Федоров-Давыдов Г.А., 1998, с.46*).

Направление предварительного поиска источника импорта выявлялось без особого труда: такой керамики очень мало в Азаке, незначительно больше – в Маджаре, среди опубликованного материала не известны образцы из Хорезма и Волжской Булгарии, но в обоих Сараях она представлена достаточно широко (особенно на Селитренном городище), максимальное число ее находок в Нижнем Поволжье – на городищах Красный Яр и Самосделка. Следовательно, источник импорта надо искать к югу от столиц Золотой Орды.

Ближайшие аналогии керамике этой группы мы находим на территории Азербайджана, причем там она была распространена уже в домонгольское время. Наилучшим образом исследована и опубликована керамика из материалов раскопок в Орен-Кала (Байлакане), которые относятся в основном к домонгольскому времени (*Якобсон А.Л., 1959, с.242-246, т.XVIII и др.; Минкевич-Мустафаева Н.В., 1965, с.44-45, рис.16; Фоменко В.П., 1965, с.53, рис.6*). Судя по материалам публикаций, она же известна на всей территории Азербайджана (*Ахмедов Г.М., 1985, с.27-29; Джидди Г., 1961, с.53; Неджафова Н.Н., 1960, с.148-151, рис.2; Новрузлу А.И., 1993, с.49-60, 77-80, рис.*18,*6-8*, 19,*1,3,8*, 22). Именно здесь были распространены подписные чаши с очень похожей графикой (*Гюзальян Л.Т., 1959; он же, 1965, рис.56-58; Новрузлу А.И., 1993, рис.*22, 2). Примечательно, что на городище Орен-Кала было найдено блюдо с подписью некоего Юсуфа (*Гюзальян Л.Т., 1959, с.336-337, рис.22*), который мог быть отцом упомянутого (рис.2, *1*) гончара Махмуда (вероятность этого невелика, но она все же есть, т.к. на Самосделке представлены и домонгольские слои).

Очертить границы региона, в рамках которого существовало местное производство керамики этой группы, в настоящее время затруднительно. Невелико количество удовлетворительно опубликованных коллекций из раскопок. По мнению местных исследователей, керамика с территории Азербайджана, производство которой исследовано в Мингечауре, Байлакане, Кабале, Шемахе, Шабране, Баку, Нахичевани, Гяндже, обладает внутренним единством (*Джидди Г., 1961, с.53; Ахмедов Г.М., 1985, с.27-29*).

Тем не менее очевидно, что керамика домонгольского времени с территории Грузии и Армении существенно отличается по набору форм и стилям росписи в целом. Однако, в большинстве стран Закавказья полихромная керамика с гравировкой по ангобу также встречается, причем находит отдаленные аналогии в Азербайджане (*Арчвадзе Т.Д., 1978, с.27-9*). Однако, наиболее веским аргументом в пользу азербайджанского происхождения рассматриваемой группы чаш является то, что клейма на внутренней стороне поддона встречаются почти исключительно на территории

Азербайджана (*Гусейнова С.Б., 1985, с.29*). Именно здесь они распространены достаточно широко (*Якобсон А.Л., 1959; Гюзальян Л.Т., 1959; Джидди Г., 1961, с.53; Исмизаде О.Ш., 1964; Гюзальян Л.Т., 1965, с.88, рис.63; Минкевич-Мустафаева Н.В., 1965, с.44,45, рис.16; Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.О., 1983, с.40-56, табл.XXII-XXXI; Новрузлу А.И., 1993, с.60, рис.* 22, *7-9*, 36, *4-8*).

Умозрительно следует полагать, что помимо отдельных общих черт, встречающихся на керамике всего Закавказья и мешающих выделять местные группы керамики для каждого города, существует еще и такая серьезная помеха, как неизбежное присутствие в коллекциях с любого памятника значительного количества импортной керамики, которой при публикации часто оказывают предпочтение за необычность. Об этом явлении (широком импорте керамики) можно судить даже по тому, что на разных памятниках Азербайджана встречаются чаши с клеймом одного мастера (*Исмизаде О.Ш., 1964, с.43*). Например, одинаковые клейма были встречены в Баку и на городище Бяндован, расположенном между устьем Куры и мысом Бяндован.

В связи с проблемой выделения особенностей керамики каждого города (т.е. дробления группы Ширвана на подгруппы), характеристика импортов в Поволжье приобретает особое значение. Следует ожидать, что поволжских столиц достигали изделия прибрежных городов. Самым близким к морю был Баку, где производство такой керамики существовало. Важность этого города для торговли характеризуется уже тем, что Иосафат Барбаро дважды назвал Каспийское море Бакинским (*Барбаро, 1971, с.157, §.53, с.158, §.57*). Однако, судя по описанию издаваемой бакинской керамики, местная керамика соответствующего времени в Баку – желтоглиняная (*Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.О., 1983, с.8,24,27,28.65*). Но, кроме того, там известна и красноглиняная керамика (*Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.О., 1983, с.26, 35*). Именно для Баку наиболее характерны сетчатые клейма (*Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.О., 1983, табл. XXIV-XXXI*). Опубликованные изображения донъев поливных чаш из Баку (а это наиболее консервативный и характерный элемент сосудов) также в точности соответствуют образцам из Поволжья (*Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.О., 1983, табл.XXIV-XXXI*). Следовательно, надо полагать, что большая часть керамики азербайджанской группы, найденной в Поволжье, происходит именно из Баку. Еще одним аргументом в пользу такого заключения является то, что в городе Шабране, расположенном в северо-восточном Азербайджане, комплекс поливной керамики XI-XIII вв. значительно отличается от поволжских импортных экземпляров (группы II и V: *Достиев Т.М., 1989, с.196-203*). При этом между ними есть некоторое сходство в формах венчиков и технологии (*Достиев Т.М., 1989, рис.5*).

Определенный интерес вызывает анализ распространенности керамики этой группы на памятниках за пределами Азербайджана. Она была достаточно широко распространена в Дербенте, что естественно, т.к. этот город долго входил во владения Ширваншахов *(Кудрявцев А.А., 1981, с.79-81, 94-101, рис.* 10, *5*, 11, *1-3*, 12, *3-4*). До Селитренного городища доходило лишь небольшое количество, судя по подсчетам всей керамики в течение сезонов 1989-90 гг. - не более 0,3 %. При этом большую часть импорта составляла монохромная керамика с зеленой поливой. На Царевском городище доля находок незначительно меньше. На городище Маджары в течение исследований двух лет на левобережье Кумы (1990-91) был обнаружен только один фрагмент дна полихромной чаши с сетчатым клеймом. В первую очередь единичность находки связана с тем, что на этом участке городища есть культурный слой, относящийся только к 1330-м гг. В слое на правом берегу Кумы (1993) такая керамика присутствует, но в количестве не более 0,03%. В музейных коллекциях с этого памятника она также отсутствует, но у частных коллекционеров находится не менее трех десятков показательных образцов. В Азове найдено лишь несколько фрагментов рассматриваемой группы, что связано с недавним ее выделением: мелкий фрагмент стенки (1993), два дна с клеймами - сложным сетчатым и в виде птицы (к сожалению, второе клеймо не было замечено автором раскопок и не попало в публикацию) (*Гудименко И.В., 1993, с.16-17, рис.2, 9*), характерный венчик (*он же, 1998, с.68-69, рис.5, 3*), фрагменты значительной части чаши с персидскими стихами (раскопки А.Н.Масловского 2000 г.).

Трактовка этих данных представляется следующей: самой оживленной была связь столицы Золотой Орды с территорией Ширвана, связь с Маджаром (который находился ближе и контролировал важнейший торговый путь по суше) была значительно меньше. Западная часть улуса Джучидов вообще была мало связана с закавказскими территориями (по крайней мере на четыре порядка слабее, чем столица), что и обусловило безуспешность претензий этой династии на Азербайджан даже после победоносных войн. Дербент, напротив, занимает особое положение. Он традиционно был связан с Ширваном экономически и политически, что и получило отражение в керамическом комплексе. Примечательно, что по материалам публикаций можно сделать предварительное наблюдение о том, что ширванской керамики в Дербенте было намного больше, чем в Шабране, расположенном значительно ближе к Баку и Шемахе (*Достиев Т.М., 1989, с.193-206*).

Остается необъясненным, кто именно перевозил эти сосуды – купцы или воины, например, огромной армии Джанибека, которая долго находилась в Азербайджане, а затем вернулась; или эмигранты из тех областей, такие, как богослов Махи ад-Дин Барда'и (*Казвини, 1990, с.108*), или армянские переселенцы.

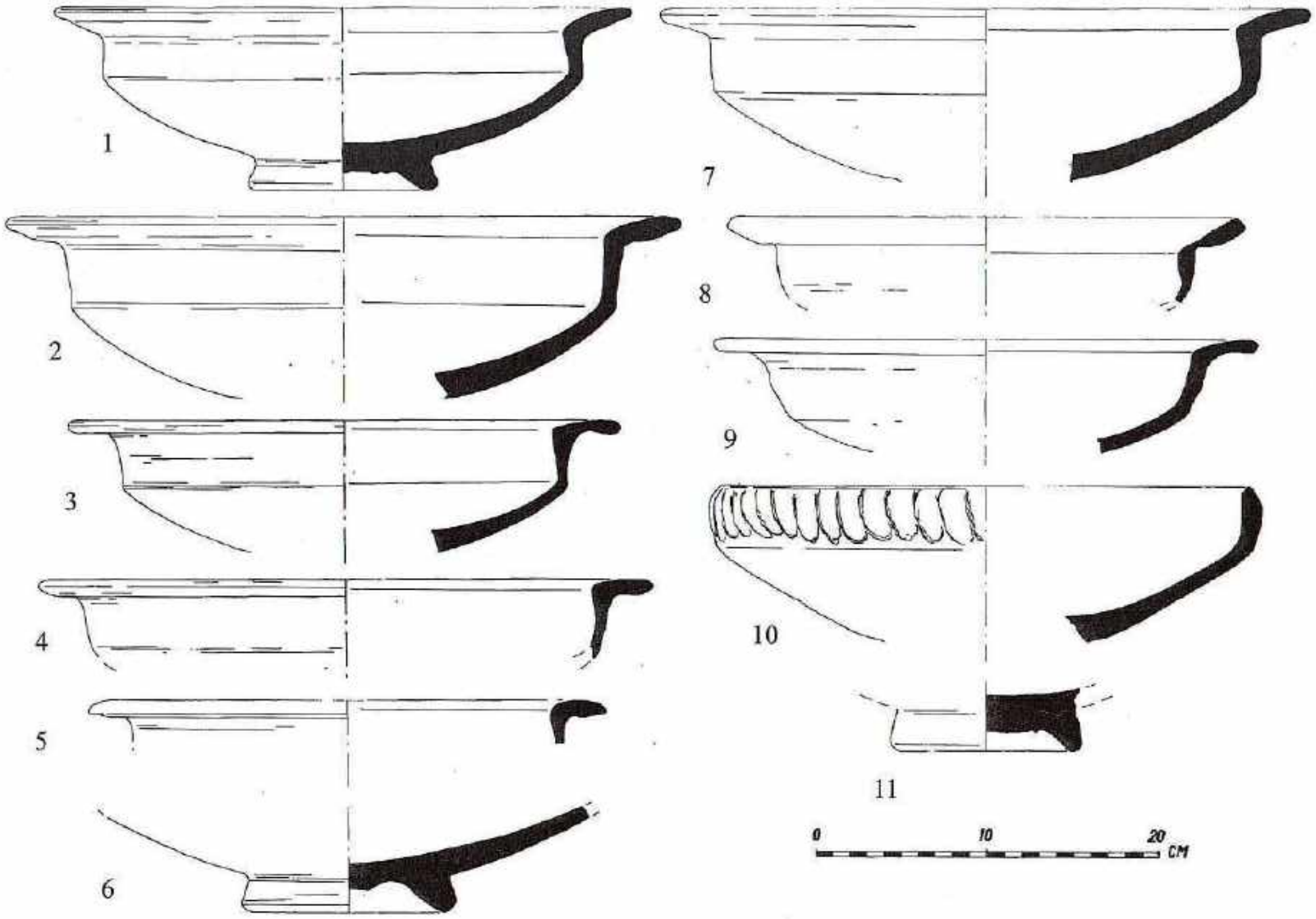

Рис.1. Комплекс керамики из Селитренного городища

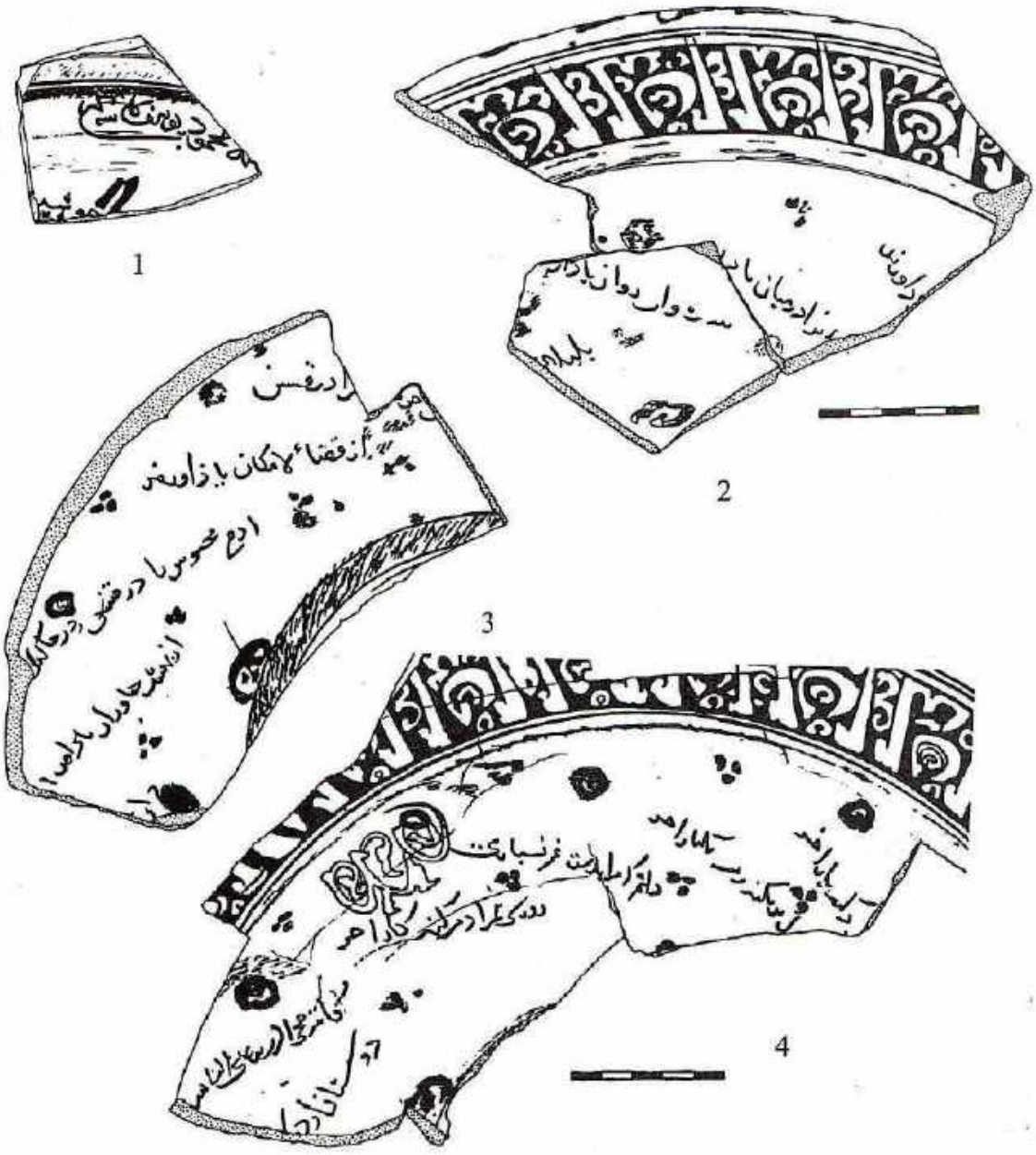

Рис. 2. Городище Самосделка. Чаши с надписями

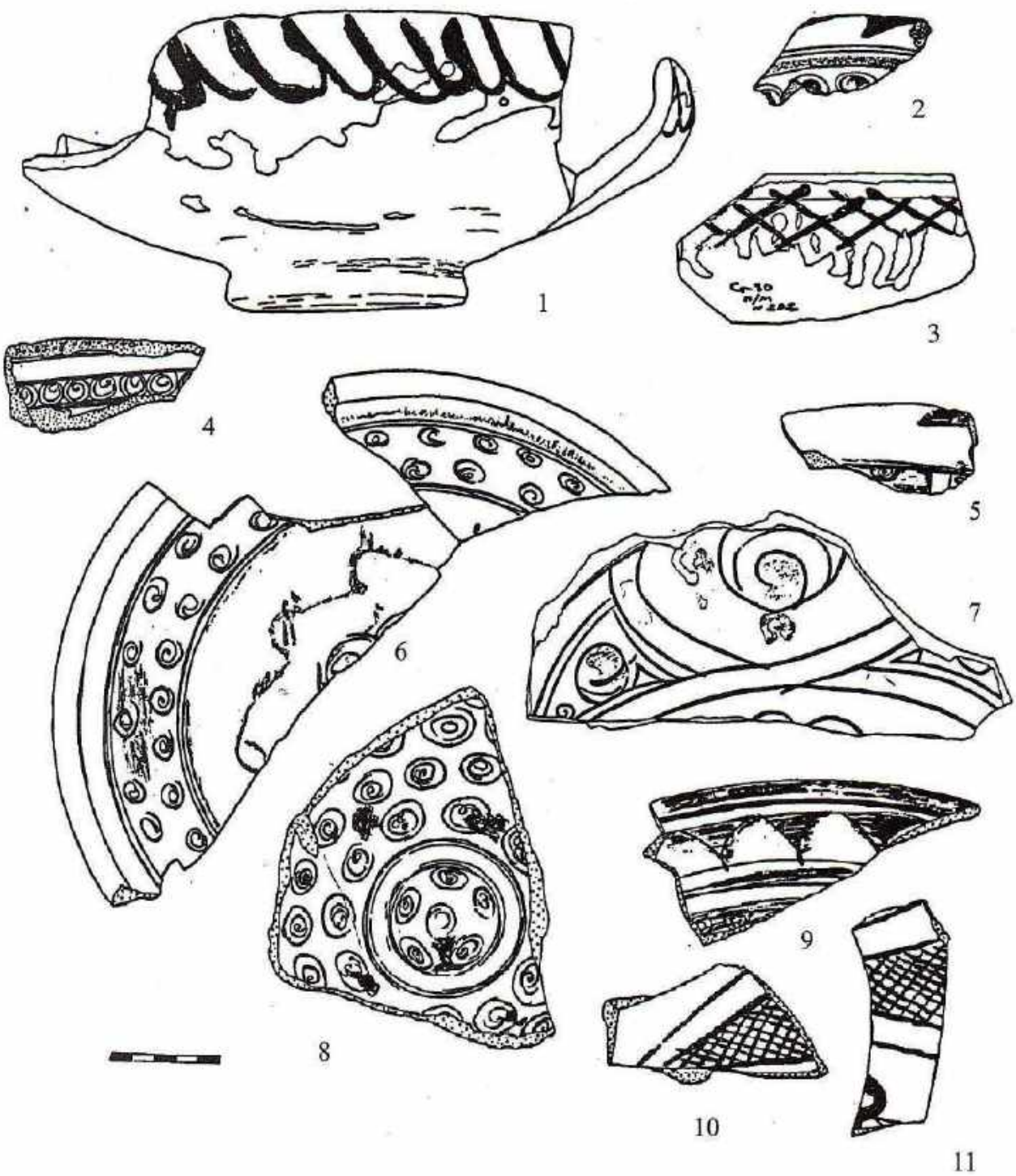

Рис. 3. Селитренное городище. Ширванская керамика.

И.В.ВОЛКОВ
(Институт культурного и природного наследия,
г.Москва, Российская Федерация),

Ю.А. ЗЕЛЕНЕЕВ
(Марийский Государственный университет,
г.Йошкар-Ола, Российская Федерация)

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ СОСУД ДЛЯ ВОЗГОНКИ*

Сосуды экзотических форм и назначения встречаются редко. Публикуемый сосуд был найден по частям на Царевском городище в течение двух полевых сезонов. Глина и технология формовки (РФК-6-7) полностью соответствуют признакам основной группы местной керамики. По общим пропорциям он больше всего напоминает обычный водолей (афтоба), но с заформованным отверстием горла. Для полной реконструкции не хватает только носика (сохранилась лишь часть прилепа), поэтому есть определенные сомнения в реконструкции этого элемента формы. Важная функциональная деталь – отверстие в дне, от которого внутри корпуса поднимается сужающаяся труба до уровня выше отверстия носика. В придонной части на высоте около 2 см стенки имеют незначительный изгиб, который при необходимости позволял бы плотнее вставлять дно в горло более крупного сосуда.

Ближайшая версия назначения сосуда – возгонка летучих фракций из содержимого более крупного сосуда, в который необходимо было вставить наш. Сосуды, вставленные один в другой, встречаются на средневековых миниатюрах, но всякий раз мы имеем дело с другими формами. Наиболее известны стеклянные аламбики, выполнявшие функцию конденсатора при возгонке, если их надевали на горло сосуда с исходной смесью (*Джанполадян Р.М., 1965, с.211-215; Валиулина С.И., 1998*). Для проведения возгонки при помощи стеклянных аламбиков требовались еще два сосуда – для исходной смеси и для приемки возогнанной летучей фракции. В данном же случае мы имеем дело с сочетанием в одном сосуде и емкости для конденсации жидкости, и приемника. Существенный недостаток изделия – его пористость, которая неизбежно приводила бы к потере части готового продукта. Однако, это могло быть и положительным свойством: испарение с внешней поверхности снижало бы общую температуру сосуда. Возможно, назначение сосуда то же, что и у аламбиков, поскольку они были разных типов и в наименовании отличались только словом-определением (*Джанполадян Р.М., 1965, с.212-214*).

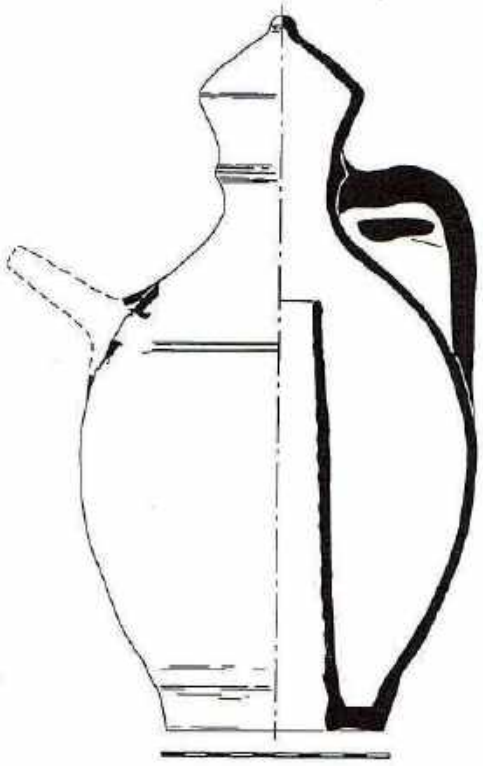

Рис.1. Сосуд для возгонки из Царевского городища

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 98-01-00286а.

З.С.ГАЛИЕВА
(Государственный музей Востока,
г.Москва, Российская Федерация)

СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ

Средневековый период в истории Средней Азии связан с интенсивным развитием городской культуры. В X-XI вв. н.э. в оседло-земледельческих среднеазиатских регионах, вошедших в состав государства Саманидов, в условиях политической и экономической стабилизации значительно увеличивается рост городов, в экономике которых ведущую роль играет ремесленное производство (*Большаков О.Г., 1973; Буряков Ю.Ф., 1982, с.152; Лунина С.Б., 1984, с.123; Байпаков К.М., 1986, с.17*).Всесторонние археологические исследования многочисленных средневековых памятников Средней Азии показали высокий уровень керамического производства (*Лунина С.Б., 1974; Шишкина Г.В., 1979; Брусенко Л.Г., 1980 и др.*).

На протяжении семисот лет, с IX по XV в., на обширной территории Евразии бытовал особый тип керамических сосудов, получивший в научной литературе за свою форму название сфероконусы[1]. Оригинальная форма, необычайной твердости черепок и нередко богатый орнамент сосудов вызывали у исследователей XIX – начала XX в. особый интерес. Их часто называли "загадочными" и выдвигали всевозможные гипотезы об их предназначении. Одной из самых популярных идей относительно применения сфероконусов была гипотеза о том, что они служили для перевозки ртути и благовонных масел (*Лихачев А.Ф., 1884; Ленц Э., 1904, с.102; Городцов В.А., 1926*). "Загадочными" сфероконусы оставались до 1940-х гг. (*Букинич Д.Д., 1938, с.55; Дмитров Л.Д., 1943, с.117-138*). А.В.Арциховский, обобщив предположения предшественников, излагает восемь гипотез применения сфероконических сосудов. Некоторые из них корректируются современными данными археологических и письменных источников (*Арциховский А.В., 1947, с.160-162*).

В последние десятилетия в научный оборот введена новая важная информация о сфероконусах, позволяющая составить более полное представление о технологических особенностях их производства, функциональном назначении и широком спектре их применения.

Из многочисленных работ, посвященных сфероконическим сосудам, можно заключить, что сфероконусы появились в Среднеазиатском регионе, в Закавказье и в Восточной Европе в IX в. н.э. и были широко распространены в Средней Азии в X-XIV вв, в Азербайджане в IX-XIII вв., в Армении в X-XIII вв., с XIII в. - на Северном Кавказе, в X-XIII вв. - в Поволжье (*Сычев Н.П., 1947, с.70-73; Хованская О.С., 1954, с.344,359; Ахмедов Г.М., 1959, с.222; Михальченко С.Е., 1974, с.46; Ртвеладзе Э.В., 1974, с.280; Хлебникова Т.А., 1988, с.92-93*). Наиболее полно по материалам Двина и Ани изучены сосуды Закавказья (*Джанполадян Р.М., 1958; она же, 1982*).

Данные археологических исследований керамических и ювелирных мастерских, печей, отвалов бракованной керамики позволяют сделать выводы, что в X в. сложное и трудоемкое производство сфероконических сосудов было освоено гончарами Согда, Чача, Хорасана, Южного Казахстана. В дальнейшем на протяжении пятисот лет (с X по XIV – начало XV в.) происходит развитие формы и орнаментации сфероконических сосудов (*Вактурская Н.Б., 1959, с.313-314; Альбаум Л.И., 1969, с.256-260; Атагаррыев Е., 1971, с.155-157; Сенигова Т.А., 1972, с.42; Абдуллаев К.А., 1975, с.71; Лунина С.Б., 1978, с.127-130; Брусенко Л.Г., Галиева З.С., 1982; Шишкина Г.В., 1986, с.26-27*).

Характерным признаком среднеазиатских сфероконусов является серовато-зеленый цвет, толстые стенки и особенно массивное дно. Сосуды изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученной глины, без видимых примесей, в большинстве случаев сфероконусы орнаментированы. Отличительной особенностью качества черепка среднеазиатских сфероконических сосудов является его большая плотность, прочность и звонкий металлический звук при ударе. Потребность в керамических изделиях с высокой механической прочностью поставила средневековых гончаров перед необходимостью поиска специального обжига - клинкерного. Клинкерный обжиг, доводящий черепок до спекания, связан со сложным многоэтапным технологическим процессом, требующим от 200 до 350 часов обжига, в течение которых достигается медленное изменение (повышение и понижение) температуры (*Соколов Я.А., 1949, с.4,11*).

Минералогический состав глин влиял как на огнестойкость и качество обжига, так и на цвет сосуда. Специалистами установлено, что содержание окислов железа в глине при температуре 1000 градусов придает черепку шоколадно-коричневую или красновато-бурую окраску (*Соколов Я.А., 1949,с. 13-14, 24*), чем, очевидно, объясняются кирпично-красный цвет сфероконических сосудов Поволжья или редко встречающиеся красные и черные сфероконусы Кавказа (*Джанполадян Р.М., 1958, с.202; Михальченко С.Е., 1974, с.46*). Желтовато-серый и серо-зеленоватый цвет глины образуется от незначительного содержания окиси железа и более высокого содержания извести. Подобный цвет черепка характерен для большинства среднеазиатских сфероконических сосудов (*Соколов Я.А., 1949, с.25*).

Раскопки показали, что сфероконусы обжигались в двухъярусных гончарных горнах с круглыми или подпрямоугольными загрузочными камерами, со специальными перегородками в устьях, в топке на сооруженной для этой цели полочке (шириной 35 см) или на полу, в особом отсеке (*Альбаум Л.И.,1969, с.257-259; Немцева Н.Б., 1969, с.201; Атагаррыев Е., 1971, с.155; Лунина С.Б., 1984, с.82-83*). Сложная технология обжига часто приводила к образованию большого количества брака. Так, многие исследователи часто отмечали большие отвалы бракованных

[1] Исследование ограничивается XV в., так как, судя по археологическим данным, в поздние периоды массовое производство сфероконусов в Средней Азии не зафиксировано.

сфероконических сосудов вблизи гончарных мастерских или на окраинах рабадов (*Альбаум Л.И., 1969, с.256-259; Сенигова Т.Н., 1972, с.158; Абдуллаев К.А., 1974, с.83-92; Лунина С.Б., 1984, с.80; Папахристу О.А, Л.С.Баратова, 1990, с.168*). Н.Б.Немцева при раскопках гончарных печей XII-XIII вв. расчистила в топке куски спекшихся сфероконических сосудов (*Немцева Н.Б., 1969, с.194*).

На городище Орен-кала в Азербайджане бракованные зеленоватые сфероконусы были обнаружены в камерах специальных двухъярусных подковообразных печей IX в. н.э. (*Минкевич-Мустафаева Н.В., 1959, с.178-181*). Из чего следует, что в отличие от Закавказья технологической особенностью производства среднеазиатских сфероконусов X-XIV вв. было использование обычных топочных камер с перегородками, отсекающими особо высокотемпературные участки.

В настоящее время накопленная разносторонняя информация о сфероконических сосудах Средней Азии и Казахстана предоставляет возможность исследовать типологию, хронологию и динамику развития их формы и орнамента. К сожалению, предложенные исследователями даты большинства комплексов охватывают период протяженностью в двести–триста лет, поэтому наши выводы основывались на четко датированных, в пределах века, закрытых комплексах: гончарные печи, мастерские, однослойные хозяйства ремесленных кварталов, помещения бытовых и общественных зданий с памятников Афрасиаб, Алтынтепе (Каршинская область), Мерв, Шехр-Ислам (Туркмения), Замахшар (Хорезм), Канка и др. (*Агеева Е.И., 1949, с.113; она же, 1951, с.105; Вактурская Н.Н., 1959, с.313-314; Лунина С.Б., 1962, с.359-366; Альбаум Л.И., 1969, с.256-259; Немцева Н.Б., 1969, с.201; Атагаррыев Е., 1971; Сенигова Т.Н., 1972, с.154-160; Брыкина Г.А., 1974, с.67-68; Брусенко Л.Г., Галиева З.С., 1979; они же, 1982; Бурякова Э.Ю., 1986, с.163; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.В., 1987, с.129,160-162; Иневаткина О.Н., 1991*).

Все известные среднеазиатские сфероконические сосуды можно объединить в две большие группы.

У сосудов первой группы дно оформлено в виде конуса, чаще с выступающим закругленным штырьком (рис.1, *1-20*), сфероконусы группы II – плоскодонные (рис.1, *21-24*); в обеих группах встречаются сосуды с редкой формой тулова, венчика или горла (рис.1, *5-7,11,19,20*).

Разница в пропорциях сфероконических сосудов позволяет отнести их к разным типам, а по морфологическим отличиям тулова и донной части выделить подтипы и варианты.

Так, тип 1 (I.1) составляют сфероконусы, у которых максимальный диаметр (Дт) приближается к высоте (Н) (от основания горлышка), равен или несколько более ее - сфероидное тулово (рис.1, *1-4*).

Тип 2 представлен сосудами, у которых Дт больше 1/2 Н сосуда – яйцевидное тулово (рис.1, *8-10,11,13*).

Тип 3 - Дт несколько равен или менее 1/2 Н и имеет сильно оттянутое основание – каплевидное тулово (рис.1, *21-24*).

В подтипы выделены сфероконусы: с округлым абрисом тулова - I.1.А (рис.1, *1,3-11*); с угловатым абрисом тулова - I.1.Б (рис.1, *2*); тулово с уступом на плечиках - I.1.В (рис.1, *12,16-18*).

Морфологическими различиями донной части сфероконусов группы I определяются варианты: а - основание обычное, коническое; б - основание уплощенное, раздвоенное (рис.1, *7*); в - граненая нижняя часть тулова (рис.1, *5*).

Сосуды группы II определены в типы и подтипы по тем же характеристикам, что и сфероконусы группы I.

Однако, варианты в группе II иные: г - плоское донце (рис.1, *21*); д- наличие поддона (рис.1, *22, 23*); е - высокая ножка (рис.1, *24;* 3, *7*); ж – призмоконическое основание (рис.1, *6*).

В особый вид выделены разнообразные формы горла и венчика (рис.2, *11-17*): (а) - массивный, "манжетовидный " венчик и узкое горло (рис.2, *11*); (б) - уступчатое широкое массивное горло (рис.2, *12*); (в)- венчик-валик, выделенный желобком на высоком горле (рис.2, *13*); (г) – двух-трехваликовое горло (рис.2, *15-17*); (д) - широкое, высокое горло с уступом и двухчастным венчиком (рис.2, *14*).

Группа I. Сосуды типа 1.2 повсеместно встречаются в керамических материалах Средней Азии и Казахстана с X в. до середины XV в. В то же время единичные находки ранних сфероконусов I.1.А.а. (рис.1, *1*), обнаруженные в материалах IX-X вв. на Афрасиабе и в Ходженте (*Шишкина Г.В., 1986, с.27; Марафиев С.Ш., Москаленко Н.А., 1987, с.301*), дают основания предположить, что уже с IX в. сфероконусы постепенно входят в быт людей и с X в. становятся товарной продукцией с широким ареалом распространения (*Кожемяко П.Н, 1963, с. 145-159; Брусенко Л.Г., Галиева З.С., 1982*).

Тип I группы I. Дальнейшее развитие ранних форм (I.1.А.а.) сфероконических сосудов хорошо прослеживается в керамических комплексах из жилого и ремесленного кварталов X-начала XI вв. городища Канка, где наряду с ранними сфероконическими формами появляются сосуды с вытянутыми пропорциями тулова (ср.рис.1, *1,2* и *13,14*). Здесь было обнаружено около пятисот фрагментированных и более ста целых сфероконусов (*Брусенко Л.Г., Галиева З.С., 1979, с.93-110; они же, 1982; Брусенко Л.Г., 1986, с.33*). Так, из 110 целых сосудов 85 составляют сфероконусы 1-го и 2-го типов первой группы (рис.1, *1-3;8-10*).

Сфероконусы типа I.1.А.а. в XI-XII вв. находят широкое применение в соседних с Чачем регионах.

На городище Отрар в ходе раскопок бань XI-XII вв. была собрана коллекция сфероконических сосудов (*Байпаков К.М., 1986, с.143-144*). К.М.Байпаков установил, что в этом комплексе сфероконусы со сферическим туловом (I.1.А.Б.а.) встречаются почти в пять раз чаще, чем сосуды с удлиненным яйцевидным туловом (I.2.А.а), и в четырнадцать раз чаще, чем сфероконусы с также удлиненным цилиндрическим корпусом (I.2.А.а). Автор отметил влияние Чача на отрарскую керамику (*Байпаков К.М., 1986, с.143*), что в свою очередь подтверждает наши выводы о том, что в X-XI вв. в Средней Азии ведущей формой сфероконусов были сосуды группы I типа 1, подтипов А,Б, варианта "а" (рис.1, *1,2*), названные нами "классическим типом" (I.1.А.Б.а.).

Определение "классический тип" для сфероконусов Средней Азии мы приняли на основании их широкой популярности и массового производства на протяжении длительного хронологического диапазона во многих регионах

Средней Азии и Казахстана (рис.1, *1,2,3*). К "классическому типу" могут относиться и сфероконические сосуды Поволжья (Биляр, Булгар, Большая Толба, Хулаш и др.), для которых эталонными признаками являются красно-коричневый цвет черепка, массивное широкое и прямое горло с едва выраженным бортиком венчика; тулово чаще округлое с коническим дном (*Хованская О.С., 1954, с.344,363, табл.16; Михальченко С.Е., 1974, с.46; Хлебникова Т.А., 1988, с.93*).

Среди сфероконических сосудов группы I классического типа встречаются единичные экземпляры с неординарно оформленной преддонной и донной частью. Так, сфероидные сосуды, обнаруженные на городищах Афрасиаб и Ахсикет, имеют основание в виде хвоста рыбы (рис.1, *7*); у канкинского основание в виде шестигранной пирамиды (рис.1, *5*); у бозсуйского сфероконуса в основании призма (I.1.А.ж; рис.1, *6*) (*Букинич Д.Д., 1938, с.57, рис.4,5; Джанполадян Р.М., 1982, с.13, табл.XIX, №8; табл.IV*).

Сфероконусы "классического типа " как характерные предметы материальной культуры наглядно демонстрируют географию контактов средневековых государств Евразии.

Тип 2 группы I. Анализ четко датированного комплекса сфероконусов X-начала XI вв. с городища Канка показал, что одновременно с классическим типом использовались сфероконусы группы I типа 2. Это сосуды со сфероидной, цилиндрической или яйцевидной формой тулова (подтипы А, Б с вариантами), но больших размеров (рис.3). Судя по материалам бадраба XII–начала XIII вв. с городища Афрасиаб (раскопки О.Н.Иневаткиной), где сфероконусы типа 2 составили более 80% от общего числа находок сфероконических сосудов (рис.3), становится очевидным, что в XII-XIII вв. они нашли широкое применение во многих среднеазиатских регионах и, как емкие сосуды, были керамической продукцией повышенного спроса в Согде, Чаче и Хорезме (рис.1, *8-12*; 3, *1-6*) (*Вактурская Н.Н., 1959, с.313; Брусенко Л.Г., Галиева З.С., 1982; Пугаченкова Г.А., 1985; Иневаткина О.Н., 1991*).

К типу 2 относится сфероконус с редкой формой венчика (I.2.А.а.(д); рис.1, *11*), обнаруженный в Казахстане на городище Сарайчик XII-XIV вв. Сосуд с цилиндроконической формой тулова, горло широким уступом переходит в навершие с уплощенным валиком венчика. Плечики сосуда богато украшены штампованным орнаментом и чередующимися овальными и небольшими округлыми налепами (*Арзютов Н., 1949, с.132; Пацевич П.И., 1956, с.221; Археологическая карта Казахстана, 1960*).

Тип 3 группы I. Исследования Миankальского Согда, Афрасиаба, памятников Чуйской долины, Куня-Ургенча, Замахшара, Мерва и др. помогли установить, что в XI-начале XII вв. появляются сфероконусы (I.3.А.а) с вытянутой каплевидной формой тулова (В.12-14см; Д.т.-7,7; 8 см), с сильно оттянутым основанием (рис.1, *12-14*) (*Пугаченкова Г.А., 1989, с.166-175; Альбаум Л.И., 1969, с.260; Бернштам А.Н., 1952, с.161; Вактурская Н.Н., 1959, с.313; Лунина С.Б., 1962, с.359*).

Локальные особенности и развитие форм типа 3 на протяжении трех веков отражены в группе сфероконусов X-XIII вв., собранных на городище Иштыхан. Несмотря на то, что эта коллекция состоит из разновременного подъемного материала, однако, опираясь на данные стратиграфически датированных керамических комплексов с городищ, расположенных в Самаркандской и Кашкадарьинской области (*Ташходжаев Ш., 1960, с.191-194; Немцева Н.Б., 1969, с.194-201; Лунина С.Б., 1978, с.127-130*), нам представилась возможность выстроить сфероконусы Согда в типологический ряд. Коллекция позволяет проследить, как трансформировалась от полусферической в каплевидную форма тулова; от едва выраженного конусовидного до удлиненного вытянутого - основание; пологие плечики - в сложные уступчатые (*Пугаченкова Г.А., 1989, с.172, рис.85*). Г.А.Брыкина, изучая сфероконические сосуды из слоев последнего периода обживания зданий XII в. городища Карабулак юго-западной Ферганы, отметила, что среди многочисленных сфероконусов ("классический тип" - I.1.А.а) два сосуда отличаются от всех остальных (I.3.А.а) (*Брыкина Г.А., 1974, с.69, рис.43*). По всей видимости, в XI-XII вв. в Фергане, как и в Ташкентской области, превалировали сфероконические сосуды классического типа, но в то же время использовались и привозные из других районов, как мы считаем, в данном случае - согдийские.

В материалах XII-XIII вв. с городищ Хорезма (Замахшар, Куня-Ургенч), Согда (Афрасиаб, Алтынтепе, Иштыхан, Кара-Курум и др.), Хорасана (Мерв, Военган, Шехр-Ислам) среди обычных типов сфероконусов многочисленную группу составляют сосуды с едва выраженным валиком венчика, пологими плечиками (рис.1, *15*) или уступом на плечиках (рис.1, *12,16*) (*Вактурская Н.Н., 1959, с.313; Лунина С.Б., 1962, с.359; Альбаум Л.И., 1969, с.260; Кдырниязов М.Ш., 1989, с.89 Пугаченкова Г.А., 1989, с.166-175*). Из чего следует, что в XII-XIII вв. происходит дальнейшая эволюция сфероконусов типа 3 группы I (I.3.А.а): преобладает каплевидная форма тулова, сужается горловина, валик венчика едва выражен, плечики становятся пологими или уступчатыми (I.1.В).м

Сфероконус (тип 3 группа I) из подъемного материала, обнаруженный Левобережным отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1959 г., не имеет аналогий, но по близким морфологическим признакам формы тулова, он может относиться к третьему типу (рис.1, *20*). Это глазурованный сосуд зеленого цвета (I.3.А.а) с необычно широким горлом (диаметром 2 см) без венчика, с массивным горизонтальным ребром над плечиками, с ребристой поверхностью и лепным дном (рис.1, *20*).

В XIII-XIV вв. характерным признаком формы сфероконусов типа 3 являются уступчатые или многоступенчатые плечики при каплевидной форме тулова, валик венчика часто сглажен, переходя в цилиндрическое или горизонтально-ребристое горло (I.3.А.а; I.3.В.а) (рис.1, 16-18). В Согде, Хорезме и Мерве сфероконусы типа 3 встречаются чаще, чем в Чаче, Фергане и Казахстане, где в это время превалируют сфероконические сосуды классического типа (I.1.А.а) и емкие сосуды типа 2 (I.2.А.а), в том числе и плоскодонные группы II (II.1.А.г.д.ж) (*Букинич Д.Д., 1938, с.54-56; Абдуллаев К.А., 1974, с.83-92; Буряков Ю.Ф., 1975, с.37*). В XII–XIV вв. сфероконусы I.3.В.а становятся излюбленной формой согдийских и хорезмских гончаров. Сосуды изящны, их особым украшением являются ребристое горло и уступчатые плечики, часто орнаментированные разнообразными видами узоров (рис.1, 16-18; рис.2, 20,22)

(*Вактурская Н.Н., 1959, с.313; Ташходжаев Ш., 1960, с.191-194; Кдырниязов М.Ш., 1989, с.89; Пугаченкова Г.А., 1989, с.172*).

Группа II. Плоскодонные сфероконические сосуды группы II так же, как и сфероконусы первой группы, зафиксированы в культурных слоях и археологических комплексах X-XIII вв. (*Букинич Д.Д., 1938, с.57-58; Генс Ю.Ф., 1969, с.273; Брусенко Л.Г, Галиева З.С., 1982*). Сосуды, не считая донной части, во всем идентичны сфероконусам группы I, но только встречаются гораздо реже.

Однотипны по своим характерным признакам плоскодонные сфероконусы II.1.А.д;II.2.А.д) бозсуйской и канкинской коллекций X-XI вв. (*Букинич Д.Д., 1938, с.56., рис.2; Галиева З.С., 2000, с.11-13*). Здесь встречаются сосуды с плоским дном (II.1.А.г), со следами шлифовки на нем, возможно, это результат вторичной обработки (рис.1, *21*); на монолитном плоском или на кольцевом поддонах (II.1.А.д.; II.2.А.д), повторяющих форму поддонов обычных кувшинов или чаш (рис.1, *22-23*). Д.Д.Букинич отнес плоскодонные сфероконусы к разряду "редких" и особо отметил сосуды на кольцевом поддоне, сплошь покрытые гребенчатым орнаментом. Прямые аналогии орнаментированным поддонам сфероидных сосудов встречаются в том же регионе (Чач) на городище Канка (*Букинич Д.Д., 1938, с.56; Брусенко Л.Г., Галиева З.С., 1982*). Необычно для сфероконусов оформлен массивный поддон (II.3.д) с врезным кольцом у сосуда из Куня-Ургенча (№20862кп, Фонд развитого средневековья Отдела истории материальной культуры и древнего искусства, ГМВ). В слоях XII-XIII вв. городища Афрасиаб найден емкий сфероконус с непропорционально маленькой для такого типа сосуда, неустойчивой высокой ножкой – II.2.А.е (рис.3, *7*).

С первых этапов своего появления в быту у среднеазиатского населения сфероконические сосуды были украшены простыми и сложными орнаментальными композициями. В орнаментации сфероконусов использовались такие технические приемы, как штамповка, наколы, резка, процарапывание, срезы, пальцевые вдавления, налепы.

В технологии нанесения штампованного орнамента применялись простые инструменты и матрицы-колыбы со сложным орнаментом. Простейшим и часто используемым для оттиска инструментом были трубочки разных диаметров (от 3 мм до 1 см), кроме того, применялись трубки с зубчатым краем. Из штампованных колец и полуколец составлены разнообразные узоры, в ряде случаев они нанесены хаотично по плечикам и тулову или заполняют промежутки других композиций (рис.4, *15,17-19*). Встречаются варианты круглого штампа с растительно-геометрическим орнаментом (рис.4, *6*).

К редким видам штампа относится миндалевидный лист рельефной структуры (рис.4, *20*;1, *5*). Несмотря на то, что подобный вид орнамента встречается на сфероконусах не часто, однако, он был довольно распространен в орнаментации керамики с древнейших времен. По мнению исследователей, в основе орнамента "миндалевидного листа" прослеживаются греческие традиции (*Пугаченкова Г.А., Некрасова Е.П., 1978, с.158-159*). В средние века гончары вновь обращаются к давним традициям и, очевидно, с IX в. н.э. начинают использовать этот элемент в орнаментальных композициях на сфероконусах. В материалах, выявленных при раскопках гончарной печи IX в. в рабаде городища Канка (Ташкентская обл.), был обнаружен лощеный двуручный сосуд, украшенный колосьями, составленными из миндалевидных листьев (*Тихонин М.Р., 1986, с.197-201; см. рис. к статье Ю.Ф.Бурякова настоящего сборника*). Найденный здесь же, только в жилом и ремесленном кварталах X–XI вв., сфероконус черного цвета, с придонной частью в виде шестигранной пирамиды (см. выше) украшен орнаментальным поясом из оттисков листьев по плечикам и в верхней части каждой грани (рис.1, *5*). В археологических фондах ОИМК и ДИ Музея Востока хранится сфероконический сосуд, отнесенный по нашей типологии к типу 3 первой группы датируется XIII-XIV вв. Его уступчатые плечики и каплевидное тулово орнаментированы горизонтальными и вертикальными ветками, составленнымиз штампованных миндалевидных листьев.

К самым распространенным видам орнамента относятся процарапанный и гребенчатый. Элементы узоров наносились с помощью острых предметов (острие ножа, заостренная палочка) и зубчатой (гребенчатая) палочки. Мотивы процарапанного орнамента встречаются от самых простых (горизонтальные линии от одного до нескольких рядов) до сложных растительно-геометрических; гребенчатый декор из наклонных пунктирных линий или в виде "елочки" использовался во многих композициях (рис.4, *12-16*).

Сложнокомпозиционные орнаменты могут сочетать элементы, выполненные разными техническими приемами: наколы гребенчатой палочки, врезанные углубленные и рельефные штампованные узоры, полосы из пальцевых вдавлений и налепы-валики (рис.3; 4, *16-16,21*).

Своеобразие и парадность орнаментальных композиций создают валики-налепы. Налепы на сфероконусах как элемент узора Средней Азии появляются с конца X в. В Ташкентской области они зафиксированы в слоях X-начала XI вв., в Самаркандской области с XI в., в Туркмении и Хорезме с XII-XIII вв., в Казахстане и Чуйской долине с XII-XIII вв. (*Агеева Е.И., 1949, с.117; она же, 1951, с.105; Вактурская Н.Н., 1959, с.313-315; Лунина С.Б., 1962, с.359-366; Немцева Н.Б., 1969, с.194-201; Атагаррыев Е., 1971; он же, 1974; Брусенко Л.Г., Галиева З.С., 1979; они же, 1982; Иневаткина О.Н., 1991*).

Несмотря на различие в форме валиков-налепов, техника их изготовления в разные хронологические периоды неизменна – это ручная лепка, часто с подправкой подсобными инструментами. В Повожье известно использование средневековыми гончарами трехчастных матриц, в которых удлиненной формы валики делят орнаментальную композицию на сектора (матрица из Сарая Берке в экспозиции Гос.Эрмитажа). Из чего следует, что в изготовлении сосудов с налепами существовали различные региональные технологические приемы – лепка и штамповка.

Форма среднеазиатских налепов самая разнообразная, и все же по внешним признакам их можно разделить на два варианта - широкие и узкие. Широкие налепы бывают: листовидные утолщенные, с продольной гранью; массивные овальные, подтреугольные в сечении (рис.2, *3-4,6*; 3; 4, *19*); узкие налепы: овальные и уплощенные (длинные и

короткие); подпрямоугольные в сечении, уплощенные или длинные с выделенным ребром (рис.1, *17*; 2, *8,10*). В большинстве случаев налепы крепятся вертикально на плечики, либо на тулово и плечики, и только на сосуде из бозсуйского комплекса утолщенные валики, украшенные гребенчатым орнаментом, посажены в верхней части тулова - горизонтально (*Букинич Д.Д., 1938, с.57*).

В декоре сфероконических сосудов в зависимости от композиции использовалось от двух до двенадцати узоров. Они составлялись из одинаковых и разнотипных валиков. В большинстве случаев валики делят сферу тулова на три или четыре сегмента, реже на два, внося в легкость узора определенную монументальность.

Сфероконические сосуды из бадраба XII-начала XIII вв. с цитадели Афрасиаба демонстрируют творческую фантазию согдийских гончаров в вариациях использования в орнаменте налепов (рис.3). Комплекс представлен сфероконическими сосудами больших объемов - тип 2 группа I: в их орнаментации преобладают листовидные широкие (длинные и короткие) утолщенные с продольным ребром валики (рис.3, *1-5*). Вид сверху на композиции декора афрасиабских сфероконусов раскрывает простые и сложные сюжеты, в которых валиками-налепами изображены как бы рельефные лепестки розеток. Особенно выразительны два сосуда, у которых чередующиеся короткие и длинные листовидные налепы, прикрепленные ближе к горлу, на пестром фоне узора изображают шестилепестковый цветок (рис.3, *3,5*).

Сфероконусы 3-го типа первой группы XII-XIV вв. из Согда, Хорезма, Мерва украшены иным видом валиков – узкими, длинными и уплощенными, в большинстве случаев прикрепленными по всей высоте тулова. В отличие от описанных выше налепов, они изящно и легко вписываются в разнохарактерные орнаментальные сюжеты (рис.2, *8,10*). (*Бернштам А.Н., 1952, с.161; Лунина С.Б., 1962, с.359-366; Атагаррыев Е., 1971; он же, 1974; Вактурская Н.Н., 1959, с.315, табл.36*).

Анализируя в хронологической последовательности орнаментированные валиками-налепами сфероконусы, происходящие из хорошо датированных комплексов, нам удалось проследить этапы и эволюцию форм этого вида орнамента.

I этап. Начальный этап применения налепов относится к X-началу XI в. (по канкинским материалам). Листовидные, широкие и высокие валики с продольной гранью, часто украшенные гребенчатым орнаментом, в декоре сфероконических сосудов I.1.2.3. использовались до XIV в. (рис.2,3).

II этап. В XII-XIII вв. вместе с изменением формы сфероконусов (I.3.А.а) появляются узкие, уплощенные и длинные, вытянутые вдоль корпуса сосуда валики-налепы.

III этап. В XШ-XV вв. такие налепы, украшенные тисненым орнаментом, доминируют в декоре сфероконусов Согда, Хорезма, Хорасана (рис.2).

Вопрос о происхождении лепного орнамента на сфероконических сосудах представляется довольно сложным. В качестве одной из гипотез может быть предположение о том, что его прообразом были зооморфные сюжеты. Так, например, у сфероконуса из Ахсикета тулово вылеплено в форме рыбы с двумя высокими утолщенными налепами-плавниками. Структура плавников изображена наклонными пунктирными линиями гребенчатого орнамента. По-видимому, ранние валики-налепы, как можно предполагать, еще сохраняющие смысловую нагрузку, были утолщенными и широкими, с продольным ребром. В дальнейшем, очевидно, утрачивается связь такого налепа с зооморфным сюжетом изображения, и валики-налепы становятся чисто орнаментальным элементом (рис.2, 2-3,6,8,10).

Лепной орнамент на сфероконусах был популярен не только в Средней Азии. Аналогичными налепами украшены бракованные сфероконусы, найденные в Азербайджане на городище Орен-Кала в гончарных печах XII–XIII вв. Г.М.Ахмедов, исследовав комплекс, пришел к выводам, что они появились в регионе в XП-XШ вв., то есть на два века позже среднеазиатских. По всей видимости, орнаментальные налепы, распространенные в Средней Азии с X-начала XI вв., были заимствованы закавказскими гончарами благодаря тесным торгово-экономическим связям (*Ахмедов Г.М., 1959, с.222, табл.XIV, рис.8; он же, 1983, с.11-14*). Из вышеизложенного следует, что валики-налепы могут быть использованы как один из датирующих признаков.

С XII-XIII вв. гончары Согда, Хорезма и Хорасана начинают изготавливать сфероконусы, покрытые зеленой, коричневой, голубой и бирюзовой глазурью (*Вактурская Н.Н., 1959, с.315; Лунина С.Б., 1962, с.360; Шишкина Г.В., 1986, с.27*).

Археологические исследования средневековых городов Средней Азии показали, что сфероконические сосуды были массовой керамической продукцией с широким ареалом распространения.

Морфологические характеристики сфероконических сосудов в некоторой степени раскрывают загадку их создания. Так, сферическая форма, толстые прочные стенки, массивный венчик и узкое отверстие горлышка свидетельствуют о том, что сосуд должен быть приспособлен для хранения и удобной транспортировки ценного содержимого, а их орнаментация - удовлетворять эстетические и товарные требования потребителей

Археологические материалы в какой-то степени дополняют данные письменных источников.

В трактате "Описание технологий" второй половины XII в. ученого энциклопедиста Тифлиси подробно описываются не только рецепты химико-технологического производства, но и виды химической посуды и правила их использования. Массивный глазурованный сосуд в виде лимона (туранджи) с узким горлышком металлургии для получения золота и серебра; автор рекомендует использовать для приготовления киновари, закупорив и поставив на длительное время сосуд на огонь (*Тифлиси, 1961, с.211*). Киноварь использовалась как сырье для получения ртути, которая широко применялась в средние века: в ювелирном деле; при изготовлении малярных красок; в фармакологии в качестве важного компонента лекарственных препаратов.

О том, что именно в сфероконических сосудах перевозилась и хранилась ртуть, свидетельствуют не только письменные источники. Известны находки сфероконусов с ртутью (*Марафиев С.Ш., Москаленко Н.А., 1987, с.301*),

кроме того, большое количество сосудов было обнаружено в местах перегонки ртути из киновари (*Массон М.Е., 1953, с.29*). Косвенно указывает на связь сфероконусов с ртутью их принятое среди населения название "симоб кузача" (серебряная вода). Спрос на ртуть был высоким, что привело к поиску месторождений киновари, ее добычи и перевозке. Исследования месторождений киновари в Средней Азии, описанных у Истахри, Абул Касима ибн Хаукаля, Макдиси и Хамдалаха Казвини, подтвердили сведения о больших разработках в Фергане, между Бухарой и Уструшаной, вдоль переднего массива Заалинского хребта в Хорезмском оазисе (*Массон М.Е., 1930, с.65,91-92*).

Местонахождение сфероконусов в помещениях цитаделей, общественных зданиях и домах горожан свидетельствует об их многофункциональном назначении. В Самарканде на площади Регистан в ювелирной мастерской XIV-XV вв. обнаружены бронзовые сфероконусы, а у соборной мечети в мастерских металлургов-ювелиров - керамические (*Буряков Ю.Ф., 1969, с.81-84; Буряков Ю.Ф., Садиев М., Федоров М.Н., 1975, с.93*). В окрестностях Безмеина в Туркмении был найден запечатанный "цементным" раствором сфероконический сосуд. В нем оказалась жидкость без примесей ртути непонятного для исследователей назначения (*Атагаррыев Е., 1974, с.96*). Али Абу Ибн Сина в "Каноне врачебной науки" рекомендует лечиться в банях, взяв лекарства и масла в специальных сосудах (*Абу Али Ибн Сина, 1954, с.196-320*), что, в свою очередь, объясняет находки сфероконусов в средневековых банях Самарканда и Отрара (*Бурякова Э.Ю., 1986, с.163; Байпаков К.М., 1986, с.143-144*).

Таким образом, сфероконические сосуды как показатель высокоразвитого гончарного производства - удачное изобретение средневековых гончаров. Они были специально созданы как удобная и небьющаяся тара для перевозки на далекие расстояния (прежде всего, в связи с возросшим спросом на ртуть и ее крупными разработками в Средней Азии с X в.); как флаконы для дорогостоящих масел, жидкостей, лекарств; а также как химическая посуда. Обладая универсальными качествами, сфероконусы использовались в тех отраслях, где была необходимость в подобной керамической продукции: ремесленном производстве, химии, медицине, парфюмерии и в быту.

Сфероконические сосуды, как любая гончарная продукция, за время своего долгого использования претерпевают различные изменения.

В процессе исследований нам удалось проследить эволюцию формы среднеазиатских сфероконических сосудов и выделить четыре этапа их развития.

1 этап. X-XI вв. Формируется "классический" тип сфероконусов (тип 1). Это один из самых распространенных типов сосудов, широко используемый в регионах Средней Азии до XV в. (рис.1, *1-3*; рис.2, *1*).

На данном этапе стали производить сфероконусы типа 2, которые во всем (за исключением размеров) дублировали сосуды типа 1, и интенсивно применялись в XI-XII вв. (рис.1, *8-10*).

2 этап. XI-XII вв. Зарождение новой формы (каплевидной) сфероконических сосудов типа 3 (рис.2, *5,6*).

3 этап. XII-XIII вв. Преобладает каплевидная форма тулова (тип 3), сужается горловина, валик венчика едва выражен, плечики становятся пологими или уступчатыми (рис.2, *7,9*). В орнаментации сфероконусов используется новая форма налепов – узкие и уплощенные, вытянутые вдоль корпуса.

4 этап. XIII-XIV вв. Ведущим признаком сфероконусов типа 3 становятся уступчатые или многоступенчатые плечики. В декоре доминируют новой формы налепы, украшенные тисненым орнаментом.

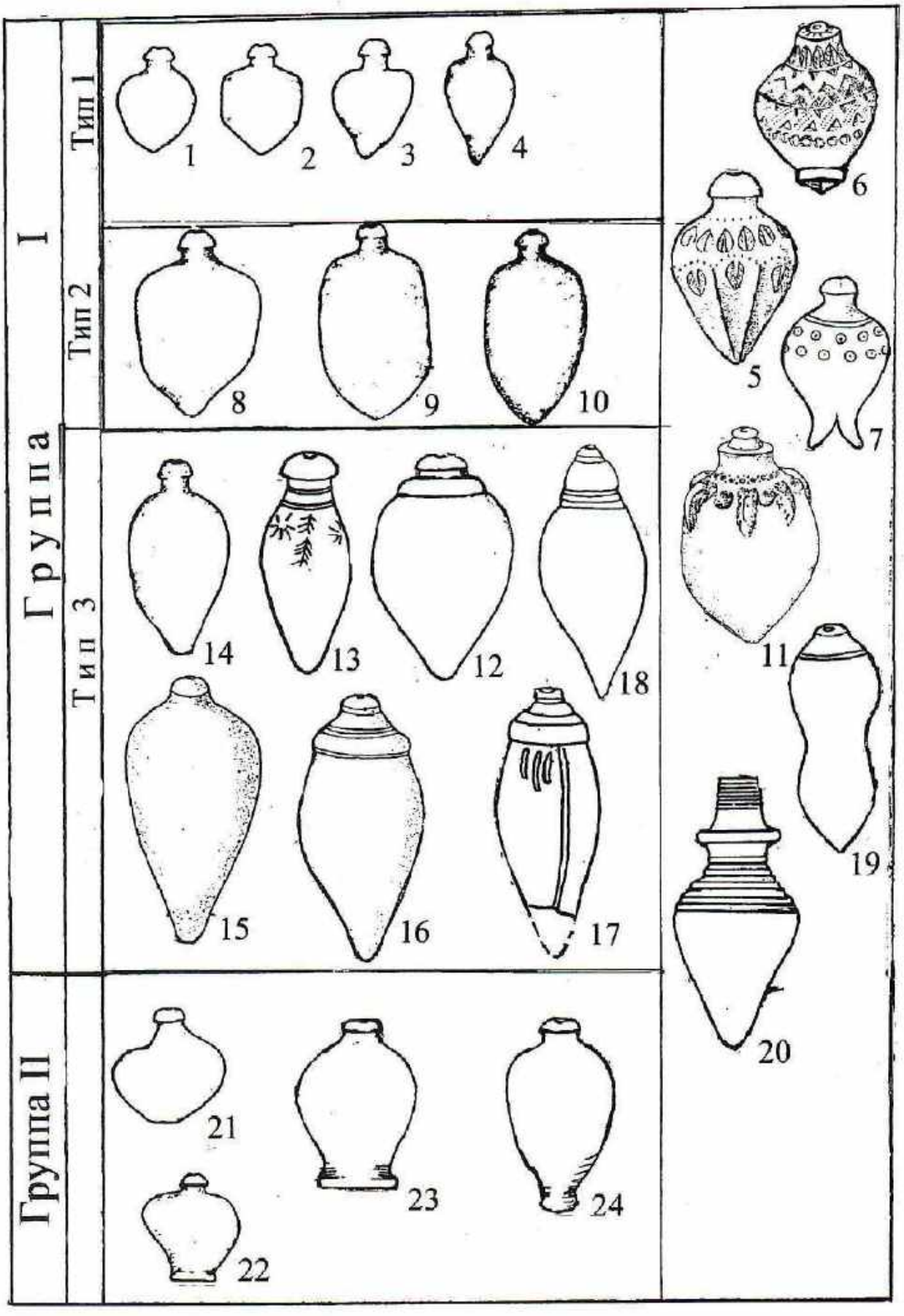

Группа I
Тип 1
Тип 2
Тип 3
Группа II
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24

Рис. 1

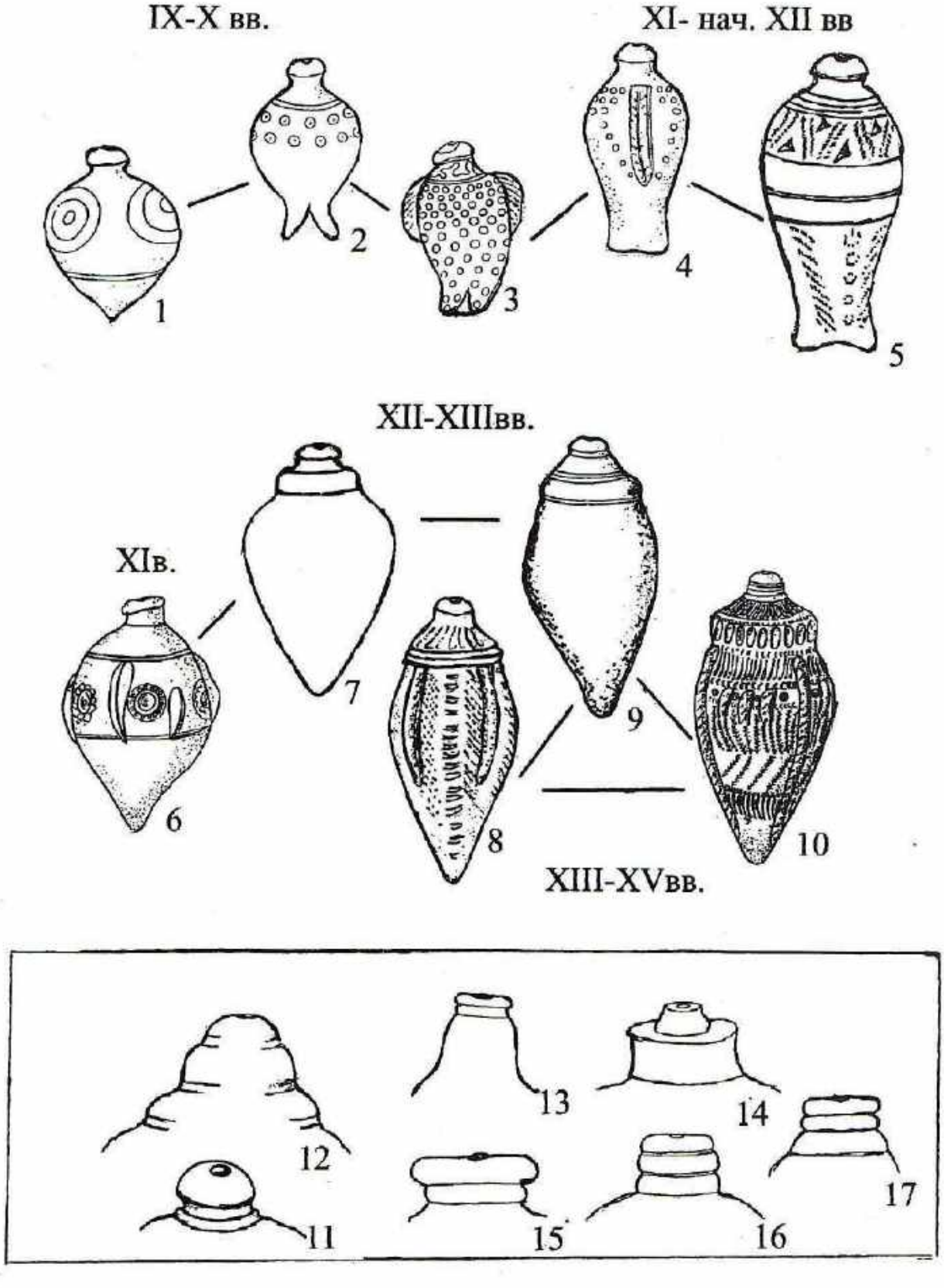

IX-X вв.
XI- нач. XII вв
1
2
3
4
5
XII-XIIIвв.
XIв.
6
7
8
9
10
XIII-XVвв.
11
12
13
14
15
16
17

Рис. 2

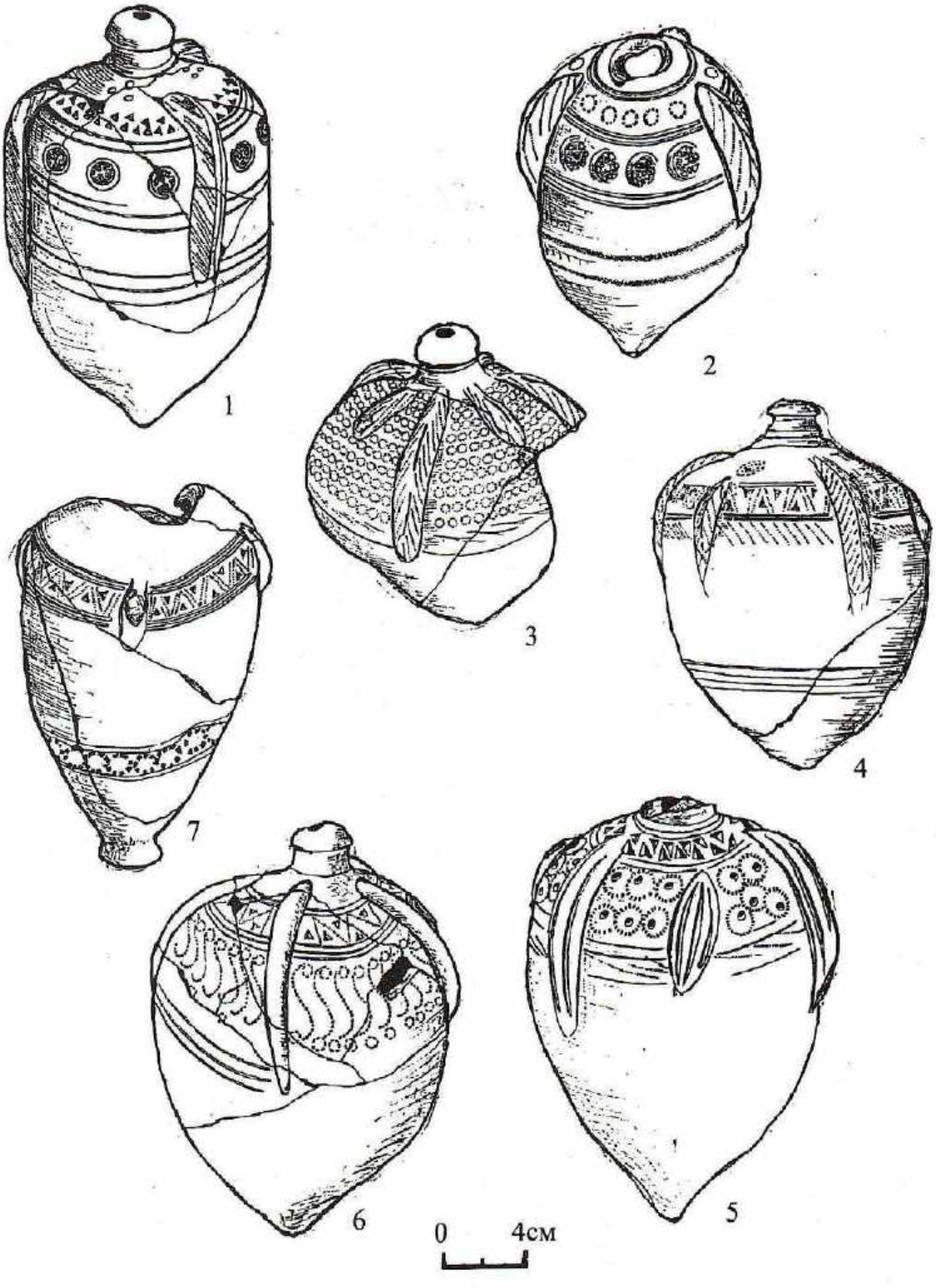

Рис.3

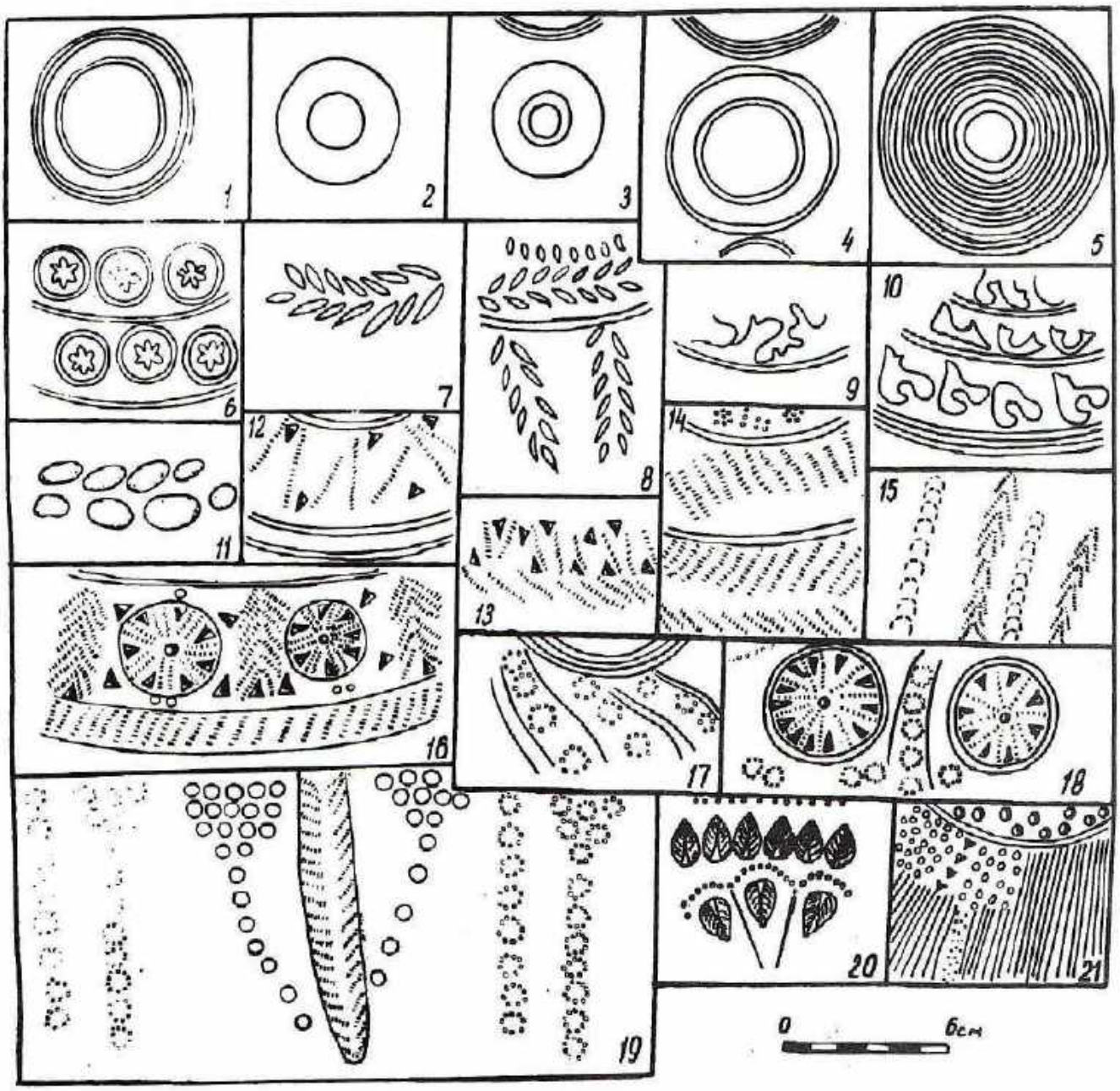

Рис. 4

С.Р.ИЛЬЯСОВА
(Институт археологии АН РУз,
г.Самарканд,
Республика Узбекистан)

МОТИВ БУКЕТА НА ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКЕ IX-XII ВВ.

Одно из основных направлений в разносторонней научной деятельности Г.В.Шишкиной – изучение средневековой глазурованной керамики Средней Азии. В частности, ею исследовались музейные коллекции керамики Ферганы, откуда происходит большая часть рассматриваемых ниже находок.

Среди ведущих мотивов в декоре глазурованной керамики средневекового периода была растительная орнаментация. Один из популярных мотивов – букет, который на материалах Согда и Чача (Шаша) рассмотрен Ш.С.Ташходжаевым, Г.В.Шишкиной, Л.Г.Брусенко (*Ташходжаев Ш.С., 1967, с.103-105; Шишкина Г.В., 1979, с.57-58; она же, 1986, с.48-49; Брусенко Л.Г., 1986, с.50-51*). Новые материалы из Ферганы (Ахсикет) и Чача (Бинкет) позволяют дополнить и расширить представление об этом орнаментальном сюжете.

На городище Эски-Ахси (Ахсикет) найдено около двух десятков сосудов открытых форм с декором в виде разнообразных вариантов букета. Это свидетельствует об их популярности. Букеты на ахсикетской керамике подразделяются, в основном, на двойные и тройные.

Двойные букеты имеют различную конфигурацию, отличаясь количеством миндалевидных "бутонов" (от двух до пяти) (рис.1, *1-4,8*). Вариантом данной композиции являются букеты трапециевидной формы (рис.1, *4,7*). Между букетами короткие отрезки зубчатого бордюра и полосы с точками, имитирующей надпись. Аналогии имеются в материалах XI в. из Бинкета, Канки, Кавардана, Тараза (*Филанович М.И., 1983, табл. VII; Буряков Ю.Ф., 1982, рис. 12; Агапов П., Кадырбаев М., 1979, с.179, 1*). Еще одна разновидность двойных букетов дополнительно украшена фигурами удлиненной изогнутой формы с процарапанным орнаментом, поле сосуда у дна заполнено рисунком. Вдоль борта отрезками - псевдонадпись в виде крупных стволов букв (рис.1, *5-6,9*). Керамика с аналогичными букетами имеется в материалах Отрара, Ташкента, Тараза, Семиречья, Самарканда и датируется в пределах XI в. (*Бернштам А.Н., 1950, табл.*LXXXV, *3; Сенигова Т.Н., 1972, с.159, табл.*XI, *21,29; Древний Ташкент, 1973, с.97, рис.27, 1; Агапов П., Кадырбаев М., 1979, с.176, рис.1; Шишкина Г.В., 1986, с.178, рис.37; Байпаков К.М. Ерзакович Л.Б., 1991, с.118-119, 121*).

Другая группа – сосуды с тройными букетами. Первый вариант представлен в росписи тарелки, по горизонтальному борту которой расположены три не соединенных друг с другом букета с цветочными розетками с сетчатой штриховкой сердцевины; между букетами – отрезки псевдонадписи (рис.2, *1*). Тип букета с цветочными розетками, по Л.Г.Брусенко, доживает в Чаче до конца X в., уступая место миндалевидным бутонам с процарапанным узором (*Брусенко Л.Г., 1986, с.51*). Букет с цветочными розетками без стебля имеется на нишапурском сосуде X в. с афоризмом "Знание – благороднейшее из достоинств" (*Ghouchani A., 1986, p.50, pl.15*). Крупная тарелка с пятью изящными тонко выписанными букетами без стеблей, с заштрихованными цветочными розетками, происходит с территории Бинкета. Этот сосуд можно датировать второй половиной X в. Роспись на ахсикетской тарелке выполнена более упрощенно, что в сочетании с некоторым ухудшением качества обработки позволяет датировать ее XI в. Еще один вариант тройного букета без стеблей также представлен на Ахсикете одним экземпляром. Букет иного типа, в виде веером расходящихся мазков, составляющих треугольник в обрамлении двух крупных миндалевидных бутонов (рис.2, *2*). Среди неопубликованных находок из Ташкента и с городища Канка имеются чаши с парой букетов, "вырастающих" из центра сосуда, между которыми размещены букеты без стеблей, аналогичные ахсикетским. Данные чаши можно отнести к XI в. На бинкетском экземпляре в композиции использована заштрихованная цветочная розетка, что позволяет предположить использование этого элемента узора в изображении букетов и позже конца X в. Среди керамики караханидского времени из Чуйской долины имеется фрагмент, который показывает, что упрощенный букет в виде треугольника в обрамлении двух бутонов мог многократно повторяться по краю сосуда (*Бернштам А.Н., 1949, с.379, рис.22*). Третья разновидность представляет наибольшую степень упрощения – букет имеет вид вытянутого треугольника, "вырастающего" из точки в центре сосуда (рис.2, *3*). Число подобных букетов может достигать шести (неопубликованная находка из Ташкента). Этим элементом с конца X в. украшалась также внешняя поверхность сосудов (*Шишкина Г.В., 1979, с.58*). Четвертая композиция с тройным букетом - наиболее усложненный ("лохматый") вариант букета (рис.2, *4*). В центре сосуда букеты переплетены, мощные стебли украшены гравированными завитками. Три бутона, венчающие букеты, как бы переплетены между собой. Дополнительную пышность придают элементы в виде пальмового полулиста, имеются также цепочки из перлов. Роспись выполнена в черно-коричневой гамме. Данный тип букета уникален, аналогии нам неизвестны. Тройной букет, видимо, характерен для ахсикетской керамики XI в., хотя они известны и в Нишапуре того же времени, а один сосуд XII в. с тройным процарапанным букетом (*Брусенко Л.Г., 1986, табл.43, 5*) найден в Ташкенте.

Среди ахсикетских находок есть блюдо с вертикальным бортом, на котором изображены четыре букета. Они относятся к типу букетов с миндалевидными бутонами, дополнительно украшены полупальметтами (рис.2, *5*). Между букетами узкие бутоны на тонких стеблях, а по бортику полоски стилизованной надписи. Сосуды с четырьмя букетами найдены в Ташкенте, на городищах Канка и Кавардан, на Афрасиабе, на Культепа в Уструшане (*Лунина С.Б., Усманова З.И., 1960, с.172; Филанович М.И., 1982, табл.*VII, *Е; Древний и средневековый город..., 1990, рис.*19, *2; Буряков Ю.Ф., 1982, рис.12; Веймарн Б.В., 1940, илл.27; Грицина А.А., 1992, рис.17*). Большинство публикуемых ахсикетских сосудов происходят из одного бадраба, датируемого пределами XI в. Видимо, разные варианты букетов в этот период сосуществовали.

Некоторые находки с территории Ташкента выражают стремление мастеров разнообразить композиции с букетами путем введения дополнительных элементов, таких, как "узел счастья" в центре сосуда (рис.3, *1*) (*Брусенко Л.Г., Галиева З.С., 1982, с.131, рис.2, 9*). Есть сосуд, на котором букеты соединены своими широкими основаниями (рис.3, *2*). Уникальный вариант композиции с букетом представляет собой изображение двух букетов, в месте соединения которых в картуше помещена стилизованная, но каллиграфично выполненная (усложненная крапинами на вершинах вертикальных стволов букв) надпись почерком куфи из повторяющегося слова "ал-йумн" – "благо, счастье" (илл.3, *3*). Ощущается своеобразие стиля во всем этом рисунке, возможно, выполненном не без влияния образцов китайской орнаментики.

Сравнение материалов показывает, что в Чаче букеты широко распространены с X в., а по ферганским находкам они пока известны лишь с XI в. В XII в. букеты значительно видоизменяются. Они претерпевают схематизацию и геометризацию, распадаясь на отдельные, обособленные элементы (рис.4, *1*). В целом к концу XII в. букет преобразуется в новый растительный мотив – стилизованное изображение "Древа жизни", судя по обилию находок, ставшее наиболее популярным (рис.4, *2-5*) (*Ильясова С.Р., 1999, с.142-144*).

Мотив букета в числе прочих орнаментальных сюжетов росписи глазурованной посуды показывает единство развития во времени этого вида ремесленной продукции в обширном ареале восточной культуры. Но в пределах этой общности выявляются отдельные черты, свойственные определенному региону. Своими особенностями обладали и керамические изделия Ферганской долины, своеобразие которых выражалось в отдельных элементах рисунка, композиции, иногда в цветовой гамме, часто в стремлении к традиционализму, удерживавшему уже забытые в других областях формы, орнаментику, технологию.

В рассматриваемом сюжете букета это проявилось в угловатости абриса рисунка, в относительной массовости композиций из трех и более букетов, в усложненности и тщательности (в отличие от размашистых и упрощенных согдийских и чачских) "гравированных" букетов.

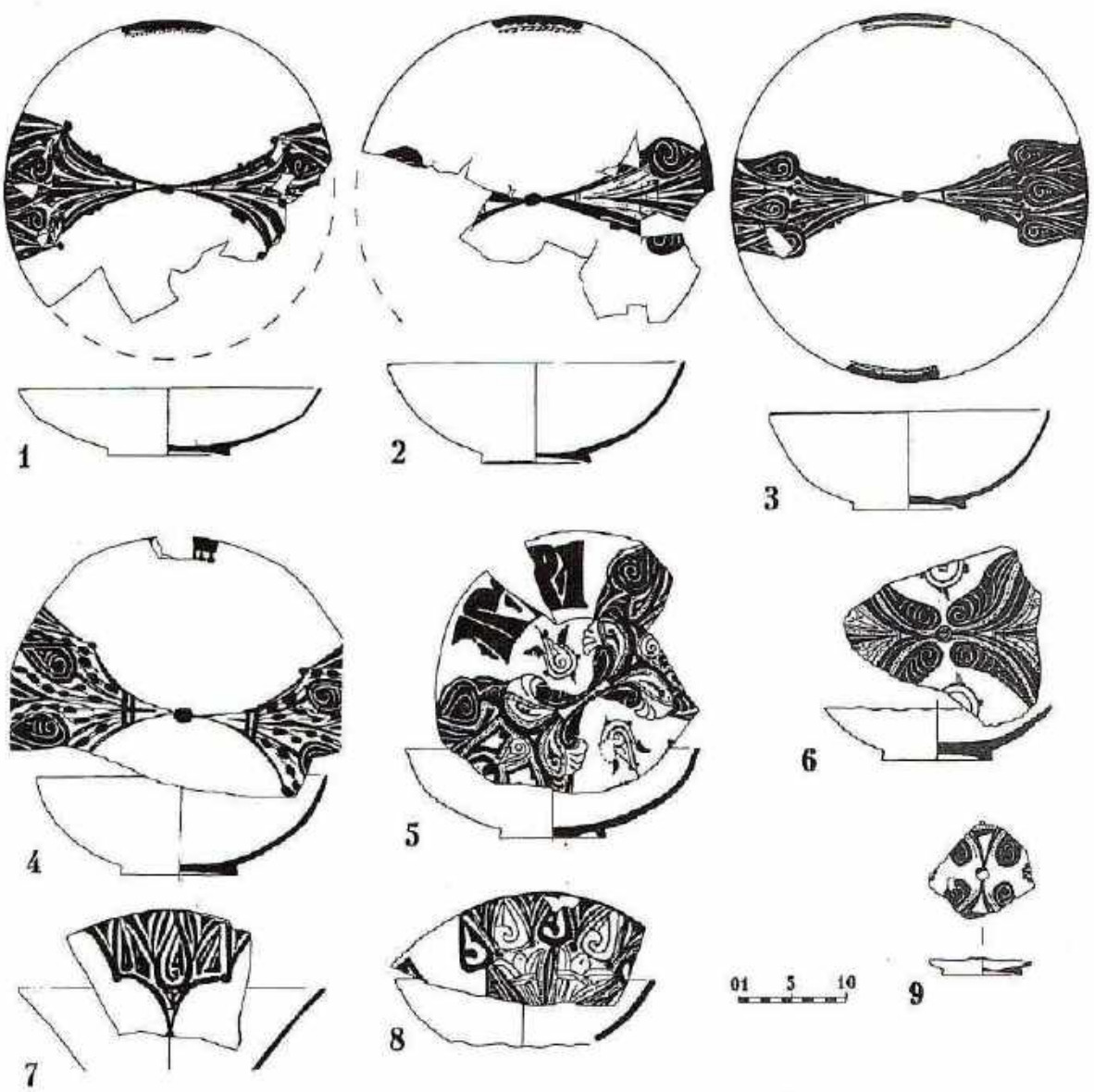

Рис. 1

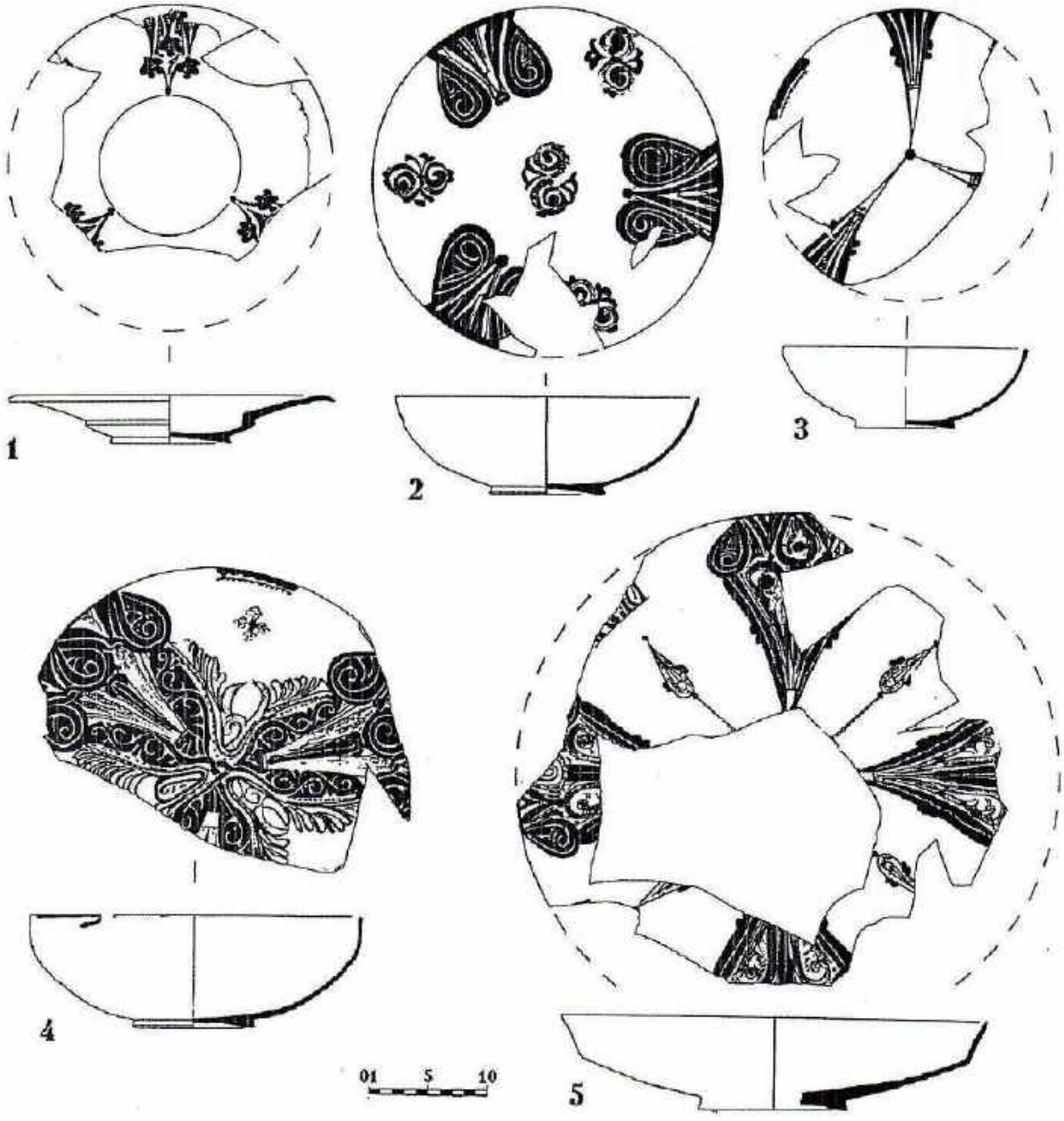

Рис. 2

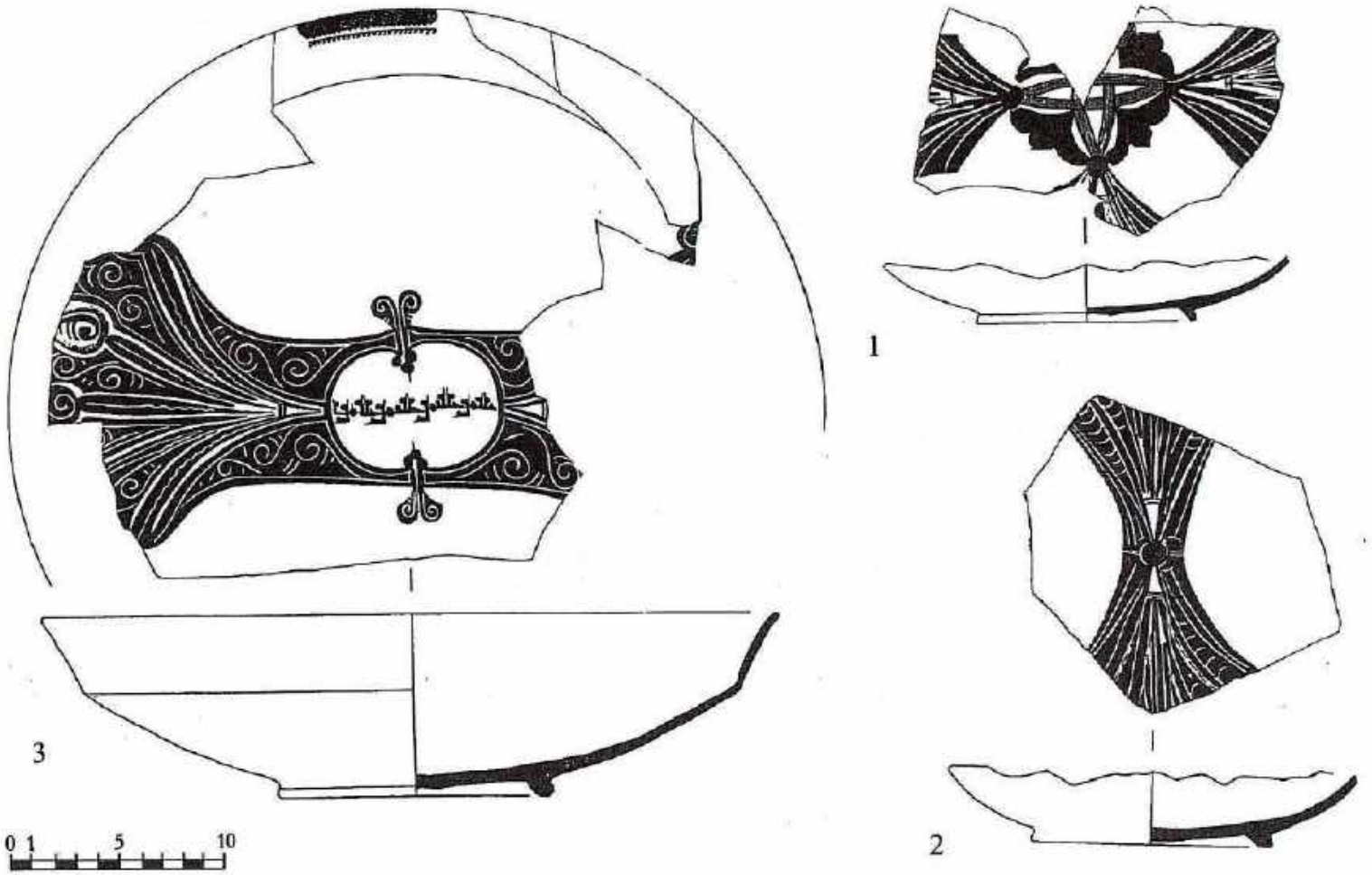

Рис. 3

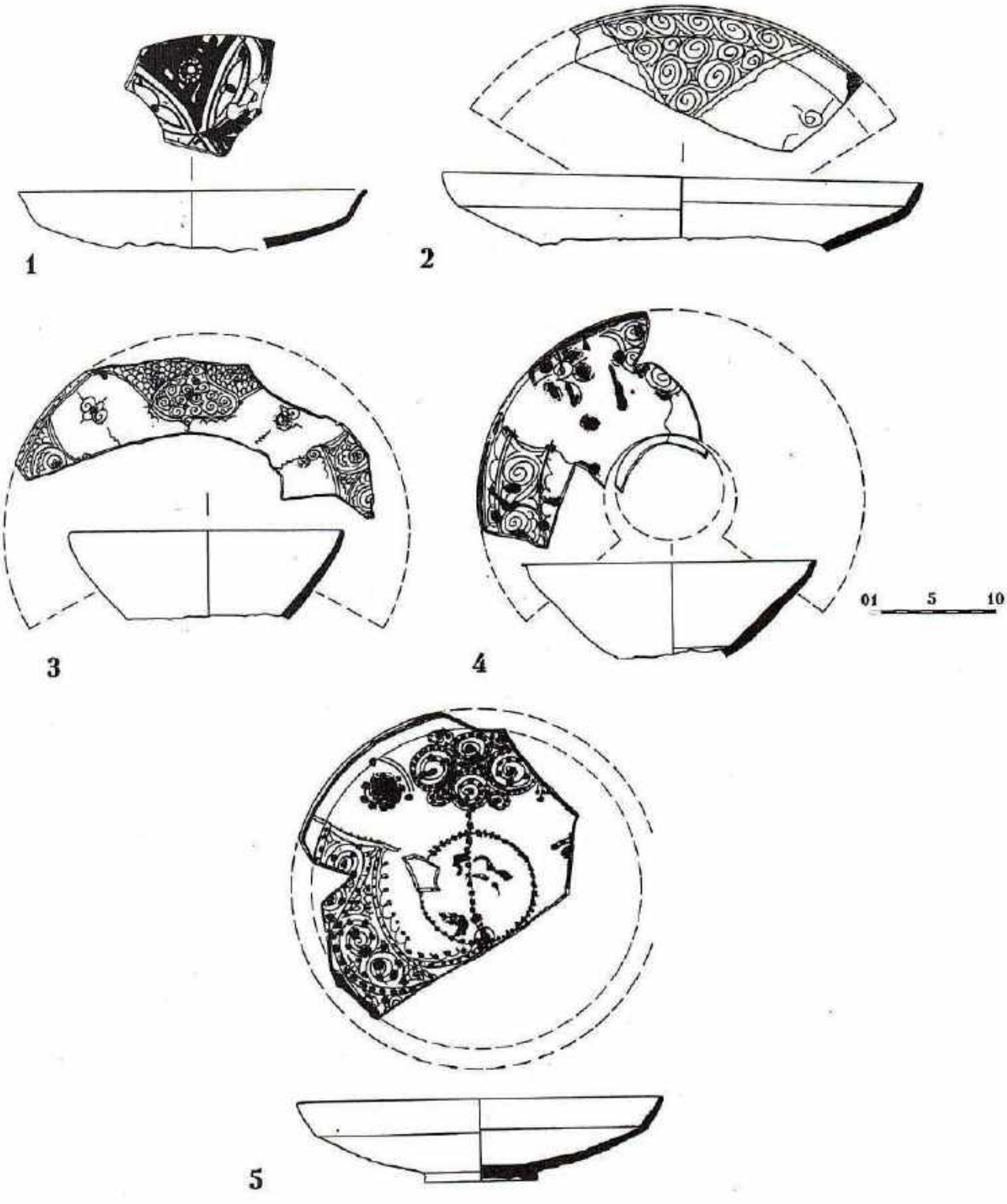

Рис. 4

О.Н.ИНЕВАТКИНА
(Государственный музей Востока,
г.Москва, Российская Федерация),
Л.Ю.ШПЕНЕВА
(Институт археологии АН РУз,
г.Самарканд, Республика Узбекистан),
Е.В.ЛУШНИКОВА
(Государственный музей-заповедник
г.Самарканд, Республика Узбекистан)

КЕРАМИКА ИЗ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СЕКТОРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИТАДЕЛИ АФРАСИАБА

С 1989 года Французско-узбекской археологической экспедицией в Самарканде (MAFUZ, соначальники Ф.Грене и М.Исамиддинов) при участии ГМВ исследуется нижняя площадка цитадели Афрасиаба – традиционное месторасположение дворцовых комплексов (*Иневаткина О.Н., 1995*), где ведутся раскопки дворцовых сооружений середины VIII-X вв. *(Bernard P., Grenet F., Rapin Cl., Isamiddinov M. et leurs collaborateurs, 1992, p.282-283; Карев Ю.В., 1999.)*. В 1999 году к востоку от них было начато исследование участка нижней площадки (Р-15Б/10), которое, видимо, было предназначено для хозяйственных и бытовых нужд дворцового хозяйства. На небольшом пространстве вблизи крепостных стен и за восточной стеной дворца были обнаружены два подземных помещения конца VIII-IX вв. и одно -X века.

Одно из ранних помещений (Л-70) было опущено, вероятнее всего, с уровня двора, перекрывшего остатки строений конца VII-первой половины VIII в., и прорезало рыхлое заполнение ям начала нашей эры, а также конструкции первых веков до н.э.

Сооружение ориентировано входом на восток (ширина 0,70 м). От спуска сохранилось шесть ступенек (высотой и шириной 25-30 см). Помещение почти квадратное, чуть вытянутое (1,60х1,80 м), с широкими суфами вдоль трех стен (высота 20 см, ширина 1,20-1,10 м). Высота свода не превышала, видимо, 1,30 м. На высоте 35 см от поверхности суфы в северной и южной стенах вырублены ниши со смещенным относительно главных осей центром (рис.1, а,б)[1]. Главная ниша напротив входа (разрушена современным оврагом) отличалась от других своими большими размерами (шириной 0,85 см) и декоративным оформлением, от которого частично сохранился фестончатый архивольт с тщательно заглаженными поверхностями. Ступени и суфы оштукатурены и покрыты тонким слоем ганчевой мелкой крошки - видимо, следами ганчевой побелки. Напротив входа был устроен временный очаг в виде вертикально приложенных к краю суфы плинфы (попавшей сюда из прорубленного помещения 40 конца VII-начала VIII вв.) и плоской гальки. Чилля-хона функционировала недолго и ремонтов в ней не отмечено. Не отмечено также накопления каких-либо органических остатков и следов продовольственных запасов, как, например, здесь же на Афрасиабе на Р-23 (*Лебедева Т.И., 1986, с.145)*. Судя по монете Тургара (тип II: 738-750 гг.)[2], найденной в двух-трехсантиметровом слое, накопившемся непосредственно на полу в виде плотной пыли, а также по комплексу керамики, чилля-хона была сооружена во второй половине VIII века.

Подземные комнаты - довольно частое явление в общественных банях, жилых и ремесленных кварталах Афрасиаба конца VIII–X вв. Большинство из них круглые в плане, но известны и квадратные (1,60 м в стороне). Две подземные подпрямоугольные комнаты обнаружены Ф.Грене на территории мечети (*Bernard P., Grenet F., Rapin Cl., Isamiddinov M. et leurs collaborateurs , 1990, p.375-377, fig.8)*. В северной низине возле нижней площадки цитадели подпрямоугольные подземные комнаты впервые были открыты О.В.Обельченко (Р-3, см. *Лебедева Т.И., 1983, с.138*). Все они имели длинный спуск обязательно с нишей (или двумя) в середине спуска или непосредственно у входа в помещение. В самом помещении, как правило, были три ниши, причем центральная часто отличалась оформлением – иногда в виде фестончатой раковины (раскопки 1925 г. В.Л.Вяткина и В.А.Шишкина на Р-7; см. *Шишкина Г.В., 1981, с.120, рис.48*). Иногда в помещении были вырублены суфы. В ориентации подземных сооружений нет строгой закономерности - вход мог быть обращен в любую сторону света, но преимущественно в направлении координатных осей: север, юг, восток, запад. Так, две ранние землянки Р-15Б/10, включая публикуемую, имеют вход с запада, и одна, середины X века, - вход с востока.

О назначении этих помещений до сих пор нет устойчивого мнения: либо они предназначались для отдыха в прохладе, либо как погреба для хранения продуктов (*Шишкина Г.В., 1973, с.149-150; Лебедева Т.И., 1986, с.136-146*), либо *чилля-хона* – место для уединения в сорокадневный пост (*Вяткин В.Л., 1926, с.17; Шишкин В. А., 1969, с.82*).

Возможно, представление о характере использования этого помещения могут дать находки на поверхности суфы. В юго-восточном углу были найдены два чирага-плошки, подсвечник-шамдон и две разбитые полусферические чаши. Лепной узкогорлый кувшин из красножгущейся глины залегал на уровне суфы.

Чираги под темно-зеленой глазурью, нанесенной непосредственно на черепок: один из них с петлевидной ручкой (рис.2, *2*), другой - грубо слепленный, без ручки под патинизированной глазурью (рис.2, *3*).Чаши - одна с рыхлым почти

[1] Полевые обмеры и графическое оформление выполнено архитектором ГМВ Е.А.Куркиной.
[2] Определение А.Атаходжаева.

белым черепком под двойным покрытием темно-зеленой глазурью (верхний слой виден на тыльной стороне в виде потеков) плохого качества (рис.2, *7*), другая - с трехцветной росписью по черепку под мутноватой глазурью (рис.3, *4*) с орнаментом в виде восьмисекторной композиции, выполненной фиолетово-черным, с чередованием секторов, занятых узким треугольником и заполненных квадратной сеткой, с мелкими точками, окрашенной в шахматном порядке ярко-желтым и изумрудно-зеленым (I. 0.RA. gd.(55).(a11)). Снаружи по венчику нанесены косые широкие штрихи (ср. *Шишкина Г.В., 1979, с.35*). Также на уровне пола была найдена небольшая цилиндрическая чашечка под темно-зеленой глазурью и фрагменты большой чаши-блюда с развернутым широким бортом (рис.2, *6*). Во фрагментах найдены полусферическая чаша под мутной белой глазурью (I.0.RA.a) и другая (рис.2, *8*) с трехцветной росписью бежевым, черным и желтым по черепку в шахматной композиции (I.0.RA.gd). Подсвечник–шамдон, орнаментированный налепами со штампованным рисунком, выполнен из красножгущейся глины с примесью гипсовых вкраплений с высветленной при обжиге поверхностью (рис.2, *5*). Судя по характеру находок, слабой прокаленности вокруг очага и малым размерам комнаты можно предположить, что данное подземное сооружение предназначалось для непродолжительного и достаточно уединенного времяпрепровождения.

Использование этого сооружения впоследствии для сброса мусора отмечено слоем зольника, перекрывшим все ступени и поверхность суфы. В зольном слое много фрагментов обмазок очагов и разбитого тандыра со штампованным орнаментом вдоль края (рис.5, *12*). К окончательному забросу помещения относится плотный слой из мокрой глины, насыщенный углем, заполнивший помещение до уровня шестой ступеньки. Весь комплекс находок из этого слоя можно датировать фрагментами глазурованных чаш с надглазурной росписью бирюзово-зеленым (так называемая ишкорная керамика) - IX-X вв. (рис.2, *23*).

Из комплекса выделяется группа малых сосудов, которые отличаются светло-серым очень плотным звонким черепком и особо тщательной отделкой поверхностей. Это две кружки диаметром 7-8 см (рис.2, *12,13*) со слегка отогнутым венчиком; стаканчик конусообразный диаметром 3 см (рис.2, *9*); узкогорлый кувшин (рис.2, *17*); фрагмент горловины кувшина с расширенным устьем и петлей для подвижной крышки (рис.2, *16*) и фрагмент погремушки (рис.2, *14*).

Кувшины представлены разнообразными формами: как большими узкогорлыми с валиками у основания горловины, с цилиндрической или чуть суженной (рис.3, *1,5,11,12*) горловиной (диаметры от 5-7-8 см), на плоском дне (рис.4, *14,16*), с дисковидным (рис.3, *7,17*) или профилированным дисковидным (рис.3, *9*) поддоном (диаметры от 11-14 см); с уплощенными (рис.3, *11,14*) и овальными в сечении ручками, так и характерным для IX в. кувшином с витой ручкой, с тремя пуговичными налепами на ней (рис.4, *11*).

Крышки широкогорлых кувшинов – полусферические, диаметром 12-15 см (рис.3, *4,10*), имеют чашевидную ручку.

Горшки в основном сформованы из светложгущейся глины с шаровидным туловом и низкой горловиной с вертикальным профилированным венчиком и остатками ручек на тулове (рис.4, *1*), с отогнутым наружу краем (рис.4, *2*); утолщенным широким манжетовидным венчиком (рис.4, *5*). Выделяется горшок из красножгущейся глины вытянутых пропорций с утолщенным и слегка отогнутым наружу краем. На тулове - отверстие диаметром 2 см (рис.4, *10*).

Котлы из жаростойкой массы с венчиками различной профилировки: как с резко отогнутым наружу краем и валиком на месте перегиба (рис.4, *7*) или манжетовидным с чуть оттянутым нижним краем (рис.4, *3*), так и с утолщенными подтреугольными венчиками с глубокой ложбиной (рис.4, *4,6*). У котла большого размера (диаметр устья 29 см) на горизонтальном Т-образном венчике двумя парами пальцевых вдавлений имитированы ручки (рис.4, *9*).

Из крупных хозяйственных сосудов найдена тагора с фестончатым пояском под венчиком и с двумя горизонтальными ручками из светложгущейся глины (рис.4, *13*).

Из всего комплекса керамики подземного сооружения выделяются фрагменты двух сосудов с росписью, найденные на уровне суфы у порога в юго-восточном углу. Это три фрагмента блюда с плотным светлым черепком и горизонтальным широким бортом (диаметр 31 см). По борту на голубом ультрамариновом фоне нанесено стилизованное изображение летящей красногрудой птицы с длинным белым хвостом и красным клювом (рис.5, *1*)[3]. Роспись сделана красным и белым красителями, черным подчеркнуты детали крыла, перья, очерчена шея и глаза.

Вместе с ними были найдены также мелкие фрагменты чаши с росписью красным по плотному черному фону, качеством плотного розового черепка и г-образным венчиком (диаметр 22 см), напоминающей керамику первых веков нашей эры. Роспись представляла собой орнамент из завитков и перекрещенных полос с фестончатыми завершениями (рис.5, 2).

На Афрасиабе расписная керамика встречалась в комплексах разного времени (включая самую раннюю периода РЖВ I). На чаше, судя по форме - эллинистического времени, найденной Т.И.Лебедевой на севере Афрасиаба (Р-6а), по незакрашенному полю разбросаны серо-голубые в белом контуре трилистники и розетки[4].

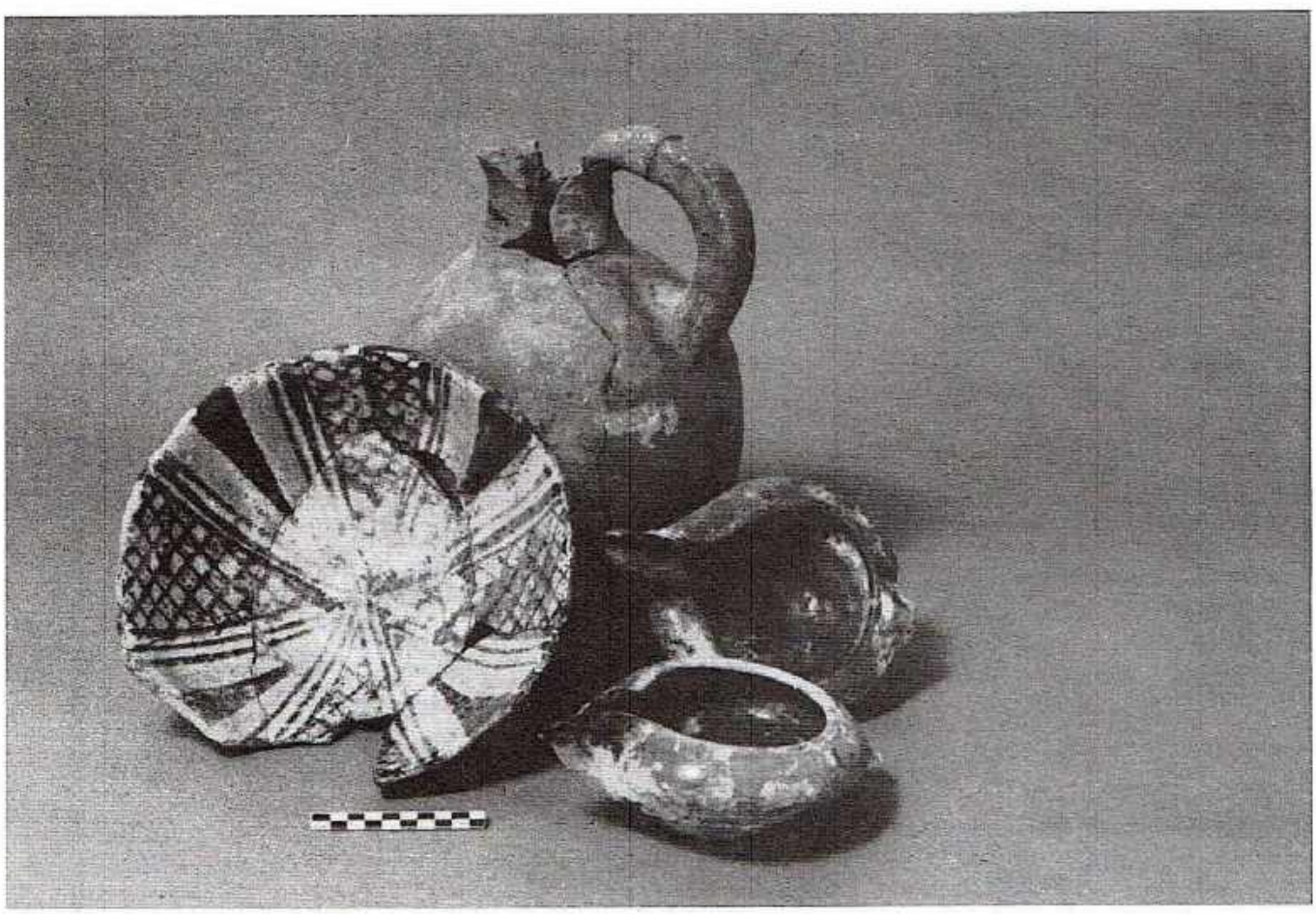
Известны расписные сосуды с согдийскими сюжетами, по всей вероятности, раннесредневековые: с изображениями животного в картуше из перлов[5] и персонажей под аркой[6].

Среди средневекового материала, собранного Г.В.Шишкиной, отмечены фрагменты неглазурованной чаши, расписанной черной краской по черепку (Р-9, ташнау 19, см. *Шишкина Г.В , 1979, с.24, табл.* XXVII,*3*). По

[3] Рисунок выполнен В.В.Кухтиной.
[4] См. рисунок Г.В. Шишкиной (Архив ГМВ, ф.I, Оп. 5, ед.хр.ГВ 100/73). Приносим благодарность Т.И. Лебедевой за предоставленный материал.
[5] Хранится в собрании Государственного Эрмитажа и происходит из коллекции Мирзы Бухарина (N 13115-СА). Благодарим Б.Я.Ставиского за указание на этот фрагмент.
[6] Фрагмент сосуда найден Ю.В.Каревым на цитадели в 1998 г. при раскопках дворца. Приносим благодарность автору раскопок за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

предположению Г.В.Шишкиной, "в такого рода орнаментации (черной, иногда в сочетании с красной) переживает самый ранний для Согда тип частично глазурованной посуды с таким же черно-фиолетовым, нанесенным на черепок, узором, детали которого заполнялись желтой и зеленой глазурью"(*Шишкина Г.В., 1979, с.24).*

Тот факт, что фрагменты расписных сосудов были найдены в помещении вместе, втоптанными в глинистую массу его заполнения, допускает мысль, что они могли попасть сюда из более ранних сыпучих слоев, прорубленных в процессе сооружения землянки. Цветовая гамма и техника исполнения росписи на нашем сосуде вызывают ассоциации с монументальной живописью родного керамисту Самарканда и напоминают о примерах заимствования орнаментальных мотивов ранней ближневосточной глазурованной керамики из архитектурного декора Самарры (*Шишкина Г.В., 1979, с.34-35, табл.XLI*).

Сосуды с уровня суфы помещения 70

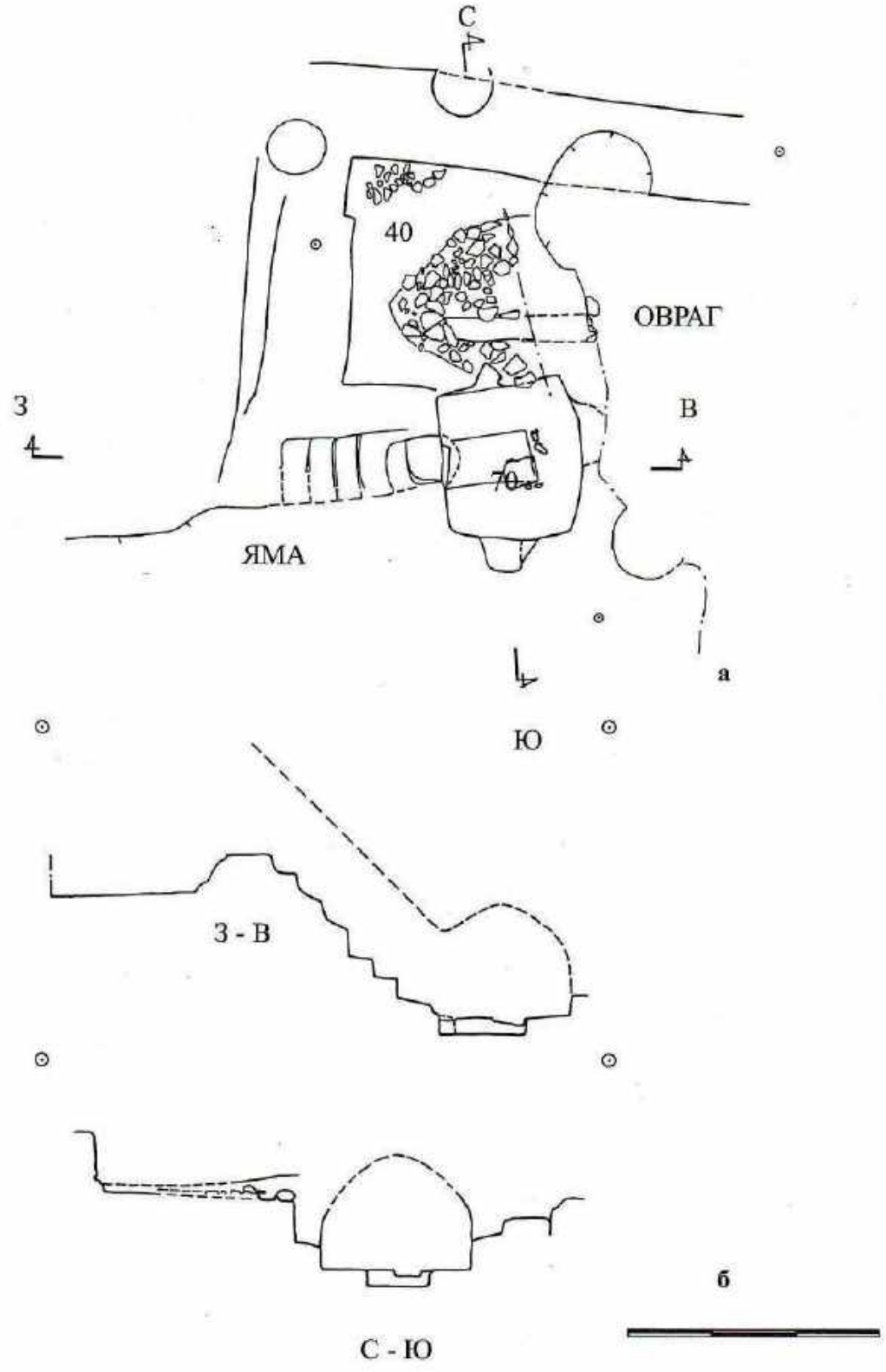

Рис. 1. - Афрасиаб. Нижняя площадка цитадели. *а*- фрагмент плана раскопа Р-15Б/10 с помещением 40 конца VII -начала VIIIв. и подземным помещением л-70; *б*- разрезы через помещение 70

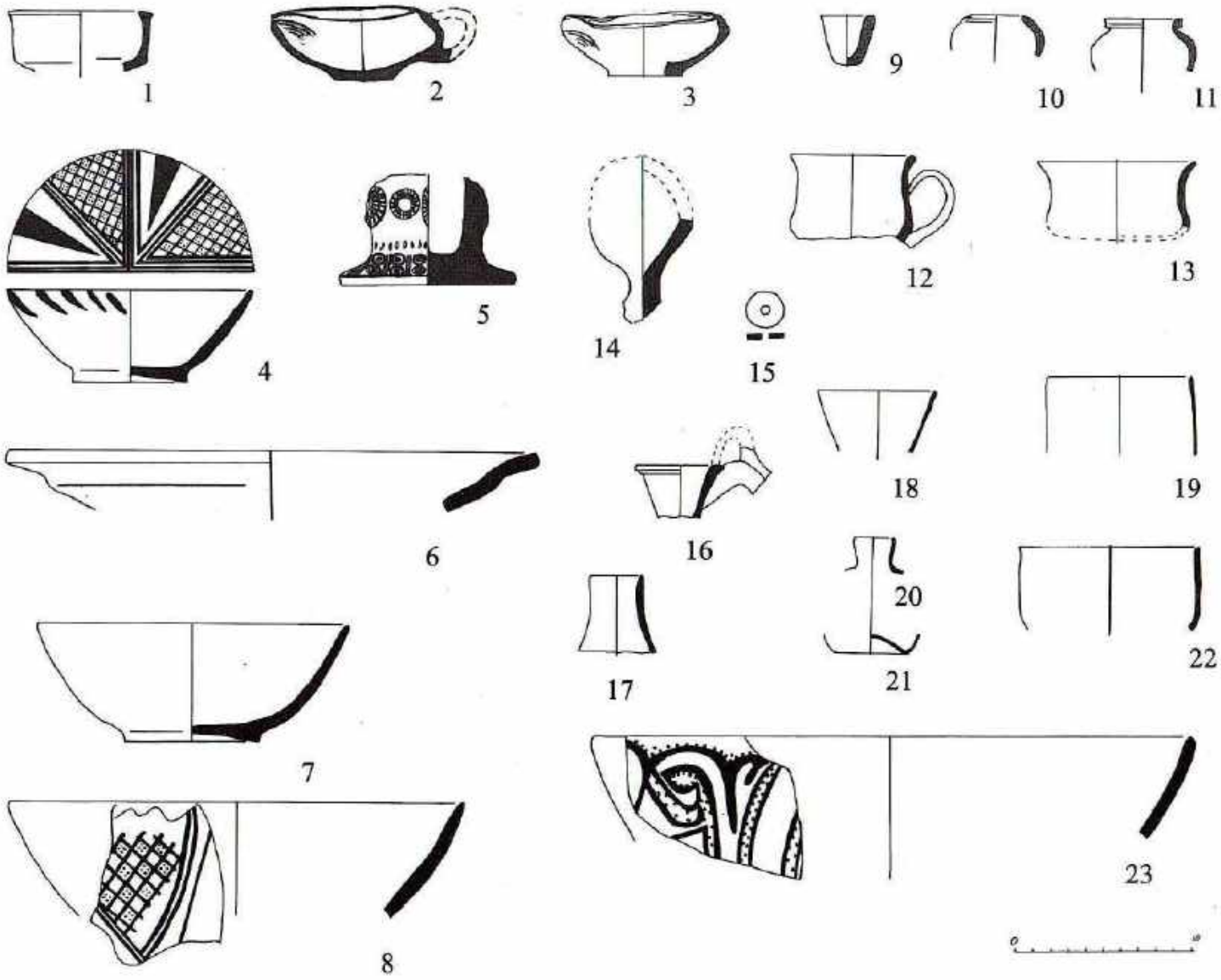

Рис.2. Керамика из подземного помещения 70. *1-8* с поверхности суфы; *10-23*- из слоя заполнения; *18-22*- стекло.

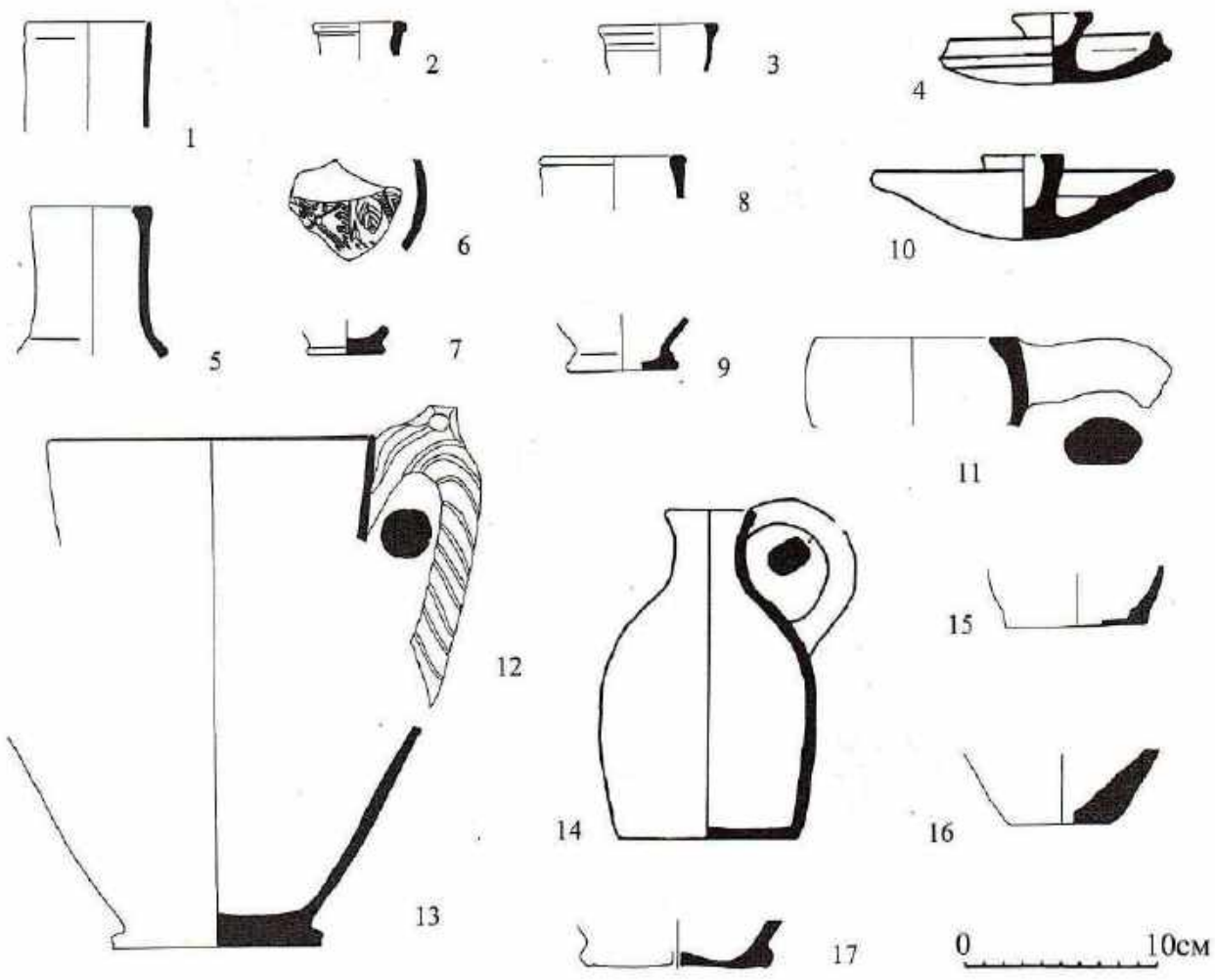

Рис. 3. Кувшины из помещения 70

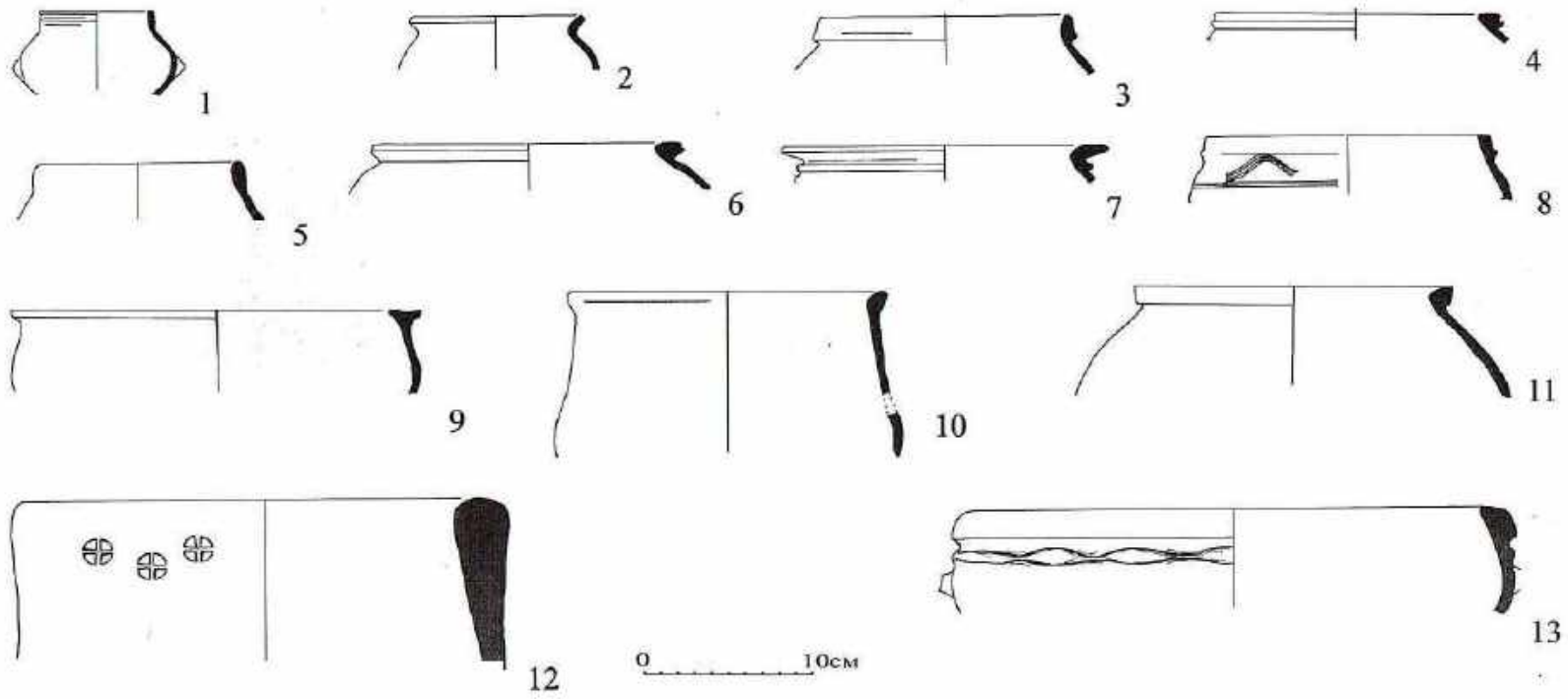

Рис.4. Керамика из помещения 70. *1-2, 5.10*- горшки; *3,4,6,7,9,11*- котлы; *12;* тандыр-*13*-тагора.

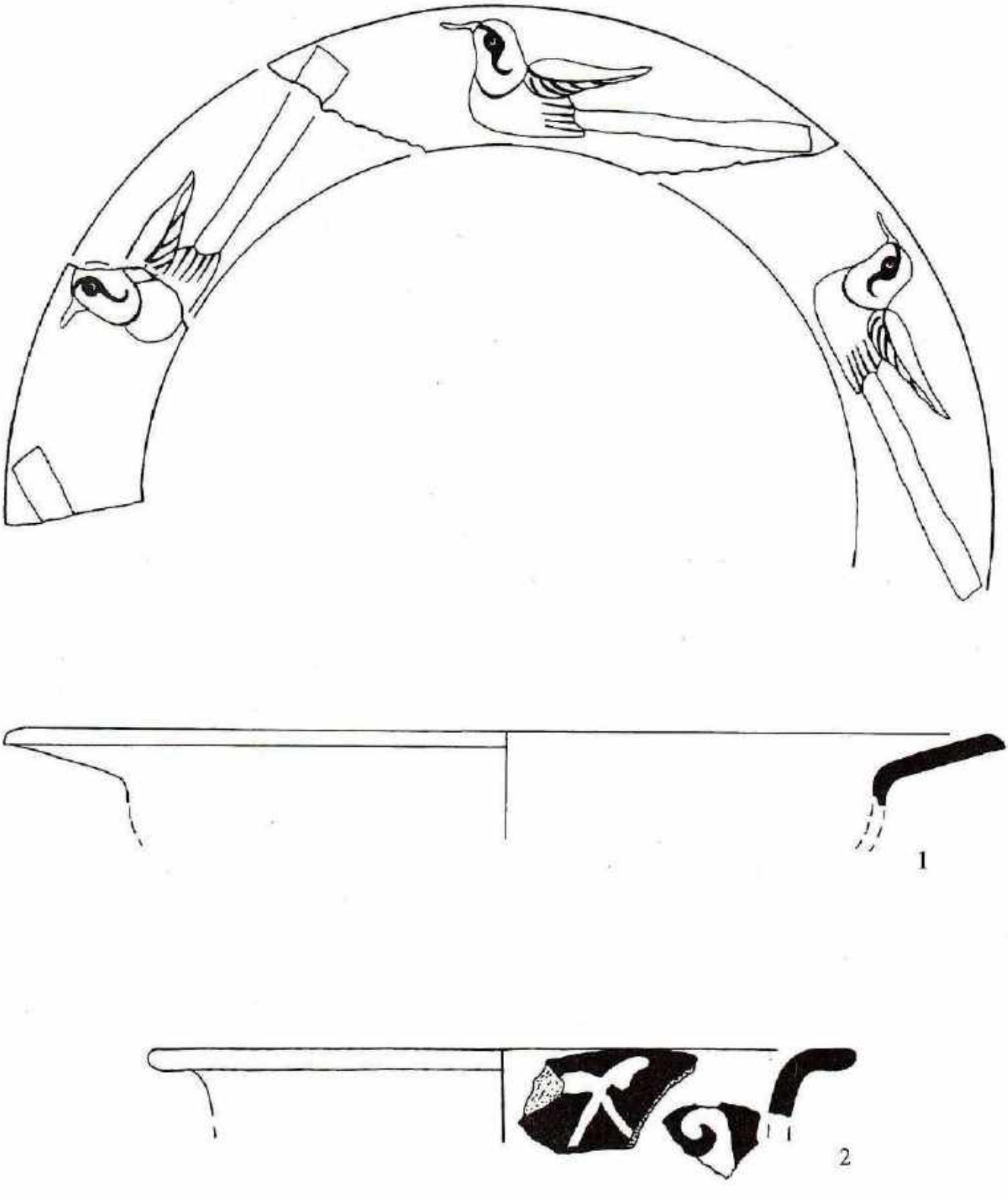

Рис. 5. Керамика из помещения 70. 1- чаша-блюдо с росписью красным и белым по ультрамариновому фону; 2- чаша с росписью красным по черному фону.

БЕРТИЛЬ ЛИОНЕ
(Centre National de la recherche scientifique,
г. Париж, Франция)

ГРЕЧЕСКАЯ ОККУПАЦИЯ СОГДИАНЫ. РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ АФРАСИАБА И АЙ-ХАНУМ*

Наша первая встреча с Галиной Васильевной Шишкиной в Самарканде почти 20 лет тому назад до сих пор свежа в моей памяти. Кто бы мог подумать в то время, что я когда-нибудь стану продолжать ее исследования керамики Афрасиаба? Однако, именно эта судьба была мне предназначена, благодаря, в какой-то степени, политическим событиям в России. И я хочу представить вам результаты моей работы. Мне бы хотелось с самого начала подчеркнуть для ясности, что я не собираюсь брать на себя роль конкурента. Скорее наоборот, в той же степени, в какой сама Галина Васильевна отдает должное работам своих предшественников на Афрасиабе, таких как, например, А.И.Тереножкин, я хочу подчеркнуть значимость и качество ее исследований. И именно на основе ее работ (*Шишкина Г.В., 1969,с.62-75; 1969а, с.221-246; 1974, 28-51, 1975,с.60-78; 1994, с.81-99*)** я смогла добавить что-то новое. Для этого я использовала результаты новых раскопок на Афрасиабе, реализованных Полем Бернаром, Игорем Иваницким и Клодом Рапеном, а также результаты, которые Жан-Клод Гарден и я получили в наших исследованиях керамики Ай Ханум в Афганистане (*Gardin J.-C., 1970, p.347-349; 1971, p.447-452; 1973, p.121-188 ; 1985, p.447-460; Gardin J.-C., Lyonnet B., 1976, p.45-51 ; Lyonnet B., 1997, p. 121-155*).

Ай-Ханум.

В Ай-Ханум, существовавшем только во времена греческого присутствия, вся керамика была разделена на 8 периодов, которые можно объединить в три больших этапа[1].

На первом (**периоды I-III**), самом раннем этапе керамика предыдущего ахеменидского периода продолжает существовать в небольших количествах, однако, материал в основной своей массе уже греческий, о чем свидетельствуют столовая посуда - тарелки и кувшины, которые раньше не встречались. Весь керамический комплекс достаточно однороден, без декора, за исключением нескольких экземпляров с красным ангобом и лощением, которые выделяются из общей массы посуды белых или розовых тонов.

Второй этап (**периоды IV-V**) четко выделяется появлением сероглиняной керамики, пальмет, мегарских чаш, амфор, то есть всех тех элементов, которые выявляют крепнущие тесные связи с "прародиной".

Третий этап (**периоды VII-VIII**) соответствует последнему периоду существования города. Здесь прослеживается увеличение диаметра столовой посуды, распространение коричневого ангоба, ручки кувшинов часто украшаются налепами в виде женской головки, и декор мегарских чаш сильно упрощается.

Несмотря на большое количество монет, найденных на Ай-Ханум в процессе раскопок, единственной надежной датой, которой мы располагаем, является падение города, которое произошло около 145 года до н.э., при Евкратиде (*Bernard P., 1985, p.97-101, Rapin C., 1992, p.114*). Город был разрушен и разграблен как кочевниками так и местным населением, некоторые оставили свой след в виде рунн на серебряных слитках, а от других, или, возможно, от тех же самых, до нас дошли лепные сосуды бутылеобразной формы на триподе (*Lyonnet B.,1991, idem 1997, p. 157-172*).

Ничего не дает нам дату основания города на Ай Ханум. Город мог быть основан как при Александре, так и при Селевке (*Bernard P., 1978, p.3-15; 1982, p.125-138*). Мы только можем констатировать большое количество монет Антиоха I, и в связи с этим было высказано предположение, что **период IV**, когда появляется сероглиняная керамика, соответствующая фазе интенсивного строительства в городе, связан со временем правления этого царя (*Bernard P., 1973, p. 107-109, idem 1985, p.7*).

Афрасиаб

На Афрасиабе, как и на других памятниках Согда, монеты при раскопках встречаются очень редко (*Ерназарова Т.С., 1974, с.155-243*)[2]. На сегодняшний день, среди находок на Афрасиабе нам известны лишь одна бронзовая монета Антиоха II и два обола Евкратида. Другие монеты, найденные в Согде, являются в основном подражаниями чекану Антиоха или Евтидема.

Керамика, гораздо менее обильная чем на Ай-Ханум, долгое время изучалась Г.В. Шишкиной и, как она интуитивно предполагала, может быть разделена на два больших этапа. Раскопки на Кок-тепе подтвердили это предположение, так как там был зафиксирован только первый этап.

Первый (**Афрасиаб IIA**) включает в основном белую или розовую керамику, формы которой представляют собой продолжение предыдущей ахеменидской традиции или являются уже греческими (рис.1). Речь идет о столовой посуде или кувшинах без ручки. Здесь также встречается красный ангоб с лощением. Керамический комплекс – достаточно однородный и, по-моему, очень близкий к материалу первого этапа Ай-Ханум. С точки зрения стратиграфии этот первый этап связан с ремонтными работами, реализованными на оборонительной стене ахеменидского времени

* Перевод О.Цеповой.
**Литературу см.в конце статьи.
[1] Эти результаты еще не опубликованы. Более подробные и более детальные иллюстрации, чем представленные здесь, можно будет найти в статье Б. Лионе в готовящемся сборнике в честь П.Бернара.
[2] Заметим, что большинство монет, упоминаемых в этой статье, неизвестного происхождения.

(P-6/ch-2)[3], а также с мастерской керамиста на юге города (P-50) и с устройством небольшого прохода в оборонительной стене на севере (P-41/ch-3). Кажется также, что большое здание на Афрасиабе под мечетью, на котором сейчас ведутся раскопки (ch-8), и где были найдены древние запасы проса, было построено в этот период. Все это убеждает нас в том, что первый этап совпадает со временем военной оккупации греков.

Второй этап (**Афрасиаб IIБ**) характеризуется другим материалом. Коричневый ангоб преобладает, многие чаши и тарелки имеют больший диаметр. Появляются мегарские чаши с очень простым декором и, возможно, кратеры с вертикальной ручкой, а также энохои с одной ручкой, которые не встречались на Ай-Ханум (рис.2). Этот второй этап очень близок к последнему периоду обживания Ай-Ханум во времена Евкратида. Стратиграфически он связан с возведением новой оборонительной стены на галечной подсыпке, которая так и не была закончена (P-6, P-41). Следующий сразу за ним уровень состоит в основном из ям и землянок, в которых было найдено большое количество бокалов на ножке, относящихся к периоду **Афрасиаб III** (рис.3).[4]

Сравнение между двумя городищами.

Факты, представленные здесь, показывают ясно, что период IV-V Ай-Ханум, для которого характерна сероглиняная керамика, не обнаружен на Афрасиабе. Похоже, что два этапа, наблюдаемые на Афрасиабе, не следуют друг за другом, а разделены периодом запустения - пробелом, и что после первой греческой оккупации контакты с Бактрией были прерваны. Начало финального этапа **Афрасиаб IIA** может быть определено последними годами правления Евкратида, примерно 150-м годом до н.э.[5] Он был непродолжительным, поскольку начатая стена так и не была завершена.

Как же датируется первый этап? Проблема, которую нам остается решить, это датировка первого этапа периода - **Афрасиаб IIA**. Связано ли это с периодом, следующим сразу за походом Александра, или с заселением первыми колонистами, пришедшими с Селевком? Отсутствие селевкидских монет на Афрасиабе в отличие от Ай Ханум и Бактрии дает нам возможность предположить, что первая греческая оккупация Афрасиаба предшествует времени правления его суверенов, во всяком случае, Антиоха I, чьи монеты здесь чаще встречаются. Согдиана же или, по крайней мере, район Самарканда, были уже независимы в эпоху Антиоха I, так как, согласно Плинию (VI,49), для битвы с номадами, опустошившими Маргиану, Арию и, без сомнения, Согдиану, Селевк и Антиох I призвали генерала Демодама из Милета, успешно оттеснившего их на другую сторону Яксарта. Можно предположить, что эта победа была не надолго, и, вероятно, для лучшего сдерживания надвигающихся кочевых племен, чьи курганы встречаются уже на юго-западе от Самарканда (*Обельченко О.В., 1972,с.56-72*), была построена Дербентская стена[6]. Возможно, что Евкратид сумел заново подчинить Согд, как свидетельствует об этом Юстин (XLI, 6, 2). Возможно, в этот же момент другие кочевники захватили восточную часть Бактрии и разорили Ай-Ханум. Я имею в виду могильник Ксирова. В противоположность существовавшему ранее мнению, эти кочевники, характеризующиеся бутылеобразными вазами и(или) горшками на триподе, не проходили через Афрасиаб и, возможно, даже не через Фергану. Это, видимо, первые проявления их прихода, и все заставляет думать, что речь идет именно о юечжах.

Похоже, что Афрасиаб пережил Ай-Ханум на многие годы, прежде чем пасть, в свою очередь, под ударами других кочевников - носителей бокалов на ножке, широко распространившихся в центральном и западном регионе. В многочисленных курганных могильниках, оружие, как и украшения, встречаемые в сочетании с вазами, указывают, главным образом, на их сарматское происхождение.

[3] Вторая половина в нумерации раскопов, (напр. ch-2)- номера, используемые с 1989 г. Франко-узбекской археологической миссией на Афрасиабе (MAFUZ).- Прим. ред.

[4] Сложность выделения второго этапа - Афрасиаб IIБ и периода Афрасиаб III успешно преодолела Г.В. Шишкина. Раскоп П. Бернара (P-6/ch-2) в 1989-1995 гг. позволил наконец найти и археологический контекст ярко-выраженного типа Афрасиаб IIБ, где в частности не фигурируют ни одного кубка на ножке.

[5] Энохои чрезвычайно редки на Ай Ханум (известен лишь один случай см. *Gardin J.-C., 1973, p.151 et pl.119,h*), что нам позволяет предположить, что завоевание Согдианы происходило в конце правления Евкратида.

[6] Эта стена вначале была определена как стена кушанского периода (*Ртвеладзе Э.В., 1990, с.1-33*). Раскопки К. Рапена и Ш. Рахманова показали, что период ее первоначального строительства восходит к грекам, в частности, благодаря наличию рыбных блюд, некоторые из которых были сероглиняные со штампованым декором из геометризованных пальмет.

ЛИТЕРАТУРА

Ерназарова Т.С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IXв.) // Афрасиаб. Вып. 3, Ташкент, 1974.

Обельченко О.В. Агалыкские курганы // ИМКУ. Вып.8, Ташкент, 1972.

Шишкина Г.В. О местонахождении Мараканды (археологические данные о древнем Самарканде) // СА,1969, №1.

Шишкина Г.В. Материалы первых веков до н.э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969а.

Шишкина Г.В. Керамика конца IV-II вв.до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб, вып.2, Ташкент, 1974.

Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА, 1975, №2.

Bernard P. Fouilles d'Ai Khanoum I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968), 2 volumes, // MDAFA, t. XXI, Klincksieck, Paris. 1973.

Bernard P. Le nom de la ville grecque du tepe Ai Khanoum // P. Bernard et H.-P. Francfort Etudes de gйographie historique sur la plaine d'Ai Khanoum (Afghanistan), йd. CNRS, 1978.

Bernard P. Alexandre et Ai Khanoum // Journal des Savants, 1982, Avril-Juin.

Bernard P. Fouilles d'Ai Khanoum IV. Les monnaies hors trйsors. Questions d'histoire grйco-bactrienn // MDAFA, T. XXVIII, Paris, 1985.

Gardin J.-C. La cйramique // P. Bernard. Campagne de fouilles 1969 en Afghanistan. CRAI, Paris, 1970.

Gardin J.-C. Cйramique //, P. Bernard. La campagne de fouilles de 1970 a Ai Khanoum // CRAI, Paris, 1971.

Gardin J.-C. Les cйramiques // P. Bernard йd. Fouilles d'Ai Khanoum I, 2 vol. // MDAFA, T. XXI, Klincksieck, Paris, 1973.

Gardin J.-C. Les relations entre la Mйditerranйe et la Bactriane dans l'antiquitй, d'apris des donnйes cйramologiques inйdites // J.-L. Huot, M. Yon, Y. Calvet йd. De l'Indus aux Balkans, Recueil a la mйmoire de J. Deshayes, ERC, Paris, 1985.

Gardin J.-C., Lyonnet B. La céramique // P. Bernard et al. Fouilles d'Ai Khanoum : campagne de 1974, Bulletin de l'Ecole d'Extrкme-Orient, LXIII, 1976.

Lyonnet B. Les nomades et la chute du royaume gréco-bactrien: quelques nouveaux indices en provenance de l'Asie Centrale orientale. Vers l'identification des Tokhares-Yueh-chi // P. Bernard et F. Grenet йd. Histoire et cultes de l'Asie centrale pré-islamique. Sources écrites et documents archéologiques, éd. CNRS, Paris, 1991, p. 153-161 et pl. LXI-LXIII.

Lyonnet B. Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978), sous la direction de J.-C. Gardin, vol. 2. Céramique et peuplement, du Chalcolithique a la conquкte arabe // MAFAC, T. VIII, ERC, Paris, 1997.

Rapin C. Fouilles d'Ai Khanoum VIII. La trésorerie du palais hellénistique d'Ai Khanoum. L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane // MDAFA, t. XXXIII.

Rtveladze E. On the Historical Geography of Bactria-Tokharistan //Silk Road Art and Archaeology, 1, 1990.

Shishkina G.V. Ancient Samarkand: capital of Coghd // BAI, vol.8, 1994.

Во франкоязычной библиографии: й = é, и = è, п = ï, к = ê.

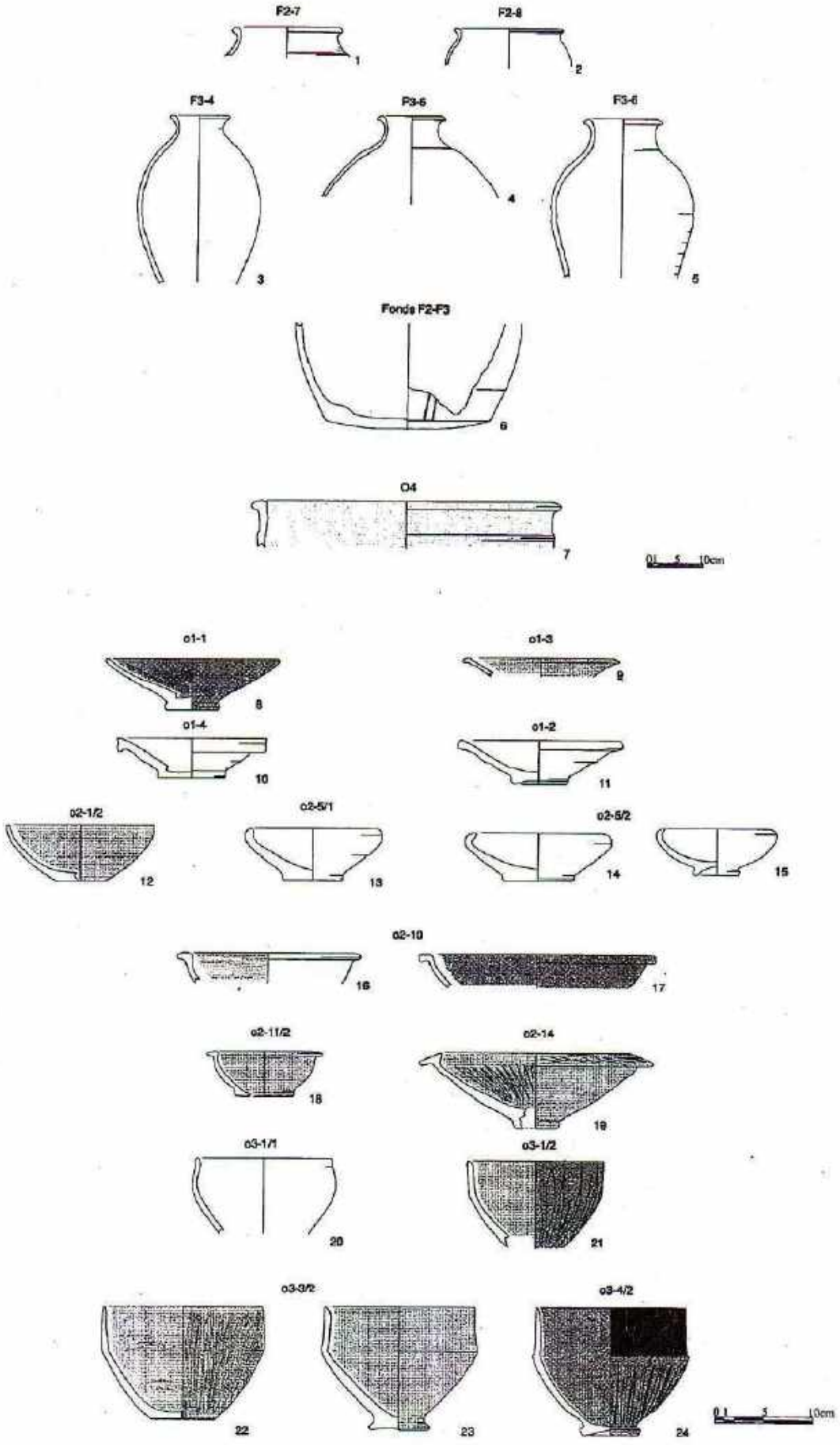

Рис.1 . Керамика периода Афрасиаб IIA, исследования 1996 г.

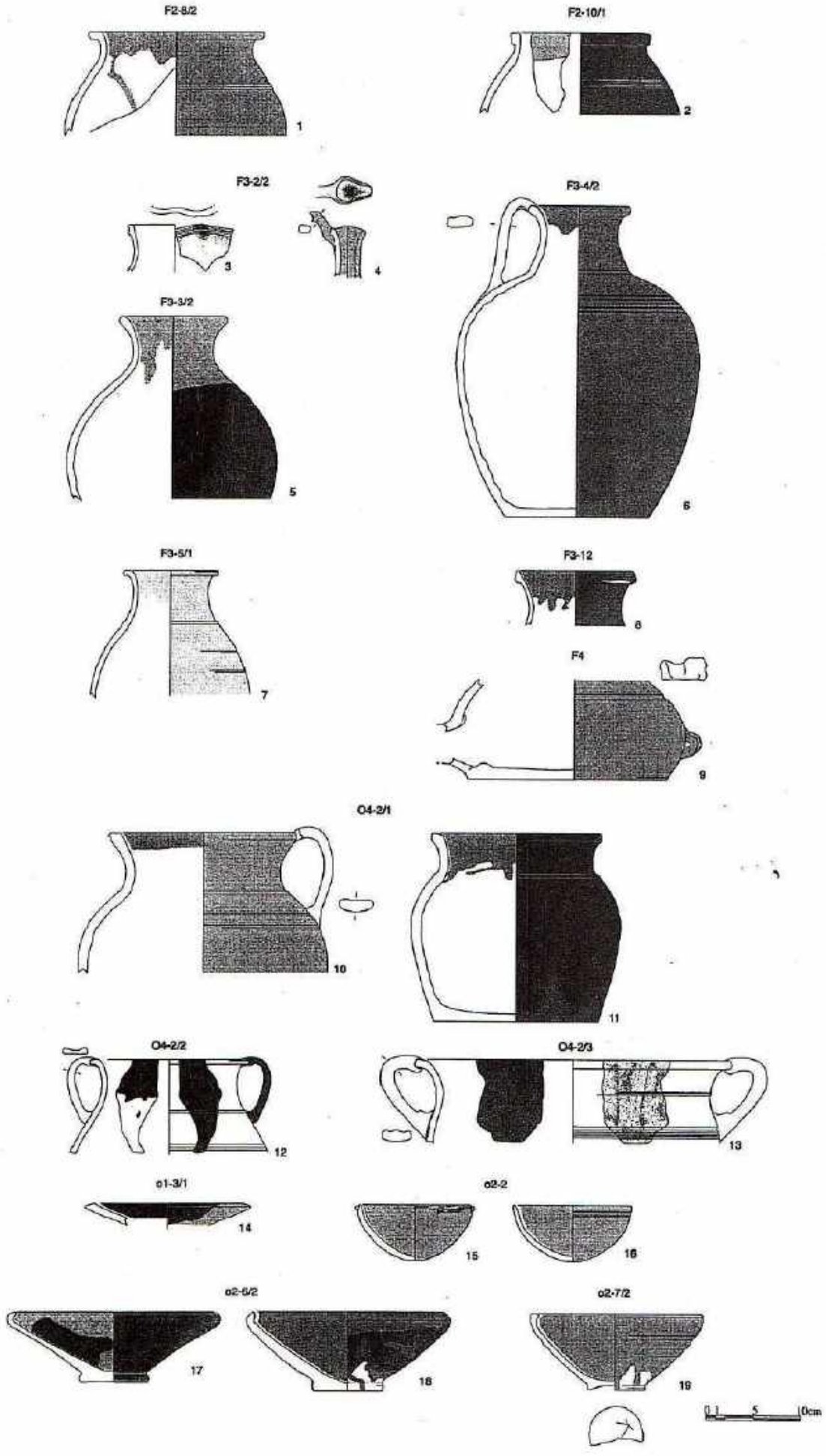

Рис.2. Керамика периода Афрасиаб IIБ, исследования 1996г.

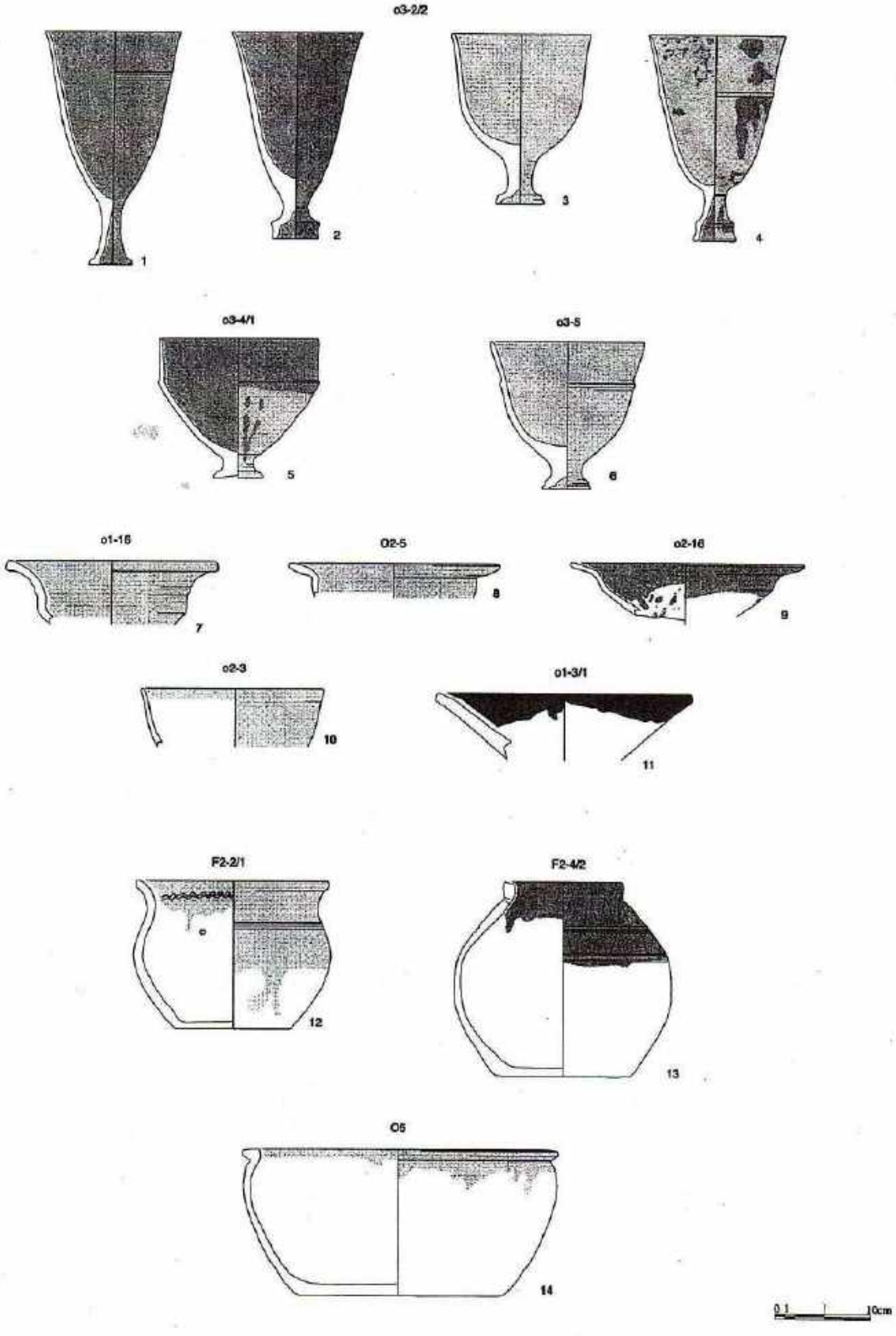

Рис.3. Керамика периода Афрасиаб III, исследования 1996 г.

О.Н.ЛУШПЕНКО
(Национальный университет им. Мирзо Улугбека,
г.Ташкент, Республика Узбекистан)

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЮЖНОГО СОГДА (по материалам памятников Сангиртепа и Узункыр)

Археологические материалы раннежелезного века, полученные в Согде, не столь значительны и разнообразны, как аналогичные комплексы, происходящие из памятников Бактрии и Маргианы. Это обусловлено рядом факторов. Ранние культурные слои таких крупных согдийских центров, как Афрасиаб и Еркурган (в отличие от Яздепе, Кучуктепа, Кызылтепа и др.), погребены под мощными слоями более поздних периодов. Или же ранние слои ряда согдийских поселений (Еркурган I, Курганча, Самантепа, Туртбурчактепа) достигают мощности всего лишь 0,3-0,5 м. И лишь на трех памятниках, датируемых раннежелезным веком, - Сангиртепа, Даратепа и Узункыр - мощность слоев первой половины I тыс. до н.э. составляет значительные показатели, соответственно: 5,9-3,0-2,7 м.

Работами кафедры археологии Национального университета Узбекистана им.Мирзо Улугбека на протяжении более 35 лет проводятся планомерные археологические исследования поселений раннежелезного века в долине р.Кашкадарьи (Южный Согд).

Процесс освоения территории Южного Согда древнейшим оседло-земледельческим населением был начат на рубеже II-I тыс. до н.э. В пределах изолированных речных систем формируются районы-оазисы. К середине I тыс. до н.э. число таких районов расселения с разнотипными поселениями достигало семи. Восточным центром Южного Согда периода раннего железа являлся Шуробсайский древнеземледельческий оазис, сформировавшийся в районе среднего течения Кашкадарьи и южных предгорий Зеравшанского хребта, в состав которого, по-видимому, входили и поселения Макридского микрооазиса (по р.Аякчи). Среди более чем десяти поселений, располагавшихся на его территории, планомерные археологические раскопки проводились на двух крупных памятниках - Сангиртепа и Узункыре.

В центральной части поселения Сангиртепа (площадь 3 га) возвышается подквадратной формы холм высотой 8 м. Ряд шурфов, заложенных на центральном холме и прилегающей к нему территории, а также разрез внешнего обводного вала поселения Сангиртепа дали комплекс материалов, представленный строительными остатками, керамикой, изделиями из камня и костями животных.

В процессе изучения культурных напластований поселения Сангиртепа было выделено два стратиграфических комплекса, представляющих разные хронологические периоды - Сангир I (IX-VIII вв. до н.э.) и Сангир II (VII-VI вв. до н.э.).

Керамический комплекс периода Сангир I представлен в основном лепной керамикой. Сосуды изготовлены из хорошей глины с большим включением кварца, песка, поверхность тщательно заглажена и покрыта красно-коричневым ангобом различных оттенков. На некоторых сосудах имеются следы лощения. Часть посуды изнутри имеет хорошо обработанную поверхность. В комплексе присутствуют сосуды, изготовленные на матерчатом шаблоне; на внешней стороне некоторых форм сохранились следы копоти. Хотя лепные сосуды и преобладают (это котлы округлой формы, иногда с ручками в виде горизонтального выступа, и чаши полусферических очертаний), в комплексе присутствуют и высококачественные станковые сосуды (хумы и хумча с округлым туловом с подквадратным или подтреугольным в сечении венчиком и чаши, повторяющие форму лепных сосудов этой группы). Для изготовления станковой керамики использовалась хорошо отмученная глина с незначительными примесями песка и кварца.

В комплексе лепной керамики выделена группа сосудов с росписью (рис.1). Ведущей формой лепной расписной керамики являются полусферические чаши. Рисунок наносился на внешнюю сторону сосуда (чаще вдоль венчика, иногда захватывая среднюю часть тулова). Роспись выполнена красной или коричнево-красной краской по светлому или красноватому фону. Мотивы росписи: треугольники с сетчатым заполнением (рис.1, *4*); пересекающиеся тонкие косые линии, образующие треугольники и ромбы (рис.1, *8*); горизонтальные фестончатые волнистые линии в сочетании с заостренными скобками вершинами вверх (рис.1 *7*); "елочки" (рис.1, *3*); зигзагообразные линии и т.п. Аналогичный комплекс керамики (около 10 фрагментов) был получен в 1983 г. под основанием северо-западной стены обводного вала поселения Сангиртепа.

Для материалов Южного Согда начала I тыс. до н.э. расписная керамика, имеющая сходство с сангиртепинской по технике нанесения рисунка, цветовой гамме и мотивам орнаментации, была выявлена на поселении Туркультепа и городище Еркурган в слое Еркурган I. По композиции рисунков и их исполнению расписная керамика Сангиртепа находит аналогии в среде керамических комплексов типа Яз I, нижних культурных слоев поселений Бандыхан, Кучуктепа, Тиллятепа, где она датируется IX-VII вв. до н.э. Процент лепной расписной керамики для этих памятников довольно высок, в то время как для материалов Кызыл I, Еркурган I, Туркультупа и Сангир I ее количество составляет не более 1%. Сопоставление комплексов лепной расписной керамики всех этих памятников показало, что наряду с вариациями в оформлении узоров облик керамики, мотивы орнаментации, техника исполнения, композиционный сюжет в целом объединяют их в единую этно-культурную общность оседлых земледельцев. Причем по ряду признаков наиболее близка сангиртепинским расписным чашам аналогичная керамика типа Кучук I, что свидетельствует о наличии в период раннего железа культурно-хозяйственных связей Южного Согда с Бактрией.

В 650 м к северу от поселения Сангиртепа расположены руины крепости Узункыр (площадь 70 га). В настоящее время вся территория памятника распахана и лишь в юго-западной части городища сохранился отрезок крепостной

стены длиной 500 м. В процессе зачистки одного из останцов в северо-западной части Узункыра и изучения его фортификационных сооружений был получен материал, позволяющий выделить три хронологических периода обживания памятника - Узункыр I (VIII в. до н.э.), Узункыр II (VII-VI вв. до н.э.) и Узункыр III (V-IV вв. до н.э.). Свидетельством первоначального обживания территории Узункыра является комплекс керамики из хозяйственной ямы в центральной части городища, из которой также получены кости животных и зерна злаков.

Керамика периода Узункыр I вся лепная (рис. 2). Черепок рыхлый, в изломе красного, розового и сероватого цвета. В тесте присутствует большое количество шамота, крупного песка и дресвы. Обжиг неравномерный. Комплекс представлен кухонной и столовой посудой, причем первая группа значительно преобладает. Все фрагменты кухонной посуды с внешней стороны сильно закопчены. Наиболее многочисленная группа - кухонные котлы округлой формы с уплощенным, плоско срезанным, овальным или чуть заостренным во внешнюю сторону венчиком. В верхней части некоторых сосудов присутствуют две петлевидные ручки. Встречены формы котлов, имеющих круглый удлиненный слив, под которым находится ручка в виде отступающего от стенки полуовального выступа. Аналогичные формы котлов обнаружены в нижних слоях городища Еркурган, а также они были широко распространены в комплексах Яз I, Кызыл I и Кучук I. Столовая посуда представлена горшками удлиненной овальной формы с выступающим во внешнюю сторону, чуть заостренным подтреугольным венчиком. Они очень грубой работы и отнесены в группу столовой посуды вследствие отсутствия на них следов копоти. Аналогичные сосуды присутствуют в материалах слоев Еркурган II и Кучук I. В целом керамический комплекс периода Узункыр I сравнительно беден и однообразен. Такого типа керамика имела широкое распространение на территории Маргианы, Бактрии и Согда в первой трети I тыс. до н.э.

Дальнейшие археологические исследования памятников Южного Согда начала-первой половины I тыс. до н.э., изучение и научный анализ полученных материалов, среди которых наиболее массовым является керамика, позволят расширить представления о процессах историко-культурного развития региона, уточнить и дополнить ряд важных вопросов археологии и истории Узбекистана.

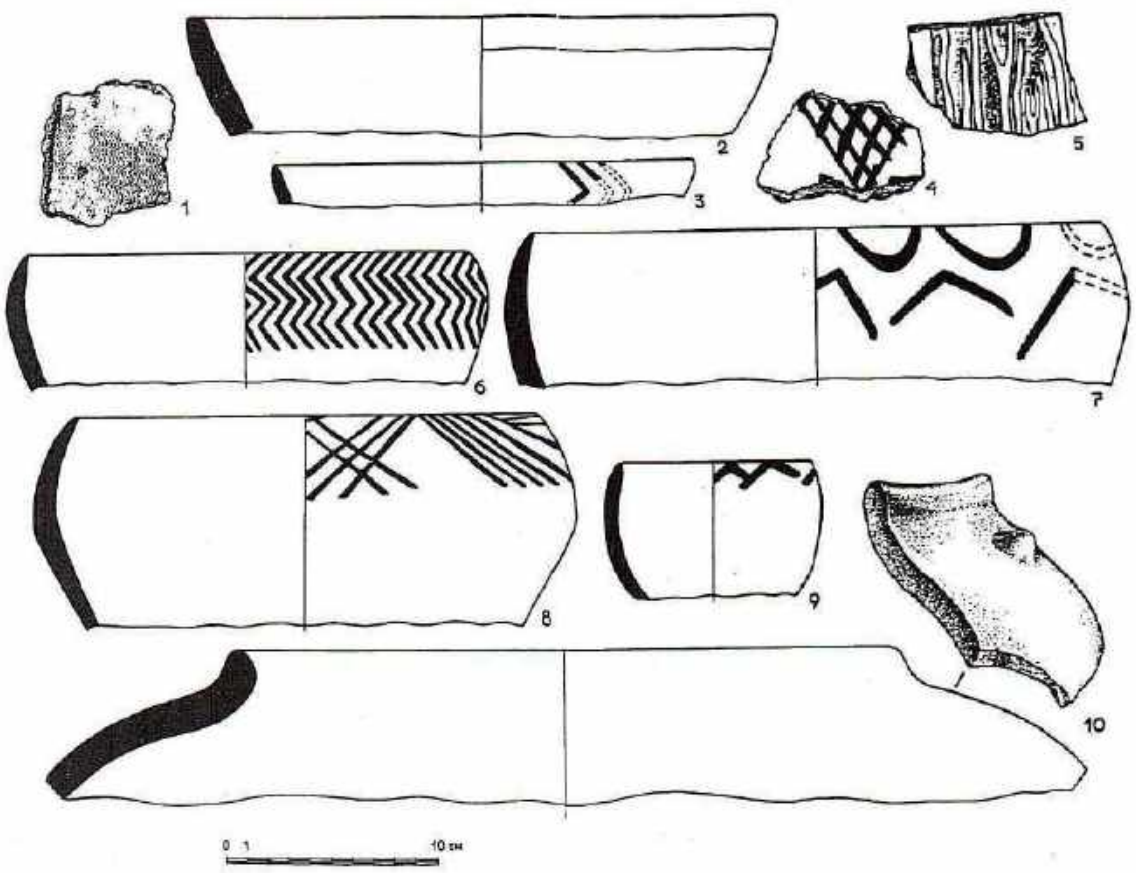

Рис.1. Лепная керамика Сангиртепа

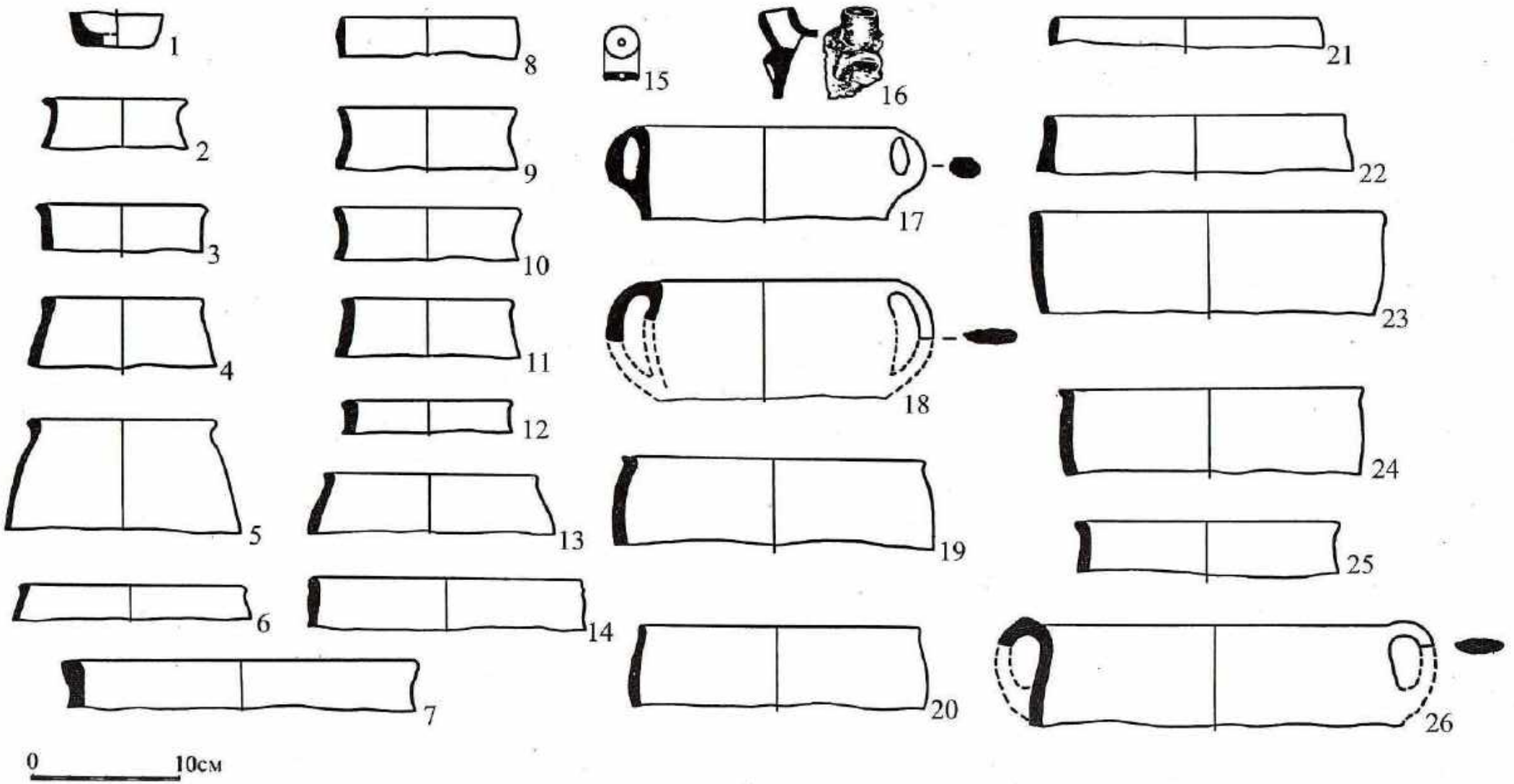

Рис. 2. Керамика периода Узункыр I

Б.Х.МАТБАБАЕВ, А.А.ГРИЦИНА
(Институт археологии АН РУз,
г.Самарканд, Республика Узбекистан)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НИЖНИХ СЛОЕВ ГОРОДИЩА КУВА

В 1998 г. в связи с юбилеем Ахмада ал-Фаргони на городище Кува в Южной Фергане проводились крупномасштабные археологические исследования. Особое внимание уделялось исследованию нижних слоев городища, поскольку за всю долгую историю его изучения так и не была выявлена полная стратиграфия наслоений. На раскопе 7, заложенном в южной части шахристана, удалось достигнуть уровня материка и, таким образом, проследить всю свиту культурных слоев городища Кува снизу доверху (*Shirinov T.Sh., Matboboev B.Kh., Ivanov G.P., 1998*).

Древнейшие материалы были получены непосредственно под средневековыми городскими стенами, где выявлено два основных слоя (XXIX - начало XXXI яруса). Нижний слой представлен остатками жилищ полуземляночного типа, вырытых в материковом лессе. Полученная из слоя керамика подразделяется на следующие типы.

Хумы - тяжелых пропорций, с овальным в сечении венчиком и слабо выраженной горловиной. Под венчиком они украшены пальцевыми вдавлениями (рис.1, *10,13*). Судя по имеющимся фрагментам, большинство из них формовалось без гончарного круга. Найдены обломки сосудов, способ изготовления которых довольно сложно определить (вручную или на круге), так как все шероховатости тщательно затерты (рис.1, *10,15*). Днища сосудов слегка округлые, со следами песчаной подсыпки. Уникально днище хума, демонстрирующее пережиточный "ахеменидский" способ формовки в чаше-подставке (рис.1, *14*). Подобные формы редко встречаются в Фергане, но довольно часты среди материалов нуртепинской культуры Уструшаны и, в частности, в слоях V-III вв. до н.э. (*Грицина А.А., 1990, с. 20, рис.3, 4-5*).

Чаши, несомненно, ведущая форма комплекса. Большинство из них сформовано ручным способом (рис.1, *9,11*). При этом не отмечено применения матерчатого шаблона, широко распространенного в нуртепинской культуре, где он использовался для изготовления даже мелкой столовой посуды. Сосуды имели полусферическую форму и тщательную отделку поверхностей. Менее половины чаш покрыто красным, довольно нестойким ангобом. Один из таких сосудов имеет отверстие в стенке (рис.1, *11*).

Многочисленная группа керамики представлена небольшими чашами (рис.1, *6,12*). Все они станковой работы, глина плотная, качественного обжига. Сосуды иногда покрывались нестойким ангобом красного цвета. Ч а ш и кружальной формовки отличаются не только по качеству изготовления, но и по оформлению закраин (рис.1, *4,5*). Кроме того, они не покрыты красным ангобом и относятся к числу т.н. светлофоновой керамики. Учитывая значительную высоту этой категории сосудов, правильней было бы называть их мисками.

Среди этой посуды выделяется миска крупного размера с изгибом бортика (диаметр 30 см). Она уступает другим гончарным чашам по качеству изготовления и, в отличие от них, ее коричневого цвета поверхность не покрыта ангобом (рис.1, *8*). В единственном экземпляре представлена чаша аналогичного профиля (рис.1, *4*).

Кувшины формовались на круге, из глины среднего качества. Поверхность коричневого или лессового цвета. Толщина черепка от 0,6 до 1,5 см. Венчик овальной формы, сильно оттянут наружу (рис.1, *1,2*). Один из них залощен и изнутри венчика украшен полосой красного цвета (рис.1, *2*).

Горшки также формовались на круге. Глина плотно замешана, качественного обжига. Поверхность светло-коричневого цвета. Иногда сосуды украшались рельефным поясом ниже венчика. Место перехода от тулова сосуда к венчику обозначено плавным перегибом (рис.1, *3*).

В комплексе имеется сосуд кружальной формовки типа кринки со сливом. Поверхность сосуда украшена прочерченным орнаментом в виде горизонтальных полос (рис.1, *7*).

Неожиданно малочисленными оказались котлы. И это несмотря на ярко выраженный зольно-органический характер культурного слоя. Хотя следует отметить, что некоторые миски несут следы копоти и, видимо, использовались в качестве сосудов для варки пищи. Да и сами котлы, сформованные из жаростойкой массы, по форме напоминают миски (рис.1, *17*).

Описанный выше керамический комплекс находит аналогии, прежде всего, среди ферганских памятников. И ближе всего он к эйлатанскому комплексу, который в последние годы все чаще подвергается пересмотру и в смысле его датировки, и в смысле его места среди других культур Ферганы (*Кудратов С.С., 1992, с.3-4; Иванов Г.П., 1996, с.119-128*). Наиболее близок наш комплекс к керамике из печи № 2, раскопанной на городище Эйлатана и датированной III-II вв. до н.э. (*Кудратов С.С., 1991, с.41, рис.2*).

Справедливости ради отметим, что в первой работе, посвященной новым эйлатанским комплексам (печи), С.Кудратов датировал их IV-III вв. до н.э. (*Кудратов С.С., 1990, с.21*) и в этом случае, по-видимому, был близок к истине. Принятая им вслед за Т.Г.Оболдуевой датировка стен Эйлатана (III-II вв. до н.э.) вызывает определенные сомнения (*Оболдуева Т.Г., 1981, с. 41*). Во-первых, как нам кажется, печь (мы осмотрели объект сразу после раскопок) возведена в теле оборонительной стены и, соответственно, относится к более позднему времени, чем стена; во-вторых, в комплексе из печи нет ни одного черепка расписной эйлатанской керамики. Учитывая эти данные, мы считаем, что относить возведение оборонительных стен Эйлатана к III-II вв. до н.э. представляется преждевременным. Что касается комплекса материалов из Эйлатана, то пришло время корректировки даты появления здесь керамики с красным ангобом, а в этой связи и поры возведения стен Эйлатана. Тем более, что красноангобированная керамика известна только с начала шурабашатской культуры, а памятников последней в Фергане насчитывается более 50.

Возвращаясь к датировке нашего комплекса, отметим, что по многим признакам (форма сосудов, оформление венчика - вогнутость вовнутрь, ямки вдоль венчика, обработка поверхности) он ближе к поздним комплексам Эйлатана (Актама), ранним комплексам шурабашатского этапа (см. *Заднепровский Ю.А., 1985, с.306*) или к IV-III вв. до н.э. (*Горбунова Н.Г., 1961, с.11*). Наличие лепной расписной керамики эйлатанского типа (рис.1, *17*), некоторые образцы крашенной керамики и архаичность отдельных форм (сравни: *Gorbunova N.G., 1986, pl.V,VII,XI*) позволяют допустить и V в. до н.э. Этот комплекс может быть также сопоставлен с материалами соседней Уструшаны и датирован IV-III вв. до н.э. (*Грицина А.А., 1990, с.20-21; Буряков Ю.Ф., Грицина А.А., 1989, с.40-45*).

Керамика из землянки (Р.7) отличается от вышеописанной, и прежде всего наличием фрагмента расписной чаши, выполненной ручным способом (рис.1, *24*). Поверхность с обеих сторон залощена. Роспись нанесена тонкой кистью по светлому фону темно-коричневой краской. Хумы формовались без помощи круга, имеют овальный венчик, который отделяется от тулова ложбинкой (рис.1, *27,28*). Появляются сковороды, отсутствующие в предыдущем комплексе. Чаши - аналогичных описанным форм, но имеются более мелкие по размерам (рис.1, *19,22,24,26*). Кубковидные сосуды формовались на круге и вручную (рис.1, *18,23*), есть сосуды с отверстием в днище (рис.1, *30*).

В целом эта керамика является дополнением к вышеописанному комплексу и должна быть датирована тем же временем, то есть IV-III вв. до н.э.

Следующий по времени комплекс происходит из слоя, расположенного между нижележащим слоем и основанием средневековых стен (рис.1, *31-37*). Керамики из него немного, но здесь появляется великолепная, сформованная на круге красноангобированная лощеная посуда (рис.1, *34,35*). Это один из главных датирующих признаков (*Иванов Г.П., 1996, с.129-133*). Не менее важно и то, что зафиксирована последовательность смены одной культуры другой, т.е. непосредственный переход от жилищ примитивного полуземляночного типа к постройкам фундаментальных домов из пахсы. Этот факт показывает, что по времени данное событие отстоит недалеко от времени завершающего этапа функционирования общества с примитивными жилищами. Нижнюю дату слоя с красноангобированной керамикой можно определить в пределах II-I вв. до н.э., возможно, концом III в. до н.э. Среди керамического комплекса этого слоя выделяется археологически целый горшочек, найденный непосредственно под оборонительной стеной (рис.1, *34*). Сосуд покрыт красным ангобом и залощен. Характерным для комплекса является и то, что венчики мисок, как правило, слегка наклонены внутрь сосуда (рис.1, *32,33*).

Интересна находка предмета, похожего на керамический дастархан (рис.1, *31*). Диаметр его более 40 см. С тыльной стороны - следы от песчаной подсыпки. Эта сторона не плоская, а слегка выпуклая. Внешняя поверхность ребристая, со следами окраски.

Таким образом, впервые на городище Кува был достигнут материк (прежде этому препятствовали грунтовые воды). В результате получен материал, отражающий древнейшие этапы обживания данной территории. Прослежен переход от примитивных жилищ полуземляночного типа "первых кувинцев" к наземным конструкциям из пахсы. Пока трудно судить, имели ли они какое-то отношение к городской фортификации, скорее всего, в раскоп попала какая-то часть жилого массива. Однако, значительная территория, на которой встречается красноангобированная керамика времени Афрасиаб III (а это практически вся территория шахристана Кувы), дает основание считать Куву этого времени если не городом, то довольно значительным населенным пунктом Южной Ферганы.

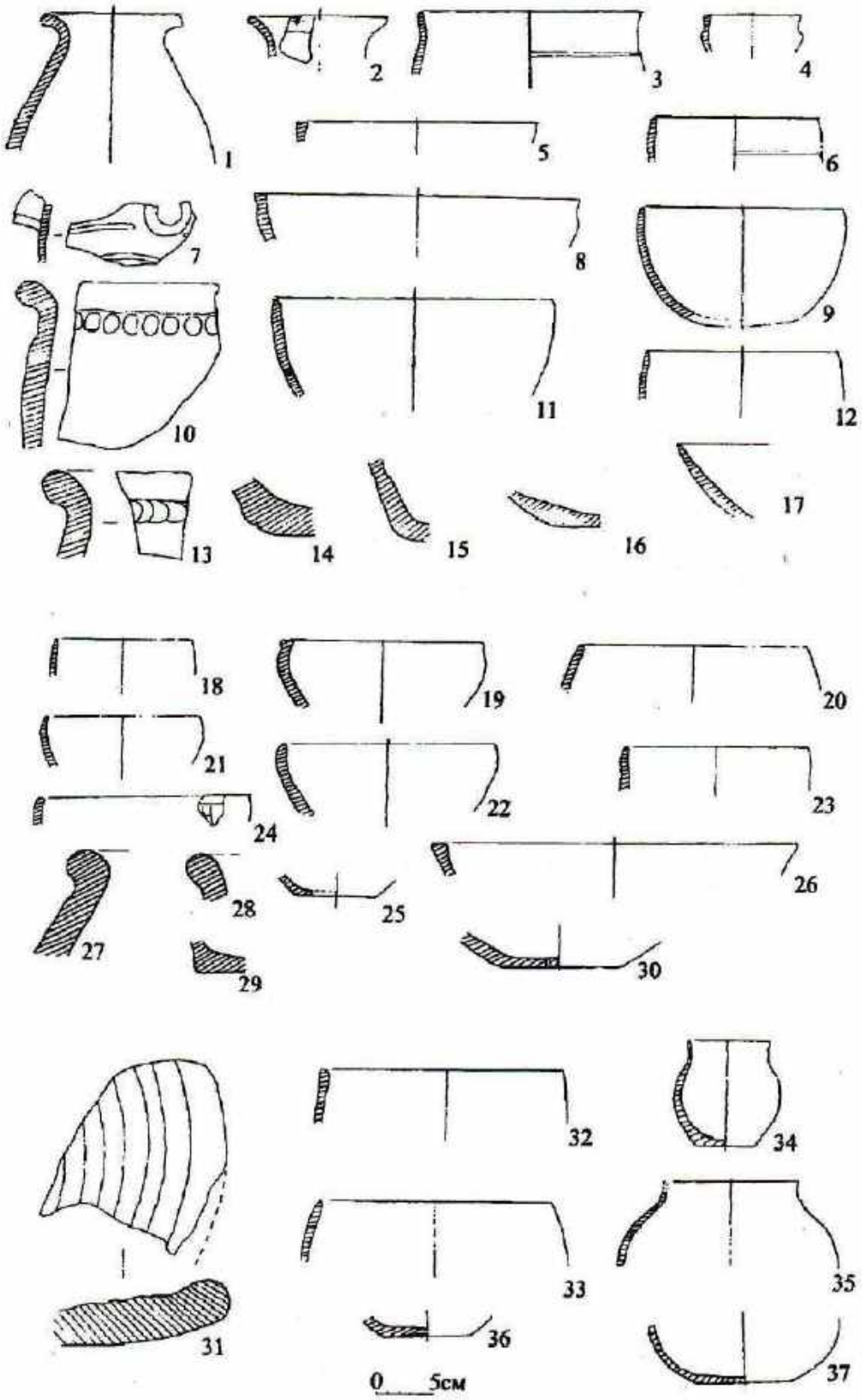

Рис. 1. Комплекс керамики с городища Кува.
1-17, Р-7, нижний слой; *18-30*, Р-7, керамика из "землянки"; *31-37*-керамика из культурного слоя под стеной.

Д.К.МИРЗААХМЕДОВ
(Институт археологии АН РУз,
г.Самарканд, Республика Узбекистан)

КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ X В. ИЗ ПРИГОРОДА ПАЙКЕНДА

В полевом сезоне 1995 г. Пайкендский археологический отряд Института археологии АН РУз продолжал исследования на рабате 4 в пригородной зоне восточной части городища.

Памятник представлял собой прямоугольное в плане сооружение с центральным двором и гребенчатой планировкой помещений. Стратиграфически они делятся на два этапа:

1. Вторая половина, конец IX- начало X вв.;
2. Вторая половина XII-начало XIII вв.

В процессе исследований помещений С-В части на внешнем углу помещения 24 со стороны дворовой части по уровню первого строительного горизонта был выявлен бадраб, из которого получен богатый комплекс керамики X в.

Комплекс состоял преимущественно из неглазурованной керамики столовых и, в меньшей степени хозяйственных форм, представляющих большой интерес для характеристики керамического ремесла и условий быта местного населения.

В основном это были формы мисок (рис.1, *2*), кружек различных профилей и размеров с петельчатыми ручками (рис.3, *4,6*), хурмача со множеством ручек и мелкими налепами по плечикам (рис.1, *7*), столовые кувшинчики различных форм и в том числе со специальной откидной крышечкой (рис. 1, *5*). К формам кухонной и хозяйственной посуды можно отнести котел, крупный водоносный кувшин, крышку от кувшина, тагора, кувшин умывальный (офтоба), флягу, а также фрагмент донца поливного блюда (рис.1, *1*) и фрагмент от стенок рюмочки и кружечки из стекла.

Полученные из бадраба три посеребренные плохой сохранности черных дирхема "Ал-Махди" могут быть датированы в широких хронологических пределах IX-XII вв. (определение Б.Д.Кочнева), но полученный керамический материал и стратиграфия обживания первого строительного горизонта памятника указывают на вторую половину IX-третью четверть X в. и значительно сужают эту дату. Еще большей конкретизации хронологии комплекса способствует и то обстоятельство, что бадраб был выявлен по самому верхнему уровню первого строительного горизонта, что может указывать на его функционирование в пределах середины-третьей четверти X в.

Прежде всего бросается в глаза то, что подавляющая часть комплекса состоит из различных форм столовой и хозяйственной посуды без глазури, несомненно, выполненных в близлежащем квартале керамистов в рабаде Пайкенда.

Выделяется лишь единственный образец поливного донца небольшого блюда со схематической орнаментацией (рис.1, *1*), археологически целый стеклянный стаканчик и фрагмент от венчика стеклянной рюмки, также безусловно датируемые X в.

Таким образом, в отличие от десятков других закрытых комплексов мусульманского времени, на основании которых нашими предшествующими коллегами была произведена классификация глазурованной керамики таких крупных городских центров, как Самарканд, Ташкент, Ахсикет и др., наши материалы имеют существенные различия.

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что мы имеем дело с материалами из бадраба небольшого хозяйства, видимо, помещавшегося в одном или нескольких угловых помещениях рабата 4. На это может указывать не только полученный здесь практически полный набор столовой и хозяйственной посуды, но и то, что по данным источников к этому периоду рабаты при городских центрах во многих случаях были заняты ремесленниками или их семьями.

Также необходимо подчеркнуть, что глобальные процессы усыхания оазиса привели в третьей четверти X в. к полному прекращению обживания рабатов вокруг Пайкенда, а к середине XI в. это произошло и на самом городище. То есть уже с середины X в. население постепенно переселяется в глубь оазисов, и Пайкенд постепенно теряет свой городской статус. В свою очередь, это может указывать на то, что полученный комплекс мог принадлежать семье, недостаточно обеспеченной, или в целом характеризовать бытовые условия широких слоев сельского населения оазиса.

Таким образом, нам еще раз хотелось бы подчеркнуть, что огромное богатство художественных форм поливной керамики исследуемого периода может характеризовать лишь материальный достаток населения крупных городских центров. Для сельских же центров и менее обеспеченных слоев населения региона основным типом столовой и хозяйственной посуды оставалась неглазурованная керамика.

Это также еще раз может указывать на существенную разницу в ценах, всегда существовавшую между поливной и неполивной керамикой, и на более низкие покупательные способности сельского населения по сравнению с жителями крупных городских центров.

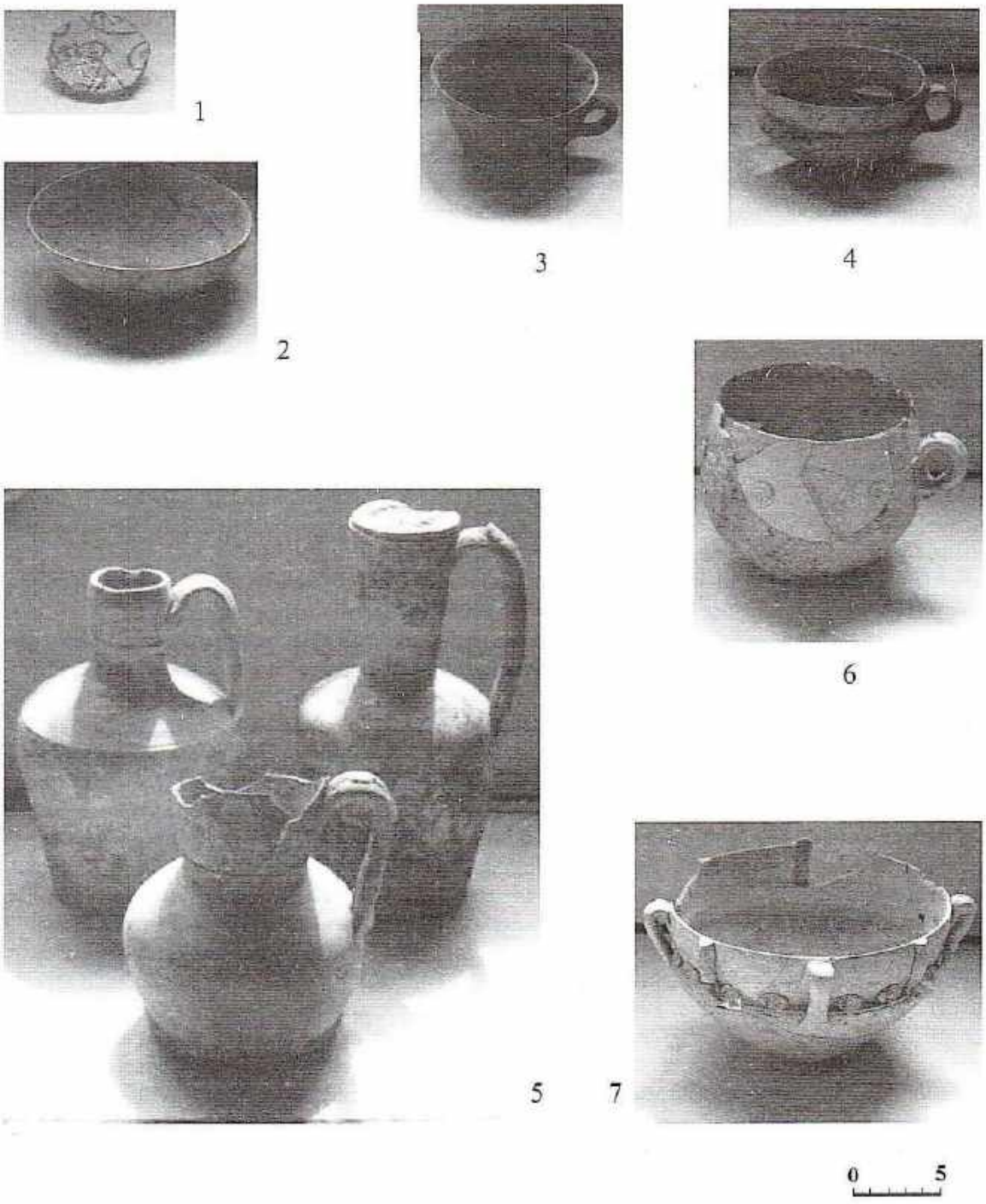

Рис. 1. Керамика из рабата 4 городища Пайкенд.

Э.Л.ПАНИНА, И.В.ВОЛКОВ
(Институт культурного и природного наследия,
г.Москва, Российская Федерация)

ШТАМПОВАННАЯ КЕРАМИКА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ*

Штампованная керамика – одна из характерных черт золотоордынской культуры, ее делали в большинстве крупных городов, а продукцию наиболее популярных мастерских широко экспортировали, в том числе и за пределы государства. Специфические особенности изделий часто позволяют без особого труда определить происхождение такой керамики, что дает возможность получения исторической информации. Цель сообщения – охарактеризовать разные очаги производства штампованной керамики в пределах Золотой Орды, т.е. указать на те признаки, по которым можно различать продукцию разных городов и областей Золотой Орды

Хорезмская группа. Наиболее массовой и качественной была продукция Хорезма (в первую очередь – собственно города Хорезма), которая и дала толчок для подражания в остальных улусах. Обилие находок на европейской части государства позволяет предполагать, что здесь имел место целенаправленный экспорт, а не распространение сосудов в связи с обычными поездками. Характеристика этой керамики для района производства сделана, главным образом, по подъемному материалу (*Вактурская Н.Н., 1959, с.306-312*). Основные признаки – это серый цвет, специфическая форма поддона, формовочная масса с минимальным количеством примесей. В зоне стыковки концентрация песка может быть больше, чем в остальных частях сосудов, но это связано со стремлением снизить коэффициент усадки, т.к. слепливание отдельных частей должно было происходить уже после частичной их подсушки (достать изделие из колыба всегда легче после частичной усадки). У абсолютного большинства изделий (за исключением массивных фляг) обязательно есть защип нижнего корня ручки, а на внешней стороне ручек есть продольный желобок, у них сечение очень характерное "подпрямоугольное". Ассортимент таких изделий рассмотрен достаточно подробно (*Fyodorov-Davydov G.A., 1984, p.122-123; Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989, с.207; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.142-143*), он не отличается большим разнообразием: кувшины и два вида фляг.

Поволжская группа. Как ни странно, подражание хорезмской продукции в столицах Золотой Орды не приняло массовых масштабов: импортной сероглиняной штампованной керамики здесь значительно больше, чем местной. При раскопках гончарной мастерской на раскопе II Селитренного городища были встречены колыбы, все только красноглиняные, в небольшом количестве их мелкие фрагменты встречаются и в ближайших раскопах. Красноглиняные штампованные изделия в крупных фрагментах встречены вообще только при раскопках мастерской, а обломки готовых красноглиняных изделий на городище – величайшая редкость.

Производство штампованной керамики на Царевском городище также отличалось небольшими масштабами, и мастерские здесь не выявлены, но в копировании цвета хорезмской керамики мастера Нового Сарая достигли значительно больших успехов. О местной продукции можно судить только по обломкам готовых изделий, отличающихся от находок в других городах. Кроме многочисленных импортных сероглиняных изделий здесь встречается штампованная керамика с устойчивым зеленоватым оттенком глины, которую можно считать местной. Из такой же глины сделано некоторое количество сосудов с прорезным орнаментом, что можно расценивать как технологические опыты мастеров, производивших штампованную керамику.

Группа Азака. Производство поливной керамики в этом эмирском городе, скорее всего, было заимствовано из столиц. Поэтому отличить местную керамику от поволжской за редкими исключениями бывает очень трудно. К таким исключениям относится штампованная керамика с естественной примесью мелкого песка в концентрации до 15% и зеленой поливой на верхних 2/3 высоты (по белому ангобу). У азовской керамики не бывает характерного для поволжской керамики белесого слоя на поверхности, образующегося от использования при замесе соленой воды. Копирование хорезмской формы поддонов, сечения ручки и защипа на ее нижнем прилепе – весьма точное. Близок также и набор орнаментов. Вопрос о месте ее производства определялся достаточно просто: на Селитренном городище красноглиняная штампованная керамика с зеленой поливой – величайшая редкость (даже рядом с огромной керамической мастерской), в Азове же она устойчиво встречается почти в каждом раскопе (*Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998, с.205,211, рис.10,15*). В Азаке были найдены колыбы для изготовления штампованных кувшинов, также красноглиняные (*Перевозчиков В.И., 1993, с.195,197, рис.*12,9). Такой импорт в небольшом количестве достигал поволжских городищ, но сомнения в азовском производстве поливной штампованной керамики с песчанистым тестом невелики: общее количество находок в слое здесь на порядок больше, чем на Селитренном городище.

Группа Маджара. Маджарское производство керамики вообще очень своеобразно: здесь существовало необыкновенно массовое производство поливных изразцов с бирюзовой и синей глазурью на глиняной основе (в столицах такие глазури использовали почти исключительно на кашинной керамике), но местной столовой поливной керамики на городище очень мало, причем для нее тоже могли использовать бирюзовые глазури, что не практиковалось в других городах. Однако, здесь сформировалось специфическое производство штампованной керамики, у которой детали орнамента выделены росписью бирюзовой или синей поливой. Эти изделия весьма широко экспортировались, что долго мешало признать местом ее производства именно Маджар. Они достаточно хорошо представлены на

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 98-01-00286а.

Селитренном городище (*Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.146, 147*). Надо полагать, встречаются аналогичные предметы и в Хорезме (*Вактурская Н.Н., 1959, с.306, 308*). Однако, отличить маджарскую керамику от любой другой проще всего по цвету глины и очень высокой пористости. Общее количество желтоглиняной штампованной керамики в Маджаре превосходит сероглиняные импорты (а в Нижнем Поволжье, напротив, уступает не менее, чем на порядок), что можно расценивать как веский аргумент в пользу ее местного производства.

Группа Юго-Восточного Крыма. Эта группа составляет одну из самых стабильных и легко выделяемых частей керамического импорта во всех степных городах. Основными ее источниками были три города - Каффа, Солдайя и Солхат. Принципиально возможно деление ее на самостоятельные группы для каждого города, их может быть значительно больше, чем три, т.к. свидетельства производства такой керамики зафиксированы даже на столь малом поселении, как Алустон (*Тесленко И.Б., 1998, с.182-184*). Отличия между продукцией разных очагов гончарства незначительны. Общими признаками для группы являются традиция составления формовочных масс и качество обжига. Керамика группы может иметь только ровный сплошной обжиг. В формовочных массах минеральные песчанистые отощители не встречаются (как стабильное искусственное явление), однако, традиционно присутствует крупнодробленый шамот в разных концентрациях. Даже при небольшом содержании этот шамот дает очень характерные выступы-пупырышки на внутренней стороне сосудов (особенно штампованных) благодаря особой пластичности мелкодисперсной фракции формовочных масс. В основной массе керамики этой группы есть естественная примесь извести (карбоната), обычно крупными зернами - 0,5-3 мм в поперечнике, которая дает характерные кратерообразные сколы-фассетки на поверхности в процессе обжига (*Волков И.В., 1992, с.15-16*). Такая формовочная масса позволяла получать только толстые стенки, в 2-3 раза толще, чем у хорезмской или поволжской керамики. Еще одна особенность штампованной керамики Юго-Восточного Крыма заключается в слепливании половинок изделий не с помощью дополнительного глиняного жгута, а за счет излишков глины по краю одной из половинок, в результате шов чаще всего заглажен рукой с внутренней стороны.

Город Крым (Солхат), видимо, был первым местом, где началось производство штампованной керамики, на его примере можно проследить постепенное приближение к хорезмским оригиналам. Ранняя продукция очень существенно отличается по набору форм и технологических признаков от азиатской: горло кувшинов часто бывает широким, а узкие горла – дутые, с двумя перехватами (иногда с дополнительным прорезным бортиком на плечике); поддоны широкие и низкие, не имеющие ничего общего с хорезмскими; ручка не имеет защипа в месте нижнего прилепа, ее сечение и способ размазывания прилепов характерны для местной керамики; поверхность покрыта коричневым ангобом специфического цвета (что является "визиткой" Солхата), орнаменты предельно просты, размер отдельных элементов в 2-3 раза шире, чем в Хорезме. Целый экземпляр найден в Убинском могильнике (Краснодарский музей, № 2807, экспозиция) (рис.1, *4*). Во время раскопок последних лет в Старом Крыму М.Г.Крамаровский исследовал серию гончарных горнов и других производственных комплексов. Среди прочего материала здесь было найдено большое количество бракованных штампованных сосудов, а также колыбы для их изготовления. В небольшом количестве эта продукция достигала почти всех степных городов (например, Азова: Аз-87, Л-29, я.22). Со временем в Солхате освоили эпиграфический орнамент, но шрифты существенно отличаются от хорезмских прототипов: все линии одной толщины, особенно это заметно по тому, что столбцы "лямов" и "алифов" не расширяются в верхней части; также сложно установить смысловую нагрузку в надписях. Образец предельной адаптации солхатских мастеров – это кувшин, о котором есть только словесное упоминание (*Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф., 1994, с.180*). Он обожжен в восстановительном режиме до темно-серого (почти черного) цвета, имеет раструбное горло, защип на нижнем прилепе ручки, конусовидный поддон (отличающийся от хорезмских кольцевым валиком на внутренней стороне); но большая часть местных признаков все же сохранена: состав формовочной массы, толщина стенок, сечение ручки, стиль эпиграфического орнамента.

Подгруппа Судака. В Азаке, как и в других золотоордынских городах, встречаются штампованные кувшины, по форме копирующие изделия подгруппы Солхата, но покрытые зеленой поливой по белому ангобу. Состав их формовочной массы соответствует характеристике группы Юго-Восточного Крыма. В Солхате такие изделия очень редки, а в Судаке были исследованы гончарные горны для их обжига и колыбы (*Фронджуло М.А., 1974, с.48; Джанов А.В., 1998, с.82-89*). Общее количество находок в Азаке и других степных городах значительно (*Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.147; Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998, с.217,218, рис.16, 4-5*), известны находки в Херсоне (*Романчук А.И., 1997, с.234-235, рис.*131,*1-2*). В целом же по набору рельефных орнаментов Солхат и Судак во многом сходны, видимо, имел место или импорт колыбов, или изготовление реплик с продукции одного города в другом.

Подгруппа Каффы. В Каффе была исследована гончарная печь, в которой обжигали поливную керамику, но свидетельств местного производства штампованной керамики нет (*Петерс Б.Г., 1981, с. 68-72*). Однако, предварительно выделяемые особенности каффинского производства позволяют (хотя и очень осторожно) относить к этому городу некоторое количество штампованных находок (рис.1, *5*): 1) цвет керамики этой подгруппы незначительно светлее, чем у группы в целом; 2) концентрация примеси шамота несколько меньше; 3) здесь, видимо, наиболее точно копировали хорезмские прототипы (по форме поддонов, раструбному горлу, защипу ручки, толщине и правильности эпиграфического орнамента). В целом же отличие отдельных очагов гончарства группы Юго-Восточного Крыма всегда оставляет некоторые сомнения.

Другие группы. Есть свидетельства производства штампованной керамики в Старом Орхее и Костештах (*Полевой Л. Л., 1969, с.130,131, рис.26*), однако, диагностические признаки по материалам публикаций выделить невозможно. Судя по публикации А.А.Кравченко, существовало производство штампованной керамики и в Монкастро (Аккермане) (*Кравченко А.А., 1986, с.77-79, рис.31*), но текст и иллюстрации позволяют допускать, что здесь мы

имеем дело с обычным импортом с Крымского полуострова.

В любом случае крупные размеры и простота деталей орнамента (аналогичные группе Юго-Восточного Крыма) позволяют предполагать, что сюда технология была занесена именно из Крыма.

Существуют также экзотические изделия, происхождение которых пока не установлено. Из Азака происходит находка красноглиняного штампованного кувшина без видимых примесей в тесте, на поверхности которого сохранились следы "позолоты" (рис.1, *6*). Очень отдаленное сходство с этой технологией имеют единичные находки из Нижнего Поволжья (*Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.142; Fyodorov-Davydov G.A., 1984, ill.*56, *9*). Другой желтоглиняный сосуд из Азака (рис.1, *7*) без видимых примесей в формовочной массе также пока не может быть отнесен ни к одной из известных групп. Можно только предполагать, что он имеет азербайджанское происхождение, т.к. именно там была широко распространена желтоглиняная штампованная керамика (*Исмизаде О.Ш., Ибраимов Ф.О., 1983,*).

Рис. 1. *1*- сероглиняная хорезмская фляга, Азов (раскопки И.В. Белинского); *2*- сероглиняный хорезмский кувшин, Азов; *3*- сероглиняная хорезмская фляга, Селитренное городище; *4*- группа ЮВК с зеленой поливой (подгруппа Каффы- ?), Азов; *5*- кувшин, группа ЮВК с коричневым ангобом (подгруппа Солхата),Убинский могильник; *6*- кувшин неопределенной группы, красноглиняный с позолотой , Азов; *7*- кувшин неопределенной группы, желтоглиняный, Азов; *8-10* - фрагменты сосудов маджарской группы (бирюзовая глазурь, показана сплошной заливкой, фиолетовая- частой штриховкой), частная коллекция.

О.А.ПАПАХРИСТУ
(Институт археологии АН РУз,
г.Самарканд, Республика Узбекистан)

КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ-ТИГЛИ ДЛЯ ВЫПЛАВКИ СТАЛИ

В 1979 г. Институтом археологии АН Республики Узбекистан был организован специальный отряд для широкомасштабных археологических работ на городище Эски Ахсы (Ахсыкет), которое ученые отождествляют с городом Ахсикет, крупным политическим и экономическим центром исторически сложившегося региона Северная Фергана, упоминаемого в трактатах средневековых авторов. Специалистами были раскопаны уникальные археологические материалы, позволяющие раскрыть многие аспекты ремесленно-производственной деятельности древних кузнецов и металлургов. Здесь раскопаны мастерские и грандиозные производственные отходы металлистов IX-XII вв., содержащие полуфабрикаты железа, огнеупорные сосуды-тигли для плавки металла, а также различные предметы из металла.

Чтобы судить о технике и технологии ремесленного производства определенного пункта в ту или иную эпоху, необходимо предпринять технологическое и историческое исследование массовой серии находок. На Ахсикете такой массовой серией стали фрагменты тиглей, исчисляемые тысячами экземпляров. Напомним, что тигель-сковорода, кастрюля (горшок) - специальный сосуд, в котором производят плавку, варку или нагрев различных материалов. Тигли применяются для плавки металлов и их сплавов, для варки стекла. Они бывают открытые и закрытые, с отдельной крышкой. Общие требования к тиглям - высокая огнеупорность, хорошая теплопроводность, устойчивость против разъедающего действия шлаков, минимальное влияние на химический состав переплавляемого или нагреваемого материала, механическая прочность. Ахсикетские тигли известны в научной литературе с 1966 г. и воспринимались исследователями как сосуды для плавки стекла (*Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., 1966*). Г.В.Шишкина и А.А.Анарбаев первыми заметили потеки черного металла в верхней половине керамического сосуда и предположили использование его в целях металлургии. Г.В.Шишкина реконструировала форму сосуда. Вместе с тем, такие значительные отвалы тиглей для производства металла явились уникальным и неизвестным археологическим материалом: они должны были стать темой специального научного исследования, которое и было поручено автору настоящих строк. Тигли Ахсикета интересны еще и тем, что, будучи орудиями труда металлургов, представляют собой керамические сосуды, а керамика - наиболее массовый и доступный археологический материал, в изучении которого на территории Средней Азии накоплен значительный опыт.

Исследование плавильных сосудов прежде всего помогло определить тот факт, что металлургия Ахсикета связана с производством восточных высококачественных сталей. Реконструкция сосудов показала, что они имеют цилиндрическую форму и снабжены выпуклыми крышками с отверстием в центре. Диаметры тиглей 7-8 см, высота одного из реконструированных сосудов 29 см (рис.1, *2*). Ахсикетские тигли изготовляли из высокоогнеупорных глин с помощью матерчатого шаблона, наполненного песком. Химический анализ тигля зафиксировал состав, образованный глиной (типа каолин) и песком; песка немного больше, чем глины. Песок выглядит под микроскопом в виде округлых гранул кварца. Состав отличается хорошей рефракцией (огнеупорностью). Сосуд способен выдержать температуру до 1700°С. Глину на шаблон наносили специальным инструментом, из-за чего внешняя поверхность сосудов приобретала рифление. После просушки тиглей песок высыпали. Ткань оставалась прилипшей к внутренним стенкам изделий, ее отпечатки сохранились на многих фрагментах.

Различаются тигли трех видов: массивные толстостенные с широким вертикальным или косым рифлением; средних размеров с мелким рифлением; тонкостенные с вертикальным или косым рифлением. Рифление (неровности внешней поверхности тигля), образовавшиеся в период формовки сосудов, мастера при желании могли сгладить, но они этого не делали. Очевидно, что рифленая поверхность имела конструктивно-производственную функцию: предохранять тигель от разрушения из-за неизбежных термических напряжений во время нагрева.

На некоторых фрагментах тиглей в придонной части с внешней стороны отмечены припекшиеся кусочки гравия, которым, видимо, было устлано дно печи. Такая подсыпка универсальна по своим функциям. Она помогает равномерному подогреву сосудов, регулирует плавку, выравнивает температуру остывания стенок и донца, предотвращая разрыв сосуда. Остывший тигель легко вынимается из гравия.

В настоящее время не представляется возможным однозначно ответить на вопрос, кто являлся изготовителем сосудов для плавки металла: сами металлурги или керамисты. Однако, высокий профессионализм изготовления тиглей с позиции учета технологических возможностей керамического производства применительно к металлургическому производству позволяет предполагать установившиеся профессиональные связи между металлургом и керамистом в Средней Азии в IX-XII вв. (*Папахристу О.А., 1985; Papakhristu O.A., Swertschkov L.M., 1993; Papakhristu O.A, 1999*).

Тигли из Ахсикета сегодня не одиноки в археологическом материале Средней Азии. Фрагменты сосудов для плавки стали обнаружены на городищах Старый Термез, Пап, Кува. Туркменскими и английскими археологами тигли для плавки стали обнаружены на территории Гяуркалы в Мерве. Тигли из Мерва цилиндрической формы с коническим абрисом внутреннего объема на дисковидном поддоне, диаметром 8 см и высотой около 20 см (рис.1, *1*). Тесто крышек и верхняя часть тиглей серого цвета. Лабораторные исследования показали, что мервские тигли изготовлены из высокорефракторной (огнеупорной) керамической массы, выдерживающей температуру 1500°С без деформации. Тесто тигля состоит из муллита и кристобалита и содержит тигельный грог, полевой шпат, цирконий и кварц. Присутствие

муллита много значит, поскольку это высокоогнеупорный материал, который имел высокую стабильность против металлического шлака и хорошее сопротивление нагрузке деформации. Крышка тигля имеет отверстие в центре диаметром 1 см, которое позволяло уходить газам. Вместо гравия мервские ремесленники применяли для подсыпки под тигли прокладку-подушечку из разбитых, ранее использованных в производстве тиглей.

Исследователи мервских тиглей предполагают, что ковкое железо и чугун разогревались вместе в тигле для производства "плавкой" стали с точкой плавления, характерной для чугунной стали. Предположительная датировка производственных сооружений в Мерве - IX-X вв. (*Feuerbach A., Markel J., Griffiths D., 1998*).

Поскольку общепринято, что родиной тигельного производства высококачественных сталей является Индия, то необходимо сопоставить среднеазиатские керамические сосуды для плавки стали с известными индийскими материалами. По археологическим и этнографическим данным индийские тигельно-стальные производственные процессы отмечены в Южной Индии в Салемском и Мисорском районах, на севере Деккана в Хайдарабаде и в Шри Ланка. Ниже будут рассмотрены только материалы из Деккана.

Американской исследовательницей Т.Л.Лоу в районе Деккана отмечено 74 места плавки железа и 14 мест производства "вутц" (рус. -булат) в тиглях с предположительной датой начиная с I тыс. до н.э. Однако до настоящего времени нет археологических материалов, подтверждающих эту датировку. Места производства представлены огнеупорными материалами, фрагментами тиглей, печей обжига и фурмы (сопла для поддувала), а также шестью металлическими слитками из Конасамудрам. Ни следов производства огнеупорных материалов, ни необожженных тиглей до сих пор не найдено.

Декканские тигли приземистой конусообразной формы, их внутренние диаметры колеблются от 2,5 до 12 см. Фактура, форма и конструкция едины (сходны) для разных размеров (рис.1, *3*). Большая часть маленьких тиглей использовалась как самостоятельные тигли. Их внешняя поверхность полностью покрыта топливной пепельной глазурью. Однако среди фрагментов есть много тройных покрытий тиглей: три маленьких тигля, загруженные сырьем для плавки по отдельности, замазанные вместе, затем обожженные (плавка) и охлажденные как одно целое (*Lowe Th.L., 1988, p.733*).

Тигли предварительно не обжигались. Для плавки металла их использовали один раз. По завершении процесса плавки тигель охлаждали, чтобы освободить слиток. Тигельный сосуд обладает огнеупорным и изолирующим свойством, т.е. задуман для качественной функции в металлургической индустрии. Термо-механические свойства декканского огнеупорного материала были связаны со спецификой использования сосудов. Внутренние и внешние поверхности покрыты шлаком, богатым кремнием, образовавшимся во время плавки. Состав огнеупорного материала богат углем. Керамический композит тигля усилен волокном. Отмечено две фазы пористости: 1) линейные грубо ориентированные поры, образованные коксированной рисовой шелухой; 2) мелкие округлые поры, получившиеся в результате газовой эволюции от редукции Fe203 до металла Fe. Многочисленные пазы железных корольков рассеяны по полированной поверхности.

Состав формовочной массы огнеупорных сосудов из Деккана колеблется в пределах ограниченного набора и соответствует требованиям процесса плавки высокоуглеродистого железа в условиях уменьшающегося атмосферного давления. Тигель контролировал химические и физические процессы во время плавки железной калоши для получения слитка белого чугуна с высоким содержанием углерода. Предполагается совместная плавка двух различных видов железа и куска шлака в закрытом тигле.

Тесто тиглей из Деккана состоит из глины и обугленной рисовой шелухи. По мнению Т.Л.Лоу, выбор обуглившихся рисовых шкурок с высоким содержанием в них кремния с высокоуглеродистым составом и огнеупорными свойствами для производства тигельного сосуда интересен в свете результатов недавнего исследования по наращиванию кремниевых карбитных волокон на "коксированной" рисовой шелухе как укрепляющем компоненте керамической массы. Физические и химические свойства пепла рисовой шелухи хорошо изучены как стартовый материал для прикладного применения кремния. Т.Л.Лоу приводит сведения из "Расаратнасамучайа" (текст XIII-XVII вв., книга X), где дан перечень ингредиентов для приготовления тиглей (правда, не применительно к металлургии): "земля, смешанная с горелой шелухой риса, рекомендуется для изготовления тигля" (*Lowe Th.L., 1989, p.249*).

Крышка изготовлена из битых фрагментов огнеупорных сосудов, угловатых грубых зерен кварца и полевого шпата в стекловидной массе с многочисленными большими и малыми порами. В крышке, в отличие от среднеазиатских сосудов, нет отверстия. Отмечено, что крышка никогда не проваливается внутрь сосуда, что может объясняться различием в материалах для формовки тигля и его покрытия.

Многие осмотренные тигли имеют гравий и другие обломки на донной поверхности. Тигли вынимались из печи схватами (клещами) после сгорания топлива. Судя по следам от клещей на внешней поверхности сосуда, внешняя глазурь налипала на инструмент и вытягивалась в стеклянные нити. Очевидно, что когда клещами снимали крышку, глазурь была вискозной (*Lowe Th.L., 1988; она же, 1989*).

Приведенные археологические материалы показывают, что хотя в изучении огнеупорных сосудов для плавки стали из Средней Азии и Индии накоплен значительный опыт, тем не менее, многие выводы должны быть рабочими, временными, поскольку тесто керамических сосудов для плавки стали представляет сложные высокоогнеупорные композиции и требует разностороннего технологического исследования.

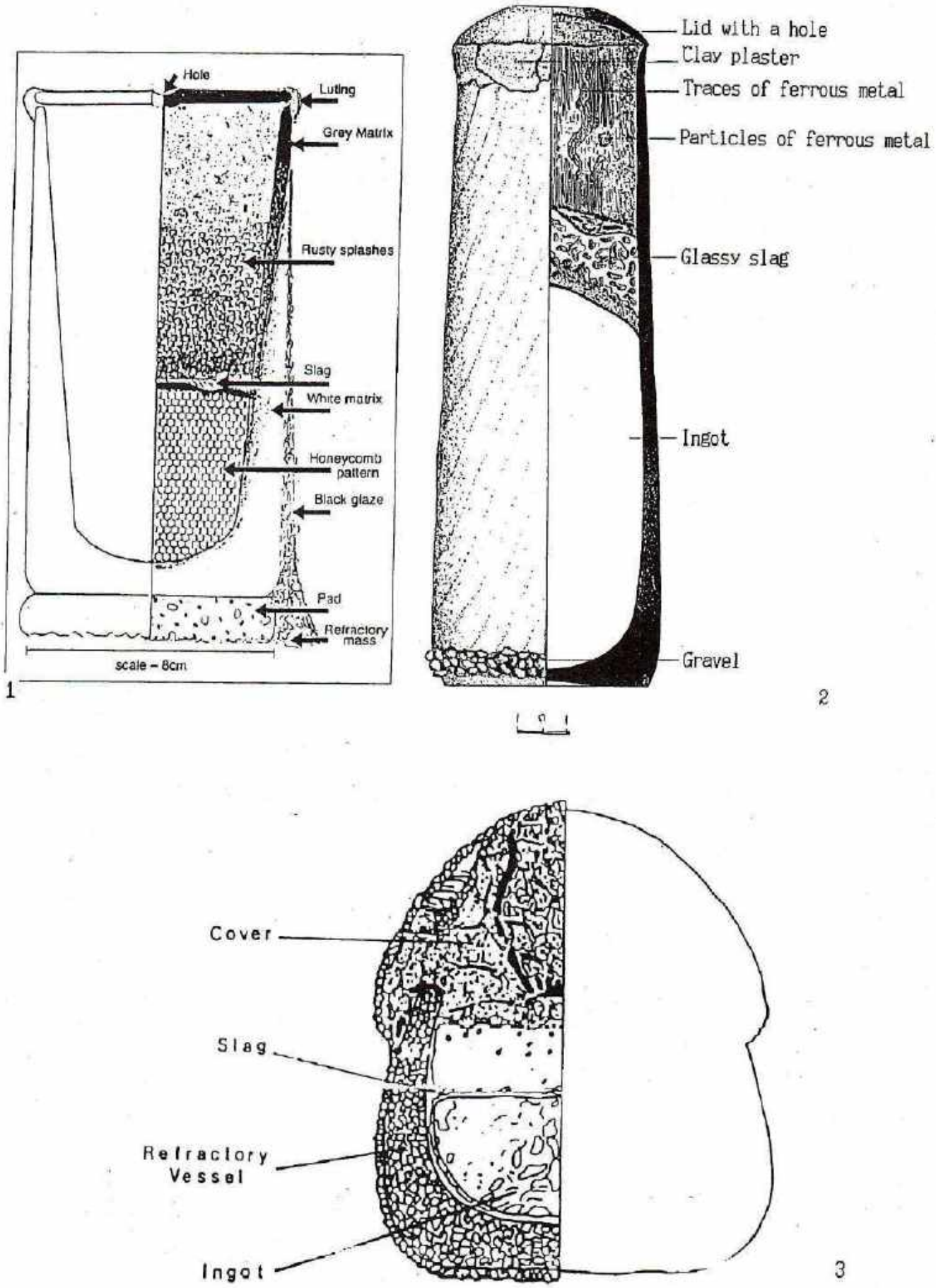

Рис.1. Керамические тигли :*1*- Мерв; *2*-Ахсикет; *3*- из района Деккана (Индия)

В.Н.ПИЛИПКО
(Институт археологии,
г.Москва, Российская Федерация)

КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ АХЕМЕНИДСКОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ ОЮКЛЫ В СЕРАХСКОМ ОАЗИСЕ (ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН)

В 1994 г. при работах на территории Серахского оазиса автором совместно с Х.Юсуповым был открыт новый микрооазис памятников ахеменидского времени. Поездка преследовала иные цели, поэтому обследование данной местности носило беглый характер.

Основное внимание было уделено самому крупному объекту - поселению Оюклы (иногда его называют также Чарыяр-депе), расположенному на дороге в селение Ата в 1 км от ее ответвления от магистрального шоссе Мары-Серахс.

Оюклы имеет трехчастную структуру. Высотной его доминантой является "цитадель" - подпрямоугольный в плане холм размером примерно 130х150 м, высотой до 10 м. С трех сторон (кроме восточной) она окружена увалом шириной 60-100 м и высотой 5-6 м. Между цитаделью и увалом расположено понижение (незастроенное пространство) шириной 15-20 м. Вокруг этого ядра располагается уплощенная часть поселения высотой от 1 м и ниже. На восток от "цитадели" этот пониженный шлейф прослеживается примерно на 50 м, на запад - на 460 м, на юг - на 230 м, на север - на 100 м. Размеры поселения нуждаются в уточнении, так как часть его засыпана песками, но в целом его площадь следует определять не менее чем в 25 гектаров.

В 1980-х годах остатки древнего поселения использовались как полигон для воинских учений. Наиболее возвышенная его часть повреждена многочисленными траншеями и котлованами глубиной в 1-1,5 м. В выбросах земли присутствует большое количество фрагментов керамики. Наблюдения за структурой холма и сама керамика (находка однотипных изделий в разных частях поселения) позволяют рассматривать собранную коллекцию как относительно однородный археологический комплекс, представляющий местную материальную культуру ахеменидского времени.

Основанием для датировки служит сама керамика - ее фактура, техника изготовления и ведущие формы. Большая часть изделий имеет коричневый в изломе черепок, иногда с розовым или желтым оттенком. Внешняя поверхность чаще всего светло-серая, иногда серо-желтая (преимущественно у крупных тарных сосудов), изредка цвета черепка. Последний хорошего качества, без грубых инородных примесей. Практически вся керамика изготовлена на гончарном круге в характерной для ахеменидского времени технике: большая часть изделий формовалась в чашевидных подставках (иногда прослеживаются их отпечатки или песчаная подсыпка); после вытягивания изделия и легкой сушки сосуд переворачивался, и обрабатывалась (опять же на круге) его придонная часть.

Преобладающими и определяющими формами являются так называемые цилиндроконические изделия с "подкосами", представленные всеми основными разновидностями: крупные тарные сосуды (рис.1, *1-3*, рис.3, *10*), тазы (рис.2, *5-10*), кубки (рис.1, *14-19*), находящие близкие аналогии в комплексах Яз-II, Яз-III с самого Яз-депе (*Массон В.М., 1959, табл.37-42*).

Более сложен вопрос с уточнением датировки в пределах указанных периодов. Во-первых, неархеологическое происхождение коллекции оставляет все же сомнения в синхронности всех изделий. Во-вторых, в предшествующих исследованиях по раннему железному веку Маргианы суть различий между комплексами Яз-II и Яз-III детально не разъяснена, и последний представлен малочисленными коллекциями, явно не отражающими все разнообразие форм, существовавших в то время (*Массон В.М., 1959; Древнейшие государства..., 1985*). Наконец, оюклинская коллекция - это практически первый относительно представительный комплекс керамики ахеменидского времени из Серахского оазиса, и ему вполне может быть присуще определенное своеобразие.

Есть основания предполагать, что в коллекции отсутствуют материалы раннего этапа Яз-II. В наших сборах нет лепной керамики с примесью шамота в глиняном тесте, которая обычно еще присутствует в комплексах типа Яз-II, и очень небольшим количеством представлены крупные "баночные" тарные сосуды с валиком или изгибом стенки ниже венчика (рис.1, *6*). В то же время следует отметить, что в оюклинском материале представлены крупные горшкообразные сосуды с плавно отогнутым венчиком (рис.3, *7*). На Яз-депе они характерны для комплекса Яз-I (*Массон В.М., 1959, табл.*18, *1;* 22, *2;* 24, *1 и др.*), но там они чаще всего лепные; на Оюклы все они кругового изготовления. Возможно, это проявление местного своеобразия, упомянутого выше. В местной среде эта форма, видимо, сохранялась значительно дольше, но уже только в круговом исполнении. В целом, для рассматриваемого комплекса может быть предложена датировка в пределах VI-IV вв. до н.э.

При сравнении оюклинского комплекса с материалами Маргианы и подгорной полосы Копетдага обнаруживается, что он значительно ближе к керамике Маргианы, чем Северной Парфии. Здесь отсутствует красный ангоб и широко представлены цилиндроконические тазы, характерные именно для Маргианы. В то же время полной идентичности нет. Это обнаруживается уже во внешнем виде изделий. Маргианская керамика обычно имеет розовый или красноватый черепок и очень светлую (белую) внешнюю поверхность. На придонной части сосудов обычно резко обозначена граница между нижним красноватым и верхним белым участками. В оюклинской керамике этого нет. Своеобразие рассматриваемого комплекса проявляется в малочисленности манжетовидных и копьевидных (подтреугольных) венчиков у крупных цилиндроконических банок. Отсутствуют цилиндроконические бокалы с вогнутой средней частью резервуара, плоскодонных кубков также нет. Кубки на Оюклы вообще малочисленны.

К числу редких изделий из Оюклы относятся очень высокие полые подставки. Одна из них, возможно, действительно является самостоятельной биконической подставкой (рис.2, *14*). Эта форма известна по памятникам подгорной полосы Копетдага (*Пилипко В.Н., 1986*). В Маргиане подобных подставок, кажется, нет. Второе изделие имеет вид полого цилиндра диаметром около 10 см, заканчивающегося внизу небольшим раструбом диаметром до 16 см. Сохранившаяся высота трубы 44 см (рис.2, *15*). Эта поделка, вероятно, служила основанием небольшого чашевидного резервуара. Керамические изделия подобной конструкции широко известны на Среднем Востоке в комплексах разных исторических эпох (от периода бронзы до сасанидского времени). Но в среднеазиатских комплексах ахеменидского периода они ранее не встречались. В сравнении с другими подобными изделиями оюклинская ножка отличается очень большой высотой. Представляется, что она принадлежит керамической курильнице, имитирующей аналогичные бронзовые изделия, хорошо известные по персепольским рельефам. Находка ее на Оюклы может быть косвенным свидетельством присутствия здесь культового сооружения.

В целом Оюклы представляется важным и интересным археологическим объектом. В Серахском оазисе это самое крупное из известных поселений ахеменидского времени. Не исключено, что в какой-то период именно оно играло роль центра оазиса. Обращают на себя внимание четкие прямоугольные очертания "цитадели" - явление редкое для ахеменидского времени. Собранная здесь коллекция керамики на сегодняшний день является наиболее крупной и практически единственной пригодной для характеристики местной материальной культуры ахеменидского периода (*Марущенко А.А., 1956; Оразов О., 1979*). Оюклы, несомненно, заслуживает дальнейшего пристального изучения.

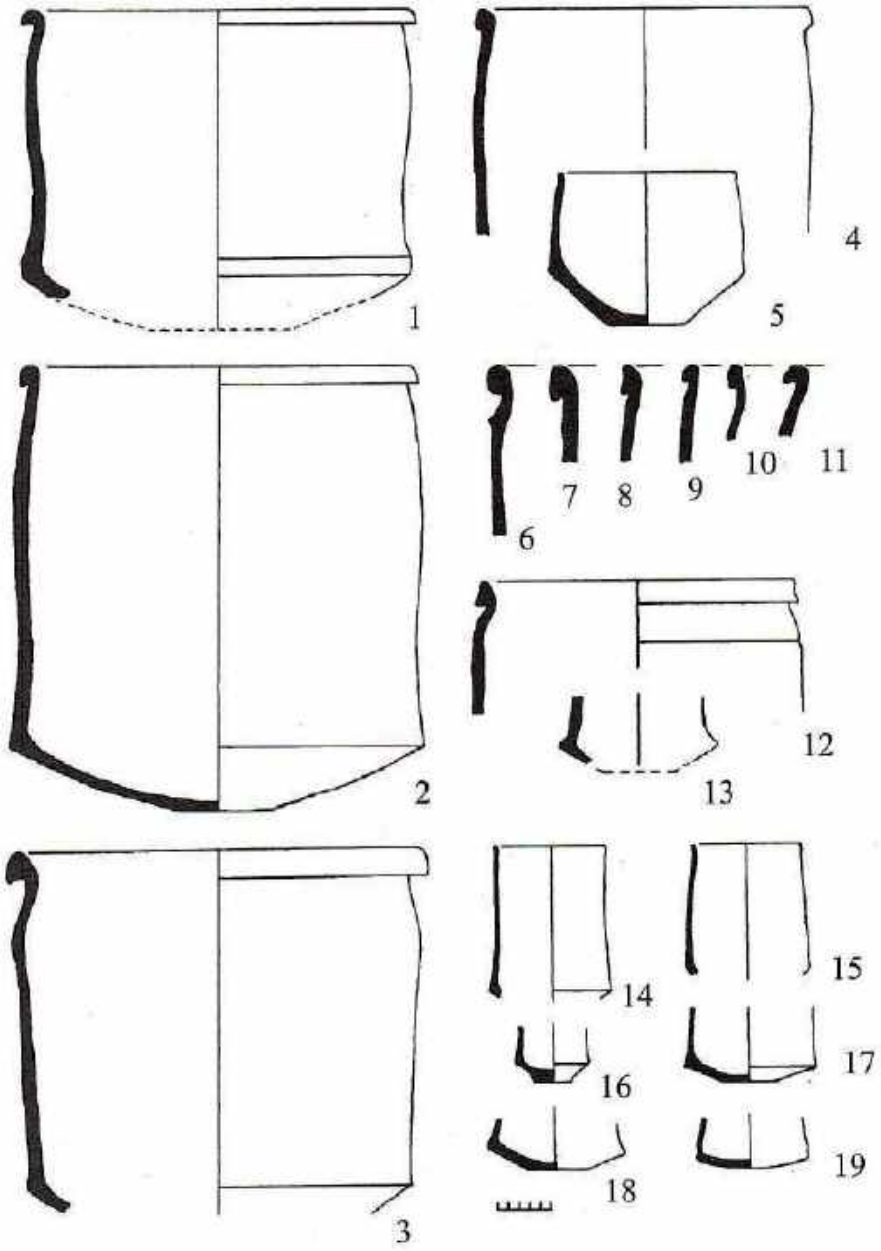

Рис.1

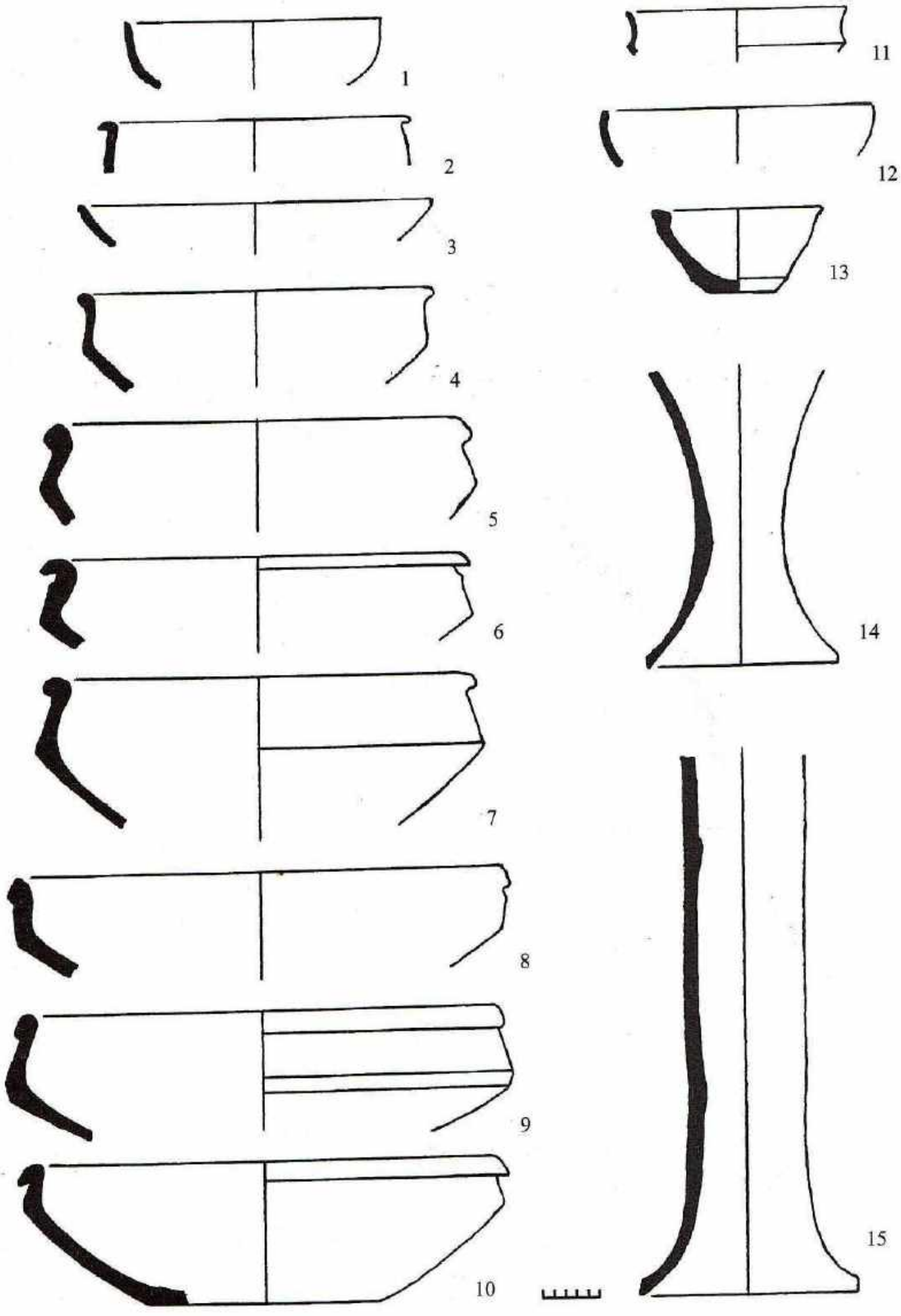

Рис. 2

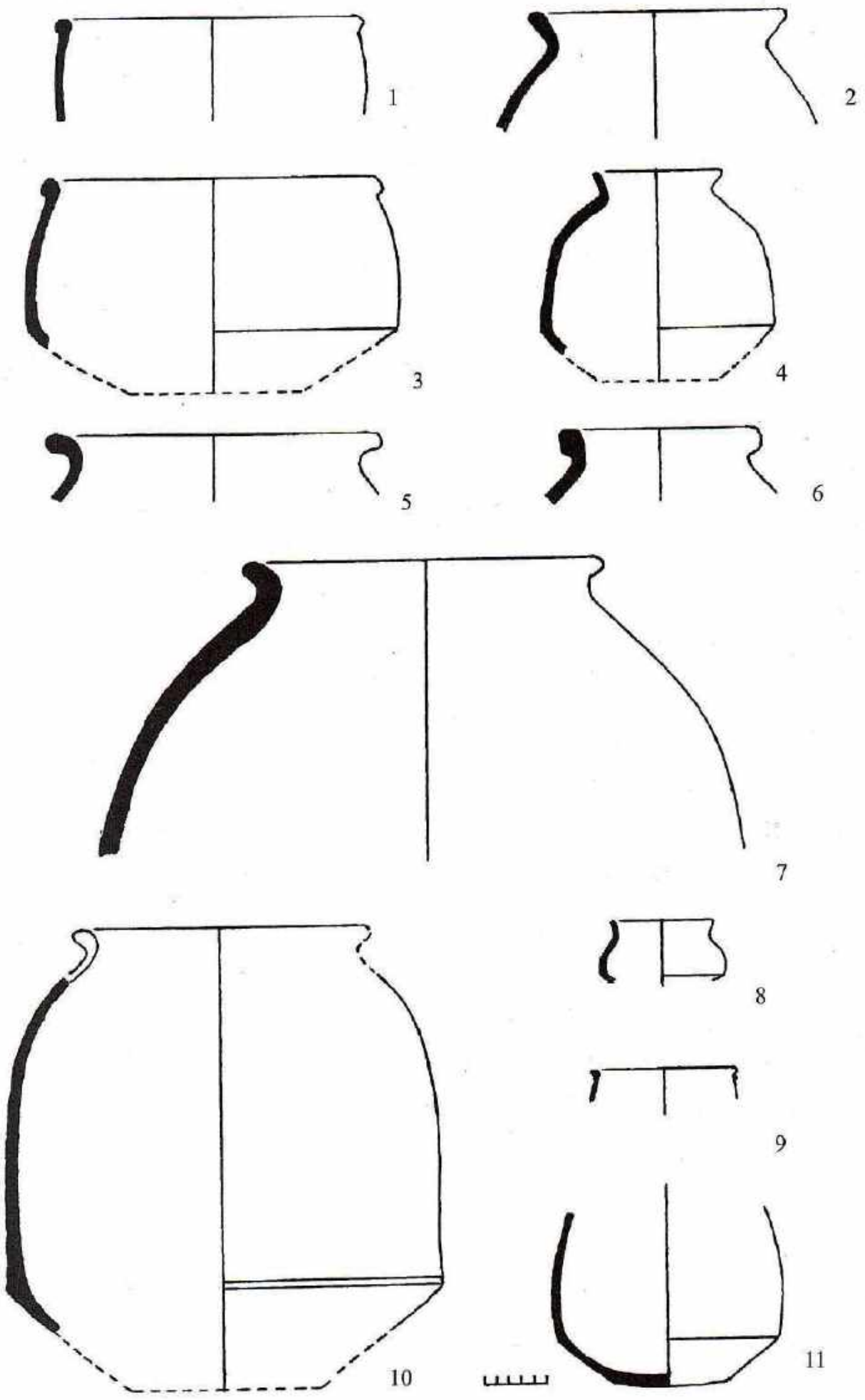

Рис.3

Э.В. РТВЕЛАДЗЕ
(Институт искусствознания Академии художеств, г.Ташкент, Республика Узбекистан),
С.Б. БОЛЕЛОВ
(Государственный музей Востока, г.Москва, Российская Федерация)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА НА КАМПЫР-ТЕПЕ В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

Городище Кампыр-тепе расположено на высокой надпойменной террасе правого берега Амударьи, приблизительно в 30 км от Термеза, ниже по течению. Город был основан в III-II вв. до н.э. Первоначально это было военно-оборонительное сооружение, расположенное у переправы через Окс. В последующий период, датирующийся временем Канишки, цитадель утрачивает свое первоначальное значение. Все пространство внутри оборонительных стен застраивается жилыми, хозяйственными и культовыми помещениями (*Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., 1990, с.71*). В этот период или чуть раньше у подножия цитадели формируется небольшой "шахристан" – нижний город, обнесенный крепостной стеной с прямоугольными башнями. К северо-востоку и к востоку от укрепленной части городища располагалась пригородная зона, где по характеру рельефа угадываются остатки небольших домов. Здесь же были раскопаны остатки погребальных сооружений (*Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., 1990, с.92*).

В 1981 году во время обследования восточной части "пригородной зоны" Кампыр-тепе одним из авторов этого исследования были обнаружены остатки двух керамических обжигательных горнов. Первый из них находился на самом краю надпойменной террасы Амударьи, второй располагался приблизительно в 100-150 м к северу от первого. Последний был раскопан в том же году. Горн округлый двухъхярусный, с прямой вертикальной тягой. Сохранилась только топочная камера до уровня нижних частей восьми жаропроводящих каналов, расположенных радиально. Перекрытие топочной камеры было, по всей видимости, сложено из сырцового кирпича в виде "ложного купола". По подъемному материалу, а также по керамике, найденной в заполнении топки, горн датируется I в. до н.э. – I в. н.э.

Весной 2000 г. в юго-восточной части "пригородной зоны", на узком мысу надпойменной террасы, ограниченном с юго-востока и северо-запада глубокими оврагами, был заложен раскоп, получивший порядковый номер 8 (Р-8). Раскопки начаты в том месте, где в 1981 году были отмечены остатки обжигательного горна. Горн также был двухъярусным с прямой вертикальной тягой и имел округлую форму. Топка заглублена в материк, верхняя часть ее стен так же, как и стены обжигательной камеры, сложена из квадратного сырцового кирпича 32x32x10, 34x34x12 см.

На расстоянии 2,7 м к северу от обжигательного горна удалось расчистить следы вымостки из квадратного кирпича. Она имеет прямоугольную форму. Надо полагать, что это остатки площадки для просушивания готовой посуды перед обжигом.

В 3 м к юго-западу от горна выявлена прямоугольная в плане яма, вырубленная в материковом грунте. Глубина ее не превышает 60 см от уровня современной дневной поверхности. Яма была целиком заполнена производственными отходами: куски обожженной глины, шлаки, небольшое количество керамики.

В 1,5 м к юго-западу от ямы и в 8,8 м к юго-западу от горна расположена полуземлянка, которая была раскопана полностью. Она вырублена в материковом грунте, в настоящее время глубина ее составляет 60-70 см от уровня современной дневной поверхности. Полуземлянка имела прямоугольную форму. На уровне пола зафиксированы следы глиняной обмазки и незначительный по мощности культурный слой - 10-15 см. У южной стены на уровне пола удалось расчистить очажное пятно, диаметром не более полуметра.

Таким образом, в "пригородной зоне" Кампыр-тепе, в 250 м от юго-восточного угла крепости раскопан жилищно-производственный комплекс, связанный с гончарным производством. Отсутствие хозяйственной зоны около полуземлянки указывает на то, что мастер- керамист жил здесь не постоянно. Мастерская работала недолго. Об этом можно судить по незначительному культурному слою на полу полуземлянки, а также по отсутствию следов ремонта обжигательного горна. Надо полагать, производство было сезонным.

В процессе раскопок получен небольшой, но очень выразительный комплекс керамики. Всего найдено 54 сосуда, 23 из них целые или археологически целые. Большая часть керамики происходит из заполнения землянки, остальная найдена в заполнении горна, в культурных слоях около него и в мусорной яме. Вся керамика относится к одному хронологическому периоду и поэтому, независимо от места ее нахождения, рассматривается как единый комплекс.

По способу изготовления его можно разделить на две группы: 1) сосуды, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения (двухдисковом) – 79,7%; 2) сосуды, изготовленные от руки и подправленные на вращающейся подставке или на круге медленного вращения (однодисковом) – 20,3%. Следует отметить, что по остальным технологическим признакам сосуды практически не различаются. Все они изготовлены из хорошо промешанной глины с незначительными примесями мелкого песка. Черепок плотный, в изломе желтого, светло-коричневого или розового цвета. Обращает на себя внимание полное отсутствие кухонной посуды.

В первой группе, безусловно, преобладает столовая посуда. Наиболее широко представлены открытые формы – 44% от общего количества керамики в группе. Выделяются пять типов чаш.

Тип 1 – небольшие полусферические чаши с плоским дном. Стенки плавно расширяются в верхней части сосуда. Венчик не выделен. Диаметр устья (далее - Д.у.) – 14-15 см. Соотношение высоты сосуда и максимального

диаметра (устье) – 1:3. Все чаши этого типа покрыты двусторонним темно-красным или красным ангобом (рис.1, *6,7,11,13,18*).

Тип 2 – чаши этого типа имеют невысокий дисковидный поддон. Стенки, плавно поднимаются вверх и заканчиваются закругленным внутрь венчиком. У некоторых сосудов в верхней части тулова имеется желобок. В комплексе представлены как небольшие сосуды этого типа – Д.у. 13 см (рис.1, *17*), так и более крупные – Д.у. 16-18 см (рис.1, *21, 24, 26*). Соотношение высоты сосуда и максимального диаметра – 1:3. Все чаши этого типа покрыты светлым ангобом с внешней стороны.

Тип 3 – небольшие чаши на невысоком дисковидном поддоне. Стенки плавно расширяются вверх, образуя конический резервуар. Они заканчиваются отогнутым наружу клювовидным венчиком (рис.1, *15,16*). Некоторые из них имеют углубление в донной части (рис.1, *16*). Д.у. 14-15 см. Все чаши этого типа покрыты плотным красным ангобом. Подобные сосуды часто называют тарелками (*Некрасова Е.Г., 1974, с.90; Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с.125*). В то же время соотношение высоты сосуда и максимального диаметра - 1:3; 1:3,5; которое соответствует пропорциям двух описанных выше типов, позволяет нам отнести эти сосуды к чашам.

Тип 4 – у чаш этого типа стенки плавно поднимаются вверх, слегка закругляясь в верхней части. Они заканчиваются резко отогнутым наружу венчиком, в то же время верхняя закраина вогнута (рис.1, *22,25*). Подобный профиль венчика, но имеющий более резкие очертания, в литературе называется Т- или Г-образным (*Пидаев Ш.Р., 1984, с.115*). Чаши этого типа имеют сравнительно большой резервуар – Д.у. 16-20 см. Соотношение высоты сосуда к максимальному диаметру – 1:3. Все они покрыты двусторонним красным или темно-красным ангобом.

Тип 5 – сравнительно небольшие чаши на невысоком дисковидном поддоне. Стенки плавно поднимаются вверх, слегка закругляясь в верхней части. Прямоугольный в сечении венчик отогнут наружу. Характерным признаком этого типа сосудов является широкий уступ под венчиком (рис.1,*20,23*). Д.у. 13-14 см. Соотношение высоты сосуда и максимального диаметра – 1:3. Все чаши пятого типа покрыты плотным красным или темно-красным ангобом.

Второй по численности формой в первой группе являются кубки – 28,6%. По морфологическим признакам выделяются два типа сосудов.

Тип 1 – сосуды с округлым или овальным профилем резервуара на небольшом плоском дне. Кубки имеют прямой, слегка заостренный, скошенный внутрь край, иногда чуть вогнутый. Венчик не выделен (рис. 1, *1,2,5,10*). Большинство сосудов имеют Д.у. 16 см, в одном случае отмечен Д.у. 14 см. Соотношение высоты сосуда к максимальному диаметру – 2:3. Все кубки этого типа покрыты светлым ангобом. В двух случаях с внешней стороны отмечены следы лощения.

Тип 2 – цилиндроконические сосуды на дисковидном или кольцевом поддоне (рис.1, *3,4,8,9,14,19*). У кубков этого типа прямой, чуть заостренный край, венчик не выделен. Место перехода нижней, конической части тулова в верхнюю, цилиндрическую подчеркнуто валиком. Д.у. 13-15 см. Соотношение высоты сосуда к максимальному диаметру 3:4. Все сосуды этого типа покрыты плотным красным ангобом. В одном случае отмечены следы лощения по внешней поверхности. Примечательно, что залощен был кубок на кольцевом поддоне.

Кувшины представлены шестью экземплярами, что составляет 13,9% от общего количества керамики в первой группе. Все сосуды не имеют ручек, среди них можно выделить узкогорлые (Д.у. 10 см) и широкогорлые (Д.у. 12-13 см) кувшины.

Узкогорлые кувшины имели сравнительно высокую горловину. Венчик утолщенный, прямоугольный в сечении, слегка отогнут наружу. С внешней стороны сосудов отмечены следы темного ангоба (рис.2, *3*).

Широкогорлые кувшины имели невысокую горловину, скругленный, утолщенный, подтреугольный в сечении венчик. В отдельных случаях такой венчик имеет клювовидную форму (рис.2, *1,12*). В большинстве случаев кувшины этого типа не ангобированы.

Остальные формы представлены единичными фрагментами. Можно отметить сравнительно крупные миски с утолщенным, чуть вогнутым венчиком (рис.2, *11*), а также небольшие светлоангобированные горшки (рис.2, *4,5*), которые отличаются от широкогорлых кувшинов прежде всего невысокой горловиной и более покатыми плечиками. Они имели сильно отогнутый неутолщенный венчик. Обращает на себя внимание фрагмент крупного горшковидного сосуда с манжетовидным в сечении венчиком (рис.2, *15*).

Среди керамики, сформованной от руки, безусловно, преобладают открытые формы. Это светлоглиняные миски различных размеров. Д.у. 15-36 см. Среди них выделяются довольно крупные толстостенные миски, которые имели полусферический или глубокий конический резервуар (рис.2, *13,17,18,19*). Венчик в большинстве случаев не выделен. В одном случае по внешней закраине отмечен слабо выраженный валик (рис. 2, *17*), в другом - венчик выделен неглубоким желобком. Небольшие лепные миски по морфологическим признакам близки чашам 1 типа первой группы, но имеют округлое дно (рис.2, *10*). Среди них выделяется небольшая светлоглиняная миска, которая имела полусферический резервуар и утолщенный отогнутый венчик в виде валика (рис.2, *8*). Кроме того, следует отметить неглубокую круглодонную миску, изготовленную в полусферической форме на песчаной подсыпке (рис.2, *7*).

В этой же группе единичными экземплярами представлены горшки (рис.2, *2,6*), а также крупные горшковидные сосуды типа хумчи. Последние изготовлены из хорошо отмученной глины, черепок красно-коричневого цвета. Они покрыты плотным красным ангобом. Сосуды имеют четко выделенную горловину, подчеркнутую широким желобком. Венчик утолщенный, прямоугольный в сечении, имеет форму слабо выраженного манжета (рис.2, *16*).

Керамика первой группы находит большое количество аналогий в керамических комплексах Бактрии и Согда эллинистического времени. В большей степени это относится к кубкам и чашам. Кубки, полностью аналогичные

кубкам 1-го типа Кампыр-тепе, найдены в слоях греко-бактрийского времени на Дальверзин-тепе (*Пугаченкова Г.А., Некрасова Е.Г., 1978, с.144*), такие же формы представлены в комплексе керамики переходного периода Джига-тепе в северном Афганистане, который по времени предшествует эллинистическому (*Пидаев Ш.Р., 1984, с.112*). В раннем керамическом комплексе периода Афрасиаб II (1 этап), на северо-западе городища, подобные кубки, покрытые красным ангобом и полосчатым лощением, составляют 46% от общего количества столовой посуды. В относительно более поздних слоях (II-III этапы) их становится значительно меньше (*Шишкина Г.В., 1974, с.38*).

Эта форма считается одной из самых распространенных на территории Бактрии в греко-бактрийское время (*Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с.125; Lyonnet B., 1997, Fig.45, 1,2,3*). В то же время присутствие кубков 1-го типа в ранних (Кобадиан I: *Дьяконов М.М., 1953, с.280, рис.18*) и так называемых переходных комплексах (*Филанович М.И., 1969, с.213; Пидаев Ш.Р., 1984, с.113, рис.1; Исамиддинов М.Х., Рапен К., 1999, с.77-78, рис.8, 5, 6*) и полное их отсутствие в культурных наслоениях поздних этапов эллинистического времени на Афрасиабе, Джига-тепе и других памятниках позволяет отнести бытование этого типа кубков к раннему этапу эллинистического периода.

Цилиндроконические кубки также представлены практически на всех памятниках, где вскрыты культурные слои греко-бактрийского времени (*Козловский В.А., Некрасова Е.Г., 1976, с.32, рис. 1, 6,7; Шишкина Г.В., 1969, с.230, рис.3, 20,24; Кабанов С.К., 1973, с.60, рис.13, 1,2; Пидаев Ш.Р., 1984, с.116, рис.2, 15*). Схожие по форме сосуды хорошо известны в Хорезме, в комплексе усадьбы Дингильдже, который также считается переходным от позднеархаического к так называемому "кангюйскому" керамическому комплексу. Здесь они отличаются от упомянутых выше полным отсутствием какого-либо поддона. Кроме того, они более приземисты и имеют сравнительно широкое дно. По внешнему виду эти сосуды больше напоминают чаши, именно поэтому исследователь памятника М.Г.Воробьева называет их чашевидными сосудами (*Воробьева М.Г., 1973, с.129-130, рис.38*). Археологический комплекс усадьбы Дингильдже датировался серединой V в. до н.э., в основном по бронзовым наконечникам стрел (*Воробьева М.Г., 1973, с.206*). Прототипы дингильджинским кубкам или кубковидным чашам можно найти в комплексах типа Яз II-III на территории Маргианы, а также в комплексах типа Кызыл III на территории северной Бактрии. Это небольшие цилиндроконические чаши, соотношение максимального диаметра к высоте сосуда – 3:2, место стыка цилиндрической и конической частей корпуса подчеркнуто валиком или четко выделенным ребром (*Массон В.М., 1959, табл.XXXVII, 9,10; Древнейшие государства..., 1985, табл.LXV; Сагдуллаев А.С., 1987, рис.26,1,3; он же, 1989, с.42-43*). Надо полагать, эта форма, с небольшими изменениями, продолжает существовать и в более поздний период. Кубок схожей формы, но, по всей видимости, на небольшом донце, найден в нижних слоях Гяур-калы в Старом Мерве. Здесь он в комплексе с другими материалами датируется IV в. до н.э. (*Филанович М.И., 1974, с.38-39*).

Цилиндроконические кубки на дисковидном или кольцевом поддоне (тип 2 на Кампыр-тепе) на территории северной Бактрии и Согда появляются на ранних этапах эллинистического периода (*Gardin J.C., 1973, p.142*) и некоторое время сосуществуют с кубками на плоском донце и округлыми стенками. Примечательно, что в более ранних комплексах переходного периода они отсутствуют (*Пидаев Ш.Р., 1984, с.113, рис.1; ФилановичМ.И., 1969, с.213-214*). На Афрасиабе эта форма широко распространяется на поздних стадиях периода Афрасиаб II (*Шишкина Г.В., 1969, с.38-39*).

Все типы чаш, описанные выше, находят большое количество аналогий в керамических комплексах греко-бактрийского времени. Особенно это касается чаш 2,3,4,5 типов. Ареал распространения этих форм также довольно обширен и охватывает территорию Афганистана и южных областей Средней Азии, включая Бактрию и Согд (*Lyonnet B., 1997, p.136-142, Fig.43, 44*). Перечисленные типы чаш являются одними из наиболее характерных форм в керамическом комплексе эллинистического времени в Средней Азии. Почти все они находят прототипы в эллинистической посуде Греции и Ближнего Востока (*Шишкина Г.В., 1975, с.71-75; Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с.126*). Следует заметить, что появление новых форм было, по всей видимости, связано не только с сильным влиянием греческого керамического производства, что выражалось иногда в прямом заимствовании форм, но и с развитием технологии гончарства на территории собственно Средней Азии в IV-II вв. до н.э. (*Сайко Э.В., 1975, с.301-305; Шишкина Г.В., 1975, с.68-69*).

Отдельные типы чаш, характерные для эллинистического комплекса, продолжают существовать и в более позднее время. Например, чаши 2-го типа с незначительными изменениями бытуют до II в. н.э. (*Пидаев Ш.Р., 1978, табл.II,III; Пугаченкова Г.А., 1979, с.79, 1*). В то же время чаши 1-го типа имеют прототипы в более ранних комплексах. Аналогичная форма представлена в комплексе переходного периода Джига-тепе (*Пидаев Ш.Р., 1984, рис.1, 16-19*), а также в комплексе керамики I этапа периода Афрасиаб II (*Шишкина Г.В., 1974, с.39, рис.5, 23*). Следует заметить, что эта универсальная форма известна и в других областях Средней Азии. В группе красноангобированной керамики Дингильдже подобные чаши являются одной из ведущих форм (*Воробьева М.Г., 1973, с. 127, рис.37*).

Остальные сосуды I группы также находят себе аналогии среди керамики греко-бактрийского времени. Прежде всего это относится к светлоангобированным широкогорлым кувшинам, которые близки по форме сосудам этого типа из Джига-тепе (*Пидаев Ш.Р., 1984, с.113, 23*). Также традиционны для эллинистического периода кувшины с подтреугольным в сечении, иногда клювовидным венчиком (*Lyonnet B., 1997, Fig.41, 5,6*). Среди сосудов этого типа обращает на себя внимание кувшин, который близок остальным по морфологическим признакам, однако, отличается по способу изготовления (рис.2, *12*). Вся описанная керамика изготовлена на гончарном круге быстрого вращения по донно-емкостной программе методом вытягивания из одного куска глины (одноэлементный начин)[1]. Кувшин, упомянутый выше, также сформован по донно-емкостной программе, но не методом

вытягивания, а способом кольцевого налепа, когда дно изготавливается отдельно, а затем на этой основе формуется полое тело сосуда. Следует заметить, что подобный способ формовки совершенно не характерен для Бактрии не только эпохи эллинизма, но и более поздних периодов. В то же время подобным образом формовались кувшины и горшки в Хорезме в III-I вв. до н.э.

Таким образом, на основании приведенных выше аналогий мы можем датировать комплекс гончарной керамики из раскопа 8 на Кампыр-тепе III-II вв. до н.э. Наличие в комплексе форм, характерных для керамики более раннего времени, а также тот факт, что мастерская функционировала недолго, позволяют отнести этот комплекс к раннему этапу указанного хронологического периода.

В группе лепной керамики выделяется фрагмент крупного горшковидного сосуда или хумчи. Подобная форма также встречается в ранних керамических комплексах переходного периода (*Пидаев Ш.Р., 1984, рис.1*). Для хумов и хумчей греко-бактрийского периода более характерен массивный округлый или подпрямоугольный профилированный венчик (*Gardin J.C., 1973, p.155; Пугаченкова Г.А., 1978, с.26, рис.11*). Своеобразны крупные лепные миски. Форма их, в общем, универсальна. Подобные сосуды встречаются в керамических комплексах и более позднего времени. Однако, технология изготовления, качество обжига, а также то, что все они были найдены около горна или в хозяйственной яме, позволяет высказать предположение, что перед нами комплекс производственной керамики, которая использовалась в процессе формовки сосудов (рис.2, *7,10,13,17-20*). Тот факт, что эти формы не характерны для археологических комплексов греко-бактрийского времени на территории Северной Бактрии, можно объяснить тем, что до последнего времени эллинистическая керамика Средней Азии была представлена находками из жилых или культовых зданий. Производственный комплекс эллинистического времени, непосредственно связанный с керамическим производством, на юге Узбекистана раскопан впервые. Известны керамические обжигательные горны IY-II вв до н.э. на городище Саксанохур в южном Таджикистане, однако материал из раскопок до сих пор остается неопубликованным.

Таким образом, в результате проведенных весной 2000 г. исследований удалось установить, что в пригородной зоне Кампыр-тепе в III в. до н.э. функционировало небольшое керамическое производство. Надо полагать, мастер работал на рынок или на заказ и производство было сезонным. Обращает на себя внимание упомянутая специфика формовки одного из кувшинов, сходная с навыками керамистов Хорезма. Вряд ли гончар, работавший на Кампыр-тепе, был хорезмийцем, - возможно, сосуд был привозной. Это тем более вероятно, если учитывать тот факт, что Кампыр-тепе являлось крепостью, которая контролировала переправу через Амударью, и здесь проходил один из отрезков торговых путей, связывавших центральные области Бактрии с Согдом и с другими северными областями Средней Азии и, в частности, с Хорезмом. Этот кувшин мог попасть на Кампыр-тепе и водным путем. Напомним, что здесь уже были найдены предметы, свидетельствующие о связях с низовьями Амударьи (*Ртвеладзе Э.В., 1989, с.224*).

[1] Здесь и далее используется терминология, предложенная А.А.Бобринским (*Бобринский А.А., 1978*).

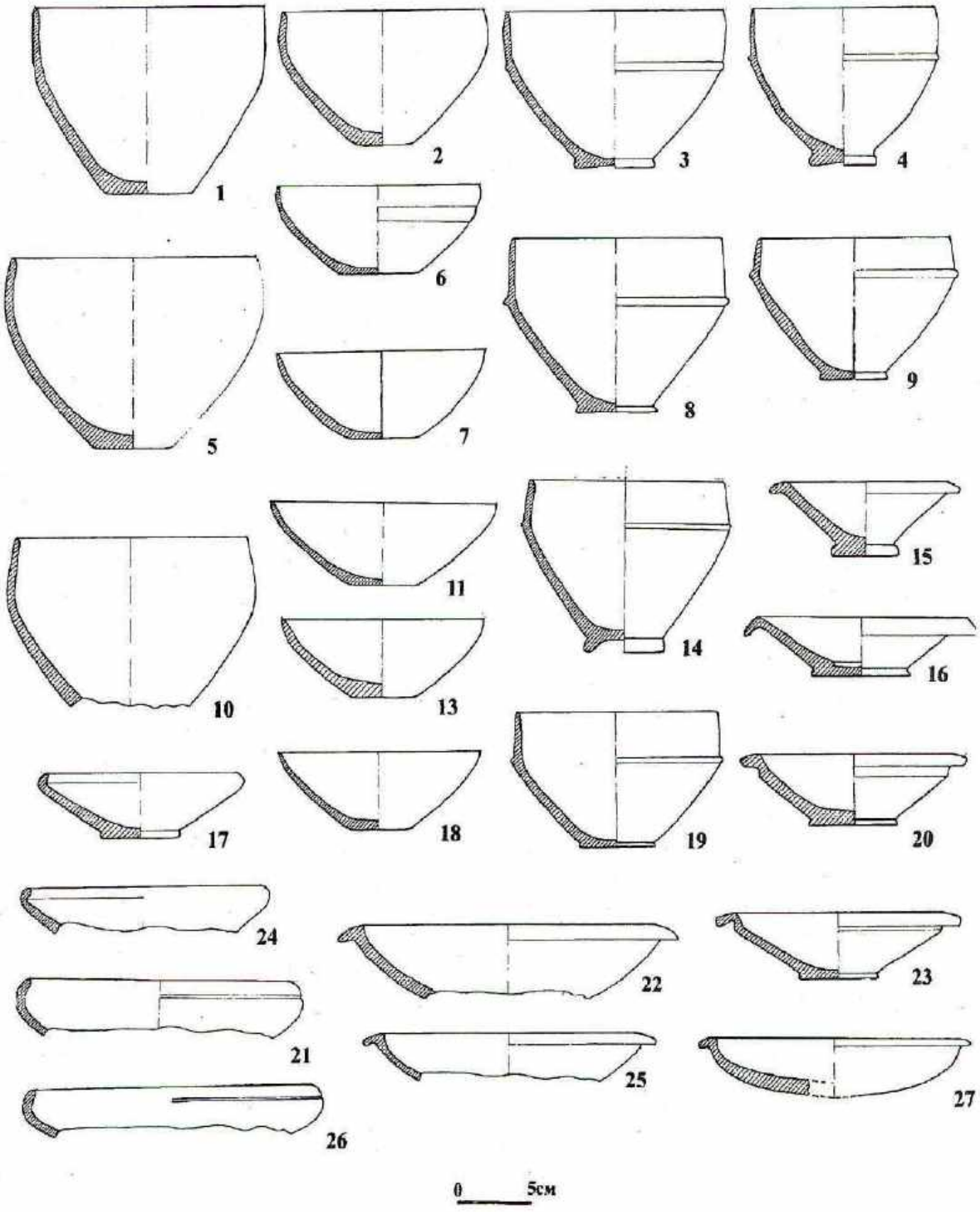

Рис.1

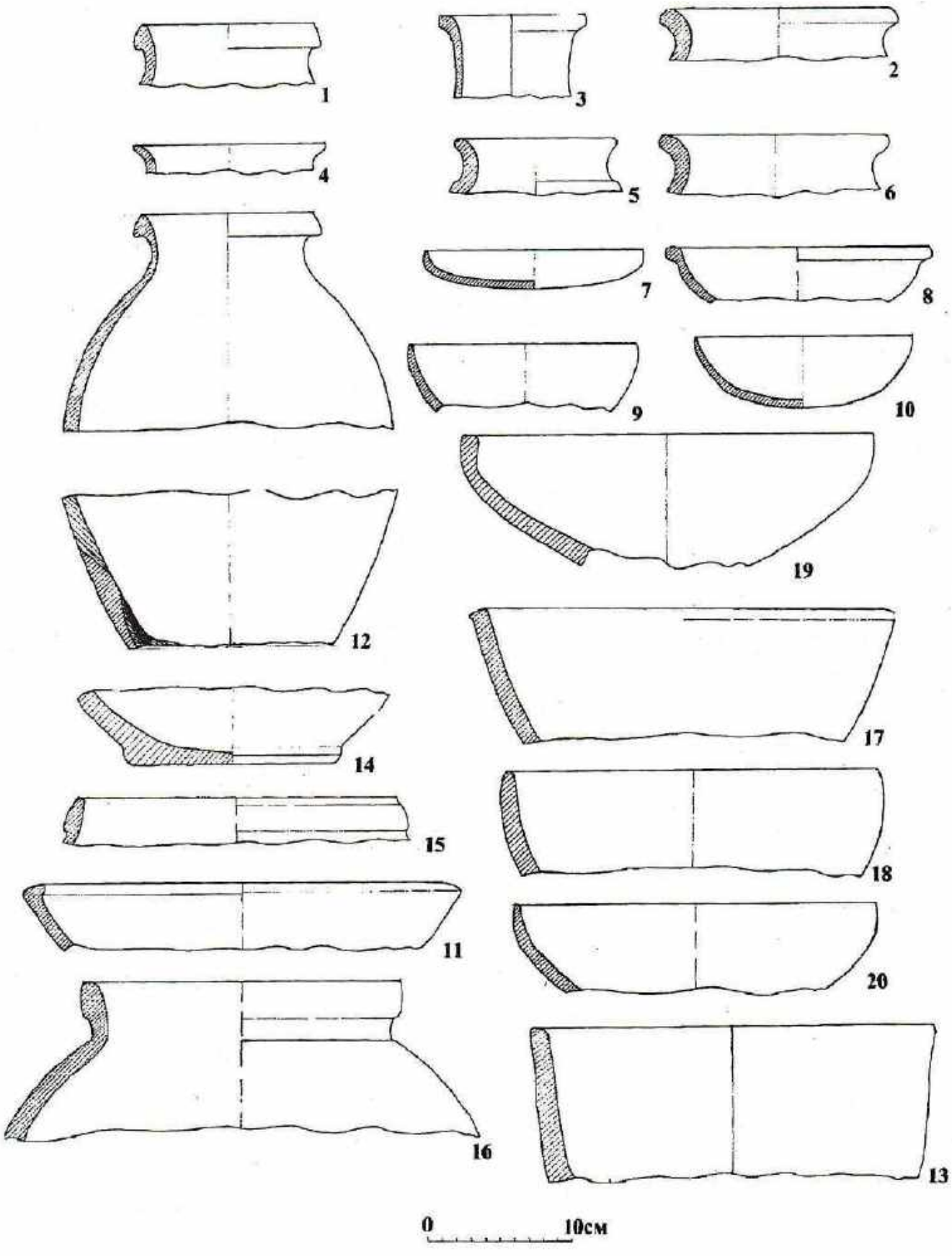

Рис. 2

В.С. СОЛОВЬЕВ
(Государственный университет,
им. И.А.Бунина, г.Елец, Российская Федерация)

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КЕРАМИКА БЕЗЫМЯННОГО ГОРОДИЩА (КОБАДИАН)[1]

Г.В.Шишкиной принадлежат важные исследования средневековой керамики Согда. Благодаря этим исследованиям мы лучше представляем особенности согдийской керамики, ее место в гончарном производстве Средней Азии. Публикуемая автором в данной статье небольшая коллекция средневековой керамики из Кобадиана является попыткой разработки этой темы применительно к Тохаристану.

За последние годы средневековая керамика найдена не менее, чем на двух десятках археологических памятников Южного Таджикистана. Особенно значительный комплекс керамики получен при раскопках дворца на цитадели Хульбука. Однако, опубликованные материалы не дают представления о богатстве имеющихся в Институте истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан коллекций средневековой керамической посуды (*Гулямова Э., 1962, с.127; она же, 1971, с.143-153*). В данной статье рассматривается керамика, найденная при раскопках Безымянного городища (Кобадиан), расположенного в северной части Бешкентской долины. Это городище открыто в 1956 г. А.М.Мандельштамом; оно состоит из двух частей: цитадели (70х70 м) и поселения, границы которого определить точно не удалось. В 1976 г. А.В.Седов заложил два небольших шурфа в обеих частях памятника. В 1980 г. автором проведены раскопки цитадели на площади 400 кв.м (*Соловьев В.С., 1987, с.165-171*).

В результате этих раскопок и анализа полученного археологического материала выяснилось, что самый ранний культурный слой поселения относится к кушанскому периоду, промежуточный слой - к раннему средневековью; последний период, с которым связан расцвет жизни на поселении, датируется концом X-началом XIII вв. В кушанский и средневековый периоды люди жили на цитадели и на небольшой подковообразной возвышенности, примыкающей к ней с западной и северной сторон. В конце X-начале XI вв. обживалась только цитадель. К этому периоду относится небольшой клад серебряных газневидских монет, найденный под полом одного из помещений, керамика, различные вещи (рис.1). В XII-начале XIII вв. жизнь сосредотачивается к югу, западу и северу от цитадели; площадь поселения в это время достигла 5-6 га. Жизнь на поселении прекратилась, очевидно, во время монголо-татарского завоевания.

На цитадели стены средневековых построек были возведены из сырцового кирпича (25х25х4 см), они сохранились до наших дней в виде небольших останцов. Культурный слой размыт дождями и развеян ветром, in situ остались лишь тяжелые предметы, в том числе крупные фрагменты керамики. Большая же часть керамики найдена в десяти бадрабах и на месте усадеб за пределами цитадели. Для публикации нами отобрана наиболее выразительная часть коллекции керамики.

Керамика конца X-начала XI вв., найденная на цитадели, представлена в основном столовыми и тарными сосудами. Качество столовых сосудов очень хорошее: все они сформованы на гончарном круге, хорошо обожжены. Чаши, использовавшиеся для приема пищи, имеют различную форму и размеры; они покрывались глазурью - ранние целиком, у более поздних сосудов глазурь на стенках только изнутри, снаружи ею покрыт край сосуда. Цветовая гамма сосудов разнообразна: бирюзовый, белый, зеленый, коричневый, черный и др. Особенно часто встречается сочетание зеленого, желтого и коричневого цветов, которые хорошо гармонируют друг с другом. По светлому ангобу прочерчивался, обнажая при этом глиняную основу, рисунок, и наносились коричневые пятна, после чего сосуд покрывался прозрачной глазурью. Наружная поверхность чаш не ангобировалась и покрывалась глазурью непосредственно по черепку. Такая техника придавала сосудам нарядный вид (рис.2, *2-3,5*) и в то время была модной на большой территории Средней Азии и Афганистана (*Вактурская Н.Н., 1959, с.287, рис.7,6; с.291, рис.16, 2,3; Gardin J.-C., 1963, p. 519-524, pl.XXVII; Шишкина Г.В., 1979, табл.*XXXI, *4*).

Значительная часть чаш расписывалась вертикальными полосами бирюзовой глазурной краской, наносившейся на края и стекавшей радиальными полосами ко дну сосуда (рис.2, *10,15*). В том случае, если краситель был густой, линии получались четкими; располагались они через небольшие интервалы одна от другой. Когда же глазурь была жидкой, полосы сильно расплывались. На дне одного из сосудов сохранилась надпись черным, содержащая имя мастера.

Такая техника орнаментации была, видимо, распространена в других регионах Средней Азии. Она отмечена для Согда (*Шишкина Г.В., 1979, табл.*XXX, *1*), Хелаверда - Вахшская долина (*Литвинский Б.А., Соловьев В.С., 1985, рис.*45, *2б*), Уструшаны (информация П.Т.Самойлика), Хульбука (информация Э.Г.Гулямовой). Широко применялась она и на керамике Ирана (*Rosen-Ayalon M., 1974, p.175-183; Boucharlat R., Lecomte O., 1987, pl.150*). В одном из бадрабов на цитадели Безымянного городища найдена почти целая полусферическая чаша, также снаружи покрытая глазурью по черепку. На дне сосуда на белом ангобном фоне надпись, выполненная черным, ограниченная желтой и зеленой линиями. На краях чаши по ее осям - два цветка и дуги (рис.2, *14*).

Наиболее многочисленную группу керамики с цитадели Безымянного городища составляют сосуды для переноски и хранения воды. Выделяются два основных типа этих сосудов. Одни из них имеют приземистое тулово, широкое горло (рис.3, *2,3,13-17*) и ручку, которая крепилась к горлу и венчику. Почти все они орнаментированы. На

[1] Работа осуществлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 98-01-00464.

плечико и горло сосуда острым предметом наносились горизонтальные линии и круглые налепы с оттисками пунсона или штампа (вихревые розетки). Иногда налепы образуют стилизованный цветок или более сложные фигуры на противоположной от ручки стороне (рис.3, *3,10,14,17,19*), ими украшены и сами ручки. Набор подобных сосудов найден в Туркмении (*Лунина С.Б., 1962, с.241, рис.12; с.242, рис.13*).

Одним экземпляром представлен сосуд, очень похожий по своим морфологическим признакам на сосуды кушанского времени. В его верхней части острым предметом до обжига процарапан орнамент в виде аркады (рис.4, *1*).

Керамика XII в. несколько отличается по набору сосудов от керамики предыдущего периода. Чаши уменьшаются в размерах, меняется их форма, утончается черепок. Для декора характерно сочетание подглазурного рисунка в виде завитков, преобладает глазурь лимонно-желтого и салатного цветов. Такая техника декора и цветовая гамма глазурей, видимо, были распространены в это время на большей части территории Средней Азии, в частности, в Фергане (*Брыкина Г.А., 1974, рис.45*). Модной остается глазурь бирюзового цвета, плотным ее слоем покрыты светильники (рис.4, *4*) и миниатюрные сосудики (рис.3, *6*). Для покрытия светильников применялась также глазурь зеленого цвета. Исчезает орнаментация потеками бирюзового цвета по белому фону.

Для неполивной керамики становятся характерными двуручные сосуды, подобные тем, которые в Туркмении датируются более ранним временем (рис.3, *1*; рис.4, *5*) (*Лунина С.Б., 1962, с.243, рис.14; с.348, рис.73; с.368, рис.85; с.388, рис.92*), а также сосуды без ручек (рис.3, *8*). По-прежнему неполивная керамика украшалась прочерченными линиями и штампованным орнаментом. Из них наибольший интерес представляет крупный сосуд с четырьмя ручками, горло, плечики и ручки которого богато украшены массивными конусовидными налепами, прочерченным орнаментом и наколами (рис.5, *2*). Штампами с растительным орнаментом украшались венчики и плечики крупных тарных сосудов (рис.4, *9-11*), стволы подставок для светильников. Очень богато украшались крышки котлов, причем орнамент на них (волнистые линии, вмятина и др.) наносился одним инструментом в виде вилочки. Концентрическими кругами орнаментировались сфероконусы (рис.3, *7*). Применяется для декора сосудов роспись коричневой краской.

Еще большие изменения (по сравнению с керамикой конца X-начала XI в.) наблюдаются в керамике начала XIII в. Сосуды для приема пищи имеют диаметр закраины не более 20 см, они покрываются преимущественно синей росписью в сочетании с черными линиями, потеками, пятнами. Иногда на одном сосуде сочетаются белый, синий, черный цвета (рис.2, *7-9*). Встречаются также сосуды, покрытые белой глазурью с синим ободком по венчику. Такое сочетание цветов глазури имеет керамика этого времени из Термеза (*Шишкин В.А., 1945, с.122*). По-прежнему применялся подглазурный рисунок, но характер его становится иным. Появляются светильники с закрытым куполообразным гофрированным резервуаром и орнаментированным щитком для упора большого пальца. Они покрывались голубой глазурью (рис.2, *6,12,13*).

Полученный при раскопках Безымянного городища комплекс средневековой керамики представляет интерес, так как он во многом характеризует керамическое производство не только Кобадианского оазиса, но и Северного Тохаристана в целом. Его изучение показывает также, что в Кобадиане мастера-керамисты внимательно следили за изменениями моды, происходившими в гончарном ремесле на огромной территории Средней Азии, и старались следовать ей. Это роднит керамику Безымянного городища с керамикой весьма удаленных от него районов. Вместе с тем накапливаемый керамический материал позволяет надеяться на то, что наряду со сходством с продукцией других регионов постепенно будут выделяться также и особенности, присущие северотохаристанской керамике.

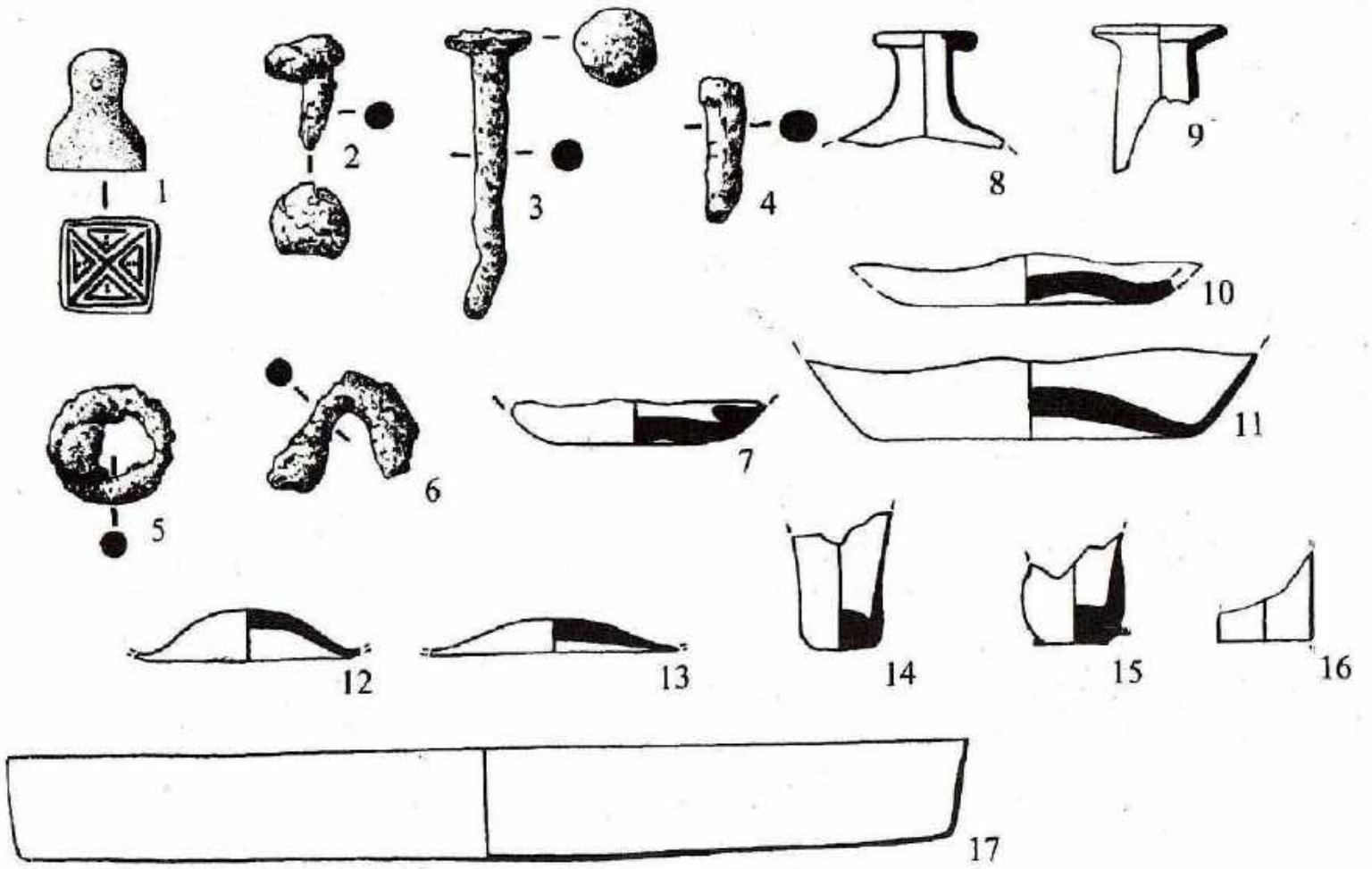

Рис.1. Безымянное городище. Находки конца X- начала XI вв.*1*- керамический штамп; *2-6* - железные изделия; *7-8*- фрагменты стеклянных сосудов; *17*- бронзовая чаша

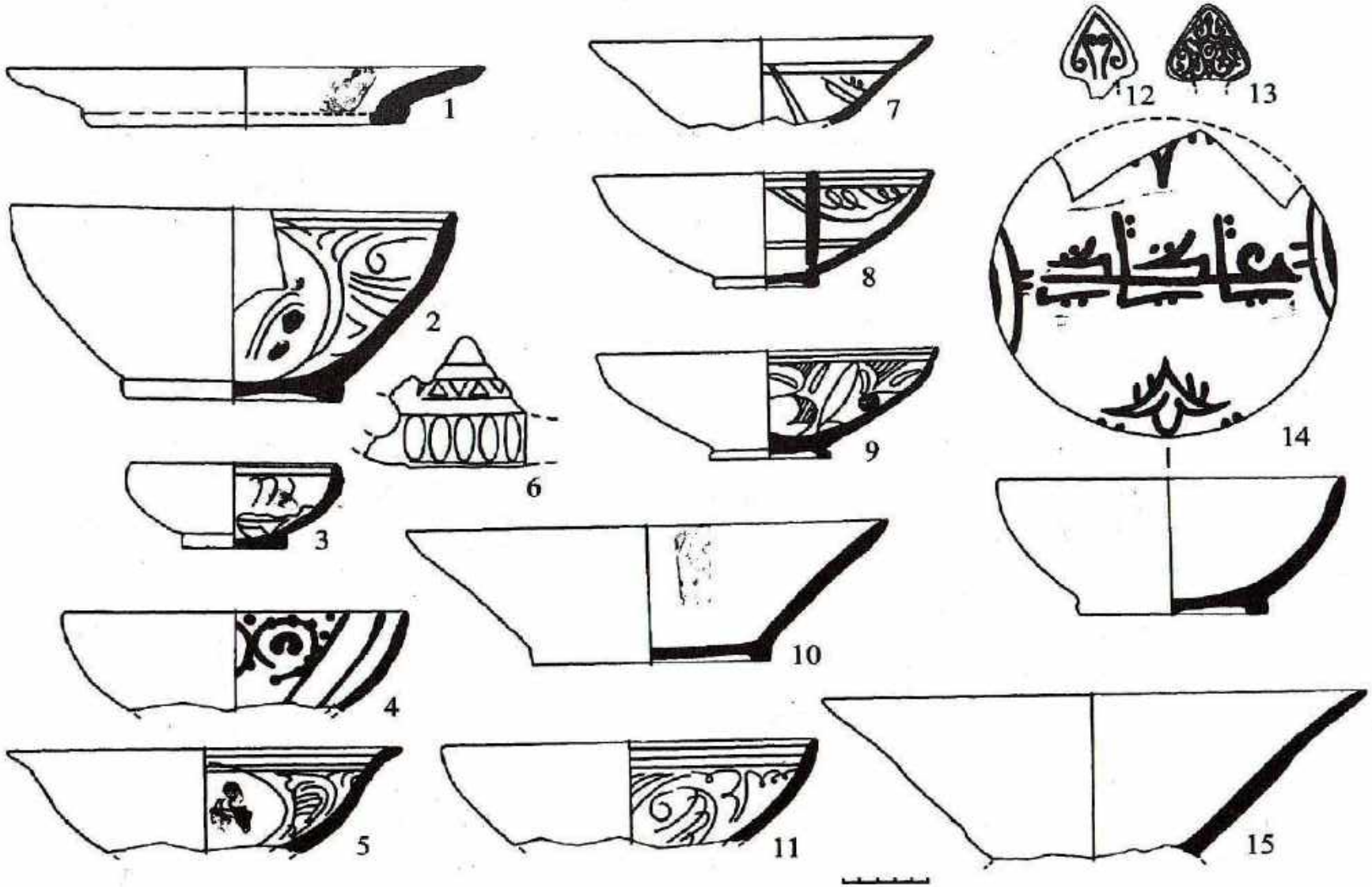

Рис. 2- Безымянное городище. *1-15*- столовая керамика

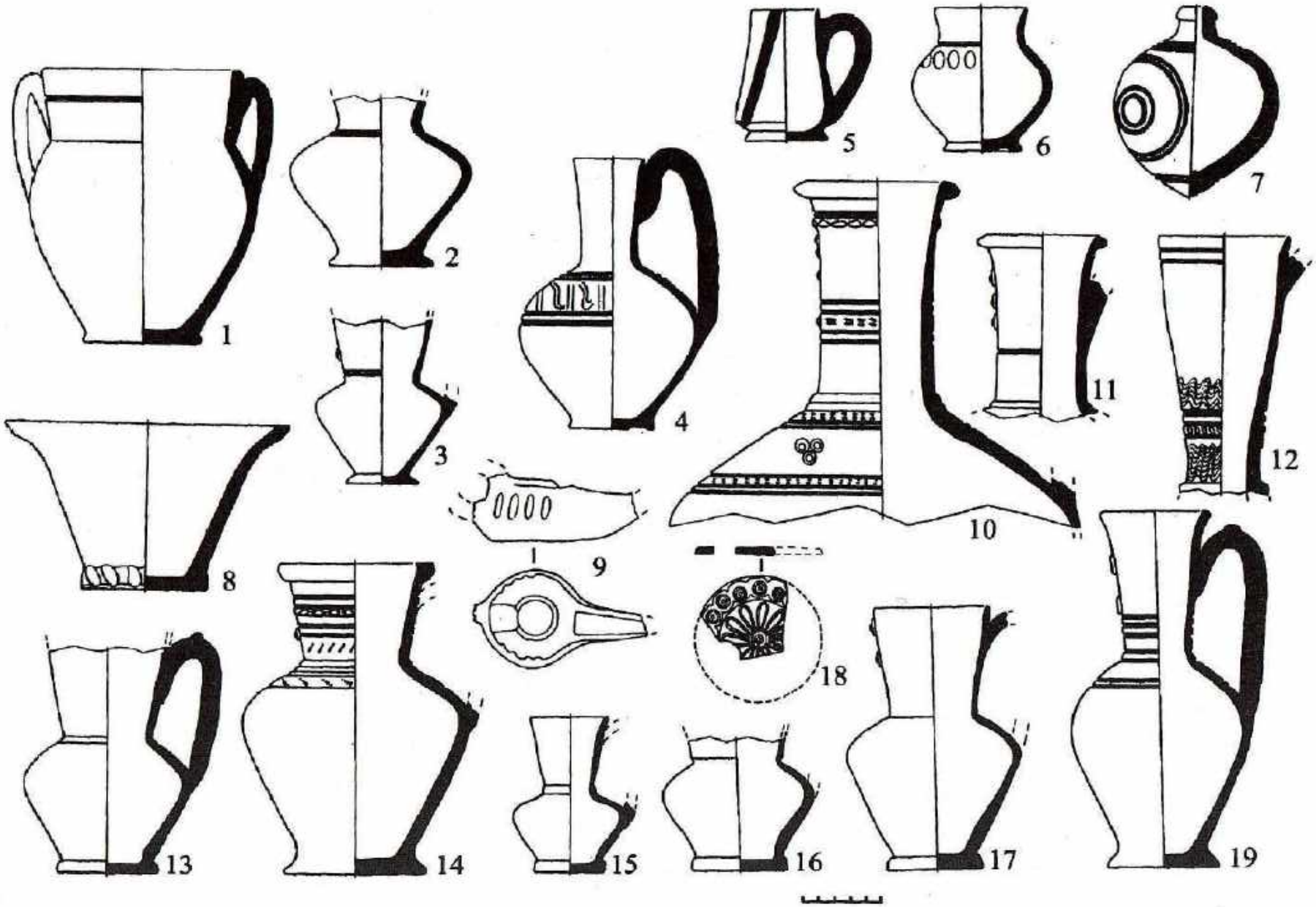

Рис. 3. Безымянное городище. *1-19* столовая и хозяйственная керамика

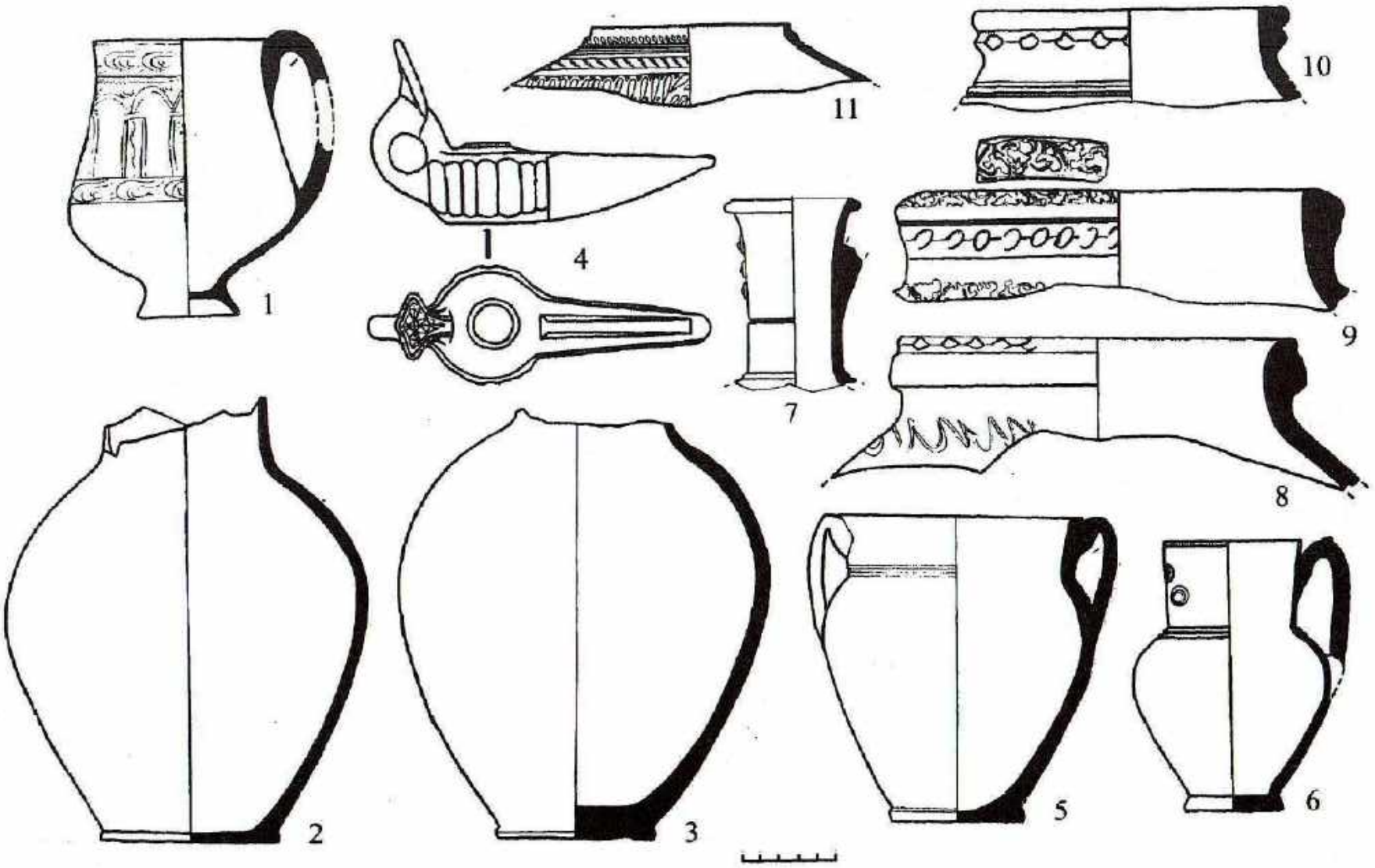

Рис.4. Безымянное городище.-*1-11*- хозяйственная и тарная керамика.

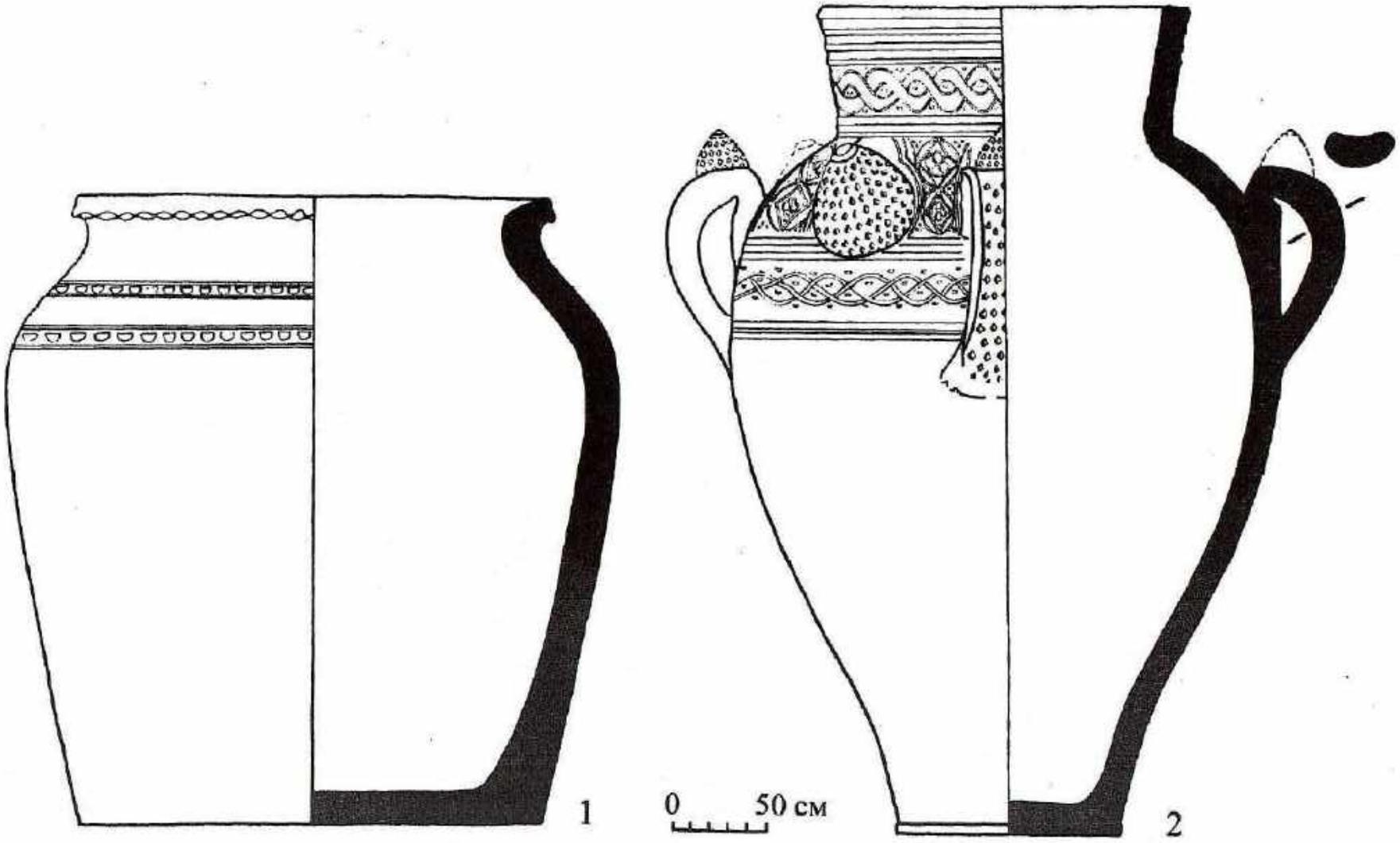

Рис. 5. Безымянное городище. *1-2* – тарная керамика.

З.Э.ХАЛИКОВ

(г.Термез, Республика Узбекистан)

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ТЕРМЕЗА и ЧАГАНИАНА

XVI - первой половины XVII в.

В 1996 году Узбекско-Французская (Бактрийская) экспедиция под руководством П.Лериша и Ш.Пидаева проводила раскопочные работы на цитадели Старого Термеза и на Культепа (близ минарета Джаркурган), в результате чего был выявлен богатый археологический материал XVI-XVII вв.

Полученный комплекс подразделяется по формам на чаши и чашечки, блюда и блюдца, солонки и другие изделия хозяйственного назначения.

Чаши в основном полусферические, со слегка отогнутой у венчика закраиной, на кольцевом (реже дисковидно-вогнутом) поддоне. Белый ангоб покрывает внутреннюю и, в большинстве случаев, внешнюю поверхность вплоть до поддона. Поверх наносились тонкие прозрачные глазури светлых, голубоватых и синих цветов.

Художественная орнаментация состоит из богатых растительно-цветовых композиций "парковых" мотивов с использованием геометрических спиралевидных и аркадных сюжетов (рис.1, *1,3,6,8-10,13*).

Художественно-технологические особенности чаш характерны для Отрара (*Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987, с.163-164*) и Ташкента (*Мирзаахмедов Д.К., 1992, с.169-173*).

Чашечки по форме и цветовой гамме повторяют чаши, но встречаются в меньших количествах. На одной из них по белому ангобу нанесена четырехлепестковая розетка, в центре выполненная темно-коричневыми и голубыми цветами (рис.2, *2*); встречаются также образцы чашечек, орнаментированных различными видами рыб и других пресноводных обитателей, выполненных зеленой краской по белому ангобу и покрывавшихся голубой поливой (рис.2, *3,4*).

Блюда составляют наибольшую группу изделий исследуемого комплекса. По формам они делятся на несколько типов.

К первому, наиболее многочисленному виду относятся полусферические блюда на кольцевом поддоне, с плавно отогнутым наружу бортиком.

Ко второму виду относятся блюда на дисковидно-вогнутом или с врезным желобком поддонах (рис.1, *15,16,17*), с невысокими стенками, четко переломляющимися в косо отогнутый наружу широкий бортик с валиком у закраины. Такие же формы сосудов встречаются в Бинкете (*Филанович М.И., 1990*), в Шахрухие (*Буряков Ю.Ф., Тихонин М., 1988, рис.3*), на Нисе (*Пугаченкова Г.А., 1949, с.33*) и в Бухаре (*Мирзаахмедов Д.К., 1990*).

В целом для комплекса керамики XVI-первой половины XVII в. из Старого Термеза и Культепа характерен черепок розовых или светло-желтых тонов.

Белый ангоб обычно покрывал внутреннюю и внешнюю поверхность, реже - внешний край венчика изделий. Глазури светлые прозрачные, голубоватых и синеватых оттенков. Наряду с изделиями из глины часто встречаются образцы столовой посуды, выполненной из кашинной массы белых и пепельных цветов. В первом случае, вероятно, имеет место подражание китайскому фарфору с орнаментацией парковыми сюжетами кобальтом, а во втором, когда кашин пепельного цвета покрывался хорошей бирюзовой поливой, - подражание поздним китайским селадонам (рис.1, *10,13*).

Основным видом художественного оформления являлись растительно-цветочные композиции, геометрические и, реже, эпиграфические мотивы. Это во многом сближает полученный комплекс как по формам, так и по художественно-технологическим особенностям с керамикой изучаемого периода из Самарканда, Бухары, Ташкента. Но в то же время комплекс имеет и свои специфические, региональные особенности в виде изображений различных видов рыбок.

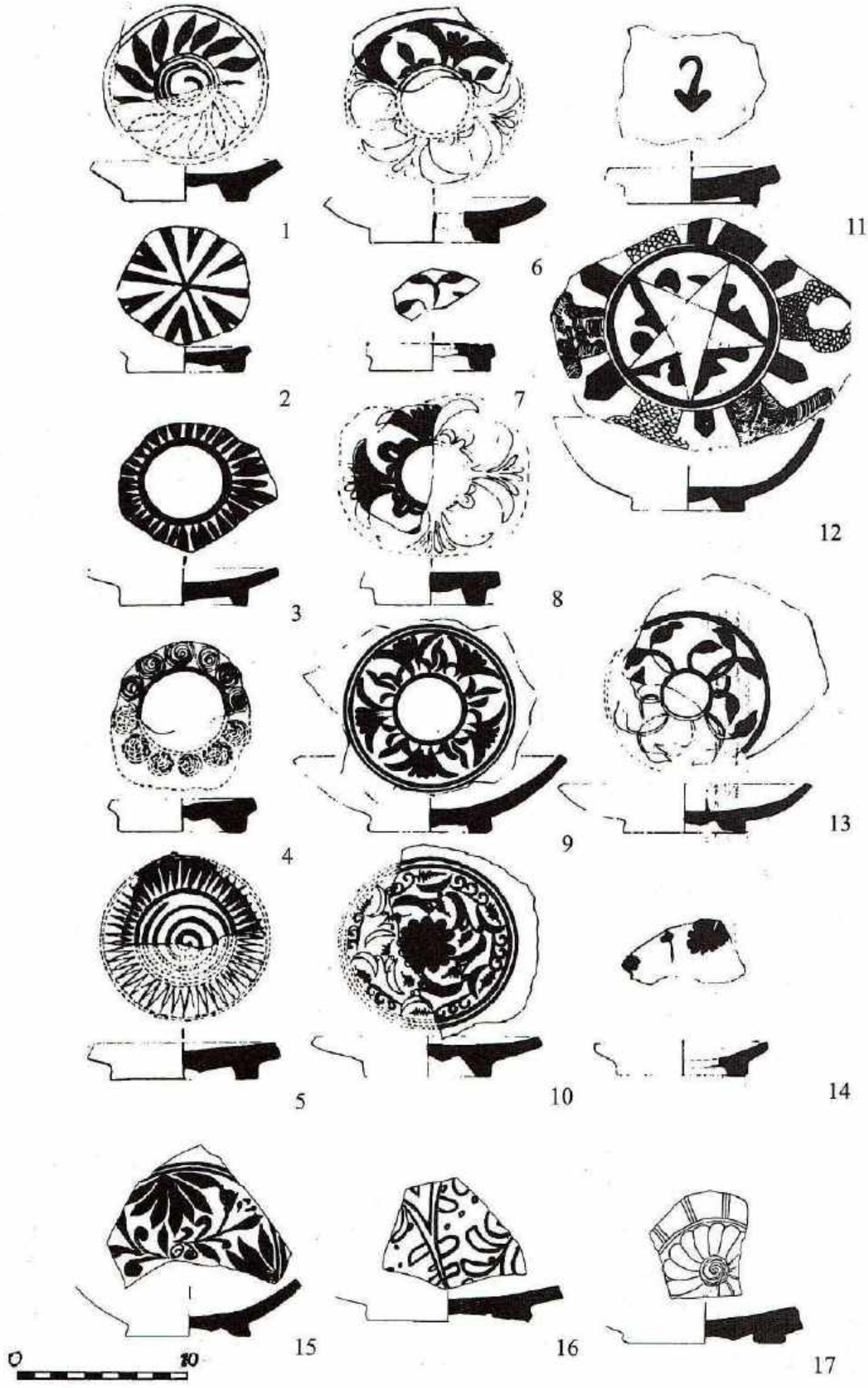

Рис. 1

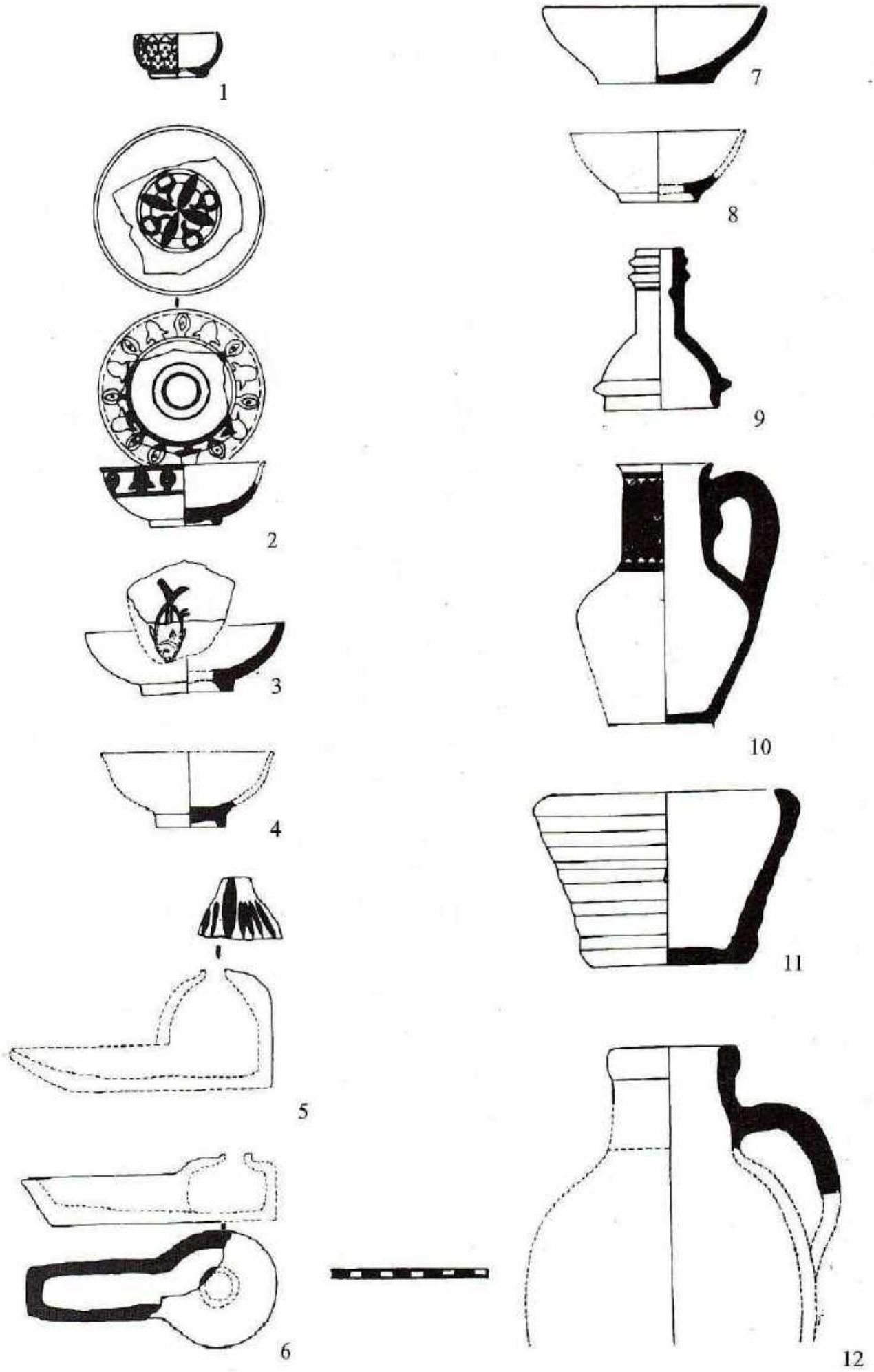

Рис. 2

РАЗДЕЛ II

КУЛЬТОВЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ В ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

К.АБДУЛЛАЕВ
(Институт археологии АН РУз,
г.Самарканд, Республика Узбекистан)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВОВ КУШАНСКОЙ КЕРАМИКИ

Вопрос о кушанской орнаментике в литературе освещен очень слабо; генезис отдельных орнаментальных мотивов остается совершенно незатронутым. В археологической литературе имеются лишь единичные статьи и отдельные упоминания, посвященные штампованной керамике кушанского периода (*Пидаев Ш.Р., 1975; Пугаченкова Г.А., 1979; Абдуллаев К., 1996*).

В ходе раскопок раннекушанского памятника Паенкургана (Сурхандарьинская область) был собран значительный керамический материал, который дает возможность выделить наиболее распространенные орнаментальные мотивы и проследить их символическую подоплеку. Верхние слои памятника датируются медной монетой кушанского царя Хувишки (тип с фигурой, полулежащей на тахте) - II в. н.э., хотя в короткие промежутки времени крепость обживалась в XVIII-XIX вв.

Более ранние монеты Сотер Мегаса и Вимы Кадфиза, лежащие в нижних слоях, хронологически замыкают нижний предел в датировке керамического комплекса - I в. н.э. Следует отметить также находку монеты Канишки (с изображением четырехрукого божества Вешу на оборотной стороне); верхняя дата Канишки по последним данным (надпись из Рабатака) относится к 1-й четверти II в. н.э. (*Sims-Williams N., Cribb J., 1995/96, p.77-81*). Таким образом, весь керамический комплекс из Паенкургана, исключая позднесредневековые ямы, содержащие наряду с керамикой XVIII-XIX вв. и кушанскую, относится к I-II вв. Самые нижние слои верхнего строительного горизонта, судя по археологическому комплексу, относятся к I в. н.э.

Следует подчеркнуть одну деталь - это обилие форм от крупных емкостей для хранения продуктов питания до миниатюрных сосудиков. Среди керамической посуды заметное место занимают изделия, изготовленные из серой глины, причем сероглиняной керамикой представлены формы обыденной посуды; здесь и большие двуручные, и одноручные кувшины, тагора, чаши и миниатюрные сосудики. Интересно отметить, например, экземпляр сероглиняной чаши с невысоким бортиком, окрашенной с внешней стороны ярко-красным ангобом. На мой взгляд, это один из редко встречающихся в кушанской керамике экземпляров.

Не останавливаясь подробно на керамической орнаментации вообще, отметим ведущие приемы: это штампы в виде удлиненных пальметок, оттисков различных печатей; роспись красным ангобом по бортику или по тулову сосуда. Наиболее характерным в орнаментации керамики является прочерченный по сырой заготовке узор, сочетающийся с горизонтальными бороздками по тулову сосуда, осуществленными посредством вращения на гончарном круге. Как правило, это одна неглубокая бороздка, либо две-три параллельные линии, расположенные близко друг к другу; встречаются также линии, прочерченные "гребенкой". Обычно бороздки чередуются с зигзагом или насечками. В ходе дальнейшего анализа собранного нами материала мы более подробно остановимся на всевозможных вариантах этого типа орнамента, здесь же хочется обратить внимание на символику прочерченного орнамента. Простота приема декорировки привлекает особое внимание исследователей, между тем ряд керамических экземпляров из Паенкургана дает повод более детально и пристально отнестись даже к такому предельно схематизированному орнаменту, как зигзаг и точки, ограниченные горизонтальными линиями. Даже самый упрощенный вариант этого орнамента несет определенную смысловую нагрузку.

Попытаемся разобрать отдельные элементы этой орнаментации и понять их смысловую подоплеку. Основной частью орнамента является зигзагообразная линия, иногда она заменяется гребенчатой волнистой линией. Волнистую линию можно истолковать двояко. Сама по себе она может являться символом воды. Мотив волнистой линии уходит своими корнями в глубокую древность и имеет свое смысловое значение у многих народов мира (*Ackerman Ph., 1938*). Зигзагообразная линия, скорее всего, означает горную гряду. Встречаются смешанные варианты, когда линия напоминает одновременно и зигзаг, и волну. Здесь, видимо, следует учитывать ремесленные навыки и выработанный автоматизм самого мастера, передающего эти линии. Мастер, следуя многовековой традиции, как правило, не задумывается о смысле наносимой орнаментации и тем более ее происхождения. Почему он заменяет один вид линии другим? Либо для него это вопрос удобства и автоматического навыка - тогда замена не имеет значения, и смысл нам следует искать единый, либо он осознает, что это разные вещи, и тогда мы вправе предположить в одних случаях символ гор, в других - воды.

Материал Паенкургана позволяет как нельзя лучше проследить развитие мотива от понятного и визуально легко воспринимаемого символа до предельно схематизированных и абстрагированных изображений.

Чаще всего схема орнаментации такова: прямая горизонтальная гребенчатая линия в верхней части схемы-композиции, затем следуют резко прочерченные зубцы с обращенными вверх вершинами, также переданными "гребенчатым" приемом (рис.1, *1-2*). Внизу проходит такая же волнистая линия, как и наверху.

Здесь наиболее четко и ясно раскрывается символика мотива. Верхняя волнистая или прямая линия не что иное, как изображение неба, небесного свода, а треугольные зубцы передают горы, нижняя волнистая линия может означать либо землю, либо водную стихию. Таким образом, если волнистые линии передают небесную твердь и землю, то центральным символом выступает изображение гор. Хочется остановиться еще на одной, казалось бы, незначительной детали - это косые насечки, проставленные между "небом" и"горами"; по всей вероятности, они символизируют атмосферные осадки - дождь или снег.

Постепенное упрощение этих мотивов видно из рисунков (рис.1, *3-4*; 2). Резкие треугольные зубцы со временем превращаются в зигзаг, а волнистые линии сверху и снизу - в прямые линии, между ними часто помещаются глубокие косые насечки.

Таким образом, центральным символом в данной схеме остается изображение гор в виде треугольников. Обратимся к истокам этого символа. Прежде всего следует вспомнить, что орнаментация, о которой мы говорили выше, появляется в керамике Средней Азии с юэчжийского и кушанского времени. В более ранних комплексах встречаются отдельные элементы аналогичного декора, но здесь имеется в виду именно вся схема, состоящая из нескольких самостоятельных элементов. В кушанскую же эпоху этот тип орнаментации получает наибольшее распространение и встречается практически во всех археологических комплексах Средней Азии этого периода.

Наибольшее количество примеров в процентном отношении дает именно материал I в. до н.э. и первых вв. н.э.; это связано с приходом многочисленных кочевых племен юэчжей, составивших впоследствии ядро Кушанской державы.

Символика гор и небесного свода связана с основными культами кочевых племен, населявших обширные территории, замкнутые горами. У жителей горной страны Алтая и других горных территорий культ гор занимает особое положение. Напомним, например, культ "Обо" у монгольских племен и т.д. (*Майнагашев С.Д. 1916; Когаров Е.Г., 1927; Потапов Л.П. 1947; Мурзаев Э., 1954, с.335)*. В письменных источниках многие этнические группы или крупные племена носят название гор, близ которых они кочевали (Ухуань, Сяньби - группы племен Дунху). Наконец, название Куша, по мнению Манхен-Хельфена, означает "лунных людей", т.е. людей с "лунных гор" (*Maenchen-Helfen O., 1965, pp.71-81*).

В поисках наиболее близких аналогий к данному типу орнаментации обратимся к археологическим комплексам кочевнического характера. В керамике ноинулинских курганов можно встретить тот же мотив горизонтальных линий, заключающих между собой зигзаг (*Руденко С.И., 1962, с.59-62, рис.51, табл.XXVII*).

Важно подчеркнуть еще один момент, более относящийся, может быть, к локальной культуре и локальным географическим особенностям. Паенкурган расположен у подножия Байсунтау - возможно, и это каким-то образом повлияло на популярность мотива гор в декорировке керамических изделий.

Ясно одно - что генезис этого мотива связан с юэчжами, у которых на ранних стадиях развития были широко распространены культ небесных светил и культ гор.

Интересно также проследить характер изменения узора в зависимости от размера сосуда. Может быть, именно пропорциональное соотношение наносимого узора с размером сосуда влияло на характер орнамента, а именно, на степень упрощения и схематизации. Из приведенных примеров ясно видно, что изображение гор и других природных элементов, причем в большом масштабе, характерно для крупных сосудов типа хума, хумчи, корчаг, крупных кувшинов типа амфор и др. Между тем сосуды малых форм несут на себе орнамент более мелкий и предельно абстрагированный. Становится очевидным, что изображение гор, небесной, водной или земной сферы в мелких масштабах подвергается дальнейшему упрощению - поэтому волнистые гребенчатые линии превращаются в сплошную горизонтальную линию, осадки передаются простыми глубокими насечками, а горы - зигзагом, заключенным между линиями.

В пользу того, что характер одного и того же типа орнамента зависел от размеров керамической посуды, говорит тот факт, что практически все представленные в данном сообщении варианты орнамента встречаются в одних и тех же или близлежащих археологических слоях. Хронологические рамки бытования сосудов с процарапанным орнаментом охватывают довольно короткий промежуток, за который могли эволюционировать некоторые составные элементы орнаментальной композиции, но параллельно с этим мы наблюдаем, как меняется характер узора в зависимости от поверхности, на которую он наносится.

Мастер-гончар, который в силу характера керамического производства в большинстве случаев действовал автоматически и мало задумывался над смыслом изображаемого узора, сохраняет традиционную схему во всех случаях - от крайне упрощенной в миниатюрных вещах до развернутой по возможности подробно в крупных масштабах.

Взятый нами пример рассматривается в конкретном культурном контексте, однако его простота и наглядность могут служить примером общего развития ранних стадий абстрактного мышления.

[1] Следует добавить, что изображение гор фигурирует и на кушанских монетах (*Абдуллаев К., 1999, с. 16-21*).

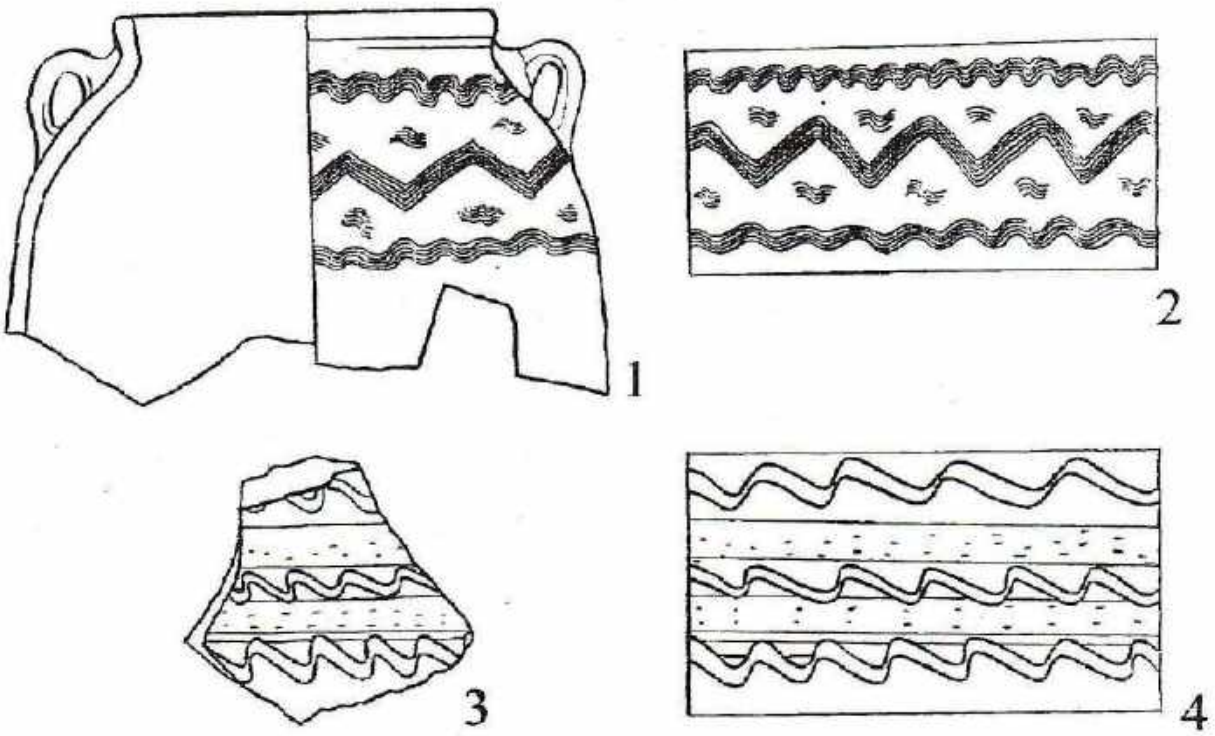

Рис. 1

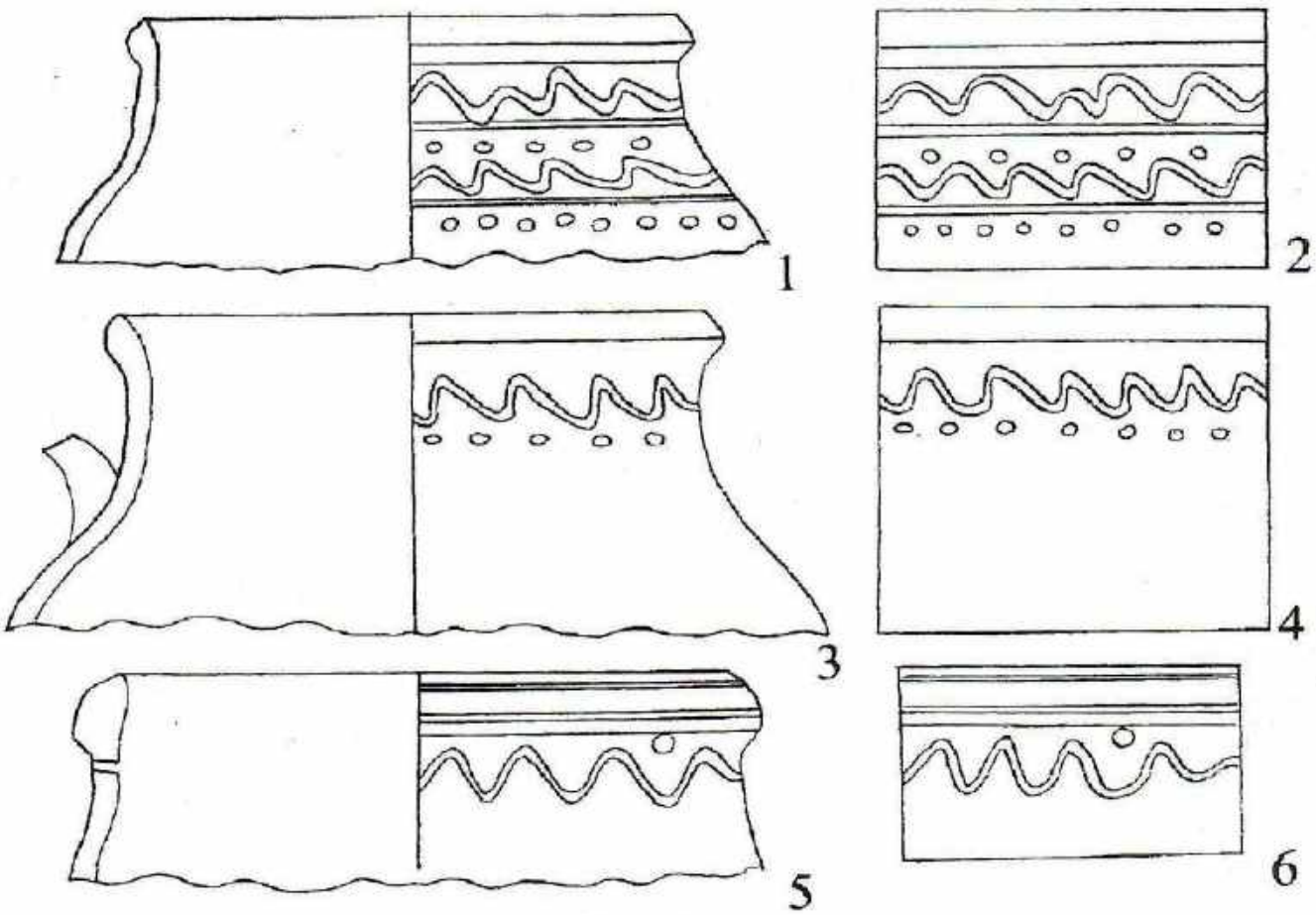

Рис.2

Н.А.АВАНЕСОВА
(Самаркандский Государственный университет им.Алишера Навои, Республика Узбекистан)

МОНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СОСУДЫ ДОУРБАНИСТИЧЕСКОЙ БАКТРИИ (по материалам исследования могильника Бустон VI)

Среди памятников доурбанистической Бактрии могильник Бустон VI занимает особое место как полиритуальный и поликультурный комплекс эпохи бронзы. Природа самого памятника, где впервые выявлены специальные сакрализованные площадки с апотропейными, умилостивительными, поминальными и другими ритуалами, в которых значительна роль культа огня, дают основания предполагать, что это был не только могильник, где хоронили усопших, но и важный религиозный центр (*Аванесова Н.А., 1995; она же, 1999*). Этот феномен необычен для древнеземледельческой ойкумены и не известен в практике пастушеских племен. Мы полагаем, что инновационные процессы в культовой практике сапаллинского общества, имевшие место на его заключительной фазе (молалинский и бустанский этапы), есть результат сложного синтеза новых внешних импульсов (андроновцы, срубники, бишкульцы) и внутреннего развития культуры как поиск новых модификаций обряда с приходом степного населения.

Одним из важнейших индикаторов происходивших процессов является представительная серия необожженных лепных сосудов, полученная в ходе раскопок 1990-2000 гг. Все они обнаружены в закрытых комплексах вместе с бытовой столовой станковой посудой сапаллинской культуры. Они занимают особое место в погребальном реквизите символических, фракционных могил, а также в поминальных объектах.

Рассмотрим лепные сосуды в структуре указанных комплексов.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ МОГИЛЫ относятся к разряду культовых погребений в культурно-историческом смысле этого понятия. По конструкции камер и традиционному сапаллинскому инвентарю они не отличаются от других, только в них отсутствуют следы усопшего. Вместо последнего - захоронения животных, астрагалов, наконечников стрел, вотивных предметов и других символов, где постоянными элементами обряда являются знаковые функции. Указанные погребения занимают определенное место на территории могильника - тяготеют к сакрально-церемониальным участкам.

Среди них выделяется группа могил (36 захоронений), отличающихся от остальных присутствием в них комплекта глиняных поделок - скульптура (кроме антропоморфных фигурок встречаются зооморфные), алтарь с угольками, посуда (сосуд и ковш-черпак), конусовидные "фишки-жетоны". Их монофункциональность определяет то обстоятельство, что названные предметы употреблялись лишь единожды при совершении какого-то обряда, после чего их клали в могилу. Весь предметный набор располагался в точно локализованном пространстве могилы. Важной составной частью обряда было размещение в камере регламентированных частей жертвенных животных - задняя ножка овечьей туши или грудинка с лопаткой ягненка (от 4 месяцев до 1 года) (рис.1). Набор глиняных поделок уникален не только для памятников эпохи бронзы Средней Азии, но и для всего круга культур Древнего Востока и Евразийских степей, это показатель принадлежности монокультуры[1].

Монофункциональные сосуды в символических погребениях, ставшие предметом нашего исследования, представляют собой микрососуды, достигающие порой в диаметре венчика - 3 см при высоте 1,5 см. Все сосуды наряду с индивидуальными особенностями форм имеют общие черты. В качестве сырья для изготовления не только сосудов, но и всего реквизита использовали илистую глинистую плотную массу с незначительной примесью органики. Своеобразие формам придает ручной способ их изготовления. По технологии выделяются сосуды монолитные (изготовлены из комка глины путем выдавливания пальцами) и вылепленные способом спирального налепа жгутов глины. Обращает на себя внимание устойчивый принцип лепки круглодонных сосудов. Многие изделия имеют асимметричную форму. Найдено более 30 сосудов, из которых 24 - целые.

Типологический анализ керамики выполнен на основе морфологических особенностей форм дна и корпуса сосудов[2]. Выделены четыре группы сосудов, имеющих разнообразные варианты форм и пропорций: чашевидные (А), котловидные (Б), горшковидные (В) и баночные (Г).

В группу А вошли низкие приземистые сосуды, у которых высота в два и более раз меньше диаметра венчика. Среди них выделяются полусферические чаши с округлым или приостренным дном с прямосрезанным венчиком; Н от 1 до 3 см; Д 4,5-7 см (рис.2, *I*).

К группе Б относятся округло-уплощенные котловидные сосуды с широким устьем и выпуклыми в нижней части стенками. Венчик в основном плоско срезан, но встречаются и приостренные; Н от 2,5 до 4 см; Д 4,5-8,5 см (рис.2, *II-2*). Близки к ним круглодонные котелки биконической формы с резким перегибом тулова и приостренным венчиком; Н 3-4,5 см; Д 4,5-6,5 см; $Д_1$: 5,5-6 см (рис.2, *II-1*).

Сосуды группы В определены как сфероконические горшки с вогнутыми стенками в верхней половине сосуда (рис.2, *III-2*). Близкий к ним вариант - биконический, с мягким перегибом тулова (рис.2, *III-2*). Венчики приостренные или уплощенные; Н 3,5-6 см; Д 3,5-4,4 см; $Д_1$ 4,5-5 см.

[1] Учитывая крайне неблагоприятные почвенные условия для сохранения необожженных предметов, можно предполагать, что они имелись и в ряде других памятников доурбанистической Бактрии. Вполне определенные следы наличия подобных глиняных поделок прослеживаются пока только в Шортугае - Южная Бактрия (*Francfort H.-P., 1989, pl.83, XLII - I*).

[2] Приняты следующие условные обозначения частей сосудов для методического описания: Н - высота сосуда, Д - диаметр края венчика, $Д_1$ - диаметр наибольшего расширения тулова, $Д_2$ - диаметр дна.

Группу Г представляют "высокие" подцилиндроконические круглодонные банки. Венчик - приостренное продолжение вертикальной стенки; Н 5-6 см; Д 4-4,4 см (рис.2, *IV-2*). Особое место в этой группе занимают банки со слегка раздутыми, плавно сужающимися к устью стенками и с едва намеченным горлом. Край венчика округлый, отогнут наружу. Наибольший диаметр - в нижней части тулова; Н 6-6,5 см; Д 4-6,5 см; $Д_1$ 6,5-7 см (рис.2, *IV-1*).

Необходимо отметить, что миниатюрные сосуды не являются копиями больших - бытовых станковых или подражанием им. Это существенно для понимания генезиса и поиска культурноэтнической привязки всего набора глиняных поделок, специально изготовленных для погребального реквизита. Для нас важен уже сам факт включения глиняных поделок в погребальный обряд, позволяющий рассматривать их как атрибут обряда, т.е. предметы (ритуальный инвентарь), связанные с исполнением культовых действий. Для людей, изготовлявших эти реквизиты, они имели священно-мифологическую ценность. В них можно видеть способ передачи закодированной системы информации предкам. Семантика многих символов-образов глиняных поделок, как нам кажется, поддается надежной интерпретации на основе близкой к культовым символам, фигурирующим в ведических и послеведических источниках, но их анализ не входит в нашу задачу[3]. Можем лишь ограничиться предположением, что сосуд служил вместилищем ритуальной "пищи" или "напитка". Присутствие ковша, черпака, ложки (они так же, как сосуды, демонстрируют значительное разнообразие вариантов ручек и резервуаров) рядом с сосудами или внутри последних не оставляет сомнений в том, что ложка-ковш предназначалась для черпания и питья сакральных напитков (сок сомы, напиток из ячменя - сура). В четырех случаях внутри сосудов находились гальки - "давильный" камень.

Таким образом, на данном этапе их изучения, мы можем говорить, что сосуды служили посудой для обрядового "угощения" предков или богов. Ритуально-сакральная область применения сосудов имеет обширную литературу (см. *Антонова Е.В., 1986*).

Рассматриваемая керамическая серия по степени формальной близости, с одной стороны, имеет черты глубокого архаизма (кельтиминарская традиция), с другой близка к сакской лепной керамике (*Виноградов А.В., 1968, рис.7,8,29,33; он же, 1981, рис.32; Литвинский Б.А., 1972, табл.2; Вишневская О.А., 1973, табл.*XXIII, *12-16*). Совершенно очевидно по техническим признакам и формам, что редуцированные сосуды не имеют местных корней в древнеземледельческих культурах. Вместе с тем близкая по форме лепная керамика известна в могильнике Кокча 3 (*Итина М.А., 1961, с.43, рис.*14, *3,12*).

В изучаемом явлении отчетливо наблюдается северная направленность инноваций. Внедрением в урбанистическую среду пастушеских обществ можно объяснить нововведения в идеологии. Известно, что именно в последней сохраняется, накапливается и откладывается значительное количество пережиточных черт пройденных культурно-исторических этапов, которые получают мифологическое оформление и поэтому сохраняются достаточно долго в сознании.

Представление о символических погребениях дополняется материалами могил, где лепная необожженная керамика представлена сосудами **цилиндрической и подцилиндрической** формы с конической съемной крышкой, с микрососудами внутри. Подобный инвентарь известен в погребальном реквизите Джаркутана как "остодоны", "микрооссуарии" или "курильницы" при этом отмечается, что последние обнаружены по одному экземпляру в погребениях вместе с расчлененными костями (*Аскаров А.А., Ширинов Т.Ш., 1993, с.126, рис.51; рис.84, 6-9*). Отличительной чертой бустанской керамики является то, что они помещались в могилы в качестве заупокойных приношений по несколько экземпляров (от 2 до 4) и, что исключительно интересно, вместе с "захоронением" каменных наконечников стрел. Наконечники, в одном случае два экземпляра, в другом - один, обнаружены в небольших углублениях с охровой подстилкой, закрытых гипсовой обмазкой (*рис.3, 1-6*). Присутствие их наряду с бытовыми сосудами и необожженными определялось, видимо, требованиями погребальных обрядов.

Обратимся к описанию керамики.

Найдено восемь сосудов, из которых пять целых. Они изготовлены из плотно замешанной глины без видимых примесей, красноватого, иногда темно-коричневого обжига. Формовка их производилась вручную из целого куска глины. Некоторые изделия имеют асимметричную форму и плоское неровное дно. На многих видны следы формовки пальцами. Типологически емкости сосудов разделяются на две группы: цилиндрические, баночной формы (1) и усеченноконические горшковидные (2).

Тип 1 - баночной формы различных пропорций. Стенки прямые, почти отвесные ($Д=Д_2$; Н 7 см), или слегка вогнутые (Д 13,5; $Д_2$ 11,5; Н 8,5 см). Толщина стенок в среднем 1,5-2 см; бортики прямые и с закругленным краем, днища плоские (рис.3, *2,3*).

Тип 2 - горшковидные, усеченноконической формы. Имеют слабовыпуклые стенки, узкое дно в виде плоского сплошного поддона, иногда с небольшой выемкой в основании (рис.4). Бортики скругленные, края прямые; Н 4-5 см; Д 7-8; $Д_2$ 4-6 см. Толщина стенок 1-2 см.

В стенках четыре отверстия, по два с противоположных сторон. Почти все емкости несут следы действия огня. На них темные пятна сажи. Как уже отмечалось, внутри них имелись миниатюрные, грубые плоскодонные красноангобированные или покрытые охрой сосуды. На некоторых - процарапанный орнамент в виде треугольников (рис.3, *2*).

[3] Подробный семантический анализ монофункциональных сосудов из-за ограниченности объема статьи невозможен. Этот обширный материал заслуживает отдельного исследования. Однако, к некоторым вопросам в порядке общих положений, свойственных ведическим ариям, мы будем обращаться, т.к. наши материалы созвучны с ведическими источниками (наличие специализированных обрядовых предметов).

Количество микрососудов варьирует от 4 до 5. Их формовка и тесто аналогичны вышеописанным типам керамики. Среди них выделяются банки различных пропорций: вытянутые со слабоотогнутым краем (Н 3 см; Д 2,5 см; $Д_2$ 2 см) и низкие типа мисочек (Н 1-2 см; Д 2-2,5 см; $Д_2$ 1-1,5 см). Кроме того в коллекции представлены кувшинчики. Они имеют грушевидное тулово, относительно узкую горловину, слабоотгнутый венчик. Некоторые кувшинчики асимметричны (Н 3-3,5 см; Д 1-2 см, $Д_1$ 1,5-3 см, $Д_2$ 1-1,5см). Формы миниатюрных сосудиков не отражают типы керамики, применявшиеся сапаллинским обществом. Крышки цилиндрических и усеченноконических сосудов представлены одним устойчивым типом - конической куполообразной формы с отверстием в центре (Н 5-9 см; Д основания 7-14 см, толщина стенок 1-2 см).

Рассматриваемая керамическая серия является одной из наиболее ярких особенностей бустанского этапа сапаллинской культуры. Она не имеет генетических следов в более ранних древнеземледельческих памятниках, что подчеркивает ее самобытность и имеет определяющее значение для бустанского этапа сапаллинской культуры.

Как вариант реминисценции цилиндроконических сосудов могут быть названы сарматские курильницы из могильника Туз-Кыр (*Лоховщ В.А., Хазанов А.М., 1979, с.128, табл.VII*), оссуарий из Муллакургана (*Павчинская Л.В., 1987, с.21*) и погребальные урны буддийских монахов Восточного Туркестана (*Литвинский Б.А., 1995, с.305-310, табл. 42*).

Мы полагаем, что цилиндрические с конической крышкой сосуды служили для отправления религиозных церемоний. Культовое назначение этих сосудов подтверждается обстоятельствами находок.

Морфологические особенности исследуемых сосудов обнаруживают близкие аналогии в кельтиминарских жилищах, позднеандроновских и срубных полуземлянках со светодымовым отверстием в центре конической кровли, которые по форме близки юрте кочевников (Чанлинка, Атасу, Шортандыбулак, Ляпичев хутор и др.) (*Массон В.М., 1966, с.136, рис.29; Оразбаев А.М., 1970, с.144, рис.9; Маргулан А.Х., 1979, с.175, рис.128; с.305, рис.220; Грязнов М.П., 1953, с.145, рис.63*). Во всех традиционных культурах жилище-дом - это миниатюрная модель Вселенной, где крыша соотносилась с небесной сферой, а основное внутреннее пространство с землей. Показательно, что в Атхарваведе (*1976, с.383*) хижина персонифицируется как женское начало, дающее рождение и приют всему живому. Здесь к месту будет отметить, что Вселенная в Ригведе сравнивается с двумя чашами (РВI 160, I; I, 185, 2). Семантику этих сосудов мы связываем с сакрализованными действиями, направленными на сотворение Социокосмоса, где в акте творения сливались воедино рождение и смерть, начало и конец, верх-низ (*Аванесова Н.А., 1999, с.31-33*).

Определенную сакральную идею заключала в себе еще одна близкая группа цилиндроконических сосудов, обнаруженных в поминах. ПОМИНАЛЬНЫЙ комплекс включает ряд из трех кирпичных стел, расположенных по линии З-В, у их основания находятся скопление керамики (от пяти до девяти экземпляров станковой посуды и один цилиндроконический декорированный лепной сосуд), остатки тризны (жертвоприношение животных), грунтовый алтарь и кострища. Вокруг последних - рассредоточенные фрагменты битой посуды (обычай ритуальной тризны с битьем посуды). В литературе такие объекты, т.е. стела с приношениями от тризны, значатся как помины (*Грязнов М.П., 1979, с.134-140*). О поминальном характере этих скоплений говорят прежде всего отсутствие следов погребальных камер, а также особо выделенное для них место на могильнике с обозначением памятных знаков. Особый интерес в русле нашей темы представляет весьма выразительная лепная орнаментированная цилиндроконическая керамика. Она не принадлежит к числу частых находок - известно только пять экземпляров. Сосуды сравнительно крупных размеров (высота более 25 см) лепились ленточной техникой из хорошо промешанного теста с примесями песка и мелкой дресвы. Формовка плоского дна велась на твердой подставке с подсыпкой песка. Следы применения подставок прослеживаются на днищах. Типологически посуда представлена одной категорией - баночной цилиндрической с прямыми отвесными стенками корпуса и съемной конической крышкой с отверстием в центре. Сосуд украшен горизонтальными рядами концентрических желобков. Судя по глубине и четкости орнамента, его наносили костяным или металлическим инструментом. За счет горизонтальных каннелюр поверхность как бы оформлена спиралью. Крышка изготовлена с большой тщательностью, возможно, с подправкой на гончарном круге. Стенки тонкие, поверхность ее также каннелирована; Н 11-14 см; $Д_2$ от 15-18 см, толщина стенок 0,8-1,5 см (рис.5). Крышки в сечении конические, в двух случаях - сводчатые; Н 8-13 см, Д основания 15-17 см; толщина стенок 0,6-0,8 см. Обязательным содержанием сосуда являлось наличие охры, гипсовых бус, вотивных бронзовых зеркал с ручкой. В дополнение к последним, в трех сосудах находились необожженные пряслица и бронзовые рифленные полоски. Ритуальное назначение этих сосудов подчеркивается охрой - веществом, несомненно, культового назначения.

Инвентарь поминальников, в том числе украшения и бронзовые предметы, аналогичны тем, что встречаются в погребениях. Содержимое монофункциональных сосудов следует считать жертвенным даром для представителей потустороннего мира. Интересно отметить, что в могильнике Кокча-3 в двух случаях в сосудах были также обнаружены вещи (*Итина М.А., 1961, с.54*). Параллель описанным сосудам мы находим в Тулхарском могильнике (*Мандельштам А.М., 1968, табл.*XVI, *4*). Вместе с тем ее облик во многом близок, хотя не идентичен, андроновской керамике. Это касается желобчатого орнамента, который со сплошным покрытием всей поверхности сосуда, включая дно, представлен в памятниках Урало-Казахстанских степей (*Зданович Г.Б., 1988, табл.4-10*).

Описанная посуда имела четко дифференцированное место в обряде бустанцев, вне поминальника она не встречается. В семантическом плане форма сосуда совмещена с его декоративным оформлением (спираль концентрических витков). Не останавливаясь на семантике декорированных цилиндроконических сосудов, следует отметить, что назначение их было в высшей степени специализированным и знаковым, отражающим язык пространственной символики.

Рассмотрим еще одну редкую, но чрезвычайно ценную группу монофункциональной керамики, известную по фракционным захоронениям (в могилах представлены либо торс с нижними конечностями, либо отдельно голова, либо правая или левая кисть). Трудно сказать, с чем были связаны столь необычные акты захоронений, однако, мы едва ли ошибемся в утверждении, что обряд этот экстраординарный и в рамках представленного материала интерпретирован быть не может. Керамика из фракционных захоронений по форме делится на плоскодонную (горшки) и круглодонную (кувшинчики). В могилах найдено равное количество и той, и другой - по три сосуда при каждом погребении (рис.6). По своим технологическим особенностям они отличаются друг от друга - круглодонные сосуды сделаны из каолина, плоскодонные - из относительно тщательно обработанной глины с органической примесью. При учете вышеупомянутых различий все миниатюрные сосуды имеют общую черту - покрыты густой, яркой, красной охрой, что указывает на причастность к ритуальной практике.

Переходим к характеристике керамики.

Г о р ш к и: миниатюрные сосудики с округлыми плечиками, имеющими раздутость в верхней части со слегка вогнутым внутрь краем, плоским маленьким дном, с уступчиком. На линии плечика сосуда нанесен тонко исполненный ряд треугольников вершинами вниз. Сосуд тонкостенный, тщательного изготовления; Н 4-4,5 см, Д 3,8-4 см, $Д_1$ 4,5-5,2 см; $Д_2$ 1,8-2,2 см (рис.7, *1*).

Имеются основания считать, что рассматриваемые сосуды, вероятно, изготовлены андроновскими мастерами. В них просматриваются морфологические характеристики (форма сосуда, орнамент) андроновской керамической традиции. Решающим подтверждением сказанному являются обстоятельства их нахождения в могиле - опрокинутыми вверх дном на угольной "подстилке". Подобная практика хорошо известна в Алакульском могильнике, в Субботино, Жеман-Узен II (*Сальников К.В., 1952, с.52-62; Потемкина Т.М., 1985, с.239; Аванесова Н.А., 1975, с.110, рис.1*).

Видимо, ритуал, в котором находили применение эти сосуды, отражает наличие бинарной оппозиции (переход в иной мир) в воззрениях бустанского общества. Назначение сосудов в значительной мере выясняется сопоставлением с этнографическим материалом (*Толстой Н.И., 1990, с.119,121-127; Пространство и время ..., 1988, с.136-146*).

К у в ш и н ч и к и - миниатюрные сосуды со сферическим туловом, округлым дном, с хорошо выраженным подцилиндрическим или горлом раструбом с закругленным венчиком; Н 5,5-7 см, Д 3-3,5 см, Н горла 1,8-2 см; $Д_1$: 5 см (рис.7, *2*). Техника лепки кувшинчиков не определена, так как из опасений разрушения земля из них не вынималась. Изготовлены они из высококачественной местной белой глины - каолина, близкой по химическому составу изделиям из поселения Сапаллитепа[4]. Такое заключение заставляет искать генезис каолиновых сосудов в древнеземледельческой среде, но, к сожалению, близкой керамики там нет. Вместе с тем, в каолиновых вотивных сосудах прослеживаются черты, свойственные керамике поздней бронзы Центральной Азии и культуре сакской общности (*Итина М.А., 1972, с.352, табл.2; Литвинский Б.А., 1972, с.34, табл.6; Маргулан А.Х., 1979, с.116, рис.84; Заднепровский Ю.А., 1992, с.378, табл.28*). Таким образом, и в этом случае лепные монофункциональные сосуды имеют отчетливо выраженный характер керамики степного пояса Евразии.

Особые ритуальные функции рассматриваемой категории керамики определяет наличие охры. Число таких комплексов (где встречаются по три миниатюрных сосуда), как и фракционных захоронений, очень ограничено, однако, они представляют интерес, так как в синхронных памятниках неизвестны. Возможно, они являются выражением обряда Трикадрука - праздника трех сосудов, известного в обрядности ведических ариев (*Ригведа, 1989, 1, 3l; там же, примечание, с.561*).

Таким образом, материалы археологического исследования могильника Бустон VI дают сложную картину ритуалов сапаллинского общества, отражающих комплекс социальных и духовных ценностей. В ритуальных действиях наблюдается вариативность широкого диапазона. Не имея полных аналогов в предшествующее время, монофункциональная посуда (как и другие глиняные поделки) как бы внезапно появляется во второй половине II тыс. до н.э. и также внезапно и почти бесследно исчезает. Объяснить этот феномен пока не представляется возможным. Но совершенно очевидно, что лепная необожженная керамика являлась частью обряда и представляет один из видов его предметно-практического выражения. Известно, что подобная керамика играла определенную роль в древнеиндийских магических обрядах (*Мандельштам А.М., 1968, с.108*). Эти данные помогают нам приоткрыть завесу над обширным кругом культовых воззрений населения доурбанистической Бактрии.

Обращает на себя внимание, что вся анализируемая керамика необычна для древнеземледельческих оазисов, в ней проявляются черты, свойственные посуде степных племен. Появление монофункциональной керамики в сапаллинской культуре следует рассматривать как признак проникновения и ассимиляции степного населения. В настоящее время удельный вес андроновских элементов в могильнике Бустон представляется наиболее значительным (кремация, керамика, украшения, оружие, орудие и др.). Археологические данные подтверждаются антропологическим материалом.

Итак, изучение лепной необожженной керамики позволяет сделать заключение, что, во-первых, она представляет собой сосуды определенного назначения; и, наконец, в основе появления монофункциональной керамики лежит изменение в идеологии сапаллинского общества под влиянием пастушеского населения. Культовая деятельность изучаемого общества отражена в керамике опосредованно. Эта проблема в целом ждет своего специального исследования и разрешения.

[4] Анализ выполнен в Институте археологии АН РУз С.Джалаловой под руководством проф. А.А.Абдуразакова, за что выражаю искреннюю признательность.

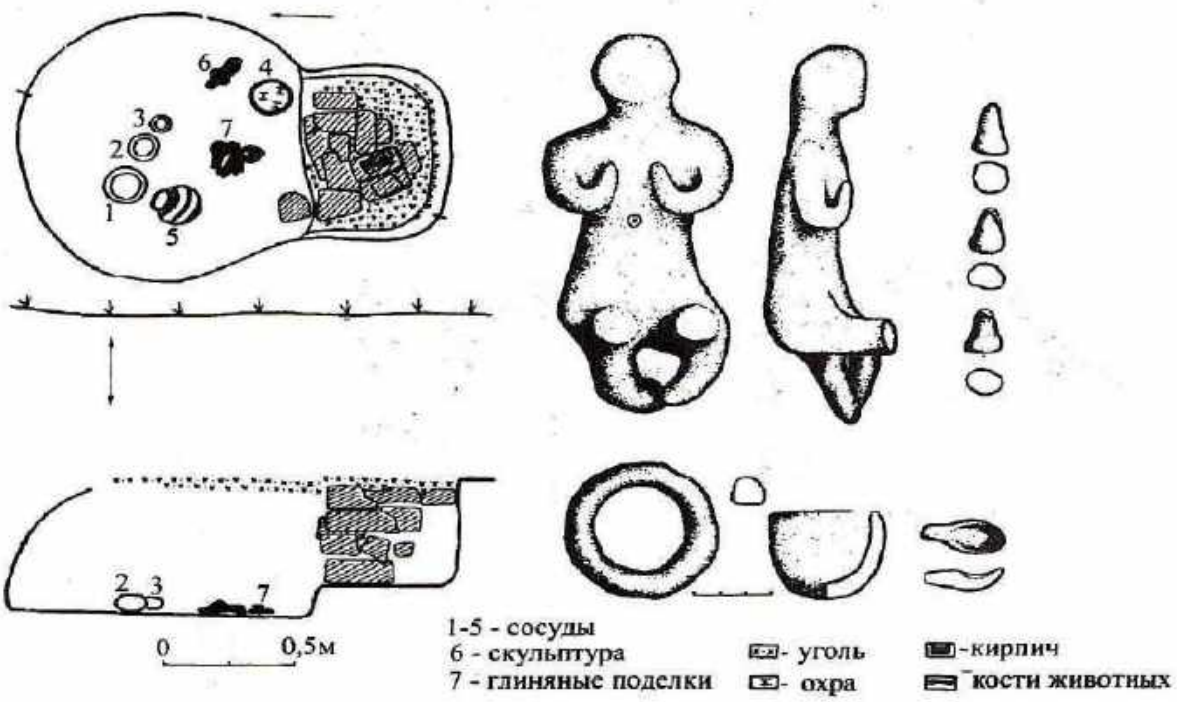

Рис. 1. БустонVI.
Символическое погребение № 82 с глиняными поделками.

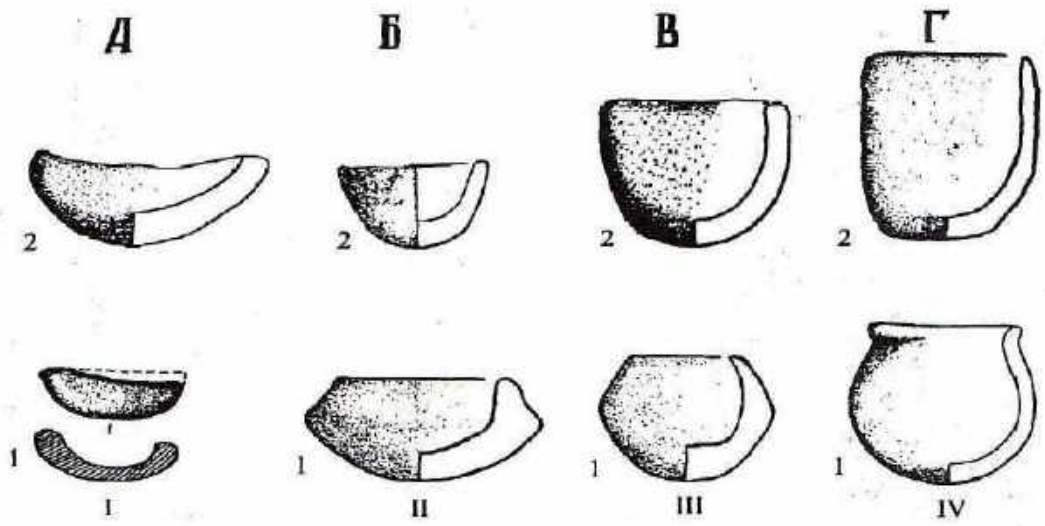

Рис. 2. Формы монофункциональной керамики символических погребений.

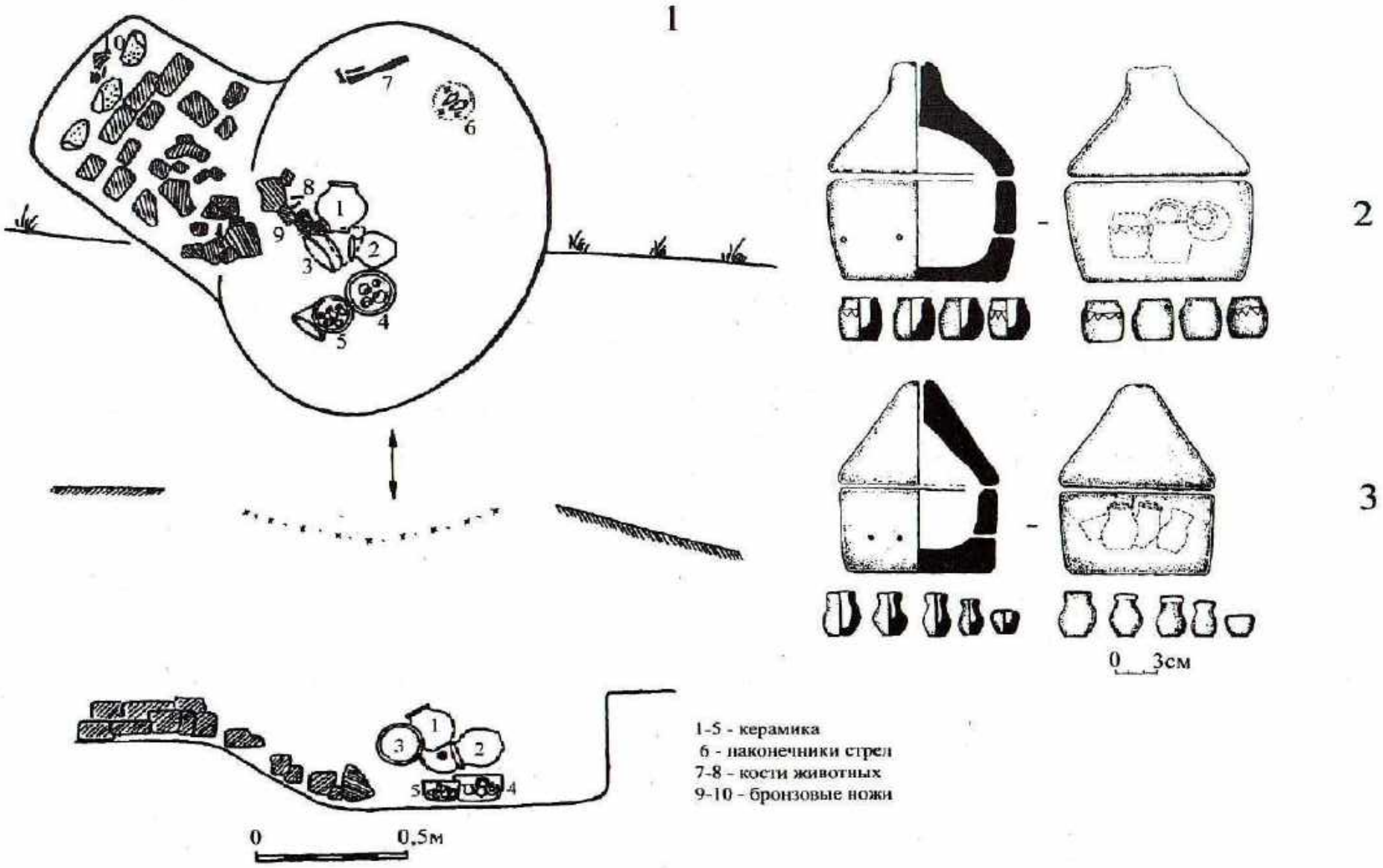

Рис. 3. Бустон VI
Символическое погребение № 147 с "захоронением" наконечников стрел. *2,3*- цилиндрические сосуды.

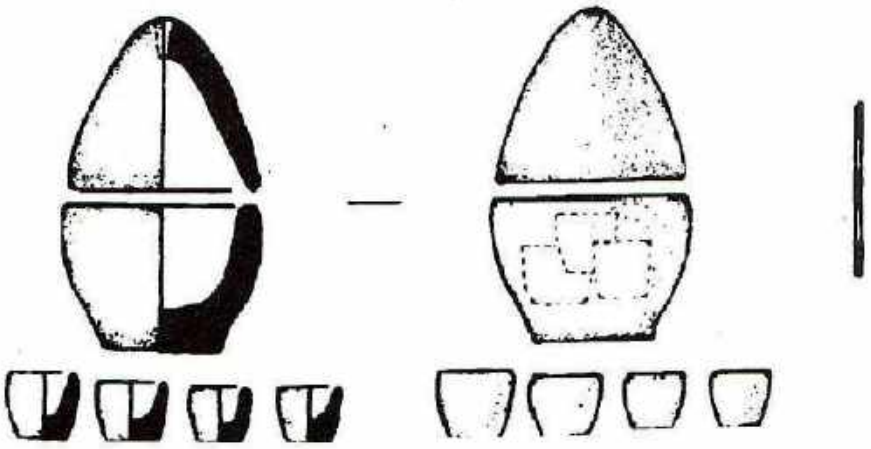

Рис. 4. Усеченно-конический сосуд из могилы №175.

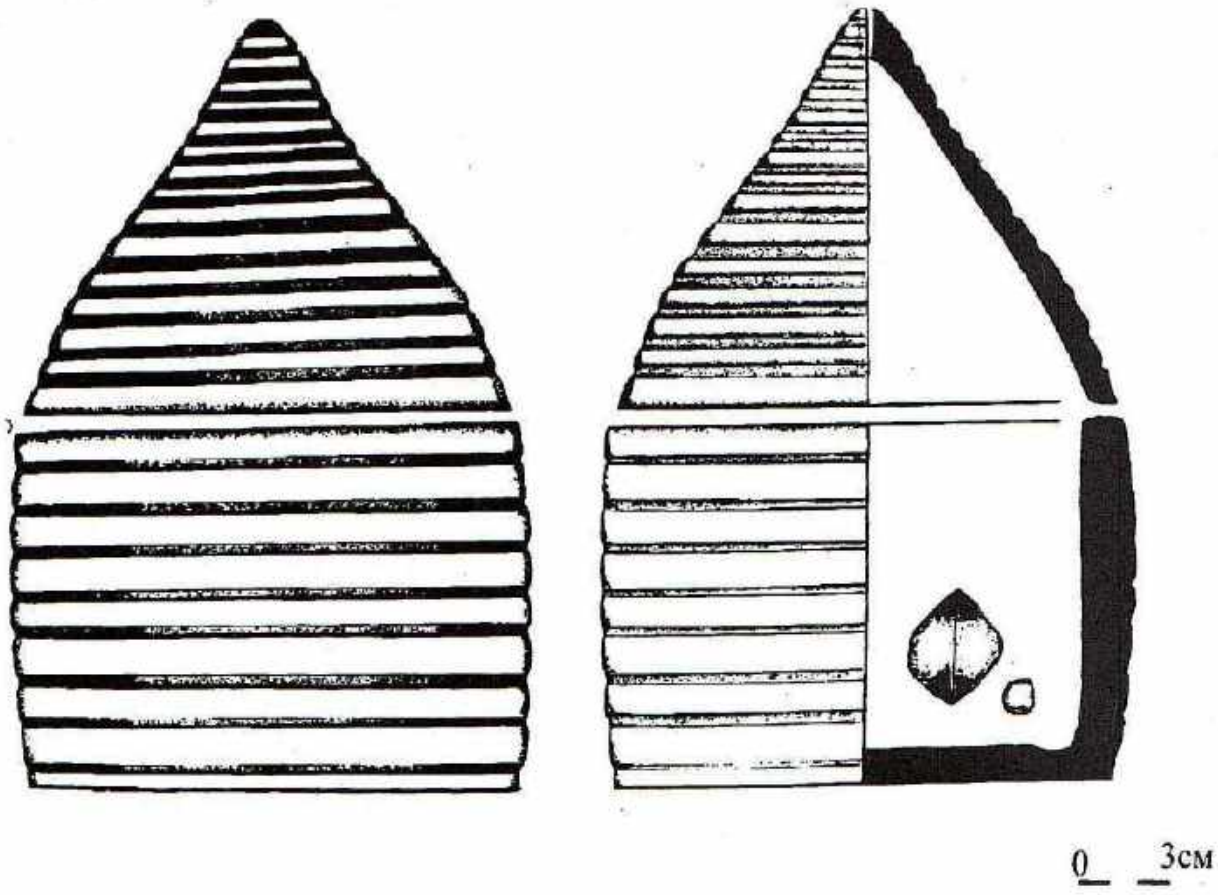

Рис.5 . Бустон VI. Цилиндроконический сосуд . Помин №178.

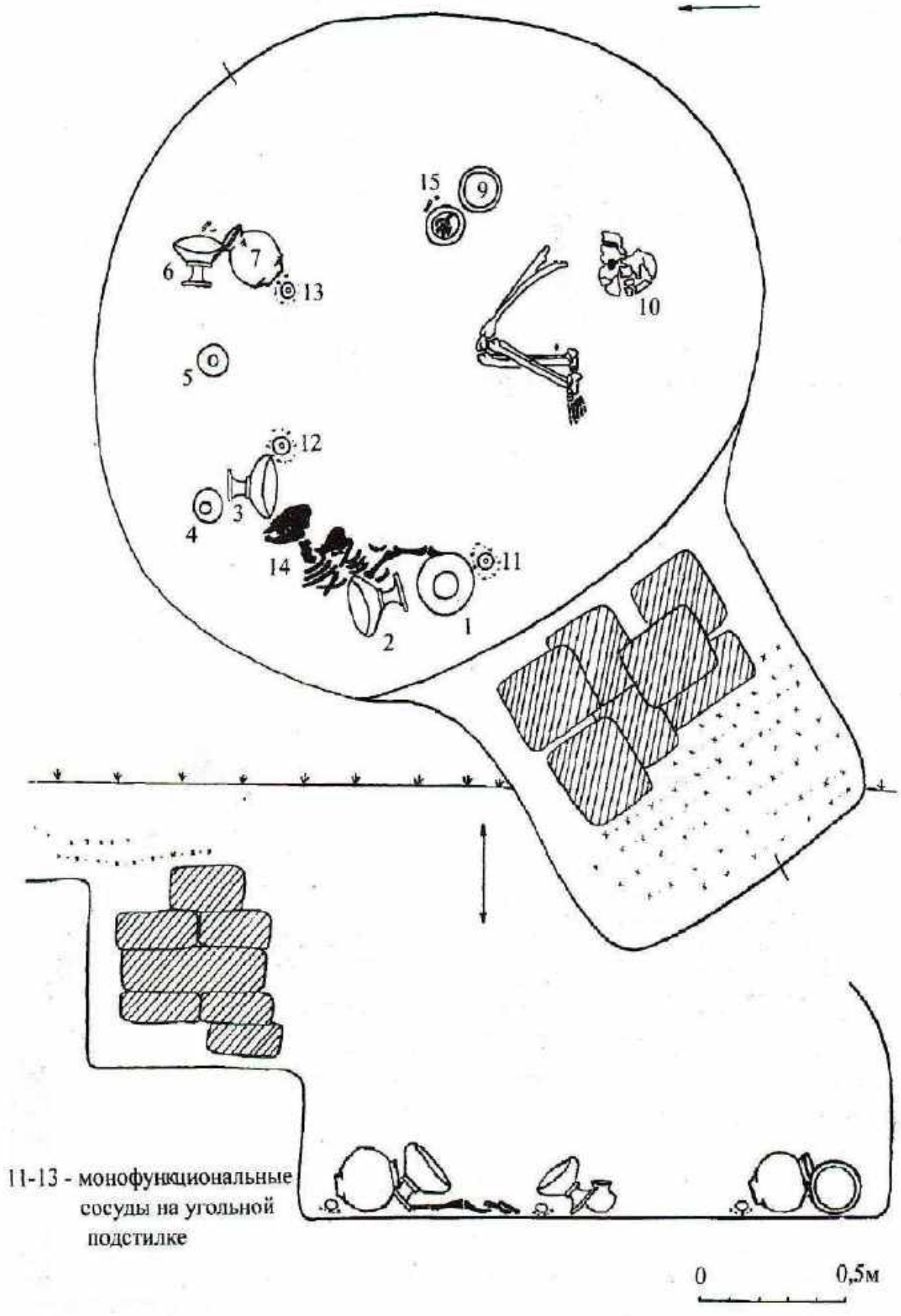

Рис. 6. Бустон VI. Фракционное захоронение . Могила №120.
11-13 - монофункциональные сосуды на угольной подстилке.

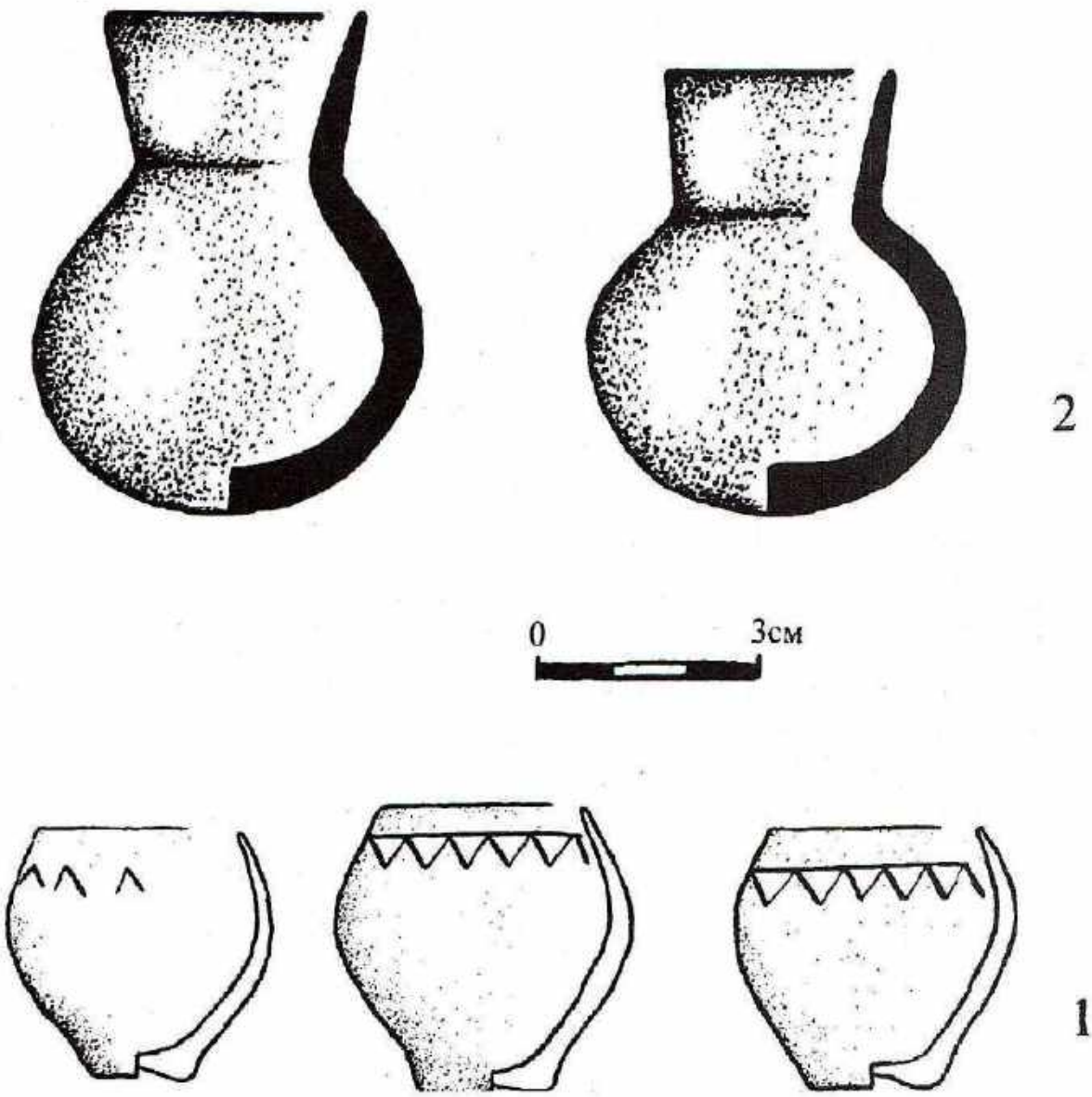

Рис. 7. Бустон VI . Монофункциональная керамика: *1*- горшки из могилы №120; *2* - кувшинчики из могилы № 193.

Т.Г.АЛПАТКИНА
(Государственный музей Востока,
г.Москва, Российская Федерация)

ОССУАРИИ ИЗ ОБЪЕКТА 19 НЕКРОПОЛЯ ПАЙКЕНДА[1]

В 1999 г. Галина Васильевна Шишкина передала в архив Государственного музея Востока свой личный архив, созданный за полвека ее работ на известнейших археологических памятниках Средней Азии, в архивах и библиотеках страны.

В 1950-1970-х гг. Г.В.Шишкиной были собраны большая библиография и сравнительный материал по среднеазиатским оссуариям, выполнены прорисовки оссуариев, хранящихся в музеях Самарканда и Ташкента (*Архив ГМВ, Ф.I, Опись 5, ед.хр. ГВ 73-76*). Эти материалы представляют несомненный интерес для специалистов по истории культов и обрядов народов Средней Азии. Так, в частности, хотя до настоящего времени полностью не опубликованы результаты раскопок 1954 и 1956 гг. уникального оссуарного некрополя Пайкенда - одного из интереснейших памятников Бухарского Согда, ссылки на них уже появились в ряде публикаций (*см., например: Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л., 1988, с.6; Павчинская Л.В., 1990, с. 4, 5, 10, 15; Pavchinskaia L.V., 1994, p.219, 225; Мейтарчиян М.Б., 1999, с.58).*

Раскопки проводились небольшим отрядом Института истории и археологии АН Узбекистана: в 1954 г. на некрополе работали Г.В.Шишкина и С.Н.Юренев, в 1956 г. - Г.В.Шишкина, Д.Г.Зильпер и Х.Дуке. Мы располагаем рисунками фрагментов оссуариев и керамики из этих раскопок (*Архив ГМВ, ед.хр. ГВ 75, САЭ 17*), а также графическими и фотоматериалами (*Архив ГМВ, ед.хр. ГВ 73, 76*); кроме того, в архиве есть копия отчета о раскопках 1954 г. и сводный полевой дневник, составленный Г.В.Шишкиной из дневниковых записей всех археологов, работавших на некрополе Пайкенда в 1954 и 1956 гг. (*Архив ГМВ, ед.хр. ГВ 76*).

Цель настоящей публикации - ввести в научный оборот находки из раскопок 1954 г. на объекте 19, проведенных под наблюдением С.Н.Юренева (*Архив ГМВ, ед.хр. ГВ 76*). Выбор именно этого объекта для публикации обусловлен тем, что в нашем распоряжении имеются наиболее полный дневник его раскопок, чертеж разреза объекта и рисунки всех находок фрагментов оссуариев, а также описания некоторых из них[2].

Некрополь Пайкенда расположен в 2-3 км к северо-востоку от городища. Это ряд так называемых объектов - монолитных квадратных в плане сооружений-башенок, подъем на которые осуществлялся по пандусу (рис.2, *1*). Их назначение не совсем ясно. На основании анализа объектов 13 и 14 можно предположить, что эти постройки служили семейными дахмами (*Распопова В.И., Шишкина Г.В., 1999, с.76-77*). М.Б.Мейтарчиян считает, что они могли совмещать в себе функции науса и дахмы (*Мейтарчиян М.Б., 1999, с.58*).

Всего было исследовано 28 объектов, получивших соответственно номера с 1 по 28-й (рис.1). Раскопаны объекты № 4, 8-10, 13, 14-24 (*Архив ГМВ, ед.хр. ГВ 74, 76*). За исключением объекта № 13, который представляет собой трехкомнатное сооружение, следов помещений на других объектах не обнаружено - сплошная кирпичная кладка начинается сразу же под поверхностным рыхлым слоем. У основания монолитных кладок были найдены фрагменты оссуариев и человеческие кости.

Раскопки объектов № 4, 8-10 и 16-24 дали самое значительное количество находок, в том числе объект № 8 - более 100 фрагментов оссуариев, № 16 - около 80, № 17 - 50, № 18 - более 100, № 21 - более 350, № 22 - более 150 и несколько сотен фрагментов оссуариев - объект № 24.

Лучше других сохранились объекты № 14 и 19.

Площадь объекта 19 составляет примерно 6,70 х 5,90 м (рис.2, *1*). На материковом слое с гипсовыми включениями лежат семь рядов кладки кирпича размером 41-42-44 х 26-28,5 х 9-12 см. Высота кладки 1,15 м. Кладка небрежная; раствор и кирпич разной массы. Раствор заливался только на постели кирпича; толщина раствора между рядами кладки 6-8 см.

Материк вокруг кладки заглублен относительно ее основания. В этом заглублении, образовавшемся, скорее всего, в результате выдувов, были найдены фрагменты оссуариев, несколько мелких костей, фаланга пальца.

В слое разрушения объекта кроме обломков кирпича и кусков раствора также были найдены фрагменты оссуариев и человеческие кости. Кости очень плохой сохранности, в мелких фрагментах, некоторые рассыпались при прикосновении. Находки бытовой керамики из раскопок объекта 19, согласно описанию в дневнике, представлены мелкими фрагментами сосудов с волнистым процарапанным орнаментом, тремя венчиками с отверстиями и донцами кувшинов с закраиной.Обследование объекта до раскопок показало, что в рыхлом слое на его вершине находок нет. По периферии сооружения, за его пределами, подъемный материал был найден в радиусе более 10 м. Кроме фрагментов бытовой керамики и обломков жженого кирпича были и фрагменты не менее 20 оссуариев (по подсчетам С.Н.Юренева).

Остановимся подробнее на находках из слоя разрушения объекта 19, описаниями которых мы располагаем[3].

[1] Автор выражает огромную благодарность Г.В.Шишкиной за разрешение опубликовать материалы ее личного архива и за помощь при написании статьи.

[2] Чертеж разреза объекта 19 сделан С.Н.Юреневым; отдельные рисунки и описания фрагментов оссуариев на карточках - Г.В.Шишкиной; рисунки затем сведены в большие таблицы. Чертежи и прорисовки к статье выполнены Д.А.ЖУЛИНОЙ (рис.1-3, 4,*1*) и В.В.КУХТИНОЙ (рис.4,*2-3*, 5-7).

[3] Для публикации описания подготовлены с учетом текста карточек Г.В.Шишкиной в следующей последовательности: материал, размеры (толщина стенки), техника, типы изображений, иконография.

Фрагмент стенки оссуария (рис.3, *2*).

Примесь большого количества самана. Обжиг слабый. Налепное изображение выполнено от руки. Лепка грубая. Женская фигурка стояла под аркой. Ее руки подняты к голове; нос отбит. На плечи спускаются косы или ленты.

Фрагмент оссуария с налепом (рис.3, *1*).

Светлая глина. Толщина стенки 1,4 см. Аккуратная лепка.

Налеп - штампованная женская головка.

Полное овальное лицо с узким длинным разрезом глаз и небольшими полными губами. Прямой широкий нос, ухо с большой мочкой. Прическа двухъярусная, волосы спускаются челкой на лоб (до бровей). Головка окружена вдавлениями трубчатого пунсона.

Фрагмент крышки оссуария (рис.4, *2*).

Примесь самана в глине. Толщина 1,2 см.

По-видимому, фрагмент высокой, округлой в плане крышки.

По краям крышки шли штампованные изображения женской головки с резко скошенным назад лбом, с выпуклыми, сильно удлиненными глазами и слегка расширяющимся книзу плоским носом. Губы полные, рот большой. На шее ожерелье.

Два фрагмента верхнего края оссуария (рис.4, *3*).

Светлая глина с примесью большого количества мелкорубленного самана. Толщина стенки 1,2 см.

Край гладко срезан ножом.

Орнаментация выполнена в несколько этапов: сначала были прочерчены три довольно глубоких линии, затем отштампованы зубцы и, наконец, круглые штампы с изображением птицы и человека с поднятыми руками (?). В зубцах тоже изображение птицы с поднятым вверх маленьким крылом. По низу зубцов слаборельефные фестоны - изображение гор.

Фрагмент крышки оссуария (рис.4, *1*).

Подъемный материал. Красная глина с примесью самана.

Крышка в виде перевернутого приземистого плоскодонного сосуда.

Орнамент штампованный, такой же, как на стенке оссуария (рис.4, *3*): четырехступенчатые зубцы, заключающие изображение птицы и "гор".

Фрагмент стенки оссуария (рис.6, *11*).

Глина с примесью самана. Светло-коричневое тесто. Толщина стенок 1,7 см.

Штампованный орнамент в виде широколепестковой розетки и какой-то другой фигуры.

Фрагмент оссуария (рис.6, *3*).

Слабый обжиг. В глине большая примесь самана. Толщина стенки 1,2 см.

Край оссуария - зубчатый. Под горизонтальной рельефной, загнутой вверх полосой - чередующиеся налепы в виде трапеции и дуги, заключающей схематичную птичку с распростертыми крыльями; головки птиц отбиты. Внутри вдоль края - полочка для крышки (отбита).

Фрагмент стенки оссуария (рис.2, *2*).

Серый черепок. Большая примесь песка. Обжиг слабый. Наружная сторона со следами красной краски.

Орнамент "елочный", процарапанный. След большого налепа.

Описания других находок фрагментов оссуариев как на объекте 19, так и на некрополе в целом имеются в сводном полевом дневнике Г.В.Шишкиной. Они носят общий характер, но все же позволяют сделать определенные выводы об оссуариях из некрополя Пайкенда согласно основанной на пяти классификационных признаках типологии согдийских оссуариев, разработанной Л.В.Павчинской (*Павчинская Л.В., 1990, с.5-8; Pavchinskaia L.V., 1994, p.209-211*).

1. Материал. Оссуарии выполнены из обожженной глины.

2. Техника изготовления. Оссуарии и крышки от них лепные. Ввиду фрагментарности пайкендских оссуариев трудно судить, какой из трех видов техники применялся при их изготовлении.

Очень интересен фрагмент оссуария, при формовке которого был использован рубчатый инструмент (дощечка): на внешней поверхности фрагмента на 3,5 см ниже края имеются отпечатки такого инструмента (рис.5, *1*).

3. Форма оссуариев. Пайкендские оссуарии - ящичного типа. По форме подразделяются на два вида: прямоугольные и овальные в плане, причем овальные значительно преобладают. Чаще всего в некрополе Пайкенда встречаются оссуарии с зубчатым краем без полочки (рис.6, *6,7*); имеются также оссуарии с зубцами и полочкой для крышки (рис.6, *3-5*, возможно - *1*); оссуарии с прямым краем без полочки.

Крышки вылеплены отдельно от оссуариев.

Соответственно различна и форма крышек: овальные и прямоугольные. Кроме того, есть крышки плоские; крышки с вертикальным бортиком высотой 2; 2,5; 3; 4; 4,5; 5 см; крышки с зубчатым парапетом; крышки с так называемой "короной" (рис.7). Нужно заметить, что все поддающиеся определению крышки с "короной" - от овальных оссуариев. Встречались крышки с отверстиями вдоль края диаметром 1, 3, 5 мм, а также крышки с ручками различной формы: дуговидная, плоская, грибовидная (рис.6, *2*), на выпуклой крышке, усеченно-пирамидальная.

Среди пайкендских оссуариев были экземпляры на ножках: так, на объекте 16 найдена массивная ножка оссуария высотой 14 см.

4. Техника декора. Большая часть найденных в некрополе Пайкенда стенок оссуариев была не орнаментирована. Там, где декор имеется, он выполнен по сырой глине до обжига. Техника орнаментации была смешанной и включала в себя прочерченный орнамент, резьбу, ручную лепку, налепы, оттиск штампа, процарапывание, пунсонирование. Один фрагмент расписан красной краской (рис.2, *2*).

5. Виды декора (орнаментация). Представленные нами фрагменты позволяют говорить о разнообразии орнаментов пайкендских оссуариев. Это широко распространенные на оссуариях из Согда, Чача, Ферганы "елочный" орнамент (рис.5, *4,6,7*) (*Археология..., 1999, табл.* 36, *9,10;* табл.43, *14,15,17;* табл.57, *2,3; табл.*106, *2,3,6,12-14*); орнамент "цветочная розетка" (рис.6, *11*) (*Архив ГМВ, ед.хр. ГВ 73; Минасянц В.С., 1990, с.71, рис.1; Культура и искусство..., кн.2, 1991, с.67; Pavchinskaia L.V., 1994, p.214-215, fig.4-a, 4-b*); изображение аркады (рис.3, *2*) (*Пугаченкова Г.А., 1986, с.124, илл.; она же, 1987, с.96-117; Мкртычев Т.К., Наймарк А.И., 1987, с.70-72; они же, 1991, с.64; Культура и искусство..., кн.2, 1991, с.66, 68-70*); различный геометрический орнамент (рис.5, *2,8*; рис.6, *8,9,10*) (*Pavchinskaia L.V., 1994, Fig.6a, 6b; Археология..., 1999, табл.* 36; *табл.*43, *17; табл.*57, *1,5*). В декоре пайкендских оссуариев есть и менее распространенные орнаменты, например, с птицами (рис.4, *1,3*). В отличие от штампованных и налепных пайкендских известны скульптурные изображения птиц, вероятно, голубей, на оссуариях из Чача и Хорезма (*Минасянц В.С., 1990, с.72, 80-81; Археология..., 1999, табл.*10, *6*).

Определенный интерес может представлять фрагмент оссуария со следами красной краски (рис.2, *2*). Краска нанесена по процарапанному орнаменту, что не позволяет говорить о сюжетной росписи, как на известных оссуариях из Ток-калы (*Гудкова А.В., 1964, с.94-106; Культура и искусство..., кн.1, 1991, с.95; Неразик Е.Е., 1999, с.44-45, табл.*9, *19-21*) и Миздахкана (*Археология ..., 1999, табл.10; 5,7*). В Пенджикенте был найден оссуарий с росписью красной краской (*Древности Таджикистана, 1985, с.203-204, № 514*). На пайкендском оссуарии так же, как и на пенджикентском, краска нанесена после обжига.

Антропоморфный орнамент рассматриваемых фрагментов оссуариев из Пайкенда представлен несколькими изображениями (рис.3, *1-5*, рис.4, *2*), одно из которых (рис.3, *2,4*), как нам представляется, можно интерпретировать как плакальщицу из сцены оплакивания - сюжета, широко известного в искусстве Средней Азии.

Техникой исполнения эта фигурка (рис.3, *2*) напоминает лепные терракоты ручной работы с Афрасиаба - с круглой головой, переходящей в толстую шею, и большими глазами, обозначенными налепами с углублением (*Мешкерис В.А., 1962, с.75-76, №№ 118, 119, 122, 123*). Она с широко расставленными ногами, в платье ниже колен (рис.3, *4*).

Что же касается сюжета, сцены оплакивания довольно часто изображались на среднеазиатских оссуариях, например, в росписях на оссуариях из Ток-калы (*Гудкова А.В., 1964, с.95-100, 102*) и Миздахкана (*Минасянц В.С., 1990, с.81; Археология..., 1999, табл.*10, *5*). Судя по описанию В.С.Минасянца, нашему изображению наиболее близко изображение плакальщицы на оссуарии из Тойтепа (Ташкентская обл.): женская фигура с поднятыми согнутыми руками; ее падающие на плечи распущенные волосы показаны налепными полосками (*Минасянц В.С., 1990, с.77*).

В Согде аналогии пайкендским налепам на оссуариях можно найти среди терракот: это, как правило, фигурки плакальщиц с падающими на плечи волосами, с поднятыми к голове (одной или двумя) руками, либо с руками, прижатыми к груди (*Мешкерис В.А., 1977, с.50-51, табл.*XIV, *2,4; XXIX, 43, 44; она же, 1989, с.197, табл.*69, *1, 2; с.300, рис.193*).

Собранный Г.В.Шишкиной сравнительный материал показывает, что керамика, полученная при раскопках объектов Пайкендского некрополя, наиболее близка керамике Варахши и Пенджикента (*Архив ГМВ, ед.хр. ГВ 76*) и, соответственно, датируется периодом с V-VI вв. по вторую половину VII-первую половину VIII в. Кроме того, на объекте 8 была найдена монета 675 г. н.э. (определение В.А.Лившица: *Архив ГМВ, ед.хр. ГВ 76, тетрадь, л.5*). Эти материалы раскопок, а также элементы орнаментации публикуемых фрагментов оссуариев совместно с аналогиями подтверждают мнение исследователей, которые датируют некрополь Пайкенда VII в. н.э. (*Распопова В.И., Шишкина Г.В., 1999, с.76; Мелтарчиян М.Б., 1999, с.58*), либо серединой VII-первой половиной VIII в. (*Pavchinskaia L.V., 1994, с.219*).

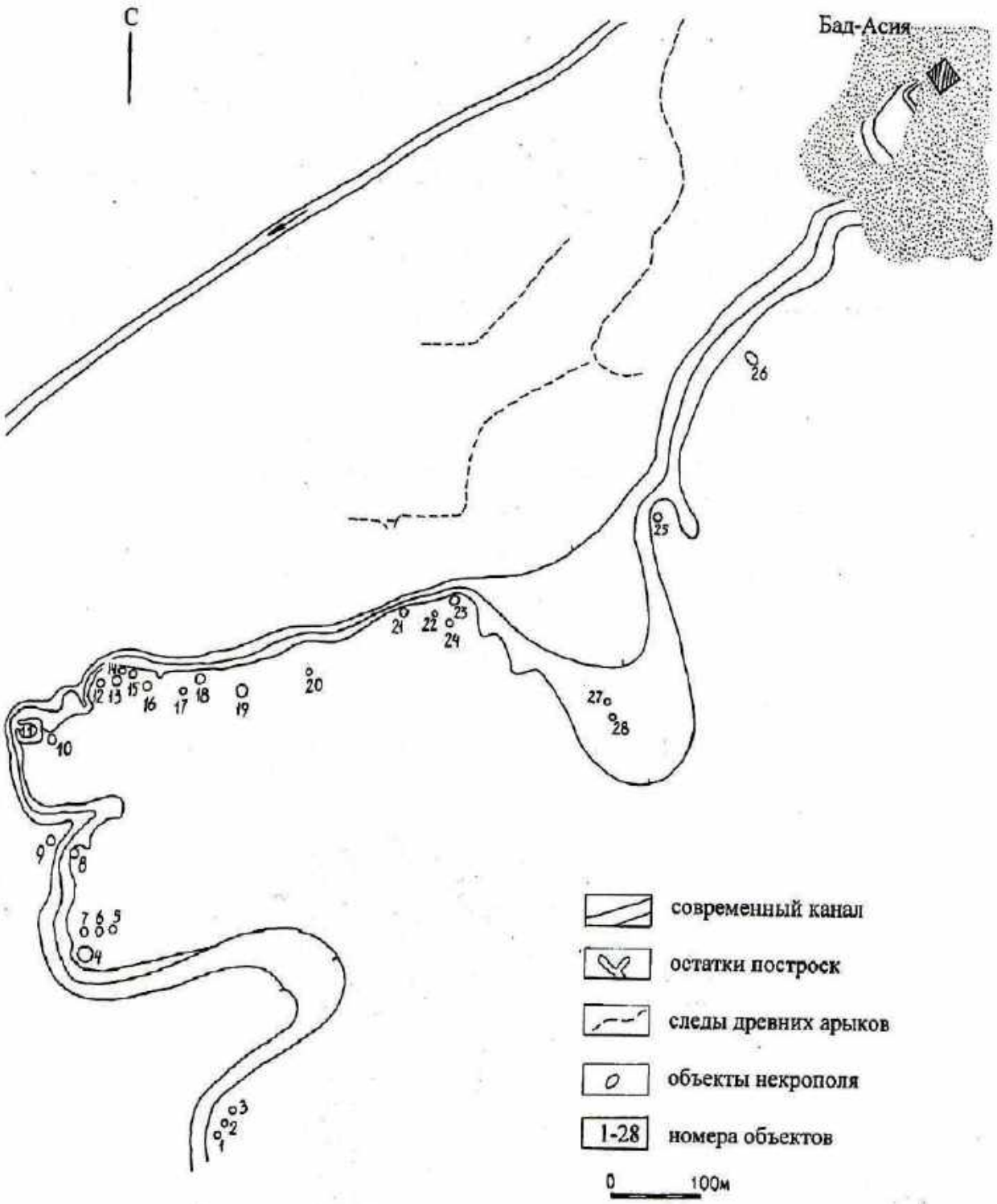
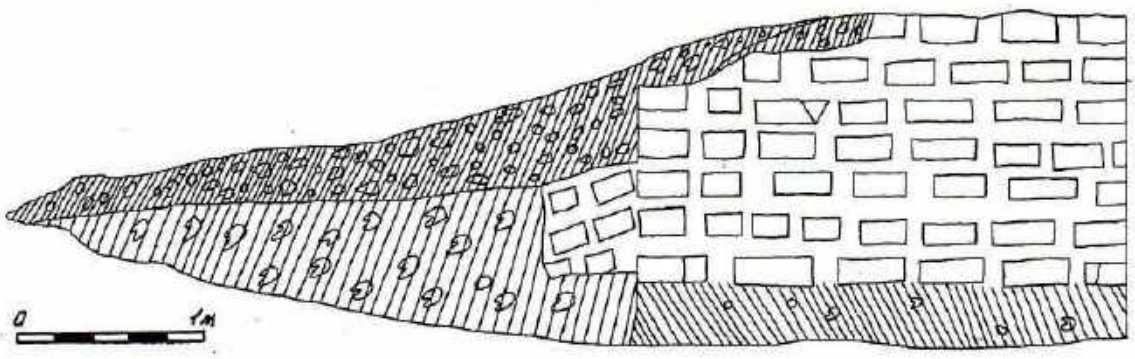

Рис. 1. Пайкенд. Часть северо-восточной округи с некрополем. Глазомерная съемка Г.В. Шишкиной.

Однородный, рыхлый супесчаный слой с остатками размытого кирпича.

Упавшие кирпичи, занесенные землей.

Слой разрушения сооружения: жесткий, комковатый, с включением ломанного кирпича и камешков.

Нижний сцементированный супесчаный слой с включениями известковых камешков.

Кирпичная кладка сооружения.

Рис.2. 1 Пайкенд. Некрополь Разрез объекта 19

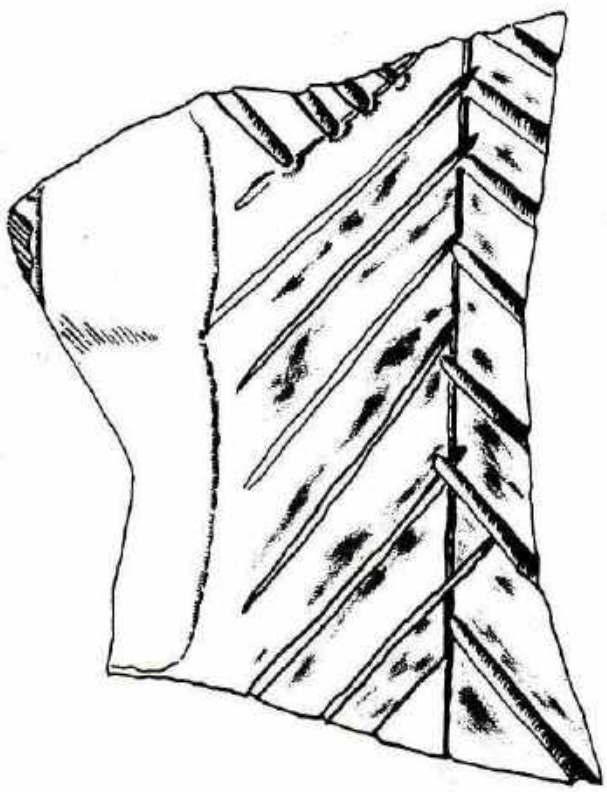

Рис.2. 2 Фрагмент стенки оссуария со следами красной краски и налепа.

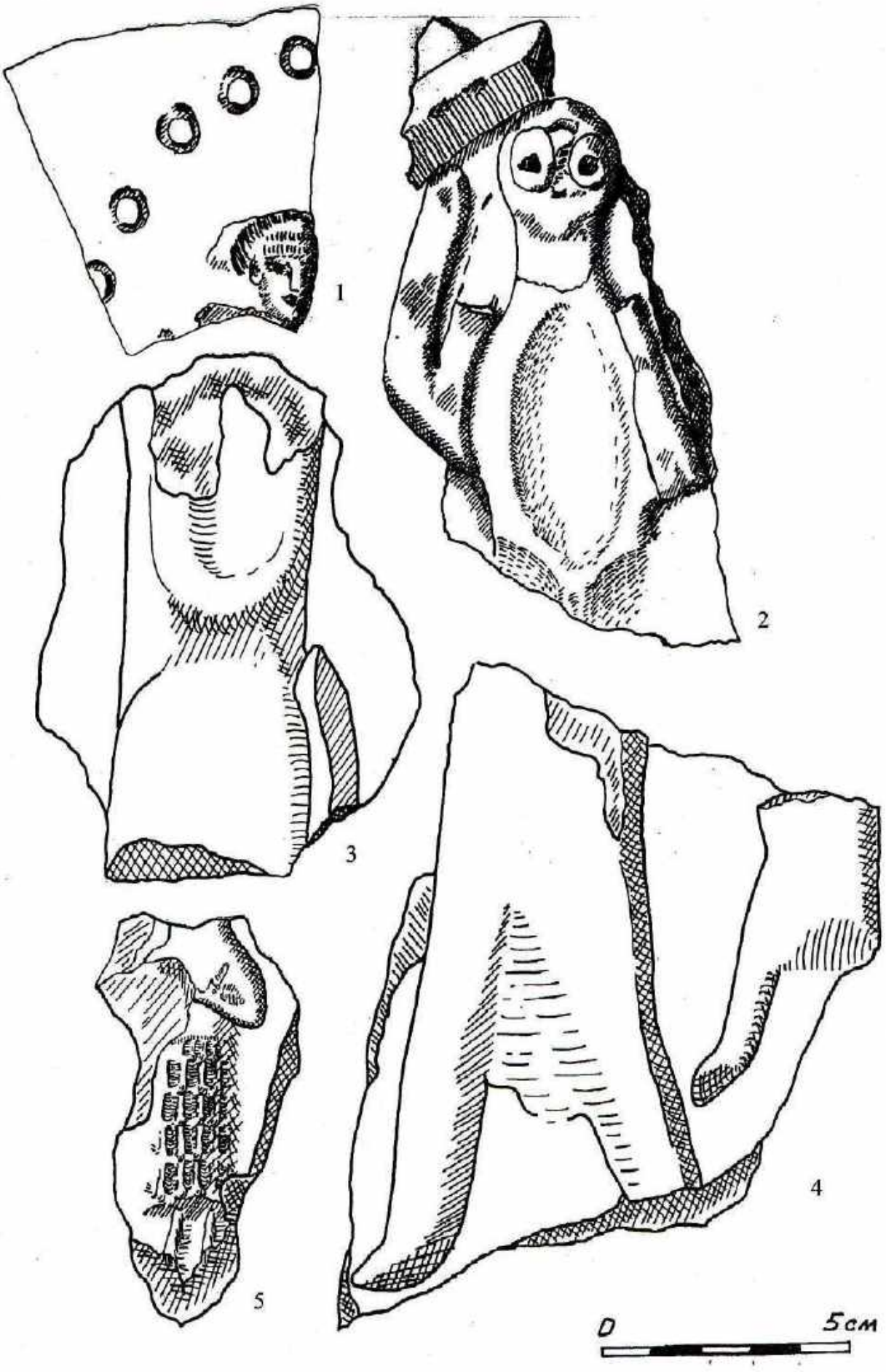

Рис. 3. Пайкенд. Некрополь, объект 19. Стенки оссуариев с налепами.

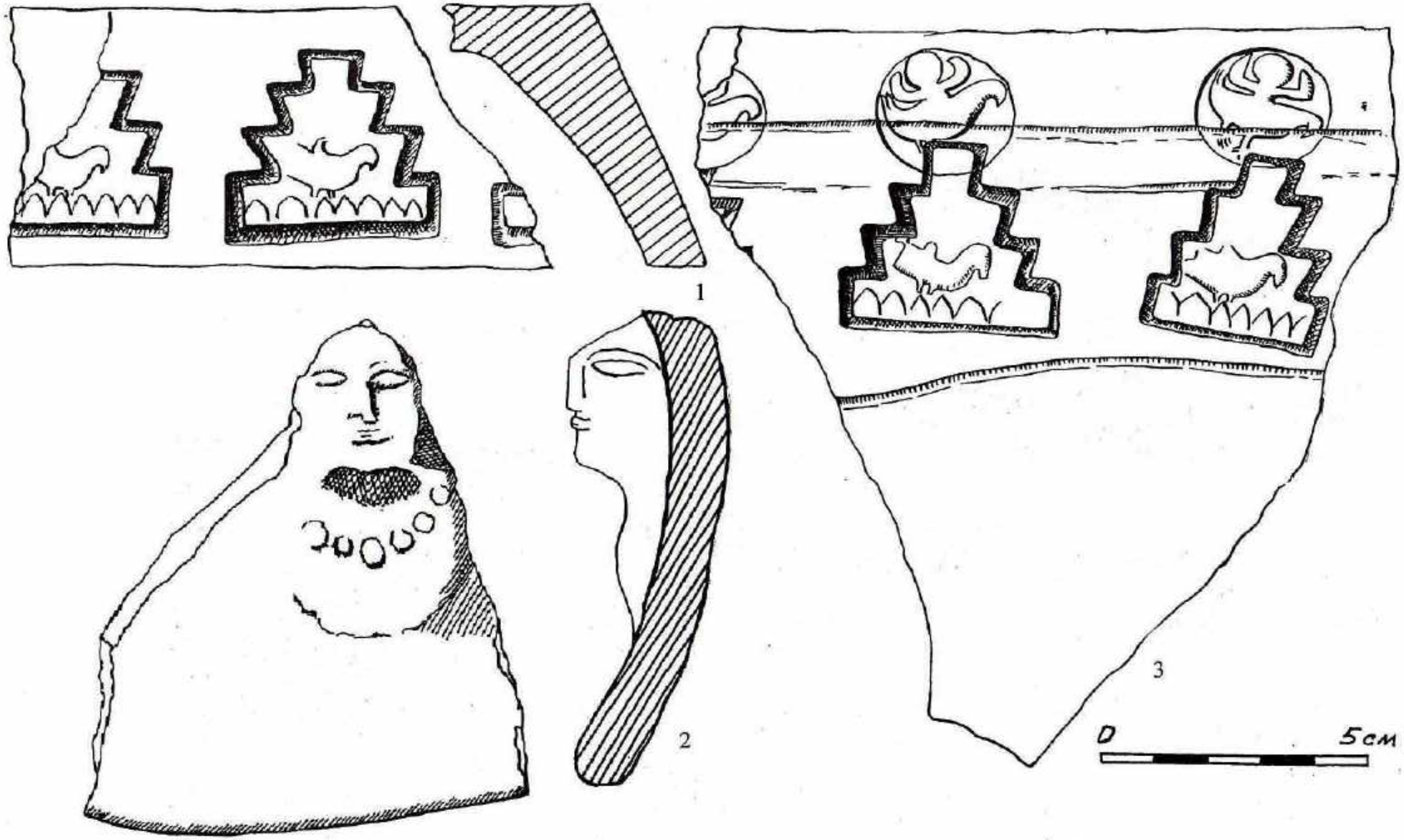

Рис. 4. Пайкенд. Некрополь, объект 19. Фрагменты оссуариев: *1,2*- крышки, *3*- стенка .

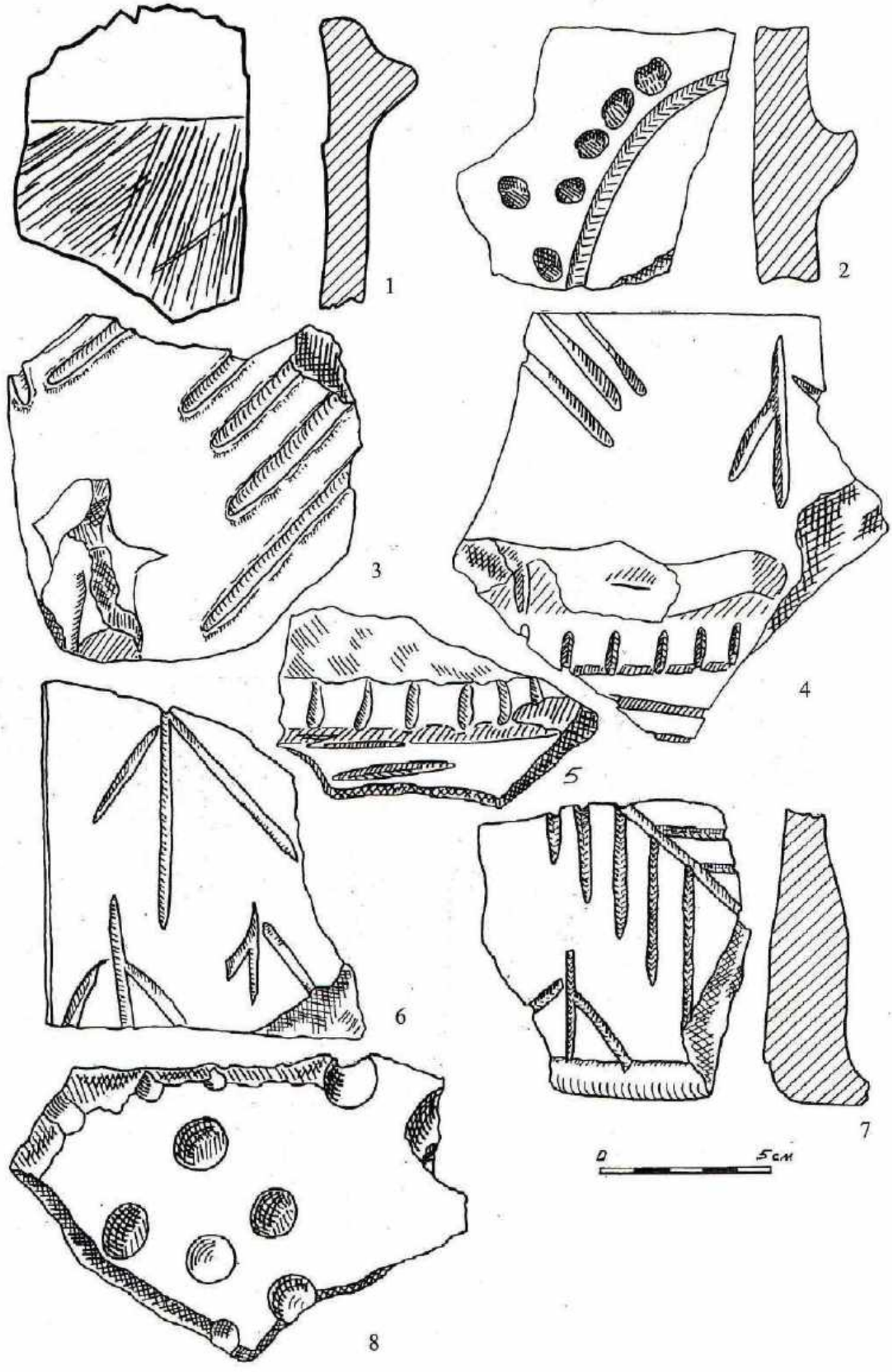

Рис. 5. Пайкенд. Некрополь, объект 19. Фрагменты оссуариев.

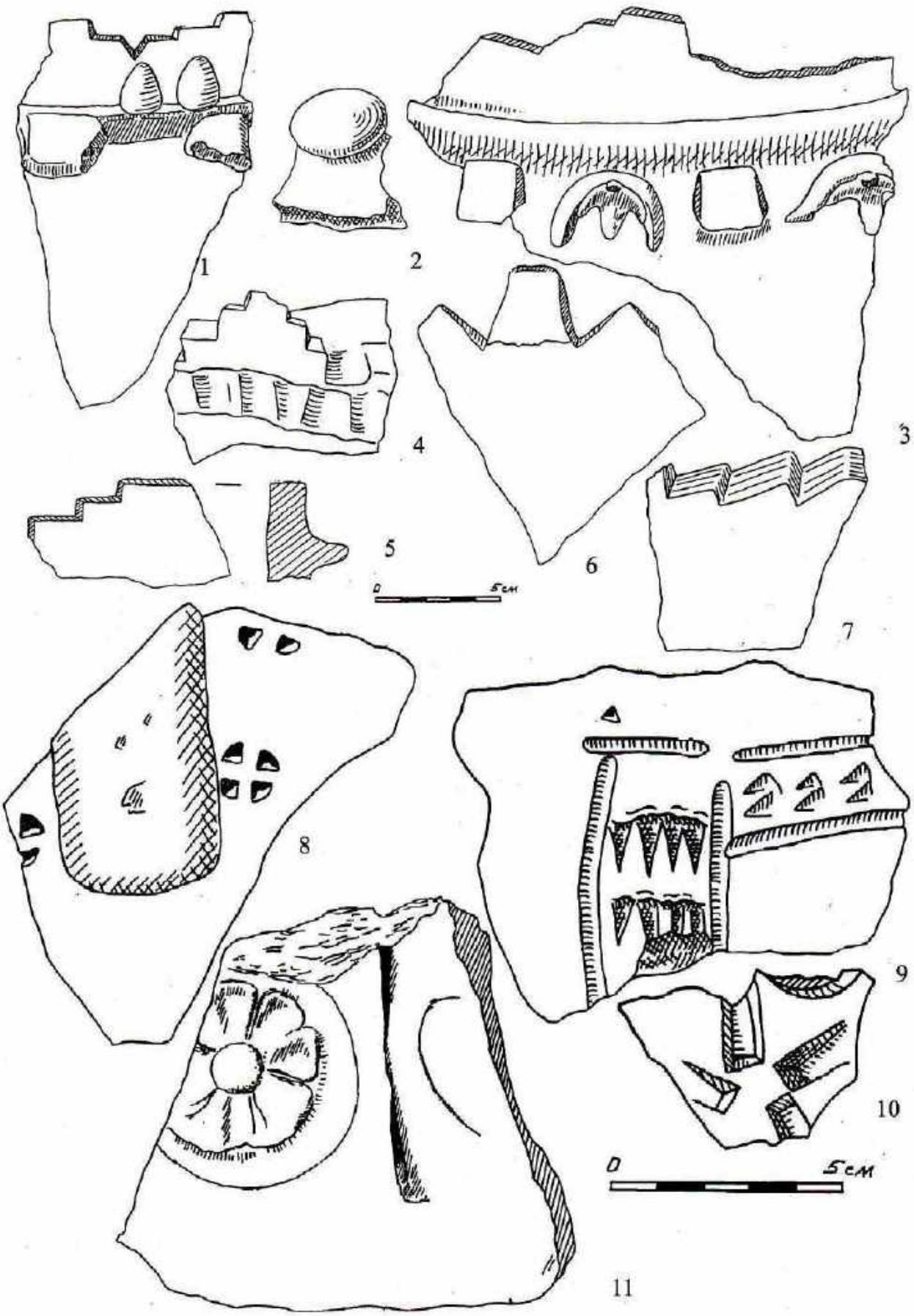

Рис. 6. Пайкенд. Некрополь, объект 19. Фрагменты оссуариев: *1,3,7,* -края; *2*-ручка крышки, *8-11*- стенки.

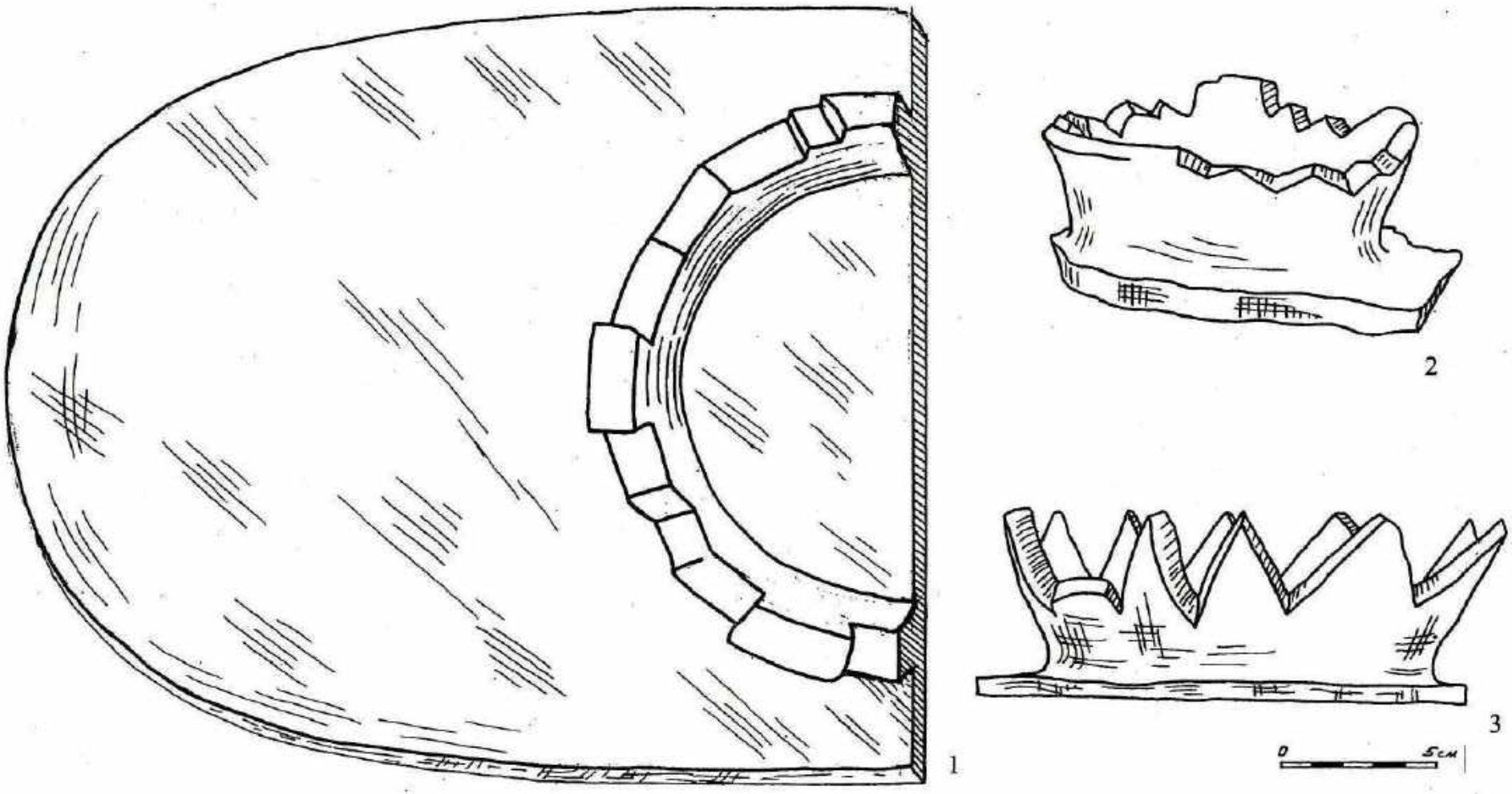

Рис. 7

Пайкенд, некрополь. Крышки оссуариев с лепной "короной":
1 - объект 19; 2 - объект 4; 3 - объект 8.

Е.В.АНТОНОВА
(Институт востоковедения РАН,
г.Москва, Российская Федерация)

ОБРЯДОВЫЕ СОСУДЫ "ЦИВИЛИЗАЦИИ ОКСА"

Исследование назначения и знаковой роли вещей бесписьменных археологических культур представляется целесообразным проводить по четырем направлениям: анализ самих вещей с учетом всех известных вариантов; выявление их положений в культурном слое (контекст); выявление сходных с ними признаков в вещах других категорий данной культуры; обнаружение аналогий в других культурах, близких территориально и по времени, а также в сведениях этнографии, происходящих из изучаемого или близких регионов.

Доклад посвящен анализу сосудов с налепными фигурками, обнаруженными на территории Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) - культуры, именуемой также "цивилизацией Окса", относящейся к эпохе поздней бронзы (конец III - конец II тыс. до н.э.). Это сосуды подцилиндрической формы с подкосом у дна; диаметр венчика - 25-27 см, диаметр донца около 12 см, высота около 17 см. Все они изготовлены на круге, глина красная, ангоб светлый. На тулово и венчик налеплены фигурки антропо- и зооморфных существ, причем автор находок и публикаций В.И.Сарианиди (*Сарианиди В.И., 1980*) отмечает их хрупкость. Наилучшим образом сохранился экземпляр, обнаруженный на поверхности "крепости" Тоголок 1 в древней дельте Мургаба (рис.1). Внутри него находилось пять миниатюрных сосудов разных форм (из них два - кринкообразные). В других памятниках Маргианы и Бактрии найдены фрагменты подобных вещей.

Налепные фигурки схематичны, поэтому их отождествление возможно не во всех случаях. Судя по имеющимся данным, набор их мог варьироваться, но соблюдались некие общие принципы. На венчик налепляли фигурки, образующие, по наблюдению В.И.Сарианиди, несколько композиций. Центр, по всей вероятности, представляли два антропоморфных персонажа, скорее всего, мужского и женского пола, при этом признаки пола передаются редко. Примечательно, что одна фигурка (фрагмент сосуда из Южной Бактрии) имеет заткнутый за пояс топор; есть образцы с поясами и прическами. В ряде случаев на руках такого существа изображен ребенок, но пол персонажа безусловно определить пока не удается, у другого персонажа руки бывают заведены за спину. На венчик налеплены фигурки животных, среди которых более или менее определенно выявляются быки или коровы, козлы (или козы ?), ослы (?), верблюды, небольшие хищники типа волка или собаки, птицы (орлы?). На стенки внутри и снаружи налеплены наиболее многочисленные участники некоего передаваемого действия - змеи, а также кто-то вроде тюленей или лягушек. Характер отношений между многочисленными персонажами распознать трудно из-за схематичности передачи. Наиболее явны отношения между змеями и четвероногими животными - первые тянутся к животам последних. Особенности фигурок антропоморфных существ позволяют предположить, что они находились в позах борьбы или объятия. По представлению В.И.Сарианиди, положение некоторых животных предполагает момент, предшествующий спариванию.

Контекст сосудов в Маргиане - помещения явно особого назначения, где могли совершать обряды, но также дворы. Их размещение позволяет думать, что они использовались часто и ими не дорожили. В Южной Бактрии их обнаруживали в погребениях. Примечательно, что эти сосуды не имеют столь близких аналогий на соседних и отдаленных территориях, чтобы можно было предположить их сложение вне пределов БМАК.

Фигурки на сосудах имеют прямые аналогии в изображениях на печатях и/или амулетах БМАК. Пары антропоморфных персонажей изображаются на них пирующими, пьющими из сосудов. К животам четвероногих тянутся змеи или подобные им существа. На печатях известны изображения орлов. Змеи выступают как атрибут мужского божества. В то же время на печатях часты изображения растений, есть драконоподобные существа - и те, и другие не встречаются на сосудах. Из Афганистана происходит металлическая булавка, навершие которой - фигурки двух борющихся или обнимающихся персонажей.

Изображение пирующих персонажей или сцен подношения вкушающим пищу богам - распространенный в изобразительных памятниках Переднего Востока сюжет. Известен он и в Иране, в частности, в его восточной части, культурная близость которой к территории БМАК не вызывает сомнений. На эламских памятниках первой половины II тыс. до н.э. змея - атрибут мужских божеств, в то время как в "трансэламской цивилизации" (термин П.Амье) - женских. В обоих случаях явна связь змеи с водой. Широко известно почитание змей и змееподобных драконов в Индии, где они выступали хранителями вод и растительности, посылающими плодородие (что не исключало, как и у других народов, представлений об их вредоносности).

Этнографические данные юга Средней Азии и севера Ирана содержат сведения о традиционных верованиях, согласно которым огромные змеи могли появляться весной. Об их связи с водой свидетельствуют водосливы хаузов в форме змей (например, в Бухаре[1]); о связи с весной и растительностью - изображения на портале мечети Анау, а также глиняные фигурки фантастических персонажей - драконов с признаками змей, которые изготовлялись к Наврузу (согласно Н.Н.Ершову, они иногда соединялись с кувшинчиками для воды).

В.И.Сарианиди было высказано предположение, что сосуды БМАК предназначались для ритуальных возлияний, быть может, жидкости типа хаомы или сомы. Сами сосуды являли собой образ мира с существами верха и низа, водными и наземными. Он полагает, что между антропоморфными персонажами были отношения конфликта, в

[1] Данные Б.А.Литвинского, которому приношу глубокую благодарность.

некоторых случаях - настоящей борьбы. С этими предположениями отчасти можно согласиться. Безусловно, сосуды предназначались для обрядов, связанных с жидкостью, но какой - не известно. Образы животных призваны выразить состояние оживления природы, когда после зимней спячки на земле появляются змеи и подобные им существа. В связи с этим следует вспомнить предположение А.Франкфора, который, опираясь на исследования предшественников, считает, что изображения орла со змеями на печатях БМАК передают именно момент весны, когда на равнины с юга прилетают орлы-змееяды. Об отношениях антропоморфных существ на сосудах судить представляется преждевременным, но некоторые указания на них могут дать печати. Между персонажами можно предполагать брачные отношения, представления вокруг которых актуализируются именно весной. В связи с последним примечательно наличие в сосуде из Тоголока 1 двух одинаковых миниатюрных сосудиков, возможно, предназначавшихся для питья, а весь набор сосудиков - для пиршества изображенных на венчике персонажей.

Таким образом, символика ритуальных сосудов с фигурками разнообразных существ, среди которых были как дикие, так и домашние животные, представляется связанной со временем обновления природы, что не исключает их использования в разнообразных ситуациях, в том числе в погребениях. Для праздников перелома времен года свойственны представления не только схватки, конфликта, борьбы, но и сотрудничества различных сил. В древних и современных архаичных культурах не были актуальны мотивы абсолютного противостояния добра и зла, персонажи верований выступают по большей части как амбивалентные. Судя по облику этих сосудов, предназначенных для обрядов и за их пределами, обращение с ними не требовало особо бережного отношения.

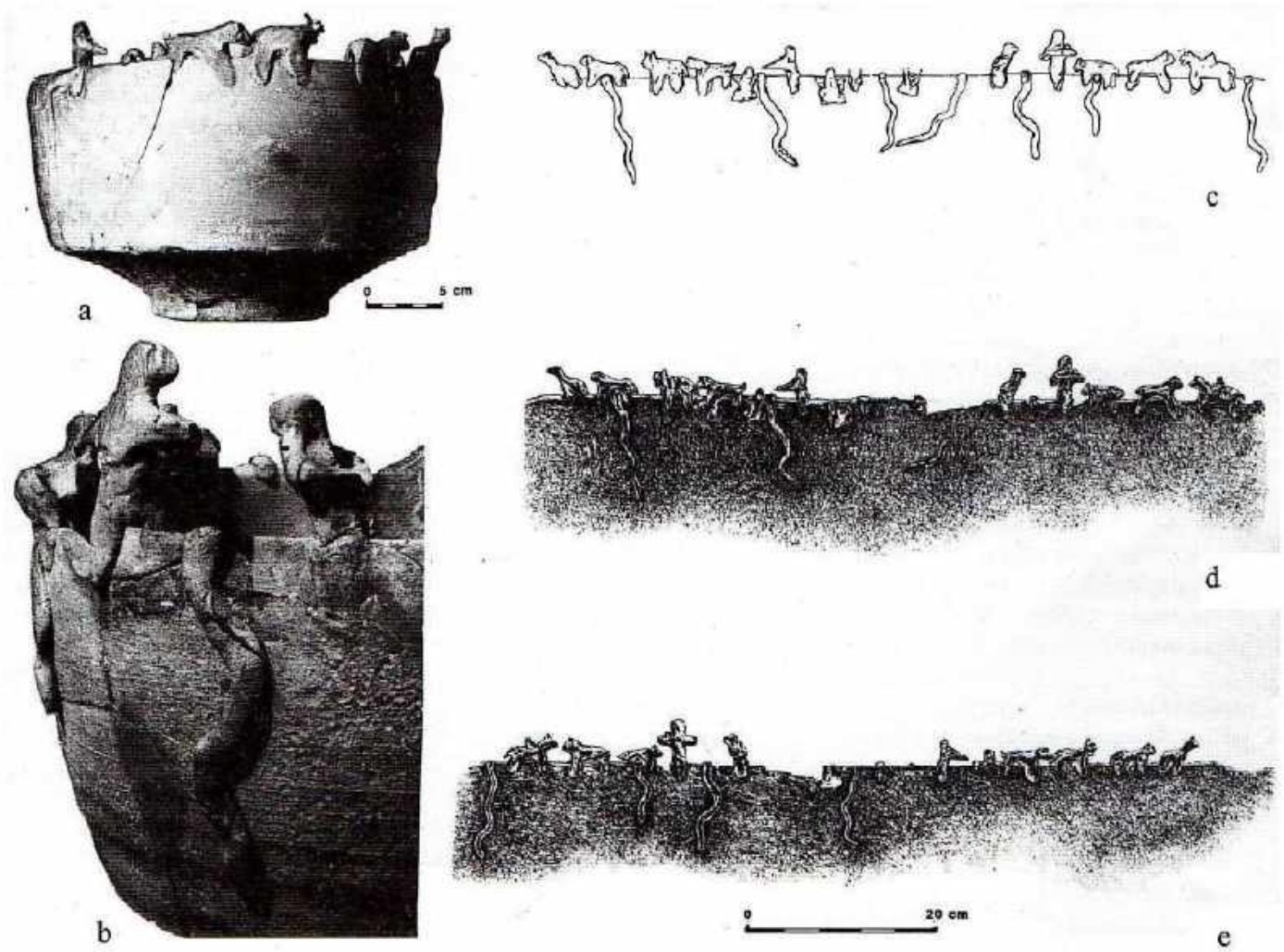

Рис. 1. Сосуд из "крепости" Тоголок 1.

a- общий вид; *b*- деталь; - общий вид изображений; *d*– вид изнутри; *c*- вид снаружи

Г.А.БРЫКИНА
(Институт археологии РАН, г.Москва, Российская Федерация)

РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ ФЕРГАНЫ

Среди огромного многообразия керамических изделий из Ферганы выделяются предметы, связанные с религиозным культом. К ним относятся ритоны и курильницы. Они происходят из культовых сооружений-храмов или из жилых помещений, где они находились в местах, предназначенных для религиозных церемоний.

Ритоны представлены небольшими сериями находок. В Фергане известны шесть относительно целых сосудов и четыре фрагмента. Причем пять ритонов и один фрагмент слива происходят из усадьбы и науса в Кайрагаче VI-VIII вв. (рис.1, *2,4,6*); шестой ритон найден в кургане № 16 Тураташского могильника (рис.1, *5*); сливы ритонов - в Ак-тепе близ Баткена (рис.1, *1*) и Куве (рис.1, *3*).

Парадное и ритуальное назначение этих сосудов подчеркивает тщательность формовки и отделки их поверхности. Ритоны использовались в культовых церемониях и ритуальных пиршествах высокопоставленных особ. Может быть, этим объясняется то обстоятельство, что большая их часть найдена в культовом комплексе в Кайрагаче.

Ферганские находки позволяют выделить пять типов сосудов этой категории. Они найдены на памятниках, хронологически близких и принадлежащих одной археологической культуре.

I тип представлен двумя сосудами с широким горлом, сфероконическим туловом и трубчатым сливом в его основании. Над сливом - налепное изображение головы животного с длинными рогами: косули или горного козла. В одном случае они слегка изогнуты на середине высоты, в другом - абсолютно прямые. Глаза трактованы глубокими круглыми ямками, сделанными вдавлениями. Петлевидная ручка прикреплена одним концом к верхней части горла под венчиком, другим - к тулову сосуда на стороне, противоположной изображению животного (рис.1, *4а,б*).

II тип представлен единственным сосудом кольцевидной формы, сделанным из круглой в сечении полой трубы. Сосуд украшен орнаментом в виде поперечных широких полос, нанесенных красным ангобом, чередующихся со светлыми неангобированными просветами. По сторонам цилиндрической формы горла располагались ручки, видимо, увенчанные изображениями животных, а, может быть, птиц. В нижней части сосуда (на одной оси с горлом) находились два идентичных слива в виде голов быка (?) с круто изогнутыми рогами. Правый рог одного из быков смыкается с левым рогом другого, образуя сплошную дугу. Глаза имеют вид косо поставленных выпуклостей, контур которых подчеркнут глубокой бороздкой. В центре каждой выпуклости - глубокое вдавление, имитирующее зрачок (рис.2, *1,а,б*). Слив, аналогичный только что описанным, был найден на городище Тагап в слое с керамикой VI-VII вв. Он, видимо, принадлежал ритону.

III тип - кувшинообразные ритоны. Сосуд из могильника Тура-таш имел невысокое и широкое горло с отогнутым краем, широкое тулово. В нижней части тулова у дна кувшина - два выступающих за плоскость дна трубчатых слива. Две ленточные ручки прикреплены одним концом к венчику, другим - к верхней части тулова (*Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А., 1962, с.83, табл.XIII, рис.4*).

IV тип представлен сосудом с широким горлом и шаровидным туловом. На округлом дне симметрично по отношению друг к другу располагались два слива в форме голов быка (рис.1, *2*).

V тип включает цилиндрический сосуд с высоким прямым горлом и слабо выраженными плечиками. Уплощенная нижняя часть имеет вид треугольника с зубчатым краем. Слив находится в "вершине" треугольника, валики с глубокими насечками по его сторонам имитируют рога. Сосуд покрыт темно-коричневым ангобом. Верхнюю часть тулова украшает орнаментальный пояс, ограниченный двумя процарапанными параллельными линиями, заключающими косые насечки, нанесенные после обжига (рис.1, *6*).

Из-за малочисленности находок нам не удалось наметить ареал ритонов, аналогичных кайрагачским, так как каждый из типов представлен единичными находками далеко не на каждом памятнике и не во всех районах. Так, ритоны, выделенные нами во II тип, вообще не имеют себе подобных.

Два ритона, сходные с ритонами I типа из Кайрагача, найдены на городище Киндык-тепе в Ташкентском оазисе. Они так же, как и кайрагачские, имеют широкое воронкообразное горло и сфероконическое тулово, завершающееся прямой ножкой со сквозным отверстием. Петлевидная ручка прикрепляется к краю сосуда и к тулову. Верхнюю часть одного сосуда опоясывает широкий орнаментальный пояс, ограниченный двумя параллельными линиями и заключающий заштрихованные треугольники. Роспись выполнена темно-бурой краской. Второй сосуд не орнаментирован (*Древности Туябугуза, 1978, с.110, рис.19*).

Ритоны I типа могут быть сопоставлены с сосудом, имеющим шаровидный резервуар и ножку-слив, оформленную в виде головы барана с изогнутыми рогами и овальными выпуклыми глазами. На одной из сторон резервуара реалистично выполненное скульптурное изображение женского лица. Видимо, такому ритону принадлежал фрагмент, найденный Ю.Д.Баруздиным на Ак-тепе в южных предгорьях Ферганы. На нем было скульптурное изображение головы человека, а под ним над сливом - голова сайги (*Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А., 1962, с.56, рис.11*). Из Рея происходит ритон сфероконической формы (*Ettinghausen R., 1949, N666, fig.221*). Наибольшее сходство кайрагачские ритоны имеют с ритоном из Афганистана, найденным в могильнике Setq Abad. Этот ритон имеет широкое горло, сфероконический резурвуар, завершающийся слегка изогнутым сливом, над которым - налепное изображение головы быка. Р.Гиршман, исследовавший этот могильник, считает, что он оставлен эфталитами (*Ghirshman R., 1948, p.5, fig.210*).

Наиболее широкий круг аналогий у ритонов III типа. Ритоны-кувшины с двумя ручками неоднократно находили на парфянских и сасанидских поселениях Ирана (*Ettinghausen R., №660, fig.220*). При раскопках в Пасаргаде в Иране найден ритон в форме высокогорлого двуручного кувшина, на дне которого два трубчатых слива. Над сливами ветвистые рога какого-то животного. Этот ритон найден в слое с монетой Селевка I.

Ритон IV типа сопоставим только с одним сосудом, происходящим из кушанского слоя Беграма. Этот сосуд, как и кайрагачский, имеет шаровидное тулово, завершающееся широким горлом. На округлом дне симметрично по отношению друг к другу располагаются два слива в виде голов газелей (*Ghirshman R., 1946*).

Культовое назначение кайрагачских курильниц подтверждается обстоятельствами их находок. Четыре курильницы из Кайрагача происходят из храмового комплекса, где они найдены вместе с другими атрибутами культа - скульптурными изображениями божеств. В Балалык-тепе большая курильница с полой ножкой, на которой есть налепное изображение женской головки, как полагает Л.И.Альбаум, божества, найдена в одном из помещений.

Курильницы на высоких ножках присутствуют на изображающих культовые сцены росписях Балалык-тепе (*Альбаум Л.И., 1960*), Варахши (*Шишкин В.А., 1956, с.19, рис.10*) и Пенджикента (*Живопись..., 1954, Т.I, табл. VII, VIII*).

Все кайрагачские курильницы имеют высокие цилиндрические ножки на дисковидном основании. На середине высоты ножки или в основании резервуара - подтреугольный в сечении валик, в одном случае с насечками (рис.2, *2*). Резервуары курильниц открытой полушарной формы; в трех случаях увенчаны ступенчатыми зубцами (рис.2, *4*). Все курильницы сформованы из очень грубой керамической массы. Поверхность одной из них покрыта светло-красным, двух других - коричнево-красным ангобом. Поверхность четвертой курильницы обмазана алебастром, поверх которого нанесена роспись красной краской, изображающая растительные побеги, аналогичная той, которая открыта на стенах святилища.

Курильницы не принадлежат к числу частых и массовых находок. Но всё же они неоднократно встречались на среднеазиатских памятниках. Правда, большая часть находок не связана так определенно, как кайрагачские курильницы, с культовыми помещениями. Но это не опровергает культового назначения этих предметов. Ведь далеко не во всех домах были культовые комнаты или комплексы, включавшие несколько комнат. Чаще всего в жилой комнате было определенное культовое место - ниша, где хранились реликвии и атрибуты культа, здесь же, видимо, стояли и курильницы.

Ареал находок весьма обширен. В Фергане помимо Кайрагача курильница на высокой сплошной ножке найдена в слое 1-й половины I тыс. н.э. в Ак-тепе. Ножка с круглым в плане основанием, расширяется книзу. Верх ножки также расширен и имеет в продольном разрезе овальную форму, в центре этого расширения - вертикальный цилиндрический стержень, на котором располагался резервуар. Ножка покрыта орнаментом из глубоких бороздок, образующих елочку (рис.2, *3*).

Большое количество курильниц на полой конической ножке встречено при раскопках городища Хайрабад-тепе в слоях V-VI вв. (*Альбаум Л.И., 1958, с.75, 77*). В Пенджикенте в слое V в. найдены курильницы на сплошной массивной ножке. Судя по одному экземпляру, они имели полусферические резервуары. Ножка одной курильницы - на коническом, у другой - на дисковидном основании. Одна из курильниц имеет под резервуаром валик с глубокими вдавлениями.

В бассейне Сыр-дарьи и прилегающих районах курильницы на высоких ножках встречены неоднократно, в частности, они есть в коллекциях из Ак-тобе. В Шаушукумском могильнике в кургане 52 найдена курильница на цилиндрической ножке, на резервуаре которой - четыре продольных налепа-валика (*Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968*). В Чач-Илакском бассейне курильницы найдены на городище Тункет.

В Приаралье курильницы на высоких ножках есть в материалах из Джеты-асара и характерны, как полагает Л.М.Левина, для II-го этапа Джетыасарской культуры (*Левина Л.М., 1971, рис.15,187*). На Джеты-асаре 3, в частности, найдена курильница, резервуар которой оформлен конусовидными выступами. Есть подобного рода находки и на так называемых "болотных городищах" Приаралья (*Левина Л.М., 1971, с.81, 85, рис.20,80,84*). Датировка всех перечисленных находок не выходит за пределы V-VIII вв.

Кайрагачские курильницы сходны с большей частью перечисленных выше курильниц. Но они имеют одну существенную деталь, которая отличает кайрагачские находки от всех известных курильниц. Как отмечалось выше, резервуары трех курильниц увенчивались ступенчатыми зубцами, имитирующими, на мой взгляд, хорошо известную по раскопкам в Ташкенте, Ак-Бешиме (*Кызласов Л.Р., 1958*) и Таразе (*Массон М.Е., Пугаченкова Г.А., 1950, с.110*) архитектурную деталь - так называемые зубчатые кирпичи. Данная деталь символична. Древняя символика сохранила свое значение вплоть до развитого средневековья.

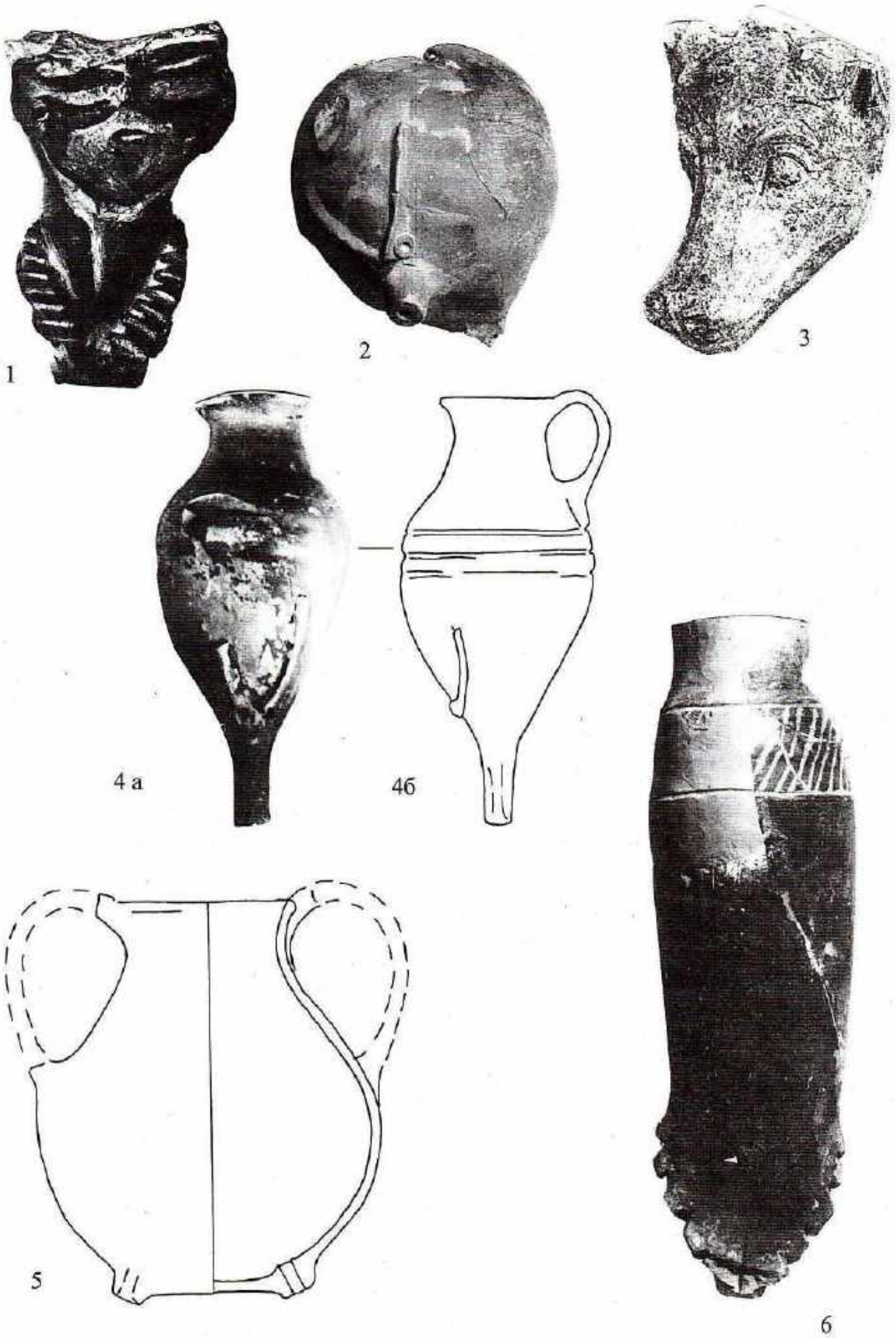

Рис. 1. *1*- фрагмент ритона из Актепе близ Баткета; *2,4* - ритоны из усадьбы Кайрагач; *3*- фрагменты ритона из Кувы. *5*- ритон из кургана 16 могильника Тураташ; *6*- ритоны из науса близ усадьбы Кайрагач.

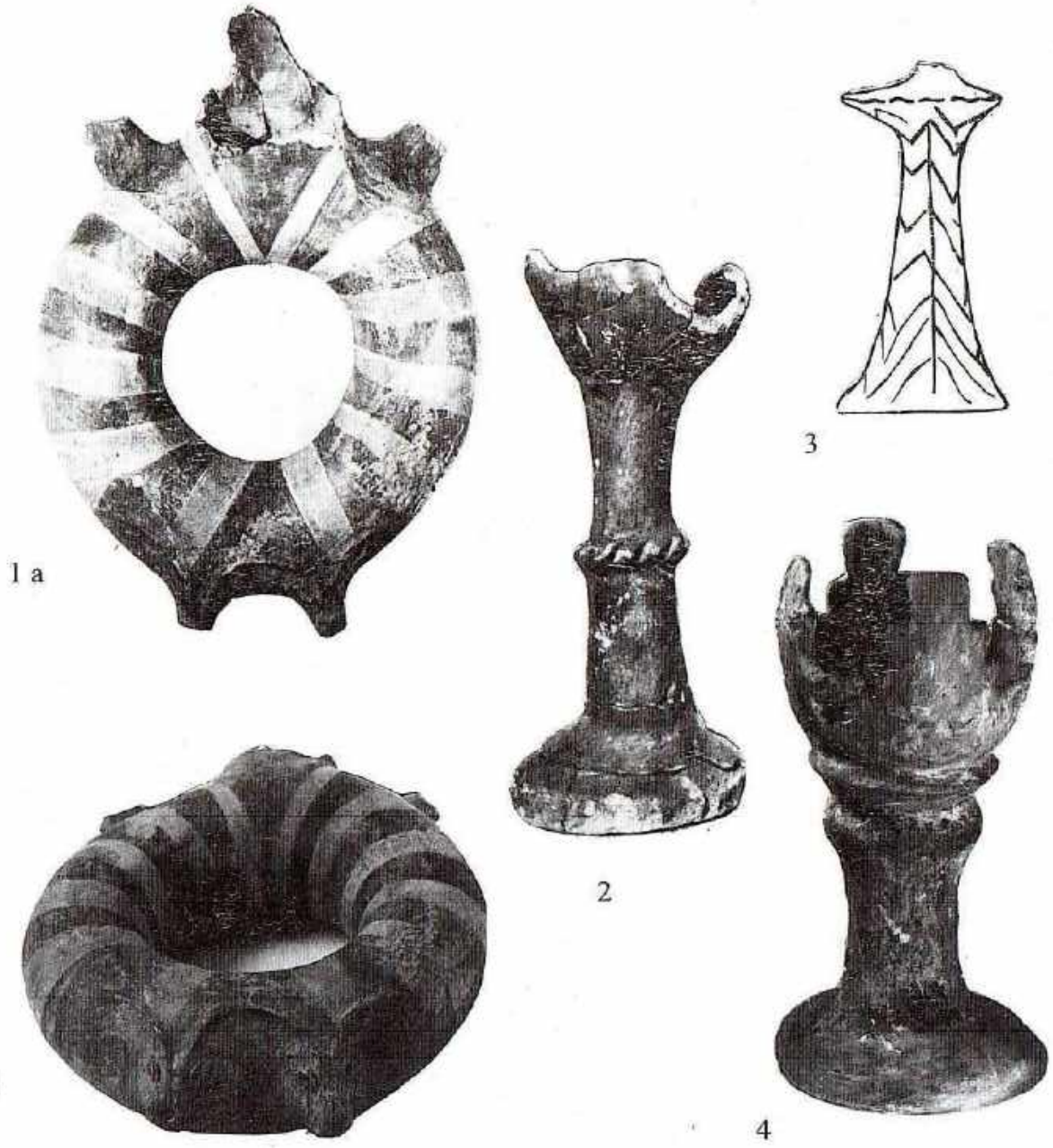

Рис. 2. *1*-ритон из усадьбы Кайрагач; *2,4*- курильницы из святилища 1 Кайрагача; 3- курильница из Актепе близ Баткета.

Б.И.ВАЙНБЕРГ
(Институт этнологии и антропологии РАН,
г.Москва, Российская Федерация)

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ КУЛЬТОВЫХ СОСУДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э. В ХОРЕЗМЕ[1]

В конце ахеменидской эпохи (для Хорезма это первая половина IV в. до н.э.) в связи с устойчивым обводнением Узбоя был открыт новый, более короткий путь к административным центрам Ахеменидской империи, сатрапией которой до начала IV в. до н.э. был Хорезм. Новое направление культурных связей с Мидией и Закавказьем определило очень яркий и своеобразный облик так называемой "кангюйской" культуры Хорезма, по определению С.П.Толстова (*Толстов С.П., 1948, с.32*), возникшей накануне обретения этой областью самостоятельности. Многие монументальные, в том числе и культовые памятники Хорезма появились именно в это время. Керамический комплекс гончарной посуды, продолжавшей развитие типов предыдущей эпохи (*Воробьева М.Г., 1959*), обогащенный рядом новых форм, росписью красно-коричневой краской по светлому ангобу и лощением по красному, резко отличается от всего, что известно в других областях Средней Азии.

Керамические сосуды, подражающие парадным ахеменидским, изготовленным из металла, фляги с рельефами на мифологические сюжеты, ранние древнехорезмийские надписи на сосудах и остраках, древнейшие образцы сюжетной живописи и скульптуры выделяют культуру Хорезма IV-II вв. до н.э. среди разнообразных памятников Ближнего Востока вообще (*Вайнберг Б.И., 1999*).

При раскопках очень яркого памятника этой культуры - культового центра Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме был получен большой новый материал для изучения керамики, в том числе связанный с культом и ритуалами. Значительная часть культовой керамики выделяется только по внешнему оформлению (например, ангобная роспись деревьями, крестообразными знаками, волнами, спиралями, треугольниками, процарапанными изображениями и т.д.), а форма сосудов полностью совпадает с бытовой керамикой. Вместе с тем есть ряд сосудов, в изготовлении которых использованы особые приемы.

Для второй половины I тысячелетия до н.э. характерна большая стандартизация гончарной керамики Хорезма (*Болелов С.Б., 1999*). При изготовлении особых типов культовой посуды хорезмийцы почти всегда использовали эти же стандартные формы, дополняя их некоторыми деталями.

Амфоровидные ритоны (рис.2, *1,3*).

Это двуручные кувшиновидные сосуды с узким горлом и двумя сосковидными отверстиями у дна. Первоначально изготавливался на круге типичный для набора керамики этого времени небольшой кувшинчик, ко дну которого снаружи прилеплялись два конических симметричных выступа (типа ножек) и снаружи внутрь сосуда делался прокол каким-то острым стержнем (рис.2, *3*). Внутри сосуда сохраняются, как правило, небольшие рваные наплывы керамической массы (явно "сырого" теста).

Отдельно делались и прикреплялись к сосудам этого типа ручки. Они были гладкие и нарезные (имитация витой ручки).

К ручкам, опиравшимся сверху на край сосуда (на венчик), чаще всего прикреплялись налепные украшения - обереги. Наиболее простой вариант - львиные головки небольших размеров, оттиснутые в форме. Встречаются головки фантастических животных ручной лепки. Смысл этих налепов довольно прозрачен - они должны были оберегать содержимое сосудов.

Тулово амфоровидных ритонов могло оставаться гладким без украшений. В одном случае встречен на Калалы-гыр 2 ритон, тулово которого декорировано разнообразными по технике исполнения изображениями, фиксирующими деление мира на три "функциональные" зоны, расположенные одна над другой (рис.2, *1*). Тулово покрыто глубокими извивающимися прорезными линиями, над которыми пунсоном показано несколько горизонтальных поясков из кружочков. Представляется, что так передан нижний водный мир.

Над этими изображениями по плечикам сосуда были прикреплены глиняные налепные стоящие фигурки животных, обращенных друг к другу, попарно с каждой стороны (между основаниями ручек). От фигурок сохранились лишь основания ног, переданных в каждой паре различно - с вытянутыми когтями и в виде колечек. Это явно символы мира земного. Небесной сфере должны соответствовать фантастические животные наверху ручек с большой гривой, свисающей на одну сторону.

Роговидные ритоны (рис.2, *2*).

На гончарном круге изготовлялся сосуд конической формы со слегка отогнутым наружу венчиком. Нижняя коническая часть еще во влажном виде соединялась с протомой животного (в Хорезме, как правило, коня), изготовлявшейся вручную (изредка, может быть, и в форме). Именно в силу этого протомы хорезмийских ритонов очень индивидуальны. Немногие из них имеют дополнительно изображенные поджатые передние ноги лошади в виде низкого рельефа. Иногда есть следы и разрисовки (упряжь?) ангобом. Отверстие в ритоне прокалывалось снаружи, как и в амфоровидных сосудах. Иногда прежде, чем сделать прокол, на месте его прилеплялся круглый кусочек керамического теста (лепешка), через который и производился прокол.

[1] Статья подготовлена в ходе работы над грантом РГНФ "Мелкая пластика Древнего Хорезма" № 99-01-0302, 1999-2001 гг.

"Кольцевой" ритон (рис.1, *2*).

В комплексе керамики с Калалы-гыр 2 есть один уникальный для этого времени сосуд, аналогии которому мы не знаем. Хотя он и не сохранился целиком, форма его может быть реконструирована довольно надежно. Изготовлен он очень своеобразно. Первоначально из листа керамического теста складывался кольцеобразный сосуд: диаметр кольца - 20-25 см, внутреннего резервуара - около 5 см. Края листа теста соединялись в нижней части сосуда, вблизи "дна". Сосок с отверстием прикреплялся изнутри кольца и должен был направлять струю жидкости из "ритона".

Наливалась жидкость через отверстие (или пару отверстий) в верхней части сосуда. На это отверстие прикреплялся маленький стандартный конический бокал без донышка. По форме этот сосуд несколько напоминает очень архаические греческие аски. Как он использовался в ритуалах Хорезма, не совсем ясно.

Ритон с двойными стенками.

Этот уникальный сосуд сохранил только внутреннюю часть и сколы от внешних стенок. Он был сделан в виде вертикальной керамической трубки с внутренним каналом чуть более 0,5 см. Наружная сторона его не обработана, так как она не должна была быть видна. Верхняя часть трубки прикреплялась к горизонтально развернутому венчику, а нижняя была оформлена налепом головки какого-то животного. Снизу к венчику прикреплялись тонкие внешние стенки ритона (они не сохранились), которые должны были создавать представление об объемном сосуде.

Фляги с рельефами.

Фляги разных размеров (от малых поясных до больших стационарных) несут на уплощенной стороне рельефные изображения, чаще всего, мифологических сцен. Все они были явно парадными, так как изображения на флягах не могли быть видны при их бытовом использовании (плоская сторона с изображением должна быть закрыта).

Самым распространенным был следующий способ их изготовления: на круге из трех частей изготавливали флягу (выпуклая сторона, уплощение типа дна и горловина плюс маленькие ручки, прикреплявшиеся по сторонам горла на "плечиках" фляги). Все эти части соединялись глиняным раствором.

Рельефы изготовлялись в специальных формах, в которых оттискивалась тонкая "пластина" с изображением, а затем тыльной стороной он тоже прилеплялся на уплощенную сторону фляги. В изломе очень хорошо видна слоистость этой части изделия. В некоторых случаях рельеф вследствие небрежности изготовления был слегка сдвинут от основной вертикальной оси (по отношению к горлу сосуда).

Рельеф из Калалы-гыр 2 с календарным мифом (рис.1, *3*) изготавливался, очевидно, в сильно поношенной форме, которая перед употреблением была посыпана мелким песком. Кроме того, на этом рельефе были дополнительно сделаны оттиски мелкими формами: изображение Митры, стреляющего из лука (оно повторено дважды в разных "поясах" рельефа), и, очевидно, оленя, поверженного стрелой в хребет (*Вайнберг Б.И., 2000*).

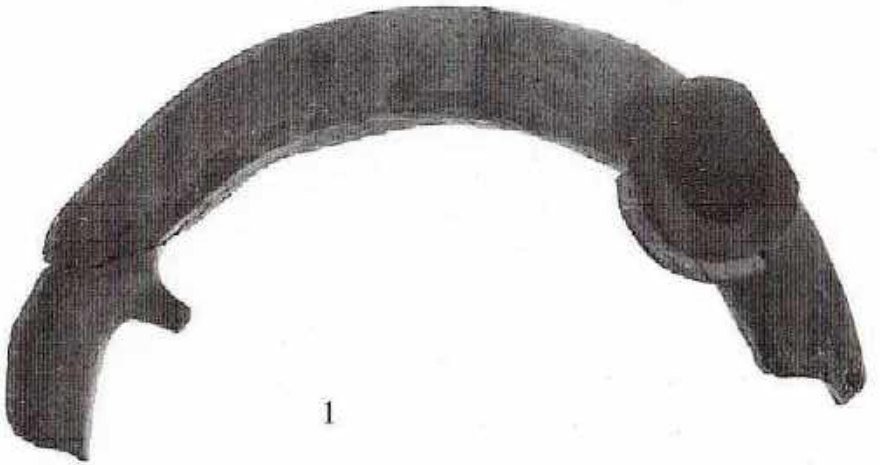
Уникально по технике изготовления и центральное изображение птицы (предположительно - Зерван). Невысокий рельеф его дополнительно обработан резцом по сырому тесту.

Крышка с рельефом.

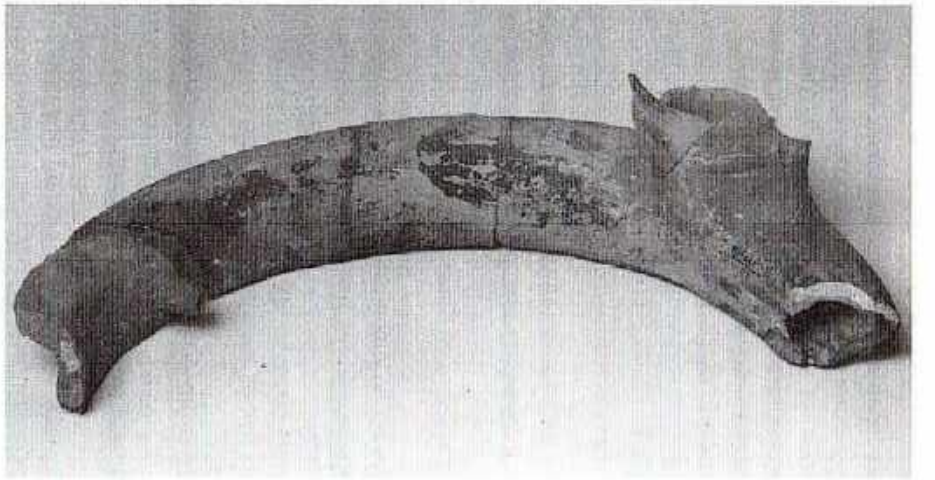
Один из рельефов выполнен не на фляге, а на тарелковидной крышке, верхняя поверхность которой почти полностью идентична уплощенной стороне небольшой фляги. Обычно же на таких крышках встречается прорезной орнамент (рис.1, *4*).

К числу культовых бесспорно относятся миниатюрные вотивные сосудики. Техника их изготовления обычная, как и набор форм, повторяющий рядовую посуду. Нельзя отметить и какие-то особенности изготовления других сосудов (горшков, тазов и др.), явно употреблявшихся при исполнении различных ритуалов, кроме некоторых крупных сосудов, в которых совершались захоронения очищенных человеческих костей. Оссуариями их можно назвать довольно условно, так как в них помещались все кости скелета, включая мелкие кости фаланг пальцев, что предполагает способ очищения скелетов от мягких тканей, отличный от "выставления", принятого зороастрийцами (*Вайнберг Б.И., 1979; Яблонский Л.Т., 1999*). Эти сосуды чаще всего имеют форму укороченных по высоте хумчей и хумов со свойственной для них орнаментацией, но на плечиках у них сделано по четыре небольших симметрично расположенных отверстия, непосредственно под которыми помещены небольшие подковообразные налепы (*Вайнберг Б.И., 1979; Кой-Крылган-кала..., 1967, табл.*1, *21; Яблонский Л.Т., 1999, рис.*96, *2, 3, 9*). Ручками их назвать вряд ли можно, так как такой крупный сосуд ими не удержать. Скорее всего, они должны были поддерживать поднятыми вверх какие-то прутья или стержни, вставлявшиеся в расположенные непосредственно над ними отверстия, которые в свою очередь могли поддерживать балдахин или нечто подобное при совершении погребального ритуала (ср. *Рапопорт Ю.А., 1971, с.113, рис.56*).

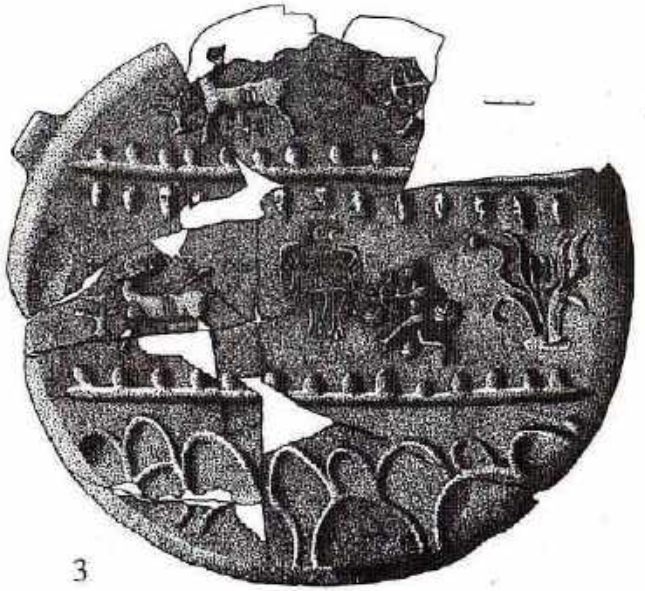
В бытовых сосудах также встречаются четыре отверстия на шейке или в верхней части плечиков сосудов, но они никогда не сопровождаются там "ручками"-упорами какого-либо типа. В этих сосудах отверстия могли служить для вентиляции содержимого, если сосуд был закрыт крышкой, или для привязывания последней.

1

2

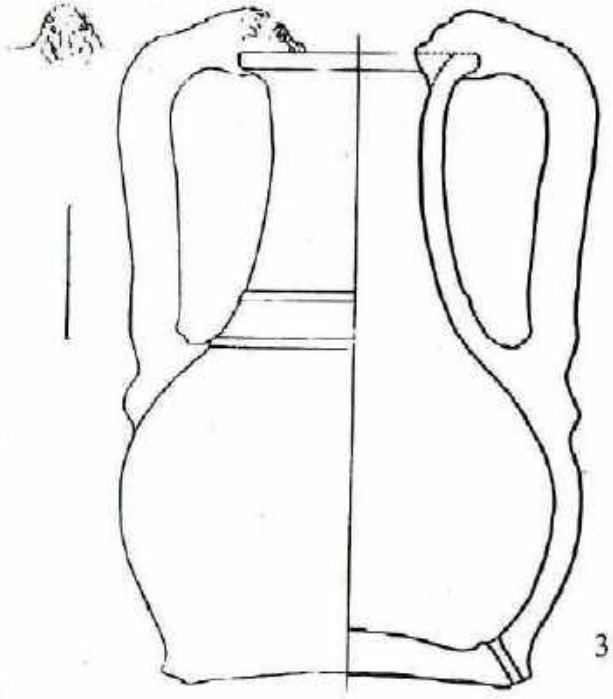
3

4

Рис. 1. Калалы-гыр 2. *1-2* кольцевой ритон; *3*- фляга с календарным мифом, раскоп 7 ; *4*- крышка сосуда с изображением Гопатшаха, раскоп 1/1

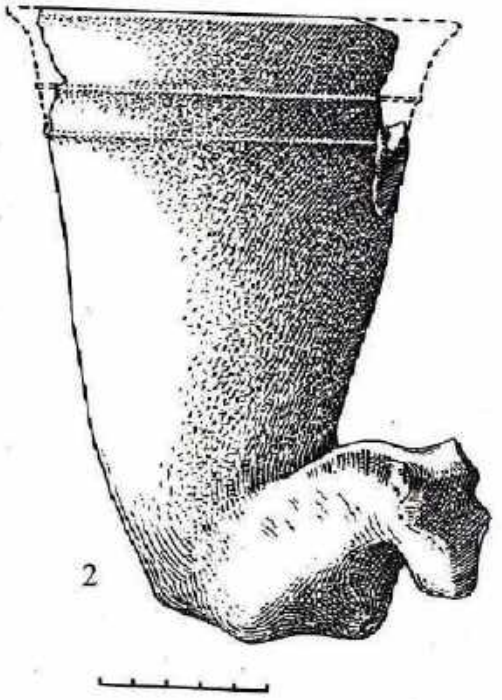

Рис. 2. Калалы-гыр 2. *1*- амфоровидный ритон, , верхняя площадка входного комплекса; *2*- роговидный ритон, раскоп 1/1, помещение 2; *3*- амфоровидный ритон, раскоп 3, помещение 2.

А.А.ГРИЦИНА
(Институт археологии АН РУз,
г.Самарканд, Республика Узбекистан)

ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА ИЗ УСТРУШАНЫ

В 1999 г. в Зааминский филиал Джизакского историко-краеведческого музея поступила терракотовая статуэтка, найденная в селении Сегасари в 3-х км к востоку от райцентра Зааамин при работах на земельном участке возле Мазартепе. Поскольку в музей и раньше поступали различные находки, также найденные возле памятника (сам памятник занят под современное кладбище), можно предположить, что прилегающие к нему участки являлись его частью. Судя по подъемному материалу и находкам, поступившим в музей, а также по небольшим зачисткам, проведенным автором, Мазартепе в основе своей является раннесредневековым поселением с последующим обживанием в X-XII и XVI-XVII вв. Памятник уже отмечался в ходе археологических разведок (*Аминджанова М., 1969, с.141; Немцева Н.Б., Дресвянская Г.Я., 1986, с.223*).

Статуэтка оттиснута в матрице и выполнена из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка, обжиг равномерный, черепок в изломе светло-коричневого цвета. На поверхности сохранились следы красного ангоба. Задняя часть и частично боковые края подрезаны ножом. С тыльной, также частично залитой ангобом, стороны имеются отпечатки пальцев мастера. Нижняя половина фигурки отколота. Сохранившаяся высота – 6,5 см (рис.1, а-г).

Фигурка изображена фронтально. Голова наклонена вперед. Волосы гладкие, прямые, зачесаны назад. Лицо узкое, правая его половина слегка деформирована. Надбровные дуги почти прямые, вразлет. Глаза миндалевидные с рельефными зрачками, слегка прикрыты. Нос отбит. Усы - в виде одной изгибающейся нити и необычайно длинны: их концы опускаются под ухом ниже скулы. Подбородок овальный, без растительности. Шея короткая. Плечи узкие, покатые. Левое плечо выше правого. Руки перекрещены на груди, при этом левая сверху. Четко изображены все пять пальцев левой руки, запястье которой украшают два браслета. Запястье правой руки уходит под мышку. По два таких же браслета находятся в верхней части обеих рук, ниже плеча. Достаточно выразительно показана одежда, которая, по-видимому, представляла собой кафтан или рубаху без отворотов. На рукавах ниже локтей видны четкие горизонтальные и вертикальные складки. Шея украшена гривной с девятью объемными одинаковыми подвесками.

В целом статуэтка выполнена на высоком уровне, в еще мало использованном колыбе, с четким изображением одежды и тела, в том числе и мелких деталей лица и рук. Наклон головы, прикрытые глаза и перекрещенные на груди руки выражают состояние покоя, скорбного молчания и "служения".

Попробуем найти аналогии и определить атрибуцию статуэтки. Обратим внимание на позу со скрещенными на груди руками, которая встречается не так уж часто, хотя и появляется на заре "отерракочивания" древних божеств - с эпохи энеолита и бронзы (*Антонова Е.В., 1977, табл.* XI,LVI,*11*) и характерна для иранского искусства парфянского и, особенно, сасанидского времени.

Таковы фигуры на каменных рельефах Тонг-и-Сарвака и Бишапура (*Ghirshman R., 1962, fig.68; он же, 1971, fig.10*). Известны сасанидские сосуды, на которых перед царем изображены вельможи в позе почтения – с перекрещенными руками (*Орбели И.А., Тревер К.В., 1935, табл.13,16*). Так на одном сосуде показан Хосров 1 Ануширван среди четырех вельмож, стоящих перед ним в этой позе. В.Г.Луконин в свое время обратил внимание на то, что в сочинении сасанидского времени "Хосров, сын Кавада, и его слуга" как бы дано описание одной из подобных сцен: "Иранец по происхождению, из Кавианидов, юноша, васпухр стоит перед шаханшахом, и руки скрещены на груди, а кисти рук – под мышками" (*Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987, с.81*). Последнее замечание о том, что "кисти рук под мышками", объясняет, почему на сосудах, а также на некоторых терракотках кисти рук не видны. На других же статуэтках, наоборот, кисти рук видны достаточно отчетливо. Имеет ли это какое-то значение, на основании имеющихся материалов ответить сложно. Во всяком случае, на сасанидском блюде с изображением царя на тахте в окружении слуг и музыкантов слуги стоят в позе "почтения" с перекрещенными руками, и у одного из них кисти рук "спрятаны" под мышками (нижняя фигура), а у другой (верхняя фигура), наоборот, они показаны очень четко. Впрочем, это различие можно объяснить и тем, что нижняя фигура отражает состояние длительного пребывания в позе "почтения", а верхняя - только что совершенного какого-то действия, когда руки еще не успели принять окончательного положения (*Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987, ил.33/16*).

Следует отметить, что многие детали изображения персоналий на сасанидских блюдах схожи с таковыми на нашей статуэтке: покрой одежды, наличие гривен и браслетов, тип лица и состояние волосяного покрова.

Поиск ближайших аналогий уводит нас, прежде всего, в раннесредневековый Согд. Здесь имеется группа лепных фигурок с перекрещенными на груди руками, отнесенных В.А.Мешкерис к числу гротескных. Все они хранятся в Эрмитаже. Одна из них сохранилась полностью. У нее левая рука проходит под правой. Над плечами имеется треугольный выступ с нарезкой, обозначающей крылышки или языки пламени (*Мешкерис В.А., 1977, с.46, табл.*XX1X, *67*). Среди этой группы есть фигурки без обозначений пламени или крылышек, а руки перекрещены иначе - правая рука проходит под левой (*там же, с.46*).

Фрагмент женской статуэтки со скрещенными руками найден в Пенджикенте. Предполагается, что нижняя ее часть, а точнее - ноги, принадлежали не человеческой фигуре, а животному, т.е. терракота изображает гибридное существо типа сфинкса (*Беленицкий А.М., 1961, с.95, рис.*20, *2*). Верхняя часть фигурки со скрещенными на груди руками имеется среди терракот, собранных на городище Варахша и в его окрестностях (*Шишкин В.А., 1963, с.49, рис.*12, *4*).

Фигурки со скрещенными руками встречаются среди изображений на согдийских оссуариях, при этом отмечаются как мужские, так и женские персонажи (*Павчинская Л.В., 1990, с.264-265 /105/; с.255-256 /92/; с.318-319*

/181/; с.383 /261/ и др.; Pavchinskaia L.V., 1994, с.216). А.А.Потапов считал, что на оссуариях фигурки в подобной позе связаны со сценой оплакивания (*Потапов А.А., 1938, с.130*). Того же мнения придерживается Ф.Грене, отмечая, что лица фигурок на оссуарии с Краснореченского городища испещрены глубокими порезами. При этом он ссылается на известную сцену оплакивания в пенджикентской живописи (*Grenet F., 1984, pp.180-181, pl.XLVI/c/*). Г.А.Пугаченкова, подчеркнув, что это не кариатиды, также считает их скорбящими духами-охранителями (*Pugachenkova G.A., 1994, с.239*). Авторы находки упомянутого оссуария датируют его VII-IX вв. и видят в фигурках людей "кушано-согдийского облика с атрибутами тюркской одежды" (*Горячева В.Д., Береналиев О., 1979, с.590-591; Памятники культуры и искусства Киргизии, 1983, с.57-58*). К.М.Байпаков видит в них фравашей (*Байпаков К.М, 1986, с.52*). Две терракотовые женские статуэтки из Куйруктобе он также связывает с фравашами (*Байпаков К.М., 1990, с.66-67*). Л.И.Рempель, отмечая, что в позе "служения" в некоторых произведениях восточного искусства VI-VIII вв. изображались слуги царей и ангелы-хранители у престолов божеств, поддерживал предположение К.А.Иностранцева, что фигурки на оссуариях со скрещенными руками являлись фравашами и были слугами-охранителями (*Ремпель Л.А., 1957, с.104*). А.М.Беленицкий назвал крылатого персонажа со скрещенными руками на оссуарии из Пенджикента крылатым гением (*Беленицкий А.М., 1955, с.8, рис.36/1*). Л.В.Павчинская и О.М.Ростовцев, анализируя сюжет с тремя фигурами людей, изображенными на оссуарии из Сарытепе, интерпретируют его как сцену моления, а самих персонажей представляют в качестве жриц или жрецов (фигуры лишены явных признаков пола); саму же позу со скрещенными на груди руками на основе широких аналогий считают позой почитания, "чем-то вроде ритуального знака молитвы" (*Павчинская Л.В., Ростовцев О.М., 1988, с.95*). Это последнее предположение для данного случая, как нам кажется, является наиболее приемлемым.

На одной из сцен росписей Пенджикента (объект XXV, пом.28) изображена, как полагают, чета богов с несколькими второстепенными персонажами. Один из них сидит на коленях в позе "почитания" со скрещенными на груди руками (*Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., 1993, с.157, рис.9*). Эта сцена перекликается с вышеописанной сценой на сасанидском блюде (*Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987, илл.33 /16/*), только здесь второстепенные персонажи обслуживают и почитают не царя, как на блюде, а богов.

В индийской иконографии со сложенными крест-накрест руками (положение хункара) изображалось божество Ваджрахункара. Бронзовая фигурка этого божества, датируемая VIII в., найдена в Чуйской долине Кыргызстана и попала сюда из Кашмира (*Памятники культуры и искусства Киргизии, 1983, с.62-63 /248/*). Один из шести персонажей рельефа южной стены храма Вишну Дасаватара (V-VI вв.), расположенных ниже Вишну, возлежащего на Змие Вечности в Деогархе, изображен со скрещенными на груди руками (*Мастера искусства об искусстве, 1965, ил.6; Тюляев С.И., 1988, с.218-219, ил.230-231*). Справа от входа в храм Гал-Вихара (Цейлон, XII в.) находится статуя Будды, погруженного в нирвану. У его изголовья в позе "почитания", скрестив на груди руки и опустив глаза, стоит фигура Ананды, любимого ученика Будды (*Всеобщая история искусств, 1961, с.256-257, ил.157*). Последние два элемента моделировки имеются и у нашей статуэтки. Иногда и Будда изображался со скрещенными руками в т.н. позе "размышления" (*Пугаченкова Г.А., 1979, с.182, ил.220*).

Таким образом, по приведенным сопоставлениям можно сделать вывод, что поза "почитания" или "служения" в каждом конкретном случае была наполнена определенным содержанием в зависимости от того, кому (или чему) прислуживают или поклоняются. К слову сказать, поза почитания в виде сложенных на животе рук дожила до наших дней. В среднеазиатских миниатюрах XV–XVII вв. в такой позе изображались люди перед правителями, видными сановниками, в поминальных обрядах и т.д. (*Пугаченкова Г.А., Галеркина О., 1979, с.90 /19/; с.96, /22/; с.104, /26/; с.116, /32/; с.134, /40/ и др.*).

Все приведенные выше аналогии связывает с исследуемой статуэткой, в основном, лишь одно – поза со скрещенными на груди руками. Во всем остальном имеется больше различий, чем сходства.

Поскольку исследуемая статуэтка найдена в Уструшане, обратимся к уструшанским материалам. В Уструшане предметов мелкой пластики найдено немного и их можно разделить на две группы – лепные, грубо сработанные примитивные фигурки и статуэтки высокого качества, изготовленные в колыбах (матрицах).

Две лепные статуэтки, так называемые идольчики, были найдены в Северном Таджикистане и отнесены к VII-VIII вв. н.э. (*Ранов В.А., Салтовская Е.Д., 1961, с.121, рис.102; Негматов Н.Н., 1982, с.51, рис.1; с.52, рис.2*). Они находят прямые аналогии с ферганскими идольчиками и связываются с погребальным культом (*Давидович Е.А., Литвинский Б.А., 1955, с.51-62, рис. 24-26; Литвинский Б.А., 1961, с.69, рис.6; с.71, рис.7*), культом предков, а также с некоторыми другими сторонами мировоззрения ферганцев и уструшанцев (*Брыкина Г.А., 1982, с.84-113; она же, 1982а, с.74-76*).

Фигурки второй группы несравненно более высокого качества как по способу изготовления (отмучка глины, обжиг, ангоб), так и по проработке деталей лица, тела, одежды. Одна из таких статуэток найдена на городище Калаи Кахкаха 1 и трактуется как одно из божеств местного пантеона (*Малаева З.А., 1986, с.399, рис.1 /1/; с.401*). С этим можно согласиться, так как пантеон согдийских и, видимо, уструшанских божеств был достаточно широк.

Как следует из источников, каждая семья и даже каждый человек могли иметь собственного идола (*Брыкина Г.А., 1982, с.101*). К такой группе статуэток, по-видимому, относится и наша находка, и она также может быть приобщена к числу изображений местных уструшанских божеств. В связи с этим хочется обратить внимание на то, что по типу лица, форме бровей, глаз и усов, зачесу волос наша терракотка сильно напоминает деревянного идола, найденного в верховьях Зарафшана (территория средневековой Уструшаны) (см. *Негматов Н.Н., 1957, карта*). По сопровождающим идола находкам (остатки деревянных ножен, меча и кинжала, колокольчики, зеркала и др.) он соотнесен с авестийским божеством Митрой (*Мухтаров А., 1982, с.16-20; Древности Таджикистана, 1985,*

с.172,248,595; Якубов Ю., 1997, с.50). К типу небольших домашних идолов отнесена и бронзовая фигурка женщины со скрещенными на груди руками, найденная на Калаи-Нофин, также в верховьях Зарафшана (*Ставиский Б.Я., 1961, с.106-107, рис.6*).

Выше уже отмечались некоторые индийские параллели нашей статуэтки. С индийской иконографией ее связывает и наличие браслетов в верхней части рук. Заимствования элементов индийской культуры прослеживаются в уструшанской живописи (*Негматов Н.Н., 1984, с.157-158; 161-162; он же, 1985, с.238; Беленицкий А.М., Маршак Б.Я., 1976, с.79-80*) и, особенно, в иконографии монет уструшанских правителей (*Смирнова О.И., 1981, с.31-34, с.324-335*). На монетах афшина Сатачари (тип III) изображен слон, индийская эмблема мудрости - Ганеш, шиваитский слоноподобный бог, покровитель торговли. Да и само имя афшина восходит к санскритскому "садачарья", что означает "учитель", "наставник" (*Смирнова О.И.,1981, с.32*).

Таким образом, найденную статуэтку можно интерпретировать как домашнего идольчика, изображающего одного из местных уструшанских божественных персонажей в позе почитания, "служения" и сотворения молитвы и отмеченного элементами заимствования приемов художественного оформления из сопредельных стран.

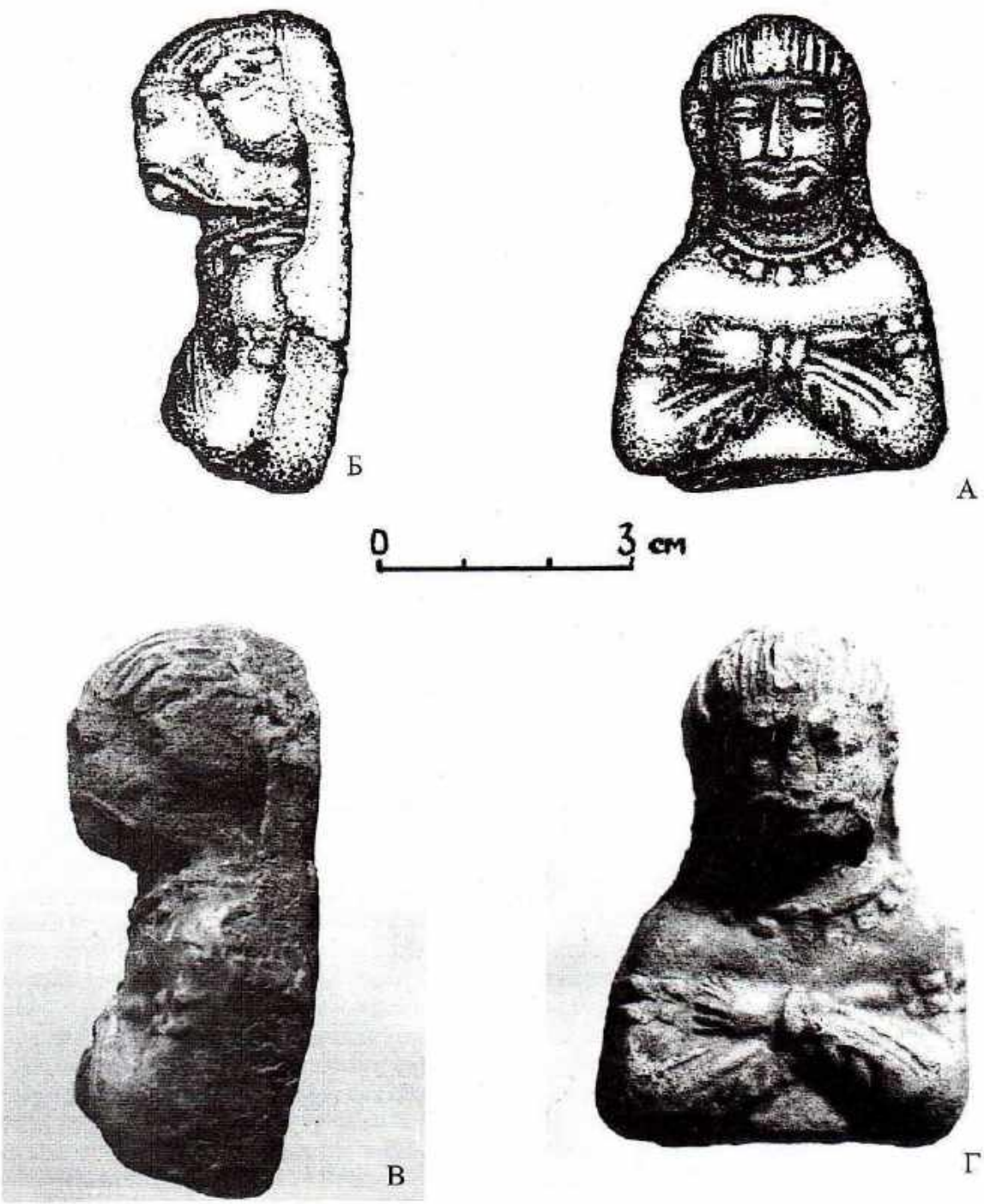

Рис. 1. Сегасари, терракотовая статуэтка. *А,Б*- прорисовка анфас и профиль. *В,Г*- фото.

Н.Д.ДВУРЕЧЕНСКАЯ
(Комитет по культуре Московской области,
Российская Федерация)

ИЗУЧЕНИЕ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ)

Терракотовая пластика является важной частью материальной культуры народов древней и раннесредневековой Средней Азии. Общепринято считать, что она была способом выражения религиозных, мифологических и, возможно, светских сторон мировоззрения. Для некоторых культур в решении вопросов идеологии и искусства терракотовая пластика является одним из основных источников, так как иные источники либо отсутствуют, либо слишком фрагментарны и противоречивы. Возрастающее в связи с этим значение терракотовой пластики определяет необходимость новых методов ее изучения, которые позволят из уже накопленного и рассмотренного материала почерпнуть больше информации. В свою очередь это требует историографического исследования для понимания динамики развития научного поиска в предыдущие годы, анализа достижений и ошибок.

На сегодня история изучения терракотовой пластики Средней Азии уже перешла свой столетний рубеж. Накоплен колоссальный материал во всех историко-культурных регионах, где она имеет распространение. Сведения о терракоте и анализ материала разбросаны более чем в трехстах книгах и статьях различных научных изданий. Весь этот объем литературы может быть разбит на три хронологических этапа. Первый включает в себя отрезок времени от начальных работ до создания региональных археологических экспедиций. Его характеризует изучение проблем терракотовой пластики в целом по всей Средней Азии. Второй этап начинается в 30-40-е годы нашего столетия, когда научное исследование проводилось в отдельно взятых регионах Средней Азии. Связан он с деятельностью комплексных археологических экспедиций, большинство которых действуют и сегодня. Параллельно с развитием региональных исследований второго этапа в конце 1960-х гг. возникают работы обобщающего характера по терракотовой пластике всей Средней Азии - с ними мы связываем начало третьего этапа, продолжающегося до сих пор.

Терракотовая пластика как яркая иллюстрация древней культуры с самого начала археологического изучения Средней Азии оказалась в центре внимания. На первом этапе в поле зрения ученых попадали в основном случайные находки, либо материалы, происходящие из археологических раскопок, которые велись без соответствующих методов. Несмотря на эти обстоятельства, первыми среднеазиатскими археологами и историками были обозначены опорные точки важнейших методов изучения терракотовой пластики, которые в дальнейшем определили суть двух направлений: искусствоведческого и археологического. Нужно отметить, что в период поиска и формирования методов исследования терракотовой пластики отмечается некий синкретизм в использовании обоих методов, и лишь к 1940-м годам наметилась их четкая дифференциация. Примером чему служит классическая статья А.Я.Борисова, построенная на методах сугубо искусствоведческих (*Борисов А.Я., 1940*). Напомним, что выделению этого направления способствовали работы Н.И.Веселовского (*Веселовский Н.И., 1887*), затем последовательно искусствоведческие методы были обозначены в исследованиях И.И.Толстова и Н.П.Кандакова (*Толстов И.И., Кандаков Н.П.,1890*), А.Д.Калмыкова (*Калмыков А.Д., 1909*), К.Т.Залемана (*Залеман К.Т., 1909*), Н.И.Веселовского (*Веселовский Н.И., 1917*), К.В.Тревер (*Тревер К.В.,1934; она же, 1940*), А.А.Потапова (*Потапов А.А., 1938*) и других.

Работы искусствоведческого направления представляли собой специализированные исследования терракотовой пластики, которые рассматривали эти изделия как памятники искусства и использовали несколько методов: *каталожный*, т.е. публикация коллекций и их анализ; *интерпретационный*, т.е. разъяснение, толкование идейного содержания изображений, отождествление их с известными в искусстве посредством привлечения различных аналогий, а также свидетельств письменных, археологических и этнографических источников; *иконографический*, изучающий определенный изобразительный ряд и процессы, происходящие в нем; *стилевой* - выявление для определенного хронологического отрезка своей манеры оформления мысли в изобразительном искусстве.

Характерной особенностью этого направления является не только вычленение терракотовой пластики из комплекса археологического материала и ее отдельное рассмотрение, но и вычленение изобразительного ряда и исследование его отдельно от самих терракотовых изделий. Такой подход имеет свои преимущества, но лишь до тех пор, пока он составляет один из компонентов в целостном изучении предмета. На фоне формирующихся основных принципов археологического изучения древней материальной культуры отдельное рассмотрение терракотовой пластики в работах искусствоведческого направления с его отточенными методами позволяло более емко обозначить круг проблем, наметить связи с другими видами искусства и материальной культурой. Благодаря применению этих методов стали накапливаться данные для восстановления представлений о существовавших в отдельные исторические промежутки времени пантеонах богов и мифологических героев с выходом на вопросы религиозного мировоззрения в целом. Кроме того, исследования иконографии и стиля изобразительных сюжетов терракотовой пластики выходили на проблемы взаимовлияния различных культур и взаимопроникновения религиозных и идеологических представлений.

Поиск и становление археологических методов исследования терракотовой пластики, понимание их важности было, безусловно, связано с процессом становления и развития основных принципов самой археологической науки, начиная со стратиграфического исследования памятников со строгой привязкой и фиксацией всех предметов материальной культуры и кончая разработкой методов исследования каждой отдельно взятой категории изделий

через анализ всех археологических данных в совокупности и во взаимосвязи с последующим составлением комплексов материальной культуры конкретных памятников для конкретных хронологических промежутков времени.

В отличие от искусствоведческого направления, представленного большей частью исследований первого этапа, формирование археологического направления в изучении терракотовой пластики нашло свое отражение всего в нескольких статьях. Вследствие этого представляется возможным их подробное рассмотрение.

В первой статье, касающейся проблем терракотовой пластики, - "Сообщения из раскопок близ Афрасиаба в 1885 г.", Н.И.Веселовский попытался выделить различные виды этих изделий. Им были отмечены фрагменты "глиняных гробов", "головки-налепы на оссуариях", "головки-налепы, украшавшие сосуды", "головки" самостоятельного значения и "идолы", а также особенности технологии изготовления этих изделий (*Веселовский Н.И., 1887, с.XCII-CIV*). Необходимо отдать должное проницательности исследователя, который обозначил эти виды на основе их функционального назначения. Дальнейший их анализ позволил автору, к примеру, усомниться в том, что статуэтки могли являться детскими игрушками, так как аналогичные головки являлись налепами на глиняных гробах и, следовательно, имели "какое-нибудь религиозное или символическое значение". Таким образом, уже первое исследование иллюстрирует необходимость изучения различных по функциональному назначению изделий терракотовой пластики как специализированно, так и во взаимосвязи.Более серьезный и разносторонний подход к археологическим данным по терракотовой пластике, в частности, оссуариев, был представлен в работах И.Т.Пославского. Непосредственное практическое ознакомление с оссуариями, тщательный и детальный анализ формы оссуариев, технологии изготовления, преимущественного их местонахождения (даже без какой-либо хронологической привязки), анализ сопутствующего материала вместе с функциональным назначением этих предметов позволили генерал-майору И.Т.Пославскому уже в 1903 году прийти к чрезвычайно важным выводам как по самим оссуариям, так и по оссуарному обряду погребения в целом, многие из которых подтвердились в дальнейшем. Судя по статистике мест нахождения оссуариев (на Афрасиабе они локализовались в жилом массиве самого города, а не в отдельно стоящих курганах), исследователь предполагает, что оссуарный обряд имеет совершенно иную природу в отличие от курганных погребений, и, вероятно, принадлежал оседлому земледельческому населению. Анализ формы самаркандских четырехугольных оссуариев, наличие одной украшенной лицевой стороны приводит к предположению, что они не были предназначены для закапывания в землю, а, возможно, в них "хранились дорогие останки покойников на виду". Немногочисленность находок в отдельно взятых местах, указывает автор, может свидетельствовать о захоронениях отдельных дворов и семейств. Изучение технологии изготовления позволило прийти к выводу о "сравнительно высоком состоянии культуры, требовавшей большого времени для своего развития" (*Пославский И.Т., 1903, с.36-50*).

Таким образом, в работе И.Т. Пославского был представлен анализ в совокупности и во взаимосвязи таких данных, как технология изготовления, форма изделий, местонахождение и его характер, сопутствующий материал.

На фоне всеобщего увлечения интерпретациями изобразительных сюжетов на изделиях терракотовой пластики, в частности на оссуариях, а также интерпретацией формы и реконструкцией погребального обряда особое значение приобретают предложения В.В.Бартольда, высказанные им в статье "К вопросу об оссуариях Туркестанского края". Ученый призвал своих коллег держаться определенного направления, которое не отвлекало бы археологов от их главного подхода, основанного на изучении самого предмета материальной культуры: "сопоставление отдельных экземпляров, установление отдельных разновидностей и выяснение их зависимости от географических, этнографических и иных условий" (*Бартольд В.В., 1908, с.65*). В этой скупой фразе по сути заключается основа полноценных и универсальных археологических методов исследования памятников материальной культуры и в том числе терракотовой пластики.

Большинство исследований первого этапа посвящены оссуариям как наиболее четко выделенному виду терракотовой пластики с конкретным функциональным назначением. Остальные виды терракотовых изделий впервые были рассмотрены отдельно от оссуариев в книге В.Л.Вяткина "Афрасиаб...", в главе "Терракотовые статуэтки". Это исследование содержало обобщение по известным к тому времени видам терракотовой пластики Афрасиаба: "статуэтки, головки и рельефные фигурки на терракотовых плиточках". Все они рассматривались в совокупности, с выделением особенностей каждого вида в технологии, а также в стиле и иконографии. Впервые были приведены среднестатистические размеры статуэток, головок и плиток. Анализ технологии их изготовления показал, что терракотовые плитки встречаются только штампованные; штампованными были также статуэтки и головки за редким исключением. Приводятся наблюдения за вторичными приемами изготовления: доработка по сырой глине после оттискивания острым инструментом, заглаживание тыльной стороны пальцами, а также окрашивание в черный и красный цвета с помощью погружения в краситель. Отдельно упоминаются статуэтки лепные и комбинированные, т.е. со штампованными головками на вылепленных вручную туловищах. На основе анализа технологии, выявленной общности в приемах изготовления, а также находок здесь же на городище бракованных фрагментов статуэток, головок и самих форм для их оттискивания, автором был обоснован вывод о местном происхождении этих предметов (*Вяткин В.Л., 1926, с.20*). Тщательно анализируя изобразительный ряд, а также часть археологических данных по исследуемым изделиям, автор упустил анализ таких важных показателей, как их местонахождение и сопутствующий материал. Безусловно, это связано с тем, что анализировался в основном подъемный или коллекционный беспаспортный материал. Тем не менее, при исследовании такой крупной коллекции терракотовых изделий (несколько сотен экземпляров) сопоставление этих данных при помощи статистики могло существенно пополнить представления о данной категории изделий, как это видно на примере работы И.Т.Пославского.

Отдельная глава книги В.Л.Вяткина была посвящена оссуариям. Не случайным представляется начало их рассмотрения уже в главе "Терракотовые статуэтки". На примере части головок была установлена непосредственная связь с оссуариями тех видов терракотовой пластики, которые сейчас принято изучать обособленно от них.

Намеченная В.Л.Вяткиным схема построения исследований изделий терракотовой пластики включает в себя: а) размеры; б) описание технологии изготовления (состав теста, прием формовки, дополнительная доработка в виде нанесения ангоба, либо раскрашивания, а также подправка штампа от руки); в) детальное описание изображения; г) выявление стилевых особенностей; д) классификацию на основе иконографического анализа. Нужно отметить, что в дальнейшем эта схема сыграла роль своеобразного образца. В различных вариациях она применялась до последнего времени и имела тенденцию к упрощению и канонизации, а не к углублению и анализу вновь накапливаемого материала. Несмотря на проведенный анализ размеров и технологии изготовления во взаимосвязи с функциональным назначением изделий терракотовой пластики, В.Л.Вяткин не использовал метод совокупного рассмотрения всех археологических данных, намеченный в работе И.Т.Пославского. В дальнейшем обязательное описание размеров и технологии изготовления терракотовой пластики приняло формальный характер и не внесло ничего нового в понимание роли и значения этих изделий.

Молодость археологической науки, неоформленность ее основных принципов - целостного изучения материальной культуры во всех ее проявлениях - повлияли на то, что для исследования терракотовой пластики обозначенные археологические методы не получили в дальнейшем детальной разработки. В результате прерогативой стали искусствоведческие методы исследования памятников изобразительного искусства, апробированные уже в течение нескольких столетий. Заодно с методами археологи позаимствовали отношение к терракотовой пластике как к сугубо памятникам искусства, чем как бы и оправдывалось применение последних. Таким образом, терракотовая пластика из раскопок, являясь уже полноценным археологическим материалом, с 1940-х годов практически выпала из широкого спектра предметов материальной культуры, для изучения которых создавались и применялись археологические методы.

Сегодня терракотовая пластика Средней Азии представлена колоссальным по объему и разнообразию материалом, к которому не ослабевает интерес. Если до 1940-х годов было опубликовано менее трех десятков работ, то за последующие годы их количество значительно увеличилось.

Автором этих строк проведено историографическое исследование всего доступного объема литературы, затрагивающей проблемы терракотовой пластики древней и раннесредневековой Средней Азии. Были выявлены определенные закономерности в использованных подходах, методах и результатах их применения для разрешения изучаемой темы как в отдельных историко-культурных регионах, так и в Средней Азии в целом. Благодаря крупномасштабным работам археологов ЮТАКЭ был собран объемный материал, отразивший основные виды терракотовых изделий, а также иконографических типов, бытовавших в Маргиане с III в. до н.э. по VIII в. н.э. Свое освещение он получил в 22 исследованиях шестнадцати авторов.

В истории изучения коропластики этого региона центральную роль сыграла концепция "Маргианской богини", разработанная Г.А.Пугаченковой (*Пугаченкова Г.А., 1959; она же, 1962; она же, 1967*), суть которой заключалась в построении схемы эволюции основных иконографических образов, без рассмотрения изделий как самостоятельных предметов со своим функциональным назначением, отраженным в комплексе таких показателей, как технология изготовления, форма, размеры, происхождение, взаимосвязь со всем комплексом материальной культуры соответствующего отрезка времени.

Последующие статьи вплоть до 1990-х годов были посвящены публикациям новых находок терракотовых изделий или рассмотрению отдельных иконографических образов и вписывали все их многообразие в существующую концепцию "Маргианской богини", используя те же методы искусствоведческого направления.

Давление субъективно-искусствоведческого подхода становится наиболее очевидным при рассмотрении уникальных, с точки зрения возможности применения комплексного подхода, материалов из нескольких жилых и производственных объектов, таких, как, например, квартал мукомолов и дом металлиста на городище Гяур-калы (*Усманова З.И., 1963, Кацурис К., Буряков Ю.Ф., 1963*). Открытие большого количества изделий терракотовой пластики in situ в хорошо датированном комплексе с другими предметами материальной культуры само по себе дало богатейший материал для понимания значения этих изделий. Безусловно, терракотовая пластика с этих объектов требовала глубокого специализированного исследования, с анализом всех археологических данных в совокупности и взаимосвязи, создания каталога с необходимой графической или фотографической фиксацией всех изделий и аргументированными паспортными данными. Традиционное исследование открытых комплексов лишило их самостоятельного конкретного содержания.

Итогом полувековых исследований стала работа Г.А.Кошеленко и С.В.Новикова (*Кошеленко Г.А., Новиков С.В., 1999*). Авторы вскрыли внутреннюю противоречивость концепции Г.А.Пугаченковой, необоснованность ее основных положений и призвали отказаться от главных выводов и заново подойти к рассмотрению проблем терракотовой пластики, в частности, эллинистического периода. В свою очередь, предложенная в ответ концепция сравнительного метода также лежит в плоскости искусствоведческого направления, возможности которого принципиально не могут затрагивать весь спектр проблем, связанных с коропластикой.

Терракотовой пластике Согда посвящена обширная литература. Проблемы этого вида материальной культуры рассматриваются почти в двухстах статьях, книгах, каталогах и диссертациях. Изучение материалов Согда началось с конца XIX века. Усилиями нескольких поколений исследователей был собран и обработан огромный по объему и разнообразию материал. В подавляющем большинстве исследований использовался подход к изделиям терракотовой пластики Согда как к памятникам искусства. На общем фоне выделяются труды В.А.Мешкерис (*Мешкерис В.А., 1962; она же, 1977; она же, 1989*). Автором впервые была предложена определенная систематизация полученных данных по терракотовой пластике региона, вылившаяся в создание каталогов по Афрасиабу и по Согду в целом. Однако

исследования, основанные на приоритете искусствоведческих методов, не принесли желаемых результатов и не позволили разрешить существующие противоречия. Отсутствие единой концепции в данном регионе привело к наличию многих непересекающихся точек зрения по различным проблемам терракотовой пластики. В начале 1970-х годов Б.И.Маршак предложил принципиально иное решение накопившихся проблем. Он подверг сомнению рациональность общепринятого подхода к большинству изделий терракотовой пластики как к предметам искусства, и в том числе как к историческим источникам, предложив заново подойти к интерпретации изобразительного ряда с учетом отмеченных им особенностей технологии изготовления (*Маршак Б.И., 1972, с.276-277*). Увиденная Б.И.Маршаком необходимость рассмотрения изобразительного ряда терракотовых изделий во взаимосвязи с особенностями технологии их изготовления - только часть комплексного подхода, которая, тем не менее, позволила наметить новые перспективы в изучении этого материала. Предложения автора получили одобрение лишь незначительной части ученых и продолжали существовать параллельно с ранее наработанным подходом, без каких-либо попыток разрешить обозначенные противоречия.

История изучения бактрийской пластики претерпела аналогичные процессы. Подход к терракотовым изделиям как к памятникам искусства последовательно разрабатывался К.В.Тревер (*Тревер К.В., 1940*). Л.И.Альбаумом (*Альбаум Л.И., 1960*), Г.А.Пугаченковой (*Пугаченкова Г.А., 1966; она же, 1973; она же, 1979*), Х.Мухитдиновым (*Мухитдинов Х., 1973*), К.А.Абдуллаевым (*Абдуллаев К.А., 1985*) и многими другими. В целом было написано более шестидесяти работ. Из общего искусствоведческого направления выбиваются несколько исследований, появившихся в 1990-х гг. К ним в первую очередь относится диссертация С.В.Вивденко (*Вивденко С.В., 1990*), где впервые были апробированы естественнонаучные методы. Исследование технологии изготовления предметов терракотовой пластики Северной Бактрии во взаимосвязи с технологией производства керамики помогло установить закономерные особенности технологии различных исторических эпох, в частности, греко-бактрийской и кушанской. Более того, были выявлены особенности взаимовлияния керамического производства и изготовления терракот и различия в технологии изготовления отдельных категорий терракотовой пластики, например, статуэток всадников "бактрийского" типа и статуэток богинь "юэчжийского" периода. Работа раскрыла возможности археологических методов исследования изделий терракотовой пластики, обрисовав часть возможных перспектив.

Еще одна работа была выстроена на изучении материала через анализ технологии изготовления (*Il'yasov J.Ya., Mkrtychev T.K., 1992*). В ней был апробирован ранее выдвинутый Б.И.Маршаком подход и пересмотрены предложенные предшественниками интерпретации отдельных иконографических образов.

Изучением терракотовой пластики Хорезма занимался узкий круг исследователей, было написано 25 научных работ. Особенностью исследований терракотовой пластики Хорезма, при использовании также искусствоведческого подхода, является отсутствие внутренней противоречивости построенных схем эволюции развития отдельных видов терракотовой пластики. Это, в частности, было достигнуто рассмотрением многих видов изделий в контексте исследований керамического производства в целом (*Воробьева М.Г., 1958; она же, 1959*). Тем не менее, в вопросах происхождения и хронологии основных иконографических типов, а также зарождения в Хорезме собственной школы терракотовой пластики наметились существенные расхождения с результатами исследований соседних регионов, которые не могут быть объяснены только своеобразием культуры Хорезма.

Подводя итоги истории изучения терракотовой пластики Средней Азии, необходимо отметить громадное значение проделанной работы по осмыслению и систематизации накопленных материалов. Для сохранения и развития достигнутых успехов, а также для сведения различных точек зрения в объективную систему знаний необходимо понимание процесса развития научного поиска и его ошибок, суть которых заключается в приоритетном применении искусствоведческих методов, успешно освещающих часть проблем, но принципиально не позволяющих исследовать проблему целостно, в итоге вязнущих в большом количестве субъективных взглядов без качественного приближения к новому уровню осмысления роли и назначения различных видов терракотовых изделий. Необходимо отметить, что частичное использование археологических данных в работах этого направления несет не самостоятельное значение, а зачастую идет как подкрепление основных выводов исследователей.

Выход из создавшейся ситуации могут обеспечить уже разработанные универсальные археологические методы исследования различных категорий изделий, которые подразумевают создание надежной базы стратиграфически датированных изделий; изучение технологии изготовления с применением естественнонаучных методов; корреляцию внутренних связей изделий с комплексом памятника, внешних связей в рамках материальной культуры региона и государства; корреляцию терракотовых изделий как внутри одного вида, так и между различными видами; применение статистических методов в целом. В рамках этих методов и с учетом их необходимо применение также искусствоведческих методов для изучения изобразительного ряда. В данный момент апробирование археологических методов исследования терракотовой пластики ведется автором на базе материалов Южного Согда - Кеша; результаты этих работ будут отражены в наших следующих публикациях.

ДЖ.Я.ИЛЬЯСОВ
(НИИ Искусствознания Академии художеств РУз,
г.Ташкент, Республика Узбекистан)

ТЕРРАКОТА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЧАГАНИАНА

В науке сложилось представление о том, что в раннесредневековый период искусство коропластики в Северном Тохаристане прекращает существование и богатые традиции кушанского периода практически сходят на нет. В качестве примера можно привести мнение В.А.Мешкерис, опубликованное в 1992 г.: "В Тохаристане мелкая пластика предположительно позднего времени [V-VIII вв. – *Дж. И.*] представлена лишь единичными находками... Таким образом, где-то в середине I тыс. н.э. в большинстве районов Средней Азии и Иране терракотовая пластика прекращает свое существование" (*Мешкерис В.А., 1992, с.55*). Недавно опубликован еще один взгляд на проблему: "Терракоты...сравнительно часто встречаются только в слоях второй половины IV–середины V в. и позднее их практически нет... На протяжении всего раннесредневекового периода продолжают бытовать только весьма примитивные, вылепленные от руки фигурки "всадников" или животных" (*Зеймаль Т.И., Ртвеладзе Э.В., 1999, с.143*). Иначе говоря, с концом кушано-сасанидской эпохи якобы наступает период практического прекращения изготовления антропоморфных терракот. Однако накопленные к настоящему времени материалы по терракотам раннесредневекового Чаганиана – одного из крупных владений Северного Тохаристана - не позволяют согласиться с подобной трактовкой развития тохаристанской коропластики. Раннесредневековые терракоты из собрания Института искусствознания Академии художеств Узбекистана, найденные на городищах Сурхандарьинской области, опубликованы в различных изданиях[1]. Попытаемся вкратце обобщить эти материалы и привести некоторые новые данные и интерпретации.

Прежде всего, назовем фрагменты трех терракот одного типа, изображающих персонаж в кафтане с правосторонним отворотом и в короне с тремя полумесяцами (рис.1, *1-3*). Одна из них найдена на цитадели Дальварзинтепа, вторая - на городище Будрач, третья – на неизвестном памятнике в Сурхандарьинской области. Первые две неоднократно публиковались (*Пугаченкова Г.А., 1966, с.224, рис.105; Рempель Л.И., 1987, с.54, табл.21; Абдуллаев К., 1990, с.68, рис.1,4; ДЮУ, 1991, с.318, №291; Pugachenkova G.A., 1992, pp.57,58, fig.8,9; Якубов Ю., 1996, с.148, рис.4,5*). В нашей первой публикации, посвященной данным терракотам, исходя из сходства корон и украшений на терракотах и изображениях бодхисаттв из Мерва и Бамиана, мы сделали попытку интерпретировать терракоты как образ бодхисаттвы, сформировавшийся под влиянием эфталитов (*Ильясов Дж.Я., 1997, с.31*). В настоящее время мы не считаем эту попытку удачной, хотя появление буддийских персонажей в венце с тремя полумесяцами под влиянием именно эфталитов, использовавших и развивших сасанидскую царскую иконографию, представляется несомненным. С этой точки зрения предположение о связи чаганианских терракот с буддийской иконографией в некоторой степени оправдано. Однако, определения Г.А.Пугаченковой – "бюст женского божества", "голова богини", Э.В.Ртвеладзе и А.С.Сагдуллаева – "женское лунное божество", Л.И.Рempеля – "богиня с рогами", Ю.Якубова – "злой дух", относящиеся к этим терракотам (*Pugachenkova G., 1992, pp.57,58; Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С., 1986, с.110; Рempель Л.И., 1987, с.56; Якубов Ю., 1996, с.147*), также представляются нам не совсем верными. Аналогии костюму персонажей на терракотах дают росписи Балалыктепа, Бамиана, Кызыла, Кучинского реликвария, изображения на монетах и в торевтике; короны с тремя полумесяцами известны на эфталитских монетах, а также по росписям (Бамиан, Какрак, Фундукистан) и изображениям на керамических плитках (Мерв). Особенно близок облик одного из персонажей росписи над 35-метровой статуей Будды в Бамиане – у него корона с тремя полумесяцами и кафтан с правосторонним отворотом (*Tarzi Z., 1977, pl.A1:o1*). Бамианские персонажи интерпретируются как царственные адоранты, то есть как персонажи светские. Мы полагаем, что чаганианские терракоты следует интерпретировать как образ идеализированного или обожествленного правителя, а не женского божества и не бодхисаттвы. Два несомненных признака этих терракот – венец с тремя полумесяцами и треугольный ворот – позволяют датировать их в пределах V-VII вв. и связать их с эфталитами[2].

К числу эфталитских нами отнесена еще одна терракота с городища Будрач (*ДЮУ, 1991, с.320, № 297; Pugachenkova G., 1992, p.63, fig.14*) (рис.1, *4*). Мы считаем, что ее облик чрезвычайно близок образам пирующих вельмож, представленных в балалыктепинских росписях. В особенности это касается своеобразной прически персонажей с треугольным мысом над переносицей, специально показанным на терракоте прочерченной линией, и с приостренными прядями, частично или полностью закрывающими уши (*Альбаум Л.И., 1960, рис. 99, 101, 103, 106*). Сходную форму прически можно видеть и у персонажей на т.н. "первой эфталитской монете" (*Вундцеттель Н.Э., 1927, с.226-230; Тревер К.В., 1960, с.263*), "Строгановской чаше" (*Тревер К.В., 1940, табл.19*)[3]. В раннесредневекой коропластике Северного Тохаристана представлены персонажи в крылатых коронах, также найденные на городище

[1] *Пугаченкова Г.А., 1978, с.74; Пугаченкова Г.А., Рempель Л.И., 1982, с.88,98; ДЮУ, 1991, с.280,318-320, №№ 143,271,272,291,296,297; Культура и искусство ..., 1991, кн.2, с.12-14,22, №№ 362,364-366,384; Pugachenkova G.A., 1992, pp.57-58,63-64; Ильясов Дж.Я., 1997, с.30-32; он же, 1997а, с.45-46; он же, 1998, с.17-18; Tanabe K., Hori A. Et al., 1997, p.113; Idem., 1998, pp.191-192, fig.26-28; Idem., 1999, p.99, fig.25.*

[2] Подробному анализу данных терракот мы посвятили специальную работу (*Il'yasov J.Ya., 1999/2000*).

[3] Более отдаленное сходство есть и с прической "тохаристанцев" в росписях Кызыла и Кучинского реликвария. Сочетание данного типа прически с эфталитским костюмом на ряде памятников представляется далеко не случайным. Можно предположить, что эта прическа характерна для эфталитской этнической среды.

Будрач – руинах средневековой столицы Чаганиана (*Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С., 1986, с.107; Абдуллаев К., 1990, с.68, рис.1,6; Культура и искусство..., 1991, кн.2, с.13, № 364; ДЮУ, 1991, с.319, № 296*) (рис.1, *5, 6*).

Еще одна раннесредневековая терракота, а именно плитка с изображением персонажа под аркой, была найдена на цитадели Дальварзинтепа. Г.А.Пугаченкова считала, что это обожествленный витязь или божество, воплощающее воинственное и победоносное начала. Она предполагала, что образок VI-VII вв. является копией скульптурной группы, посвященной какому-то воинственному божеству (*Пугаченкова Г.А., 1978, с.74; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1982, с.88,98*). Позже Г.А.Пугаченкова изменила интерпретацию и датировку (*Пугаченкова Г.А., 1989, с.96-105*)[3]. Она считает, что плитка, как и дильберджинская живопись, передает синкретический образ воинственной богини, в основу которого положена иконография Афины, вобравшая в себя атрибуты Дурги-Парвати, и датирует ее III-IV вв. При этом Г.А.Пугаченкова отвергает интерпретацию Ф.Грене, отождествившего с авестийской богиней Арштат ("Справедливость") богиню в шлеме Афины с росписей Дильберджина. Новая интерпретация и датировка Г.А. Пугаченковой приняты В.П.Никоноровым (*Nikonorov V.P., 1997, p.18, fig.45,a*). В отношении дальварзинского персонажа мы согласны с Г.А.Пугаченковой – несомненные элементы шиваистской иконографии, ему присущие, заставляют признать в нем более сложный синкретический образ. Следует отметить, что первым обратил внимание на индийские черты образа дальварзинтепинского "обожествленного героя" Л.А.Лелеков (*1985, с.66-67*). Соглашаясь в целом с Г.А.Пугаченковой, мы не можем принять ее датировку. Место находки данной терракоты – цитадель Дальварзинтепа – позволяет датировать ее как III-IV, так и VI-VII вв., поскольку она обживалась до второй половины VIII в. Однако плитки с изображением персонажей, стоящих под орнаментированными арками, характерны для согдийской коропластики VI-VIII вв. (*Мешкерис В.А., 1989, с.243-250; Древности Таджикистана, 1985, с.198-201*). Не говоря о том, что плитки вообще не очень характерны для Тохаристана, в случае датировки дальварзинской плитки III-IV вв. она стала бы единственным столь ранним изделием подобного рода, намного опередившим по времени появления все остальные. Кроме того, дильберджинскую роспись с богиней в шлеме, украшавшую пом.12 в северо-восточном культовом комплексе, нельзя датировать III-IV вв., поскольку этот комплекс возникает после того, как оборонительные сооружения города теряют свое значение, что произошло не ранее IV в. н.э. (*Кругликова И.Т., 1976, с.96*). По стилистическим признакам живопись северо-восточного комплекса также имеет более поздние параллели – она сближается по реалиям с пенджикентской живописью V-VI вв. (*Belenitskii A.M., Marshak B.I., 1981, p.50*). Таким образом, для дальварзинской плитки более приемлема датировка V-VI или VI-VII вв.[4]

В последние годы на цитадели Дальварзинтепа сделаны находки новых для Тохаристана типов терракот, позволяющие значительно дополнить представления о раннесредневековой коропластике региона (*Ильясов Дж.Я., 1997а, с.45-46; он же, 1998, с.17-18; Tanabe K., Hori A. et al., 1997, p.113; Idem, 1998, p .191-192, fig.26-28; Idem, 1999, p.99, fig.25*). Это фрагменты (рис.1, *7-9*) и целая плитка с изображением стоящего под орнаментированной аркой воина в склепанном из нескольких частей панцире и юбке, бронированной чешуйчатыми пластинами. На голове воина шлем, восходящий к форме "беотийских", в правой руке он держит копье, кисть левой руки на рукояти меча, подвешенного на двойном ремне. Из-под шлема на лоб спускаются короткие прямые пряди волос, лицо молодое, круглое, безбородое, в ушах серьги с крупными подвесками. Воин стоит с опорой на левую ногу, правая слегка согнута в колене. Орнаментация арки представляет собой листовидные фигуры в ее верхней части, треугольники вершиной вверх по бокам и рельефные круги под ногами персонажа. Мы приводили

[3] Еще один вариант датировки приведен Г.А.Пугаченковой в каталоге "Древности Южного Узбекистана"-V–VI вв. (*1991,с. 280, № 143*).

[4] Относительно объяснений Л.А.Лелекова по поводу появления данного образа - "реликт позднекушанского синкретизма с импульсом непосредственно из Индии", либо "реликт индоарийского субстрата в бассейне Окса ... по свидетельству находки квазиведического культового символа, вырезанного на полу заброшенного помещения в буддийском культовом комплексе Кара-тепе", то вместо реликтов позднекушанского синкретизма здесь можно с большим основанием вспомнить период вхождения Средней Азии и Индии в состав эфталитских государств, когда создались благоприятные условия для соединения в одном терракотовом изделии и типично согдийской композиции "воин (герой, бог, богиня) под аркой", и индуистских атрибутов. Тем более, что датировка образка соответствует данному периоду. В связи с этим упомянем также, что "квазиведический культовый символ" из Каратепа убедительно интерпретирован Т.К.Мкртычевым как эфталитский (*Мкртычев Т.К., 1996, с.222-223*).

Еще один вариант интерпретации рассматриваемой терракотовой плитки предложил К.А.Абдуллаев: он связывает персонаж, запечатленный на ней, "с символизирующим судьбу образом Зрвана, держащего в руках "жизнь" человека и жезл – символ божественной власти" (*Абдуллаев К., 1995, с.133-136*). Этот вывод основан на якобы имеющемся сходстве дальварзинского изображения с рельефами I-II и II-III вв. из Хатры, один из которых вырезан на алтаре огня (*The Oasis and Steppe Routes..., 1988, pp.189,191, №№ 13,18*). На этих рельефах представлен рогатый бородатый персонаж со спутанными волосами, в одном случае держащий двух змей и топор со змеевидным обухом, а на другом рельефе с головы до ног обвитый змеями, будто вырастающими у него из головы, плеч и других частей тела. В правой поднятой руке он держит топор со змеевидным обухом, левой рукой сжимает рукоять меча. Сопровождают персонаж изображения трехглавого Цербера, змей и скорпионов. Хотя костюм у этих мрачных персонажей иранский (отражение сильнейшего парфянского влияния на пограничные территории и города, расположенные на торговых перекрестках, такие как Хатра, Пальмира и др.), отождествляют их с образом ассирийского по происхождению бога войны и подземного мира Нергала (*Rosenfield J.M., 1967, p.170, fig.143; The Oasis and Steppe Routes..., 1988, pp.189,191*) (Гадес в греческой интерпретации образа, как упоминает со ссылкой на Фукан К.Абдуллаев; по-видимому, для представителей ираноязычных народов данный образ без особых сложностей отождествлялся с Ахриманом). Через ассоциацию атрибута Нергала в виде топора "с образом древневавилонского Кевала и его античных мифологических соответствий – Кроноса и Сатурна", К.Абдуллаев обращается к иранской мифологии, в которой "Сатурн приближается к Зрвану Акарану, олицетворявшему быстротечное время". И уже отсюда легко делается вышеупомянутый вывод о Зрване на дальварзинской плакетке. Рассуждения К.Абдуллаева понятны, не ясно только, какое отношение все это имеет к дальварзинскому образу безбородого (скорее всего, женского) персонажа в шлеме и доспехах, сидящего на зооморфном троне и держащего личину и трезубец! Насколько нам удалось понять, все это нагромождение различных образов основано лишь на предполагаемом сходстве лент со змеями, украшающих образ с Дальварзинтепа. С сожалением можно констатировать, что интерпретация К.Абдуллаева не имеет под собой убедительного основания.

некоторые данные о схожих образах в согдийской коропластике, на оссуариях и предлагали отождествить данный персонаж с Шахреваром (Хшатхра Вайря – "Желанное царство"), одним из зороастрийских Амеша Спента ("Бессмертных спасителей") (*Ильясов Дж.Я., 1999, с.141-142*). На монетах Хувишки Шахревар (РАОРНОРО) представлен в мускульной (?) кирасе, юбке и шлеме "беотийского" типа, на одном из вариантов монетного чекана он держит в правой поднятой руке копье, а левой придерживает рукоять меча (*Göbl R., 1984, taf.18*). Этот образ живо перекликается с иконографией персонажа на чаганианской терракотовой плитке[5]. Он, судя по обилию находок на цитадели Дальварзинтепа, был довольно популярен в Чагпаниане, а его абсолютная аналогия, напомним, найдена в Южном Согде, на городище Сарыктепа, в Яккабагском районе Кашкадарьинской области (*Лунина С.Б., 1990, с.47, рис. 4*), что объясняется, по-видимому, интеграционными процессами, обусловленными объединением Тохаристана и Согда в пределах эфталитского и тюркского государств. Еще один тип плитки-образка представлен двумя находками с Дальварзинтепа, это изображение персонажа, скорее всего, женского, стоящего со скрещенными на груди руками (рис.1, *10*). Длинное одеяние в рельефных складках, из-под локтей опущены концы перехваченного узлами шарфа. Композиционно к дальварзинским близки образы в складчатых одеяниях с развевающимся подолом (или шарфом), изображенные стоящими под арками со скрещенными на груди руками на оссуарии из Сарытепа в Самаркандском Согде. Подобные персонажи есть на ряде других оссуариев из Согда и Семиречья (*Павчинская Л.В., Ростовцев О.М., 1988, с.92, рис. 1; с.94-95; Памятники ..., 1983, с.57, № 231*), встречаются они и среди согдийских терракот (*Мешкерис В.А., 1989, с.227-230, 259, рис .123,1;* 125,*1;* 152,*1*).

Две терракоты найдены на раннесредневековом памятнике Баба-тепа, одна из них изображает бородатого мужчину, похожего на аскета, вторая своим схематизмом и манерой изображения скрещенных ног напоминает тюркские изображения (*ДЮУ, 1991, с.312, №№ 271, 272; Культура и искусство..., 1991, кн.2, с.12, № 362*).

Таким образом, имеющиеся материалы не позволяют согласиться с однозначной характеристикой периода после V в. н.э. как времени полного исчезновения терракоты в Северной Бактрии. Публикуемые данные свидетельствуют о безусловном существовании здесь коропластического искусства в эфталитский и тюркский периоды.

[5] Типологически схожий персонаж в "беотийском" шлеме и доспехах представлен на терракотовой пластике с Афрасиаба, датируемой IV в. н.э. (*Культура и искусство..., 1991,кн. 2, с.48, № 438; с.280, № 143*).

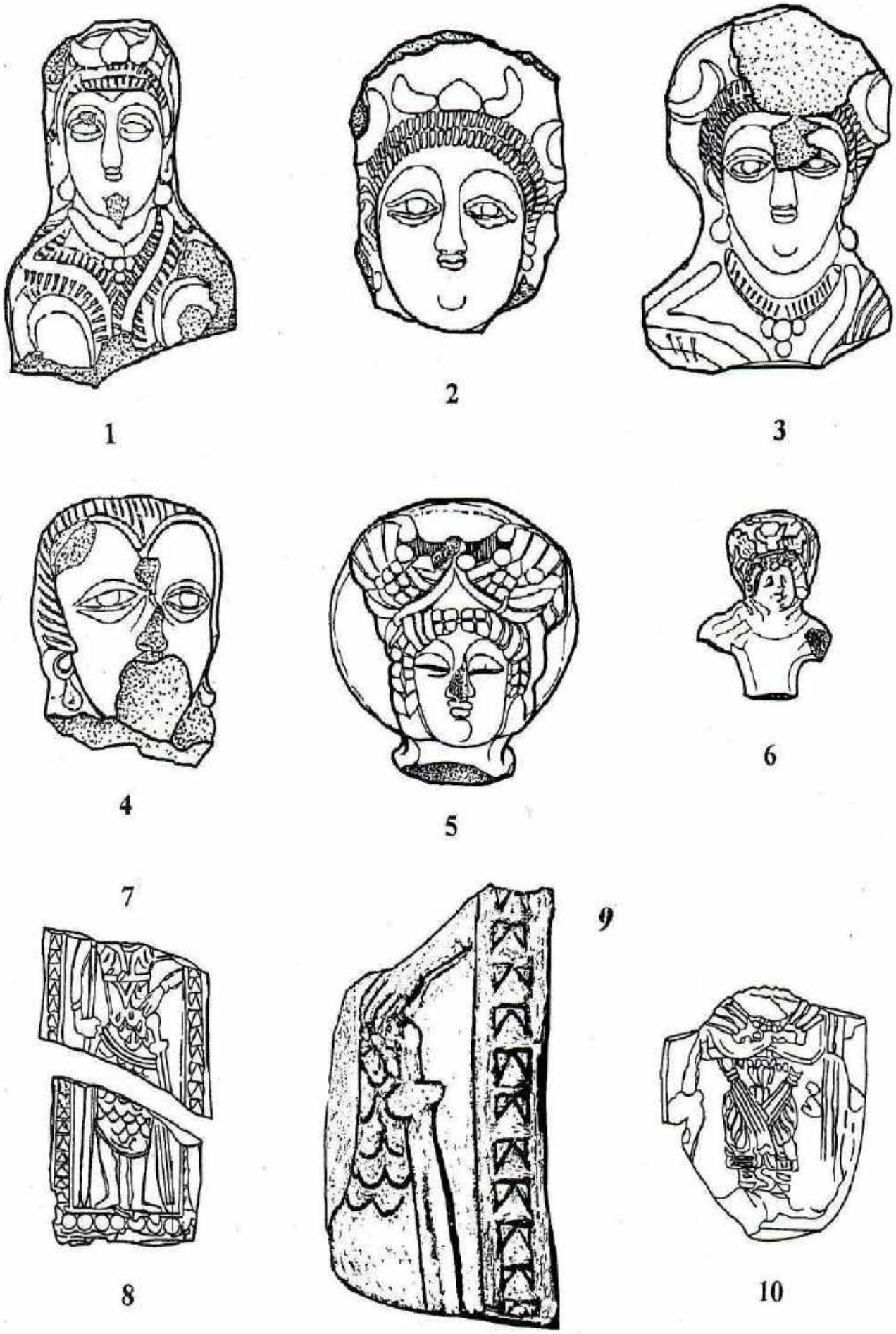

Рис. 1. Терракоты из Чаганиана

О.В. КИРИЛЛОВА
(Музей истории основания г.Самарканда
на городище Афрасиаб,
г.Самарканд, Республика Узбекистан)

БОГИНЯ В ШЛЕМЕ С ГОРОДИЩА АФРАСИАБ[1]

Каждый год на городище Афрасиаб (домонгольский Самарканд) в раскопах и на поверхности находят десятки целых и фрагментированных керамических статуэток. Предлагаемая к рассмотрению терракотовая головка в шлеме была передана автору несколько лет назад случайным лицом во время экскурсии по городищу.

Терракота изготовлена из розоватой глины хорошего обжига, имеет следы красного ангоба. Оттиснута в форме с дальнейшей доработкой деталей. Тыльная сторона подправлена ножом.

Голова изображена в фас, ее высота около 6 см. Лицо широкое, округлого очертания, с моделированным подбородком. Большие миндалевидные глаза со зрачками-ямками несколько приподняты к вискам. Брови дугообразные, высокие, сходятся на переносице и переходят в небольшой изящный нос (правая бровь и переносица повреждены). Рот нанесен пунсоном с дальнейшей подправкой верхней линии. Выражение лица спокойное, бесстрастное (рис.1, *а, б*). Прямо над бровями рельефной лентой передана диадема. Над диадемой широкий головной убор с треугольным выступом в центре, заканчивающимся шишечкой. У правого виска под краем шлема - изображение украшения или прически в виде шара. Левая часть головного убора повреждена. От виска на щеку спускается длинный завиток волос. С правой стороны видны две короткие пряди, прикрывающие ухо (рис.1, *в*). На левой щеке, частично перекрывая изображение локона, процарапаны два стреловидно сходящиеся штриха и выдавлена маленькая ямка (рис.1, *г*).

Наиболее близкое предлагаемой к рассмотрению головки изображение в терракоте - налеп на крышке оссуария. У головы на крышке оссуария "миндалевидные глаза с крупными ямками-зрачками непропорционально велики. Высоко приподнятые дугообразные брови, соединяясь на переносице, переходят в прямую линию носа. Нос тонкий с тщательно моделированными ноздрями. Рот маленький. На голове невысокий шлем с шишаком ... шлем низко надвинут и закрывает весь лоб..." (*Мешкерис В.А., 1962,с.99, № 364, табл.XXIV*). Близка по изображению и головка-налеп: "...выразительность (лица) достигается укрупнением резко очерченных широко открытых глаз с углубленными зрачками". Обе терракоты датируются В.А.Мешкерис V-VIII вв. (*Мешкерис В.А., 1977, табл.XXI, 2*).

Наиболее близкие к нашей терракоте изображение головного убора, трактовка глаз, бровей, носа в живописи у центрального персонажа росписей Дильберджина (*Кругликова И.Т., 1976, с.97,100, рис.56,59; она же, 1979, с.127, рис.10*). И.Т.Кругликова предположила, что головной убор является стилизованным изображением шлема. Поля шлема на росписи представлены в виде двух изогнутых линий. На терракоте поля подчеркнуты изогнутыми, глубоко процарапанными линиями. Изображение шлема на росписи в центре надо лбом завершается фигурной шишечкой или двумя шариками. На терракоте один шарик. Вокруг фронтально изображенной головы дильберджинского персонажа -нимб (помещение I2). В другом помещении (16) этот же персонаж повернут в профиль. И здесь уже не возникает сомнений, что на голове у него шлем. Такого типа шлемы хорошо известны и довольно часто встречаются на предметах искусства эллинистического времени (*Массон М.Е., Пугаченкова Г.А., 1959, с.163 и сл.*). На росписи помещения 16 хорошо виден миндалевидный, удлиненный глаз с большим, темным зрачком (рис.2, *б*). Дугообразная бровь близко подходит к переносице. Нос прямой, с небольшой горбинкой. Из деталей прически следует отметить локон-завиток, спускающийся из-под шлема перед ухом (такой же локон изображен и у персонажа росписи помещения I2). На щеке чуть ниже и правее локона нанесен знак в виде запятой. Такие же, но более удлиненные локоны и на нашей терракоте.

В большинстве случаев женский персонаж в шлеме воспринимается как эллинизированное изображение одной из восточных богинь: Анахиты, Нанайи, Ал-Лат.

В своей работе, посвященной иранским божествам кушанского времени, Ф.Грене приводит изображение богини в шлеме на монете. В правой руке богиня держит копье, а левой рукой опирается на круглый щит (*Grenet F., 1984a, p.259*). Персонаж из помещения I2 Дильберджина в правой руке держит какой-то предмет, а левой опирается на круглый щит (рис.2, *а*). Вероятнее всего, персонаж на росписях из Дильберджина представляет собой женское божество иранского пантеона посткушанского времени или последнего периода существования империи Кушан. Автор датирует росписи IV-V вв.

Надпись на монете Ф. Грене предлагает читать как имя богини Арштат. Такое имя носило божество иранской мифологии, олицетворявшее честь, правдивую прямоту в мыслях, словах и делах. Изображение богини, публикуемое Ф.Грене, находится на реверсе монеты Хувишки (28-60 гг. неизвестной эры).

Богине Арштат посвящен XVIII-й Яшт Авесты. "Арштат - основное достоинство сословия свободных и особенно государей. Только неуклонное следование Арштат обеспечивало правителю постоянство удачи и славы, символизированных в царственном нимбе - фарне" (*Мифологический словарь, 1990, с.66*). Как уже отмечалось выше, нимб есть вокруг головы персонажа из Дильберджина. Вероятно, персонаж росписей Дильберджина и является изображением богини Арштат.

[1] Приношу свою искреннюю благодарность Б.И.Маршаку за консультацию по датированию терракоты и Ф.Грене за любезное предоставление статьи по кушанской нумизматике.

Из различных источников известно, что в Согде были храмы со статуями богов и богинь, были и миниатюрные изображения божеств, они тиражировались путем оттиска в формах, которые, возможно, изготавливались с оригинальных статуэток из металла или камня. По-видимому, предлагаемая терракотовая головка является одним из оттисков с матрицы, изображавшей Арштат, - богиню, символизирующую честь и правдивость.

Все предлагаемые изображения "богини в шлеме" датируются в широком интервале с III (монета Хувишки) до V-VIII вв. (терракоты Самарканда). Однако, учитывая приведенные выше сопоставления и общую ситуацию развития согдийского искусства, предлагаемую терракоту с городища Афрасиаб можно датировать VI в. или несколько более поздним временем.

Рис. 1. Афрасиаб. Голова терракотовой статуэтки; *а*- прорисовка Л.Г. Брусенко; *б*- фото анфас; *в*- фото в повороте налево; *г*- фото в повороте направо

Рис. 2 а

Рис. 2 б

Рис. 2. Дильберджин : *а*- роспись в помещении 12; *б*- роспись в помещении 16.

Т.К.МКРТЫЧЕВ
(Государственный музей Востока,
г.Москва, Российская Федерация)

БУДДИЙСКАЯ ТЕРРАКОТА БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА: К ВОПРОСУ О ЕЕ РОЛИ В ИСКУССТВЕ И КУЛЬТЕ

В истории распространения и существования буддизма в Средней Азии одним из наиболее изученных регионов является Бактрия-Тохаристан. Очевидно, именно Северная Бактрия приняла первых буддийских миссионеров (это могло произойти уже во II-I вв. до н.э.), пришедших сюда из Индии (*Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., 1971, с.111*), а также именно здесь после объединения этого региона с Северной Индией в составе Кушанской империи в конце I–начале II в. началось бурное распространение буддизма (*Ставиский Б.Я, 1998, с.156*). Этот процесс сопровождался широким строительством различных буддийских культовых сооружений, многочисленные остатки которых были выявлены археологическими работами. Судя по полученным археологическим материалам (*Ставиский Б.Я., 1998, с.158*) и имеющимся в нашем распоряжении письменным источникам (*Beal S., 1906*), буддизм существовал на территории Бактрии-Тохаристана до арабского завоевания и сохранял свое влияние на культуру региона вплоть до X в. (*Melikian-Shirvani A.S., 1990, p.496-497*).

Как показали раскопки, буддийские памятники Северной Бактрии-Тохаристана и кушанского, и раннесредневекового времени были богато украшены глино-ганчевой и каменной скульптурой, а также настенной живописью. Полученные данные доказывают, что уровень оформления памятников был различным. Поэтому мы можем судить о том, что в украшении буддийских памятников принимали участие как профессиональные художники, так и обитатели монастырей. Последние не являлись собственно создателями декора при сооружении культовых объектов, а из-за отсутствия профессионалов временами были вынуждены самостоятельно проводить ремонтно-реставрационные работы скульптуры и настенной живописи.

Наряду с произведениями монументального буддийского искусства за годы изучения Северной Бактрии-Тохаристана собралась довольно обширная коллекция терракот буддийской тематики. Исследователи уже неоднократно обращались как к отдельным терракотам (*Кавасаки К., 1998*) и группам терракот (*Абдуллаев К., 1990, с.60-70*), так и ко всей буддийской коропластике региона (*Abdullaev K., 1997/98*).

Автор настоящей работы не ставил перед собой задачу собрать весь материал по буддийской терракоте Бактрии-Тохаристана. Как известно, археологические работы в регионе продолжаются, ежегодно появляются новые образцы буддийской терракоты, публикуются старые материалы, доступ к которым по целому ряду причин ограничен, и т.п. Поэтому сбор всей буддийской терракоты дело хотя и необходимое, но в настоящий момент трудно выполнимое. Вместе с тем для того, чтобы понять, что же представляла собой буддийская терракота в Бактрии-Тохаристане, какова была ее роль в кушанское время и что с ней стало в раннем средневековье, необходимо обратиться к некоторым принципиальным положениям, определяющим статус среднеазиатской терракоты.

Вся известная в настоящее время буддийская терракота Бактрии-Тохаристана была выполнена при помощи штампов. При этом, как показали исследования, специфика производства терракот заключается в том, что в Бактрии отсутствовали художники-коропласты (*Ilyasov J., Mkrtychev T., 1991/92, p.107-127*)[1] .

Производство терракотовых статуэток осуществляли ремесленники-керамисты, которые вынуждены были довольствоваться ограниченным набором оригинальных глиняных моделей, сделанных скульпторами для дальнейшего тиражирования. В большинстве случаев ремесленники делали штампы-матрицы с оригинальных произведений мелкой пластики (металлических, каменных, возможно, терракотовых), которые выступали в качестве патриц. В ремесленной среде оттиснутые с помощью полученных матриц статуэтки, в свою очередь, выступали в качестве патриц. Процесс тиражирования по принципу "патрица-матрица-патрица" мог иметь несколько фаз, что создавало т.н. генетический ряд. По технологическим причинам в генетическом ряду происходил процесс редукции - по мере удаления от первоначального образца (прототипа) ухудшалось качество изображения, уменьшались размеры статуэток. Все это в конечном итоге значительно изменяло изготавливаемую терракоту по сравнению с первоначальным прототипом.

Соответственно, приведенные технологические особенности определяют основное направление в изучении штампованной терракоты – составление генетических рядов и выявление прототипа.

Помимо технологических принципов при анализе буддийской терракоты Бактрии-Тохаристана необходимо учитывать еще два аспекта – тематический и хронологический.

Тематический аспект подразумевает систематизацию терракоты по образам, которые входили в репертуар буддийского искусства. Согласно традиционной иконографии, буддийской репертуар включает в себя изображения Будды, бодхисаттв, донаторов, якш, якшинь, любовной пары (митхуны), ступ.

Вместе с тем, несмотря на кажущуюся простоту определения образа буддийской терракоты, эта задача осложняется состоянием изучаемых образцов – большая часть их представлена фрагментированными и сильно редуцированными изображениями.

[1] Впервые эту методику для анализа штампованной терракоты Средней Азии применил Б.И.Маршак (*Маршак Б.И., 1972*).

Хронологический аспект предполагает систематизацию буддийской терракоты по времени ее изготовления. Однако по вопросам датировки терракоты существует много проблем. Так, штамп для изготовления терракоты мог быть оттиснут с гораздо более ранних произведений[2].

Штампы для оттиска терракоты могли перевозиться на значительные расстояния и сохраняться без использования довольно долго. Попытки опереться на стратиграфию в вопросе определения времени изготовления терракоты наталкиваются на широкую датировку слоев, в которых находят терракоты. Кроме того, известны находки ранних терракот в поздних слоях. Помимо этого, значительная часть буддийской терракоты Бактрии-Тохаристана кушанского времени представлена случайными находками, которые датируются достаточно широко по комплексу материалов, собранных на памятнике.

Учитывая вышесказанное, буддийская терракота Бактрии-Тохаристана рассматривается в соответствии с технологическими особенностями, репертуаром и тремя хронологическими этапами, выделение которых в определенной степени условно.

Кушанский этап (I-III вв.).

Для этого этапа нам известно около двух десятков терракот, найденных на различных городищах региона. Все статуэтки этого этапа выполнены в односторонних матрицах. Значительная часть их после оттиска обрезалась по контуру. Широкое распространение имел плотный красный ангоб. Однако встречается и некоторое количество статуэток, не покрытых ангобом.В это время в репертуар буддийской терракоты входят изображения Будды, бодхисаттв, донаторов, якш, якшинь, митхуны.

Образ Будды. Несмотря на то, что уже в I в. н.э. можно говорить о появлении изображения Будды и о том, что во II в. оно становится центральным образом буддийского искусства, среди терракот Бактрии этого этапа фигурки основателя учения встречаются не часто.

Самая ранняя терракота в этой группе - фрагмент с изображением сидящего в падмасане Будды – была найдена в раннекушанских слоях в стратиграфическом шурфе на цитадели Старого Термеза (*Пидаев Ш.Р., 1987, с.90, рис.4*). На основании стратиграфической колонки шурфа К.Абдуллаев датировал данный фрагмент I в. до н.э. – I в. н.э. (*Abdullaev K., 1997/98, p.162*). Между тем, несколько позднее автор раскопок Ш.Пидаев уточнил датировку слоя, в котором была найдена статуэтка Будды, – вторая половина I в. н.э.–первая половина II в. н.э., а соответственно, и датировку самой терракоты (*Пидаев Ш.Р., 1999, с.135*). Это уточнение имеет принципиальный характер, так как датировка, предложенная К.Абдуллаевым, не учитывает такого имевшего место в буддийском искусстве общего процесса, как формирование антропоморфного образа Будды.

Для более точного определения датировки самой ранней буддийской терракоты следует учитывать и то, что она несет на себе значительные черты редукции, а следовательно, данную статуэтку и прототип разделяет некоторый промежуток времени. Таким образом, говоря о дате самой ранней буддийской терракоты Бактрии, предпочтительнее называть первую половину II в. н.э.

Другие статуэтки с изображением Будды, которые можно отнести к этому хронологическому этапу, представлены случайными находками. Одна из них - фрагмент сильно редуцированной статуэтки сидящего Будды - была найдена среди подъемного материала на Кара-тепе (*Мешкерис В.А., 1969, с.134*). Среди прочих терракот этой группы встречаются фрагменты как явных изображений Будды (коллекция Института искусствознания, г.Ташкент), так и вызывающие сомнение относительно своей принадлежности к буддизму (*Абдуллаев К., Завьялов В., 1985, рис.4*).

Образ бодхисаттвы. Развитие махаяны, стимулировавшее оформление антропоморфного образа Будды в буддийском искусстве, сопровождалось появлением нового понятия в буддийском учении – бодхисаттвы, которое, в свою очередь, нашло изобразительное выражение.

Наряду с образом Будды среди буддийских статуэток кушанского времени выделяется группа с изображением бодхисаттв.

Наибольший интерес в этой группе вызывает статуэтка бодхисаттвы с Барат-тепе. Иконография статуэтки сопоставима с рельефами, изображающими бодхисаттву Майтрейю, сидящего на специальном троне. Такие рельефы известны как в Гандхаре (*Klimburg-Salter D., 1995, fig.142,*152), так и в Южной Бактрии (*Rosenfield J., 1967, ill.99,100*). Хорошая моделировка терракоты показывает, что статуэтка была оттиснута в одной из первоначальных матриц, сделанных, скорее всего, с металлического прототипа. Бараттепинская терракота была окрашена в темно-красный цвет, поверх которого сохранились следы позолоты. Вероятно, таким образом имитировался золотой (позолоченный) оригинал. Сейчас невозможно установить, включала ли матрица изображение трона. Однако, даже если оно было, после оттиска статуэтка была обрезана по краю и все детали, малопонятные ее производителю, в том числе изображение трона, были удалены. Учитывая, что и гандхарский, и бактрийский рельефы датируются в пределах с III по V вв. (*Klimburg-Salter D., 1995, fig.142, 152*), следует предположить, что бараттепинская терракота не может датироваться ранее III в. н.э.

Другим примером кушанской терракоты с изображением бодхисаттвы можно считать голову статуэтки с Исмаилтепе (*Культура и искусство..., 1991, кн.1, с.90, № 76*). Фрагмент оттиснут хорошо смоделированным штампом и передает классическую иконографию головы бодхисаттвы, увенчанной прической-тюрбаном. Многочисленные примеры аналогичных "куафюр" хорошо известны по гандхарской скульптуре (*Rosenfield J., 1967, ill.92*).

[2] Одним из таких ярких примеров является терракотовая статуэтка из Беграма (I-II вв.), изображающая Афродиту. По мнению Б.Роуленда, она была сделана с бронзовой накладки на мебель более раннего времени (*Rowland B., 1970, p.78, #94*).

Помимо этих двух терракот, изображающих очевидных бодхисаттв, К.Абдуллаев включает в эту группу еще четыре фрагмента статуэток (*Abdullaev K., 1997/98, tabl.*II, *1,3,4,7*). Однако, эти фрагменты не имеют характерных иконографических признаков, по которым они могли быть однозначно определены как бодхисаттвы. Так, в частности, статуэтка, изображающая стоящую фигуру в анждали-мудра (*Abdullaev K., 1996/97, tabl.*II, *7*), может быть интерпретирована как статуэтка адоранта.

В число бодхисаттв обычно включается и статуэтка с Зар-тепе, изображающая мужчину, сидящего скрестив ноги (*Культура и искусство..., 1991, кн.2, с.150, № 197*). Между тем анализ иконографии показывает, что ближайшие аналогии данному персонажу обнаруживаются не в Гандхаре или Матхуре, а в искусстве Сатаваханов, в частности, в Нагарджунаконде II в. н.э. Очень вероятно, что на зартепинской терракоте был такой же тюрбан, как на мужских персонажах в Нагарджунаконде, который пострадал при оттиске.

Это находка еще раз привлекает внимание к вопросу о связях Бактрии с Центральной Индией в кушанское и посткушанское время.

Образы донаторов и адорантов. Важное место в репертуаре буддийского искусства занимали изображения донаторов и адорантов. Они часто встречаются в монументальной буддийской скульптуре кушанского времени от Бактрии до Матхуры. Это объясняется тем, что экономическое благополучие буддийской общины напрямую зависело от помощи, которую ей оказывали знатные миряне. Соответственно, одним из направлений в буддийском искусстве было восхваление донаторов и адорантов. Из монументального искусства эта тема перешла в мелкую пластику, в частности, в терракоту Бактрии-Тохаристана.

Некоторые бактрийские терракоты уже были интерпретированы как изображения донаторов - статуэтки с Зартепе (*Культура и искусство..., 1991, кн.1, с.151, №199*) и с Хайрабадтепе (*там же, 1991, кн.1, с.78, №77; Abdullaev K., 1997/98, p.167-169*). Кроме них в эту группу можно включить и два фрагмента терракотовых статуэток с Кампыр-тепе. На них изображены мужчины с широкими лицами, массивными серьгами и ожерельем на шее. В одном случае сохранился цветок, который адорант держит в правой поднятой руке. Аналогичную иконографию имеют изображения адорантов в кушанской скульптуре Сангхола I-II вв. (*Sharma G.B., Rishi K.K., Kuldip Singh, 1985, p.65, ill.5*).

Примером того, что в Бактрии-Тохаристане буддийская терракота тиражировалась в соответствии с механизмом "патрица-матрица-патрица" являются два фрагмента терракотовых статуэток из Айртама и Старого Термеза, изображающих мужчин в одеянии типа "кандиз" (*ДЮУ, 1991, с.256, № 24*). Судя по разнице в размерах и моделировке, обе терракоты относятся к одному генетическому ряду. Прототипом модели для данных статуэток могли послужить изображения знатных кушанских донаторов в скульптуре Южной Бактрии, Гандхары и Матхуры (*Rosenfield J., 1967, ill.108, 94, 23*).

Образ якшини. Одним из наиболее распространенных образов в терракоте Бактрии-Тохаристана, пришедших сюда вместе с буддизмом, и получивших широкое распространение в кушанское время, был образ якшини (*Абдуллаев К., 1990, с.60-70*). По примерным подсчетам в настоящее время известно около десятка терракотовых статуэток, изображающих якшинь, которые представляют три разных иконографических типа.

Первый тип передает прямостоящую женщину, с руками, опущенными вдоль тела (Барат-тепе – 4 экземпляра, Старый Термез – 1 экземпляр). Бедра женщины опоясывает специальный пояс – мехкала (mehkala). Предплечья и плечи украшены браслетами, на голове – диадема (sitara), на шее – гривна, на груди – ожерелье (hara), в ушах массивные серьги (kundala).

Характер моделировки и размеры терракот первого типа позволяют говорить о существовании нескольких (возможно, трех) т.н. первоначальных штампов, которые положили начало параллельным генетическим рядам с изображением данного образа.

Второй иконографический тип в основных чертах повторяет первый. Но, вместе с тем, у него имеется ряд отличительных деталей. У якшини, послужившей прототипом для данного варианта образа, более широкие бедра, мехкала имеет другую форму. Судя по хорошей моделировке статуэтки из Тепаи-шах (на кистях рук выделены большие пальцы), она была оттиснута штампом, не слишком удаленным от прототипа (*Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983, с.23-25, табл.*IV, *1;* XXII, *3*). Другая статуэтка из этой группы (Зар-тепе), напротив, была выполнена более редуцированным штампом (*Альбаум Л.И., 1960, с.32-33, рис.17*).

Третий тип представлен одним фрагментом терракотовой статуэтки с Кампыр-тепе. В отличие от предыдущих типов, в данном случае в правой руке у якшини какой-то атрибут (цветок, зеркало?), левой она опирается на бедро (*Культура и искусство..., 1991, кн.1, с.117, № 130*). Стилистически статуэтка находит прямые аналогии в изображении якшинь в кушанской скульптуре Сангхола (район Матхуры) (*Sharma G.B., Rishi K.K., Kuldip Singh, 1985, p.85, ill.20*).

Образ митхуны. Еще одним образом, оказавшимся в Бактрии-Тохаристане вместе с буддизмом и запечатленным в терракотовых статуэтках, был образ любовной пары – митхуны.

В настоящее время известны два фрагмента статуэток с разных памятников (Батыр-рабад и Зар-тепе), изображающих митхуну. Судя по моделировке, они могут быть хронологически близкими оттисками одного генетического ряда. Показательно, что данное обстоятельство никак не учитывается при датировке этих фрагментов – батыррабадский фрагмент относят ко II-III вв. (*Культура и искусство..., 1991, кн.1, с.93, № 84*), а зартепинский - к III-IV вв. (*Abdullaev K., 1997/98, p.176, pl.*III, *1*).

К изображениям митхуны в бактрийской коропластике следует добавить одну терракоту с Кампыр-тепе (*Культура и искусство..., 1991, кн.1, с.115, № 127*). Она оттиснута в односторонней матрице, после чего были проведены правка изображения и подрезка по краю. В результате правки у обоих персонажей (у мужчины и женщины) были вырезаны черты лица – большие глаза, крупный нос, рот с пухлыми губами. Очевидно, что мастер не имел представления о том, как выглядел прототип, вследствие чего лицо у женщины оказалось сделано на затылке. Этот

пример наглядно показывает, что правка, которая вносилась "от руки" в процессе тиражирования терракот, могла кардинальным образом изменить первоначальное изображение, а возможно, и его понимание.

Джайнский персонаж. В связи с анализом буддийской терракоты Бактрии предметом многолетней полемики служат две терракотовые статуэтки, изображающие обнаженных мужчин (Хатынрабад, I некрополь Тепаи-шах). Судя по размерам и моделировке, они могли быть относительно синхронны, а также могли принадлежать к одному генетическому ряду.

Данный образ первоначально трактовался как изображение "раба в кандалах" (*Пугаченкова Г.А., Реmпель Л.И., 1960, с.63, рис.63*). Затем Э.В.Ганевская и Ф.А.Заславская интерпретировали его как бодхисаттву Авалокитешвару (*Ганевская Э.В., Заславская Ф.А., 1977, с.87-92*). Со временем Г.А.Пугаченкова изменила свою точку зрения и предположила, что прототипом статуэтки с Хатын-рабада послужило изображение джайнского круга (*Пугаченкова Г.А., 1982, с.254*). Ее гипотеза получила поддержку со стороны В.А.Мешкерис, которая увидела в статуэтке изображение одного из Tirthankaras. Однако, их предложение поставил под сомнение К.Абдуллаев, отметивший наличие рельефной полосы на ногах у фигур на статуэтках, которая, по его мнению, передавала нижний край прозрачной одежды, не свойственной джайнским персонажам (*Abdullaev K., 1997/98, p.166*). Сравнительный анализ иконографии терракоты с синхронными памятниками других территорий Кушанской империи показывает, что наиболее близкие изобразительные параллели прослеживаются все-таки именно с джайнскими образами. Так, непропорционально удлиненные руки, спускающиеся вдоль тулова ладонями наружу, являются основными характеристиками джайнской позы kayotsarga. Такая иконография имеется среди бронзовых статуэток из Чаусы II в. н.э., на которых запечатлен основатель джайнского учения Джайна (*Deshpande M.N., 1988, p.23-33, fig.4*). При этом рельефный валик на лодыжках, в котором К.Абдуллаев видит край одежды, а когда-то видели кандалы, на самом деле мог появиться в результате изготовления матрицы для терракоты с бронзовой статуэтки, у которой были сломаны, а затем починены ноги. Таким образом, не исключено, что в русле связей с Индией на территорию западных провинций Кушанской империи могли проникнуть вещи джайнского круга.

Насколько была велика степень понимания различий между джайнизмом и буддизмом в то время – судить трудно. Однако по источникам известно, что Канишка по ошибке поклонялся джайнской ступе (*Rosenfield J., 1967, p.33*). Поэтому возможно, что в кушанской Бактрии данные статуэтки не воспринимались как джайнские образы, а были частью буддийского репертуара.

Посткушанский этап (IV-VI вв.).

Как было оговорено выше, выделение этого этапа во многом условно. Буддийских терракот, которые можно было бы отнести к этому времени, известно немного, и авторы публикаций датируют их в двух хронологических интервалах - III-IV и V-VI вв. Судя по всему, в посткушанское время еще сохранилась практика тиражирования терракот по схеме "патрица-матрица-патрица". Так, на городище Зар-тепе были найдены два фрагмента статуэток, изображающих стоящего Будду с жестом абхайя-мудра (*Абдуллаев К., Завьялов В., 1985, с.112-113, рис.2-3*). Моделировка (и размеры?) свидетельствует, что они сделаны штампом (штампами?) из одного генетического ряда. Вместе с тем, в это время (IV-VI вв.) в терракоте намечаются изменения, которые отразились на ее общей стилистике.Смысл этих изменений состоит в том, что в данном виде материала на смену статуэткам начинают приходить плакетки-образки. Так, терракота из Аккургана изображает Будду, сидящего в нише в позе падмасана с жестом дхаяна-мудра. Особенностью терракоты является изображение ниши, которая обозначает пространство образка. Терракоту датируют III-IV вв. (*Культура и искусство..., 1991, кн.I, № 83; Пидаев Ш.Р., 1978, с.73-74, рис.23*). Другим примером этого процесса служит фрагмент терракоты из Мортепе с изображением Будды, сидящего в позе падмасана с жестом дхаяна-мудра (*Древности Таджикистана, 1983, № 361*). Е.Денисов сначала датировал его III-IV вв. а потом V в. (*Denisov E., 1995-1996, s.367-368, taf. 28, 7*).

Образком-плакеткой является терракота с Караул-тепе, на которой запечатлен сидящий в нише Будда в падмасане с жестом дхаяна-мудра. Наличие ниши, обозначающей изобразительное пространство вокруг Будды, демонстрирует новую форму терракотовых изделий. Г.А.Пугаченкова датирует образок позднекушанским временем III-IV вв. (*Пугаченкова Г.А., 1979, с.232, прим.241*), а К.Абдуллаев - V-VI вв. (*Abdullaev K., 1997/98, p.176, pl.*1.III, *4*). Проиллюстрировать тенденцию перехода от статуэтки к плакетке как образцу при изготовлении терракоты Бактрии-Тохаристана хотелось бы на примере плакетки с изображением персонажа с трезубцем из Дальверзинтепа, датирующейся VI-VII вв. Данная терракота своей формой - прямоугольная рамка с ушком, в которую помещена стоящая фигура – имитирует образок (*Культура и искусство..., 1991, кн.2, с.14, № 366*).

Еще одна буддийская терракота, которая относится к этому времени, была найдена на памятнике Ак-Кала, расположенном в среднем течении Амударьи, на левом берегу. Статуэтка изображает бодхисаттву (Авалокитешвару?), сидящего в падмасане в позе дхаяна-мудра. Она представляет собой бракованный экземпляр, что, по мнению ряда исследователей, говорит о ее местном изготовлении (*Пилипко В.Н., Масимов И., 1969, с. 249-251; Пугаченкова Г.А., 1982, с.252-253*)[3].

Находка этой терракоты может служить свидетельством одного из возможных путей распространения буддизма из Бактрии-Тохаристана в Маргиану вдоль караванных дорог в посткушанское время (*Ставиский Б.Я., 1998, с.158-159*).

[3] Б.Я.Ставиский высказал сомнение по данному вопросу (*Ставиский Б.Я., 1998, с. 142-143*).

Тохаристанский этап (VII-VIII вв.).

Буддийская терракота этого времени происходит из раскопок раннесредневековых буддийских монастырей Аджина-тепа и Хишт-тепе.

Так, среди материалов Аджина-тепа имеются два оттиска с одного штампа в виде плакетки размером 15,5x13x6 см (один из них - фрагмент). На плакетке изображен Будда в падмасане с жестом дхаяна-мудра рядом со ступой, имеющей характерную раннесредневековую форму. Технологической особенностью данных образков было использование глины двух цветов. В зеленой глине оттиснут Будда. Остальная часть образка – арка-ниша, постамент, ступа сделаны в красножгущейся глине (*Древности Таджикистана, 1983, с.179-180, № 459-460*). Подобные терракотовые образки появляются в Матхуре уже в VI-VII вв. (*Agrawala V.S., 1985, p.33, pl.*XVIII, *B*). Помимо этого при раскопках Аджина-тепе было найдено большое количество штампованных миниатюрных ступ (размером 6x6,3x5 см) (*Древности Таджикистана, 1983, с.185-186, № 477-478*). Типология штампованных миниатюрных ступ с Аджина-тепе, их назначение, а также обзор литературы по данному вопросу рассмотрены в специальной статье Б.А.Литвинского и Т.И.Зеймаль (*Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., 1982, с.169-170*). Вместе со штампованными вотивными ступами на Аджина-тепе были найдены две таблички (диаметром 1,7-1,8 см), на которых оттиснуты пять строчек текста молитвы, выполненной письмом брахми (*Древности Таджикистана, 1983, с.185-186, № 479*). Штампованные вотивные ступы (более 60 шт.), в основание которых были вмазаны таблички (диаметром 2,2 – 2,8 см) с надписями брахми, были получены также и из раскопок буддийского монастыря Хишт-тепе (*Муллокандов М., 1990, с.17-18, рис.4*). По мнению В.В.Вертоградовой, помещение табличек с надписями в модель изоморфно практике помещения в ступу сосудов с буддийскими рукописями (*Вертоградова В.В., 1990, с.21-25*). С.Лаусон предложил называть таблички такого типа в соответствии с термином, который встречается в описании буддийских реликвий у Сюан-Цзана - dharma sarira. Они являлись непременным атрибутом штампованных вотивных глиняных ступ и предназначались для их освящения (*Lawson S., 1985, p.703*).

Судя по многочисленным находкам, на значительной территории распространения буддизма - от Афганистана до Бирмы - примерно с VII в. н.э. получает распространение традиция изготовления из глины вотивных ступ, которые служили одним из популярных объектов подношения (*Taddei M., 1970, p.79-81*). Аналогичные ступы Д.Климбург-Залтер называет тца-тца (*Klimburg-Salter Д., 1992, fig.47.4, p.397*). Штампованные вотивные ступы имеются и среди материалов Восточного Туркестана (Хара-Хото) (*Stein A., 1906, vol.III, pl.LIII, K.K.I.0225*).

Несмотря на то, что влияние буддизма сохранялось в Тохаристане и в первые века ислама (*Melikian-Shirvani A.S., 1990, p.496-497*), позднее VIII в. н.э. буддийская терракота в регионе не встречается.

Некоторые выводы.

Проделанное обобщение позволяет вновь подойти к вопросу о роли, которую играла буддийская терракота в религиозной жизни Бактрии-Тохаристана на разных исторических этапах.

Анализ буддийской терракоты Бактрии кушанского времени показывает, что для целого ряда образов мы имеем статуэтки, составляющие генетические ряды. Это обстоятельство указывает на ограниченное число исходных патриц и на то, что производство осуществлялось по схеме "патрица-матрица-патрица" (якшини, донаторы, митхуна). При этом ремесленники не всегда четко представляли себе, как выглядит исходный прототип (яркий пример тому - статуэтка митхуны с Кампыр-тепе).

Предполагая существование генетических рядов и для терракоты с изображением других образов буддийского репертуара (Будды, бодхисаттв), мы сталкиваемся с преобладанием сильноредупированных образцов. Что послужило причиной этой ситуации – использование плохих моделей или это был результат долгого пути от прототипа? – пока не ясно.

Среди немногочисленных примеров хорошо смоделированной буддийской терракоты - статуэтка бодхисаттвы с Барат-тепе, которая достаточно определенно свидетельствует о том, что образцом для нее послужила портативная металлическая (золотая или позолоченная) статуэтка. Как мы видим, речь идет не о специальной модели, а о том, что произведение мелкой металлической пластики было использовано в качестве патрицы в производстве терракотовых статуэток. Вероятно, это же наблюдалось и у других образов, патрицами для которых послужили не специальные модели, а самостоятельные произведения мелкой пластики.

Таким образом, очевидно, что в отношении буддийской терракоты кушанского времени мы имеем дело с ремесленным производством, в котором использовались не только оригинальные модели, но и произведения мелкой пластики, взятые в качестве патриц.

Вместе с тем, анализ буддийской терракоты кушанского времени наглядно демонстрирует, что она явно не соответствует тому общему профессионально высокому уровню буддийского искусства (монументальная скульптура, настенная живопись), который существовал в кушанской Бактрии.

Исследователи уже обратили внимание на тот факт, что значительная часть буддийской терракоты была найдена на небольших поселениях вдали от буддийских памятников. На этом основании К.Абдуллаев сделал вывод, что буддийские храмы обслуживали городское население и паломников, в то время как широкие слои населения (живущие вне городов) использовали терракотовые статуэтки для своих домашних святилищ и часовен (*Abdullaev K., 1997/98, p.170*).

Полемизируя с К.Абдуллаевым, Ш.Пидаев предположил, что буддийские домашние святилища существовали не только на небольших сельских поселениях, где не было специальных буддийских культовых сооружений, но и в домах горожан, рядом с которыми располагались буддийские памятники. В качестве примера он привел помещение дома на цитадели Старого Термеза, интерпретированное им как буддийское святилище (*Пидаев Ш.Р., 1999, с.136*).

Однако, помещение было раскопано Ш.Пидаевым лишь частично. В качестве основания для определения

помещения как святилища был взят пристенный алтарь-камин, культовое назначение которого требует святилищ в регионе очень невелика. Однако, отсутствие полной дополнительной аргументации. Таким образом, предположение о существовании буддийских домашних святилищ и часовен Бактрии в кушанское время пока не имеет фактического подтверждения. Судя по характеру буддийского учения и процессу его развития, вероятность существования домашних буддийских святилищ в регионе очень невелика. Однако, отсутствие полной информации о специфике буддийских ритуалов этого времени не позволяет категорично утверждать, что домашних святилищ не было.

Теоретически можно допустить, что кроме функции домашних образков буддийская терракота могла выполнять роль храмовых даров.

На основании материалов раскопок ряда буддийских памятников мы можем в общих чертах реконструировать примерный состав храмовых подношений в разное время. Так, раскопки на кушанских памятниках (Кара-тепе, Дт-25 на Дальверзинтепе) (*Тургунов Б.А., 1989, с.84-86*) выявили большое число керамических светильников-плошек, которые, судя по всему, были одним из наиболее популярных видов даров. Помимо этого среди материалов Кара-тепе и Зартепе известно некоторое количество керамических крышек с резным изображением лотоса. По-видимому, эти крышки предназначались для небольших коробочек типа пиксид, которые могли служить вместилищами для различных реликвий и тоже входили в разряд вотивов. На основании каратепинской эпиграфики можно утверждать, что в дар монастырям приносили керамическую посуду (с водой и пищей) и даже деньги (*Вертоградова В.В., 1995, с. 84-85*). Однако для кушанского времени у нас нет никаких данных относительно того, что терракотовые статуэтки играли роль вотивных подношений.

Таким образом, терракота с буддийскими сюжетами в Бактрии-Тохаристане в кушанское время, будучи продукцией ремесленника, скорее всего, не имела таких пропагандистских и культовых задач, как другие виды буддийского искусства (например, монументальная скульптура и настенная живопись).

Вероятно, буддийская терракота Бактрии-Тохаристана была данью религиозному синкретизму, господствовавшему в идеологии Кушанской империи. Судя по имеющимся материалам, в кушанской Бактрии буддизм был религией высших слоев общества. При этом процесс ритуализации учения, наметившийся в кушанскую эпоху, шел в рамках буддийских памятников - ритуалы должны были совершаться на культовых объектах. Скорее всего, терракота с буддийскими сюжетами, изготавливавшаяся на потребу простых людей, отражала приверженность к буддизму среди кушанской знати. Это был своеобразный отблеск моды, между тем как основная масса населения кушанской Бактрии оставалась достаточно далекой от буддизма и сохраняла свою местную иранскую идеологию. Не случайно, что значительной популярностью пользовались терракоты с изображением митхуны, якшинь и донаторов, т.е. те терракотовые фигурки, значение которых было связано с плодородием, процветанием и богатством – универсальными понятиями, не касающимися специфики буддийского учения.

В посткушанское время в Бактрии-Тохаристане роль буддийской терракоты начинает меняться. Сейчас нет возможности ответить на вопрос, что явилось причиной этих перемен – сокращение числа буддийских культовых памятников, дальнейшее развитие учения или изменение социальной базы, на которую оно опиралось. Так или иначе, в это время появилась возможность проведения буддийских ритуалов вне храмового пространства, для чего потребовались портативные сакральные атрибуты. В условиях расширения социальной базы учения такие атрибуты должны были быть рассчитаны на различные слои населения. Так появляются терракотовые образки, которые выполняют роль индивидуальных иконок. Характерно, что, по всей видимости, тогда же и в Гандхаре становится известной мелкая терракотовая пластика. До нас дошел штамп для оттискивания терракоты, изображающий бодхисаттву с жестом абхайя-мудра.

В буддийской практике раннесредневекового Тохаристана помимо светильников-плошек, которые сохраняют свой статус храмового подношения (Аджина-тепе, Калаи-Кафирниган) (*Литвинский Б.А., 1983, с.284, прим.7*), появляются штампованные глиняные модели ступа, а также таблички с надписями. Таким образом, по сравнению с кушанским временем в раннем средневековье терракота обретает статус полноправного участника буддийских ритуалов и всей системы буддийского искусства.

Е.Е.НЕРАЗИК
(Институт этнологии и антропологии РАН,
г.Москва, Российская Федерация)

АНТРОПОМОРФНАЯ СТАТУЭТКА ИЗ САДВАРА[1]

В 1975 г. в раскопе II на средневековом городище Садвар (южный Хорезм), где вскрывалась центральная часть мощного сооружения, была найдена антропоморфная терракота, являющаяся предметом нашего исследования. Указанное сооружение, перекрытое средневековой застройкой, существовало длительный период времени – с т.н. кангюйского периода истории Хорезма (IV-II вв. до н.э.) по кушано-афригидский (IV-VI вв. н.э.). Скорее всего, рассматриваемая терракота и должна была бы "укладываться" в рамки этого верхнего периода, если б не неопределенные условия ее находки – в слое, перекрывавшем гребень крепостной стены сооружения, – которые вынуждают нас принять более широкую дату (IV-VIII вв.).

Находка этой терракоты имеет исключительное значение, так как до раскопок Садвара подобные предметы, относящиеся к эпохе раннего средневековья, были практически неизвестны, если не считать мужскую статуэтку, хранящуюся в Самаркандском музее и происходящую, как указано в изданном В.А.Мешкерис каталоге, с городища Большая Кырк-кыз-кала в Правобережном Хорезме. По стилю она резко отличается от терракот, характерных для коропластики Древнего Хорезма, изображавших преимущественно женское божество. В целом же после IV в. н.э. в Хорезме наметился упадок коропластики, по-видимому, связанный с какими-то пока неясными переменами в идеологии населения. Кстати, о серьезных изменениях в религиозных представлениях жителей Согда и Тохаристана в тот же период пишут и исследователи этих областей, отмечая, что "ни в стилистическом, ни в тематическом отношении согдийские терракоты эфталито-тюркского периода не являются продолжением развития кушанской коропластики, отличны также принципы и приемы изготовления терракот" (*Мешкерис В.А., 1962, с.32*). В то же время не исключается, что этот упадок коропластики может объясняться и другими причинами, например, появлением массовых культовых изображений из иных материалов, хуже сохранявшихся (*Зеймаль Т.И., Ртвеладзе Э.В., 1999, с.143*). Что же касается Хорезма, то располагая только материалами раскопок сельских поселений, можно было предположить, что по мере исследования городов ситуация изменится. И действительно, первые раскопки раннесредневекового слоя в сравнительно большом городе, каким был Садвар, привели к находке рассматриваемой крупной терракоты.

Данная терракота (рис.1) представляет собой женское изображение, сохранившееся только до пояса, руки отбиты. Судя по характерному расширению туловища от пояса, это была, видимо, сидящая фигура. Тогда ее высота могла составлять не менее 22-23 см, и поэтому она должна была быть много больше, чем древние хорезмийские терракоты, высота которых в большинстве случаев равнялась всего лишь 8-12 см. Высота сохранившейся части садварской терракоты – 16 см, толщина в месте скола туловища – около 3 см. Статуэтка вылеплена от руки из глины с большой примесью мелкой дресвы, шамота и гипса, благодаря которому ее поверхность после обжига приобрела характерную пористость. Обжиг явно недостаточен – формовочная масса в срезе темно-серая, переходящая в красный цвет только на поверхности статуэтки. Все эти черты являются отличительными признаками керамики эпохи раннего средневековья в Хорезме, подтверждающими отнесение терракоты к данному времени.

Фигура, видимо, обнаженная, поскольку никаких признаков одежды нет, хотя в силу ее фрагментарности достоверно судить об этом затруднительно. Голова и туловище моделированы грубовато, но рукой опытного мастера. Лицо очень выразительное, с явными европеоидными чертами. Привлекают внимание тяжелые веки и резкие надбровные дуги. Глаза сделаны вдавлениями, нос прямой, рот – припухлость, овал лица подчеркнут выпуклой лепкой. Щеки обрамляют собранные в букли волосы. Надо лбом трехрогий головной убор с более широким и высоким средним рогом (что совершенно очевидно, хотя все три рога отбиты). В определении типа этого головного убора несомненна только его трехрогость, остальное не совсем ясно: была ли это мягкая шапка с надетой на нее трехрогой диадемой или трехрогая корона, напоминающая кокошник? Скорее – последнее, поскольку показана обратная сторона этого убора, выраженная углубленной линией, как бы ограничивавшей узкую ленту короны, а не шапки, закрывавшей бы всю голову.

Задняя сторона не моделирована, плоская, с неровной шероховатой поверхностью, видимо, она не предназначалась для обозрения. О позе сидящей статуэтки можно только догадываться. Это могла быть т.н. "азиатская поза" с подогнутой лежащей правой ногой и согнутой в колене и поставленной на ступню левой. А может быть, фигура сидела с поджатыми ногами, на корточках, или же с опущенными ногами на постаменте.

Итак, перед нами изделие коропластов, резко отличное от терракот предшествовавшего времени в Хорезме своими крупными размерами, тем, что она лепная (в то время как подавляющее большинство древних терракот изготовлялось в одностворчатой форме) и иная стилистически. Судя по находке южнее Хивы при строительных работах очень крупной фигуры лошади (хранится в Музее изобразительных искусств им. И.В.Савицкого в г.Нукусе, Каракалпакия), по составу формовочной массы, датирующейся эпохой раннего средневековья, и крупной терракоты того же времени на городище Курганча в Кердере, высота которой достигает 36 см, возможно, что большие размеры нашей терракоты – не случайное явление в пока практически неизвестной коропластике Хорезма IV-VIII вв. Добавим, что в раннесредневековом Согде в Пенджикенте в это время известны небольшие портативные статуи (*Маршак Б.И., 1999, с.179*). Вместе с тем, если правильны наши предположения о том, что фигурка была сидящей, то она стоит в ряду появившихся в Хорезме в конце античного периода сидящих статуэток, терракотовых и алебастровых. Согласно

[1] Статья подготовлена в ходе работы над грантом РГНФ "Мелкая пластика Древнего Хорезма" № 99-01-0302, 1999-2001 гг.

М.Г.Воробьевой, подробно изучавшей хорезмийскую коропластику, в это время в Хорезме распространился новый тип терракот, одетых и обнаженных, сначала сосуществовавших с исконно хорезмийскими, а затем вытеснивших последние, частично с ними слившись. Одетые и обнаженные богини связываются в один тип благодаря одинаковому головному убору в виде повязки с бантом (*Воробьева М.Г., 1981, с.193*).

Трехрогий головной убор – очень важная особенность садварской терракоты, которая вводит нас в широкий спектр вопросов. Ему уже посвящена значительная литература, имеются и обобщающие обзоры (*Ахинжанов С.М., 1978*). Согласно существующему мнению, многочисленные изображения этого убора позволяют заключить, что он являлся принадлежностью божеств, по преимуществу женских, а также жрецов как лиц, непосредственно общавшихся с богами (*см. Кызласов Л.Р, 1949, с.49*). Согласно А.А.Спицыну, три остроконечных зубца означали особое дарование, силу (*Спицын А.А., 1906, с.31*). Впрочем, значение данного головного убора на разных территориях и в разные исторические эпохи могло быть неоднозначным. В связи с этим важно отметить, что к "трехрогим" подчас относят очень разнородные головные уборы, например, мягкие шапки с округлыми выступами и жесткие диадемы с остроконечными зубцами, а также лучи и отростки на головах фигур древних наскальных изображений и т.п. Во всем этом еще предстоит разобраться. Однако не вызывает сомнений религиозное значение многих персонажей в трехрогих головных уборах.

В искусстве Хорезма более раннего времени подобные головные уборы единичны, да и не вполне тождественны садварскому. Одну такую головку терракоты античного периода, по его мнению, мужскую, опубликовал С.П.Толстов (*Толстов С.П., 1948, табл.73*). На ней корона в виде трех высоких закругленных выступов, которую, как кажется, можно только с большой натяжкой назвать трехрогой. Такая же корона на головке терракоты из окрестностей Кой-Крылган-кала, также мужской.

В коропластике остальных древнеземледельческих районов Средней Азии количество головных уборов, которые исследователи называют трехрогими, несколько увеличивается в эпоху раннего средневековья, но и тогда они немногочисленны, а в древний период, похоже, единичны. Это мужские и женские терракоты, образки, плитки, налепы на оссуариях. Однако на них, как правило, передан головной убор - мягкий, с тремя закругленными дугообразными выступами, чаще всего равной высоты. Гораздо ближе к рассматриваемому головной убор другой группы изображений. Это каменные изваяния Семиречья VII-X вв. (*Шер Я.А., 1968, табл.*XIX, *83;* XXI, *90; рис.18 и др.*), в большинстве своем женские, монголоидного типа, в диадеме с тремя заостренными зубцами. На каменной плите, найденной возле озера Бийликкуль (Джамбульская обл.), техникой контурного резного рисунка выполнена голова женщины в сходном головном уборе. На серебряных сосудах восточного происхождения, найденных в Верхнем Прикамье и Западной Сибири, процарапаны фигурки в таких же головных уборах. Полагают, что это изображение шаманов во время ритуальных действ (*Лещенко В.Ю., 1976, с.184-185*). Самые поздние из них датируются IX-X вв., самые ранние – VI в. н.э. Этот список можно увеличить, но обратимся только к наиболее интересному для нашей темы изображению на знаменитом валуне из детского погребения в урочище Кудырге (Восточный Алтай).

На этом рисунке в сцене захоронения ребенка (есть и иные трактовки) изображена сидящая на корточках женщина в богатых одеждах с трехрогой диадемой на голове. Эту фигуру Л.Р.Кызласов убедительно отождествил с общетюркским женским божеством Умай (*Кызласов Л.Р., 1949, с.50*). Умай – универсальное божество, хозяйка гор, покровительница детей и взрослых, охотников, воинов, богиня плодородия (*Кызласов Л.Р., 1949; Потапов Л.П., 1973, с.268-269; Длужневская Г.В., 1978, с.233*). Почитание Умай, известное по орхонским надписям у древних тюрков, потом длительное время сохранялось в среде тюркского населения.

Теперь в связи с находкой на городище Курганча в Кердере, области в дельте Амударьи, есть основания считать, что культ этой богини, почитавшейся также и каракалпаками, имел на территории их расселения глубокие корни. Будучи синхронной садварской статуэтке, фигурка из Курганчи, в каких-то деталях с ней сходная (большой размер, прическа, возможно, поза), имеет и ряд существенных отличий. Прежде всего, она изображена в одежде, детали которой переданы в рельефе и росписью. Головной убор, названный исследователем трехрогим, - мягкая шапка с наушниками, поверх которой одета диадема с очельем в виде трезубца. С двух сторон очелья расположены слаборельефные вытянутые треугольники, подчеркнутые краской. Сзади изображены ленты и подвески (*Ягодин В.Н., 1999, с.88-93*). Этот головной убор, несомненно, отличается от короны садварской статуэтки, хотя, возможно, очелье и символизирует трехрогость. Он представляет большой интерес в связи с тем, что трезубец в очелье легко сопоставим с тамгой правителей Кердера, изображавшейся на реверсе их монет. Соглашаясь с автором в том, что статуэтка изображает Умай, учитывая указанное сопоставление, можно думать, что именно эта богиня была покровительницей правителей Кердера. Если также учесть, что Кердер являлся одним из удельных владений Хорезма в VII-VIII вв., и в какой-то момент его правитель мог получить политическое преобладание в стране, кажется вполне закономерным появление богини в трехрогой короне собственно в Хорезме. Садварскую статуэтку, принимая во внимание вышесказанное о развитии коропластики Хорезма в конце эпохи древности (античного периода), видимо, следует рассматривать в качестве синкретического образа, когда представление о главном женском божестве хорезмийцев – Анахите сливалось с образом другой чужеземной богини с теми же функциями. Но не исключено, что этот образ мог появиться и раньше, в IV-VI вв., когда страна переживала глубокий кризис, обусловленный, в частности, вторжениями степных племен и внешнеполитическими завоеваниями. Резкий упадок коропластики, появление глиняных лепных идольчиков (в верхних слоях городища Топрак-кала) свидетельствуют, что на первый план выступили языческие верования, прежде скрытые имперскими культами. Похоже, что в этот период в Хорезме, как и в Согде (*см. Мешкерис В.А., 1962, с.32*), в искусстве коропластики сталкиваются два направления – искусство поздней античности и искусство кочевников.

Рис. 1. Статуэтка из Садвара

О.В.ОБЕЛЬЧЕНКО
(г.Москва, Российская Федерация)

КЕНОТАФЫ СОГДА

Начиная с прошлого столетия археологические раскопки курганных могильников Средней Азии ввели в научный оборот тысячи погребений различных эпох. В публикациях материалов об исследовании курганов часто упоминаются пустые могилы-кенотафы, но до раскопок курганов в долине Зеравшана специальных исследований и подхода к ним как к памятникам культуры не было. В данной работе исследуются кенотафы Согда и их функции в тех могильниках, где они возводились.

Кенотафы были обнаружены во всех могильниках низовьев Зеравшана, за исключением Калкансайского и Шахривайронского (*Обельченко О.В., 1982, с.19-20*). Более десятка их было вскрыто в Хазаринском могильнике: это курганы 17,18,36,38,39,48-51,53,59 (*Обельченко О.В., 1982, с.23*). В Кызылтепинском могильнике кенотафами были курганы 8, 20 и 21, в Лявандакском - курганы 17 и 18; в Куюмазарском - курган 4 из группы около бугра Соинова, поле 3, и курганы 19 и 20 на поле 1 (*Обельченко О.В., 1957, с.127 и сл.*). Таким образом, почти одна седьмая часть раскопанных в низовьях Зеравшана курганов оказалась кенотафами. Кенотафы были открыты и в могильниках Самаркандской области (*Обельченко О.В., 1981, с.21-24*), что не удивительно, ибо кенотафы - весьма распространенное явление в курганных могильниках не только Средней Азии, но и Поволжья и Приуралья.

Количество кенотафов бывает довольно значительным среди исследованных курганов. Так, из 103 раскопанных А.М.Мандельштамом курганов в могильнике Аруктау 20% оказались кенотафами (*Мандельштам А.М., 1959, с.73-74*). Но бывает и так, что все курганы могильника оказываются кенотафами, как, например, все семь раскопанных В.И.Козенковой курганов V-III вв. до н.э. в Ниязбатырском могильнике (*Козенкова В.И., 1959, с.57-59*).

Кенотафы, обнаруженные в могильниках низовьев Зеравшана, представлены несколькими типами. Первым, самым простым типом, является земляная насыпь, под которой не было могильных сооружений, инвентаря или каких-либо следов совершения погребального обряда, причем курганная насыпь ничем не отличается от других в этом же могильнике. Никаких следов погребения или погребального обряда не было обнаружено под насыпями Хазаринских курганов 17, 36, 51, 53 и 59, Кызылтепинских курганов 21 и 21 и Лявандакских курганов 17 и 18. Только в насыпи Кызылтепинского кургана 20 был найден фрагмент ножки кубка.

Такого типа кенотафы известны по другим могильникам Средней Азии. Так, не было следов погребения и под насыпью кургана 7 Новоалексеевского могильника в Илийской долине (*Копылов И.И., 1958, с.167*); под тремя насыпями из числа двенадцати курганов, раскопанных Т.Агзамходжаевым во Вревском могильнике (*Агзамходжаев Т., 1961, с.223*).

Другим типом кенотафа является курганная насыпь, под которой не было могильного сооружения, но находился какой-либо инвентарь или же его имитация. Иногда такое "захоронение" сопровождалось разведением костра на былой дневной поверхности, которая затем перекрывалась насыпью. Фрагменты сырцового кирпича, куски истлевшего дерева и мелкие кости барана были на былой дневной поверхности под насыпью кургана Хазаринского могильника. А под насыпью кургана 39 этого же могильника было небольшое углубление в былой дневной поверхности, в котором находились фрагменты сырцового кирпича, куски истлевшего дерева и мелкие кости барана. Под насыпью кургана 20 на поле 1 Куюмазарского могильника на уровне древней поверхности лежали безо всякой системы куски белого гипса (рис.2, *1*), под насыпью кургана 19 на том же поле был найден разбитый сосуд с петлевидной ручкой и носиком. Под насыпью Куюмазарского кургана 4 поля 3 около бугра Соинова был "погребен" кусок белого гипса (рис.1, *1*), а в насыпи были найдены статуэтка Анахиты (рис.1, *4*) и небольшой сосуд со сливом, покрытый черноватым ангобом (поильник). "Захоронению" куска гипса и инвентаря в насыпи предшествовало разведение огня, след которого обнаружен в виде пятна обожженной земли диаметром 30 см в северо-восточной части на былой дневной поверхности (*Обельченко О.В., 1957, с.127 и сл.*).

Кенотафы подобного типа были обнаружены в Кенкольском могильнике А.Н.Бернштамом: курган № 1 имел в насыпи камни, ниже которых находилось небольшое количество древесного угля (*Бернштам А.Н., 1940, с.6*). В могильнике около городища Актобе М.С.Мерщиев раскопал три кургана, причем два небольших оказались кенотафами. Под одной из насыпей одного из курганов находились каменные глыбы, а на былой дневной поверхности был найден кувшин. Под насыпью другого кургана был найден фрагмент горловины сосуда (*Мерщиев М.С., 1962, с.83-87*). Не оказалось погребений и под насыпями некоторых курганов, раскопанных неподалеку от Чардары. Под насыпями курганов был зольный слой и зольные пятна (*Агеева Е.И., Пацевич Г.И., 1958, с.41*). В могильнике Торебай-Тумсык, в зоне строительства Чардаринского водохранилища, были раскопаны курганы, под насыпями которых могильных сооружений не оказалось. В самих же насыпях были найдены бусины, бляшка, сосуд, бронзовый наконечник стрелы. В трех курганах обнаружены только остатки кострищ (*Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968, с.240*). Очевидно, возведению кенотафов предшествовал обряд жертвоприношения. Следы такого обряда с остатками костра, костями барана и сосудами отмечены А.Н.Бернштамом на кенотафах Семиречья (*Бернштам А.Н., 1950, с.69*). При раскопках в Нижнем Поволжье часто встречаются кенотафы такого типа, когда в насыпях или под ними не прослеживалось дневной поверхности, находились остатки костров, где сжигалось оружие, одежда, мясо баранов, лошадей, но не было остатков скелетов (*Рау П.Д., 1928, с.433*).

Совершенно отличным от двух вышеописанных типов кенотафов является кенотаф, обнаруженный в Кызылтепинском могильнике (рис.1, *2,3*).

В этом могильнике под насыпью кургана 8 оказалась катакомба несколько меньших размеров, чем обычно, дромос также был короче обычного. В катакомбе, вход в которую был заложен квадратным кирпичом, стоял целый кувшин без ручки. Другого инвентаря или остатков скелета найдено не было (*Обельченко О.В., 1992, с.48-49*). Этот тип кенотафа одновременно с другими встречается в могильниках Средней Азии. Ю.Д.Баруздин в могильнике Тура-Таш выделил три типа кенотафов одного времени: 1) могильная яма с подбоем, в котором имеется инвентарь, 2) могильная яма с подбоем без инвентаря, 3) могильная яма с подбоем и инвентарем, где вместо костяка находилась статуэтка, представляющая собой миниатюрную "каменную бабу" (*Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А., 1962, с.47*).

В других могильниках кенотафы одного времени различны по своей конструкции, в отличие от тураташских, где конструкция сооружения одинакова, но различен погребальный обряд. Так, в Тулхарском могильнике были обнаружены кенотафы трех типов: 1) насыпь без могильного сооружения под ней; 2) яма с подбоем без скелета; 3) яма с подбоем, без скелета в ней, но с предметами погребального инвентаря (*Мандельштам А.М., 1975, с.43-44*). Кенотафы нескольких типов отмечены А.М.Мандельштамом в Аруктауском могильнике (*Мандельштам А.М., 1966, с.81-87*). Могильные сооружения под насыпью с отсутствием скелета и инвентаря известны и по другим могильникам Средней Азии, причем они имеют самые разнообразные формы.

Курганы-кенотафы, в могилах которых был инвентарь, но не было скелетов, исследовались К.Ф.Смирновым в Нижнем Поволжье (*Смирнов К.Ф., 1960, с.245-246*), а также в Пашковском могильнике на Северном Кавказе (*там же, с.153*).

Большое количество кенотафов было обнаружено и в широко известном Гнездовском могильнике. Кенотафы этого могильника составляют 25 % от всех раскопанных курганов (*Авдусин Д.А., 1961, с.73*).

Кенотафы имели широкое распространение. Они встречаются среди памятников катакомбной культуры Предкавказья и Закавказья (*Фисенко Б.А., 1966, с.80-82*) и в тюркских могильниках VIII-X вв. на Алтае (*Грач А.Д., 1960, с.129; Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., 1968, с.40*) и V-VI вв. в Туве (*Кызласов Л.Р., 1969, с.23, 33*).

Несколько выделяются из кенотафов курганных могильников долины Зеравшана кенотафы-курганы 18 и 48-50 Хазаринского могильника. Различие это не в конструкции, а в их расположении. Если все разобранные выше кенотафы были разбросаны среди курганных погребений и по внешним признакам от них не отличались, то кенотафы Хазаринского могильника имеют одну существенную особенность - они образуют отдельную компактную группу расположенных в определенном порядке насыпей. Центр группы представляет насыпь кургана 18 высотой 1,6 м и диаметром 26 м, самая большая из раскопанных в Хазаринском могильнике. Эту насыпь окружало кольцо из семнадцати курганов радиусом 15-20 м, а семь других образовали цепочку за пределами кольца, вытянутую в северо-восточном направлении. Высота этих курганов 0,3-0,4 м, диаметр 5-6 м. Все они, включая центральный, оказались кенотафами простейшего типа. Ни в насыпях, ни под ними не было никакого инвентаря и могильных сооружений (*Обельченко О.В., 1992, с.19*). Расположение маленьких кенотафов кольцом вокруг большого с "лучом", отходящим в восточном направлении, вероятнее всего, можно связать с солярным культом, который имел место у народов Средней Азии. Так, с поклонением солнцу и огню исследователи связывают жертвенные круги эпохи бронзы в Центральном Казахстане (*Маргулан А.Х., б.г., с.154-159*). С этим же культом исследователи связывают и курганы с "усами" (*Оразбаев А.М., 1969, с.182-183*), которые относятся к эпохе бронзы Центрального Казахстана (*Кадырбаев М.К., 1959, с.162 и сл.; он же, 1961, с.48 и сл.*).

Очевидно, с такими же представлениями следует связывать возведение группы кенотафов в могильнике у селения Хазара. Вопрос о датировке этого комплекса кенотафов остается открытым ввиду отсутствия каких-либо археологических материалов в то время, как Хазаринские погребения датируются VII в. до н.э.-IV-V вв. н.э. Кенотафы, относящиеся к раннему периоду, известны по Тулейкенскому могильнику VI-IV вв. до н.э., где под каменными насыпями курганов находилось по одному сосуду (*Бернштам А.Н., 1952, с.190*).

Основная же масса кенотафов из других могильников Средней Азии относится к периоду после начала нашей эры. Кенотафы, открытые в могильниках долины Зеравшана, за исключением Хазаринских, следует отнести ко II-V вв., исходя из того, что все керамические находки в насыпях и под ними синхронны керамике третьей, самой поздней группы курганных погребений древнего Согда. К керамике этого времени относится и кувшин из кенотафа кургана 8 Кызылтепинского могильника (рис.1, *5*). Он совершенно идентичен кувшинам из курганов IV-V вв. Хазаринского и Кызылтепинского могильников. Одинаковая конструкция могил-кенотафов в Кызылтепинском могильнике и могил-погребений других курганов позволяет считать кенотафы современными сооружениями IV-V вв., а может быть, и более поздними.

Предложенная датировка подтверждается и находками керамики под насыпями Куюмазарских курганов 4 на поле 3 около бугра Соинова и 19 на поле 1. Сосуд с носиком, найденный в насыпи кургана 19, по покрытию внешней поверхности полосами краски очень близок сосудам из слоев ТБ II и ТБ III на городище Тали-Барзу под Самаркандом. На боковых стенках сосудов из слоев ТБ II и ТБ III красной краской нанесено кольцо (*Григорьев Г.В., 1940, с.91, рис.3,6*), в то время, как на сосуде из кургана 19 эти полосы выполнены черной краской. Слои ТБ II и ТБ III обоснованно датируются Б.Я.Стависким III-V вв. (*Ставиский Б.Я., 1967, с.25-26*).

Предложенной датировке кенотафов не противоречит и находка статуэтки женского божества в насыпи кургана 4 (рис.1, *5*). Подобного типа статуэтки хорошо известны по находкам в Согде (*Мешкерис В.А., 1962, с.335 и сл.; Ремпель Л.И., 1951, с.177 и сл.*).

Кенотафы как тип погребального памятника были известны в Древней Греции и Риме. Первые кенотафы сооружались греками в память о тех, тела которых не могли быть найдены, скажем, на поле боя, или же покоились на морском дне. Сооружение кенотафов, по представлениям древних греков, преследовало цель хотя бы фикцией похорон

доставить успокоение духу умершего. При освящении кенотафов покойник трижды призывался по имени для того, чтобы он "поселился" в сооруженной для него могиле.

Кенотафы возводились не только в древности. Обычай этот нашел яркое выражение в возведении в 1820 г. огромного кургана в окрестностях Кракова в честь героя польского национально-освободительного движения Т.Костюшко, который умер в 1817 г. в Швейцарии, а прах его позже был перенесен в Краковский замок Вавель. Кенотафом является и памятник погибшим кораблям в Севастополе.

Кенотафы до недавнего времени возводились и около мусульманских святынь. Священной для мусульманина считалась земля у мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви в Туркестане, и поэтому состоятельные люди за большую плату хоронили там своих родственников. Иногда похороны совершались тайно, чтобы избежать платы. В таких случаях погребения делались под стенами, отчего мавзолей стал разрушаться (*Массон М.Е., 1930, с.15*). Родственники же похороненных в других местах довольствовались тем, что, посещая святое место, в память о них складывали из земли небольшие кучки по числу умерших членов семьи (*Гордлевский В.А., 1962, с.366-367*). По словам Н.С.Лыкошина, это делалось из убеждения, что душа человека, где бы он в действительности не был погребен, переселится сюда и найдет место в маленькой могиле, которая для него была предварительно приготовлена (*Лыкошин Н.С., 1916, с.221*).

Своеобразным кенотафом у туркмен является ювзха, погребальное сооружение, которое нередко встречается и в наши дни. Ювзха устраивались где-нибудь на краю аула или в степи, а если позволяли условия, то на возвышенном месте, но, как правило, на определенном расстоянии от кладбища. Погребальное сооружение, называемое ювзха, представляет собой земляной конусовидный холм, который насыпается над предметами, связанными с покойником и с похоронами и ставшими вследствие этого "нечистыми". Такими предметами были земля, на которую накапала вода при обмывании покойника, белье и другая одежда, бывшие на покойнике в момент смерти. Все это собиралось и складывалось в небольшую ямку или же просто на поверхность земли, а затем сверху насыпался погребальный холм - ювзха. Объяснение этого обычая туркменами сводится к тому, что ювзха является как бы дополнительным памятником помимо могилы, чтобы знали и помнили об умершем. Поэтому ювзха возводится на седьмой день после смерти (*Демидов С.М., 1962, с.211-212*). Этот интересный обряд, несомненно, является пережитком обычая возведения кенотафов.

Обычай устройства кенотафов, существующий и в наши дни у некоторых народов Дальнего Востока (*Смоляк А.В., 1969, с.263-264*), служит наглядной этнографической иллюстрацией к археологическим данным и объясняет один из аспектов верований, связанных с кенотафами.

Захоронения деревянных кукол, причем значительных размеров, известны у нанайцев и ульчей, населяющих низовья Амура. Суть обряда заключалась в следующем. Если человек утонул и его тело не нашли, то нанайцы делали куклу из черемухи или багульника размером в 1 м и более, затем эту куклу одевали в одежду утонувшего и над ней совершали все те обряды, которые полагались в случае реальных похорон. После "похорон" устраивались все полагающиеся поминки. Нанайцы хоронили кукол также в случае смерти уехавшего из дома человека. Так, в 1961 г. близкими родственниками умершего был совершен обряд погребения куклы, сделанной из багульника, причем с ней было похоронено большое количество вещей, принадлежащих умершему, а также провизия "на дорогу". Прежде во время подобных "похорон" шаман "разыскивал" душу умершего и "вкладывал" ее в куклу (*Смоляк А.В., 1969, с.263*).

Много могил-кенотафов по погибшим на фронте появилось у нанайцев и ульчей во время Великой Отечественной войны. Во время одних из таких "похорон" был совершен обряд погребения куклы из багульника в присутствии многочисленных родственников. В течение двух лет устраивались поминки, а затем состоялись большие поминки, на которых присутствовало свыше 100 человек. В течение дня на костре готовились кушанья и тут же у могилы расставлялись, чтобы душа могла поесть. В конце дня началась трапеза, после которой был разведен большой костер, куда положили носильные вещи погибшего, а также вещи, заново сшитые и купленные для больших поминок; в костер помещались и всевозможные кушанья. Считалось, что до больших поминок душа находилась в промежуточном мире, и поэтому ее "кормили" во время малых поминок. После больших поминок душа "уходила" в загробный мир, и всякая связь с ней прекращалась.

Обряды, во время которых хоронили или сжигали куклу, могли заменяться более простыми, когда сжигали на костре лишь одежду умершего. Во время войны женщины-нивхи "хоронили" рубашку, либо галстук погибшего на фронте мужа, а затем устраивали ежемесячные поминки, а через год - большие. Один из нивхов сжег на костре куклу, одетую в одежду умершего брата, а также палку, срезанную на кладбище вдали от дома, где был похоронен его брат. Затем был сделан маленький домик, в который была помещена деревянная кукла. Около домика устраивался весь комплекс поминок, а через год - большие поминки (*Смоляк А.В., 1969, с.264*).

Эти захоронения кукол перекликаются с известными в археологии "погребениями" человеческих изображений. Ю.Д.Баруздин в кенотафе кургана 19 могильника Тура-Таш обнаружил погребение алебастровой статуэтки с инвентарем. Под насыпью обычной для этого могильника величины находилась подбойная могила таких же, как и в других курганах, размеров. Подбой был заложен сырцовым кирпичом, а в нем находились гипсовая статуэтка, глиняный сосуд, пряслице и стеклянные бусы. В подбое также были найдены два кувшина, два миниатюрных горшочка и бронзовое зеркало (*Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А., 1962, с.26-28*). Статуэтка "похоронена" с тем же инвентарем, какой помещался в могилу с покойником в других курганах. Вряд ли случайна находка терракотовой статуэтки в насыпи кургана 4 Куюмазарского могильника.

Обычай устраивать кенотафы нашел свое выражение в распространенной в наше время традиции ставить обелиски с именами погибших в боях.

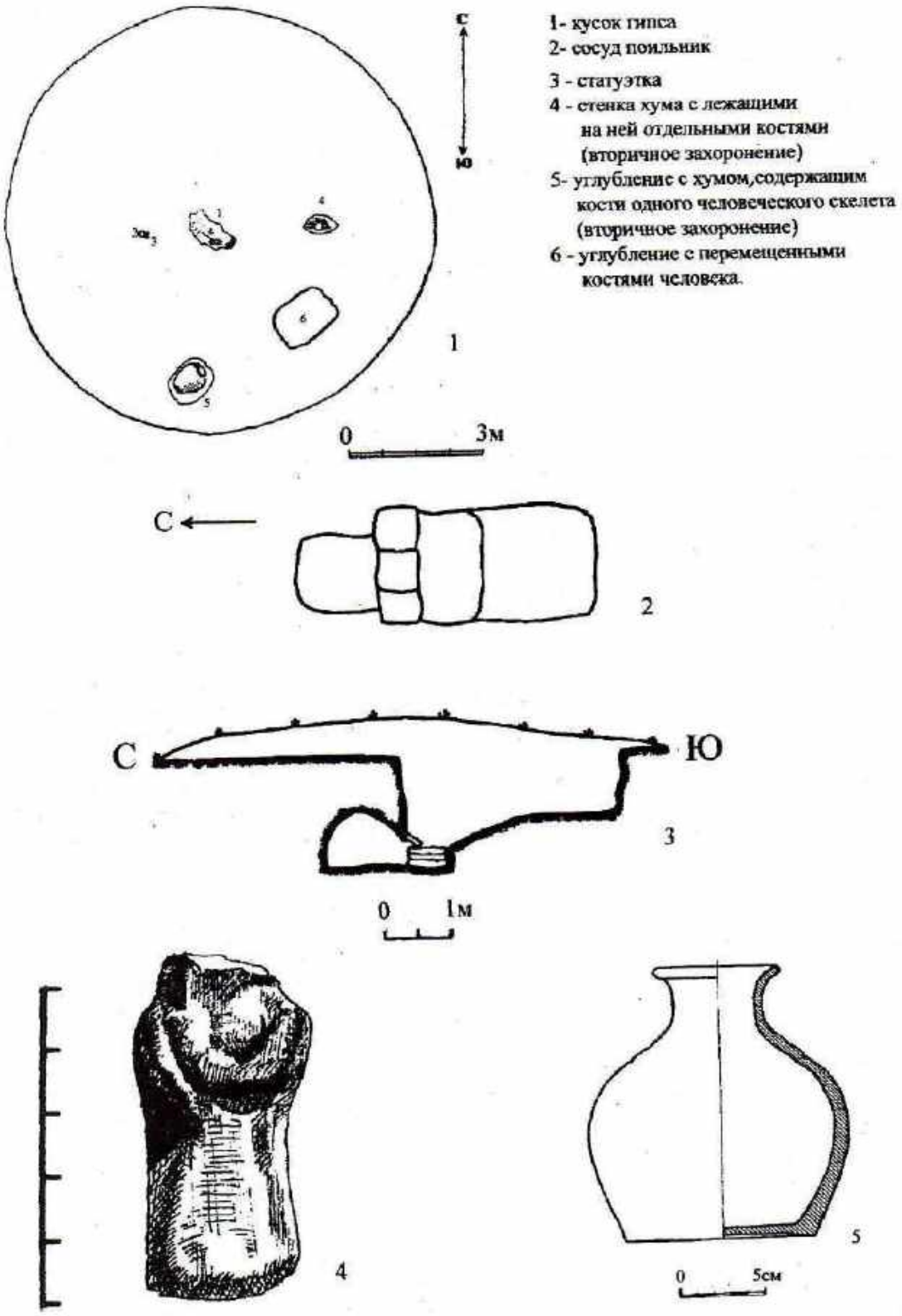

Рис. 1. Кую- Мазар, поле 3, курган 4: *1*- план, *4*- терракотовая статуэтка. Кызыл-тепе, курган 8: 2- план; 3- разрез, 5- сосуд.

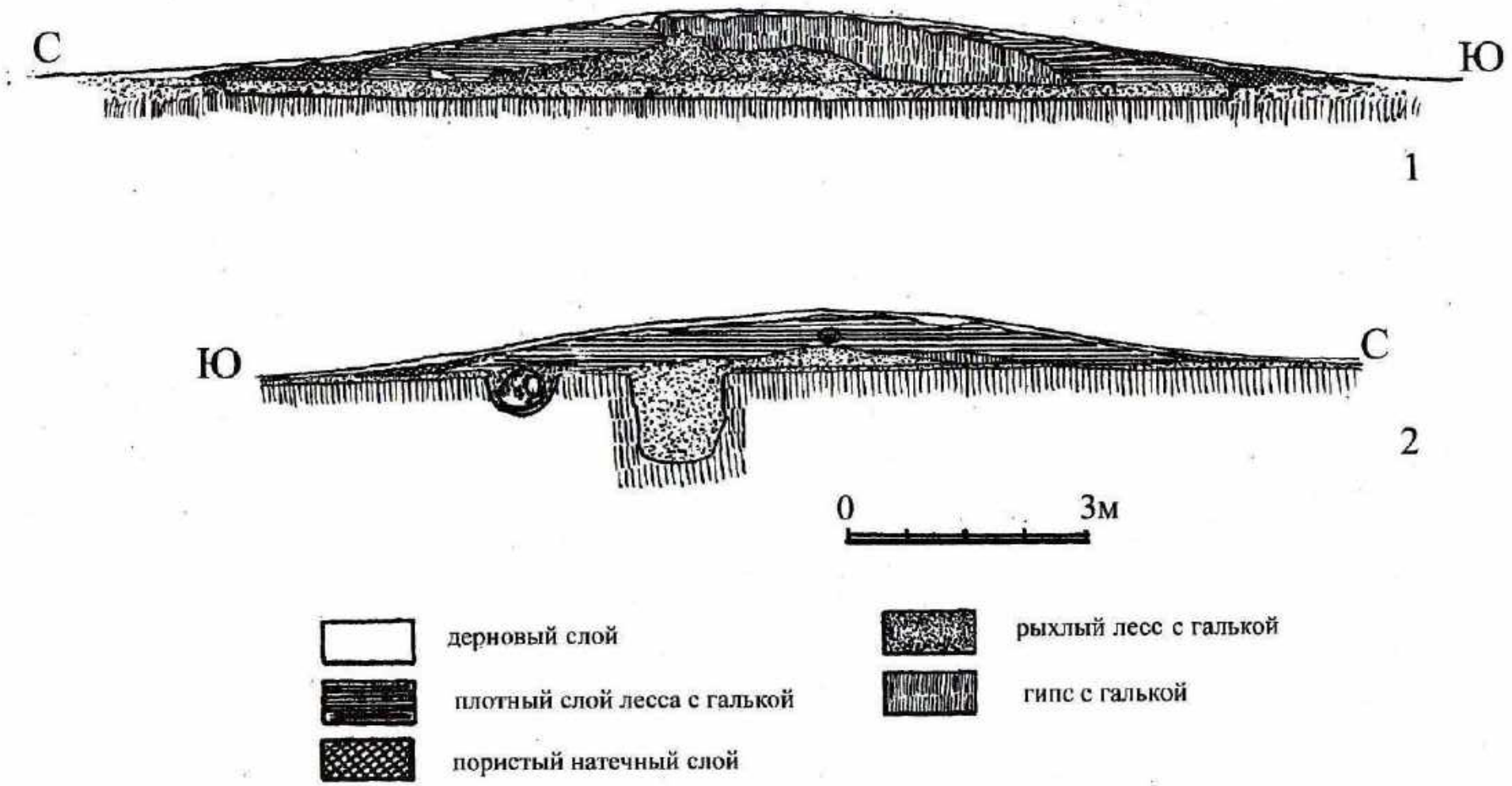

Рис. 2. Кую-Мазар: *1*- разрез кургана 20, поле 1; *2*- разрез кургана 4, поле 3.

А.В.ОМЕЛЬЧЕНКО
(Национальный университет Узбекистана
им. Мирзы Улугбека,
г.Ташкент, Республика Узбекистан)

ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА ИЗ САРАЙ-ТЕПЕ

Шуробсайский оазис находится в восточной части Южного Согда (Кеш), в среднем течении сая, берущего свое начало в отрогах Зеравшанского хребта и впадающего в Кашкадарью. В эпоху поздней бронзы - раннежелезного века здесь возникает группа поселений. Здесь же, по мнению исследователей, располагался древний центр долины, давший название всей области, - Наутака (*Крашенинникова Н.И., 1985, с. 533-534; Сагдуллаев А.С., 1987, с.14.; Лушпенко О.Н., 1995, с.24-26.*). В III в. до н.э. старое ядро оазиса запустевает, город перемещается на территорию современного Китаба. Часть жителей по реке уходит в районы, бывшие ранее периферией микрооазиса. В низовьях Шуробсая формируется крупное рассредоточенное поселение сельского типа с несколькими высокими укреплениями: Сарай-тепе, Эски-курган, Палван-тепе.

В ходе работ, проведенных автором статьи в 1998 г., в шурфе 2, заложенном в неукрепленной части Сарай-тепе за рвом цитадели, в жилом помещении на полу помещения II-го строительного горизонта была обнаружена почти целая (отбита голова) терракотовая статуэтка (передана историческому музею города Шахрисабза). Размеры сохранившейся части фигурки 7,5x2,5x2 см. Черепок светло-красного цвета, плотный, обжиг равномерный. Отмечены вкрапления мелкотолченного гипса - признак, характерный и для местной керамики. Статуэтка выполнена в односторонней матрице высоким рельефом, с обратной стороны подрезана ножом и заглажена (рис.1). С лицевой стороны по светлой поверхности терракота покрыта коричневато-красным ангобом, который стерся на кистях рук, бедрах и голени правой ноги, что свидетельствует о длительном пользовании статуэткой.

Фигурка представляет собой очень реалистично выполненное изображение стоящей обнаженной молодой женщины. Стройные ноги скрещены; основной вес тела перенесен на левую прямую ногу, поставленную за правую. Правая нога полусогнута и опирается на носок. Плавными, мягкими линиями очерчены широкие бедра, узкая талия, живот, высокая грудь, покатые плечи. Ладонь правой руки женщины поддерживает головку спеленутого совсем маленького младенца, лежащего в специальной спускающейся с правого плеча перевязи. Кисть левой руки матери покоится на ее груди, указательный и средний пальцы подняты вверх, к плечу, безымянный и мизинец - прижаты к открытой вперед ладони большим пальцем. Шею и грудь женщины украшает массивная гривна с крупными перлами. У правого бедра видны складки ниспадающей легкой ткани. Фигурка стоит на возвышении, оформленном двумя широкими полосами с полосой свисающих фестонов между ними. Изображение пропорционально, детали переданы мастерски, очень живо, что сближает статуэтку с лучшими образцами эллинистической и индийской коропластики и скульптуры.

Наибольшее сходство сарайтепинская статуэтка обнаруживает с серией терракотовых фигурок из Мерва, манера исполнения которых напоминает резьбу по кости. У них близкие размеры, так же скрещены ноги и поднята к левой груди рука, те же пропорции и линии, то же украшение в виде гривны, иногда ноги закрывает легкая материя. Одна статуэтка сохранилась полностью, что дает возможность увидеть черты лица и детали прически. Наличие у похожей фигурки браслетов на ногах позволило предположить, что статуэтки изображали менаду или якшиню (*Ремпель Л.И., 1949, с.349*). Согласно другой точке зрения, подобный тип терракот представляет собой один из вариантов образа Маргианской богини (*Пугаченкова Г.А., 1962, с.123*). Первая гипотеза находит подтверждение в рельефах танцовщиц на ритонах из Нисы и Ольвии парфянской работы, вторая - в сходной в деталях терракотовой фигурке из Джин-депе (Парфия) с перевязью, характерной для иконографий Атагартис (*Кошеленко Г.А., 1966, с.91*) и Афродиты. В ряде случаев греческая богиня стоит, перенеся тяжесть тела на одну из ног, другую полусогнув в колене. Одежда окутывает часть тела или только икры (*Денисова В.И.,1974*). Отметим, что в античной терракоте чаще всего со скрещенными ногами изображается Эрот рядом с Психеей (II в. до н.э.-II в.н.э.), юноша с девушкой (IV в. до.н.э.) или воины, опирающиеся на щит, а также женщины в длинных одеяниях (эллинистический период) (*Кобылина М.М.,1970*).

Широкое распространение подобная поза в различных вариантах получила в барельефах и скульптуре Индии. Наиболее известными являются изображения Куберы, Чулакоки дэваты и якшинь в рельефах ограды ступы в Бхархуте (середина II в. до н.э.) (*Swarup Sh., 1957*), дриады (якшини) на восточных воротах ступы 1 в Санчи, жертвователей на фасаде чайтьи в Карли (I в. до н.э.) (*Тюляев С.И., 1988, с. 128*). Интересно, что у Чулакоки дэваты показана перевязь, характерная для образов Атагартис и Афродиты. В изображениях якшинь из Бхутесара при сохранении той же позы, построенной по принципу contrapposto или трибханги (тройного изгиба тела) достигается впечатление плавности движения, присущее индийскому танцу (*Rowland B., 1959, pp. 48,52,*89) По-видимому, этот принцип, передающий ощущение свободы и грациозности, свойственное греческому искусству, в эллинистическое время распространяется на восток и достигает Индии, где он был творчески переработан с учетом местных эстетических вкусов.

Несмотря на значительное сходство с мервской серией, сарайтепинская фигурка отражает иной образ - образ богини-матери, культ которой был широко распространен в среде оседлоземледельческих племен Среднего Востока с древнейших времен. В раннеантичную эпоху изображение обнаженной богини-матери было одним из самых многочисленных. Выделяют два типа: а) прямостоящие фигурки с руками, опущенными вниз, или с одной рукой, согнутой в локте, а другой -опущенной на бедро; в) женщины, держащие младенца. Фигурки наиболее распространенного первого типа обнаружены в ходе раскопок в Селевкии-на-Тигре, Таксиле, Сиркапе, Сузах. Находки статуэток нагой женщины в строго фронтальной позе на Халчаяне, Дальверзинтепа, Зар-тепе, Барат-тепе (Южный Узбекистан), Балхе, Шахри-Бану (Северный Афганистан) позволили сделать вывод о том, что в Бактрии высоко

почиталась Великая Бактрийская богиня, поклонение которой восходит к культу богини-матери (*Пугаченкова Г.А., 1974, с.129*). По-видимому, в соседних регионах существовали сходные религиозные представления, особенно широко распространенные в народной среде, на что указывают материалы Кой-Крылган-калы и Афрасиаба (*Мешкерис В.А., 1965, с.23*).

Статуэтка обнаженной женщины с ребенком на руках встречается в Средней Азии впервые. Подобные изображения богини-матери известны только в терракоте Суз ахеменидского периода, но в то же время встречаются практически на всем протяжении древнего периода от Индии до Египта и от Элама до Балкан и чаще всего считаются олицетворением покровительницы плодородия и земледелия. В Средней Азии ранее было известно три типа подобных изображений: 1) сидящая мать с ребенком на руках (Хорезм, Чим-Курган в Гиссарском районе Таджикистана); 2) ребенок стоит у ног женщины (Афрасиаб, Чим-Курган); 3) младенец лежит на руках женщины (Афрасиаб, Тали-Барзу). Самым восточным районом, где были распространены подобные терракоты, является Хотан.

Различие деталей, эмоциональность и жизненность образов, мягкость их передачи указывают на то, что они как бы взяты с натуры. Все это подтверждает мысль о народном характере культа богини-матери.

Образ матери и ребенка был одним из самых любимых в скульптуре и коропластике греческих и индийских городов. Очень схожа по композиции с сарайтепинской терракотовая статуэтка из Мирмикия (конец III – начало II вв. до н.э.). Полусидящая на дифросе молодая мать в длинных одеждах склонилась над младенцем, головка которого покоится у ее левой груди. Икры женщины скрещены, левая нога показана прямо, правая поставлена перед ней на носок (*Кобылина М.М. 1970, табл. 41*).

В Индии изображения матери с ребенком широко представлены в барельефах и скульптуре. В Бенгалии было обнаружено изображение возлежащей на левом боку женщины со скрещенными ногами (левая согнута в колене, за прямой правой). У левого бока, держась за перевязь, лежит маленький ребенок (*Mode H., 1970, p. 51, foto 30.*). На горельефе из южной столицы кушанского государства Матхуры богиня плодородия - молодая женщина - с улыбкой смотрит на младенца, поддерживаемого правой рукой. Иногда, как на некоторых терракотах Афрасиаба и Кой-Крылган-Калы (*Кой-Крылган-Кала, 1967, с.188, рис.49*), ребенок сидит на ладони матери (*Marschall J., 1951, p.449*). На рельефе со сценой рождения Сиддхартхи (Нагарджуконда, II-III вв.) и в Гималайском искусстве Майя изображена стоящей, со скрещенными ногами (одна полусогнута в колене и опирается на носок, другая прямая). В одном случае рядом на троне, возможно, сидит маленький Будда. Трон передан в виде полуовалов между горизонтальными линиями, что похоже на основание сарайтепинской фигурки.

Особый интерес представляют сложенные особым образом пальцы левой руки женщины. Если в терракоте из греческих городов-колоний поднятая к груди или плечу рука поддерживала край легкой одежды, то на Среднем Востоке этот жест трансформируется и, по-видимому, постепенно начинает нести определенную культовую нагрузку. В Индии он входит в число 24 главных мудры Катакали (*Swarup Sh., 1957, p.32.*). Похожие жесты есть у изображений обнаженных женщин из Раджастхана или Гуджарата и Каджурахо. На связь подобного знака с зороастризмом и буддизмом указывает находка в Мервской ступе знаменитой вазы, в которой хранились буддийские рукописи (VI-VII вв.). В одной из сцен, изображенных на вазе, жрец, читающий молитву, сложил пальцы правой руки в этом характерном жесте (*Луконин В.Г., 1977, илл.217*). В росписях Балалык-тепе, Бамиана и на серебряном сосуде из Эрмитажа у ряда персонажей есть подобный жест (*Альбаум Л.И., 1960, с.77-78*). Это знаки адорации или мудра, характерные как для буддизма, так и для среднеазиатского зороастризма.

Ряд деталей (цвет и качество формовочной массы, добавки) указывает на местное изготовление фигурки из Сарай-тепе. Отсутствие других подобных находок в Южном Согде и довольно близкое сходство со статуэткой из Мерва позволяют предположить импорт матрицы из соседнего региона. В научной литературе отмечалось парфянское влияние в Северной Бактрии и Согде, в том числе политическое, в первые века до н.э. Слабая изученность восточных районов Кашкадарьи этого периода в восточных районах области допускает и иные объяснения.

Датировать терракоту можно по сходству с достаточно точно определенными маргианскими терракотами и полученным в Сарай-тепе керамическим комплексом, в котором особо следует выделить изящные краснолощеные и серолощеные бокалы на невысокой сплошной ножке, указывающим на близкую к ним дату - первый век до н.э. - рубеж н.э. Отметим также, что на поверхности цитадели была поднята монета, относящаяся, по-видимому, к медным подражаниям тетрадрахмам греко-бактрийского царя Гелиокла, а при распашке неукрепленной части поселения найдена подвеска из слоновой кости с резным концентрическим орнаментом.

Сарайтепинская фигурка не имеет прямых аналогий. В то же время сама композиция и отдельные элементы обнаруживают тесное сходство с изображениями, происходящими из самых различных регионов тогдашней ойкумены - от Мирмикия до Бенгалии. Одна из причин этого явления - в популярности сюжета и широком распространении народного культа богини-матери, вошедшего позднее во все мировые религии. Различия же образов определялись местными художественными и эстетическими вкусами. Тем не менее, учитывая ряд очень близких аналогий (Северное Причерноморье -Маргиана - Южный Согд - Индия), не кажется невероятной гипотеза о выработке определенного канона, сложившегося в результате контактов между греческим, среднеазиатским и южноазиатским мирами и знакомства их мастеров с произведениями друг друга. Степень этих взаимосвязей изучена еще недостаточно, хотя в ряде работ признается существование во многом близких художественных школ, сформировавшихся на пространствах от Средиземного и Черного морей до Восточного Туркестана и Индийского океана. В основе этого сходства, как представляется, лежали процессы преодоления закрытости обществ и расширения обмена информацией во всех сферах жизни, что вело к взаимообогащению культур и внедрению инноваций в искусстве.

Рис. 1. Статуэтка из Сарай–тепе.

О. ЦЕПОВА

(Университет Сорбонна, г.Париж, Франция)

КУЛЬТОВАЯ ЦИЛИНДРОКОНИЧЕСКАЯ ЧАША С НАЛЕПАМИ С КАМПЫРТЕПА[1]

Уникальный археологически целый сосуд был найден весной 2000 года во время археологических работ на городище Кампыртепа, расположенном в юго-западном Узбекистане, на берегу Амударьи[2]. Судя по монетным находкам, памятник существовал с III в. до н. э. до середины II в. н.э. (Ртвеладзе Э.В., 2000, с. 15-16). Фрагменты сосуда были собраны в частично раскопанном ранее помещении в юго-восточной части городища, где выявлен один строительный период, датируемый монетами Сотера Мегаса. То, что все черепки были найдены в одном месте, сколы на фрагментах были свежими, а форма восстановлена почти полностью, позволило нам предположить, что целый сосуд был найден недавно посторонним лицом, а затем разбит. В этом же помещении был найден фрагмент венчика другого сосуда иной профилировки. На основании того, что оба эти сосуда изготовлены из глины идентичной фактуры и покрыты одинаковым ангобом, их можно отнести к одному керамическому комплексу, связанному с данным помещением. Датировка этого комплекса приходится на период от начала I в. н.э. до середины II в. н.э.

Сосуд, послуживший предметом данного исследования (рис.1), имеет тулово, состоящее из двух частей: верхней - цилиндрической и нижней - конической, на кольцевом поддоне.

В научной литературе не существует единого мнения насчет термина, который используется для такого рода сосудов. Иногда их называют цилиндроконическими кубками (*Некрасова Е.Г., 1974, с.90; Пидаев Ш.Р., 1989, с.43; Седов А.В., 1984, с.177*), иногда кубками с перегибом, иногда чашами (*Кабанов С.К., 1964, с.79*). Мы будем называть ее цилиндроконической чашей, т.к. у нее диаметр больше высоты и поэтому, в отличие от кубков, у которых обычно высота превышает диаметр, она имеет приземистую форму. К тому же ее относительно большие размеры не характерны для того типа сосудов, который принято называть кубками. Добавим, что, по нашему мнению, чаши и кубки могут иметь плоское дно или поддон. Эту неопределенность терминологии необходимо учитывать при рассмотрении опубликованных теорий эволюции различных типов сосудов, так как авторы используют разные термины для определения одного типа форм.

Чаша сформована на быстро вращающемся гончарном круге. На конической части видны следы подрезки ножом. Профилировка венчика и кольцевого поддона выполнена очень четко. На месте соединения конической и цилиндрической частей существует круговой валик, напоминающий рифт. Для изготовления использовалась тонко отмученная красножгущаяся глина. Обжиг равномерный. Вся поверхность покрыта ровным слоем светлого ангоба, поверх которого с помощью тряпки неравномерными мазками был нанесен жидкий красный ангоб. Такое двойное покрытие ангобами - светлым и затем более неравномерным темным - встречается лишь в кушанский период[3]. На внешней поверхности резервуара чаши имеются более темные, красноватые участки, которые являются следствием близкого расположения других сосудов во время обжига в горне.

Два типа декорирования керамики (если не учитывать частичного покрытия ангобом) использовались для украшения нашей чаши: прочерченный орнамент и налепы. Оба типа декора находятся на верхней цилиндрической части сосуда. Прочерченный орнамент состоит из двух горизонтальных поясов: верхняя волнистая линия отделена от расположенного ниже "елочного" орнамента простой линией. Два одинаковых плоских налепа расположены под венчиком симметрично друг другу на противоположных сторонах чаши. Они имеют своеобразную форму: более широкая, выемчатая в центре верхняя часть сужается книзу и затем снова расширяется, образуя два острых угла у основания. На каждом из них помещены по пять округлых налепов: три в верхней части и два в нижней (рис.1).

Остановимся на форме рассматриваемой чаши. Эволюция цилиндроконических чаш и кубков уже неоднократно исследовалась в научной литературе (*Кабанов С.К., 1964; Мандельштам А.М., 1966, с. 93-94; Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х., 1984; Седов А.В., 1984; Пидаев Ш.Р., 1989*). Форма цилиндроконических чаш с плоско срезанным дном, либо на дисковидном или (гораздо реже) кольцевом поддоне впервые появляется в греко-бактрийский период, то есть в III-II веках до н.э. Она встречается в керамических комплексах этого времени в Мерве (*Рутковская Л.М., 1962, с.45*) Ай-Хануме (*Fouilles..., 1973, табл.132, 63,64*), Джига-тепе (*Пидаев Ш.Р., 1984, с.116, рис.2*), Старом Термезе (*Пидаев Ш.Р., 1987, с.88, рис.1*), Мирзабек-кале (*Пилипко В.Н., 1985, с.130, 139, табл.XIV, XXIII*), Еркургане[4] (*Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х., 1984, с.129*), на Афрасиабе (*Тереножкин А.И., 1950, с.156; Шишкина Г.В., 1975, с.74*) и на многих других поселениях.

В период, предшествующий этому времени, как в Бактрии, так и в остальных регионах Средней Азии, в керамических комплексах древнеземледельческих оазисов встречается форма цилиндроконического сосуда, отличающаяся от нашей формы соотношением двух частей: верхняя цилиндрическая обычно превышает по высоте нижнюю коническую. Они отмечены в керамических комплексах следующих памятников: Калаи-Мир (*Дьяконов М.М.,*

[1] Работа выполнена благодаря финансовой поддержке (гранту) Французского Института Исследований Центральной Азии.

[2] Раскопки на Кампыр-тепа проводятся под руководством Э.В.Ртвеладзе, в настоящее время – при финансовой поддержке японской ассоциации JICA.

[3] Замечание сделано С.Б. Болеловым, который нашел первый фрагмент с налепом, послуживший началом этого исследования.

[4] В керамике этого комплекса наблюдается плавный переход между конической и цилиндрической частями резервуара.

1953, с.281, рис.19), Кызыл-тепе (*Беляева Т.В., Хакимов З.А., 1973, с.45, рис.13*), Афрасиаб[5] (*Тереножкин А.И., 1950, с.155*), Еркурган (*Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х., 1984, с.128*), "Бековская крепость" в Керки (*Пилипко В.Н., 1985, с.77, 117, табл.I*), на памятниках Хорезма (*Воробьева М.Г., 1959, с.73, рис.4*). Большинство исследователей (и это совпадает с нашим мнением) видят происхождение цилиндроконических сосудов греко-бактрийского керамического комплекса в формах предыдущего периода (*Тереножкин А.И., 1950, с.156; Кабанов С.К., 1964, с.86; Шишкина Г.В., 1975, с.70; Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х., 1984, с.28; Седов А.В., 1984, с.174*).

Кольцевой поддон появляется в комплексах греко-бактрийского периода. В Бактрии к северу от Амударьи он встречается реже, чем к югу (*Седов А.В., 1984, с.174*). Например, "для чаш и тарелок Ай-Ханум характерен кольцеобразный поддон, а для мирзакультепинских плоский или едва заметный конусообразный выем" (*Пидаев Ш.Р., 1978, с.84*).

Цилиндроконические чаши на кольцевом поддоне относительно широко распространяются в Бактрии в юечжийский период (II в. до н.э. – I в. н.э.). Например, на Дальверзинтепе (*Пугаченкова Г.А., Некрасова Е.Г., 1978, рис.101, с.147*) и Айртаме (*Тургунов Б.А., 1973, с.72, рис.17*). Однако, по данным некоторых авторов, они встречаются уже в греко-бактрийский период в Северной Бактрии (*Седов А.В., 1984, с.177*), на Афрасиабе (*Шишкина Г.В., 1975, с.74*), в Мерве (*Рутковская А.М., 1962, с.45, рис.*1). В юэчжийский период в общей массе цилиндроконических чаш наблюдается легкое "вытягивание" пропорций. В могильниках кочевников юэчжийского времени были найдены чаши и кубки, по своей форме относящиеся к рассматриваемому нами типу: в Тулхарском могильнике (*Мандельштам А.М., 1966, с.183, табл.XXI, 1*), Аруктауском (*Мандельштам А.М., 1975, с.159, табл.X*), могильнике Туп-хона (*Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с.219, табл.VI*)[6], Айртамском (*Тургунов Б.А., 1973, с.69, рис.13*) и Лявандакском могильниках (*Обельченко О.В., 1961, с.153, рис.13*). Небольшое сходство имеют сосуды, найденные в Бабашовском могильнике (*Мандельштам А.М., 1975, с.173, табл. XXV*).

В средне-кушанский период (велико-кушанский), т.е. в конце I-II вв., кубки и чаши на поддоне, в том числе и на кольцевом, исчезают, уступая место кубкам на ножке или бокалам (*Пидаев Ш.Р., 1989, с. 46; Шишкина Г.В., 1975, с.74; Пилипко В.Н., 1985, с.140, табл.XXIV*). Исключение составляют два бокала с Хирман-тепе на сплошном поддоне (*Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983, с.210, табл.V*), однако, здесь они представлены единичными экземплярами, что может свидетельствовать о переживании формы (*Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983, с.68*). В этот период наблюдается тенденция к смягчению перехода от цилиндрической к конической части резервуара, профиль которого принимает округлую форму. На Средней Амударье и в Каршинском оазисе сосуды с цилиндроконическим резервуаром в этот период уже не встречаются (*Пилипко В.Н., 1985, с.140, табл.XXIV; Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х., 1984, с.144, рис.60*).

В Бактрии в последующий кушано-сасанидский период (III-IV вв.) чаши на поддоне появляются снова. Место соединения "цилиндрической" и конической частей выделяется перегибом стенок, причем резервуар к венчику сужается. Эта форма получила название "чаши с перехватом".

Таким образом, форма нашей чаши, найденной в постройках велико-кушанского периода, тяготеет к керамическим комплексам двух предыдущих периодов – греко-бактрийскому и юэчжийскому. Это касается как четкого перегиба между цилиндрической и конической частями, так и кольцевого поддона. Последний также в какой-то степени указывает на тяготение к Южной Бактрии.

Учитывая относительно большие размеры сосуда, следует отметить влияние на эту форму греческих кратеров и, более того, сходство с металлическими изделиями, в которых место соединения двух отдельно изготовленных частей – конической и цилиндрической – выделялось кольцевым рифтом. Кольцевой поддон также напоминает поддон металлических греческих кратеров, подражания которым существовали в керамике, например, Северного Афганистана (*Rapin Cl., 1982, табл.71, 53,58*) и Мерва (*Рутковская, 1962, с.60, рис.6*), или поддоны бронзовых котлов северных кочевников – саков и хуннов. Имитации бронзовых котлов широко встречаются в керамических комплексах памятников на севере Средней Азии, в частности, поселений джетыасарской культуры (*Левина Л.М., 1996, с.260, рис. 65*).

Перейдем теперь к рассмотрению декоративного оформления нашей чаши. Как было сказано выше, она украшена прочерченным орнаментом и налепами. Прочерченные волнистая и "елочная" линии уже рассматривались нами ранее (*Цепова О., 2000, с.107-110*). Волнистый орнамент на керамике появляется в Бактрии в греко-бактрийский период (*Lyonnet B., 1997, с.125, 384, рис.45, 7,8,9*) и сохраняется до конца кушанского времени. Использование бордюров из прямых и волнистых линий является одной из характерных черт орнаментации бактрийской керамики в античный период (*Пилипко В.Н., 1985, с.107*).

"Елочный" орнамент в Бактрии встречается гораздо реже. Он зафиксирован на следующих памятниках Северной Бактрии: на плече кратера с городища Тепаи-шах в низовьях р.Кафирниган[7] (Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983, с.223, табл.XVIII, 21), на плече хумчи с Зар-тепе[8], на Тилля-депе на Средней Амударье (*Пилипко В.Н., 1985, с.166, табл.XLIX, 31*); в Южной Бактрии: на фрагменте венчика, подобного нашей чаше, найденного на Дурмен-тепе[9] (*Durman Tepe..., 1968, с.21, рис.7, 48*), в подъемном материале на памятниках Кундуз 400 и Арши (*Lyonnet B., с.42, табл.VII, 7,8,12*), на Жига-тепе[10] (*Пугаченкова Г.А., 1979, с.86, рис.22, 19,22*). Следует отметить фрагменты венчиков кувшинов с подобным орнаментом на наружной стороне, найденные в долине р. Вардак в районе Кабула (*Fussman G., 1974, с.127, рис.29, 3,4*). На Кампыртепа этот вид орнамента не является редкостью. Он встречается на серо-глиняной керамике: на амфоре, найденной на цитадели городища в слоях юэчжийского времени (*Древности..., 1991, рис.146*),

[5] В сако-ахеменидском слое Афрасиаба.

[6] Б.А.Литвинский и А.В.Седов предлагают более позднюю дату для курганных могильников Бишкентской долины, исходя из поздней даты НДК, предложенной Е.В.Зеймалем (см: *Литвинский Б.А. Седов А.В. , 1984, с.82-84*. Прим. ред.).

на плоскодонном блюде *(Цепова О., 2000, с.117, рис.1, 2)*, а также на многих других неопубликованных фрагментах блюд и прочих сосудов. По данным раскопок С.Курбанова на цитадели Кампыртепа, прочерченный "елочный" орнамент зафиксирован на фрагменте блюда, найденном в слое, датированном юэчжийским временем (*Курбанов С., 2000, с.55*). Именно в этот период он имел широкое распространение и продолжал существовать в период расцвета Кушанской империи[11] . Дальнейшую его эволюцию мы пока проследить не можем.

Волнистая линия часто интерпретируется как символ воды. Если принять "елочный" орнамент за символическое изображение древа жизни (или растительности), то орнаментальную композицию можно объяснить как схематическое воспроизведение мировой системы, состоящей из трех элементов: земная поверхность, представленная в виде кольцевого валика, все живое, находящееся на ней, включая растительный покров; небесная вода или твердь небесная. Вполне вероятно, что мастер, исполнивший эту чашу, не наделял свой рисунок подобным значением, однако, неосознанно смысл мог сохраниться в традиционном (но не механическом) воспроизведении композиции, в прошлом наделенной символическим содержанием.

Рассмотрим налепы на нашей чаше. Нам не удалось найти аналогий в научной литературе среди керамических изделий. Вероятно, форма налепа не является продолжением существовавшей ранее традиции. Другой налеп, происходящий из раскопок на цитадели Кампыртепа, располагался на венчике горшка с явно зауженным устьем[12] , он также имеет уникальную форму, очень отдаленно напоминающую форму нашего (рис 1.*в*). Эта исключительность в какой-то степени свидетельствует о специальном назначении сосуда. Мы можем предложить два варианта интерпретации этих налепов: имитация металлических изделий и изображение антропоморфного характера, хотя одно может не исключать другого.

Налепы на чаше с Кампыртепа могли иметь прототипом металлическую пластину, которая служила основанием для прикрепления вертикальной, возможно, кольцевой, может быть, подвижной, ручки к сосуду. Очень похожая по форме бронзовая пластина была найдена при раскопках на Ай-Хануме (*Francfort H.-P., 1984, pl.19, N3*). Ее выпуклая форма указывает на то, что она предназначалась для крепления к сферической поверхности. На выпуклой стороне, вверху в центре к пластине прикреплено колечко-ручка, перпендикулярное к поверхности пластины. Пластина крепилась тремя заклепками.Подражания металлическим ручкам в керамике часто встречаются в греко-бактрийский и кушанский периоды. Например, вертикальные округлые ручки с завернутыми наружу концами, подобные ручкам на золотом сосуде с Тилля-тепе (*Сариниди В.И., 1983, рис.33*), часто имитируются налепными полосками в керамике. И даже штампы в виде прямоугольника с четырьмя точечными выступами по углам и одним в центре на амфоре с Кампыртепа могут интерпретироваться как подражания металлическим бляшкам (*Древности..., 1991, рис.146*).

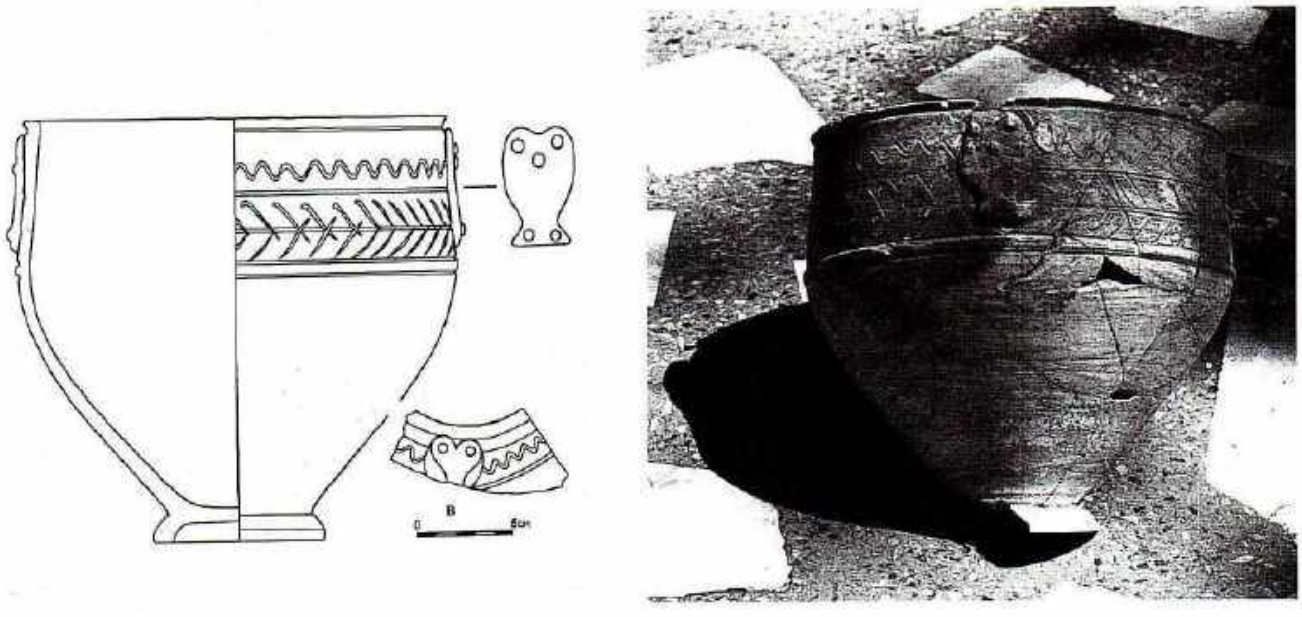
Оттиски пряжек, предположительно гуннского времени, на глиняных сосудах найдены при раскопках в Пенджикенте (*Распопова В.И., 1980, с.93, рис.65*). Здесь мы видим пример того, как металлические предметы в данном случае пряжки, переходят из металла в изображение на керамике. В самой джетыасарской керамике существуют подражания бронзовым котлам так называемого гуннского типа с массивными коническими поддонами, линейными и точечными выступами, имитирующими швы и заклепки, и двумя вертикальными подпрямоугольными ручками, выступающими над устьем.

Удивительное стилистическое сходство существует между исследуемым налепом и наременными металлическими бляшками из курганов джетыасарской культуры низовий Сырдарьи в Восточном Приаралье, особенно в поясных наборах гунно-аварского типа, датируемого в пределах IV-VII вв. (*Левина Л.М., 1996, рис.129-133*). Причем металлические пряжки, бляшки и наконечники, найденные здесь, находят аналогии в материалах памятников кочевников всего евразийского степного пояса и прилегающих районов от Центральной Европы до Саяно-Алтая.

Что касается антропоморфного характера нашего налепа, то в нем при некотором воображении можно усмотреть женский торс: голову с глазами и носом, представленными тремя точечными налепами, и грудь в виде двух налепов. Следует заметить, однако, что антропоморфные налепы на керамических сосудах в этот период обычно были более реалистичны. Стилизация изображения человека была характерна для терракотовых статуэток (*Мешкерис В.А., 1962, табл.II, 15*). Очень близок налепу на рассматриваемой нами чаше небольшой идольчик из обожженной глины, найденный на городище Муг-тепе в Уструшане (*Ранов В.А., Салтовская Е.Д., 1961, с.121, рис.10, 2*). Это схематическое изображение человека в полный рост с плоско срезанной головой, налепными бровями, носом, глазами. Похожая фигурка была найдена в Ферганской долине, на городище Шурабашат (*Заднепровский Ю.А., 1962, с.141, рис.31*).

В заключение скажем, что в рассматриваемой чаше, датируемой нами юэчжийским временем, прослеживаются две традиции: местная, выраженная в цилиндроконической форме и прочерченном орнаменте, и привнесенная извне, из кочевнического или эллинистического мира, элементом которой является налеп. Неустойчивость чаши на небольшом для такого резервуара поддоне указывает на то, что ее использование не могло иметь повседневный характер. По всей видимости, это была чаша, выполненная в соответствии с требованиями заказчика и используемая при определенных обстоятельствах, вполне возможно, в культовых церемониях.

[7] Комплекс из "водостока", по формам керамики датируемый юэчжийским временем.
[8] IV период, который датируется IV в. н.э. (*Массон В.М., 1976, с.6*). Материал из архивов Е.Г.Некрасовой.
[9] Под "елочным" орнаментом прочерчена волнистая линия.
[10] Здесь "елочный" орнамент имеет несколько иной вид, с учащенными наклонными черточками, иногда без срединной прямой линии.
[11] Выражаем благодарность С.Курбанову за предоставленный в наше распоряжение неопубликованный материал.
[12] Материал из раскопок С.Курбанова. Керамический комплекс по составляющим формам, скорее всего, датируется юэчжийским временем.

а

б

Рис. 1. Чаша из Кампыртепа: *а*- чертеж, *б*- фото автора,
в - налеп на сосуде с цитадели Кампыртепа

РАЗДЕЛ III

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ш.АДЫЛОВ
(Институт археологии АН РУз,
(г. Самарканд, Республика
Узбекистан),

Г.СЕМЕНОВ
(Государственный Эрмитаж,
г.Санкт-Петербург, Российская Федерация)

"ПОМЕЩЕНИЕ С РОСПИСЬЮ" НА ЦИТАДЕЛИ ПАЙКЕНДА

Раскопки разных лет совместной археологической экспедиции Института археологии АН РУз и Государственного Эрмитажа открыли в юго-восточном углу цитадели Пайкенда часть монументального комплекса, некогда занимавшего значительную площадь всей крепости. По периметру комплекс состоял из длинных помещений, одно из которых является предметом нашего сообщения. В настоящее время оно полностью вскрыто по уровню верхнего пола. Как и весь комплекс, помещение неоднократно перестраивалось. Оно представляет собой длинный и узкий коридор (длина 20 м при ширине 2-3,5 м). Западная часть помещения сильно разрушена во время пожара. На полу из жженого кирпича отложился слой углей, остатки стен или суф прокалены. В восточной части следов пожара не отмечено.

Свое название помещение получило из-за остатков живописи, обнаруженной на южной стене в ее восточной части. На красном фоне черным контуром изображена фигура коленопреклоненного персонажа, держащего в руках сосуд. Перед ним находился полусферический предмет, возможно стеклянная чаша. Правее сохранились значительно более крупные по масштабу ноги сидящего персонажа, опирающегося на меч.

Само изображение нанесено достаточно грубой толстой линией без деталировок. Характер изображения: грубые черты лица, большие глаза навыкате, крупный нос, большие кисти рук - несколько напоминает раннюю живопись Пенджикента (донаторы северной капеллы 2-го храма), но более типичен для стиля соседнего Тохаристана. Так изображены глаза у донаторов из Кафыр-калы, у персонажей на мервской вазе. Т-образные нашивки на предплечьях в Согде ранее также не засвидетельствованы. Эта деталь рукава известна с ахеменидской эпохи (кандизы из Аму-Дарьинского клада). Более близкие по времени аналогии имеются на одежде у летящих фигур на костяных пластинах из Тудаи-Калон, у конных охотников на орлатских костяных пряжках, у персонажа росписей из Дильберджина.

Terminus ante quem для живописи дает клад серебряных бухар-худатских монет, найденный на верхнем полу в восточной части помещения. Монеты были завернуты в холщевую тряпочку. Они спеклись в единую массу, и при расчистке края многих монет пострадали. Всего в кладе 68 монет. Одна из монет оказалась подражанием монете Пероза (459-484), остальные - среднеазиатскими подражаниями серебряным драхмам сасанидского царя Варахрана V (420-438). На лицевой стороне монет изображение головы правителя в короне, а на обороте - жертвенника со стражами. За головой правителя искаженная пехлевийская надпись, перед лицом согдийская надпись pwgʾr ɣwß kʾwʾ ɣwß Бухары царь).

Монеты клада раскладываются на четыре группы, но все они более ранние, чем четыре типа бухар-худатских монет, выделенных Е.А. Давидович. Наиболее вероятная дата сокрытия клада - рубеж VII-VIII вв.

Еще одна бухар-худатская монета диаметром 29,5 мм была обнаружена в западной части коридора в заполнении над остатками южной стены или суфы. На лицевой стороне искаженная легенда пехлеви еще без согдийской легенды и бухарский надчекан. Эта монета отражает предшествующий этап чеканки бухар-худатских монет, представленный также в шафриканском кладе. Следует отметить, что в шафриканском кладе нет монет, представленных в кладе Пайкенда, равно как в составе клада на цитадели нет монет типа шафриканских. Это позволяет выделить три этапа в чеканке бухар-худатских монет Бухары:

1) монеты с искаженной пехлевийской легендой и бухарским надчеканом (шафриканский клад и монета из Пайкенда),

2) монеты с искаженной пехлевийской и согдийской легендой с бухарским надчеканом (клад из Пайкенда),

3) монеты четырех типов, выделенные Е.А. Давидович.

При этом появлению монет каждого нового этапа предшествовало изъятие из обращения монет предыдущих этапов.

Кроме бухар-худатских монет в заполнении над полом помещения была найдена серебряная тетрадрахма - подражание монетам Евтидема. На аверсе портрет правителя в диадеме, на реверсе – сидящий Геракл. В правой руке палица, одним концом покоящаяся на колене правой ноги, другая рука на омфале (?). Вокруг - искаженная греческая легенда. Судя по отсутствию тамги на реверсе и диадеме на голове правителя, монета должна была выпускаться ранее I-II вв. н.э. Это первая монета этого типа из Пайкенда. Она, безусловно, попала в помещение случайно, вместе с глиной, взятой из более ранних построек. Вместе с кладом греко-бактрийских монет и отдельных находок подражаний Евтидему она отражает определенный этап обращения этих монет в бухарском оазисе.

В помещении на полу среди углей пожара и в тайнике под полом был найден комплекс вооружения. Основную его часть составляют кинжалы (12 шт.) с кольцевыми, волотообразными и антенновидными навершиями, с

прямыми и бабочковидными перекрестиями. По своим типам кинжалы близки находкам из курганов Согда, датированным II в. до н.э.-I в.н.э. Вместе с кинжалами было найдено несколько десятков ножей, около ста экземпляров железных панцирных пластин, крупные железные трехлопастные наконечники стрел, костяные концевые накладки, по крайней мере, от десяти луков.

Вместе с предметами вооружения было найдено восемь глиняных булл, одна из которых со среднеперсидской надписью. Печать с надписью принадлежала жрецу, и, судя по позднему дукту с лигатурами, датируется не ранее VI-VII вв.

Разные группы находок из помещения с росписью имеют разные даты. Наиболее древними оказываются кинжалы и подражание монете Евтидема (не позднее I в. н.э). Живопись на стене должна быть отнесена ко времени V в., а буллы - к VI-VII вв. В то время как клад бухар-худатских монет с пола датирует его скорее всего рубежом VII-VIII вв. Такой "разнобой" в датах может иметь несколько объяснений. Наиболее позднюю дату предлагают монеты и, вероятно, они и определяют время пожара. Что же касается живописи, то она могла относиться к более раннему периоду, а дошедший до нас фрагмент случайно сохранился вплоть до времени пожара. Ниже верхнего пола живопись не отмечена, но, быть может, верхний пол совпал с полом второго этажа раннего помещения, хотя следов перекрытия и не было найдено.

Изображения на буллах имеют аналогии в сасанидской глиптике, но сами печати могли использоваться и более длительное время. Сложнее объяснить разницу в датировке кинжалов и дате, предлагаемой монетами. Наиболее приемлемой представляется версия о том, что мы имеем дело с остатками царского хранилища, арсенала, где вполне могло храниться устаревшее, но еще пригодное к употреблению оружие. Вместе с кинжалами были найдены панцирные пластины с зубчатым краем, представленные на живописи Пенджикента VII-VIII вв. Можно сопоставить находки старых типов оружия в коридоре на цитадели Пайкенда с находками в храме в Тахти-Сангине, где также хранились разновременные предметы, часть которых по времени даже предшествовала постройке храма.

Слой пожара в помещении по дате наиболее поздних находок, относится, таким образом, к рубежу VII-VIII вв. Это время первых походов арабов в Мавераннахр, закончившихся в 706 г. взятием и разрушением Пайкенда. О богатой добыче, взятой арабами в 706 г. в Пайкенде, достаточно подробно сообщается в письменных источниках. Когда арабы с добычей вернулись в Мерв, то большое количество наличных средств привело к подорожанию цен на оружие. Тогда Кутейба распорядился раздать войску оружие из переполненных арсеналов. Из текста не ясно, откуда это оружие попало в арсеналы Мерва, но весьма вероятно, что там находилось и вооружение, взятое как военные трофеи в Пайкенде. В таком случае, остатки комплекса вооружения, найденные среди пожарища на цитадели Пайкенда, вполне могли быть остатками разграбленного арсенала. Глиняные буллы, вероятно, некогда опечатывали хранилища, или принадлежали документам, также хранившимся в арсенале. Наличие росписей в помещении не противоречит его использованию в качестве хранилища оружия, особенно, если они относятся к его первоначальному декору.

Открытое помещение – первое в Пайкенде, где на стенах сохранилась роспись. Несмотря на фрагментарность, она дает представление о периоде согдийского искусства Бухары, предшествующем расцвету стенных росписей Варахши. Находка клада монет открывает еще слабо изученную страницу денежного обращения Бухары, а вооружение в таком количестве вообще впервые было найдено не в погребениях кочевников, а в согдийском городе. За много лет раскопок разрушение города арабами, известное по письменным источникам, впервые нашло археологическое подтверждение.

П. БЕРНАР
(Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Париж, Франция)

ОНОМАСТИКА И ИСТОРИЯ: ИМЕНА СОХРАКА И ПАЛАМЕДА В КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

Я с удовольствием присоединяюсь к чествованию, которое научное сообщество устраивает сегодня Галине Васильевне Шишкиной. Ее работы на Афрасиабе, ставшие решающим этапом ознакомления с этим важнейшим для истории Центральной Азии памятником, с которым связаны воспоминания о длинной череде выдающихся ученых, в том числе и об отце г-жи Шишкиной, стимулировали и вдохновили наши исследования, в чем те так нуждались. Французские археологи, пришедшие в древний Самарканд после Галины Васильевны, вместе с узбекскими и русскими коллегами прилагают все усилия к тому, чтобы приумножить это воспринятое ими драгоценное наследие.

Я буду говорить о том, чего от меня, несомненно, ждут, а именно о сюжете, касающемся эллинизации Центральной Азии. А поскольку в этом юбилейном издании упор делается на керамику, я для начала поделюсь с вами размышлениями, на которые меня навело одно греческое граффито на сосуде.

I - СОХРАКЕС

Граффито, о котором идет речь, нанесено на горло глиняного хума, найденного при раскопках городища Гаравкала в долине Явана, правого притока Вахша. Библиографию работ, посвященных этому памятнику, можно найти во французском, исправленном и дополненном по сравнению с русским, издании книги Б.Я. Ставиского *"Кушанская Бактрия": - La Bactriane sous les Kushans. Problèmes d'hisoire et de culture*, traductions de P.Bernard, M.Burda, Fr. Grenet, P.Leriche, Paris, 1986, p.264-266**; относительно раскопок памятника см. прежде всего: *Б.А. Литвинский. Археологические работы в Таджикистане, 10, 1970 (1973), с.16-17.* Фотография черепка с надписью приведена в: *Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985, N 364*[1]. Имя собственное SOXRAKHS (с круглыми сигмами) было тщательно вырезано до обжига (рис.2,*1*). И авторы раскопок, и Т.И. Зеймаль, которой принадлежит соответствующее описание в каталоге "Древности Таджикистана", где говорится, что ко времени находки данное граффито представляло собой "первую бесспорно греческую надпись, обнаруженную к северу от Аму-дарьи", справедливо считали его греческим. Хотя антропоним и не греческий (см. ниже), он, несомненно, был написан по-гречески, о чем свидетельствует окончание греческого именительного падежа -hV, встречающееся и в имени кушанского царя Вимы Кадфиза, и в прочих эллинизированных именах местных князьков, правивших на рубеже новой эры в районах к западу от Бактрии (см. ниже), а также в имени индо-парфянина Гондофара Gogdojarhv. Если бы речь шла о граффито на бактрийском, имя приняло бы форму Sucroko. По стратиграфическому контексту авторы раскопок датировали надпись I в. до н.э. Палеография заставляет, однако, омолодить датировку, отнеся ее к I в. н.э. Тем самым надпись не может принадлежать собственно греческому периоду, заканчивающемуся в Бактрии около 130 г. до н.э.

Эта с вертикальными штрихами различной длины, с более коротким и обычно изогнутым правым штрихом, не поднимающимся выше горизонтальной поперечины, действительно характерна для кушанской эпохи (см. рис. 1), если не считать самого ее начала. В кушанской наскальной надписи второго из кушанских правителей, Вимы Такту, из Дашт-и Навура (DN I) *эта*, похоже, еще имеет традиционную греческую форму с одинаковыми вертикальными линиями[2]. Так же обстоит дело в надписи из Сурх Котала, т.н. "надписи Паламеда" (см. ниже), которая должна датироваться правлением третьего кушанского правителя, Вимы Кадфиза: там *эта* встречается в греческом имени Palamhdou в греческой подписи и, возможно, также в кушанской части текста (I. 1: zhnobido "начальник вооружений")[3]. На монетах предка кушанской династии Герая (рубеж новой эры) так же, как и на монетах основателя империи Куджулы Кадфиза[4] и его преемника Вимы Такту – Сотер Мегас[5], мы находим исключительно греческую *эту*. На золотых монетах преемника Вимы Такту, Вимы Кадфиза, Oohmo Kadjishv[6], легенды всех монет которого, напомним, выполнены по-гречески, также используется греческая форма этой буквы. Напротив, на бронзовых

* Перевод С.В. Кулланды.

** Библиографию смотри в конце статьи.

[1] В "Древностях Таджикистана" на страницах 128-129 дается краткий обзор результатов раскопок.

[2] *Fussman G., 1974, p.8-18, pl. III (fqsimilé), XIV-XV (photos de la pierre), XVIII-XIX (photos des estampages).* Согласно Фюссману, чтение *эты* не бесспорно, но он отмечает, что сочетаемость различных форм данной буквы, похоже, указывает на *эту* с одинаковыми вертикальными линиями (стр. 9-10). Именно это очертание, на мой взгляд, просматривается в некоторых случаях употребления *эты* в DN I (стк. 3, 5, 10, 11), о чем можно судить по фотографиям камня и по эстампажам. Того же мнения придерживается Н. Симс-Уильямс (*Sims-Williams N., 1995-1996, p.136, fig.9*). Отметим, впрочем, что в той же надписи *ню* уже имеет развитую кушанскую форму, а именно форму кушанской *эты*, развернутой так, что короткая вертикальная линия оказывается слева (см. рис.2)

[3] В этом месте верхняя часть *эты* в кушанском тексте повреждена до такой степени, что нет никакой уверенности относительно ее формы. Да и Р. Кюрьель (*Curiel R., 1954, p.199*) и А. Марик (*Maricq A., 1958, p.348.*) в палеографическом комментарии к данной надписи говорят только об одной *эте*, той, что встречается в имени Паламеда.

[4] Поздние подражания Гермея с легендой *Su Steros Ermaiou*: *Mitchiner, 8, types 1044-1046.*

[5] (*J. Gribb, 1995-1996, p.111-123, fig.12-15*, особенно *fig. 11c, fig. 12, b, e*). Известно, что кушанская надпись из Рабатака не только открыла нам имя этого правителя, вклинивающегося между Куджулой Кадфизом и Вимой Кадфизом и являющегося, таким образом, дедом Канишки, но и позволила приписать ему анонимные чеканы Сотер Мегаса

[6] Помимо таких работ, как *Göbl R., System und Chronologie der Münzprägung der Kušânreiches. Vienne, 1984* и *M. Alram, Nomina Propria Iranica in Nummis. Materialgrundlagen zu den Iranischen Personennamen auf antiken Münze (Iranishes Personennamenbuch, herausg. M. Mayrhofer, R. Schmitt, IV, Vienne, 1986*, и основных каталогов, я, благодаря дружеской любезности хранителя Отдела монет и медалей г-на Дж. Крибба, которому выражаю живейшую признательность, имел возможность ознакомиться с коллекцией кушанских монет Британского музея.

монетах этого царя греческая форма редка и чаще всего мы имеем дело с эволюционирующей *эпой*, у которой правый штрих короче левого, а поперечная перекладина наклонна и выдается за край правого штриха, так что вся буква иногда приобретает вид *каппы*[7]. Полностью переработанная форма с более коротким правым штрихом и горизонтальной поперечной перекладиной без выступа справа встречается лишь изредка. Что касается монет Канишки (Kanhsko), то чеканы начала его правления с греческими легендами, будь то золотые[8] или бронзовые[9], сохраняют симметричную греческую форму *эты* с вертикальными штрихами одинаковой длины и горизонтальной поперечиной. Монеты этого правителя с бактрийскими легендами, как золотые, так и бронзовые, напротив, демонстрируют кушанскую форму *эты* со штрихами разной длины, даже когда, как на некоторых бронзовых монетах, сильно изогнутый правый штрих слегка выступает вверх над поперечиной (рис.1)[10]. В надписях на камне со времени Канишки также, как правило, встречается именно кушанская форма.

За пределами чисто кушанского ареала на стоящем особняком чекане индо-парфянина Гондофара (19-46 гг. н.э.) в имени царя 'Undojerrhv и в его прозвище Sah ("Сак"?) имеется один, возможно, самый древний пример *эты* со штрихами разной длины[11]. В других чеканах того же правителя, так же, как и в чеканах всех прочих индо-парфян от Сеистана до Инда, используется традиционная греческая форма. То же относится и к чеканам завоевателей-кочевников в конце II-I вв. до н.э. к западу от Бактрии и в Восточном Иране (Танлисмайдат и Рангодими, Паб, Сападбиз, Агесил, Отанн), так же, как и к самым ранним чеканам Гиркода в Согдиане.

Таким образом, переход от греческой к кушанской форме *эты* произошел в общих чертах в 25-80 гг. н.э., если принять за начало эры Канишки 70 г. н.э., или в период между 25 и 120 гг. н.э., если, что представляется предпочтительным, начинать эту эру примерно со 120 г. н.э.[12]. Иначе говоря, впервые это изменение фиксируется во второй четверти I в. н.э. (Гондофар), на кушанских монетах оно появляется при Виме Кадфизе и окончательно на них утверждается вскоре после начала царствования Канишки. Конечно, можно считать, что эта эволюция греческого курсива в Центральной Азии началась прежде, чем ее результаты проявились в официальной эпиграфике постгреческой эпохи: в легендах на монетах или мемориальных надписях на камне[13], и мы не возражали бы против датировки черепка из Гарав-калы I в. до н.э., если бы *эта* была там представлена переходной формой, как на бронзовых монетах Вимы Кадфиза, а не законченной кушанской, как в граффито. Вот почему я охотно омолодил бы дату черепка с надписью из Гарав-калы до I в. н.э. Г-жа Лионне, с которой я консультировался относительно датирующих признаков сосуда с надписью, сообщила мне, что этот сосуд с его коротким вертикальным горлышком, на которое нанесен ряд сделанных пальцами защипов, продолжает определенный греческий тип и может быть отнесен к переходному времени между греческим периодом и эпохой великих Кушан, когда этот тип исчезает[14]. Таким образом, ничто не препятствует датировке граффито первой половиной I в. н.э.

Омоложение датировки никоим образом не принижает важности черепка с надписью из Гарав-калы, скорее, наоборот. Вима Кадфиз на всех своих монетах и Канишка в начале царствования прибегали к греческому языку для того, чтобы создать среди подданных свой образ и донести до них не только свой облик, но также имя и титулатуру. При том, что Вима Такту, их отец и дед, уже в официальной надписи из Дашт-и Навура употреблял кушанский язык, заманчиво предположить, что использование греческого в легендах монет его сына и внука было просто-напросто анахронистическим пережитком, направленным на то, чтобы поставить на службу новой державе престиж языка, бывшего официальным языком могущественной империи, на наследие которой претендовали Кушаны, до некоторой степени подобно тому, как в Европе вплоть до XIX века писали по латыни надписи на общественных зданиях и легенды на медалях. Но граффито из Гарав-калы не относится к категории официальных документов: Сохракес был обычным частным лицом, эллинизированным бактрийцем, велевшим вырезать свое имя на заказанном горшечнику сосуде, и имя это было написано так, как оно в то время произносилось, на греческий лад, с окончанием именительного падежа по второму склонению. Это происходило, если верны наши соображения относительно формы кушанской *эты* и ее хронологической значимости, более чем через сто пятьдесят лет после того, как кочевые племена положили конец греческому государству в Бактрии, когда кушанская династия, происходившая из этих самых кочевников, уже завоевала часть территорий к югу от Гиндукуша. Еще позднее, в начале II в. н.э., грек Паламед продолжает склонять свое имя на греческий лад. Надпись на сосуде из Гарав-калы является скромным, но драгоценным свидетельством сохранения греческого языка в качестве средства повседневного общения в ранний период существования кушанской Бактрии, земли самой что ни на есть эллинизированной.

[7] *Göbl R., цит. соч.*, чеканы 760-764.
[8] *Göbl R.,Там же*, чеканы 25-28.
[9] *Göbl R.,Там же*, чеканы 766-767.
[10] *Göbl R.,Там же*, чеканы 81-80 (золото); 768-819 (бронза)
[11] *Mitchiner M., 8, type 1070 ; Bivar A.D. H., Iranica Antiqua, 16, 1981, p.141-150, pl.Ia.* Р. Сениор *в. Shahbazi A.Sh., Bull. Asia Inst, 8, 1994, p.313.* Поздняя форма *эты* - дополнительный аргумент против того, чтобы удревнять датировку данной монеты, объявляя Гондофара Саи предшественником одноименного индо-парфянского правителя.
[12] Из последних аргументов в пользу датировки 78 годом н.э. см. *Fussman G.*, 1998, особенно *с.619 и сл.*, а в пользу датировки приблизительно 120 годом н.э. см. *Gribb J., 1995-1996.*
[13] Общий очерк греческой эпиграфики Центральной Азии см. в: *Schmitt R., 1990; Huyse P., 19 95; Bernard P., Langue et épigraphie grecques dans l' Asie Centrale a l' époque hellénistigue.* Athènes, 2000 *(sous presse).* Единственные имеющиеся в Центральной Азии греческие документы, написанные настоящим курсивом, это надписи на сосудах из сокровищницы в Ай-Ханум: *(Rapin Cl., 1983, 1992)* и хозяйственный документ на пергаменте, также обнаруженный в Бактрии *(Bernard P., Rapin Cl., 1994; Rea J. R., Senior R.C., Kollis A. S., 1994; Grenet Fr., Rapin Cl.,1996).* Однако эти памятники слишком ранние - не позднее середины II в. до н.э. - для того, чтобы засвидетельствовать серьезную эволюцию греческого курсива по сравнению с рукописями Авромана и Дуры Европос или документами птолемеевского Египта. Две литературных рукописи из Ай-Ханум еще древнее (III в. до н.э.) и были привезены с Запада, а не выполнены на месте (*Rapin Cl., Kadot P., 1987; Rapin Cl., 1992).*
[14] Выражаю ей глубокую благодарность за эти разъяснения.

Как отмечают Т.И. Зеймаль и А.В. Седов, личное имя Сохракес - бактрийское или, шире, иранское. Оно образовано от иранского корня, обозначающего красный цвет: пехлевийское *suxr (swhl, swh'l)* и персидское *surx* (с метатезой), ср. авестийское *suxra* (*H.S. Nyberg. A Manual of Pahlavi, II, p. 182*). Различные формы этого имени хорошо засвидетельствованы в иранской ономастике сасанидской и раннеисламской эпох: *Soxra, Suhrab, Surxah* (*F. Justi. Iranisches Namenbuch*, s.v.); *Suxr (swhl)-Ariur Gusnap* (*Ph. Gignoux, Noms propres sassanides en moyen perse sassanide, n° 853 a* [15]). По-французски это имя звучало бы как "le Rouquin", т.е. "Рыжий".

II - ПАЛАМЕД

Среди надписей на бактрийском, обнаруженных в святилище, основанном кушанским правителем Канишкой в первые годы своего царствования, начавшегося около 127 г. н.э., на месте современного городища Сурх Котал, есть одна, сокращенно обозначаемая SK 3 и отличающаяся добавлением к бактрийскому тексту чисто греческой формулы: Dia Palamhdou[16] (рис. 2,3). Два эти слова, высеченные на известняковой плите, обломанной сверху и по краям[17], следуют за двумя строками, написанными по-бактрийски, где упоминается другой персонаж, которому Паламед предложил свои услуги и который организовал некие строительные работы, имевшие отношение к святилищу (ni bagolaggo), работы, характер которых остается нам неизвестным из-за поврежденности камня. От этого персонажа не сохранилось даже имени, только три определения, обозначающие властные функции, второе из которых означает "начальник воинских снаряжений"[18].

Греческая надпись в третьей строке является полностью завершенной справа и, видимо, также и слева, где предлог dia отделяет от слома широкое пустое пространство. Перед *дельтой* стоит горизонтальная черта, касающаяся ее нижней поперечины, но, на мой взгляд, не являющаяся, вопреки мнению издателя, частью буквы[19]. Я сближаю эту черту с той, что стоит после слова ...izge, которым заканчивалась первая часть монументальной строительной надписи SK 1, нанесенной на ряд блоков у подножья передней стены святилища Канишки и упиравшейся в южный фас нижнего пролета входной лестницы; к северу от лестницы текст продолжался[20]. В надписи Паламеда, как и в этой строительной надписи, горизонтальная черта служила, на мой взгляд, знаком препинания. Он должен был отделять греческую часть от бактрийской, которая могла продолжаться несколькими словами в недостающей левой части третьей строки. На окончание надписи указывал лист плюща, высеченный под греческим текстом, видимо, вдоль средней оси камня.

Греческий антропоним Паламед не мог не привлечь внимания с самого начала как таковой, поскольку он не так уж часто встречается в эллинской ономастике[21] и то, что он отсылает к знаменитому предшественнику, объясняет его относительную редкость. Паламед - герой Троянской войны, отсутствующий в "Илиаде", но упоминающийся в

[15] Ф. Жинью предлагает иную этимологию, не связанную с обозначением красного цвета.

[16] *Curiel R., 1954, p. 194-197, pl. IV/2; Henning W. R., 1960, p. 50, n. 9 ; 1977, II, p. 546 ; 1965, p.19 (=1977, II, p. 635); Benveniste E., 1961, p. 150-152; Fussman G., 1983, p. 135-136; Sims- Williams N., 1998, p.86.*

[17] Размеры сохранившейся части: ширина 42см, высота 24 см, толщина 15 см.

[18] Текст надписи: ...bido i zhnobido i asto.../ kirdo mi bagolaggo m.../ dia Palamhdou = "(Имярек), начальником (-bido)..., начальником воинских снаряжений (zhnobido) и... было сооружено святилище... благодаря Паламеду". О bido- и zhnobido см. *Henning, 1960, p. 50, n 95 (=1977, II, p. 548; Henning, 1958, p. 104);* названия должностей на *-bed* (древнеиранское **pati* "господин", "начальник") весьма многочисленны при сасанидском дворе, например, *zynpty* (парфянский), *zynpt* (пехлевийский), транскрибированный по-гречески в надписи Шапура I из Ка'абы Зороастра в Накш-и Рустаме как zhnipit *(Huyse P., 1999, 2, p. 145 ; ibid., p. 128-129, 133, 138-141, 147-149, 155, 165, 176-177).* Третье сложное слово, начинающееся с *ashto* (значение неизвестно), можно восстановить как *ashtooalgo* "начальник *ashi*" или *ashtosomto*, что может быть обозначением еще одной должности или именем собственным (*Sims-Williams N.,1998, p. 86*). Один из двух чиновников, которым Канишка поручил строительство святилища в Рабатаке, отправлял должность *ashtwalq*, а второй был *karatrang* или военным наместником; об этой надписи см. прим. 5, 25, 31.

[19] *Curiel R.,1954, p. 199, n. 5.* Приводимые автором в этом примечании палеографические сближения весьма приблизительны.

[20] О надписи SK I см. *Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G., 1983, p. 134-135* и особенно *Benveniste E., 1961, p. 141-150.* О блоке с буквами izge см. *Maricq A., 1958, p. 414-415 (i), pl. II,* где сказано, что он был отделен от южного фаса лестницы двумя блоками без надписей. О надписи в целом и ее архитектурном контексте см. *Schlumberger D., 1964, p. 309.* Д.Шлюмберже ясно указывает, что данный блок был обнаружен в июле 1955 г. *in situ* в том месте, где южный отрезок надписи соединялся с южной внешней облицовочной стеной нижнего пролета входной лестницы; местоположение раскопа, где он был найден, обозначено на плане, сопровождающем данную публикацию, цифрой 1. В том же отчете Д. Шлюмберже пишет: "Если принять во внимание лестницу, прерывающую надпись в центре на ширину 7 метров, и блоки без надписей в конце ряда (сохранившиеся) и в начале ряда (восстанавливаемые), можно прикинуть, что две части надписи, к югу и к северу от лестницы, занимали каждая около тридцати метров" (следует прибавить еще 14 метров, принимая во внимание два выступа фасада по обеим сторонам лестницы - П.Б.). Из весьма сжатой формулировки Д. Шлюмберже следует, что блок с izge находился в южной части надписи и составлял конец первого отрезка текста к югу от лестницы, от которой он был отделен двумя блоками без надписей (ср. *Maricq A., 1968, p.414*). К южной части данной строительной надписи примыкают также, хотя связать их между собой и не удается, шесть блоков с надписями, вырванных из архитектурного контекста, которые были случайно обнаружены в 1951 году при строительстве современной дороги у подножия холма Сурх Котал; именно их находка послужила причиной начала раскопок (*Fussman G., 1983, p 12-13*). О семи блоках с надписями, найденных на месте в 1960 году и составляющих окончание северной части надписи и, следовательно, всего высеченного текста см. *Fussman G., 1983, p.53, 134-135, pl. 35 /94 ; Benveniste E., 1961, p.146-152.* Блок с буквами izge является единственным несомненным материальным свидетельством того, что строительная надпись SK I начиналась на южной стороне фасада и продолжалась к северу от лестницы. Фотографии этого блока на месте не существует и он не фигурирует ни на одном чертеже, тем более на окончательном плане архитектора г-на Ле Берра (*ibid.*, pl. XLV), составленном через много лет после находки блока. Его, должно быть, убрали из раскопа сразу по обнаружении с тем, чтобы поместить в надежное место. Решиться убрать блок могли с тем большей легкостью, что в то время Д. Шлюмберже сомневался, можно ли его считать находящимся *in situ*. Сомнения развеяла только находка *in situ* семи блоков из конца надписи.

[21] См. примечание Л. Робера в исследовании Р. Кюрьеля *(Curiel R.,1954, p. 195, n. 4).* Примеры, появившиеся после составления этого примечания, не позволяют более говорить, что имя это "чрезвычайно редко". Не будучи очень распространенным, оно все же не столь редко, как прочие героические имена. Теперь можно дополнить библиографические указания Л. Робера: об упоминаемой им надписи из Кимы в Эолиде см. *Engelmann K., 1976, n. 12; Migeotte L., 1984, n. 80* (начало II в. до н.э.); этот Палам(м)ед дал своему сыну имя, соответствующее своему собственному, Polujrwn; о надписи из Ларисссы в Фессалии см. *IG II/2, n. 557, l. 19/, стк. 19* (эллинистическая эпоха). Добавить следует также: а) *Robert L. Hellenica, 13, 1965, p.93;* Писидия, Килланская равнина (эллинистическая эпоха); б) Фригия, Синнада: (*MAMA IV*, n. 49) (200 г. до н.э.); в) три случая упоминания в Косе: (а). *Carratelli G. Pugliese, ASAA N. S. 25-26, 1963-1964, p. 174, n. IXc, 1.86:* отец и сын Паламеды (раннеэллинистическая эпоха); (б). *Carratelli G.Puglies,* в *Syntelein F. Aranqio Ruiz, Naples, 1964, II, p. 818, l. 13).* Поплий, сын Паламеда (вторая половина I века н.э.). Множество примеров имеется и в Египте (указатели: *Preisigke F., Namenbuch, 1922* и *Foraboschi D., Onomasticum alterum Papyrologiocum. Supplemento al Namenbuch di F. Preisigke, 1971).*

"Кипрских песнях", которым его ахейские товарищи по оружию восхищались и уважали за просвещенную доблесть, ум и мудрость, которые делают его культурным героем. Именно ему греки приписывали различные изобретения вроде членения времени, счета, монет, мер и весов, разных игр, в том числе бабок, и особенно алфавита, или, согласно некоторым версиям, определенных его букв. Эти дарования и его популярность стоили ему ненависти Улисса, который, снедаемый завистью, подстроил против Паламеда ложное обвинение и добился его осуждения как предателя ахейского дела[22].

Не менее интригующим является вкрапление чисто греческой формулы с греческим именем в генитиве, управляемом предлогом dia, в официальный документ, составленный на бактрийском, который был воспринят завоевателями-кушанами и, начиная с правления Канишки, стал языком царской канцелярии. Разумеется, имя это уже не склонялось как атематическая основа на –V (с родительным падежом на – ouV), как в классическую эпоху, но переход этого типа имен собственных в склонение существительных мужского рода на –hV с родительным падежом на –ou – феномен, хорошо засвидетельствованный во всем греческом мире с раннеэллинистической эпохи и в койне[23]. Таким образом, в этой формуле нет ничего, что хоть в малейшей степени противоречило бы обычной норме греческого языка той эпохи. Как показывает предлог dia - "посредством..."[24], этот Паламед сыграл важную роль (нам еще предстоит установить, каким образом) в возведении в Сурх Котале святилища или части святилища, задуманном высокопоставленным должностным лицом явно ради и по приказу царя[25]. Камень с надписью был обнаружен вне первоначального археологического контекста[26] и у нас нет никаких указаний на то, о каком святилище идет речь. Предполагалось, что это и есть большое святилище Сурх Котала с храмом А в первоначальном виде, как оно было сооружено при Канишке[27] и каким его открыли нам раскопки под руководством Д. Шлюмберже, но из дальнейшего изложения станет ясно, что этого быть не может. Как явствует из аналогий, которые можно извлечь из других надписей на бактрийском, происходящих из того же святилища Канишки и имеющих отношение к проводившимся там работам[28], этот Паламед, подчиненный лицу, выделившему деньги на строительство, мог быть либо руководителем работ (что-то вроде главного архитектора), подобно Хиргману, упомянутому также без патронима в конце восстановительных надписей SK 4 M, A и B[29], либо составителем документа или резчиком, ответственным за изготовление высеченного текста, подобно Ийуману, упомянутому в тех же надписях, или Йолесагогу, который "написал" (nobicto) строительную надпись SK 1 об основании святилища[30], к которому относится упоминавшийся выше блок с буквами izg[31]. Я склоняюсь в пользу первой интерпретации, поскольку мне кажется маловероятным, чтобы в надписи всего из двух строк сочли бы необходимым сообщить имя писца или резчика.[32]

Наличие данного греческого имени в Сурх Котале интерпретировалось по-разному. Согласно Л. Роберу, это "говорящее" имя, намекавшее на изобретательские возможности гомеровского героя, особенно подошло бы архитектору, художнику или технику греческого происхождения, а его принадлежность к творческой профессии могла бы объяснить использование греческого в формуле, повествующей о его сотрудничестве. Что в рассуждениях

[22] Ссылки на античные источники и на исследования об этом герое, вдохновлявшем великих греческих трагиков (*Juan Fr.,1966 ,p.339-363*) и питавшем размышления философов, можно найти и в вышеупомянутой работе Фр. Жуана и в издании *Heroikos* Филострата под редакцией В. Росси (*Rossi V., Venise, 1997, p.28-29 (введение), p.121-136 (текст и комментарий)*; хорошее изложение Э. Вюста см. также в *RE* s.v. *"Palamedes", 1942*. Слова, заключающие молитву, адресованную герою на его могиле Аполлонием Тианским, хорошо подытоживают интеллектуальную символику этого персонажа: naЯ PalЬmhdeV, diÿ ьn lьgoi, di' ьn Moasai diÿ ьn Эgю . "Да, Паламед, ты, благодаря которому существуют речи и Музы, ты, благодаря которому и я сам существую". Упоминание этого персонажа в "Жизнеописании Аполлония Тианского", (*Vie d'Appolonios de Tyane, III, 22*), где Паламед перевоплощается в молодого индийца, помимо воли оказывающегося философом, навеяно философским контекстом визита Аполлония к индийским мудрецам на берега Ганга. Нельзя предполагать, чтобы этот полностью фиктивный эпизод мог отражать распространение данного греческого имени в этом регионе. Напротив, памятник герою в южной Троаде, против Метимны на Лесбосе, под которым был погребен Паламед и который, по утверждению Аполлония, он восстановил (*Vie..., IV, 13 и 16*), соотносится с археологической реальностью. И в самом деле, там, где и следует по описанию Филострата, у входа в бухту Адрамиттия, между мысом Лектом и Ассом, находится место, звавшееся в античности Полимадием (согласно Страбону, *XIII, 1, 51; 2, 1*) или Паламедием (по Плинию, *V, 123*); об этих античных развалинах в местности под названием Асврлик см. *Cook J.M.,1973, p.238-239, карта на рис. 18, с. 365*; более точное описание развалин см. *Leaf W., 1912, p.226-228*, который приводит устное сообщение американского археолога Дж. Тэтчера Кларка, проводившего раскопки в соседнем Ассе.

[23] См. примеры, приводимые Р. Кюрьелем (*Curiel R., 1954, p.195*).

[24] Р. Кюрьель (*Curiel R., 1954, p. 195, n.4*), отсылает для демонстрации примеров такого оборота в строительных надписях к Ларфельду (*Larfeld W., Griechische Epigraphik (3), p. 446)*. Примеры могли бы быть значительно умножены. Ограничусь тем, что приведу надпись, кажущуюся мне особенно показательной. Это датируемое 224 г. н.э. посвящение маслобойни в Северной Сирии, где dia вводит одновременно группу эпимелетов (попечителей), организовавших строительство и надзиравших за ним, двоих каменотесов и одного плотника. В конце назван и резчик (*Hellman M.Ch.,1999, n. 39*).

[25] Нечто подобное описывается в бактрийской надписи, недавно обнаруженной в Рабатаке, недалеко от Сурх Котала, о которой речь пойдет ниже и где говорится о сооружении по приказу Канишки двумя должностными лицами, наместником Шафаром и аштвалгом Ноконзоком, другого святилища: (*Sims-Williams N., 1996, p. 633-638, 652-654; 1995-6), p.77-96; Fussman G., 1998*).

[26] Он был найден перенесенным во двор святилища Канишки.

[27] *Fussman G., 1983, p. 141.*

[28] Это надписи SK 1 (посвятительная при закладке) и SK 4 M (большая монолитная надпись) с вариантами A и B на нескольких блоках *(Fussman G., 1983, p. 134-137*, с библиографией).

[29] Так считал Д. Шлюмберже, с которым согласился И. Гершевич (*Gershevitch I., 1967, p.56)*. По поводу подписей в конце строительных надписей из Сурх Котала см. разъяснение Ж. Лазара (*Lazard G., 1884, p. 211-217*).

[30] Об этой надписи см. *Benvenisie E., 1961, p.146-150 ; Sims-Williams N., 1998, p. 88, n. 4.*

[31] Н. Симс-Уильямс (*Sims-Williams N., 1998*) выдвинул гипотезу о том, что некоторые едва уловимые буквы, читающиеся, по его мнению, в последней строке надписи из Рабатака, могли обозначать греческое имя (ввиду маловероятного присутствия согласной на конце бактрийского слова), которое должно было бы оказаться именем резчика, и упоминает в связи с этим надпись Паламеда. Надо признать, что остатки букв, распознаваемых им как ... a t i d (или l) ho(или r) V, никоим образом не дают чтения какого-либо греческого имени.

[32] Конечно, если, как мы думаем, для камня, на котором высечена надпись SK 3, нужно восстанавливать размеры, аналогичные размерам т.н. "неоконченной" SK 2 (см. ниже), приходится предположить, что перед текстом Паламеда, который мог занимать только нижнюю часть камня, была высечена другая надпись. Тем не менее, широкое пустое пространство перед первой строкой надписи Паламеда указывает, что ее следует считать независимой от текста, который мог ей предшествовать, даже если она и имела к нему какое бы то ни было отношение.

Л. Робера не совсем ясно, так это то, был ли, по его мнению, Паламед греком, родившимся в Бактрии, или же одним из тех западных греков, которые путешествовали по всему греческому миру, но также и по Ближнему Востоку, где их талант высоко ценился, как, например, скульпторы школы Афродизия, хорошо известные в римском мире, или тот Фока, который во II-III вв. н.э. подписывал огромные бронзовые статуи правителей царства Саба в Северном Йемене, изображенных им во всей героической наготе эллинистических правителей[33]. Весьма лаконичное примечание, подготовленное Л. Робером для публикации надписи Р. Кюрьелем, в этом отношении не вполне определенно. Во всяком случае, П.М. Фрэзер недвусмысленно поддержал именно вторую интерпретацию[34]. Отвергая идею говорящего имени, аллюзии которого, связанные с мифическим греческим изобретателем, не могли быть поняты в кушанской среде[35], П.М. Фрэзер делает из нашего Паламеда странствующего зодчего, пришедшего с Коса, где это имя встречается трижды. Помимо того, что косские параллели сводятся к двум, поскольку двое из тамошних Паламедов - отец и сын[36], это имя отнюдь не так редко и его ареал вовсе не так ограничен, как, по всей видимости, считает Фрэзер. Помимо его упоминаний на Косе и в Анатолии[37], имеется множество примеров в египетских папирусах, которые ни Л. Робер, ни П.М. Фрэзер не упоминали[38]. Таким образом, ономастика не вынуждает нас выводить сурхкотальского Паламеда из Средиземноморья или с Ближнего Востока. Еще одно соображение делает такое предположение маловероятным. Зачем в Сурх Котале для сооружения восточного по замыслу и исполнению святилища, какими были все святилища кушанской эпохи, понадобился бы грек с запада, тогда как бактрийские греки сами возводили в своих городах храмовые здания, испытавшие сильное влияние восточной культовой архитектуры? Что было у него такого, чего нельзя было получить от местных школ, также хорошо владевших и обработкой камня, и кладкой сырцовых кирпичей, прославившихся грандиозными сооружениями Ай Ханум и Тахти-Сангина, а также храма Джандиала в Таксиле? Простейшим и наиболее соответствующим истории региона решением было бы считать Паламеда греком местного происхождения.

Интерес греческой надписи Паламеда не ограничивается тем, что она повествует нам об участии греко-бактрийского или индо-греческого зодчего в работах по сооружению святилища в Сурх Котале. Результатом раскопок этого городища, начатых в 1952 году, и сопровождавших их сенсационных находок стало возвращение на новой основе к размышлениям об истоках и природе кушанского искусства и возникновение научного течения, делавшего упор на заимствования из местной греческой традиции, реальность чего вскоре подтвердили открытия в Ай Ханум. Это видение кушанской цивилизации нашло наиболее четкое выражение в работах Д. Шлюмберже, автора раскопок в Сурх Котале[39]. Эта концепция была лет двадцать назад поставлена под сомнение прежде всего специалистами по кушанским эпиграфике и истории. Эти специалисты считали, напротив, что политика кушанских правителей начиная с Вимы Кадфиза и особенно его преемника Канишки характеризовалась, по крайней мере в языковой и политической областях, и особенно в Бактрии, где греческое влияние чувствовалось сильнее всего, антиэллинской реакцией и возвращением к иранским основам местного населения, с которым завоеватели самоотождествились вплоть до принятия языка, записывавшегося ими при помощи греческого алфавита[40]. Факты, приводимые в поддержку данной точки зрения, отрицать не приходится: это принятие биметаллизма золото-бронза взамен биметаллизма серебро-бронза греческих царств; замена после первого года правления Канишки в легендах монет греческого языка на бактрийский как в царской титулатуре, так и в именах божеств, вновь обретающих, несмотря на сохранение некоторых эллинизирующих аспектов иконографии, местные имена и свою иранскую сущность, замаскированную до тех пор заимствованными греческими именами; отсутствие в кушанскую эпоху греческих надписей, за исключением надписей на монетах; создание Канишкой новой эры.

Новый документ, могущий способствовать исследованию данной проблемы, появился совсем недавно. Речь идет об открытой недалеко от Сурх Котала, в Рабатаке надписи на кушанском языке, отмечающей основание на этом месте другого святилища, возведенного все тем же Канишкой, и его посвящение великим божествам-покровителям его империи[41]. В этом тексте (строка 3) "ионийский", т.е. греческий, и "арийский", т.е. бактрийский языки упоминаются рядом, в двух следующих одна за другой коротких фразах, которые при нынешнем уровне дешифровки бактрийского могут пониматься двояко, давая простор для прямо противоположных интерпретаций. Их можно понимать либо так, что надпись, провозглашающая гегемонию Канишки над Индией и установление им новой эры, была написана по-гречески с одновременным составлением бактрийской версии, которая и дошла до нас, либо так, что использование греческого языка было запрещено, по крайней мере для официальных нужд, и он заменен бактрийским. Автор *editio princeps*, Н. Симс-Уильямс, склоняется к первой интерпретации[42], Ж. Фюссман[43], Б.

[33] *Weidemann K., Könige aus dem Yemen. Zwei spätantike Bronzestatuen. Römisch-germanisches Zentralmuseum, Mainz, 1983; Will E., 1988).*

[34] *Fraser P.M., 1982.*

[35] Из возражения Фрэзера вытекает, что он считал имя Паламеда чисто условным, таким, которое этот персонаж мог принять для того, чтобы добавить себе весу в глазах своих кушанских нанимателей. Но ясно, что его на самом деле звали Паламедом, и даже на Косе, откуда Фрэзер хотел бы его произвести, оно не переставало быть говорящим. О героических именах, составлявших одну из категорий имен говорящих, см. *Robert L., Noms indigènes dans l' Asie Mineure grèco-romaine, I, 1963, p. 278, 373, 376,424-426, 546.*

[36] См. прим. 21.

[37] См. прим. 21.

[38] См. прим. 21.

[39] *SchlumbergerD., 1960; 1970.*

[40] Этот тезис аргументировал в основном Ж. Фюссман (*Fussman G., 1974, p. 34-39 ; 1977; 1998, p.596-598*)

[41] *Sims-Williams N., 1995-96; 1996; 1998; Gribb J., 1995-96 ; Fussman G., 1996.* Эта надпись, вначале хранившаяся в частной коллекции, недавно поступила в Кабульский музей.

[42] "and he* issued a Greek *edict (and) then put it into Aryan" ("и он издал греческий *эдикт (и) затем перевел его на арийский"); звездочками обозначены слова, смысл которых достоверно не установлен; автор выдвигает на первый план именно этот перевод, а не альтернативный, упомянутый им в комментарии (*1995-96, p.82-83*); "literally "he led out the Greek speech" which could alternatively be understood as to mean "he discontinued (the use of) Greek language" ("дословно "он отклонил/вывел греческую речь", что можно понимать и как "он прекратил (использование) греческого языка"). Тот же перевод в: *Sims-Williams N., 1998.*

[43] *Fussman G., 1998, p.596:* "он высвободил греческую речь, затем он поместил ее на арийский". "Поскольку великая реформа Канишки состояла в замене легенд на греческом и кхароштхи на бактрийские, все комментаторы (за исключением Н. Симс-Уильямса) поняли эту фразу как упоминание о замене греческого бактрийским, по крайней мере в официальных документах"(p. 598): "Я не исключаю, что строка 3 на самом деле означает: "Он запретил греческий язык и заменил его на арийский".

Мукерджи[44] и Дж. Крибб[45] высказываются в пользу второй. Именно в контекст более общего спора о статусе греческого языка и греческой элит в кушанской империи, а также об отношении кушанской династии к тому, что могло остаться в Бактрии от "греческого опыта" более чем через два столетия после падения греко-бактрийского царства, и следует помещать надпись Паламеда[46].

Этот Паламед, потомок греческих колонистов - ибо я не могу поверить, что в бактрийской семье, какой бы эллинизированной она ни была, использовали бы столь специализированное греческое имя, - стремился сообщить в официальной надписи на бактрийском, посвященной основанию крупным деятелем кушанской администрации святилища, о своих греческих корнях и о своей приверженности к языку отцов, подписываясь греческой формулой. Он не мог бы этого сделать без согласия высокопоставленного чиновника, которому он предоставлял свой талант зодчего и который рассудил, что может пойти ему навстречу, не рискуя подвергнуться упреку в эллинофильстве, что было бы политически подозрительно.

Таким образом, мы приходим к проблеме датировки надписи и ее хронологического соотнесения с царствованием Канишки. Для Ж. Фюссмана Паламед - зодчий, спланировавший и осуществлявший по приказу Канишки строительство большого храма А в Сурх Котале[47]. Эта гипотеза основывается исключительно на идентификации "святилища" *bagolaggo*, упомянутого в надписи Паламеда, и святилища Канишки, о котором говорят другие надписи с этого городища: SK 4 M, A и B. Если дело обстоит именно так, следовало бы ожидать аналогий в стиле письма между посвятительной надписью святилища Канишки SK I, тянущейся вдоль подножья внешней стены нижней террасы[48], и надписью Паламеда SK 3, которая, будучи предназначена для помещения в другом месте святилища - в каком именно, неизвестно, - должна была бы кратко напомнить содержание первой надписи, включая имена посвятителя и зодчего. Напротив, надписи поражают своими различиями, которые не могут быть полностью объяснены гораздо более монументальным видом посвятительного текста SK I. В надписи Паламеда SK 3 буквы, особенно *ню*, круглое *омикрон* и, возможно, также *эта* с ответвлениями одинаковой длины (я говорю об *эта* кушанского текста в слове zhnobido, см. выше[49]) сохраняют свою греческую форму (рис.2,3). В надписи SK I *ню* приобретает типичную для кушанского письма форму перевернутой кушанской *эты* с ответвлениями разной длины, а *омикрон* становится квадратным[50]. Тип письма, близкий к греческому, появляющийся в надписи SK 3, также используется в бактрийской надписи SK 2 (рис.2,*2*)[51] из Сурх Котала, т.н. незаконченной, где мы видим то же *ню* с ответвлениями одинаковой длины[52] и круглое *омикрон*[53].

Помимо сходства письма, камни, на которых высечены надпись Паламеда SK 3 и неоконченная надпись SK 2, демонстрируют и некоторые общие технические характеристики. В обоих случаях речь идет об известняковых плитах толщиной 15 см, отшлифованных по кромкам, но оставленных неотесанными с тыльной стороны. Пространство, занятое надписью, обрамлено весьма необычным объемным (толщиной 5 см) вытесанным пятигранным бордюром, выступающим на 3 см от поверхности, на которую нанесена надпись. Лишь плита с неоконченной надписью SK 2 сохранила свои размеры. Она имела ширину 84 см и высоту 129 см. Надпись Паламеда SK 3 сохранилась лишь фрагментарно: кусок нижней части с вытесанным бордюром шириной 42 см и высотой 24 см. Кроме того, принимая во внимание, что размеры бордюра, идентичны размерам бордюра SK 2, более чем вероятно, что размеры всей плиты SK 3 были примерно того же порядка, что и плита SK 2. Я не вижу, каким образом, при наличии стольких аналогий, можно пренебречь выводом о том, что два камня, SK 2 и SK 3, были вытесаны в одно и то же время, во время одного и того же этапа строительства, и были предназначены, как это было позже с реставрационной монолитной надписью SK 4 M, для того, чтобы быть вмурованными по отдельности в стены из сырцового кирпича[54].

Неоконченная надпись SK 2 датирована 279 годом. Какой бы ни была эра, от начала которой следует отсчитывать эту цифру, признано, что она предшествует эре Канишки, хотя, разумеется, и не намного. Практически та же датировка справедлива, таким образом, и для надписи Паламеда SK 3. Поскольку маловероятно, чтобы освящение большого святилища, возведенного в Сурх Котале в честь "победы Канишки", произошло до введения этим правителем

[44] *Mukherjee D.,1995, p.6.*

[45] *Gribb J., 1995-96, p.110-111.*

[46] Случай с македонским названием месяца в форме греческого родительного падежа GorpiaYou в бактрийской надписи DN I из Дашт-и Навура к северо-востоку от Кандагара - не того порядка, что упоминание Паламеда в надписи из Сурх Котала (*Fussman G., 1974,p.12-13*) В Дашт-и Навуре речь идет о простой транслитерации датировочной формулы, механически перенесенной из греческой канцелярии в кушанскую. Она не является проявлением личного выбора некоего индивидуума. Необходимо уточнить, что цифра года, сопровождающая в Дашт-и Навуре название месяца, - та же (279), что и в неоконченной надписи из Сурх Котала SK2, и что надпись из Дашт-и Навура была изготовлена, по всей видимости, в правление Вимы Такту, деда Канишки.

[47] *Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G.,1983,p.141.*

[48] См. прим. 20.

[49] Об этой букве см. выше.

[50] SK1: *Curiel R., 1954, fig 3.* (*ню, омикрон, сигма*); *Benveniste E.,1960, pl.II.* (*омикрон, сигма*).

[51] (*Curiel R.,1954, p.193-194, факсимиле рис. 4, фото табл. IV/3; Bivar A.D.H.,1963, с лучшей фотографией, pl. I; Fussman G., 1974, p. 39-40; 1983, p.135.*) Я учитываю только начало единственной сохранившейся строки с датой, поскольку чтение других букв, оставшихся на стадии наброска и лишь слегка процарапанных, недостоверно.

[52] Э.Д.Г. Бивар уже подчеркнул, что написание *ню* в незаконченной надписи SK 2 древнее, чем написание, использованное в восстановительной надписи SK 4 (*Bivar A.D.H.,1963, p. 500*). Можно добавить, что оно древнее и формы той же буквы в строительной надписи SK 1. Напротив, оно в точности соответствует *ню* в слове zhnobido в надписи Паламеда SK 3.

[53] *Сигмы* в надписи Паламеда не сохранилось, поэтому мы не знаем, имела ли эта буква в то время греческую форму с четырьмя расходящимися ответвлениями, которую кушанская графика сохранила для обозначения цифры 200, как в неоконченной надписи SK 2 и надписи Дашт-и Навур (DN I): *Fussman G., 1974, p. 12.*

[54] Неоконченная надпись SK 2, так же, как и надпись Паламеда, не была найдена *in situ*. Она была обнаружена вторично использованной в поздней банкетке целлы храма А.

собственной эры, можно предположить, что Паламед не был архитектором этого святилища. Что же касается того святилища, подрядчиком при строительстве которого он в самом деле был и которое упомянуто в надписи, донесшей до нас его имя, то о нем мы ничего не знаем. Хотя раскопки и не выявили наличия более старых сооружений на месте храма А Канишки, нельзя исключать существования, скорее на холме, чем на равнине, доканишкинского сакрального здания, относящегося, таким образом, к эпохе Вимы Кадфиза или в крайнем случае датирующегося годами царствования Канишки до введения его эры, если это введение не совпадало по времени с его вступлением на трон.

Каким бы ни оказался в конце концов смысл противоречивого пассажа надписи из Рабатака о положении греческого и бактрийского языка друг относительно друга в обиходе кушанской канцелярии со времен Канишки, из надписи Паламеда ясно, что по меньшей мере до конца царствования Вимы Кадфиза, в первой четверти II в. н.э., греческому служащему высшей кушанской администрации не приходилось скрывать в официальном документе ни свое происхождение, ни язык своих отцов, который, видимо, продолжали использовать в старинных фамилиях греческих колонистов, поскольку греческие склонения не были забыты. Необходимо принимать во внимание это новое свидетельство, значению которого мы пытались воздать должное, при написании истории греческого языка в Центральной Азии.

BIBLIOGRAPHIE

Alram M., Nomina Propria Iranica in Numis. *Materialgrundlagen zu den Iranischen Personennamen auf antiken Münze (Iranishes Personennamenbuch).* Herausg. M. Mayrhofer, R.Schmitt, IV, Vienne, 1986

Benveniste E., Inscriptions de Bactriane. *JA.* 1961, p. 113-152.

Bernard P., Rapin Cl., Un parchemin gréco-bactrien d'une collection privée. *CRAI.* 1994, p. 262-294.

Bivar, A.D.H., The Kanishka dating from Surkh Kotal. *BSOAS,* 26, 1963, p 498-502.

Cook J.M., Troad. An archaeological and topographical Study. Oxford. 1973.

Cribb J., The Rabatak Inscription. Its historical Implications and numismatic Context. *Silk Road Art and Archaeology.* 4, 1995-96, p. 97-127.

Curiel R., Inscriptions de Surkh Kotal. *JA.* 1954, p. 189-205.

Engelnann H., Die Inschriften von Kyme. *Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien,* 5. Bonn. 1976.

Foraboschi D., *Onomasticum alterum Paprologicum. Supplemento al Namenbuch di F. Preisigke,* 1971.

Fussman G., 1983. См Schlumberger, D., Le Berre E. M., Fussman G.,1983.

Fussman G., Documents epigraphiques kouchans. *BEFEO,* 61, 1974, p. 1-66.

Fussman G., Le renouveau iranien dans l'empire kouchan. *Le plateau iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. Leurs relations à la lumière des documents archéologiques. Paris 22-24 mars 1976.* Paris. CNRS, 1977 p. 313-322.

Fussman G., L' inscription de Rabatak et l'origine de l'ère Saka. *JA,* 1998 p. 571-654.

Göbl R., *Sistem und Chronologie der Münzprägung der Kušānreiches.* Vienne, 1984

Gerchewitch I., Bactrian Inscriptions and Manuscripts. *Indogermanische Forschchungen.* 72, 1/2, 1967, p. 27-57.

Grenet Fr., L'onomastique iranienne à Aï Khanoum. *BCH,*107, 1983, p. 373-381.

Grenet Fr., 1984. См. Lazard-Grenet-de Lamberterie, 1984.

Grenet F., Rapin Cl., Nouvelles observations sur le parchemin gréco-bactrien d'Asangôrna. *Topoi* 6/2. 1996., p. 458-474.

Hellman M-CH., *Choix d'inscriptions archtecturales grecques traduites et commentées* (Travaux de la maison de l' Orient méditerraneen, 30). Lyon-Paris, 1999.

Henning W.B., Mitteliranisch. *Iramistik-Handbuch der Orientalistik,* I/4/1, 1958, p.20-130.

Henning W.B., The Bactrian Inscription. *BSOAS,* 1960, p. 47-55.

Henning W.B., A Sogdian God. *BSOAS,* 1965, p. 242-254.

Henning W.B., Selected papers. *Acta Iranica. 2-eme sèrie: Hommages et Opera Minora.* Téhéran-Liège, 1977.

Hollis A.S., 1994. См. Rea J.R., Senior R. C., A.S. Hollis, 1994.

Huyse Ph., Die Begegnung zwischen Hellenen und Iraniern. Griechische epigraphische Zeugnisse von Griechenland bis Pakistan. *Iran und Turfan, Beiträge Berlinen Wissenschaftler. Werner Sundermann zum 60 Geburstag gewidmet.* Herausg. Chr. Reck und P. Zieme. Wiesbaden. 1995, p. 99-120.

Huyse Ph., Die dreisprächige Inschrift Sabuhrs aus der Ka'aba-i Zardusht. *Corpus Inscriptionum Iranicarum* III/1/1. Londres. 1999.

Jouan. Fr., *Euripides et les légandes des Chants Cypriens, des origines de la guerre de Troie à l'Iliade.* Paris, 1966.

Lazard G.,Grenet Fr., De Lamberterie CH., Notes bactriennes. *Studia Iranica,* 13, 1984, p. 199-232.

Leaf W., *Troy. A Study in Homeric Geography.* Londres, 1912.

Maricq A., La grande inscription de Kanishka et l'étéotokharien, l' anciene langue de la Bactriane. *JA,* 1958. p. 345-446.

Migeotte L., *L'emprunt public dans la cité grecque. Recueil de documents et analyse critique.* Québec-Paris, 1984.

Mitchiner M., *Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage.* vol. 9. Londres, 1975-1976.

Mukherjee B., The great Kushana Testamen. *Indian Museum Bulletin.* Calcutta, 1995, p. 1-106.

Rapin CL., Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Ai Khanoum. *BCH,* 107, 1983, p. 315-372.

Rapin CL., Hadot P., Les textes litéraires grecs de la Trésorerie d'Ai Khanoum. *BCH,* 111, 1987, p. 225-266.

Rapin CL., Fouilles d'Ai Khanoum VIII. La trésorierie du palais hellénistique d'Ai Khanoum. L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane. *MDAFA,* T. XXXIII. Paris, 1992

Rea. J. R., Senior R.C., Hollis. A.S., A Tax-receipt from Hellenistic Bactria. *ZPE*, 104, 1994 p. 261-280.
Schlumberger D., Le temple de Surkh Kotal en Bactriane. *JA*. 1954, p. 161-187.
Schlumberger D., Le temple de Surkh Kotal en Bactriane (IV). *JA*, 1964, p. 303-326.
Schlumberger D., Descendants non méditeranéens de l'art grec. *Syria*, 1960, p.131-166, 253-319.
Schlumberger D., *L'Orient hellénisé. L'art grec et ses héritiers dans l'Asie non méditeranéenne.* Paris, 1970.
Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G., Surkh Kotal en Bactriane. I. Les temples: architecture, sculpture, inscriptions, vol. 2. *MDAFA*, XXV, Paris, 1983.
Schmit R., *Ex Orient Lux. Griechen und griechische Sprache im hellenistischen Fernen Osten. Beitrage zum Hellenistischen literatur und ihrer Rezeption in Rom.* Herausg.P.Steinmetz. Stuttgart, 1990, p. 41-58.
Sims-Williams N., A new Bactrian Inscription of Kanishka the Great. *Silk Road Art and Archaeology*, 1995-1996, p.75-76.
Sims-Williams N., Nouveaux documents sur l'histoire et la lange de la Bactriane. *CRAI*, 1996, p. 633-654.
Sims-Williams N., Further Notes on the Bactrian Inscription of Rabatak, with an Appendix on the Names of Kudjula Kadphises and Vima Taktu in Chinese.*Proceedings of the third European Conference of Iranian Studies, Cambridge 11th to 15 September 1995. 1. Old and Middle Iranican Studies, ed. N. Sims-Williams.* Wiesbaden. 1998. p. 79-92.
Staviskij B., *La Bactriane sous les Kushans. Problemes d'histoire et de culture.* Traduction de P. Bernard,. Burda M, Grenet Fr., Leriche P. Paris, 1986, p.264-266.
Weidemann K., *Könige aus dem Yémen. Zwei spatäntike Bronzestatuen* (Römisch-germanisches Zentralmuseum), Mainz, 1983.
Wil E., De la Syrie au Yémen: problème de la relations dans le domaine de l'art. *L'Arabie préislamique et son environnement historique et culturel. Colloque de Strasbourg, 1987.* Strasbourg 1988, p.217-279. Цитировано по. Will E., De l'Euphrate au Rhin. Aspects de L'hellénisation et de la romanisation du Proche-Orient. Bibliothèque arch. et hist., de l'Inst. française d'archéologie du Proche-Orient, Beyrouth, 1995, p.833-842.

Редколлегия приносит извинения за компьютерный сбой в типографии.
Правильное чтение греческих слов:

Стр. 186
строка 22: -ης
строка 24: *Gondopharès*
строка 25: Συχροκο
строка 34: Παλαμηδου <...> ζηνοβιδο
строка 37: Οοημο Καδφισης

Стр.187
строка 5: (Κανησκο)
строка 12: 'Υνδοφερρης <...> Σαη

Стр. 188
строки 10-11: Δια Παλαμηδου
строка 13: (μι βαγολαγγο)
строка 17: δια
строка 19: ιζγε

Примечание 18
строка 1:
...βιδο ι ζηνοβιδο ι αστο.../ κιρδο μι βαγολαγγο μ.../ δια Παλαμηδου = "(Имярек), начальником (-βιδο)..
строка 2 :
(ζηνοβιδο) и...было сооружено святилище...благодаря Паламеду". О βιδο- и ζηνοβιδο) см. ...

Примечание 20, строчки 1, 9, 15: ιζγε

Примечание 21, строка 5: Πολυφρων

Стр. 189
Строка 7: δια
строка 9 : –ς (....– ους)
строка 10: —ης
строка 11 : –ου
строка 13 : δια
строка 24 : (νοβιχτο)
строка 25 : ιζγε

Примечание 22, строка 5:
ναί Παλάμηδες, δι' ' όν λόγοι, δι' 'όν Μούσαι δι' ' όν έγώ
Примечание 24, строка 3: δια
Примечание 31, строка 4: α τ ι δ (или λ) ηο(или ρ) ς

Стр. 191
строка 23: ζηνοβιδο

Примечание 46, строка 1: Γορπαίου
Примечание 52, строка 3: ζηνοβιδο

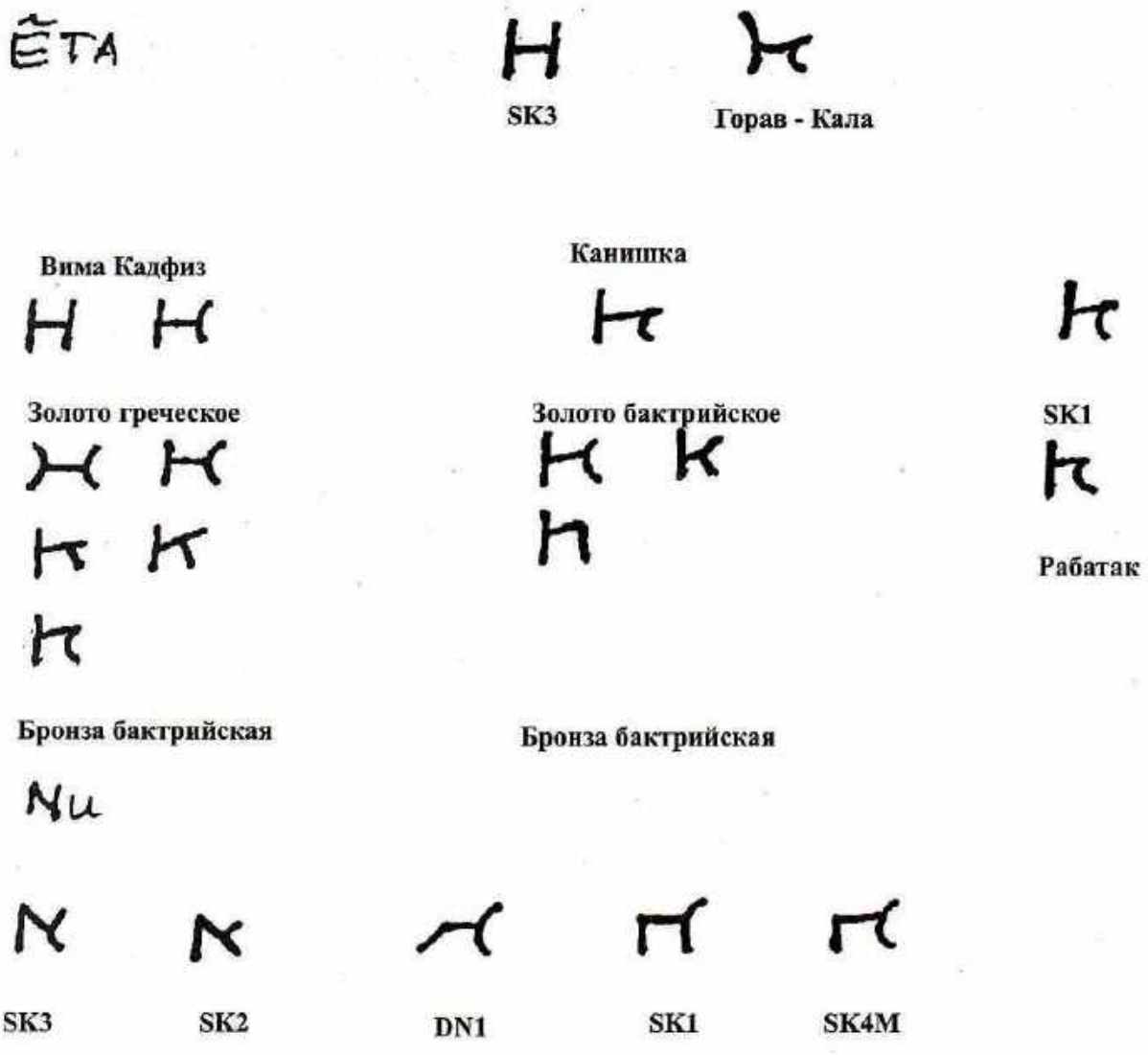

Рис. 1. Варианты написания "*эта*" и "*ню*" в бактрийской эпиграфике

1

2

3

Рис.2. *1*- надпись на хуме из Гарав-калы; *2*- надпись на камне SK 2, так называемая незаконченная надпись из Сурх-Котала; *3*- надпись на камне SK 3 из Сурх-Котала

Frantz GRENET

(UMR 126-5
Centre National de la recherche scientifique,
Париж, Франция)

TROIS DOCUMENTS SOGDIENS D'AFRASIAB

Samarkand, capitale de l'ancienne Sogdiane, dont le site pré-mongol est marqué par le tépé d'Afrasiab, n'a pas livré beaucoup de documents en langue sogdienne. Parmi les textes trouvés à ce jour, un seul, la grande inscription peinte sur la "peinture des ambassadeurs", est d'une longueur assez importante (16 lignes)[1]. Les fouilles fournissent très irrégulièrement quelques documents nouveaux; il s'agit presque toujours de tessons portant un seul mot, souvent incomplet. En 1987 V.A. Livshits n'avait encore connaissance que de trois inscriptions sur céramique (dont l'une trouvée à Tal-i Barzu), qu'il publiait en même temps qu'un texte de 5 lignes sur planchette de bois trouvé en 1975 par G.A. Shishkina[2]. Le présent article est consacré d'une part à un réexamen de ce document, d'autre part à la publication de deux inscriptions complètes sur céramique trouvées par la Mission archéologique ouzbèko-française (la MAFOUZ, dirigée par F. Grenet et M.X. Isamiddinov et qui a commencé ses travaux en 1989).

1) Le document sur bois: achat d'un lion ou dette à Léon? (Figs. 1-4).

Trouvé au chantier R-50, situé dans la section Sud-Est de l'enceinte extérieure d'Afrasiab, dans un local qui selon G.V. Shishkina corespond à une section abandonnée du corridor du rempart hellénistique[3]. Il s'agit d'une planchette de bois de 16 x 2,5 cm, inscrite à l'encre en écriture cursive. Livshits a réalisé son *editio princeps* après lecture sur l'original, en l'accompagnant de photographies. Grâce à l'obligeance de la direction du Musée du Registan à Samarkand, où l'objet est maintenant conservé (dans la "золотая комната", d'accès réservé), j'ai pu en septembre 1996 l'examiner à mon tour, en prendre une copie rapide[4], et faire réaliser de nouvelles photographies.

---

[1] *Лившиц В.А.*, в *Альбаум Л.И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с. 52-56.

[2] *Лившиц В.А.* Согдийский документ из древнего Самарканда. - Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987, с. 53-62, 312-315. L'auteur a apporté de nouvelles suggestions dans une lettre qu'il m'a adressée le 21.06.96 et que je citerai à l'occasion.

[3] *Шишкина Г.В.*, в *Лившиц В.А.*, ук. соч., с. 53; G.V. Shishkina, "Ancient Samarkand: Capital of Soghd", *Bulletin of the Asia Institute*, 8, 1994, p. 93, p. 99 n. 83, fig. 7. De son côté O.N. Inevatkina considère qu'il s'agit de locaux creusés au haut Moyen Age dans l'épaisseur du mur intérieur de l'ancien rempart hellénistique (voir sa contribution dans P. Bernard, F. Grenet, M. Isamiddinov (dir.), *Fouilles de Samarkand et de Sogdiane*, I: *Travaux de la MAFOUZ à Afrasiab, 1989-2000*, Paris, en préparation).

[4] Dans le détail je me suis efforcé de copier exactement la forme des lettres, mais par manque de temps je n'ai pas pu respecter leur espacement ni leur taille. Je reproduis quand même ce document de travail, qui peut aider à lire les photographies.

Dans son *editio princeps* Livshits l'a défini correctement comme une reconnaissance de dette devant témoins. Cette dette aurait été la conséquence d'une transaction de nature tout à fait exceptionnelle: l'achat d'un lion, payé d'une somme énorme (150 statères d'or, soit 2,4 kg). Sur ce point on va voir que je ne peux pas le suivre, même si j'admets que plusieurs détails du texte restent obscurs.

Texte [5].

1. [KZ]NH ZY 'wδ wm't 'rtmyw sp'nδt y'mk'

2. (š)yr''γt wntc 'YKZY (k)wcy m'δ wγwtw wr'w'(r)tw

3. [.](')k'n/z(cy) kw pr'wt 'zw ptšpry 'prtk wm'tym

4. (')WZY šrγwy 'XRZYmy c'wnyδ KSP šrγwy sk'tr

5. L' δβrtw 'st 'YKZY 100 20 20 10 s

Traduction.

Artmīw, Spandhāt, Yamk, Shirāghd, Wantch, étaient présents lorsque Kawch a dit ainsi: "Pour le revenu (?) ... à Parōt j'étais débiteur envers Patshpar ou Sharghu, et de (cette) somme je n'ai pas donné à Sharghu plus de 150 statères."

Commentaire.

Contrairement à ce que supposait Livshits, le document n'est pas cassé à droite; il y a seulement un effacement de deux lettres au maximum au début des lignes 1 à 3.

Dans les remarques qui suivent je m'en tiens aux points sur lesquels ma lecture et mon interprétation diffèrent de celles de Livshits[6].

Ligne 1: *'rtmyw* : lecture de Livshits, confirmée par la mienne[7].

Ligne 2: *wntc* : Livshits a lu *wrtc*, qu'il a d'abord (dans son article) interprété comme le mot pour "crédit" (cf. la forme attestée *wrt*), puis (lettre du 21.06.96) comme le nom du dernier témoin. Je suis d'accord avec cette dernière

---

[5] Conventions: [ ] lettre manquante; ( ) lettre incomplète ou de lecture non certaine.

[6] J'ai grandement bénéficié d'avis donnés par Nicholas Sims-Williams, dont j'indique les contributions spécifiques (en abrégé SW). Les erreurs que j'aurais pu commettre en utilisant ses informations ne sauraient lui être imputables.

[7] Alors qu'il ne connaisait encore que l'article de Livshits, SW a suggéré de lire plutôt *'rwmyw* "tigre brave", nom attesté sur une inscription de l'Indus (N. Sims-Williams, *Sogdian and other Iranian Inscriptions of the Upper Indus* (Corpus Inscriptionum Iranicarum, II/3), vol. 2, London, 1992, *s.v.*), mais il admet maintenant que la lecture est bien *'rtmyw* (lettre du 07.11.96)

proposition mais je lis *wntc*, hypocoristique du nom de personne *wnt* attesté sur une inscription de l'Indus[8].

'YKZY : comme à la ligne 5 Livshits a lu *zyrny*, qu'il a interprété comme une graphie historique pour *zyrn* < *zaranya-* "or". SW remarque à juste titre (lettre du 07.11.96): "In both places the first letter may be obscured by a tail from the last letter of the preceding word, but it seems to be a more complex letter than *z*. In line 2, if the list of witnesses ends with *wntc*, one expects the next word to contain the suffixed particle *-ZY* / *-ty* (marking the beginning of a new sentence). I am tempted to read *'YKZY* "when". In the sense "than", *'YKZY* fits rather well with the comparative *sk'tr* in lines 4-5. It is true that the third letter does not appear to loop down below the line and thus looks more like *r* than *k*, but such simplifications are sometives found in ideograms. Cf. the similar *'YZY* in Mugh V4 R1."

(k)wcy : Livshits lit *cw-šy* "que". A cet endroit on attend plutôt que soit nommé l'auteur de la déclaration qui occupe toute la suite du document, donc le complément d'agent de *wγwtw* "a été dit". La lecture est presque sûrement *kwcy*, génitif-datif du thème léger *kwc*, probablement hypocoristique de *kw* < **kawi-* (cf. sur l'Indus *kw'* < **kawā*, *kw('y)*, *wnkw'y* < **kawāi-*)[9].

(w)r'w'(r)tw : Livshits lit *pr'w'(r)tw*, qu'il propose d'interpréter comme le mot "lettre" par analogie avec pehl. *frawardag*, arm. *hrovartak* (même sens), mais l'aboutissement sogdien du préfixe *fra-* ne peut être que *βr-*, occasionnellement *pr-*. En fait la lecture est presque sûrement *wr'w' rtw* : pour le *w-* initial angulaire prolongé par une queue horizontale, cf. ici *wm't* (ligne 1), *wntc* (ligne 2); dans *pr-* la lettre initiale est ronde et se prolonge en une boucle qui descend fortement, cf. *pr'wt*, *'prtk* (ligne 3). A titre d'hypothèse je propose d'analyser cet hapax comme un dvandva formé avec *wr-* "profit" et *w'rt* "intérêt" (normalement attesté sous la graphie *wrt*). Le aleph de *wr'* doit représenter la désinence féminine plutôt qu'un aleph prothétique à *w'rt*. Pour la finale *-w*, au lieu de *Ø* / *-y* attendu pour le thème lourd *w(')rt*, cf. *pr wrtw* dans Mugh Nov.4 V7. Le sens général pourrait être "revenu". Le mot suivant (le premier de la ligne 3) précisait peut-être la nature ou l'origine de ce "revenu", mais il ne peut être reconstitué.

Ligne 3: *kw pr'wt* : même lecture chez Livshits, qui suggère *Frāwat, nom de personne ou toponyme. SW a depuis fait le rapprochement avec le nom *'prwtβntk* "esclave de *'prwt* ", attesté sur l'Indus[10]; pour *'prwt*, qui dans ce cas est clairement un nom de divinité, il suggère une étymologie **upa-rautah-* "(habitant) dans la rivière". Dans le cas qui nous occupe on pourrait envisager un toponyme *Parōt, soit signifiant simplement "sur la rivière", soit contenant le nom de cette divinité. Un tel toponyme est cependant inattesté dans la région.

---

8 SW, *id.*, *s.v.* , ici interprété hypothétiquement comme contenant la racine *wn* "vaincre, conquérir", mais SW préfère maintenant av. *vand* "louer" ou *[3]vanta-* "louange, hommage" (lettre du 06.12.96).

9 SW, *id.*, *s.v.*

10 SW, *id.*, *s.v.* ("a PN *pr'wt* may be attested apud Livshits 1987, p. 55, line 3, though the published photograph is illegible at this point"). Ma lecture sur l'original confirme celle de Livshits.

ptšpry : lu ainsi par Livshits, mais non traduit. *ptšpr* est attesté comme nom de personne sur l'Indus, d'après l'adj. *ptšpr* qui paraît signifier "ferme"?[11]. Dans notre inscription l'on pourrait aussi songer à un adverbe sur cet adjectif (*ptšpry 'prtk wm'tym* "je devais fermement"?), mais la lecture probable *'WZY* "ou bien" au début de la ligne suivante, introduisant le non moins probable anthroponyme *šrγwy*, laisse plutôt supposer deux noms de personnes coordonnés, dépendant de *'prtk wm'tym* et présentant une désinence *-y* de génitif-datif de thème léger[12].

Ligne 4: *(')WZY* : lecture de Livshits, qui semble s'imposer bien que la première lettre soit brouillée par une irrégularité de la surface (mais il paraît exclu de lire *c-* et par conséquent *cw-ZY*).

šrγwy (deux fois)[13]: génitif-datif du thème léger *šrγw-* "lion". Livshits a pris le mot au sens commun, mais l'interprétation générale du texte serait grandement facilitée si l'on en faisait un anthroponyme. Rien ne s'y oppose, cf. en pehlevi *Šēr, Šēr-nēw, Gēlān-šēr*[14], et en sogdien *myw* "tigre", présent seul ou en composition dans de nombreux noms des inscriptions de l'Indus[15] et peut-être aussi dans *'rtmyw* de notre document.

KSP : comme l'indique Livshits cet idéogramme est attesté seulement dans les *Anciennes Lettres* et sur l'inscription de Bugut, avec le sens "somme, valeur" (correspondant probablement à *'rγ*, comme le pehlevi *KSP* correspond à *arz*[16]).

Au total, malgré les améliorations qui, je le répète, devront certainement être apportées à ce nouveau déchiffrement, deux constatations semblent acquises:

- le *šrγw* dont il est ici question n'est pas un lion, mais l'un des créanciers;
- il n'y a plus de raison de calculer en or la somme mentionnée; elle est certainement à compter en argent, comme d'ordinaire dans les transactions sogdiennes. Le problème est de savoir si l'abréviation *s* représente ici le statère-poids (*styr*), d'environ 16 g., ou bien le "petit statère" (*styrch*), c'est à dire l'espèce très dépréciée qui a circulé à Samarkand jusqu'à la fin du Ve ou au début du VIe s. [17].

---

[11] SW , *id., s.v.* (qui fait le rapprochement avec notre *ptšpry*).

[12] La même objection vaut si l'on envisage que *ptšpry* reprend *'z* "je" et est le sujet de *'prtk wm'tym*. Et que faire alors de *(k)wcy* ? Y reconnaître le cas oblique de *kwc'kh* "bouche" , idée suggérée à titre de possibilité par SW, amènerait une expression curieusement pléonasmique: "il a été dit verbalement"?

[13] Imprimé les deux fois *šrγwγ* dans Livshits, "Sogdijskij dokument...", faute typographique corrigée par l'auteur sur ses tirés à part.

[14] Ph. Gignoux, *Noms propres sassanides en moyen-perse épigraphique* (Iranisches Personennamenbuch, II/2), Wien, 1986, 1986, *s.v.*

[15] SW, *op. cit., s.v.*

[16] Livshits me signale (lettre du 21.06.96) que B. Gharib, *Sogdian dictionary*, Tehran 1995, comporte un idéogramme fantôme *KSP'* donné comme l'équivalent de *n'krt'k* "argent", erreur qui prend sa source dans une contribution de A.L.Xromov: *Лившиц В.А., Хромов А.Л.* Согдийский язык. - Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981, с. 371.

[17] E. de la Vaissière, *Histoire des marchands sogdiens* (thèse soutenue à Paris en 1999, à paraître) a montré que les "1000 ou 2000 *s*" mentionnés dans l'*Ancienne*

Les remarques de Livshits sur la date du document gardent toute leur valeur: les particularités graphiques et orthographiques (emploi des idéogrammes *'XRZY* et *KSP*, graphie *wywtw*) le situent après les *Anciennes Lettres* (écrites en 312-313) et les inscriptions de l'Indus (ca. IVe-Ves), mais (malgré certains points communs) avant l'inscription de Bugut (dernier tiers du VIe s.). On ajoutera que fait que la somme soit encore stipulée en statères tend aussi à indiquer une date avant le VIIe s.; à partir de cette époque tous les documents, à commencer par un contrat de vente de Turfan daté de 639[18], indiquent les sommes en dirhems sassanides.

2) Nom incisé sur une jarre (Fig. 3).

Trouvé en 1989[19] dans la fouille sous la grande mosquée d'Afrasiab, dans une petite fosse sous le sol de la cuisine d'une maison décorée de peintures, détruite après la conquête arabe. Inscription incisée après cuisson sur une paroi de jarre, en lettres non liées, complète:

k'n'kk "Kānakk"

Ce nom est une forme hypocoristique sur *k'n*, à la signification non établie, mais fréquemment attesté seul ou en composition, notamment dans les inscriptions de l'Indus[20]. Sous la forme rencontrée ici, on le trouve en particulier comme nom clanique associé à l'expansion commerciale sogdienne:

- *Ancienne Lettre* II, adressée à *βyw xwt'w βrz'kkw nnyδβ''rw k'n'kk* "au noble seigneur Varzakk (fils de) Nanaidhvâr (du clan) Kānakk"[21];

- lettre sogdienne du Turkestan chinois (Ōtani 6341), adressée au *k'n'k trx'n* "*tarkhan* du clan Kānak"(?)[22].

Lettre II, ligne 57, sont probablement à entendre comme des *styrch* (écrit en clair à la ligne 42), dont le poids en argent était alors tombé au trentième par rapport au statère.

18 Y. Yoshida, T. Moriyasu, "A Sogdian sale contract of a female slave from the period of the Gaochang kingdom under the rule of Qu clan", *Annals of Foreign Studies, Kobe City University of Foreign Studies*, 19, Kobe, 1988, pp. 1-50 [en japonais].

19 Numéro d'inventaire: 89.1.036.02. Maintenant exposé au Musée de la Fondation de la Ville (Musée d'Afrasiab).

20 Pour l'ensemble des références voir SW, *op. cit., s.v.*

21 SW envisage plusieurs interprétations de la séquence des noms dans "A Sogdian greeting", in R.E. Emmerick and D. Weber, ed., *Corolla Iranica. Papers in honour of Prof. Dr. David Neil MacKenzie*, Frankfurt, 1991, p. 181 with n. 5. Dans son édition complète de l'*Ancienne Lettre* II (à paraître dans le catalogue de l'exposition *Monks and Merchants*, Asia Society, New York, 2001) il retient celle donnée ici.

22 Y. Yoshida, "Sogdian miscellany III", in *Corolla Iranica* (recueil cité à la note précédente), pp. 241-243. Aux strates supérieures de la société sogdienne renvoie aussi la légende *k'n'* sur des monnaies de Bukhara (mais à rétablir en *k'w'* selon W.B. Henning, "Mitteliranisch", in B. Spüler, ed., *Iranistik: Linguistik* (Handbuch. der Orientalistik, I/4/1), Leiden-Köln, 1958, p. 53).

3) Nom écrit à l'encre sur un vase (Fig. 6).

Trouvé en 1999[23], toujours sous la mosquée d'Afrasiab, dans un remblai précédant la construction d'une grande enceinte du VIIe s. qui est peut-être à identifier comme le *temenos* du temple. Inscription à l'encre sur une paroi de vase mince, en lettres liées, cassée à la fin:

tyδry[']n "Tishyān"

Il s'agit d'un nom de personne dont le sens est "Faveur de Tish". Malgré la cassure la restitution proposée paraît la plus probable, le second élément *y'n* "faveur (de)" étant très fréquent dans les noms théophores. Pour Tish < *tištriia-* on rencontre en sogdien les deux orthographes *tyš* et *tyδr*. Cette dernière (pseudo-historique et sans doute formée par analogie avec l'orthographe véritablement historique *myδr* pour Mish "Mithra") est attestée par un seul autre exemple en dehors du nôtre: *tyδrβntk* "Esclave de Tish", sur deux inscriptions de l'Indus[24].

---

[23] Numéro d'inventaire: 99.1.007.08.

[24] SW, *op. cit.*, *s.v.* Sur le rôle de Tish en Sogdiane comme parèdre de Nana, voir F. Grenet et B. Maršak, "Le mythe de Nana dans l'art de la Sogdiane", *Arts Asiatiques*, 53, 1998, pp. 5-16.

Резюме

В этой статье предлагается новое чтение и перевод согдийского документа на деревянной палке, найденного на Афрасиабе Г.В. Шишкиной и опубликованного впервые В.А. Лившицем.

Перевод :

"Итак: там были Артмив, Спандат, Йамк, Ванч, когда Кавч так сказал: "(Что до) прибыли (?)... в Пароте, я был должен Пачпару или Шаргу, и из (этой) суммы мною было отдано Шаргу не больше чем 150 статеров".

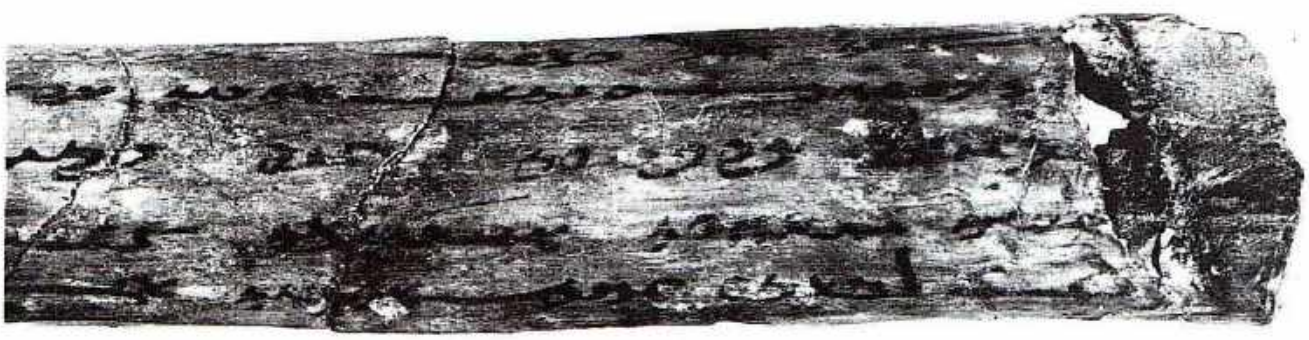
Кроме этого в статье публикуются два однословных документа на черепках, найденных на Афрасиабе Узбекско-французской археологической экспедицией:

1) "Канак" - собственное имя.

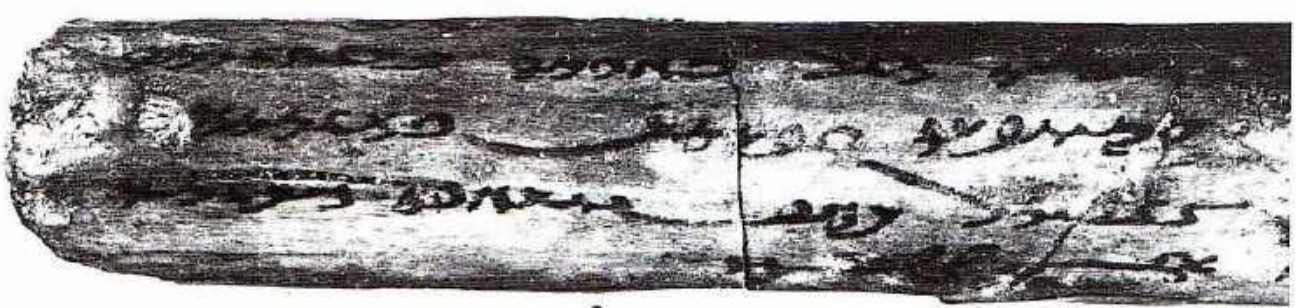
2) "Тиший[ан]" - собственное имя, означающее "милость Тиштрии".

1

2

3

Рис. 1-3. Документ на деревянной палочке. *1*- общий поверхности с надписью; *2*- правая часть; *3*- левая часть.

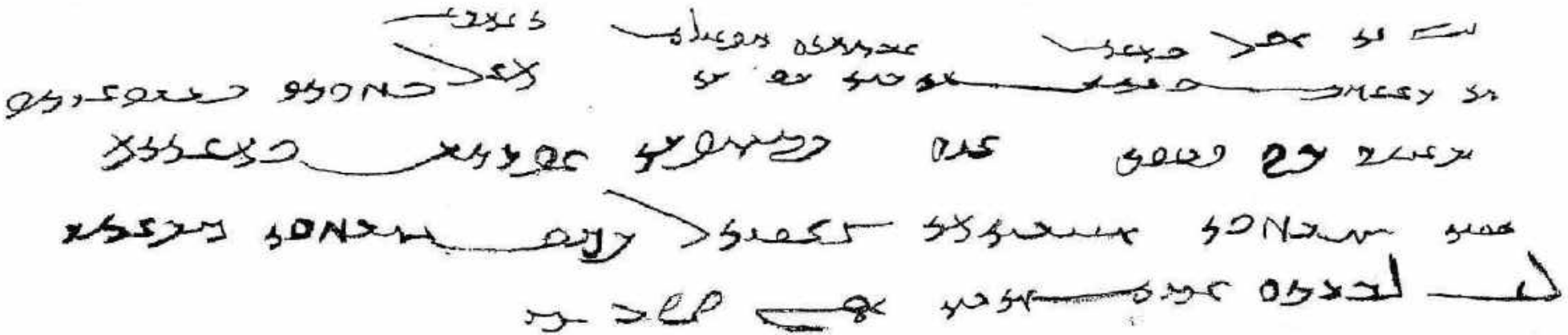

Рис. 4. Копия надписи, выполненная Францем Грене.

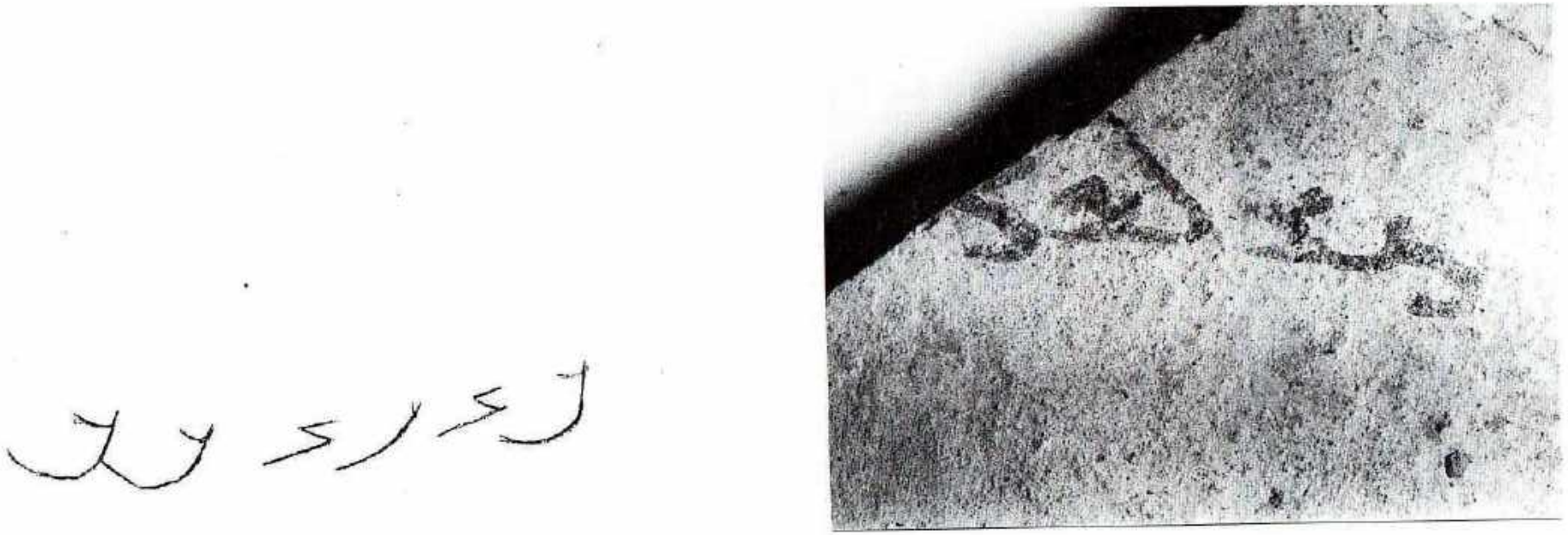

Рис. 5-6. 5- имя, процарапанное на хуме (калька); *6*- имя, написанное тушью на чаше (фото).

М.ИСАМИДДИНОВ
(Институт археологии АН РУз,
г.Самарканд, Республика Узбекистан),
К.РАПЕН
(UMR 126-5,
Centre National de la recherche scientifique,
г.Париж, Франция)

ГОРОДИЩЕ КОКТЕПА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАННЕЙ УРБАНИЗАЦИИ САМАРКАНДСКОГО СОГДА

В преобладающем большинстве земледельческих оазисов Средней Азии древняя городская культура возникла на базе культуры лепной расписной керамики эпохи РЖВ. Это Талашкантепа, Кызылтепа (*Сагдуллаев А.С., 1978; он же, 1989; он же, 1989а*), Кучуктепа (*Аскаров А.А., Альбаум Л.И., 1979*), Еркурган (*Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х., 1984*), Яздепа (*Массон В.М., 1959*) и др.

В нижних слоях всех вышеупомянутых памятников имеются мощные слои культуры лепной расписной керамики, а в их верхних слоях можно наблюдать увеличение числа сосудов, изготовленных на гончарном круге.

Вместе с тем, именно в верхних слоях этих памятников или этой культуры наблюдается появление следов ранних урбанистических процессов. Это комплексы Кучук II - III, Кызыл II, Ер - II и Яз - II.

Что же было на территории Самаркандского Согда? Шли ли процессы урбанизации в этом регионе параллельно с южными регионами или отставали от них? На эти и другие вопросы до недавнего времени невозможно было ответить, поскольку здесь отсутствовали памятники эпохи культуры лепной расписной керамики типа городища Коктепа. Об этой эпохе судили только по отдельным переотложенным фрагментам керамики, обнаруженным на Афрасиабе.

Невозможно было судить и об истоках и ареале распространения культуры лепной расписной керамики. Спорным остался характер первоначального города. Как он развивался? Как небольшое поселение, с компактной или рассредоточенной жилой застройкой, которое потом развивалось в единую городскую систему? Или город возник сразу же по единому архитектурному плану на всей площади, занятой городищем?

Непонятым оставался большой размер ранних городов Согда.

В решении тех или иных вопросов в значительной степени помогли открытия на городище Коктепа (*Исамиддинов М.Х., Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н., 1994, с.33; Исамиддинов М., Рапен К., 1999, с.68-79*).

Городище Коктепа расположено в 25-30 км к северу от Самарканда и в 5 км юго-восточнее г.Челека. Оно занимает около 23 га в пределах внутренней стены (рис.1) и около 100 га в пределах внешней стены. В настоящее время территория за пределами внутренней стены снивелирована. В северо-западной части сохранился отрезок внешней оборонительной стены длиной около 1 м. Остальная часть спланирована и используется под сельхозкультуры. Внутренняя крепостная стена с четырьмя воротами прослеживается в рельефе достаточно четко. Кроме того, в пределах внутреннего городища хорошо просматриваются два отдельно стоящих холма. Они особенно хорошо видны по аэрофотосъемке (рис.1). Один из них - в центре городища, а второй в юго-восточной его части.

Центральный холм еще в начале 1970-х гг. был целым, округлым по форме, о чем свидетельствуют сохранившиеся аэрофотосъемки. Однако, к середине 1970-х гг. около 80% холма с восточной стороны было снесено. Изучение разрезов этого холма дало интересные результаты. Выяснено, что весь холм высотой около 2-2,5 м состоял из плоско-выпуклых кирпичей с различными клеймами на верхней постели. Кирпичная кладка велась блоками, каждый из 3-5 рядов кирпича. Вместе с тем, в ремонтных кладках уже появляются прямоугольные кирпичи. В целом видно, что эта кирпичная кладка была частью высокой и обширной платформы. Напомним, что наиболее близкие параллели форме ранних кирпичей можно наблюдать в первоначальной кладке оборонительной стены Афрасиаба. Кроме того, аналогия наблюдается не только в форме кирпича, но и в способах кладки, т.е. и на Афрасиабе кладка оборонительной стены велась блоками и в каждом блоке имелось 4-5 рядов кирпича (*Иневаткина О.Н., 1990*).

Ниже уровня основания платформы идут слои эпохи культуры лепной расписной керамики, мощностью около 2-3 м. Эти слои состоят, в основном, из серовато-зеленых рыхлых отложений, насыщенных органикой. На этом уровне везде встречаются полуземлянки, врытые в материковый лесс.

Второй, выделяющийся в рельефе двухъярусный холм имеет вышку в юго-восточной и площадку в северо-западной части.

Небольшими шурфами и зондажами установлено, что у этого сооружения была единая обводная стена толщиной 2-2,5 м, единый уровень пола, и оно, как и предыдущее сооружение, поднято на основание из плоско-выпуклых кирпичей.

Радиокарбонный анализ материалов, полученных из основания этого здания, дал результат 2690± 50 лет. Как и в предыдущем раскопе, в нижних слоях прослеживаются серовато-зеленые, насыщенные органикой слои. Было вскрыто три целых землянки и небольшая часть четвертой землянки. Основание вышки цитадели в виде квадратной платформы было возведено из плоско-выпуклых кирпичей, среди которых встречались и плоские кирпичи продолговатого формата.

На верху платформы обнаружены остатки каких-то сооружений. Здесь встречены квадратные кирпичи трех видов: сперва появляются кирпичи размерами 46x46x13-14 и 44x44x12-13 см, позднее - 34x34x8, 33x33x8 см; и, наконец, кирпичи размерами 42x42x10-12 см.

Городище Коктепа погибло по неизвестным нам пока причинам где-то в середине III в. до н.э., поскольку там нет керамики периода Афрасиаб IIб, т.е. мы выделяли только комплекс периода Афрасиб IIа.

Мы считаем, что комплексы землянок и полуземлянок относятся ко времени не позднее конца VIII в. до н.э.; сооружение зданий из плоско-выпуклых и плоских прямоугольных кирпичей - к началу VII-середине VI в. до н.э. Появление кирпичной кладки из мощных квадратных кирпичей размерами 46х46х13-14 и 44х44х12 см и их распространение относится к ахеменидскому времени.

Как видно из стратиграфии Коктепа, на последнем этапе его существования появляются квадратные кирпичи еще двух видов: 33х33х 8-10 и 42х42х10-12, либо 40х40х10-12 см. Видимо, они принадлежат к селевкидскому времени. Аналогичную ситуацию можно видеть и на памятниках Хорезма (*Вишневская О.А., Раппорт Ю.А., 1997, с.150*-173).

Возможно, такое общее развитие имели и другие синхронные памятники древнего Согда.

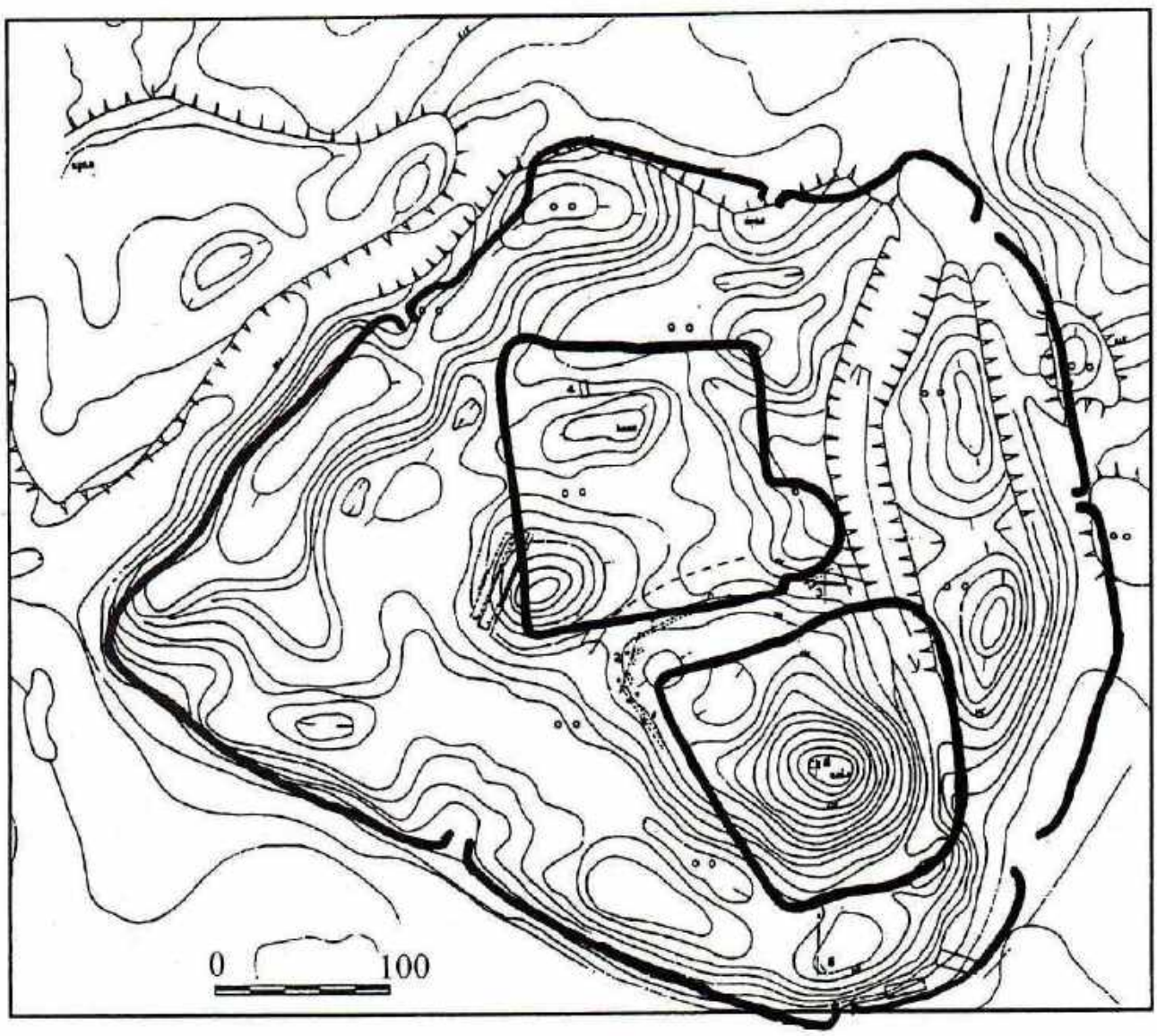

Рис. 1- план городища Коктепа. Жирной линией выделены границы внутреннего города и контуры двух массивов застройки (по результатам дешифровки аэрофотоснимков).

Ю.В. КАРЕВ
(Вестник древней истории,
Москва, Российская Федерация.
UMR 126-5
Centre National de la recherche scientifique,
Париж, Франция)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МАВЕРАННАХРЕ В СЕРЕДИНЕ VIII ВЕКА*

Глубокие политические и социальные изменения, произошедшие в Хорасане[1] в середине восьмого столетия, стали предметом научного внимания уже в XIX в. Источники донесли до нас подробную историю борьбы за установление и утверждение власти ʿАббасидов на всей территории халифата в 747-753 гг. Но сведения о Мавераннахре в этот период в источниках очень отрывочны[2]. Несколько средневековых сочинений, изданных в последнее десятилетие, а также новые результаты археологических исследований позволяют обратиться к этой теме вновь.

К середине VIII века политический кризис в омейядском халифате достиг той точки, когда события стали необратимыми. Победе ʿАббасидов способствовал целый комплекс причин, продолжающих оставаться предметом научной полемики до сих пор[3]. Отметим одну из главных. Несмотря на тенденции к интеграционной политике в завоеванных областях, в частности, в Хорасане и Мавераннахре, клану Омейядов не удалось выдвинуть халифа, способного адекватно реформировать государство, принципы которого изжили себя. Безусловное доминирование одного этноса - арабов над другими, во-первых, вступало в противоречие с религиозной идеей ислама, где все члены мусульманской общины должны быть в идеале равны, во-вторых, в историческом смысле не могло долго существовать — с выходом в пространства ойкумены члены этнически сплоченной общины неизбежно смешивались с завоеванными народами.

В мае 747 года в округе Мерва по приказу ʿаббасидского имама Ибрāхӣма б. Муҳаммада начинается открытое восстание против Омейядов, руководить которым было поручено Абӯ Муслиму (*аṭ-Ṭабарӣ, II, 1949 сл.; Ибн Каṣӣр, т. X, 30 сл.*). Сведения о его происхождении противоречивы, но достоверно известно, что он не был арабом (*аṭ-Ṭабарӣ, II, 1960; Ибн Тиқтақа, 186; ал-Масʿӯдӣ, Мурӯдж, VI, 182; Lassner J, 1986*). В короткий срок ему удалось привлечь на свою сторону значительные силы. Умело лавируя между борющимися группировками наместника Хорасана Наṣра б. Сайййара, Джудайʿ ал-Кирмāнӣ и хариджитами, Абӯ Муслим добивается быстрого их ослабления. Через несколько месяцев, в феврале 748 г. (*аṭ-Ṭабарӣ, II, 1984*), он захватывает Мерв и изгоняет Наṣра б. Сайййара из города.

131 (31.VIII.748 – 19.VIII.749 г.) и 132 (20.VIII.749 – 8.VIII.750) года ушли на утверждение власти ʿАббасидов в центральных районах халифата, и уже в ноябре 749 (*рабӣʿ II* 132 г.х.) в пятничной мечети Куфы Абӯ-л-ʿАббāс ас-Саффāҳ провозглашается халифом (*аṭ-Ṭабарӣ, III, 23, 29*).

В течение этих двух лет Абӯ Муслим не участвовал лично в военных операциях в центре халифата, этим занимались либо его военачальники (в первую очередь Каҳтаба б. Шабӣб и его сын Ҳасан), либо люди Абӯ-л-ʿАббāса и ал-Манṣӯра. В 748 году Абӯ Муслим прибыл из Мерва в Нишапур (*аṭ-Ṭабарӣ, III, 3*). Видимо, отсюда он руководит военными операциями в Иране и Ираке. Известно также, что Абӯ Муслим послал своего наместника в Фарс (*аṭ-Ṭабарӣ, III, 71*) и Синд (*ал-Балāзурӣ, 444*). С этого года он именуется в источниках наместником Хорасана (*аṭ-Ṭабарӣ, III, 72*). По словам Э. Дэниэла, "во всех смыслах правитель Хорасана, он был глубоко предан защите интересов провинции" (*Daniel E., 1979, p. 106*).

Что же происходило в эти годы в Мавераннахре? Биографии Абӯ Муслима, акцентированные, разумеется, на характеристике личности и, в большой степени, на истории его главной миссии, практически ничего не добавляют к политической ситуации в регионе в это время (см. например *Ибн Ҳалликāн, III, 145-155; Ибн Каṣӣр, X, 67-73*). Известно, что в конце рамадāна 129/июнь 747 года, Абӯ Муслим посылает своих людей в разные районы и города Хорасана (Тохаристан, Абиверд, Ниса, Марверруд) с тем, чтобы они выступили с открытой пропагандой одновременно и, в случае сопротивления, начали вооруженную борьбу. К ал-ʿАлāʾ б. Ҳурайṣу в Хорезм был отправлен Абӯ ал-Джахм б. ʿАтиййа (*аṭ-Ṭабарӣ, II, 1953*)[4], в Амул и Бухару, по одной из версий, был послан ан-Надр б.

* Источники и литературу см. в конце статьи.

[1] Общеизвестные географические названия, в отличие от имен персонажей, не транслитерируются в этой статье, например Бухара (Буҳāрā), Самарканд (Самарқанд), Мавераннахр (Māварāʾаннахр), Хорасан (Ҳурāсāн) и т.д.

[2] В мусульманской историографии на арабском и персидском языках о событиях 749-753 годов можно выделить несколько групп:
I. 1. ат-Табарӣ (X вв.), ал-Йаʿқӯбӣ, и, возможно, ал-Макдисӣ (X в.) (наиболее развернутая версия). Не исключено, что их источником был ал-Мадāʾинӣ. Кроме того, Ибн ал-Асӣр (XIII в.), который опирается на ат-Табарӣ во всем, кроме истории Таласской битвы (но он мог использовать для нее полную версию труда последнего - если это не традиция ас-Салāмӣ). Другие историки, следующие этой линии. 2. ал-Фасавӣ (IX в.), отчасти посредством аз-Захабӣ (XIV в.). Источник о Таласской битве не ясен, он совершенно независим от первой группы. 3. Наршаҳӣ (X в.) (в персидской передаче Кубāвӣ, XII в.). 4. ан-Насафӣ (XII в.), его источник ал-Идрӣсӣ ал-Астрабāзӣ (XI в.), некоторые сведения из его труда попали в позднюю персидскую компиляцию *Қандйа-и Ҳурд* (*Weinberger J., 1986; Paul J., 1993*). 5. Гардӣзӣ (XI в.), информация, видимо, восходит к ас-Салāмӣ. 6. Остальные источники, где встречаются редкие сведения, имеющие отношение к вопросу (Саʿāлибӣ, Бӣрӯнӣ и др.).
II. 1. Отдельную группу представляют собой сведения, историчность которых либо трудно проверить (Иби ал-Факӣх), либо они относятся скорее к литературному жанру (ал-Байхакӣ и др.) *(см. Большаков О.Г., 1980, с. 134-135)*. 2. "Народная" литература - эпический роман *Абӯ Муслим нāма* , где реальные исторические события переплетены с легендами. Эта "литературная" группа, не лишенная, впрочем, исторического интереса, в этой статье не разбирается.

[3] Из многочисленных работ последних пятидесяти лет отметим: *Frye R., 1947; Moscati S., 1949-1950, 1950-1951; Cahen Cl., 1963; Shaban M., 1970; Nagel T., 1972; Daniel E., 1979; Lassner J., 1980; Sharon M., 1983, 1986; Shacklady H., 1986.*

[4] ʿАлāʾ б. Ҳурайс, по-видимому, уже находился к этому времени в Хорезме. Его родное селение – ал-Māҳуāн, где жил и Абӯ ал-Джахм б. ʿАтиййа, Абӯ Муслим избрал своим военным лагерем (*аṭ-Ṭабарӣ, II, 1968*).

Субайх ат-Тамīмī и с ним Шарīк б. ʿИсā (*ат-Табарī, II, 1964*)[5].

Уже после устранения всех основных соперников Абӯ Муслим назначает в 130/747-748 гг. своих наместников в хорасанские города. В Мавераннахре упомянут Самарканд, куда был назначен Сибāʿ б. Нуʿмāн ал-Аздī (*ат-Табарī, II, 2001; ал-Йаʿкӯбī, II, 342*)[6]. Проблема состоит в том, что о деятельности последнего в качестве наместника этого города ничего не говорится, нельзя даже сказать с уверенностью, управлял ли он реально согдийской столицей.

Неизвестно, какая конкретная реакция со стороны арабских поселенцев и местных жителей последовала здесь в ответ на революцию в Мерве и в южном Хорасане. Существенных изменений здесь еще не произошло (*Shaban M., 1976, p. 4*). Именно поэтому после окончательного триумфа над Омейядами, ʿАббасидам, и в данном случае новому наместнику Хорасана Абӯ Муслиму, требовалось "определиться" и с Мавераннахром, который вновь появляется в источниках в связи с событиями 750 года.

С. Волин первым (1960, с. 79-80) и вслед за ним О.Г. Большаков[7] обратили внимание на хронику Мутаххара б. Тāхира ал-Макдисī (X в.), в которой приводится наиболее подробная для арабских исторических сочинений информация о политической ситуации в Мавераннахре в это время (*ал-Макдисī, VI, 74-75*).

«В третий год правления Абӯ ал-ʿАббāса испортилось дело в Бухаре из-за появления Шарīка (или Шурайка) б. Шайха ал-Фихрī во главе тридцати тысяч [человек] из остатков [войск] арабов и из прочих людей, которые обвиняли Абӯ Муслима в беззаконном пролитии крови и чрезмерности в убийствах. И двинулся Абӯ Муслим против них, [поставив во главе] своего авангарда Зийāда б. Ṣалиха и Абӯ Дāӯда Ха̄лида б. Ибрāхӣма аз-Зухлī. Он сражался с ними, убил Шарīка б. Шайха и завоевал Бухару и Согд вторично. Он приказал построить стену Самарканда, чтобы она была им крепостью, если на них нападет враг. И послал Зийāда б. Ṣа̄лиха и тот завоевывал области Мавераннахра, пока не достиг Тарāза и Атлаха. [Тогда] пришли в движение китайцы (*ахл ас-Ṣӣн*) и прибыло их более ста тысяч. Саʿйд б. Хумайд же укрепился в медине (внутреннем городе) Тарāза.

Абӯ Муслим оставался [в это время] в своем военном лагере в Самарканде; призвав военачальников (*ʾумма̄л*)[8] и ополчение добровольцев, [послал их] для Саʿйда б. Хумайда, тот несколько раз сражался с ними (китайцами), убил из них 45 тысяч и взял в плен 25 тысяч [человек], остальные бежали. Мусульмане завладели их лагерем. [Абӯ Муслим] вернулся в Бухару и распространил свою власть (букв. простер свою руку) над царями Мавераннахра и дихканами их, казня их, пленя их детей и конфисковывая их имущество. Он несколько раз переходил реку [Аму Дарью, ведя] пленных по пятьдесят тысяч[9]. Абӯ Муслим имел намерение совершить поход в ас-Ṣӣн (Китай) и уже проводил подготовку к этому, но ему помешало в этом [деле] появление у Зийāда б. Ṣа̄лиха письма от Абӯ ал-ʿАббāса с [назначением] его на хорасанское наместничество, которое [на самом деле] не было подлинным. Абӯ Муслим действовал в этом [деле] так, что [в итоге] убил Зийāда и отослал его голову Абӯ ал-ʿАббāсу».

В нашем распоряжении имеется еще одно уникальное сообщение о событиях этого времени, переданное Йаʿкӯбом б. Суфйа̄ном ал-Фасавī (ум. 277/890-891 гг.), автором *Китāб ал-маʿрифа ва ат-таʾрӣх*. Его сочинение, собранное по частям, впервые было издано в 1989 г. в Медине трудами Акрам Дийаʾ ал-ʿУмарӣ[10]. Отрывок сохранился благодаря исторической хронике аз-Захабӣ (ум. в 748/1347) и был впервые проанализирован Д. Дэнлопом (*аз-Захабӣ, V, 210-211, Dunlop D., 1964, p. 326-330; Beckwith, 1987, p. 136-140*):

"В этом (134) году, говорит Йаʿкӯб ал-Фасавӣ, было движение [со стороны] правителя (*ṣāхиб*) ас-Ṣӣна (Китай), а Зийāд б. Ṣа̄лих был в Самарканде. И дошло до него это [известие] и что правитель ас-Сина приблизился с сотней тысяч [воинов], не считая присоединившихся к нему тюрков. Зийад б. Ṣалих собрал армию и написал Абӯ Муслиму об [этом] деле. Тогда Абӯ Муслим собрал армию в Мерве и объединил свои войска, и пришел к нему Ха̄лид б. Ибрāхӣм из Тохаристана. Войско Хорасана пришло в Самарканд в шавва̄ле года [1]34, укрепив [силы] Зийāда б. Ṣалиха 10-ю тысячами [человек]. И шел Зийад со своими войсками пока не пересек реку Шаша (Сырдарью). И приблизилось войско ас-Ṣина и осадили Саʿйда б. Хумайда, но когда достигло их [известие] о приближении Зийāда, они отступили. Затем правитель гор (*ṣāхиб джибāл*) ас-Ṣина расположился в городе (*мадина*) Талах (Атлах). Зийāд устремился к нему, после чего они встретились на следующий день. Тогда выставил Зийāд лучников в ряд перед войском, и оставил позади них копьеносцев, затем конницу, а после этого легкие войска (*ал-хасар*), поставив кавалерию в засаду. Две стороны встретились, и обе группы ждали [целый] день до ночи[11], и когда зашло солнце, вселил Аллāх страх в сердца [людей] ас-Сина, пришла победа, и неверные потерпели поражение".

Речь в этих хрониках идет о нескольких событиях, имевших место в Мавераннахре в середине VIII века: подавление восстания Шарīка б. Шайха, "китайская" кампания, резня высшей знати Мавераннахра, причины которой не объясняются, планы Абӯ Муслима на вторжение в Китай и, наконец, расправа с мятежным Зийāдом б.

[5] В другом месте говорится, что эти два пропагандиста были отправлены в Марверруд (*ат-Табари. II. 1953, см. также 1959*).

[6] У ад-Динаварӣ - Зинбаʿ б. Нуʿман (*ад-Динавари, 362*).

[7] О.Г. Большаков перевел на русский язык только часть этого отрывка (*Большаков О.Г., 1980, с. 133*). При этом важная информация о политических планах Абӯ Мулима, касавшихся Китая, осталась невостребованной в этой статье. Автор собрал все известные ему выдержки из источников, которые прямо или косвенно касаются истории Таласской битвы.

[8] Вряд ли здесь имеются в виду рабочие "для изготовления метательных машин или противоосадных работ", как полагает О.Г. Большаков (*1980, с. 133, ссылка 6*).

[9] Смысл этого предложения не совсем ясен. Мы принимаем в данном случае интерпретацию Юара.

[10] Издатель использовал несколько рукописей третьей части этого сочинения, хранящихся в турецких библиотеках, добавив к ним выдержки, сохранившиеся у более поздних историков.

[11] Эту фразу можно понять и в смысле "упорствовали в сражении в течение целого дня, пока не наступила ночь".

Ҫāлиҳом. Вместе с тем, наблюдается некоторый разнобой в датировках этих событий.

Сопоставим эти данные со сведениями из других источников.

Восстание Шарӣка б. Шайҳа.

Непосредственным толчком к активной политике Абӯ Муслима в Мавераннахре послужило восстание Шарӣка б. Шайҳа ал-Махрӣ (или ал-Фахрӣ), араба по происхождению, жившего в Бухаре (*Наршаҳӣ, изд. Ризавӣ, с. 86; Гардӣзӣ, с. 120-121; Gibb H., 1923, p. 95*). "Не за тем мы последовали за семьей Муҳаммада, чтобы проливать кровь и действовать беззаконно!" - эту фразу приводят многие арабские источники (*ат-Ṭабарӣ, III, 74; FHA, I, 211*). Аṭ-Ṭабарӣ так же, как и ал-Маḳдисӣ, приводит цифру в 30 тыс. человек, примкнувших к движению. Наршаҳӣ и Гардӣзӣ вносят существенное дополнение, передавая, что Шарӣк б. Шайҳ был ши'итом и с самого начала призывал присоединиться к потомкам ʿАлӣ (*Наршаҳӣ, изд. Ризавӣ, с. 86; Гардӣзӣ, с. 120-121; Gibb H., 1923, p. 95*)[12]. Более того, он фактически приравнивал Марванидов к ʿАббасидам: "Мы теперь освободились от гнета (*рандж*) Марванидов, нам не нужно и гнета дома ʿАббасидов. Дети пророка дожны быть его преемниками (*ҳалӣфэ-йи пайғāмбар*)" (*Наршаҳӣ*, изд. Ризавӣ, с. 86). Наршаҳӣ добавляет, что с Шарӣком заключили союз о ведении совместных военных действий наместник Бухары ʿАбд ал-Джаббāр б. Шу'айб, наместник Хорезма ʿАбд ал-Малик б. Харҫама, а также Муҳаллад б. Хусайн, *амӣр* неидентифицированного города *Б-р-з-м*. Нельзя сказать с определенностью, были ли они назначены еще Наṣром б. Саййāром или Абӯ Муслимом, - во всяком случае, это не те люди, которые были посланы сюда в июне 747 года (см. выше). Очевидно, что ситуация с наместниками городов Мавераннахра была крайне нестабильной[13]. *Амӣр*ы Абӯ Муслима силой смещали омейядскую администрацию в городах Хорасана, но как это происходило за Аму Дарьей, точно не известно.

Судя по рассказу Наршаҳӣ, Абӯ Муслим отнесся со всей серьезностью к организации военной кампании. Отправившись из Мерва, он остановился в Кушмихане (Кушмӣз) в одном переходе от Амуля, города на Амударье, где сосредоточил свои войска на случай необходимости выступить на подмогу Зийāду б. Ҫāлиху, посланному им с десятитысячным отрядом к Бухаре (*Наршаҳӣ, изд. Ризавӣ, с. 86*). Видимо, именно этот отряд ал-Маḳдисӣ именует авангардом. Неизвестно точно, когда Абӯ Муслим подошел к городу, так как у Наршаҳӣ главным действующим лицом сражений является Зийāд б. Ҫāлих. Первоначально успех был на стороне восставших, но в ходе нескольких военных операций аббасидским войскам удалось отрезать ослабевшую армию Шарӣка от источников снабжения провиантом и фуражом и в итоге разгромить ее у Науката (в этой битве погиб Шарӣк б. Шайҳ - *Наршаҳӣ, изд. Ризавӣ, с. 86 сл.; ат-Ṭабарӣ, III, 74*). Бухара, завоеваная после этого с большим трудом, горела три дня, а жители, оказавшие ожесточенное сопротивление, подверглись массовым репрессиям.

Один из принципиальных вопросов состоит в том, насколько велика была заинтересованность местных жителей в этом восстании. Трудно представить, что они приняли в нем массовое участие, будучи привлечены чуждыми для них лозунгами, касавшимися прежде всего членов мусульманской общины. Вопрос о правомочности прихода к власти новой династии ʿАббасидов вряд ли сильно волновал жителей Мавераннахра. Известно, например, что правитель Бухары — бухархудат Ḳутайба б. Ṭугшāда был на стороне Абӯ Муслима и оказал его военачальнику Зийāду б. Ҫāлиху существенную помощь силами подвластного ему населения. Он дал указание закрывать перед мятежникам ворота селений и замков и не давать им никакого продовольствия. Более того, Ḳутайба приказал населению 700 замков (*ḳӯшк*) Бухары поднять черное знамя ʿАббасидов[14]. Это значит, что их владетели – дихканы подчинились приказу сюзерена по долгу вассалов. Очевидно, что жители замков, которых, по замечанию Наршаҳӣ, было больше, чем горожан, оставались равнодушны как к ʿАббасидам, так и к ши'итам. Наршаҳӣ подчеркивает, что в замках арабов не было, в отличие от города (*Наршаҳӣ, изд. Ризавӣ, с. 87*). Видимо, на первых порах это восстание затронуло прежде всего мусульман — арабов и неарабов и отчасти городское население. Х. Гибб полагал, что восстание носило антиаристократический, "народный" характер, что объясняет участие бухархудата на стороне Зийāда б. Ҫāлиҳа (*Gibb H., 1923, p. 95*)[15].

О том, что происходило за пределами Бухарского оазиса, сохранились лишь глухие указания. У Гардӣзӣ, например, говорится, что Шарӣк б. Шайҳ находился в Фергане, а бухархудат присоединился к Зийāду б. Ҫāлиху в Хуттале, что не вяжется ни с одним другим источником (*Гардӣзӣ, с. 120-121*).

Остается не ясным, какую позицию по отношению к проши'итскому движению занимали жители других областей Мавераннахра. Был ли Хорезм, например, охвачен восстанием только потому, что в нем участвовал его наместник? И какова была позиция населения Согда и Самарканда? Источники оставляют свободное поле для интерпретации. Насколько нам известно, есть только одно краткое замечание у Наршаҳӣ, в котором говорится, что после подавления восстания в Бухаре Зийāд б. Ҫāлих отправился в Самарканд: "И когда

[12] А.Ю. Якубовский (*Очерки истории СССР, 1958, с. 437*) осторожно указывает, что Шарӣк б. Шайҳ был либо ʿалидом, либо хариджитом, но в последнем можно усомниться, так как в источниках ясно говорится, что он призывал к делу ʿАли б. Абӯ Ṭāлиба.

[13] ʿАбд ал-Джаббāр б. Шу'айб упомянут у аṭ-Ṭабари в связи с межплеменной распрей северных и южных арабов в Хорасане в 126/743-744 году. Он был аздитом, одним из приближенных Джудайʿ ал-Кирмāнӣ, лидера йеменитов (*аṭ-Ṭабарӣ, II, 1861-1862*). Возможно, что Муҳаллад б. Хусайн фигурирует у аṭ-Ṭабарӣ как Муҳаллад б. Ҳасан ал-Азди (Муҳаллад, а не Маҳлад, если принимать огласовку в каирском издании, *II, 1967*), сторонник того же ал-Кирмāнӣ. В замке Муҳаллада останавливался Абӯ Муслим в сентябре 747 года (*аṭ-Ṭабарӣ, II, 1967, см. также II, 1934*). Вероятно, здесь можно уловить одну из причин сговора этих наместников против Абӯ Муслима, так как последний расправился с сыновьями ал-Кирмāнӣ, когда они стали представлять опасность (*ат-Ṭабарӣ, II, 2000*). Впрочем, политическая конъюнктура могла много раз меняться. Отметим, что и Сибаʿ б. Нуʿмāн, посланный Абӯ Муслимом в Самарканд, был аздитом и сторонником ал-Кирмāнӣ (*аṭ-Ṭабарӣ, II, 1858*).

[14] В тегеранском издании Наршаҳӣ - "войсковые знамена" ("алāмат-и сэпāх" - *Наршаҳӣ, изд. Ризавӣ, с. 87*). Но еще Н. Лыкошин (*Наршаҳӣ, пер. Лыкошина, с. 82*) заметил, что речь идет о "черных знаменах", т. е. о символе ʿАббасидов. Р. Фрай также отмечает это в своем переводе (*Наршаҳӣ, пер. Фрая, p. 63*).

[15] К этому же склоняется и Э. Дэниэл (*Daniel D., 1979, p. 88*).

Зийад освободился от дела Бухары, в сторону Самарканда пошел и там выпало ему [много] сражений. [Затем он] снова вернулся в сторону Хорасана" (*Наршахӣ, изд. Ризавӣ, с. 89*)[16]. Больше ничего не известно. Под сражениями могли иметься в виду все военные кампании Зийада как в Самарканде- так и дальше, вплоть до Ṭалāса. Ведь говорится же, например, в биографии Зийада б. Ṣāлиха в *Китāб ал-Канд*, что на его счету походы (*лаху маġāзи - ан-Насафӣ, тардж. 275, с. 178*), без указания, какие. С другой стороны, замечание "там" — в стороне Самарканда, как будто указывает на Согд. Интересно, что у ал-Мақдисӣ после краткого рассказа о расправе над приверженцами Шарйка б. Шайха говорится, что Абӯ Муслим (по контексту, несомненно, он) завоевал Бухару и Согд вторично. Можно предположить, что ши'итское восстание в Бухаре было поддержано мусульманами — жителями Самарканда. Но четких данных для проверки этого предположения у нас нет.

Восстание Шарйка имело место, вероятнее всего, в июле-августе[17] или в сентябре 750 г., т.е. в самом начале 133 г.х. Это может означать, что Зийад б. Ṣāлих и вслед за ним Абӯ Муслим пришли в Самарканд осенью 750 г.

После подавления мятежа в Бухаре произошел ряд событий, вынудивших лидера 'аббасидского движения пересмотреть свою политику в Мавераннахре, в регионе, во многом маргинальном и еще далеко не исламизированном. Иными словами, если в первые годы Абӯ Муслим был занят в основном борьбой внутри мусульманской общины, то теперь перед ним встали задачи другого порядка. Речь шла о защите государственных стратегических интересов.

Таласская битва.

Согласно Ибн ал-Асйру, в том же 133 г.х. (9 августа 750 — 29 июля 751 гг.), несомненно, после подавления восстания Шарйка б. Шайха, до Абӯ Муслима доходит известие о конфликте между ихшидом Ферганы и царем Шаша, в результате которого первый обратился за помощью к китайскому императору (*Ибн ал-Асӣр, V, 449*)[18]. Тот прислал стотысячное войско, царь Шаша был осажден и в итоге сдался. По китайским источникам он был схвачен полководцем, корейцем по происхождению, Гао Сянь Чжи за "неисполнение обязанностей вассала" и отправлен в столицу империи, где его казнили в императорском дворце. Это событие вызвало взрыв возмущения в "западных" странах (*Chavannes E., 1904, p. 142*). К. Беквит приводит дополнительные данные о том, что после пленения принявшего все условия мира царя Шаша Гао Сянь Чжи послал свои войска в шашскую столицу. Последняя была разграблена, старые и слабые жители вырезаны, а молодые взяты в рабство. В это же время Гао удалось разгромить тюргешского кагана, который был союзником царя Шаша (*Beckwith C., 1987, p. 138*). Согласно данным Э. Шаванна, эти события имели место в 750 г. (*Chavannes E., 1904, p. 142. n. 2*).

Между тем, сын казненного царя Шаша бежал к арабам и попросил у них военной поддержки (*Chavannes E., 1904, там же*). Такое вмешательство в дела покоренных арабами владений не могло остаться без внимания Абӯ Муслима, который находился в это время на вершине своего могущества. Согласно Ибн ал-Асйру, Абӯ Муслим посылает Зийада б. Ṣāлиха, тот достигает реки Ṭарāз, побеждает врага, убив пятьдесят тысяч и пленив двадцать тысяч человек. Остальные бежали в Китай. Источник добавляет, что случившееся имело место в месяце зӯ-л-ҳидджа 133 года, т.е. в июле 751 года (*Ибн ал-Асӣр, V, 449*)[19]. В "Тан-шу" имя арабского полководца в этой битве не называется, но указывается, что сын правителя Шаша, призвав арабов на помощь, атаковал город Ṭарāз и разбил армию Гао Сянь Чжи.

Согласно биографии Гао Сянь Чжи, объединенное войско китайцев, ферганцев и карлуков насчитывало 30 000 человек, цифра, несомненно, более близкая к реальности, чем данные арабских источников. Достигнув города *Ta-lo-se* (Ṭарāз), китайцы встретили войско мусульман. Сражение продолжалось пять дней. В критический момент карлуки перешли на сторону противника. Армия Гао Сянь Чжи была полностью разгромлена и рассеяна. По совету одного из своих приближенных военачальников китайский полководец обратился в бегство. Забивая насмерть всех, кто в образовавшейся давке препятствовал продвижению, Гао Сянь Чжи и его люди с громадным трудом прошли через толпу деморализованных ферганцев (*Chavannes E., 1904, p. 142-143, n. 2; Beckwith C., 1987, p. 139-140*).

Во всех вышеприведенных источниках есть противоречащие друг другу факты. Прежде всего в датировке: битва произошла не в 134/752-753 (ал-Фасавӣ и может быть ал-Мақдисӣ, т.к. третий год правления Абӯ ал-'Аббāса, если считать с 132 г.х., – как раз 134 г.х), а в конце 133/751 г., что подтверждается китайскими источниками. Аз-Ẓахабӣ не связывает "китайское" дело с восстанием Шарйка б. Шайха, поскольку он следует дате своего источника — Йа'кӯба ал-Фасавӣ. Характерно, что аз-Ẓахабӣ упоминает историю Шарйка под 133 г., используя, судя по сходству текста, труд Ибн ал-Асӣра или ат-Ṭабарӣ (*аз-Ẓахабӣ, V, с. 209*). Согласно ал-Фасавӣ, известие об активизации китайцев застигает Абӯ Муслима в Мерве, а не в Самарканде, как это следует из сочинения ал-Мақдисӣ. Версия последнего более адекватна прямым и косвенным сведениям о ситуации в регионе по другим источникам (Наршахӣ, ат-Ṭабарӣ, Ибн ал-Асӣр и др.).

[16] У Н. Лыкошина (*Наршахӣ, пер. Лыкошина, с. 84*): "Покончив с Бухарой, он двинулся в сторону Самарканда. Там он тоже много воевал, а потом вернулся в Хорасан". У Фрая, без передачи деталей: "When Ziyād had finished with Bukhara he went to Samarqand. He fought there and then returned to Khurāsān" (*Наршахӣ, изд. Фрая, p. 65*).

[17] Таковы расчеты О.Г. Большакова на основании фразы у Наршахӣ о дынях и винограде во время военных действий в Бухарском оазисе (*Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973, с. 155, ссылка 24*) и даты убийства Шарйка у Гардизӣ (зӯ-л-ҳиджжа 132 г.х. / 11 июля - 8 августа 750 г).

[18] К. Беквит приводит восстановленную тюркскую форму имен двух противоборствовавших правителей. Царем Шаша был Cabis (Kiu-pi-che в китайских источниках *Chavannes E., 1904, p. 142. n. 1*), ихшидом Ферганы Arsilan Tarqan (*Beckwith C., 1987, p. 137*).

[19] См. почти дословное повторение этого текста у Ибн Ҳалдӯна (*Бейрут, III, p. 380*).

Можно высказать предположение, что у ал-Фасавӣ первоначальные сведения о выступлении Абӯ Муслима в Мавераннахр из Мерва в связи с восстанием в Бухаре слились с информацией об организации похода против китайцев, главным центром которой был Самарканд. По ал-Мақдисӣ именно здесь располагался военный лагерь Абӯ Муслима, откуда он посылает своих военачальников и ополчение на помощь наместнику Ṭарāза. Интересно, что о посланном подкреплении говорят оба источника. Одно из двух — либо Абӯ Муслим не пошел в конце лета — осенью 750 года дальше Амуля (что можно предположить, исходя из текста Наршаḫӣ) и вернулся в Мерв, где был оповещен об опасности на Востоке (ал-Фасавӣ), либо он следовал в это же время за авангардом Зийāда б. Ṣāлиха вплоть до Самарканда и там узнал о приближении противника (ал-Мақдисӣ). Заслуживает внимания дата у аз-Ẓахабӣ. Если учесть, что год был явно спутан, то время прихода в Самарканд десятитысячного войска Хорасана на подмогу Зийāду приходится на май 751 года. Решающая же битва произошла в июле того же года, т.е. у мусульман было два - три месяца, чтобы подготовится и дойти до Ṭарāза. Похоже, что это совпадение двух разных источников не случайно. Таким образом, нельзя исключить, что Абӯ Муслим прибыл в Самарканд в мае 751 г., а не осенью 750 г.

По словам В.В. Бартольда, битвой на реке Талас в 751 году "был решен вопрос, которой из двух культур, китайской или мусульманской, должно было принадлежать господство в стране" (*Бартольд В. В., 1963, с. 254*). Исторически проблема экспансии Танского Китая была таким образом решена, хотя для современников битва при Таласе была одним из многочисленных сражений с миром "неверных", не оставившем большого следа в мусульманской историографии. Вместе с тем она пробудила интерес ʿАббасидов к далекой Срединной империи.

К. Беквит приводит данные из китайских источников о том, что после Таласской битвы тысячи китайских военнопленных были отправлены в Самарканд (*Beckwith C., 1987, p. 140*). П. Пельо опубликовал выдержки, восходящие к недошедшему до нас *сочинению* одного из участников сражения Tou Houan'a, взятого в плен и приведенного, вероятнее всего, в Куфу (*Pelliot P., 1929, p. 110-112*). Ему удалось вернуться на родину только в 762 г. Согласно его сообщению, китайские ремесленники ввели в Халифате производство легкого шелка, а также ювелирное дело и живопись. У ас-Саʿāлибӣ в его книге *Лаṭāʾиф ал-Маʿāриф* сохранился рассказ о плененных Зийāдом б. Ṣалихом китайцах, которые попали в Самарканд, где наладили производство бумаги. Впоследствии производство увеличилось, и дело было поставлено на коммерческую основу (*ас-Саʿāлибӣ, 126*; *ас-Саʿāлибӣ, пер. Босворта, p. 140*; *ал-Бӣрӯнӣ, Индия, с. 174*).

Восстание правителей Мавераннахра.

Судя по сообщениям ал-Фасавӣ и ал-Мақдисӣ, вместе с Абӯ Муслимом в Самарканд в 750-751 гг. должен был прийти Абӯ Дāӯд Ḫāлид б. Ибрāхӣм аз-Ẓухлӣ, специально вызванный из Тохаристана, откуда незадолго до этого он совершил поход из Вахша в Хутталь. Царь Хутталя Ḫанаш б. ас-Сабл был вынужден вместе со своими дихканами и наемниками бежать через Фергану в Китай (*ат-Ṭабарӣ, III, 74*). Указывается, что пленников Абӯ Дāӯд привел в Балх, после чего отправил их Абӯ Муслиму, но не говорится, куда. Этот поход должен был состояться, вероятно, либо осенью 750, либо даже весной 751 г. (зимой, как правило, походов не проводили). Поскольку ни один другой источник, кроме ал-Мақдисӣ, не упоминает участия Ḫāлида в бухарской кампании, можно предположить, что он в ней не участвовал, занимаясь подготовкой и проведением похода в Хутталь. Но в Самарканд он мог подойти позже, когда возникла "китайская" угроза.

Поход 133 года открыл новую страницу в истории ʿАббасидов, так как речь шла о первой военной операции против правителя одного из полунезависимых государств, входившего в зону влияния халифата. После того как были подавлены мятежи различных групп мусульман, перед империей встала задача дальнейшей территориальной экспансии, диктовавшейся к тому же реальной опасностью потери контроля над нестабильными областями.

В научной литературе часто повторяется, что весь Мавераннахр в этот период был охвачен восстанием[20]. Но каким именно ? Следует акцентировать уже замеченный исследователями факт, что в этот период в Мавераннахре произошло по меньшей мере два совершенно разных по целям ничего общего между собой, и более того, как показывает пример бухархудата Ḳутайбы, они были врагами друг другу. Казалось бы, местное население было на стороне новой власти. Так почему же Абӯ Муслим, придя в Мавераннахр, произвел такую резню жителей Согда и Бухары, о чем красноречиво говорят арабоязычные источники (*ал-Мақдисӣ*, см. выше; *ат-Ṭабарӣ, III, 79 и 80; Ибн ал-Аṣӣр, V, 453*) ? И о каких жителях идет речь ? Ат-Ṭабарӣ и Ибн ал-Аṣӣр не сообщают подробностей. Но цитированный выше отрывок из ал-Мақдисӣ позволяет уточнить существенную деталь — массовые казни касались прежде всего царей Мавераннахра и их дихкан. Этим программа репрессий не ограничивалась. Конфисковывалось имущество, и главное, детей высшей знати брали в плен, возможно, для нейтрализации потенциальных наследников. В чем же была причина такой политики Абӯ Муслима ? Ответ на этот вопрос можно найти в китайских хрониках.

Вплоть до второй половины VIII-го в. центральноазиатские государства продолжают постоянно отправлять посольства к китайскому Двору. В это время цари Мавераннахра еще не воспринимали себя смиренными вассалами халифа. Китайские хроники донесли до нас непрекращающиеся просьбы о военной помощи, обращенные к танскому императору. Местные правители неоднократно просят принять их в китайское подданство. И именно в 752 г., т.е. уже после Таласской битвы, правители Усрушаны, Бухары и девять (!) правителей различных государств *ху*[21] обращаются к китайскому императору с мольбой послать войска против "чернокафтанных Даши" - ʿАббасидов (*Chavannes E., 1904, p. 140, notes add., p. 91*)[22].

[20] В Бухаре вспыхнуло шиʿитское восстание Шерика б. Шайха, поддержанное всеми горожанами. Одновременно отложились Самарканд и Кеш; это была последняя попытка восстановления независимости, возглавленная дихканами" (*Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973, с. 155*).

[21] Этот китайский термин подразумевает население Мавераннахра и в более узком и часто употребляемом смысле "согдийский" (*Beckwith C., 1987, p. 142, n. 212*).

На первый взгляд, это была последняя серьезная попытка царей Мавераннахра свергнуть утверждающуюся власть халифата, которая распространялась здесь благодаря победам лучших арабских полководцев еще с конца VII в. Фактически в первый раз одиннадцати правителям (т. е. значительной, если не большей их части) удается объединить свои усилия [23] - ситуация должна была быть экстремальной. Проблема состоит в том, когда этот "сговор" имел место.

Здесь возможны два предположения. Первое - за полвека арабского господства политическое, социальное и экономическое положение правителей государств региона было в корне подорвано. По сути, происходил передел власти и капитала. Этот процесс продолжался несколько десятков лет, но он не мог длиться бесконечно. Вероятно, по этой причине цари Мавераннахра объединяются и поднимают восстание в тот момент, когда в самом Халифате ситуация была еще нестабильной - происходила смена власти. В данном случае подразумевается, что у царей существовал некий план и они "начали первыми". Отсюда - репрессии Абӯ Муслима.

Второе - восстание царей могло быть вызвано именно репрессивной политикой Абӯ Муслима, который, в свою очередь, имел определенный план по "экспроприации" остатков независимости высшей знати Мавераннахра. В таком случае, совместное обращение к китайскому императору было криком о помощи, за которым, возможно, не стояло никаких реальных военных действий против Абӯ Муслима – к этому времени террор уже был осуществлен.

Несомненно, с этими событиями была связана кампания 134/751-752 годов Абӯ Дāӯда Ḫāлида б. Ибрāхӣма против жителей Кеша, во время которой были убиты царь Иҳрӣд и его приближенные (*аçхāб*). Большое количество ценных вещей, главным образом китайского производства, захваченное Абӯ Дāӯдом в качестве добычи, особо отмечается передатчиками ат-Табарӣ (*III, 79-80*). Царем Кеша был поставлен брат Иҳрӣда Тāрāн, а добыча отправлена Абӯ Муслиму, который находился в это время в Самарканде. Примечательно, что в обоих случаях, во время похода Абӯ Дāӯда в 133 г.х. в Хутталь и в 134 г.х. в Кеш, источники отмечают, что цари этих государств поначалу не хотели оказывать сопротивления (Ханаш б. Сабл) и даже изъявляли повиновение (Иҳрӣд). Складывается впечатление, что инициаторами военных действий были мусульмане. Отметим, что бухархудат Кутайба, несмотря на свои заслуги перед ʿАббасидами, был примерно тогда же убит Абӯ Муслимом за вероотступничество. Более того, Наршаҳӣ указывает, что вместе с ним казнили его брата и других членов семьи (*Наршаҳӣ, изд. Ризавӣ, с. 15; Наршаҳӣ, пер. Фрая, с. 10*). Так же как и в случае с Иҳрӣдом, на место Кутайбы был поставлен оставшийся в живых брат последнего Бунийāт б. Тугшāда, который получил земельные владения и недвижимое имущество казненного бухархудата. К сожалению, у нас нет никаких сведений о ихшиде Согда Тургаре (*Tou-ho*) (738-750?), сыне Гӯрака, который последний раз упомянут в китайских хрониках под 750 годом (*Chavannes E., 1904, notes add., p. 83*)[24]. Возможно, по отношению к нему был применен тот же политический сценарий. Во всяком случае, известно, что брат Тургара Йазӣд б. Гӯрак был впоследствии царем Согда - он принимал участие в аудиенции, устроенной в 166/782-783 г. наместником Хорасана ал-Фадлом б. Сулаймāном ат-Тӯсӣ (*Наршаҳӣ, изд. Ризавӣ, с. 47; Наршаҳӣ, пер. Фрая, с. 34*)[25]. Отметим, что походы против местных царей продолжались и в 135/752-753 гг.[26]

Действия лидера ʿаббасидского движения отвечали потребностям времени. До середины VIII века цари Мавераннахра были данниками халифа, но они оставались, пусть в ограниченной форме, царями. Абӯ Муслим был первым, кто решил поставить точку над этой проблемой. Разумеется, несмотря на произведенную чистку в их рядах, этот высший слой знати не был уничтожен полностью, такой целью не задавались. Необходимость в ихшидах и худатах еще сохранялась. Но положение правящей элиты было, видимо, окончательно подорвано. Пришло время «средних» слоев местной знати, которая, начиная с середины VIII-го в., принимает все более активное участие в политической жизни халифата. Через некоторое время, прямым или косвенным образом была подготовлена почва для прихода к власти в Мавераннахре выходцев из исламизированной знати, не связанной напрямую со старыми правящими домами. Именно таковыми были Саманиды.

Еще в конце XIX в. барон В. Розен привел фразу из астрологического сочинения Ибн Абӯ Тāхира, ставшую с тех пор хрестоматийной. Создавшееся положение звезд, согласно тогдашним представлениям, определило смену эпох. "И вот поэтому власть перешла... от Омейядов к ʿАббасидам и отошла вера магов от дихканов и они приняли ислам во время Абу Муслима и была эта перемена (веры) похожей на начало (новой) религии" (*Розен В., 1889, с. 155-156, прим. 1*). Происходил глубокий сдвиг во всех сферах жизни, определивший будущий исторический облик Средней Азии.

Подготовка похода в Китай, Саʿӣд б. Хумайд – наместник Тарāза.

Лишь два источника - ал-Мақдисӣ (см. выше) и, возможно, ал-Фасавӣ, донесли до нашего времени информацию, имеющую принципиальное значение для понимания исторической ситуации в регионе. Речь идет о намерении Абӯ Муслима совершить поход в Китай, к которому он начал готовиться. Если нередко важные исторические события

[22] В энциклопедии начала XI в. *Tch'e fou yuen koei* это обращение датируется 754 г., но учитывая тот факт, что в более раннем Таншу под 752 г. упомянуты те же правители Усрушаны и Бухары и с тем же требованием о помощи (но без упоминания девяти других правителей), можно с достаточной степенью уверенности полагать, что речь идет об одном и том же событии. На это обращает внимание Э. Шаванн. В.В. Бартольд отмечает призыв о помощи усрушанского правителя, но не связывает эти события с общим восстанием (*Бартольд В.В., 1963, с. 254*).

[23] Одним из первых, кто обратил внимание на эти сведения из китайских источников в связи с ситуацией в Мавераннахре во времена Абӯ Муслима, был Х. Гибб. Он же предположил, что речь шла о подготовке общего восстания мавераннахрских царей против новой власти (*Gibb H., 1923, p. 96*). Э. Дэниэл, посвятивший специальный труд Хорасану в ʿаббасидское время, не останавливается на этом восстании, как, впрочем и на военных планах Абӯ Муслима на Востоке (*Daniel E., 1979, p. 86-90*).

[24] После 750 года его имя больше не упоминается в китайских источниках, потому остается неизвестным, до какого времени он правил. Известно, что посольства из Самарканда приходили в Китай в следующем 751 (p. 84), а также в 754 г. (p. 90), в 755 г. (le roi en second, p. 92) и в 758 г. (p. 94). Э. Шаванн приводит сведения еще об одном посольстве 772 года (*Chavannes E., 1904, p. 136, n. 6*).

[25] Нельзя исключить, что Йазӣд – мусульманское имя, которое принял сам Тургар, но маловероятно, чтобы он правил более 45 лет.

[26] В этом году Абӯ Дāӯд вновь появляется в Кеше, откуда он посылает своего военачальника против испехбеда (иçбахбаз) в Шāвгар, жителям которого удалось заключить мир (*ат-Табарӣ, III, 82-83*).

упоминаются в источниках лишь вскользь (как это произошло с Таласской битвой) или не упоминаются вообще, то что же остается на долю неосуществленных намерений государственных деятелей? Тем не менее намечаемые планы правителей могут иногда объяснить многое, особенно тогда, когда они отчасти, в своей подготовительной стадии, были реализованы.

Ал-Фасавӣ приводит информацию о том, что в месяце джумāдā II 135[27] / 13 декабря 752 –11 января 753 гг. Абӯ Муслим вернулся из Самарканда в Мерв, и "когда армия (*ʿаскар*) была у ворот Кушмайхана[28] в шаввāле [135 года] (21 апреля – 9 мая 753 года), [Абӯ Муслим] выдал воинам (*джунд*) их жалование (мн. ч. *арзāқ*) для того, чтобы они совершили поход в Тарāз и его окрестности" - сразу после этого рассказывается о восстании Зийāда б. Ṣāлиҳа. Не идет ли здесь речь об упомянутой ал-Мақдисӣ подготовке похода в китайские пределы ? Ведь сам ал-Фасавӣ, подробно описав Таласскую битву, датирует ее концом 134 (лето 752), т.е. предыдущим годом, - сомнительно, чтобы он дважды, с различной датировкой, сообщил об одном и том же событии. Правда, в обоих случаях возможно смещение даты на один год позднее реальных событий, если принимать датировку Ибн ал-Aṡӣра и китайских источников. То, что ал-Фасавӣ говорит о Тарāзе и близлежащих землях, может предполагать лишь первый этап похода. О втором предполагавшемся этапе, по меньшей мере на территории китайского Туркестана, сообщает ал-Мақдисӣ.

Интересна фигура Саʿӣда б. Ҳумайда, который упомянут у ал-Мақдисӣ и ал-Фасавӣ в качестве арабского военачальника в Тарāзе. У первого он даже является главным действующим лицом сражения. Согласно китайским источникам, в одиннадцатый год *t'ien pao* "в двенадцатый месяц, в день *ki-mao* (16 января 753 г.), *Sie-to-ho-mi*, (глава) *Ta-che* (арабов) в черных одеждах (ʿАббасиды) прислал посла, который прибыл засвидетельствовать почтение". Ему был присвоен почетный китайский военный титул, после чего он получил возможность вернуться в свою страну (*Chavannes E., 1904, notes add., p. 85*). Известно, что транскрипция и идентификация иностранных имен в китайской средневековой передаче представляет собой немалую проблему. Последнее слово остается за специалистами, но бросающееся в глаза сходство имен *Сие-то хо-ми* и Саʿӣда б. Ҳумайда представляется убедительным. Э. Шаванн отметил, что речь идет о каком-то ʿаббасидском военачальнике, подчиненном халифу, а не о самом Абӯ ал-ʿАббāсе (*Chavannes E., 1904, notes add., p. 85, n. 2*). Л. Петек, посвятивший отдельную работу арабским посольствам в Китае, полагает, что под этим именем скрывается Зийāд б. Ṣāлих, вероятно, не обратив внимание на имя Саʿӣда б. Ҳумайда в тексте ал-Фасавӣ, с которым он был знаком по статье Д. Дэнлопа (*Petech L., 1984, p. 627-628*).

Если предложенная идентификация верна, это значит, что Саʿӣд б. Ҳумайд действовал от своего имени по меньшей мере как наместник Тарāза, в котором он оставался, как минимум, с весны-лета 751 до начала 753 г. Трудно представить, что он действовал без ведома Абӯ Муслима. По нашему мнению, Саʿӣд б. Ҳумайд выполнял совершенно конкретные планы лидера ʿаббасидского движения[29]. После Таласской битвы требовалось закрепить достигнутый успех. В качестве предположения с его деятельностью можно связать постройку громадного архитектурного комплекса Акыр Таш, находящегося в 40 км. к востоку от современного Тараза (*Карев Ю.В., 1999а, с. 232 сл.*)[30].

То, что Саʿӣд остается в Мавераннахре и налаживает регулярные связи с китайским двором, не случайно. В 752 и особенно в 753 гг. количество арабских посольств к императорскому китайскому двору резко увеличивается. За это время было отправлено не меньше пяти посольств (*Chavannes E., 1904, notes add., p. 85 сл*). Очевидно, что все они посылались по меньшей мере с ведома, а скорее всего непосредственно Абӯ Муслимом. Может быть это учащение встреч представителей ʿАббасидов с императором "Поднебесной" связано как раз с "зондированием почвы" перед походом в Китай.

Интересно, что судьба Саʿӣда б. Хумайда сложилась благополучно, в отличие от его покровителя. Он не упоминается в главных исторических сочинениях, но в одном нам удалось найти его имя. В Мешхедской рукописи сочинения Ибн ал-Фақӣха ал-Хамазāнӣ в описании Багдада упомянут *рабад* Саʿӣда б. Хумайда б. Даʿладжа, который руководил полицией ал-Мансӯра в 156 г. и после этого управлял Басрой (*Ибн Факӣх, с. 301, см. также с. 299*). Вероятнее всего, речь идет о том же человеке. В 772-773 г., т.е. через 21-22 года после китайской кампании, Саʿӣд б. Ҳумайд вполне мог занимать высокий пост в администрации халифа, если, разумеется, во время Таласской битвы ему не было лет под восемьдесят.

Неосуществленная попытка вторжения в Китай (первая была во времена Кутайбы б. Муслима) не представляла бы особого интереса, если бы она не была связана с политическими изменениями внутри Мавераннахра. Этот регион в еще большей степени, чем раньше, входит в орбиту *внутренней* политики халифата как исламского государства.

В скором времени в Китае начинается период смуты, и Танская империя окончательно теряет серьезное политическое влияние в Мавераннахре. Более того, в 757 г. ʿаббасидские отряды помогли китайскому императору подавить мятеж Рокшана и вернуть столицу (*Gibb H., 1923, p. 97; Шефер Э., 1981, с. 22-23*). Через короткое время в 758 г. арабские пираты разграбили Гуаньчжоу.

[27] Сохранившаяся рукопись текста, восходящего к сочинению ал-Фасавӣ и переданного ад-Дараставайхом, начинается с событий года, который не указывается (*ал-Фасавӣ, I, 115*). Но нет никаких сомнений, что вставленный издателем, профессором ал-ʿУмарӣ, 135 г.х. верен (что не снимает проблему достоверности дат у самого источника). Это проверяется по другим событиям, упомянутым под этим годом (например, восстание Зийāда б. Ṣāлиха (*ат-Табарӣ, III, 82 сл*). Кроме того, далее хроника продолжается 136, 137 и т.д. годами.

[28] Так огласовано у издателя.

[29] Впрочем, лаконичность источников позволяет интерпретировать события диаметрально противоположным образом. Ничто не мешает предположить, например, что Саʿӣд б. Хумайд после Таласской битвы отказал в повиновении Абӯ Муслиму и действовал самостоятельно, с чем и связана подготовка еще одного похода в Тарāз.

[30] См. другую, самую последнюю, интерпретацию памятника (*Байпаков К. М., Нортхедж А., 1997*).

Восстание Зийада б. Салиха

Согласно ат-Табари, в 134 г.х. (30.VII.751–17.VII.752), после ухода из Самарканда, Абу Муслим назначил своим заместителем над населением Согда и Бухары Зийада б. Салиха (*ат-Табари, III, 80*)[31]. В следующем,135/752-753 г., Зийад поднял восстание против Абу Муслима (*ат-Табари, III, 82 сл*). Главным поводом к нему послужило письмо Абу ал-ʿАббаса (подложное, по ал-Макдиси) с назначением Зийада наместником Хорасана и с требованием убить Абу Муслима (ат-Табари). Письмо привез Сиба ʿ б. ан-Нуʿман ал-Азди, бывший наместник Самарканда (130/747-748 г.). Эта информация дошла до хорасанского наместника, после ее проверки он приказал наместнику Амуля казнить Сиба ʿ. Абу Муслим двинулся из Мерва по направлению к Бухаре, тогда как Абу Дауд послал своего человека в Термез, чтобы предупредить вероятный захват города Зийадом - как видим, мятеж видного полководца вызывал серьезные опасения. Часть военачальников не поддержала Зийада, прибыв к Абу Муслиму в Бухару. Очевидно, это резко ослабило его позиции. После предательства своих военачальников Зийад искал убежище у дихкана Баркета, но тот вероломно напал на него и отсек ему голову (*ат-Табари, III, 82; ан-Насафи, тардж. 275, с. 178*). Баркет (Абаркет) находился в 4 фарсахах к северу от Самарканда на главной дороге к Сырдарье (*Бартольд В.В., 1963, с. 145*)[32].

Сведения о мятеже Зийада б. Салиха не создают ясной картины и хронологии происходивших событий. О каких бы то ни было военных столкновениях ничего не говорится. То, что Зийад обратился к дихкану Баркета, может означать, что он оставил Самарканд — свою резиденцию наместника Согда. Вряд ли это произошло тогда, когда Абу Муслим находился еще в Бухаре. Очевидно, Зийад бежал из Самарканда, когда тот подошел к городу. Источники прямо не говорят, что Абу Муслим прибыл в Согд. Но в Китаб ал-Канд приводится одна из версий, согласно которой возведение по его приказу стены города осуществилось после убийства Зийада в 135 г. (ан-Насафи, тардж. 275, с. 178)[33]. Вероятнее всего, Абу Муслим дошел до Самарканда, куда и была привезена дихканом Баркета голова Зийада. Ал-Фасави относит возвращение Абу Муслима из Самарканда и восстание Зийада к одному году (135), но здесь, скорее, ошибка источника.

Мятеж Зийада был обусловлен только его личными амбициями и интригами самих ʿАббасидов против Абу Муслима, которому пришлось по этой причине отложить свой план по вторжению в Китай.

Ан-Насафи приводит информацию об ʿАмре б. Аʿйане который был "из людей Самарканда, его назначил править над Самаркандом Абу Муслим; вернулся в Мерв в 135 г. (ан-Насафи, тардж. 1077, с. 613).

Примечательно, что этот самаркандец, мавла племени ал-Хузаʿа, был одним из двенадцати накибов ʿАббасидов (ат-Табари, II, 1988)[34]. Видимо, он был назначен на этот пост после восстания Зийада б. Салиха, но в таком случае ʿАмр пробыл на своем посту несколько месяцев, так как он поехал в Мерв в том же году, когда произошло выступление мятежного военачальника.

К 136/753-754 г., завершив дела в Мавераннахре, которыми он занимался в течение трех-четырех лет, Абу Муслим решает совершить хадж в Мекку. Халиф и его брат ал-Мансур воздержались от покушения на него в Ираке, хотя это была лишь временная отсрочка уже давно принятого решения. В следующем 137/754-755 г. Абу Муслим был предательски убит (*ат-Табари, III, 99*).

Роль Самарканда в середине VIII в. Дар ал-имара в цитадели города.

Как показывают вышеприведенные источники, в сложившейся к середине VIII века ситуации Самарканд был не только главным городом Согда, но и основным опорным пунктом ʿАббасидов на Востоке. Отметим, что ʿаббасидские эмиссары вели скрытую пропаганду здесь еще в 730-31 году (ад-Динавари, с. 338). Именно из Самарканда Абу Муслим руководит "китайской" кампанией и репрессиями против правителей региона. Отметим попутно, что помимо "политики", в личной жизни Абу Муслима, возможно, в 751-53 гг., тоже произошли изменения. Умм Балдж, сестра "знатного шейха из начальников города" ʿАбда б. Кудайда ас-Самаркандй, впоследствии наместника Хорасана (151/768) (Гардизи, с. 125), становится его женой (ан-Насафи, тардж. 783, с. 454). Этот неизвестный до сих пор факт свидетельствует в определенной степени о связях Абу Муслима с самаркандской мусульманской знатью.

В это же время в городе начинаются активные строительные работы.

В 134 или в 135 году Абу Муслим отдает приказ о возведении оборонительной стены города. Кроме ат-Табари и ал-Макдиси, об этом событии рассказывает автор арабской Китаб ал-Канд. Это самое подробное ее описание (ан-Насафи, тардж. 582, с. 353)[35]: "...[Абу Муслим] ... вступил в Самарканд в 133 году и построил стену Самарканда в 134 году, а говорят — в [сто тридцать] пятом, после убийства[36] Зийада б. Салиха. Эта стена окружила 450 замков (джаусак), высота стены от земли составляет пятнадцать локтей, а ее ширина — семь локтей, окружность ее 90 000 локтей и в ней 360 башен. Между каждыми двумя башнями 250 устоев (видимо, гофры — Ю.

[31] В биографии, посвященной Зийаду б. Салиху в Китаб ал-Канд, говорится: "его (Зийада б. Салиха) назначил Абу Муслим над Согдом и Самаркандом, когда вернулся из Самарканда в Мерв в 133 г." (*тардж. 275, с. 178*). Здесь, несомненно, ошибка в один год. Абу Муслим ушел из Самарканда в 134 г.х. (*ат-Табари, II, 80*). См. также ту же фразу о назначении Зийада наместником над Самаркандом и Согдом "от руки Абу Муслима" в биографии сына Зийада Талута (*ан-Насафи, тардж. 467, с. 291*). Судя по нисбам потомков Зийада б. Салиха, они проживали в Самарканде (сын Талута ʿАли также имел нисбу "ас-Самаркандй", *там же, с. 292*).

[32] Х. Ахунбабаев отождествляет Баркет с городищем Актепа у селения Актепа-Митан в 28-29 км. с северо-востоку от Самарканда (Булунгурский район) (*Ахунбабаев Х.Г., 1983, с. 136*).

[33] Ту же дату дает и персидская Кандийа: (*Бартольд В.В., 1898, с. 48; Кандийа, пер. Вяткина, с. 242*).

[34] В 129/746-747 г. он был послан Абу Муслимом в Тохаристан и Балх с целью открыто выступить с даʿва (*ат-Табари, II, 1953, 1964*). Есть сведения, что он носил нисбу по селению Фанйи (Финнйи) в округе Мерва (*ан-Насафи, с. 613, ссылка 1077*). Возможно, он имел лишь опосредованное отношение к Самарканду.

К.), общая площадь территории [внутри] стены Самарканда 13 миллионов[37] двести джарибов, и его ҳарāдж — 37 тысяч дирхемов".

Организация таких работ требовала привлечения всех материальных и людских ресурсов не только Самарканда, но и всего Согда. Соответственно, должна была быть создана специальная строительная комиссия, отвечавшая за осуществление грандиозного проекта. Для этого требовалось участие сотен, если не тысяч мастеров-строителей и десятков тысяч подсобных рабочих. Согласно персидской Қандийе, "когда [Абӯ Муслим] достиг Самарканда, на [строительство] крепости Самарканда многих [людей] поднял, построил башни и зубцы [на стенах], а также несколько ворот. В самаркандском государстве он пользовался неограниченной властью" (Бартольд В.В.,1898, с. 49)[38]. Учитывая детальность в сообщениях персидской Қандийи и Китāб ал-Қанд, нельзя согласиться с мнением О. Б. Большакова о том, что Абӯ Муслим лишь "отремонтировал стену вокруг рустака Самарканда" (Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973, с. 156, 222)[39]. По нашему мнению, речь шла о строительстве новой стены, а не только о ремонте старой, доисламского времени, что в определенной степени подтверждается археологическими данными (Бурякова Э.Ю., 1977, с. 126)[40].

Источники говорят только о возведении оборонительной стены, но у нас есть основания полагать, что в это время в цитадели города было построено большое дворцово-административное здание, дāр ал-имāра - резиденция наместника. Последнее является предметом археологического изучения узбекско-французской экспедиции в Самарканде, руководимой М. Исамиддиновым и Ф. Грене[41]. Вести раскопки на объекте было поручено сотруднику Института археологии УзАН в Самарканде А.Х. Атаходжаеву и автору этой статьи (Karev Ju., 1992; Карев Ю.В.,1999а, б; Grenet F., Rapin Cl., 1998)[42]. Приведем основные результаты.

В середине VIII в. происходит радикальная реорганизация архитектурного пространства на нижней площадке цитадели Самарканда (городище Афрасиаб). Старые постройки сносятся и нивелируются. На специально подготовленной поверхности строительной площадки начинается последовательное возведение большого здания по единому математически расчитанному плану. Благодаря этому можно реконструировать еще нераскопанные участки (рис.1, реконструкция Е.А. Куркиной).

Административный комплекс состоит из двух частей, объединенных едиными внешними стенами - собственно дāр ал-имāра размером 65х55 м., организованный вокруг центрального внутреннего двора, и находящийся к западу от здания "внешний" двор, полные размеры которого пока остаются неизвестными. Характерной архитектурной особенностью дворца являются массивные (2 м в диаметре) октогональные колонны. В первом случае они должны были поддерживать перекрытие открытой аркадной галереи портика перед западной стеной здания, обращенной во "внешний" двор в сторону замка цитадели. Во втором, галерея окружала с четырех сторон внутренний двор, вокруг которого группировались все помещения. Главный вход шириной 2 м находился посередине южной стены. Он был фланкирован выступающими на 5,5 м прямоугольными в плане пилонами портала. С западной стороны имелось два узких проходных коридора, симметричных друг другу относительно оси З-В здания, проходящей посередине большого центрального зала. Через эти коридоры осуществлялось сообщение между внутренним и "внешним" дворами дворца. Восточная стена здания не имела проходов. В ее центре и на юго-восточном и северо-восточном углах она была усилена полубашней и башнями, выступающими на три четверти (диам. 3,5 м).

Стратиграфически во дворце выделяются четыре периода. Первый датируется монетой ихшида Тургара (738-750?), найденной под нижним полом одного из помещений. В слое нивелировочной подсыпки, на котором выложены стены, не было найдено ни одной "мусульманской" монеты, массовое появление которых в регионе относится уже ко второй половине VIII в. Кроме того, керамический материал очень мал и невыразителен. Период строительства здания датируется, таким образом, не ранее 40-х гг. VIII в.

Представляется несомненным, что инициатива работ не могла исходить от ихшида; во-первых, потому, что план дворца не согдийский, а ближне- или средневосточный, во-вторых, двор правителя Согда вряд ли вернулся в Самарканд из Иштихана, куда ему пришлось удалиться после прихода арабов (*ал-Балāзурӣ, 421*). Какое-то представительство или временная резиденция ихшида должна была находиться в городе, но ее местонахождение, на

[35] Этот отрывок, с небольшими разночтениями и дополнениями имеется в персидской *Қандийе* (*пер. Вяткина, с. 242, сл. с. 276*).

[36] В стамбульской рукописи (*Kütüphanesi Süleymaniye, MS Turhan Valide Sultan, № 70, f. 74b*), по которой издан текст, стоит *"банā ҳā'ит самарқанд ... ба'да Мукбил б. Зийāд б. Сāлих ..."*. При переводе фраза получается неполной: Абӯ Муслим построил стену (в 135 г.) "после Мукбила б. Зийāда б. Сāлиҳа", что совершенно не понятно. В доступных мне источниках имя такого персонажа не встречается. Если это ошибка переписчика, то, очевидно, речь идет о постройке стены после убийства (*ба'да мактал*) Зийада б. Салиха, которое как раз имело место в 135 г.х.

[37] Очевидно, что здесь ошибка из-за лишней "тысячи", имеется в виду 13 тысяч джарибов.

[38] Автор благодарит к. и. н. Б. Бабаджанова за возможность уточнить существенные детали в переводе этого отрывка. Последнюю (дар молк-и самарканд чандāн кāмрāний-ра кард) фразу непросто адекватно перевести на русский язык. Изначальный смысл подразумевает, что Абӯ Муслим "удовлетворил [целый] ряд [своих] желаний, [находясь] в самаркандском царстве", т.е. делал то, что хотел, жил в свое удовольствие. Примечательно, что местная традиция сохранила память об этом.

[39] М. Е. Массон полагал, что "доисламскую" стену "начали восстанавливать по распоряжению Абу Муслима ... но дело с ее реставрацией затянулось, и, по ал-Йа'кубй (*BGA, VII, стр. 293*), она была восстановлена уже в правление Харун ар-Рашида (786-809)" (*Массон М.Е., 1950, с. 162*).

[40] Вопрос со стенами округи Самарканда остается до конца неразрешенным. Отметим лишь, что речь идет о трех стенах (стена Согда Кампйр дувāл, Дивāр-и Кийāмат и Дивāр-и Кундалянг), построенных в разное время. Эта проблема требует отдельного анализа, который выходит за ограниченные рамки этой статьи. См. также: *Кандийа, пер. Вяткина, с. 280; Вяткин В.Л., 1902, с. 21; Массон М.Е., 1924, 1950; Мухамедов Х., 1961, 1972; Сухарева О.А., 1979; Ахунбабаев Х.Г., 1983.*

[41] Идея изучения нижней площадки цитадели принадлежит О.Н. Иневаткиной и П. Бернару, предполагавших еще до раскопок, что на этом месте должен был находиться дворец правителя города со времен его основания (*Bernard P., Isamiddinov M., Rapin Cl., Sokolovskaja L., 1990, p. 368; Иневаткина О.Н., 1995, с. 12; Inevatkina O., 1992, p. 281-282*).

[42] В настоящее время готовится издание результатов десятилетних раскопок узбекско-французской экспедиции на Афрасиабе (см. предварительные результаты: *Fouilles, ed. Bernard P., Grenet F., Isamiddinov M., 1990, 1992*).

наш взгляд, не следует искать в цитадели, главном оплоте власти мусульман. Строительство такого комплекса было сопряжено с особыми событиями в жизни города. Сомнительно также, чтобы оно было организовано по частной инициативе самаркандского наместника. Приказ, вероятнее всего, должен был последовать от человека рангом выше – от наместника Хорасана. В 40 – 50-е гг. VIII в. таких наместников было два, Наср б. Саййар и Абу Муслим (после смерти последнего Мавераннахр почти выпадает из исторических текстов до восстания Муканна). И тот, и другой несколько раз бывали в Самарканде, но источники не сохранили прямых сведений об организации масштабного строительства при Насре б. Саййаре не только в согдийской столице, но и во всем Хорасане[43]. Абу Муслим на этом фоне предстает совершенно по-иному. Помимо стены Самарканда средневековые авторы упоминают построенные им новую мечеть, базар и правительственный дворец – *дар ал-имара* в Мерве (последний был даже подробно описан арабским географом - *ал-Истахри, 259; ал-Мукаддаси, 311-312*), а также пятничную мечеть в Нишапуре (*Гардизи, с. 119*). Кроме того, есть сведения о постройке в его время мечетей в Йазде (*Daniel E., 1979, p. 106*). Эти данные говорят по крайней мере об одном факте - Абу Муслим имел очевидную склонность к активному обновлению архитектурного и облика фортификации подвластных ему городов. На основании этих сообщений Э. Дэниэл полагает, "что программа общественных работ была осуществлена повсюду в восточных провинциях (*Daniel E., 1979, там же*)". Логично рассматривать дворец в Самарканде как часть общего проекта Абу Муслима по реконструкции города, который, заметим, не был доведен до конца. Археологически установлено, что в цитадели работы были внезапно прекращены, что можно связать с убийством Абу Муслима, если, конечно, предложенная интерпретация верна и именно он был заказчиком нового дворца наместника в городе.

Аргументом в пользу такой гипотезы служат также монеты, найденные в слоях второго периода, когда отмечается попытка закончить постройку со значительным упрощением плана (между колоннами возводится стена). Именно с этого момента, а не ранее, здание начинает обживаться. Самые ранние монеты в нижних полах этого периода принадлежат чекану самого Абу Муслима (начало 50-х гг. VIII в., впервые найденные в Самарканде), к которым по мере функционирования помещений прибавились монеты ал-Ашʿаса б. Йаҳйа (Самарканд, 144/760-761) и ал-Джунайда б. Ҳалида (Бухара, 151/768)[44].

И последний, косвенный аргумент. Вышеприведенные тексты позволяют приблизительно рассчитать время, которое Абу Муслим провел в Самарканде. Первое пребывание, связанное с восстаниями и китайской кампанией: максимально длилось - с осени 750 до весны 752, минимально - с весны до осени 751. Второе, связанное с восстанием Зийада б. Салиҳа: либо - с осени 752 до осени 753, либо пришлось на- весну-осень 753[45]. Ни один наместник Хорасана после Кутайбы не находился в городе столь продолжительное время, даже если принять наименьший срок пребывания (около года в общей сложности). Политическая, административная и экономическая реорганизация требовала личного участия Абу Муслима в делах региона. С этим мы и связываем постройку *дар ал-имара* в Самарканде[46].

Правительственный дворец в Самарканде не имеет почти ничего общего с согдийской и шире - мавераннахрской традицией дворцовой архитектуры. Известные дворцы правителей в Пенджикенте, Шахристане, Варахше и других городах представляют собой комплекс помещений, общее соотношение между которыми не подчиняется законам осевой симметрии[47]. Аналогии следует искать на Среднем и Ближнем Востоке[48]. Существует очевидное сходство плана самаркандского дворца с омейядскими замками Сирии и Иордании (Каср ал-Хайр аш-Шарки и ал-Гарби, Умм ал-Валид и мн. др.), а также с дворцом в Иерусалиме и *бейтами дар ал-имара* в Аммане.

Для аббасидской эпохи отметим *бейты* дворцов в Ракке и Самарре.Подавляющее большинство исследованных дворцовых построек раннеисламского времени находятся в Сирии (в ее средневековом понимании - Билад аш-Шам), и, в меньшей степени, в Месопотамии. Черты архитектуры этого периода на громадной территории Ирана, остаются пока практически неизвестными. Некоторые памятники (Пускан, Дарзин, Калʿа-и Атабаки) датированы этой эпохой только на основе архитектурного анализа и никогда не исследовались археологически. Кроме того, в городах Ирана и Хорасана до сих пор не обнаружено ни одного правительственного дворца этого времени. Самаркандский дом правления один из первых в этом ряду. Построен он был архитектором, приглашенным скорее всего из Хорасана, а может быть, из Сирии. Внедряется новая архитектурная традиция, распространившаяся впоследствии по всему Мавераннахру. Самаркандский дом правления является одним из самых ранних памятников мусульманской дворцовой архитектуры в регионе[49]. В каком-то отношении он является (на современном этапе археологических исследований) отправной точкой в развитии в VIII-X вв. построек с центральным двором. Достаточно упомянуть нижний дворец IX в. в Хульбуке, караван-сарай конца VIII - начала IX в. в Пайкенде, не говоря о более поздних караван-сараях и медресе.

Здание на цитадели следует рассматривать в контексте всего городища древнего Самарканда. Несмотря на то, что слои середины - второй половины VIII в. не дают целостной картины развития города в этот период, они были

[43] Подробный анализ этой темы представлен в диссертации автора (*Карев Ю.В., 1999а, с. 202-209*).
[44] Все монеты были определены соруководителем раскопа А.Х. Атаходжаевым.
[45] Расчеты с данном случае, конечно, условны, источники не дают возможности для установки более точных дат. Главный вопрос в данном случае – возвращался ли Абу Муслим в Мерв в зимнее время. Характерно, что источники не передают, что в 750-753 годах происходило в Мерве (в отличие от предыдущих лет, события которых можно восстановить почти помесячно). Похоже, большую часть времени он проводил в Мавераннахре.
[46] Точная, до года, датировка археологических памятников на основе стратиграфии практически невозможна. Восстановленная по письменным источникам историческая канва служит необходимой опорой в наиболее адекватной интерпретации археологического объекта, но степень ее достоверности имеет свои границы. Насколько предложенная гипотеза об Абу Муслиме - строителе этого здания правильна, покажут время и последующие раскопки.

зафиксированы на территории практически всего Афрасиаба. Одна тенденция улавливается достоверно - как показывают данные Г.В. Шишкиной, полученные в северо-западной части Афрасиаба, ко второй половине VIII в. относится возобновление прерванного постоянными войнами городского строительства (*Шишкина Г.В., 1973, с. 117 сл*). Это находит археологическое, материальное подтверждение не только в Самарканде. В Пенджикенте, например, "судя по сведениям письменных источников и археологическим данным, переломный момент в процессе исламизации местного населения наступил в 750 г. после Таласской битвы. В Пенджикенте культовые помещения перестают функционировать, новых залов с живописью не воздвигают. Происходят изменения в погребальном обряде" (*Абдуллоев Д., 1997, с. 40*).

Дворец в Самарканде задумывался, очевидно, как центр государственного управления над всем регионом Согда, а может быть, и в более широких пределах. Перед нами - архитектурный комплекс не столько парадного, сколько административного характера. Он в полной мере имеет ценность исторического источника, наглядно отражая новый этап в истории Согда. По нашему предположению, попытки масштабного строительства в Самарканде (фортификация и дворец) были связаны с намерением Абӯ Муслима превратить старую согдийскую столицу, где еще были сильны прежние традиции, в один из центров на Востоке, интегрированных в общегосударственную систему халифата. Возможно также, что в контексте его планов на вторжение в Китай, Самарканд мыслился как форпост на этом пути. Если это так, то раскапываемое в настоящее время здание громадного дворца в цитадели столицы Согда не только существенным образом дополняет событийную картину в регионе в середине VIII-го в., но позволяет понять нам глубину и закономерность исторических процессов на более широком фоне: от ʿаббасидского халифата до танского Китая.

[47] Наиболее точная характеристика дворца Диваштича в Пенджикенте была дана В.И. Распоповой (*Распопова В.И., 1990, с. 187*), которая определяет последний как "гипертрофированное богатое жилище". То же самое можно сказать о дворце в Шахристане.

[48] Ссылки на работы о памятниках до- и раннеисламского времени опущены в этой статье (см. *Карев Ю.В., 1999а, глава II; Karev Ju., Le Palais du VIII siucle a Samarkand, Studia Iranica, 1, 2001, в печати*).

[49] Возможно, что большое здание, раскапываемое в настоящее время руководителем экспедиции Ф. Грене в сотрудничестве с И. Ивановским под пятничной мечетью Самарканда и интерпретируемое исследователями как дворец Наср б. Саййара, относится к сороковым годам VIII в., но предложенная датировка и идентификация требуют уточнений.

Источники**

ал-Балāзурй, Аҳмад б. Йаҳйā, *Liber Expugnationis Regionum*, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al- Beládsorí, edidit M. J. Goeje. Lugduni Batavorum. 1866.

ал-Бйрўнй, Индия, - Абу Рейхан Бируни, *Индия*, пер. А.Б. Халидова, Ю.Н. Завадовского, В.Г. Эрмана. М.1963 (вт. изд. 1995).

Гардйзй, - Абў Са'йд 'Абд ал-Ҳай Гардйзй, *Зайн ал-Ахбāр*, изд. 'Абд ал-Ҳай Ҳабйбй, Тегеран, 1347/1968.

ад-Дйнаварй, - Abu Ḥanīfa ad-Dînawerî, Kitāb al-aḫbār aṭ-Ṭiwāl, publié par V. Guirgass, Leide, 1888.

аз-Захабй, Мухаммад б. Аҳмад, *Та'рйх ал-ислāм*, том V, Каир, 1947.

Ибн ал-Асйр, - *Ibn-el-Athiri Cronicon quod perfectissimum inscribitur*, ed. C. J. Tornberg, I-XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851-1876.

Ибн Касйр, Исмā'йл б. 'Умар, *ал-Бидāйа ва ал-нихāйа*, I-XIV, Бейрут, 1966 (2 изд. 1978).

Ибн Тиқтақа, - Ibn Ṭiqṭaqa al-Faḫrî. *Histoire du khalifat et du vizirat depuis leurs origines jusqu'à la chute du khalifat 'abbaside de Baghdâdh*, avec prolégomènes sur les principes du gouvernement, éd. H. Derenbourg, Paris, 1895.

Ибн ал-Факйх, Аҳмад б. Муҳаммад ал-Хамазāнй, *Китāб ал-Булдāн*, изд. Йўсуф ал-Хāди, Бейрут, 1416/1996.

Ибн Ҳалдўн, Абў Зайд 'Абд ар-Раҳмāн б. Муҳаммад, *Китāб ал-'ибар*... том III, Бейрут, 1960-62.

Ибн Ҳалликāн, Шамс ад-Дйн Аҳмад б. Муҳаммад, *Вафайāт ал-А'йāн*, I-VIII, изд. Иҳсāн 'Аббāс, Бейрут, 1967-72.

Истаҳрй, - *Viae Regnorum. Descriptio Ditionis Moslemicae* auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí, ed. M. J. De Goeje, Lugduni Batavorum 1870 (editio tertia, 1967, BGA I).

ал-Йа'кўбй, Аҳмад б. Абй Йа'кўб, *Та'рйх*, I-II, Бейрут,1379/ 1960.

Кандийа, пер. Вяткина, - Кандия Малая, пер. В.Л. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области, выпуск VIII, Самарканд, 1906, с. 235-290.

ал-Макдисй, - *Le Livre de la création et de l'histoire* de Motahhar ben Tāhir el-Maqdisī, attribué à Abou-Zeid Ahmed ben Sahr El-Balhī, I-VI, éd. et tr. de Cl. Huart. Paris 1916-1919.

ал-Мас'ўдй, Мурўдж, - Maçoudi. *Les prairies d'or*. Texte et trad. C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Vols. I-IX, Paris. 1861-1877.

ал-Мукаддасй, - *Descriptio Imperii Moslemici* auctore Shams ad-Dîn Abû Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Abî Bekr al-Bannâ al-Basshârî al-Moqaddasi, ed. M.J. De Goeje, Lugduni Batavorum, 1877 (editio tertia 1967, BGA III).

Наршаҳй, изд. Ризави, - Наршаҳй, Муҳаммад, *Та'рйх-и Буҳāрā*, изд. Ризавй, Тегеран, 1351/1939.

Наршаҳй, пер. Фрая, - *History of Bukhara*, tr. R. Frye, Cambridge, Massachusetts, 1954.

Наршаҳй, пер. Лыкошина, - *История Бухары*, перевел с персидскаго Н. Лыкошин, под ред. В.В. Бартольда. Ташкент, 1897.

ан-Насафй, Наджм ад-Дйн 'Умар б. Муҳаммад, *Ал-Канд фй зикр ʕуламā' самаркканд*, изд. Йўсуф ал-Хāди, Тегеран, 1999.

ас-Са'āлибй, Латā'иф, — *Latáifo 'l-Ma'árif*, auctore Abu Mançur Abdolmalik ibn Mohammed ibn Ismá'íl at-Tha'álibí, edidit P. De Jong. Lugduni Batavorum, 1867.

ас-Са'āлибй, пер. Босворта, - *The Book of Curious and Entertainig Information. The Latā'if al-ma'ārif* of Tha'ālibī, tr. C. E. Bosworth, Edinburgh, 1968.

ат-Табарй, - *Та'рйх ар-русул ва ал-мулўк* ли Абй Джа'фар Муҳаммад б. Джарйр ат-Табарй, изд. Муҳаммад Абў ал-Фадл Ибрāҳйм, I-X, Каир, 1966-1969.

ал-Фасавй, Йа'кўб б. Суфйāн, *Китāб ал-ма'рифа ва ат-та'рйх*, I-IV, изд. Акрам Дийā' ал-'Умарй, Мадина, 1989.

FHA, - *Fragmenta historicorum arabicorum*, 1. Tomus primus, continens partem tertiam operis *Kitâbo 'l-Oyun wa 'l-hadânk fî akhbâri 'l-hakânk*, ed. M.J. De Goeje et P. De Jong. Lugduni Batavorum, 1869.

Chavannes, 1904, - *Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux*. Recueillis et commentés suivi de notes additionnelles par Edouard Chavannes, P., 1904.

** В силу ряда технических причин библиография помещена после текста статьи и в том виде, в каком она представлена автором (Прим. ред.)

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллоев Д., Раскопки в Пенджикенте и проблемы исламизации Центральной Азии, *50 лет раскопок древнего Пенджикента*, тезисы докладов научной конференции (15-20 августа 1997), Пенджикент, 1997, с. 40-41.

Ахунбабаев Х.Г., Археологическое изучение Булунгурского района в 1979-1980 гг., *ИМКУ*, 18, 1983, с. 154-164.

Байпаков К.М., Нортхедж А., Новые данные об Акыр Таше, *Известия министерства науки республики Казахстан*, серия общественных наук, 1997, I, с. 83-93.

Бартольд В. В., *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, часть первая, *Тексты*, СПб., 1898.

Бартольд В.В., *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, сочинения, т. I, М., 1963.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., Средневековый город Средней Азии, Л., 1973.

Большаков О. Г., К истории Таласской битвы (751 г.), *Страны и народы Востока*, вып. 22, Средняя и центральная Азия. География, этнография, история. Книга 2., М., 1980, с. 132-136.

Бурякова Э. Ю., Археологические раскопки и наблюдения в рабаде Самарканда в IX-X вв., *ИМКУ* 13, Ташкент, 1977, с. 119-130.

Волин С., Сведения арабских источников IX - XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах, *Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана*, Алма-Ата, 1960, с. 72-92.

Вяткин В.Л., Материалы к исторической топографии Самаркандского вилайета, *СКСО*, вып. VII, Самарканд, 1902, с. 1-83.

Вяткин В.Л., *Афросиаб - городище былого Самарканда*, Ташкент, 1927.

Иневаткина О.Н., Основные этапы сложения цитадели Афрасиаба, *тезисы докладов конференции "Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии"*, Дальверзин-тепе 26-29 мая 1985 г., Ташкент, 1985, с. 55-56.

Иневаткина О.Н., *Акрополь Древнего Самарканда в структуре города (VI в. до н. э. - V в. н. э.)*, автореферат канд. дисс., М., 1995.

Карев Ю.В., *Дворец VIII в. в Самарканде в контексте доисламской и раннемусульманской дворцовой архитектуры. Опыт исторической интерпретации*, диссертация на соиск. уч. ст. к. и. н., Москва, 1999 (неопубликовано).

Карев Ю.В., *Дворец VIII в. в Самарканде в контексте доисламской и раннемусульманской дворцовой архитектуры. Опыт исторической интерпретации*, автореферат канд. дисс. М. 1999.

Массон М. Е., К периодизации древней истории Самарканда, *ВДИ*, 4, 1950, с. 155-166.

Массон М.Е., Могила с одиночным погребением в сидячем положении в стене Девори-Кыемат в Самарканде, *ИТОРГО*, т. 17, 1924, с. 161-163.

Мухамедов Х., Новые участки Кампир-Девора древнего Согда, *ИМКУ*, 9, 1972, с. 134-135.

Мухамедов Х., Из истории древних оборонительных сооружений в Узбекистане, *Научные работы и сообщения Отделения общественных наук АН УзССР*, 2, 1961, с. 238.

Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III-IX вв., глава 4, (А.Ю. Якубовский) Средняя Азия и Сибирь в VII-IX вв., М. 1958.

Распопова В.И., *Жилища Пенджикента (Опыт историко-социальной интерпретации)*, Л., 1990.

Розен В., [рецензия] на Alberuni's India... edited in the Arabic original by Dr. Edward Sachau, London, 1887, *ЗВОРАО*, т. III, 1889, с. 146-162.

Сухарева О.А., Оборонительные стены Самарканда, *Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье*, М. 1979, с. 85-95.

Шефер Э., *Золотые персики Самарканда*, М., 1981.

Шишкина Г.В., Городской квартал VIII-XI вв. на северо-западе Афрасиаба, *Афрасиаб*, вып. II, Ташкент, 1973, с. 117-156.

Bernard P., Isamiddinov M., Rapin Cl., Sokolovskaja L. Le chantier du nord-ouest: niveaux achéménides et hellénistique, Fouilles de la mission franco-soviétique à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): première campagne, 1989, *CRAI*, avril-juin 1990, Paris, 1990.

Beckwith C., *The Tibetan Empire in Central Asia*, Princeton, New Jersey, 1987.

Cahen Cl., Points de vue sur la révolution 'abbâside, *Revue Historique*, 230 (1963), pp. 295-338.

Daniel E., *The Political and Social History of Khurasan under 'Abbāsid Rule*, Minneapolis and Chicago. 1979.

Dunlop D., A New Source of Information on the Battle of Talas or Atlakh, *Ural-Altaische Jahrbücher*, 36 (1964), pp. 326-330.

Fouilles de la mission franco-soviétique à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): première campagne, 1989, par MM. Paul Bernard, Frantz Grenet, Muxammed□on Isamiddinov et leurs collaborateurs, *CRAI*, avril-juin 1990, Paris, 1990, pp. 356-380.

Fouilles de la mission franco-ouzbèque à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): deuxième et troisième campagnes (1990-1991), par MM. Paul Bernard, Frantz Grenet, Muxammad□on Isamiddinov et leurs collaborateurs, *CRAI*, avril-juin 1992, Paris, 1992, pp. 275-311.

Frye R., The Role of Abū Muslim in the 'Abbāsid revolt, *Muslim World*, XXXVII, 1947, pp. 28-38.

Gibb H., *The Arab Conquests in Central Asia*, London, 1923.

Grenet F., Rapin Cl., De la Samarkand antique à la Samarkand islamique: continuités et rupture, *Colloque international d'archéologie islamique* (IFAO, Le Caire, 3-7 février 1993), Le Caire, 1998, pp. 387-402.

Inevatkina O., Chantier (4A), Fouilles de la mission franco-ouzbèque à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): deuxième et troisième campagnes (1990-1991), par MM. Paul Bernard, Frantz Grenet, Muxammadžon Isamiddinov et leurs collaborateurs, *CRAI*, avril-juin 1992, Paris, 1992, pp. 276-282.

Karev Ju., Chantier (4B), Fouilles de la mission franco-ouzbèque à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): deuxième et troisième campagnes (1990-1991), par MM. Paul Bernard, Frantz Grenet, Muxammad□on Isamiddinov et leurs collaborateurs, *CRAI*, avril-juin 1992. Paris, 1992, pp. 282-283.

Lassner J., Abū Muslim, Son of Salīṭ: A Skeleton in the ‚Abbāsid Closet ? *Studies in Islamic History and Civilisation. In Honour of Professor David Ayalon*, Jerusalem, Leiden, 1986, pp. 91-104.

Lassner J., *The Shaping of the 'Abbâsid Rule*, Princeton, 1980

Moscati S., Studi su Abu Muslim, *Rendiconti Lincei*, ser. 8, 4 (1949-50), 323-35, 474-95; 5 (1950-51), 89-105;

Nagel T., *Untersuchungen zur Entstehung des abbasidischen Kalifates*, Bonn, 1972.

Paul J., The Histories of Samarqand, *Studia Iranica*, 22, 1993, pp. 69-92.

Pelliot P., Des artisans chinois à la capitale abbasside en 751-762, *T'oung Pao*, XXVI, 1929, pp. 110-112.

Petech L., Le ambasciate arabe in Cina, *Studi in onore di Francesco Gabrieli*, vol. II, Roma, 1984, p. 619-630.
Shaban M., *The 'Abbāsid Revolution*, Cambridge, 1970.
Shaban M., *Islamic History. A New Interpretation*, vol. II, Cambridge, 1976.
Shacklady H., The ‚Abbāsid Movement in Khurāsān, *Occasional Papers of the School of Abbasid Studies*, University of St. Andrews, No 1, 1986, pp. 98-109.
Sharon M., *Black Banners from the East. The Establishment of the 'Abbâsid State - Incubation of a Revolt*, Jerusalem, Leiden, 1983.
Sharon M., The Military Reforms of Abū Muslim, their Background and Consequences, *Studies in Islamic History and Civilisation.*
In Honour of Professor David Ayalon. Jerusalem, Leiden, 1986, pp. 105-143.
Weinberger J., The authorship of two twelfth century transoxianian biographical dictionaries, *Arabica*, XXXIII, fasc. 3, 1986, pp. 369-382.

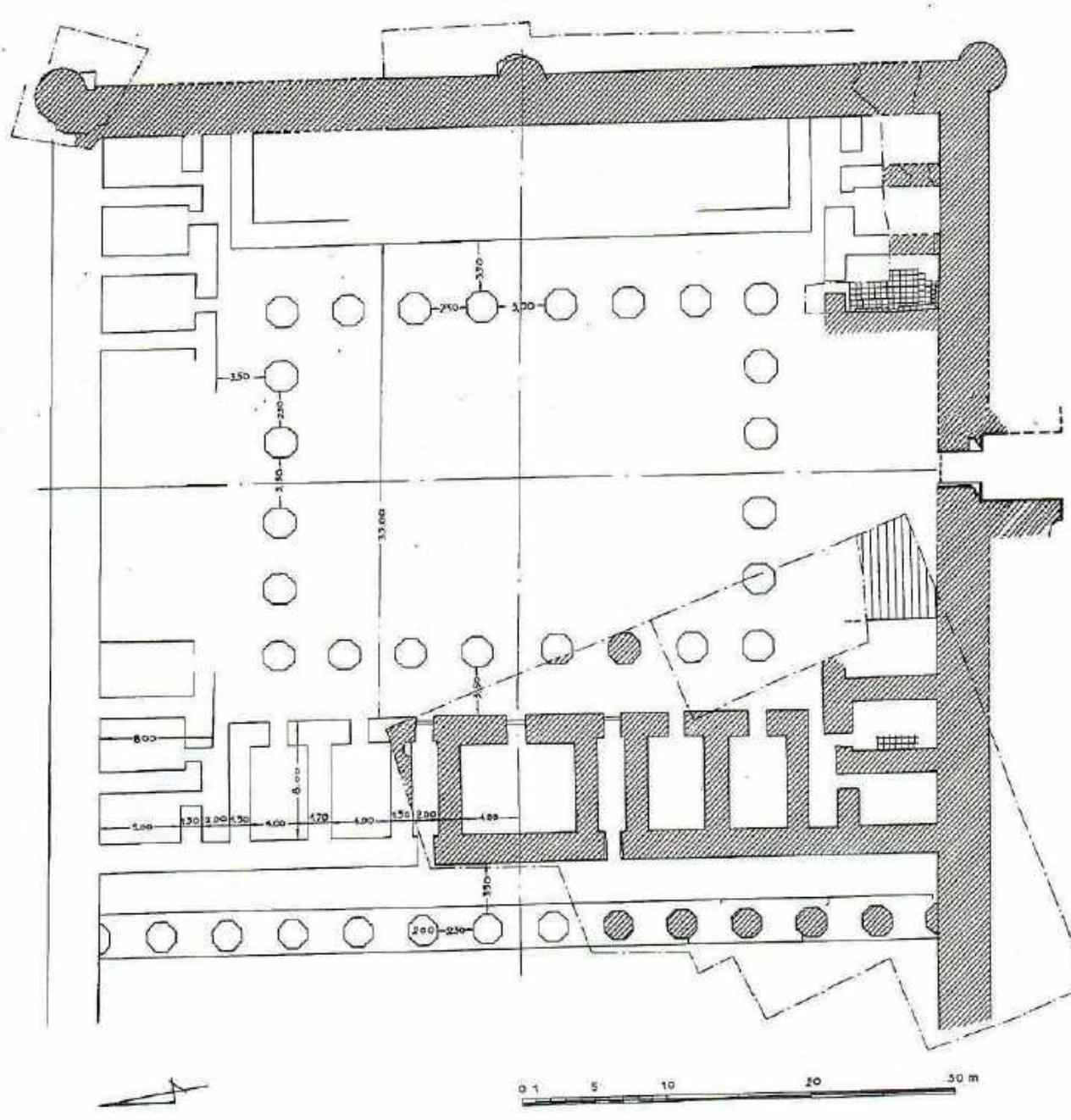

Рис. 1. Афрасиаб. Нижняя площадка цитадели. План дворца с элементами реконструкции. Полевые обмеры, реконструкция и графическое оформление - архитектор ГМВ Е.А. Куркина.

Б.Д.КОЧНЕВ
(Институт археологии, АН РУз,
г.Самарканд, Республика Узбекистан)

ОБ ОДНОМ РАННЕКАРАХАНИДСКОМ ФЕЛЬСЕ

Многообразную и плодотворную научную деятельность Галины Васильевны Шишкиной всегда отличала широта интересов, распространявшихся в свое время и на нумизматику. С нумизматическими сюжетами так или иначе связано несколько ее работ, лучшей из которых следует признать публикацию найденного на городище Афрасиаб клада медных монет. В нем оказалось 47 караханидских дирхемов и фельсов конца XII-начала XIII в., а также 5 более ранних фельсов - 3 саманидских и 2 караханидских. Из этих последних один чеканен Мухаммадом б. Сулайманом (495 -524/ 1102-1130), на другом частично уцелела дата - 25 г.х. (*Шишкина Г.В., 1964, с.112-122*). М.Н.Федоров определил вторую монету (хотя и без полной уверенности) как битую в Бухаре в 525/ 1130-31 г. Тамгач Богра-хаканом, т.е., вероятно, Ибрахимом б.Сулайманом, который, согласно традиционной точке зрения, правил в Мавераннахре короткое время после Мухаммада б.Сулаймана (*Федоров М.Н., 1984, с.104*). Как показало ознакомление с данным фельсом и сопоставление его с экземпляром несколько лучшей сохранности (ГИМ, б/н), на самом деле он чеканен в 425/1033-34 г. в Иштихане, и на нем помещены два тюркских титула, один из которых, Табгач Бугра кара-хакан, читается уверенно, для другого было предложено как возможное чтение Савинч (?)-ога (*Кочнев Б.Д., 1995, с.257, № 782*). Впоследствии в одной самаркандской частной коллекции (владелец В.Е.Жеребец) удалось обнаружить третью аналогичную монету, что позволило исправить чтение второго титула на "Субаши-ога". Еще в одном частном собрании (А.М.Камышева, г.Бишкек) оказался иштиханский фельс 424/1032-33 г., несущий следующую титулатуру: ал-хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла (круговая легенда оборотной стороны), Табгач Бугра-хан (поле той же стороны), Субаши-ога (поле лицевой стороны).

Как доказал еще Р.Фасмер (*Vasmer R., 1930, с.95-97*), двойной лакаб (почетное прозвание) Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла и титул Табгач Бугра кара-хакан (Табгач Бугра-хан) принадлежали тогда Али б.ал-Хасану, т.е. тому Караханиду, который в рукописных источниках именуется Али-тегином. В 411/1010-11 г. он захватил Бухару, в 415/ 1024-25 г. распространил свою власть вплоть до Ходженда и Шаша, но вторжение в 416/1025 г. в Мавераннахр Кадыр-хана Йусуфа б.Харуна/ал-Хасана и Махмуда Газнави лишило его всех владений и заставило бежать в степь. Тем не менее вскоре (в 416/1025-26 или 417/1026-27 г.) Али вернул Бухару, в 418/1027-28 г. - Кеш, в 419/1029 г.- Самарканд, а потом (между 423-426/1031-34 гг.) и Ходженд (*Кочнев Б.Д., 1993, с. 26-27; он же, 1999, с. 80-81*). Таким образом, проставление его титулатуры на битых в 424-425/1032-34 гг. фельсах Иштихана, одного из городов Самаркандского Согда, вполне объяснимо.

Гораздо труднее установить, к кому относится титул Субаши-ога. Строго говоря, собственно титулом здесь является компонент "öгä", первое же слово, означающее буквально "глава войска", "военачальник", - скорее приближается к имени (ср. удачное выражение С.Г.Кляшторного "титул...неотделимый, а часто и неотличимый от имени" (*Кляшторный С.Г., 1986, с.324*). Во всяком случае, в "Истории Масуда" (XI в.) неоднократно упоминается газнавидский полководец, которого Байхаки именует не иначе как Субаши (*Байхаки, 1969, по указателю*). Наряду с этим тюркским именем его носитель мог иметь мусульманское имя. Так, в документе 474/1082 г. из Яркенда в числе свидетелей назван Абдалджалил Чагры Субаши (*Бартольд В.В., 1968а, с.421,423*); безусловно, другой Чагры Субаши упомянут на караханидском фельсе 414/1023-24 (?) г. (*Кочнев Б.Д., 1995, с.246, № 614*). Одним из военачальников Караханида Насра б. Али (умер в 403/1012-13 г.) был Субаши-тегин, которого О.Прицак (*Pritsak O., 1953, с.28*) сопоставил, хотя и в весьма осторожной форме, с Али-тегином. В связи с наличием общего компонента "субаши" возникает вопрос: не может ли и сочетание Су-баши-ога относиться к Али б. ал-Хасану?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует более внимательно присмотреться к титулу "ога", который в караханидском чекане засвидетельствован также в сочетаниях Ака-ога, Барс-ога, Эль-ога, Кылыч-ога, Тонга-ога, Хутлуг-ога (*Кочнев Б.Д., 1999, с.11*). По мнению О.Прицака (*Pritsak O., 1953, с.23*), титул "ога" был ниже княжеских титулов Йинал-тегин, Арслан-тегин и Йанга-тегин. Такая точка зрения основывается, возможно, на свидетельстве Махмуда Кашгари (*Divanü..., 1939, m.I, с.91*), утверждающего, будто ога "по степени /идет/ после тегина". Казалось бы, есть все основания доверять Махмуду Кашгари, который сам, возможно, происходил из Караханидов и уж, во всяком случае, немало путешествовал по территории Караханидского каганата, не раз встречаясь с членами династии (*Бартольд В.В., 1968 б., с.84-85*). А между тем у его современника, Абу-л Фазла Байхаки (*Байхаки, 1969, с.606-606*), фигурирует прибывший из Мавераннахра караханидский посол Муса-тегин ога, в рукописи же IX в. из Восточного Туркестана в перечне принцев упомянут Ога Пероз-тегин (*Лившиц В.А., 1996, с.235*). К сожалению, не ясна принадлежность большинства перечисленных выше караханидских титулов с компонентом "ога", лишь титул Эль-Ога может быть приписан Атим-тегину, хотя и без полной уверенности (*Кочнев Б.Д., 1993, с.21*). Все же приведенные примеры показывают, что титул "ога" был ни ниже, ни выше титула "тегин" - он был внеранговым. Столь же несомненно, что это княжеский титул, а раз Али б. ал-Хасан еще в 423/1031-32 г. принял ханский (царский) титул, в 424-425/1032-34гг. титул Субаши-ога принципиально не мог принадлежать ему самому, но только его вассалу.

Из вассалов Али б.ал-Хасана в монетном чекане представлены Бегтузун (неопубликованный фельс Ходженда 415/1024-25 г.), Аббас б. Мухаммад б.Наср (дирхемы Ахсикета 417-418/1026-28 гг.), Йусуф б. Али (монеты Бухары 417-426/1026-34 гг.), Муса б.Сельджук (фельсы Кермине 4I51024-25, 4I7/1026-27/?/419/1028 гг.), Сайф ад-Даула (Сельджукид Ибрахим Йинал?; фельсы Кермине 419/1028 г.), Джибраил б. Мухаммад (сын Сельджука?; фельсы

Кермине 420/1029 г.), Исмаил б. Махмуд (дирхемы Утлуг Орду-ад-Дабусии 424/1032-1033 гг.). Бегтузун - это бывший саманидский сановник; Исмаил б.Махмуд, возможно, идентичен Исмаилу Хандану, сыну Алтунташа, правителя Хорезма; даже если это тождество неверно, он определенно не был Караханидом, равно как и владетели Кермине, а, стало быть, никто из них не мог носить караханидский титул Субаши-ога. Нет оснований связывать этот титул и с Караханидом Аббасом, чьи владения ограничивались пределами Ферганы (*Кочнев Б.Д., 1993, с.27-28*). Что же касается Йусуфа, сына Али б.ал-Хасана, то на монетах Бухары 421-426/1030-1034 гг. он фигурирует под другим тюркским титулом Арслан-тегин, позднее - Арслан-илиг или просто илиг. Согласно "Истории Масуда", после смерти Али-тегина (426/1034 г.) ему наследовал его старший сын (т.е. Йусуф б. Али), но в рассказах Байхаки о тогдашних мавераннахрских событиях и о действиях караханидских соседей Газнавидов илиг постоянно выступает совместно со своим младшим братом, составляя с ним неразрывную пару "сыновья Али-тегина" (*Байхаки, 1969, по указателю*). А поскольку не позже 417/1026-1027 г. Йусуфу были переданы права на Бухару, более чем вероятно, что и его брат получил какое-то пожалование, пусть и позднее. Если же учесть, что по Махмуду Кашгари (*Divanü..., 1939, т.1, с.356*) титул ога прилагался к младшим детям хана, естественно, напрашивается предположение: Субаши-ога, обозначенный на фельсах 424-425/ 1032-1034 гг. как жалованный владетель Иштихана и вассал Табгач Бугра кара-хакана (Али б. ал-Хасана), и есть его младший сын.Титул ога был вполне обычен для Караханидов, почему хорошо известен обоим авторам, происходившим с территории Караханидского каганата, Йусуфу Баласагуни (*Юсуф Баласагунский, 1983, бейт 4141*) и Махмуду Кашгари (*Divanü..., 1939, т.1, с.91*).

По словам первого из них, тот, кто достиг степени ога, должен быть рассудительным и наставлять на правильный путь бега, которому он служит (в переводе С.Н.Иванова: "Советчиком стал - рассудительным будь, властитель ошибся - исправь его путь" (*Юсуф Баласагунский, 1983, с.316*). Второй же утверждает, что ога - титул того, кто в годах, разумен, опытен в делах, и в подтверждение своих слов приводит предание о том, как царь тюрок отправил против Искандара Зу-л-Карнайна отряд из одних молодых воинов, вазир же посоветовал ему поставить во главе их мужа зрелого, опытного в сражениях, т.е. ога. Между тем, Байхаки говорит о сыновьях Али-тегина как о "неопытных юнцах" (*Байхаки, 1969, с.570*). Однако, доверять такой аттестации особенно не приходится: сам Байхаки считался "молодым" даже в 45 лет (*Байхаки, 1969, с.35*). Упомянутые в енисейских эпитафиях носители титула ога сохраняли его, достигнув 62 и даже 70 лет, но второй из них стал ога в 30 лет (*Кормушин И.В., 1997, с.172, 218-219*). Согласно "Истории Масуда", к 423/1032 г. Али-тегин уже тридцать лет как "обретался" в Мавераннахре (*Байхаки, 1969, с.427*), а значит, родился едва ли позже 373/983-984 г. Кроме того, не исключено, что титул Йаган-тегин, проставленный на фельсах Илака 385-387/995-997 гг., относится к Али б. ал-Хасану, который в 411-415/1020-1025 гг. чеканил в Бухаре монету в качестве Йанга/Йаган-тегина (*Кочнев Б.Д., 1987, с.63*). Словом, к 424/1032-1033 г. сын Али-тегина, даже младший, вполне мог достигнуть возраста достаточного, чтобы получить (или присвоить) титул с компонентом ога. Учитывая все это плюс хорошо известный факт изменчивости караханидской тюркской титулатуры, можно допустить, что и титул Кылыч-ога, помещенный на фельсах Иштихана 419-421/1028-1030 гг. и Согда 421/1030 г. (*Кочнев Б.Д., 1995, с.251-252, № 720, 724*), принадлежал брату Йусуфа б. Али.

В рукописных источниках имена сыновей Али-тегина не указаны, но представляется вполне правдоподобным предположение М.Н.Федорова, что Харун б. Али, упомянутый на некоторых дирхемах 440-х гг. х., был братом Йусуфа (*Федоров М.Н., 1974, с.176*). С другой стороны, кунья самого Али, Абу-л-Хасан ("отец Хасана"), указывает на возможное наличие у него сына по имени ал-Хасан. Поэтому не исключено, что второй сын Али б. ал-Хасана/Харуна носил, подобно деду, два имени - общемусульманское (ал-Хасан) и библейское (Харун).

Итак, тот интересный нумизматический памятник, которому посвящен предлагаемый вниманию читателя текст и который в свое время не был (да и не мог быть) понят должным образом, являет собой фельс, чеканенный в Иштихане в 425/1033-1034 г. от имени двух представителей династии Караханидов; титул первого из них - Табгач Бугра кара-хан - принадлежал тогдашнему владетелю Мавераннахра Али б. ал-Хасану (Али-тегину); второй титул, Субаши-ога, относящийся к его вассалу, владетелю Иштихана, связан, вероятно, с его младшим сыном, Харуном/ал-Хасаном (?).

Б.А.ЛИТВИНСКИЙ
(Институт востоковедения РАН,
г.Москва, Российская Федерация)

ЩИТ ТИПА ТЮРЕОС В БАКТРИИ

Раскопки на городище Тахти-Сангин, расположенном на западном берегу р.Вахш у впадения этой реки в Пяндж, проводившиеся в 1975–1991 гг. Южнотаджикистанской археологической экспедицией (руководитель экспедиции Б.А.Литвинский, начальник отряда И.Р.Пичикян), привели к открытию храма Окса. Он был воздвигнут в самом конце IV–начале III в. до н.э. и просуществовал до III–IV вв. н.э. В сокровищницах храма было обнаружено около 8000 предметов, среди них большое количество художественных изделий из золота, серебра, бронзы, слоновой кости, глины, алебастра, стеклянной фритты и др. Детальное описание храма и произведенных в нем раскопок издано в виде книги (*Литвинский Б.А., Пичикян И.Р., 2000*), а предварительно в виде статей, посвященных отдельным предметам или их сериям (перечень этих статей – в книге).

Обширный комплекс предметов вооружения включает более 3100 железных и свыше 80 бронзовых наконечников стрел, 85 целых железных наконечников копий, 25 железных наконечников дротиков, свыше 65 фрагментов наконечников копий и дротиков, 150 железных подтоков, 45 костяных накладок на лук, 45 железных мечей и кинжалов, одни железные ножны кинжала, одни ножны и пять рукоятей акинака (все изготовленные из слоновой кости), шесть рукоятей и свыше 80 деталей ножен (слоновая кость) махайр и ксифосов, один крупный фрагмент железного наборного доспеха и отдельные пластины (чешуйки) – всего около 300 экземпляров, пять бронзовых и железных нащечников шлема, части одного щита с трискеле, 16 бронзовых, железных и серебряных умбонов щита, в том числе один умбон щита типа тюреос.

Это самый крупный из известных в настоящее время для Средней Азии комплексов древнего вооружения.

Упомянутый выше щит с эмблемой в виде трискеле уникален (рис.1, *1*). До сих пор такого рода щиты были известны по афинским монетам второй половины VI в. до н. э. (рис.1, *2*) и греческой вазописи конца VI–начала V в. до н. э. (рис.1, *3*). Реальные находки подобных щитов во всем эллинистическом мире до сих пор были неизвестны. Деревянная часть щита истлела, но почти полностью сохранился его металлический каркас. Щит был круглым с бронзовым ободком. В центре находился бронзовый кружок-умбон. От него отходили три радиальных луча в форме человеческой ноги, причем ноги бегущего человека (такое изображение называется греческим словом "трискеле"). Диаметр щита – 56,5 см. Попал этот щит в Бактрию прямо из Аттики или же является, может быть, значительно более поздней, местной репликой греческого прототипа – остается неясным. Эти и другие вопросы были освещены в одной из наших публикаций (*Litvinsky B.A., Pichikyan I.R., 1997, c.109–121*), и поэтому здесь мы на них не останавливаемся.

Среди находок частей других щитов обращает на себя внимание бронзовый со следами позолоты умбон вытянуто-ромбической формы, с незначительно вогнутыми сторонами. По длинной оси – рельефное ребро. Центральная его часть имеет вид длинного высокорельефного овала, от узких сторон которого вдоль длинной оси отходят сужающиеся и понижающиеся к концам приостренные лучи-стрелки, округлые в поперечном сечении. Плоские части умбона в поперечном сечении повышаются в сторону ребра, так что умбон мог прилегать к плоскости щита лишь своими краями (рис.2). Умбон был изготовлен путем выдавливания с оборотной стороны.

Длина умбона – 279, ширина – 111, ширина центрального овального возвышения – 51, его высота над плоскостью умбона – 14, толщина листа – 1,5–2 мм.

Умбон найден в коридоре 1, слой 120–140 см над материком. Судя по находке этого умбона, можно предполагать, что в храме хранился посвященный божеству щит типа тюреос. Именно такой щит держит в руках пеший воин в батальной сцене, выгравированной на изготовленном из слоновой кости пенале ножен кинжала из храма Окса. Ножны, скорее всего, были изготовлены в Бактрии (*[Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.=] Litvinskij B.A., Pichikjan I.R., 1997, рис.3, 6*).

Тип щита, именуемый греками δυρεός, вначале появляется у галлов. Его исходные формы зафиксированы в VIII в. до н.э. Во время своих походов различные галльские племена принесли такие щиты в далекие от места их первоначального проживания страны. Впоследствии они распространились в нынешних Испании и Италии, в Восточной Европе и на Балканах. В IV в. до н.э. на этих щитах усиливается центральное ребро, которое приобретает веретенообразную форму. К началу III в. до н.э. восходит их история в Греции, где они просуществовали до I в. н. э.

Среди захваченных у галатов предметов вооружения, изображенных на рельефах балюстрады святилища Афины Никефора в Пергаме (битва с галатами произошла в 189–188 гг. до н. э.), есть щиты разных форм, в том числе вытянуто-овальные, с широким плоским наружным бортиком и высоким тонким центральным ребром с овальной выпуклостью вокруг него на середине высоты. Концы ребра то касаются внутренней стороны бортика, то ребро более короткое, и его концы не доходят до бортика. В некоторых случаях ребро крепилось к плоскости щита, наложенной на его центральное уширение накладкой, приклепанной к полю щита. Ребро в этих случаях овальное в поперечном сечении (*Droysen H., 1885, c.95–97, 131–138, табл.XLIII–XLVI*).

Этот тип щита был особенно популярен в отрядах наемников армии Птолемеев и Селевкидов; во второй половине III в. до н. э. он появляется на Боспоре (*Perdizet P., 1904, с.240–244; Launey M., 1949, I, с.532–534; Maier F., 1973, с.469–472; Stary P.F. von, 1981, с.287–289, 301–302; Sage M.M., 1996, с.211*)[1]. Изображение такого щита есть и на Александровой мозаике из Помпей (*Pfrommer M., 1998, с.122, рис.17b*).

Это был овальный щит с вертикальным овальным же ребром, в центре которого нередко помещен веретеновидный умбон часто вытянуто-ромбовидной или же вытянуто-линзовидной формы. Сам щит, судя по изображениям, имел форму вытянутого овала (с отношением длины и ширины 2:1). Такие щиты, очевидно, были снабжены деревянной основой, сверху покрытой металлическим листом. Они применялись главным образом пехотой и закрывали воина от плеч до нижних частей ног.

Изображения таких щитов часто встречаются на памятниках искусства (*Coussins P., 1927, с.148,318–319*), в том числе в малой пластике (см., например, терракоту II в. до н.э. из Мирины (*Mollard-Besques S., 1963, с.124/myr 283/477; табл.150/в*). Известны изображения таких щитов, происходящие из разных ближневосточных селевкидских городов. Щит типа тюреос держит в левой руке и парфянский воин, запечатленный на терракотовой статуэтке из Ниневии (*Sekunda N., 1994, табл.27, 46; Eiland M.L., 1998, с.59, рис.1*). Следовательно, щиты типа тюреос были распространены в Месопотамии и, как теперь выясняется, еще восточнее - в Бактрии.

Что касается Боспора, то такого рода щиты запечатлены на реверсах монет Левкона II (*Зограф, 1951, табл.XLII/17*) в начале 2-й половины III в. до н.э. В иконографии Северного Причерноморья, как и в самой Греции, этот тип щита очень широко представлен в III–I вв. до н. э., что детально освещено в существующей литературе (*Сокольский Н.И., 1955; Пругло В.И., 1966; Толстиков В.П., 1976; Kieseritsky C. von, Watzinger C., 1909, с.81, табл.XXXII/450*). Согласно разработанной В.П.Толстиковым (*Толстиков В.П., 1976, рис.3*) хронологической схеме изменения этих щитов и с учетом формы умбона щита на монете Левкона II, умбон из храма Окса мог быть изготовлен во 2-й половине III в. до н.э., хотя не исключена и более поздняя дата, вплоть до 1-й половины I в. до н.э. Если исходить из хронологической схемы развития осевых пластин щитов типа тюреос в Западной Европе (*Stary P.F.von, 1981, приложение 6*), щит из храма Окса должен был бы относиться ко времени III-II вв. до н. э. Такая датировка представляется возможной, но следует иметь в виду, что стратиграфически умбон следует датировать кушанским временем. Впрочем, в процессе ремонтных работ отдельные предметы в храме Окса часто перемещались из слоя в слой.

Известно, что щиты типа тюреос продолжали применяться и в римском войске. Так, в Каср ел-Харит (Фаюм, Египет) были найдены большие выпуклые плетеные щиты. Высота их – 128 см, ширина – 63 см. Щиты сделаны из трех слоев березовых планок, уложенных горизонтально. Снаружи щит обтянут шкурой ягненка. Центральное ребро с умбоном скреплено со щитом железными гвоздями. Известна находка железного ребра от щита типа тюреос. На римских памятниках I в. до н. э. изображались солдаты с таким щитом (*Bishop M.C., Coulston J.C.N., 1993, с.20,48,58–59, рис.1,2,28/1*). В Ашмолеанском музее имеется крупная терракота римского времени (Ashmolean Museum, ex Larger-Lawrence Collection, E-3716), изображающая вооруженного Бесса. В его левой руке – небольшой овально-вытянутый щит с рельефным ободком вдоль края и центральным вертикальным ребром, в середине которого виден овальный умбон. Лучи ребра сужаются от центрального умбона к ободку.

В заключение отметим, что описанный выше предмет из храма Окса является именно умбоном, находившимся в центральной части вертикального ребра щита тюреос.

Овальные щиты встречались при раскопках некоторых эллинистических памятников Центральной Азии. Скудость имеющихся об этих щитах данных не позволяет сколько-либо точно определить их типологическую принадлежность.

Так, находки двух щитов были сделаны в арсенале Ай-Ханум. Собственно говоря, археологи обнаружили на почве отпечатки цветного покрытия этих щитов в виде тончайшей цветной пленки. Один щит был овальный (реконструируемая длина – 1,30 м, а ширина – 0,64 м). Судя по центральному углублению, у него был умбон. По краю шел бордюр из пальметт. Есть следы стоящей фигуры. Декорация щита была выполнена желтым, красным, черным и голубым. Второй щит круглый (диаметр 1,15 м), он украшен цветными концентрическими круговыми полосами черного, желтого и красного цвета. Издатели сопоставляют орнаментированные щиты, следы которых были найдены в Ай-Ханум, с гораздо более поздними (середина III в. н.э.) щитами с цветной декорацией из Дура-Европос. Последние, судя по стилистике росписей, были работой сирийских мастеров, которые, очевидно, продолжали эллинистическую традицию, о чем свидетельствует упоминание Ксенофонта (Xen., Hell. II, 4, 25) об окраске щитов (*Grenet F. et al., 1980, с.59–60, табл.XXIII, XXXVIc*).

Наряду с вышеописанными, в Греко-Бактрии были распространены щиты и других типов. Об этом свидетельствуют изображения щитов на греко-бактрийских монетах. Так, на реверсе ряда монет Менандра I Сотера (около 155–130 г. до н.э.) есть изображение Афины Алкидемос, несущей щит (*Mitchiner M., 1975в, с.122–125/mun 214–219; Bopearachchi O., 1991, табл.27–29/серия 7–16; Bopearachchi O., Aman ur Rahman, 1995, с.116/310–319*).

[1] В первичной публикации батальной сцены, выгравированной на пенале ножен кинжала из храма Окса (*Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.=Litvinskij B.A., Pichikjan I.R., 1997, с.5–18*) мною были прослежены истоки композиционной схемы, восходящей к греко-македонской живописи и скульптуре последних десятилетий IV в. до н.э., обращено внимание на схожесть орнамента на ножнах с орнаментальными композициями из "гробницы Филиппа" в Вергине, и на этом основании я датировал тахтисангинскую батальную сцену последней четвертью IV в. до н.э. Вместе с тем были приведены данные о длительном переживании мотива сцены сражения Александра с персами – до II в. до н. э. Датировку батальной сцены, однако, следует уточнить. Овальный, с центральным ребром, щит в руках пешего воина-перса – это типичный щит тюреос (рис.3). Его наличие показывает, что сцена относится ко времени не ранее начала III в. до н. э., когда такие щиты появились в Греции, или даже середины III в. до н. э. Более поздняя дата менее вероятна из-за тесных аналогий с памятниками, датирующимися около 300 г. до н. э. Кстати, должна быть пересмотрена и датировка фрески из македонской гробницы в Левкадии. На этой фреске также изображен щит типа тюреос (*Kinch K.F., 1920, с.284–288, табл. II–V; Miller S.G., 1993, табл. 8/аж; Andronikos M., 1994, с.144, №142*), но, возможно, фреска все же хронологически более ранняя, чем батальная сцена из храма Окса.

Круглый щит часто бывал выпуклым, с плоским ободком по краю. Выпуклая часть порой покрыта "шишками"-выступами. На монетах серии 17 (по О.Боперaччи) на реверсе крупное изображение щита (вид спереди). Щит круглый, выпуклый, с узким (плоским?) ободком. Поле щита украшено головой Горгоны (*Bopearachchi O., 1991, с.237–238, табл.31/сер.17–19; Bopearachchi O., Aman ur Rahman, 1995, с.122, № 390;* см. также *Mitchiner M., 1975в, с.137/mun 246*). Афина Алкидемос держит щит такой же формы и на монетах Стратона I (около125–110 гг. до н.э.) (*Bopearachchi O., 1991, табл.35–37*).

В Нисе были найдены щиты с металлическим каркасом (*Массон М.Е., 1955, с.46*). Отсюда же происходит "парадный овальный щит, украшенный большими декоративными железными накладками в виде трезубца в середине, а по окружности – двух десятков чередующихся своеобразных пальметт и стоящих с чуть распахнутыми крыльями орлов" (*Массон М.Е., Пугаченкова Г.А., 1959, с.21*). Парадный нисийский щит привлекал внимание исследователей (*Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А., 1985, с.220, табл.LXXVIII/5*); его орнаментация детально проанализирована (*Пугаченкова Г.А., 1967, с.68–69, ил.42; Кошеленко Г.А., 1974, с.121–122; Invernizzi A., 1999, с.117–128, рис.55, табл.G/b–d*). На Нисе был также обнаружен отпечаток красочного слоя какого-то предмета со следами позолоты и нарисованным малиновой краской кольцом диаметром 11,5 см (*Массон М.Е., Пугаченкова Г.А., 1959, с.26*). С учетом находок на Ай-Ханум, о которых говорилось выше, можно предположить, что и на Нисе это был отпечаток окрашенного щита (*Grenet F. et al., 1980, с.59, примеч.4*). К близкому времени относятся изображения щитов в монетной иконографии. Эти щиты круглые с широким умбоном, иногда – овальные (?) с рельефной человеческой личиной на месте умбона (*Nikonorov V.P., 1997, 2, с.9, рис.23/f–j*).

Форма кушанского щита хорошо видна на изображениях из погребения 3 Тилля-тепе (*Sarianidi V.I., 1985, с.31, табл.72,81–84; Сариниди В.И., 1989, рис.28, 29/3*).

Если к этому добавить сведения о находках щитов у памирских саков (*Литвинский Б.А., 1972, с.128, с литературой вопроса*) и весьма скудные сообщения античных авторов, этим ограничиваются имеющиеся материалы о древних щитах среднеазиатских народов.

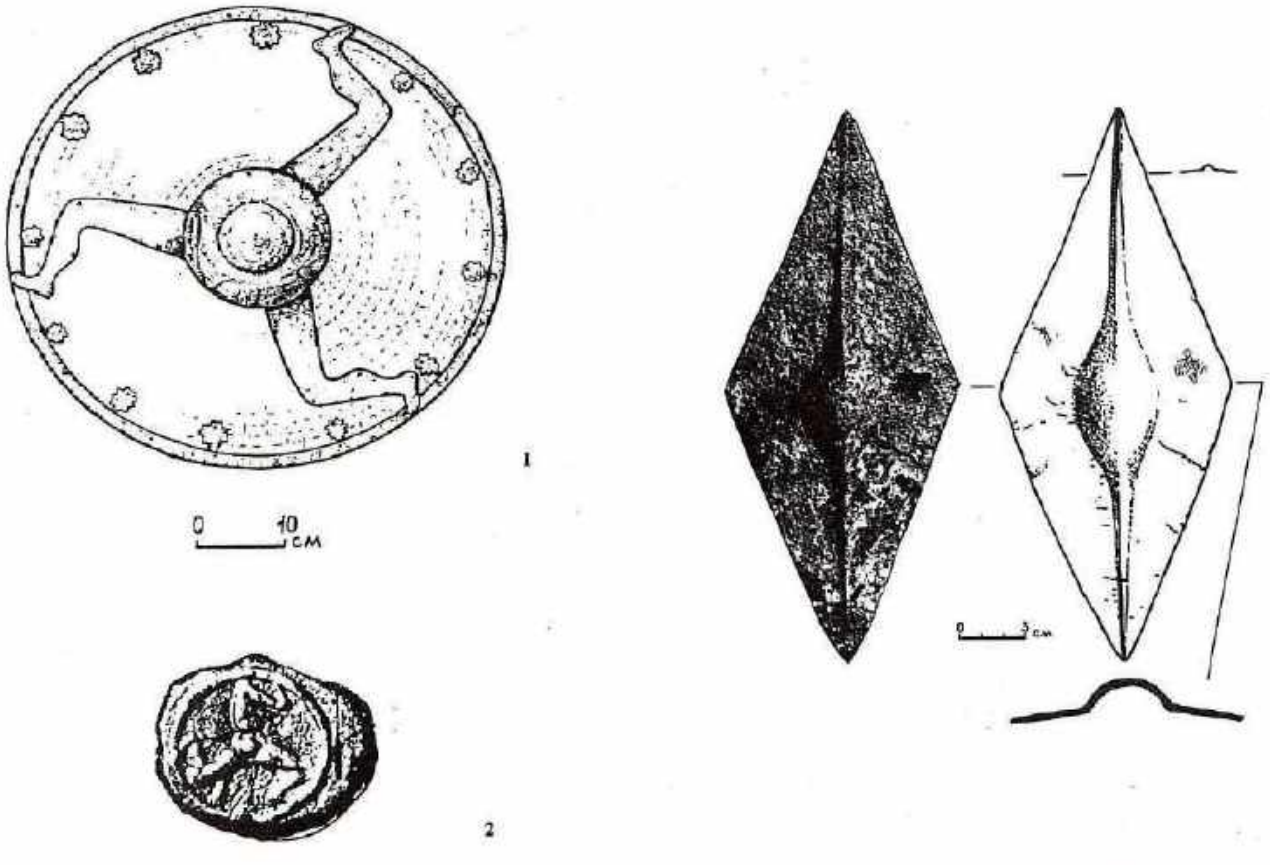

Рис. 2. Умбон щита типа тюреос. Бронза. Храм Окса

Рис. 1. Щиты с трискеле. 1- щит из храма Окса (дерево, бронза). Реконструкция. 2,3- щиты с трискеле в древнегреческой иконографии: 2- на монете, 3- в вазописи

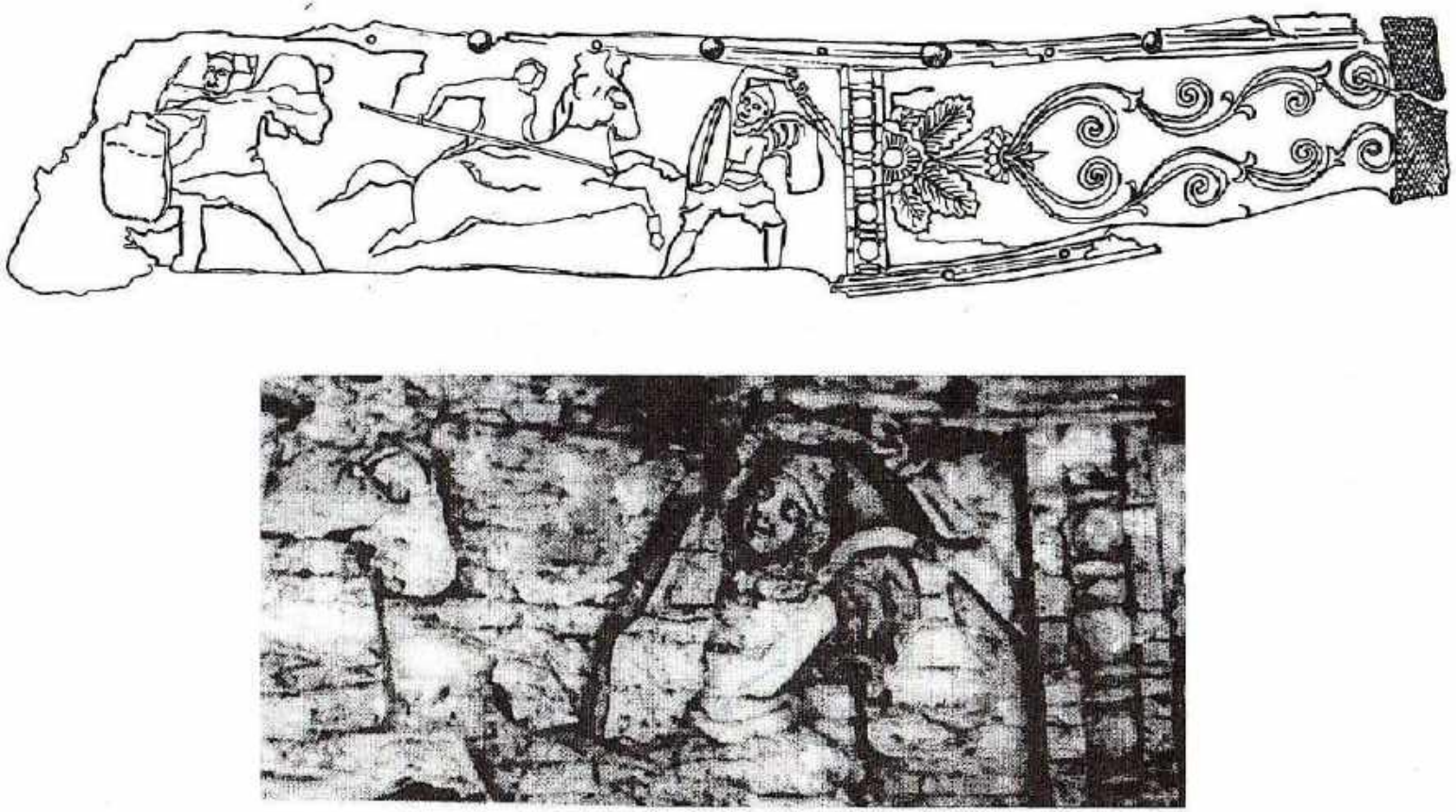

Рис. 3- Батальная сцена на фрагменте ножен махайры: "Александр Македонский сражает персов". Перед всадником – Александром–находится перс со щитом –гюреосом

И.К. МАЛКИЕЛЬ
(Государственный Эрмитаж,
г.Санкт-Петербург, Российская Федерация)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДВЕРИ ИЗ ЖИЛИЩА X - НАЧАЛА XI ВВ.

Исследования городской застройки X-XI вв. городища Пайкенд начались в 1913 г. и с перерывами продолжаются до настоящего времени. За это время раскопано пятнадцать городских жилищ саманидского и караханидского времени. Из них десять открыты полностью по одному из строительных периодов. Из-за плохой сохранности стен домов трудно реконструировать высоту перекрытия первого этажа, но она была не более 2,2 м от уровня пола.[1] Жилые дома строились из сырцовых кирпичей с минимальным количеством деревянных частей в конструкции (балки перекрытия, колонны, пороги и двери).

Дома выходят дверными проемами на внутриквартальную улицу. Только в двух проемах удалось обнаружить гнездо бруса порога при входе с улицы. Ширина проходов колеблется от 0,7 до 0,85 м.

В настоящем сообщении пойдет речь об одном из жилых домов, расположенных у южной крепостной стены. Он состоял из четырех помещений и коридора, одно из которых, наиболее удаленное от входа, можно считать жилым. Большую часть этого помещения занимает суфа. В нем были найдены инструменты, связанные, скорее всего, с производственной деятельностью хозяина дома:

- пила по металлу с мелкими зубьями и железной обоймой для крепления ручки;
- зубило для холодной рубки металла, применявшееся преимущественно при кузнечных или слесарных работах;
- два длинных железных стержня с заостренными концами, которые можно отнести к разряду шильев или пробоев;
- оловянный слиток, закрученный в спираль, используемый для пайки и лужения.

Вместе с вышеописанными инструментами в припольных прослойках встречены предметы, изготовленные из железа и бронзы: вилки, заколка, фрагментированная диадема с прорезным орнаментом, накладки, большой колокольчик с припаянным ушком (рис. 1,5), ножи, серп и т.д.

Особый интерес вызывают находки железных деталей двери: большое подвижное железное кольцо со скобой крепления и фигурной пластиной (рис.1, *5*), миниатюрная фигурная накладка (рис.1, *7*), дверной молоточек (рис.1, *4*), кольца с разомкнутыми концами и скобы для их крепления (рис.1, *3*) фрагмент железной цепи с восьмеркообразными звеньями (рис.1, *2*), элементы дверного затвора и набор железных гвоздей (рис.1, *6,8*).

В археологических раскопках встречаются аналогичные железные детали дверей. В основном это единичные находки. Так во время раскопок храма Джартепа в проходе, связывающем зал и вестибюль, найдена дверная скоба, похожая на пайкендскую, но без накладной фигурной пластины. С одной стороны она расширяется и имеет сквозное отверстие, через которое пропущено подвижное кольцо. Противоположный конец заострен и отогнут. По элементам крепления авторы раскопок определили, что толщина дверного полотнища была около 7 см *(Бердимурадов А.Э., Самибаев М.К., 1999, с.51)*.

Не имея достаточного археологического материала, необходимого для реконструкции, следует обратиться к этнографическим данным.

В XIX-XX вв. при небольшой ширине проходов двери жилых домов делали одностворчатые или двухстворчатые.

Известны несколько дверей, в основном двухстворчатых, из Северного Афганистана XIII - конца XIX -начала XX в. При высоте от 1,2 до 1,64 м ширина их составляет от 0,72 до 0,85 м. Резные створки дверей украшены геометрическим и растительным орнаментом. В конструкции использованы кованые железные детали (гвозди, накладки, затворы и т.д.) *("Наследники Шелкового пути", 1997, с.190-191)*. Двери навешивались с внешней поверхности стены и открывались внутрь. Они крепились на шипах, которые вращались гнездах порога и перекладины.

В.Л. Воронина отмечает, что у входных дверей бухарских домов примечательны дверные молотки, которым придается различная форма. Иногда для той же цели служит кольцо (*Воронина В.Л., 1951, с.68-70)*. Дверные молотки можно увидеть и в наше время на деревянных дверях жилых домов.

Находка самого раннего из известных дверных молотков, в Пайкенде интересна тем, что он найден вместе с железными деталями дверного набора. Молоток сделан из кованого железного стержня, в верхней части которого находится подвижное кольцо для крепления к двери. Овальный в сечении стержень расширяется к противоположному концу, где видны утраты ударной части молоточка (рис.1, 4).

Точная фиксация комплекса железных деталей на плане помещения и этнографические данные могут послужить источником для реконструкции дверей городского жилища конца X- нач. XI вв.

Если предположить, что дверь была из этого дома, то ее ширина не более 0,75 м, что соответствует ширине прохода с улицы в дом.[2] Высота была приблизительно около 1,5 м.[3] Толщину двери в 8 см удалось определить по элементам крепления железных деталей, на которых сохранился древесный тлен. В центральной части двери расположено подвижное кольцо с фигурной пластиной, а детали затвора и дверной молоточек, скорее всего, находились

[2] Гнездо дверного короба в этом месте не найдено, но площадка в проходе укреплена жженными кирпичами.
[3] Обмеры дверей XIII-XX вв. показали, что коэффициент соотношения между шириной двери и ее высотой колеблется от 1-1,6 м до 1-2,1м.
[1] Гнезда балок перекрытия обнаружены только в одном помещении у крепостной стены.

выше. Снаружи дверь, вероятно, могла быть украшена миниатюрными фигурными накладками, схожими по форме с большой пластиной.[4] Трудно сказать, крепились ли двери на шипах или для их вращения устанавливали каменные или железные подпятники, но для большинства позднесредневековых дверей использовали шиповое соединение. Среди железных предметов не найдены детали замка, поэтому, видимо, снаружи дверь могли закрывать на затвор, а внутри ее запирали на мощный кованый крючок.

Каким образом дверь могла оказаться в самом удаленном от входа помещении дома сказать трудно, но можно лишь предположить, что хозяин, живший в этом доме, снял дверь для ее ремонта.

В результате раскопок и благодаря полученному комплексу инструментов и металлических предметов удалось выяснить, что хозяин дома, скорее всего, занимался ремонтом, а, возможно, и изготовлением изделий из железа и бронзы, и предложить реконструкцию двери жилого дома Пайкенда конца X- начала XI в.

Рис. 1. Пайкенд. Железные предметы от дверного набора X- XI вв.

[4] В площадь раскопанного помещения попадают шесть грабительских ям, поэтому найденные железные предметы лишь часть дверного набора.

В.М. МАССОН
(Петербургское отделение Института археологии РАН, г.Санкт-Петербург, Российская Федерация)

КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ВОПРОСЫ КУЛЬТУРГЕНЕЗА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

К числу памятников раннежелезного века в Средней Азии традиционно относят комплексы первой трети I тыс. до н.э., хотя сами изделия из железа здесь сравнительно редки. Сходным образом как условный термин без семантической нагрузки он используется в археологии ряда других стран, в частности Ирана, где выделяются три этапа, именуемые в англоязычной литературе горизонтами раннего железного века (РЖВ I - 1300-1000 гг. до н.э.; РЖВ II - 1000-800 гг. до н.э.; РЖВ III - 750/700-550 гг. до н.э.).

В Средней Азии наиболее четкая преемственность керамических традиций для этого времени прослеживается в Юго-Западном Туркменистане, где распространена культура архаического Дахистана, и в Хорезме, где она представлена амирабадской культурой. Культура архаического Дахистана с превосходной серой гончарной керамикой продолжает, так же, как и комплексы соседнего Северного Ирана, традиции эпохи бронзового века, что для Южного Туркменистана представлено сумбарской культурой. Амирабад - явный наследник традиций степной бронзы[1], и в этом отношении Хорезм представляет собой своего рода консервативный резерват культур степной бронзы, комплексы которой в других среднеазиатских областях, в первую очередь, в Мавераннахре, претерпевают кардинальную трансформацию.

Динамичное, хотя и внутренне противоречивое развитие наблюдается в южных областях Средней Азии, которые с учетом античной и авестийской географической традиции известны как Парфия, Маргиана и Бактрия. Здесь формируется новая керамическая традиция, которую по наиболее четкому эталонному памятнику можно именовать типом Яз-депе I. Для нее характерно преобладание лепной, хотя и достаточно качественной керамики, часть которой украшена несложными геометрическими орнаментами, выполненными красноватой краской по светлому фону. Небольшой процент керамики, сделанной на гончарном круге, частично продолжает, хотя и в упрощенном варианте, традиции местной керамики бронзового века. Это обстоятельство так же, как и ряд других показателей, в их числе частичная территориальная преемственность поселений и явное продолжение строительных традиций вплоть до формата сырцового кирпича, указывает на определенную преемственность от исходного пласта культуры бронзового века. Изменения в материальной культуре, скорее всего, следует связывать с изменениями в составе населения, которое на протяжении середины и особенно второй половины II тыс. до н.э. трансформировалось за счет инфильтрации носителей комплексов степной бронзы. Пришельцы ассимилировались традициями высокоразвитой материальной культуры, но на каком-то этапе количественной, а возможно, и политической трансформации произошел определенный разрыв с местным наследием. Существует мнение о влиянии на схемы расписного орнамента Яз-I рисунков, основанных на фигурах треугольников, характерных для лепной керамики степной бронзы.

Археологический комплекс с расписной керамикой этого времени выявлен в Ферганской долине, где он получил наименование чустской культуры. По форме, цветовой ярко-красной гамме и по мотивам росписи чустская керамика отлична от комплексов круга Яз-депе I и тяготеет к Восточному Туркестану, видимо, входя в особую крупную культурную общность. Показательна и концентрация чустских памятников на востоке Ферганы, т.е. в областях, сопредельных Восточному Туркестану.

О существенной трансформации памятников степного круга свидетельствует культура Бургулюк, распространенная в Ташкентской области и по среднему течению Сырдарьи. Видимо, развивающееся полуполивное земледелие стимулировало утверждение оседлого образа жизни, о чем свидетельствует использование при организации внутреннего пространства жилищ пахсы и сырцового кирпича неустоявшегося формата. Плоскодонная лепная керамика, частично украшенная грубоватой красно-коричневой росписью по светлому фону, резко отлична от чустской посуды, с которой иногда сопоставляли Бургулюк. Орнаментация глиняной посуды расписными орнаментами взамен резных и штампованных узоров комплексов степной бронзы вполне соответствовала духу времени, который ярко проявился в керамике памятников круга Яз-I.

Видимо, в сходном направлении шла культурная трансформация и в области по течению Зеравшана и Кашкадарьи, которые для этого времени с полным правом можно именовать Согдом. Здесь, однако, домостроительные традиции получили большее развитие, и по наличию крупных центров с сооружениями на мощных сырцовых платформах, таких, как Коктепа под Самаркандом[2], можно говорить о разворачивающемся процессе урбанизации. Грубые плоскодонные лепные сосуды с несложной росписью буроватой краской в принципе повторяют бугурлюкские приемы гончарного производства. Стремление использовать кирпичные платформы для крупных зданий явно следует

[1] Первоначально С.П.Толстов отнес амирабадскую культуру к эпохе раннего железа (*Толстов С.П., 1948, с.69-70*). Это предположение было основано исключительно на результатах рекогносцировочных работ на территории Хорезма в довоенные годы. Впоследствии М.А.Итина, полностью раскопавшая поселение Якке-Парсан 2, пришла к выводу, что амирабадская культура Хорезма должна быть отнесена к эпохе поздней бронзы, и датировала ее IX-VIII или, возможно, X-VIII вв. до н.э. (*Итина М.А., 1977, с.147*). Вместе с тем, на территории Левобережного Хорезма была открыта кюсайская культура раннего железного века, которая датируется VII-VI вв. до н.э. и по облику резко отличается от амирабадской (*Вайнберг Б.И., 1979, с.42-52*). - Прим. ред.

[2] И сам древний Самарканд (Афрасиаб-0). - Прим.ред.

канонам южного пояса культур Средней Азии. Вместе с тем архаическая грубоватость расписной керамики, резко отличная от четко выписанных орнаментов посуды типа Яз-депе I - Кучук, не дает оснований для заключения о продвижении из Бактрии в Согд значительной массы населения с соответственными устойчивыми традициями. Скорее всего, как и в Ташкентском оазисе, в долинах Кашкадарьи и Зеравшана происходил активный переход к оседлому образу жизни, с использованием стандартов своей эпохи, племен, проникших сюда еще в пору распространения культур степной бронзы.

Все эти процессы завершаются в середине I тыс. до н.э. мощной урбанистической стандартизацией, снивелировавшей развитие всех культурных традиций, в том числе с полным стиранием степных традиций в последнем анклаве - амирабадском Хорезме. При всех сложностях проблем абсолютной хронологии можно заключить, что этот процесс начался до вхождения областей Средней Азии в состав Ахеменидского государства, как минимум, в мидийское время. Тем более, что стандарты массовой материальной культуры, устанавливающиеся здесь, не имеют ничего общего с материальной культурой собственно ахеменидской метрополии.

Е.Г.НЕКРАСОВА
(Институт истории АН РУз,
г.Ташкент, Республика Узбекистан)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ БУХАРЫ
(НОВЫЕ ДАННЫЕ)

В научной деятельности Г.В.Шишкиной значительное место занимает изучение исторической топографии среднеазиатского города. Предлагаемая работа является выражением благодарности Галине Васильевне за исследования в этой области.

Всем хорошо известна уникальность Бухары как города, не менявшего своего местоположения на протяжении более двух тысяч лет и сохранившего свою древнюю структуру.

Сто лет назад капитальным трудом В.В.Бартольда "Туркестан в эпоху монгольского нашествия" началось изучение исторической топографии Бухары. Картина формирования города, представленная им на основе средневековых письменных источников, дополнялась и уточнялась И.М.Умняковым, М.Саиджановым, В.А.Шишкиным, М.Е.Массоном, А.Ю.Якубовским, Л.И.Ремпелем, О.А.Сухаревой, Е.А.Давидович, О.Д.Чехович, О.Г.Большаковым. Основным фундаментом для дальнейших исследований продолжали оставаться письменные источники, дополненные визуальными и этнографическими свидетельствами. Однако остался ряд нерешенных вопросов, ответы на которые можно было получить лишь при проведении археологических исследований.

Разрозненный фактический материал накапливался десятилетиями, в основном, при археологических исследованиях архитектурных памятников Бухары перед реставрацией, во время наблюдений в траншеях водоводов, в котлованах новостроек и при понижении уровня улиц.

В данной работе рассматриваются новые данные, полученные за последнюю четверть века сотрудниками Ташкентского Института реставрации памятников архитектуры: Е.Некрасовой, С.Инютиным, Д.Чунихиным, Б.Бабаджановым, М.С.Мерщиевым, Б.Д.Кочневым, Д.Мирзаахмедовым и др., которые с учетом работ предшественников - В.А.Шишкина, С.К.Кабанова, И.А.Сухарева, С.Н.Юренева, Н.Б.Немцевой и опубликованных материалов работ Бухарского отряда Института археологии корректируют и расширяют существующие представления об исторической топографии Бухары (рис.1).

1. *О первоначальном заселении города*

В нижних слоях Бухары выявлено 14 пунктов находок античной керамики (рис.1, *), выполненной на высоком технологическом уровне (из качественного сырья, на гончарном круге; ряд форм покрыты красным ангобом и различного вида лощением) и являющейся продукцией развитого керамического производства. Этот керамический материал зафиксирован в следующих ситуациях: а) в культурных слоях, залегающих над материком и перемежающихся слоями песчаных наносов; б) в культурных слоях, связанных с архитектурой (в одном случае это мусорные свалки, накопившиеся у подножия северной, наиболее древней части крепостной стены арка; во втором - на полах (?) здания, располагавшегося под южной раннесредневековой стеной шахристана); в) переотложенный в более поздние культурные слои; г) в наносных песчано-глинистых слоях; д) в массивах раннесредневековых стен. Ареал распространения античной керамики на территории исторической части Бухары составляет примерно 60 гектаров. Материк, вскрытый в ряде шурфов, представляет собой речные и озерно-болотные отложения. Рельеф его неровен, выделяются возвышенные участки и значительные понижения. Эти выводы подкреплены геологическими исследованиями грунтов Бухары. Картина первоначального заселения города, вполне сопоставимая с историческим преданием об основании Бухары, приведенным в "Истории Бухары" М.Наршахи, реконструируется следующим образом.

Одно из русел реки - будущий Шахруд (рис.1, Ж-Ж-Ж) - периодически во время паводков прокладывало себе новые пути. При этом смывались жилые постройки, поток наносил огромное количество ила и песка. Отступая, река вновь входила в старое русло. На затопленных участках оставались озерца, постепенно превращавшиеся в болота. На намытые песчано-глинистые возвышенности, закрепленные растительностью, вновь возвращалась жизнь, возводились постройки. На одной из таких возвышенностей и был основан будущий арк (рис.1, А). Ориентировочно, в конце IV-начале III в. до н.э., он представлял собой небольшой, хорошо укрепленный городок площадью 2-2,5 га. Его обширная округа имела разреженный, спорадический характер заселения, зависевший от очередного разлива реки. Первые стабильные постройки будущего шахристана также появились на намытых рекой возвышенностях.

2. *Шахристан и округа в период арабского завоевания*

В VII в. накануне арабского завоевания Бухара была уже вполне сформировавшимся городом с шахристаном, упорядоченной ирригационной системой и постепенно складывавшимся пригородом - рабадом. К древнему же городку перешли функции крепости - цитадели.

Шахристан (рис.1, Б в пределах, выделенных пунктиром) отстоит от цитадели на 60-65 м к востоку, возвышаясь относительно окружающей территории на 2-6 м. До сих пор визуально прослеживается его северо-западный угол, некогда фланкированный мощной башней (на ней устроена эмирская тюрьма - зиндан) и часть северной стены. Северо-восточный угол, фланкированный некогда башней Аййаров (рис.1, *9*), снесен, но неподалеку сохранился фрагмент восточной стены, скрытый в толще довольно большого холма с крутыми склонами. На его вершине до недавнего времени располагался мазар Гарибийа (упомянут в источнике XV-начала XVI вв.(?) "Китоби Мулла-заде" Мунна ал-

Фукаро). Внутренний угол юго-восточной стены шахристана обнаружен при археологических исследованиях в центре двора Чукур-медресе ("чукур" - впадина). По микрорельефу хорошо прослеживаются южная граница шахристана и его юго-западный угол. Линия западного фасада, определенная во время археологических исследований, проходит под западной стеной пятничной мечети Калян. Площадь шахристана в границах этой стены оценивается исследователями в 30-32 га. Город в пределах этой территории состоял из четырех неравных махалля - кварталов, отделенных друг от друга стенами (*Наршахи М., 1897, с.69-72*). Во время археологических исследований выявлен фрагмент южной стены северо-западного квартала (работы Бухарского отряда Института археологии), а северная стена юго-западного квартала прослежена на протяжении 140 м под дорогой вдоль северного фасада мечети Калян. В трех кварталах, судя по повышенному рельефу, располагались замки крупных землевладельцев - дихкан, а северо-восточный, имеющий спокойный рельеф, был застроен усадьбами иноземных купцов кеш-кушанов (*Наршахи М., 1897, с.42*). Центр шахристана занимала обширная заболоченная низменность, которая, возможно, со временем была превращена в общегородскую площадь (рис.1, *2*). От нее между стенами кварталов отходили улицы, заканчивающиеся во внешней стене воротами. У М.Наршахи приводятся доисламские названия двух из них: в западной стене - ворота Михре (рис.1, *3*), в южной - ворота Базара (рис.1, *6*), выходившие к главному экономическому центру города - базару Мах (рис.1, *8*) (*Наршахи М., 1897, с.69, 72*).

Структурные изменения в топографии города произошли в VIII в. в период окончательного закрепления здесь арабов. С расселением завоевателей на территории шахристана стирались границы между древними кварталами; внутренние стены, надо полагать, ветшали и постепенно разбирались. Во втором десятилетии VIII в. арабский полководец Кутайба ибн Муслим основал первую праздничную мечеть города - мусалла или намазгах (рис.1, *11*). Она располагалась в северной части площади Регистан (рис.1, *10*) (*Наршахи М., 1897, с.68-69*). Остатки западной - кибловой стены мечети в виде длинного вала хорошо видны и ныне с северо-западного угла арка. Археологические исследования показали, что наиболее древняя часть стены, сложенная из прямоугольного сырцового кирпича, была основана на платформе, с дальнейшей надстройкой и футляром из пахсы. Выявленная высота кибловой стены составляет 7,5 м при толщине не менее 10 м (с ремонтными рубашками).

Со временем у северной границы намазгаха возникло арабское кладбище, где хоронили известных проповедников ислама. До наших дней здесь сохранился мазар Абу Хафса Кабира (ум. в 832 г.) - один из наиболее почитаемых в Бухаре (рис.1, *12*).

3. *Бухара в середине IX-X вв.*

По-видимому, с IX в. с постройкой внешней стены шахристан стал называться шахри-дарун (внутренний город) (рис.1, Б), а территория в пределах внешней стены (рис.1, Г-Г-?, Д-Д) - шахри-бирун (внешний город) (рис.1, В-В-В-В). Арабские географы называли эти части соответственно мадиной и рабадом, а крепость - кухендиз (старая крепость). В ее пределы вошли (помимо Регистана, крепости, шахристана и заселенного пригорода) намазгах, мазары к северу от него и большие участки земель, находившиеся в личной собственности горожан.

Остатки западной части северной внешней стены города (рис.1, Г) прослежены на протяжении более километра и исследованы четырьмя разрезами. Общая ее толщина (с ремонтами) составляет 14-16 м при высоте 8 м. Следы стены к востоку от исследованной ее части не установлены (рис.1, Г-?).

Внешняя восточная стена города, судя по распространению культурного слоя X в., могла совпадать с линией стены XVI-начала XX в., либо охватывать еще большую территорию (рис.1, К-К). Основанием последнего предположения являются сведения из "Китоби Мулла-заде", содержащие описание многочисленных почитаемых мазаров, сложившихся в X-начале XVI в. у погребений знаменитых теологов, казиев, шейхов, садров и располагавшихся в городе у ворот Калабад. Эти святые места при постройке стены в первой половине XVI в. оказались за пределами Бухары и до 1950-х гг. их можно было видеть в районе ворот Мазар и Карши.

Западная позднесредневековая стена города, как показали археологические исследования на отрезке от ворот Талипач (рис.1, III) до ворот Ширгаран (рис.1, II) и далее к югу, имеет довольно много ремонтов. В ее основании зафиксирован утрамбованный слой, содержащий фрагменты керамики X в., в том числе бракованной. Очевидно, полученные факты можно сопоставить со сведениями М.Наршахи о капитальном ремонте стены при Арслан-хане Мухаммаде ибн Сулаймане (1102-1130 гг.), который "приказал возвести впереди старого вала еще другой вал, так что оба вала были непрерывны и надежны" (*Наршахи М., 1897, с.47*). По-видимому, при сооружении новой стены был использован строительный материал из старой (середины IX в.), и стена Арслан-хана была возведена практически рядом с ней, но не с внешней ее стороны, где находился сбросовый канал Шахруда, а со стороны города. Надо полагать, при сооружении фундамента стены при Арслан-хане были использованы отвалы керамических мастерских саманидского времени.

С юга внешняя стена города проходила южнее мазара Турки Джанди и, по-видимому, совпадала со стеной позднесредневекового города. Общая площадь Бухары в границах внешней стены превышала 650 га. Городская застройка пульсировала на этой территории до XVI в., расширяясь в мирные времена и резко сужаясь в годы войн и кризисов.

В последней четверти IX-X вв. Бухара, ставшая столицей империи Саманидов, переживала пик своего территориального развития. В это время была плотно застроена крепость - резиденция династии и шахристан с комплексом пятничной мечети между ними. На площади Регистан размещались дворцы Саманидов и некоторое время здания административного аппарата. В северо-западной и западной частях рабада появились дворцово-парковые комплексы Саманидов и вельмож, которые постепенно захватывали площадь кутайбовского намазгаха (рис.1, *11*). Поэтому в 970-971 гг. он был перенесен амиром Мансуром ибн Нухом к западу, за пределы внешней стены города

(*Наршахи, 1897, с.69*). Некрополь со знаменитыми мазарами между намазгахом и внешней северной стеной Бухары постепенно захватил кибловую стену праздничной мечети. Как показали археологические исследования, погребальные сооружения типа "лахад" и "ящик", относящиеся к концу X-началу XIII в., составляют здесь от 6 до 7 ярусов захоронений. Сегодня это единственный городской некрополь из сохранившихся и функционирующих в Бухаре, возраст которого превышает тысячелетие.

Шахристан при Саманидах отчасти сохранял, по-видимому, планировку предшествующего времени, но резко возросла плотность его застройки. По сторонам главных дорожных магистралей располагались уже не межквартальные стены, а жилые дома. В массив старых межквартальных стен были впущены многочисленные бадрабы, функционировавшие, судя по обнаруженной в них керамике, на протяжении X в.

Интенсивно развивающаяся торгово-ремесленная часть рабада размещалась к югу, юго-востоку и юго-западу от шахристана, тяготея к главной водной артерии - каналу Шахруд. Территория древнего базара Мах к югу от шахристана в этот период уже была занята плотной городской застройкой. Торговые ряды, объединяемые специализированными базарами (продавцов тканей, продавцов пряностей, менял и прочие), располагались по сторонам улиц. Базар перешел на южный берег Шахруда, где размещались ряды керамистов, стекольщиков, металлистов и ювелиров. О стабильности базара на этом месте (район ансамбля Саррафан) свидетельствуют остатки пяти торгово-ремесленных зданий, последовательно возводившихся друг над другом на протяжении более 300 лет вплоть до монгольского нашествия.

4. *Постсаманидский период*

На рубеже X-XI вв. с падением династии Саманидов Бухара утратила статус столицы, что повлекло за собой сокращение обживаемой части рабада на окраинах. Разрушились здания в крепости, и впоследствии, до XVI в., она лишь время от времени использовалась по своему назначению.

Качественные изменения в градостроительной структуре Бухары отмечаются во время правления караханида Арслан-хана Мухаммада ибн Сулаймана. В юго-западной четверти шахристана им был выкуплен жилой квартал, и на его месте возведена огромная соборная мечеть с минаретом (рис.1, *4*). Ее главный восточный фасад выходил на площадь шахристана, а под западным фасадом мечети осталась снивелированная крепостная стена. Древняя улица между воротами Бану Асад и площадью (рис.1, *3-2*) была перенесена севернее и прошла вдоль северного фасада здания. Мечеть, известная ныне как Калян, несколько раз перестраивалась, но, по данным археологических исследований, сохранила первоначальные габариты. Минарет Арслан-хана дошел до наших дней с незначительными утратами. Неподалеку от юго-западного угла мечети у ворот Бану Сайид (рис.1, *5*) Арслан-хан построил дворец и обвел его, надо полагать, стеной, присоединив таким образом владение к внутреннему городу (рис.1, Б1). Помимо этого им была восстановлена крепость, отремонтированы укрепления внутреннего и реконструирована стена внешнего города. К югу от Бухары в саду Шамсабад над разрушенным намазгахом, перенесенным сюда караханидом Шамс ал-Мулком (1068-1080 гг.) (сведения из Китоби Мулла заде, подтвержденные археологическими исследованиями), было возведено новое здание мечети (рис.1, *14*), которое в перестроенном виде сохранилось до наших дней.

Во время монгольского нашествия 1220 г. город был разрушен и на протяжении XIII-XIV вв. пережил несколько опустошительных погромов. Несмотря на это, Бухара отстраивалась вновь, сохраняя свою структуру, оставаясь "куполом ислама" и одним из важнейших центров ремесла и торговли. Культурные напластования, относящиеся к этому периоду, уничтожены в XVI в. Но коллекция уникального архитектурного декора и поливной керамики, собранная при проведении археологических исследований, свидетельствует о довольно интенсивной застройке шахристана и зоны вдоль Шахруда. Вероятно, в XIII-XIV вв. кухендиз стал обозначаться новым термином - арк. Как назывались другие части города - пока не выяснено. Надо полагать, что термины шахристан и рабад в это время становятся анахронизмами, хотя последний сохраняется в некоторых административно-хозяйственных документах Бухары до XVIII-XIX вв.

5. *Столица ханства. XVI-начало XX в.*

В XVI в. при Шайбанидах к Бухаре возвращается роль столичного города. Арк вновь становится резиденцией правящей династии, сохраняя свое значение до 1920 г. К XVI в. укрепления внутреннего города постепенно разрушались, их место захватывали жилые здания. Но по периметру шахри-даруна на отдельных участках сохранился ров, а некоторые ворота, например Дари Аханин в южной части и Дари Ислам в западной, не потеряли своего значения. В первой половине XVI в. при Абд ал Азиз-хане была восстановлена стена внешнего города. Ее западная, южная и восточная (?) границы практически совпадали со стеной середины IX в., а северная была отодвинута примерно на 500 м к югу. Общая площадь Бухары в пределах новой стены составляла 440-450 га. Во второй половине XVI в. при Абдаллах-хане в городскую черту были включены земли шейхов Джуйбари общей площадью 38-40 га (рис.1, В1). В документах этого времени и вплоть до начала XX в. шахри-дарун (внутренний город) называется хисар-и кадим (старый город), а территория в пределах стен, отстроенных в XVI в. - хисари нау или хисари джадид (новый город). Строительство, начавшееся в первой половине XVI в. при Убайдаллах и Абд ал Азиз ханах, наибольший размах приобрело при Абдаллах-хане. При нем была предпринята реконструкция главных торговых магистралей, во время которой, как показали археологические исследования, были снесены здания XIV-XV вв. и передвинуты некоторые дороги. В этот период сложился архитектурно-планировочный облик Бухары, дошедший со значительными утратами до конца XX столетия.

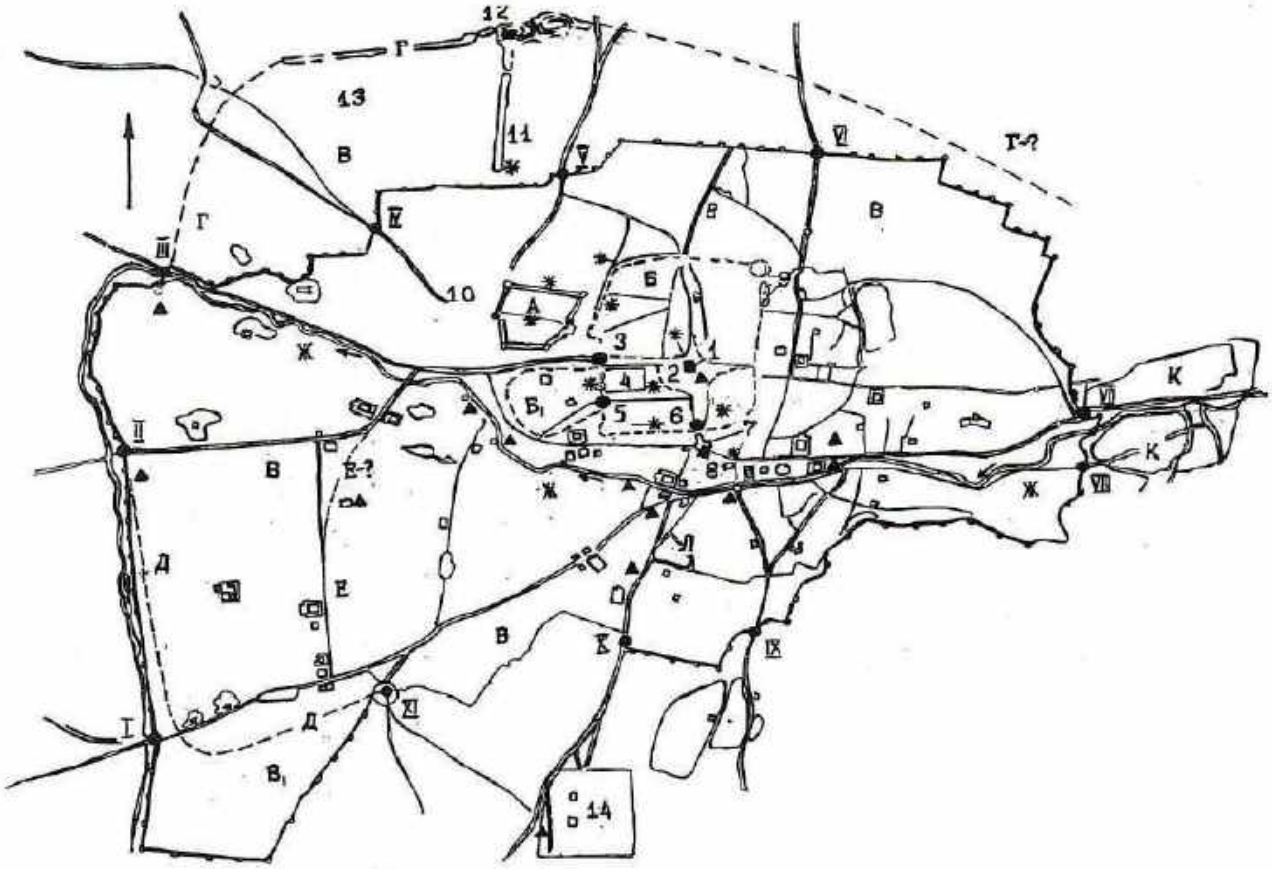

Рис. 1. *Бухара в пределах стен XVI- 40 гг. XX века.*

Звездочкой показаны места распространения античной керамики. Треугольник – следы ремесленного производства в X-нач. XIII в. (керамика, металлообработка, стекло).

Римские цифры - ворота во внешней стене хисари-нау второй половины XVI - середины XX в.

А - арк (крепость, цитадель, кухандиз).

Б - шахристан (мадина; шахри-дарун; хисари-кадим).

Б1 - территория, присоединенная к шахристану в XII в.

В - шахри-бирун (рабад; кисари-нау или кисари-джадид).

В1 - земли шайхов Джуйбари, присоединенные к хисари-нау во второй половине XVI в.

Г - внешняя стена города, законченная постройкой в середине IX в.

Д - примерное расположение внешней стены до перестройки в XVI в.

Е - Хиябан (проспект) в XVI в.

Ж - Шахруд (в древности один из протоков Заравшана).

К- мазары Калабада.

Л- некрополь Турки Джанди.

1- торговый перекресток шахристана, оформленный во второй половине XVI в. торговым зданием Чахарсуки Дарун или Таки Заргаран.

2- древняя городская площадь.

3- дорога между стенами кварталов, выводящая к воротам Михре, позднее- Бану Асад.

4- Соборная мечеть Калан, завершенная постройкой в 1121 году.

5- ворота Бану Сайид.

6- ворота Базара.

7- ворота Дари-Аханин (возведены в первой четверти XVI в. на северном берегу городского рва); торговое здание Чахарсуки Аханин (возведено во второй половине XVIв. на южном берегу рва, более позднее название: Таки Китаб Фурушан,…Таки Телпак Фурушан). Ворота и чахарсук объединены галереей в XIXв.

8- Доарабский базар Мах.

9- холм Гарибийа с башней Аййар.

10- площадь Регистан.

11- намазгах Кутайбы ибн Муслима.

12- мазар Хазрати Имам(Абу Хаср Кабира).

13- местность Джуи-Мулиан.

14- намазгах Шамс ал-Мулка (1068-1080) в саду Шамсабад, перестроенный в 1119-1920 г. Арслан-ханом ибн Сулайманом.

Н.Б.НЕМЦЕВА
(г.Ташкент, Республика Узбекистан)

СТЕПНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ КАРАХАНИДОВ

Одним из признаков урбанизации и утверждения государственности в средневековой Средней Азии являются дошедшие до наших дней монументальные памятники архитектуры.

Вторым по величине, древности и политической значимости городом Согда в долине Зеравшана на разных исторических этапах, после почти постоянного стольного града Самарканда, является Бухара - главный город западного или Бухарского Согда. В средневековье, как и в древности, политический статус этих двух городских образований постоянно менялся в зависимости от исторической конъюнктуры. В эпоху тюркской династии Караханидов то Самарканд, то Бухара становились зимней резиденцией илекханов, в летнее время предпочитавших традиционный полукочевой образ жизни в бескрайних степях Средней Азии.

Тем не менее, именно в эпоху Караханидов в этих двух городах Согда (Мавераннахра - после арабов) и в их округе было построено значительное количество престижных монументальных зданий, часть из которых сохранилась в руинах до наших дней.

Один из наиболее известных монументов прошлого - Рабат-и Малик - до сих пор высится в степи Малик на подходе к Бухаре (близ аэропорта г.Навои): от него на дневной поверхности остался только входной портал. Памятник давно известен в специальной литературе по мощным гофрированным стенам главного фасада, фланкированного по углам смотровыми башнями - гульдаста, остатки которых можно было видеть еще в 1950-е гг. и в первой публикации XIX в. А.Лемана.

Самой выразительной частью главного фасада памятника был входной портал в традиционной П-образной раме, покрытой высокорельефным кирпичным узором из восьмиконечных звезд и полукрестовин - одним из самых популярных орнаментальных мотивов Средней Азии XI-XII вв. Архивольт главной арки портала покрывала резная неполивная терракота, характерная для XI-XII вв., с эпиграфическим орнаментом "цветущее куфи", заключавшим историческую надпись. В остатках надписи сказано, что здание построено Султаном мира и с помощью бога стало подобным раю (общий смысл).

Памятник стоит на древнем пути из Бухары в Самарканд, и за ним прочно закрепилось определение - придорожный караван-сарай. Рядом через дорогу и сейчас находится крытое куполом водохранилище-сардоба - современница Рабат-и Малик.

В 1970-е, а затем в конце 1990-х гг. памятник впервые был археологически исследован *(Немцева Н.Б., 1983, с.112 и сл.; она же, 1998)*. Уже первые раскопки показали, что Рабат-и Малик представляет собой огромное подквадратное сооружение (91х89 м снаружи, 86х86 м внутри) сложной многодворовой планировочной структуры и имеет мало общего с хорошо известными караван-сараями Средней Азии с одним или, реже, двумя дворами на продольной оси. Напрашивалась аналогия с загородными дворцами или арабскими касрами.

Раскопками был выявлен строго симметричный, сложной композиции план здания с четким делением на две половины - южную с двумя хозяйственными дворами по сторонам сквозного транзитного прохода (рис.2, *1*) и северную жилую с монументальной крытой галереей на центральной оси (50,5х48,5 м снаружи, 46х46 м внутри) и также двумя прямоугольными дворами по сторонам (рис.2, *5*). Северные дворы с юга и севера были застроены худжрами (по три в стороне), остальное пространство (35х17 м в западном) могло быть только внутренним садом, который видел еще А.Леман. Памятник выстроен из прямоугольного сырцового кирпича (17-18х29-30х6-7 см) в сочетании с ленточной пахсой квадратного жженого кирпича (24,5-26х24,5-26х4,5-5 см).

Все планировочные узлы Рабат-и Малика (галерея, южные дворы и сквозной транзитный проход от портала к галерее) были решены на основе четырехайванной композиции, хорошо известной еще в доарабское время в Средней Азии и почти универсальной для большинства построек XI-XII вв. Наиболее парадной частью памятника была жилая северная галерея (рис.2, *3*) с купольной (диаметр 18 м) восьмигранной ротондой со сквозными гранями (рис.2, *4*) в центре, основанной на мощных спаренных колоннах (д.=1,5+1,24 м), сплошь от основания стен и колонн до купола облицованной резным ганчем с геометрическим и эпиграфическим орнаментом в стиле насх (рис.3). Колонны были покрыты крашенным желтой охрой ганчем с мелкой резьбой под "парную" кладку. В центре ротонды - своего рода михмонханы - располагалась восьмигранная суфа.

Северная галерея являлась совершенно самостоятельным планировочным узлом в общей композиции Рабат-и Малик, была изолирована от остальной части здания толстыми сырцовыми стенами с единственным дверным проемом с юга и запиралась на резную деревянную дверь с резными бронзовыми накладками - халька (рис.1, *1*). Все полы галереи были вымощены фигурной кладкой из жженого кирпича в "елочку".

Совершенно иной план имела южная хозяйственная сторона Рабат-и Малик, хотя здесь, как и в северной половине, имела место четкая трехчастная симметрия. В центре на оси находился сквозной, застроенный по сторонам транзитный проход, ведущий от портала к северной галерее, по его сторонам - боковые южные дворы. У входа в северную галерею слева (рис.2, *2*) находилась небольшая мечеть (11х4,6 м), отделанная крашенным в синий и желтый цвет резным ганчем с широким профилированным михрабом в западной стене *(Немцева Н.Б., 1998)* и кирпичным минбаром в 3-4 ступени справа. У портала находились небольшие хозяйственным помещения: комнаты привратника, кухни, ошхона с тандырами и т.д. В средней части сквозного прохода в результате застройки был образован дворик с крестовидной планировочной основой, из которого дверные проемы вели в просторные боковые дворы (прием, известный по входной транзитной части южного дворца Газневидов в Лашкари Базар, XII в.).

Боковые южные дворы (27х27 м - юго-запад, 28,5х29 м - юго-восток) были застроены по периметру длинными, узкими (12,7х3 м) конюшнями на одиннадцать вьючных животных каждая, судя по числу ясель-кормушек, и помещениями для хранения фуража. Видимо, там же располагались казармы для конной охраны (помещения с суфами рядом с конюшнями).

Самое неожиданное открытие 1999 г. - целый банный комплекс в центре юго-западного двора, куда кроме собственно бани входили различные, пока не до конца вскрытые пристройки, в том числе прямоугольная суфа под открытым небом для летнего отдыха, пристроенная к бане с юга. Баня сохранилась от основания стен на высоту около 1 м. К настоящему времени вскрыт предбанник - небольшое (4,40х4,35 м внутри) холодное помещение с суфами по периметру и центральным ступенчатым входом в восточной стороне. Небольшой проем в северной стене предбанника вел в обогреваемое помещение с подпольным отоплением в виде выложенных из жженого кирпича жаровых каналов (вскрыто два), подведенных к специальному устройству для котла с горячей водой. Это была, видимо, главная моечная комната (размеры и конфигурация плана пока не установлены). Стены этой комнаты, как и предбанника, были покрыты большим количеством слоев кыровых штукатурок и ганчевых промазок, на последнем этапе - с примитивной росписью (черные и красные вертикальные полосы). Под более поздней росписью и в завале найдено еще несколько штукатурок с росписью более сложной композиции.

Памятник пережил два строительных периода. По комплексу данных (керамика, монеты, архитектурный декор, строительные материалы и приемы) он был датирован XI-XII вв. Первый период (XI в.) выявлен главным образом в северной половине, где на месте купольной галереи был раскопан квадратный перистильный двор с колоннадой по периметру (22,5х22,5 м) (рис.4, *2*). Во второй период (XII в.) на месте двора появилась крытая галерея с купольной ротондой. В раскопках найдено большое количество дорогой бытовой посуды XII-XVIII вв., отдельные фрагменты - XI в., монеты, в том числе золотые, фрагменты керамического и ганчевого декора, ювелирные и металлические изделия.

Уже первые раскопки 1970-х гг. показали, что планировочная структура Рабат-и Малик не имеет аналогов в гражданском зодчестве Средней Азии, не вписывается ни в одну типологическую группу (однодворовые, двухдворовые, октогональные, круглые) средневековых караван-сараев Среднего и Ближнего Востока. Памятник уникален и, как отмечалось в моей основной публикации (*Немцева Н.Б., 1983, с.136 и сл.*), более всего тяготеет к раннеисламским степным дворцовым укреплениям и касрам Двуречья, которые Омейяды, а затем Аббасиды возводили при продвижении на восток (Дар-ал Имара в Куфе, Мшатта и Ухейдыр в Ираке). При этом отдельные планировочные узлы, составляющие общую композицию Рабат-и Малик, выполнены в традиционно местных формах, архитектурных приемах и строительном материале (типичное для XI-XII вв. сочетание сырцового и жженого кирпича, отмечающее переходный период в развитии зодчества Средней Азии, декоративно-облицовочные материалы памятника: резная неполивная терракота, резной крашенный ганч (рис.1, *2,3;* 4, *1*), высокорельефный декор из тесаных кирпичиков и т.д.). В частности, четырехайванная композиция (с открытым или закрытым двором), известная в Средней Азии с древности и универсальная для XI-XII вв. и более позднего времени, просматривается в планировке 1-го (четырехайванный перистильный северный двор) и 2-го строительных периодов (крытая галерея с уширенными проемами на осях, южные боковые дворы с открытыми айванами между конюшнями, крестовидный план в основе транзитного сквозного прохода на оси, генетически связанный с четырехайванной композицией).

Столь же универсален и известный в зодчестве Востока с глубокой древности прием украшения стен гофрами, потерявшими к средневековью свою фортификационную функцию.

Рабат-и Малик - самое крупное гражданское сооружение Средней Азии XI-XII вв. (91х89 м снаружи). Исключением является лишь раскопанный недавно караван-сарай X в. близ Джизака, отождествляемый с рабатом Худойсар. Масштабы одной только галереи в Рабат-и Малик (48,5х50,5 м) почти равны караван-сараю Дая-хатын (53х53 м снаружи). Сооружение имело крайне небольшое число жилых худжр, не способное разместить торговый караван, большое число вьючных мест и соответствующий персонал, которого могло быть от нескольких десятков до нескольких тысяч. В северо-западном дворе было шесть худжр и, возможно, в восточном, не до конца вскрытом дворе было еще шесть. Предполагается, что в северо-западном дворе мог быть плодовый сад, о котором упоминает А.Леман. При этом сама галерея, судя по роскоши убранства и уникальному объемно-планировочному решению, являлась не столько жильем, сколько репрезентативной, официальной частью памятника для приема высоких государственных лиц и сопровождающей их свиты. Четырехайванный принцип построения галереи, как и предшествующего ей перистильного двора, позволял в северном айване организовать тронное место для главы государства. Хорошо продуманная структура галереи, сквозные грани центральной ротонды создавали естественное проветривание и комфортный микроклимат внутри помещений.

Вскрытие в 1990-е гг. камерной придворной мечети у входа в галерею и особенно обнаружение банного комплекса в юго-западном дворе подтвердили мое представление о том, что Рабат-и Малик (Царская крепость), несомненно, изначально не придорожный караван-сарай, как это было принято считать. Это была помпезная степная резиденция тюркских правителей Караханидов. Традиционный образ жизни тюркских правителей, связанный с летними перекочевками, милитаристская внешняя политика, постоянные внутридинастийные распри и войны в XI-XII вв. были связаны с необходимостью организации благоустроенных промежуточных станций для остановки коронованных особ при передвижении по стране.

Письменные известия называют имя заказчика - караханидского правителя XII в. Арслан-хана (1102-1130 гг.) и, соответственно, уточняют время строительства памятника - первая четверть XII в.

Одно из сочинений конца XVI в. Бадр ад-Дина Кашмири содержит крайне важные сведения о Рабат-и Малик: "...из числа богоугодных дел их святейшества Ходжи Са'ада (известный Джуйбарский шейх, 1531-1589 гг. - Н.Н.)

было то, что к концу 982 (1574 г.) они, не жалея денег, соизволили приказать искусным зодчим приступить к восстановлению купола сардобы, которая находится в 100 гязах в сторону кыблы от пиштака караван-сарая Малик, известного как Р а б а т и построенного во время хакана ...[титулы] Кизил хакан А р с л а н а - да благословит его душу и да озарит светом благости его могилу!" (*Архив ИВ АН РУз, инв. № 2094, лл.202а-203б*).

Вероятнее всего, это Мухаммад б.Сулейман (тронное имя - Арслан-хан), который правил Самаркандом и Бухарой почти 30 лет и вошел в историю как "царь-строитель". Большинство построек возведено им в Бухаре, в частности минарет Калян в 1127 г. Принадлежность Рабат-и Малик этому правителю кажется наиболее вероятной. Архитектурно-археологические данные не противоречат датировке памятника первой четвертью XII в., и полемический вопрос о строителе Рабат-и Малика можно считать закрытым.

Интересно, что Мухаммад б.Сулейман кроме титула Арслан-хан, судя по надписи на архивольте портала, имел и второй титул - "Султан мира", который подчеркивал более высокий статус правителя, мало известный у Караханидов (Султан Шемс ал Мулк Наср), хотя титул султан был широко распространен у Сельджукидов, Газневидов и даже у Хорезмшахов.

Статус Рабат-и Малик как царской стоянки, видимо, менялся в результате известных политических перемен, особенно после монгольского нашествия, когда он начал постепенно превращаться в рядовой караван-сарай на главной дороге между Самаркандом и Бухарой (у Кашмири, в XVI в., он уже караван-сарай), хотя и в последующие столетия по-прежнему оставался престижным местом остановки. Например, известно, что в конце августа 1579 г. Абдуллахан, выехав из Кермине, остановился на отдых в Рабат-и Малик, затем прибыл в Бухару (Хофиз Таниш). После восстановления в XVI в. купола сардоба Рабат-и Малик наполнилась "изумрудом воды, подобной воде колодца Зам-Зам (в Мекке - *Н.Н.*) ... купцы Купола Ислама (Бухары - *Н.Н.*) могли беспрепятственно ходить в земли Чина, Хинда и Моголистана" (*Архив ИВ АН РУз, инв. № 2094, л.202а-203б*).

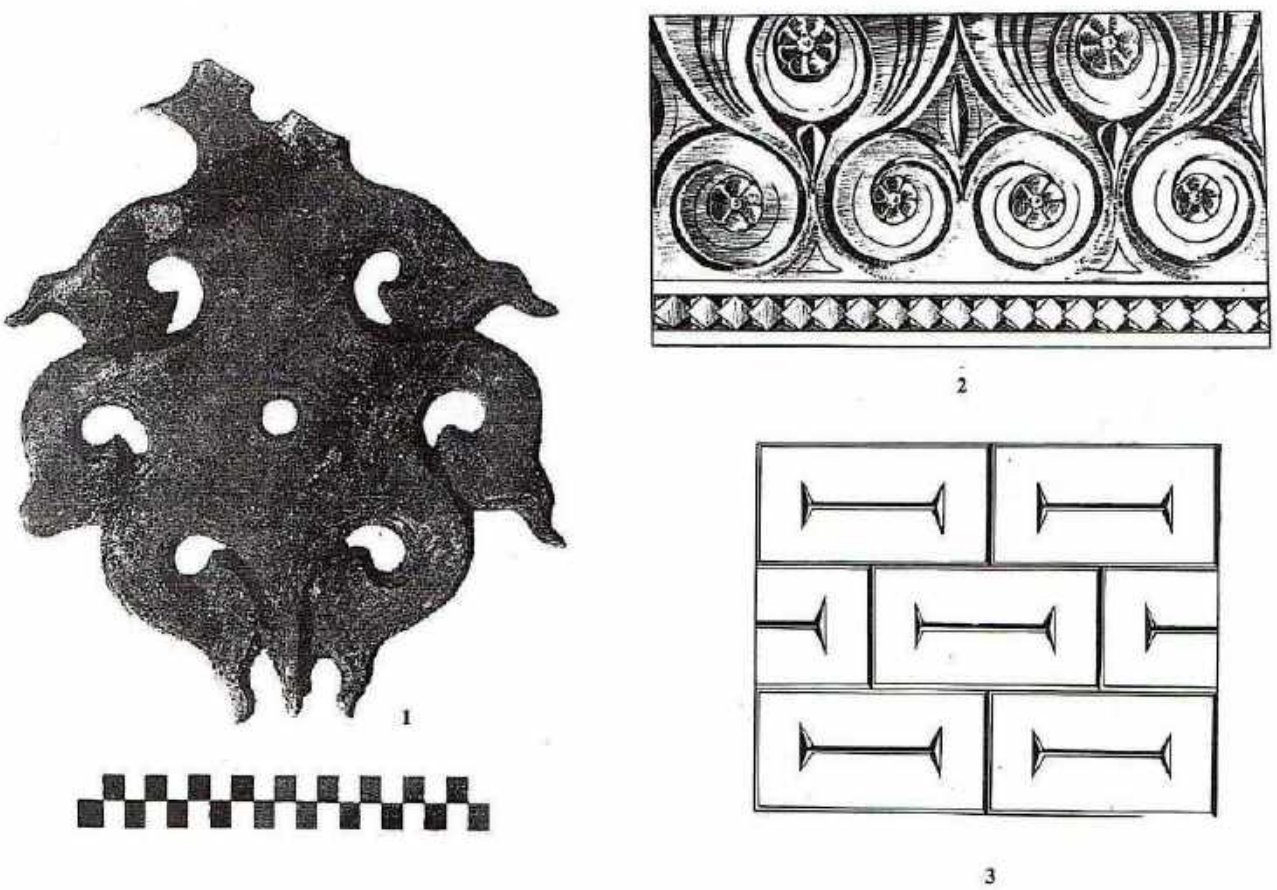

Рис. 1. Рабат-и Малик. *1*- халька от двери в галерею (бронза, первая четверть XII в.). *2,3*- декор портальной ниши (резной ганч, первая четверть XII в.): *2*- бордюр на уровне пяты, *3*- щеки и щепец ниже пяты арки.

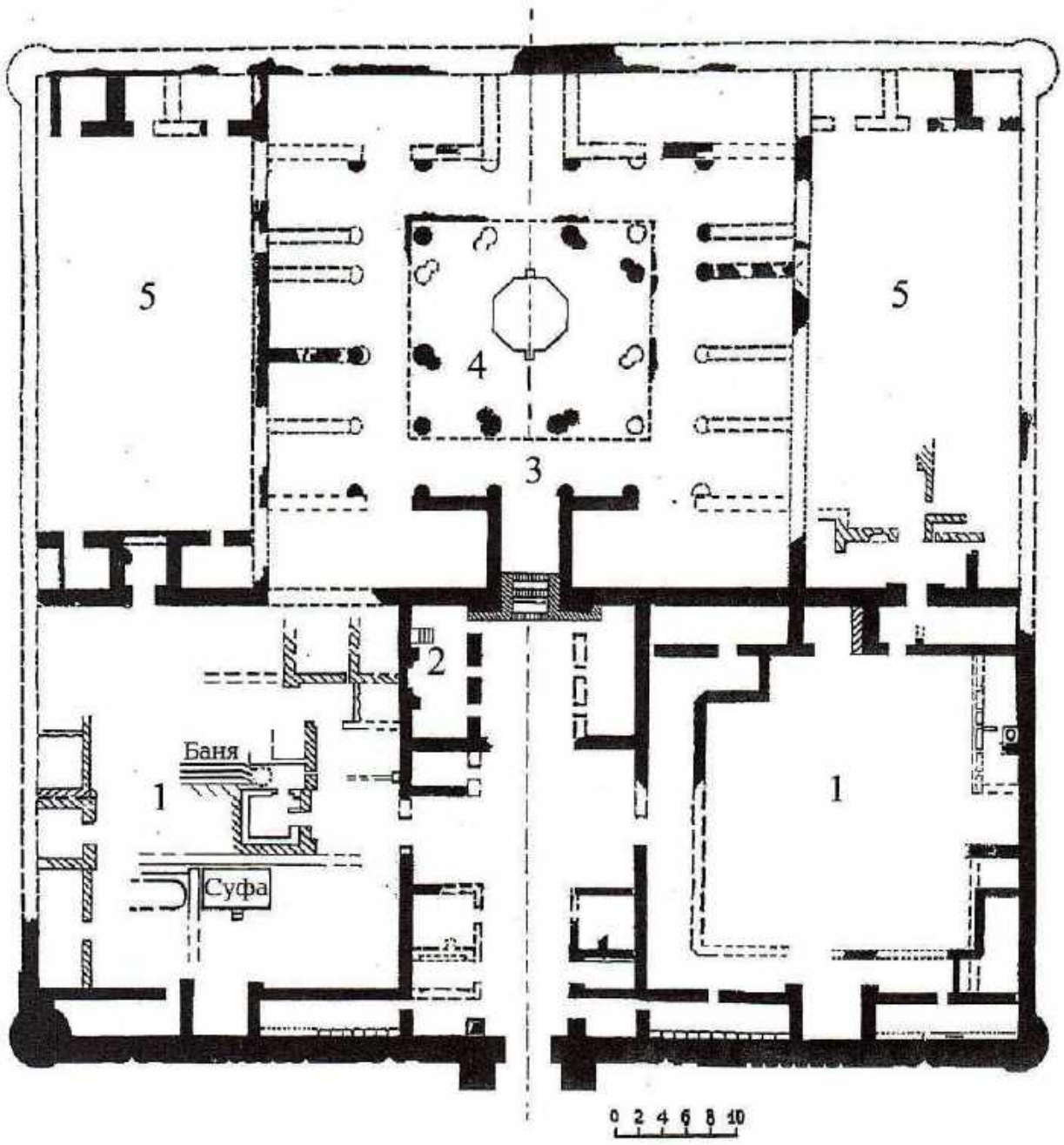

Рис. 2. План Рабат-и Малика с элементами реконструкции (по данным раскопок 1999 г.):
1- южные дворы, *2*- мечеть, *3*-галерея, *4*-ротонда, *5*- северные дворы.

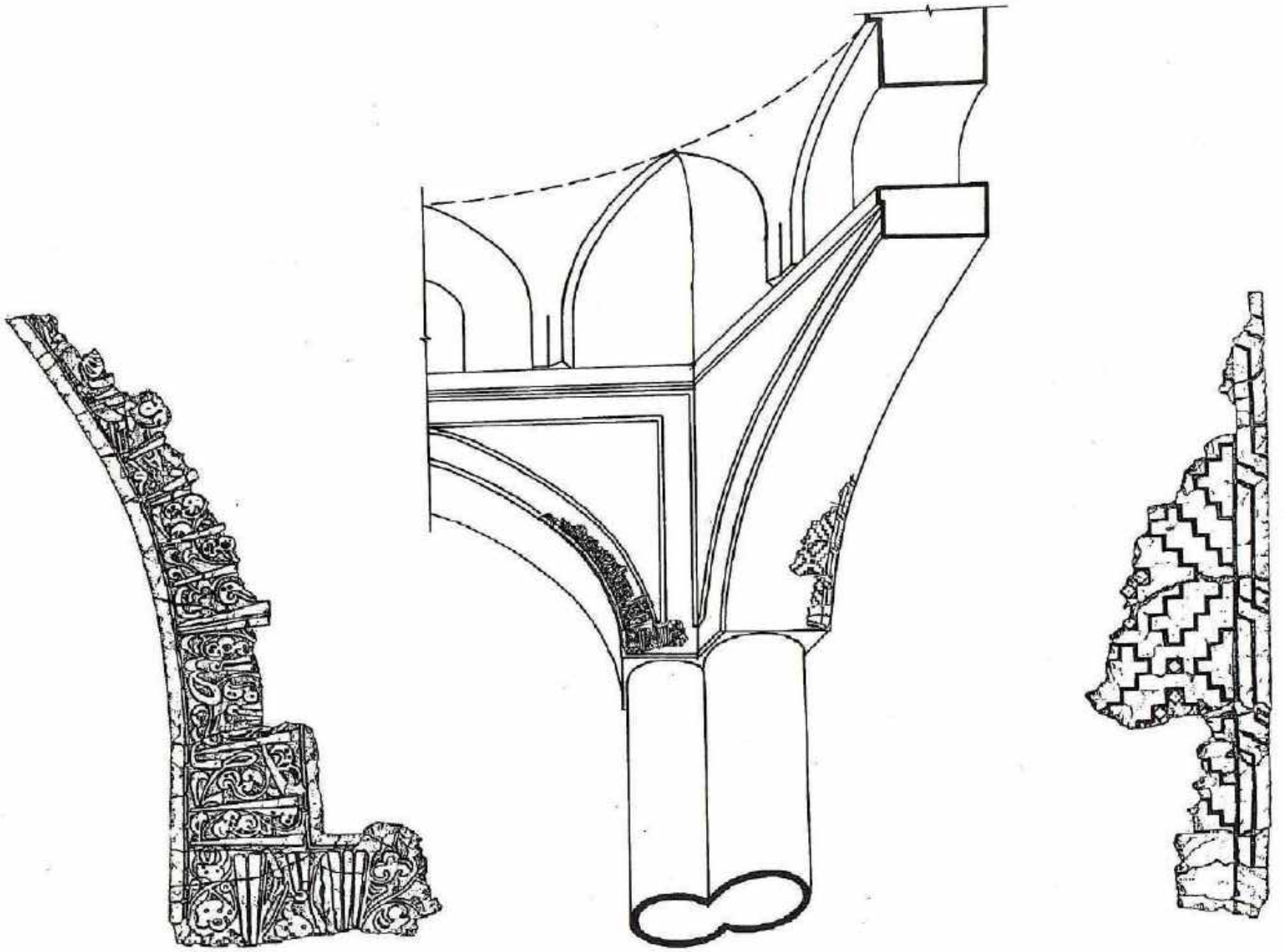
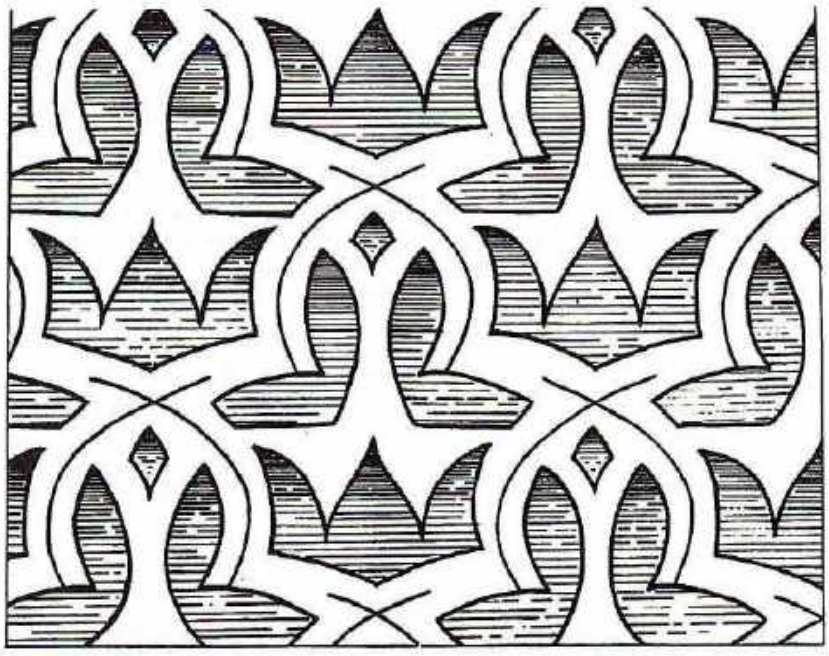

Рис. 3. Рабат-и Малик. Двойные спаренные колонны ротонды, реконструкция (резной ганч, первая четверть XII в.)

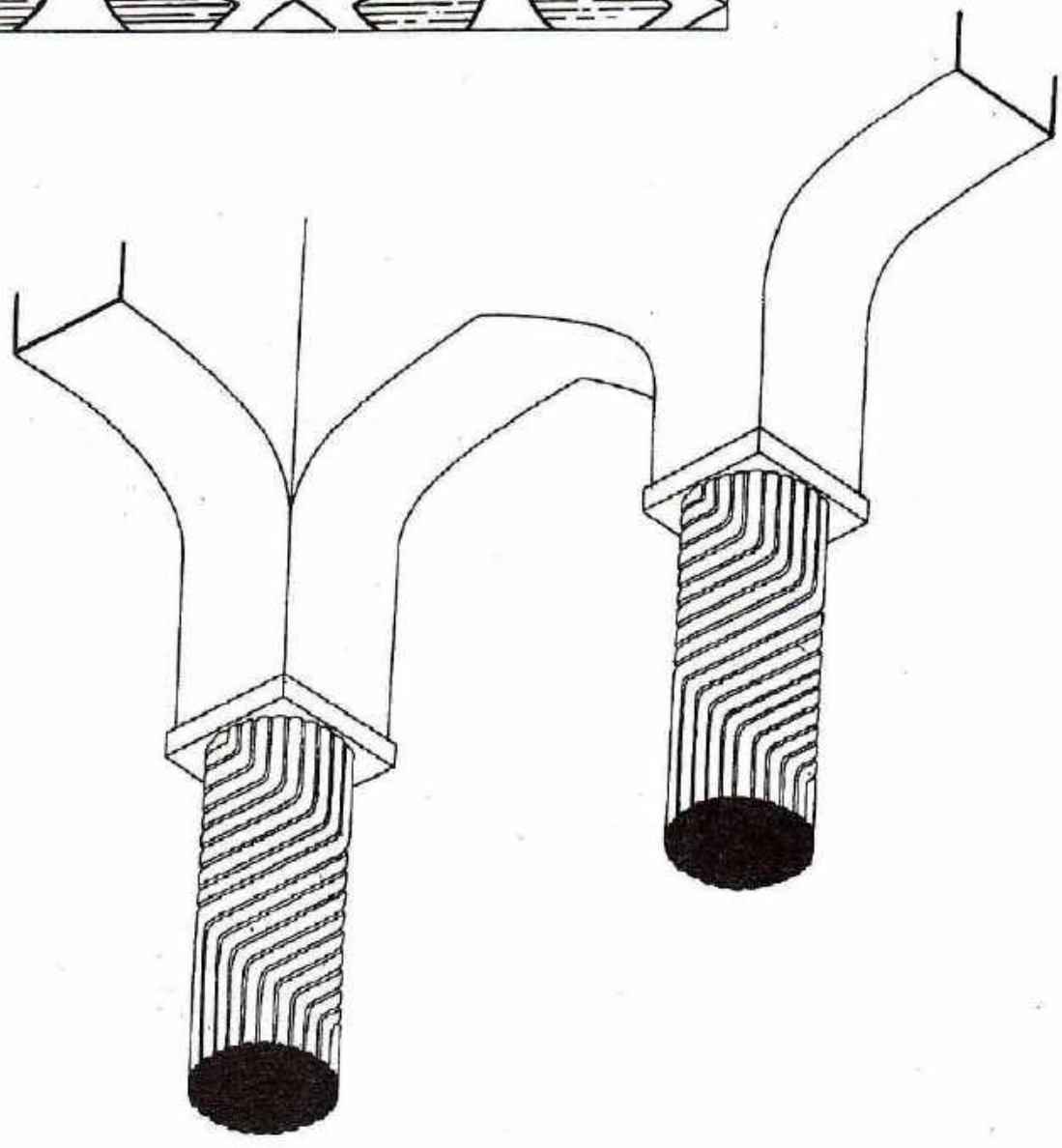

Рис. 4. Рабат-и Малик. *1*- резной ганч с подкраской желтой охрой на пилонах портала ниже архивольта (первая четверть XII в.) ,*2*- колонны перистильного двора, реконструкция XI в.

Б.Я.СТАВИСКИЙ
(Российский Государственный Гуманитарный университет, г.Москва, Российская Федерация),
Ю.Я.ЯКУБОВ
(Институт истории, археологии и этнографии им.Ахмада Дониша, г.Душанбе, Республика Таджикистан),
З.А.ГАРИФУЛЛИНА
(Национальный парк "Угра", Калужская обл., Российская Федерация),
Д.Д.ДАВУДОВ
(Институт истории, археологии и этнографии им.Ахмада Дониша, г.Душанбе, Республика Таджикистан)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛИНЫ (ЛЕССА) В УБРАНСТВЕ ИНТЕРЬЕРА ДОМУСУЛЬМАНСКОГО ДВОРЦА В ХИСОРАКЕ

За свою богатую археологическую биографию Галина Васильевна Шишкина работала в различных частях Согда, побывала она и на поселениях Верхнего Зеравшана (Горного Согда). Поэтому авторы этой заметки рады принять участие в сборнике, выпускаемом по случаю юбилея их коллеги.

В древнем Согде (Согдиане греко-римских источников), как и во многих областях Востока вообще, местная глина (лесс) с древнейших времен широко использовалась как основной материал и для строительства, и для декоративного убранства зданий. Яркие образцы такого использования лесса открыты, в частности, совместной Российско-Таджикской археологической экспедицией (РТАЭ)[1] в 1998 г. при раскопках дворцового комплекса на городище Хисорак в Горной Матче, недалеко от Зеравшанского ледника, откуда берет начало река Матчадарья, один из основных истоков Зеравшана (рис.1).

Этот дворец, упоминаемый в прочитанном академиком В.А.Лившицем согдийском письме матчинского владетеля конца VII-начала VIII в. (на ивовой палке) (*Лившиц В.А., 1962, с.172-173, письмо Б-7*), располагался на цитадели городища Хисорак, избранного нами основным объектом раскопок РТАЭ (*Ставиский Б.Я., Якубов Ю.Я., 1999, с.110-122*). На цитадели в 1998 г. и был заложен раскоп, который выявил сырцовые стены нескольких помещений (рис.2). Для нашего сообщения особенно интересны помещения 2 и 3, которые представляют собой уже известный по раскопкам в Пенджикенте, на Верхнем Зеравшане и в Средней Азии вообще тип комнат - так называемые "домашнюю часовню", "домашнее святилище" или "капеллу" (*Гуревич Л.В., 1990; Распопова В.И., 1990, с.153-156, рис.7,25,42,76,80,83,84; Якубов Ю., 1996, с.11-28*).

Помещение 2, полностью раскопанное в 1998 г. (рис.3, 4), было пристроено к несохранившейся (прослежены лишь ее остатки) южной оборонительной стене цитадели, которая тянулась вдоль южного обрыва. В плане помещение имело вид "прямоугольника", вытянутого с юга на север на 5,5 м при ширине в 4 м. Вдоль южной, западной и северной стен помещения тянется сплошная суфа с выступом в середине ее западной части. Вход в пом.2 находился в северо-восточном углу и был оформлен тамбуром. Его стенка стояла на краю северной суфы, при этом восточный торец стенки и ее западная поверхность были украшены оттиснутыми по толстой (до 4 см) глиняной штукатурке с красной раскраской прямоугольниками с орнаментальными мотивами в виде листа винограда и шестилепестковой розетки внутри круга с перлами. Угол стенки тамбура был оформлен глиняной колонкой, база и ствол которой практически не сохранились.

На расстоянии 2,4 м от южной стены к восточной стене пом.2 был пристроен так называемый "алтарь огня". Он представлял собой арочную нишу высотой 120 и шириной 60 см, оформленную в виде двух вписанных одна в другую перспективных арок. По обе стороны алтарную нишу фланкировали плохо сохранившиеся колонки на базах (от южной колонки до нас дошли остатки глиняной базы, от северной - части ствола и базы, имевшей форму усеченной пирамиды). Внутри алтарной ниши расчищен очаг, а в нем большой фрагмент специально вставленного керамического котла. Перед нишей - небольшое прямоугольное возвышение. Стенки ниши, очаг и площадка перед нишей обожжены; видимо, это следы от долго горевшего (или часто разжигавшегося) здесь огня. Алтарь, как и входной тамбур, в древности были покрашены в красный цвет. Судя по найденным фрагментам толстой глиняной штукатурки, разрушенный архивольт алтаря украшали оттиснутые штампами орнаменты, такие же, как и на тамбуре.

Стены пом.2 в основании сложены из камня, а выше - из кирпича-сырца 48-50x24-25x10 см, на глиняном растворе. Восточная стена сохранилась на высоту 2,5 м, южная, наиболее разрушенная, до 70 см. В восточной стене на высоте 2 м обнаружены два гнезда от деревянных балок размером 25x25 см (наверное, следы карниза). Заполнение состояло из обломков упавших со стен сырцовых кирпичей и мягкой серой земли со щебенкой.

[1] Начальник экспедиции - член-корреспондент АН Республики Таджикистан профессор Ю.Я.Якубов; научный руководитель - академик РАЕН, профессор РГГУ, заведующий сектором ГосНИИР Б.Я.Ставиский.

В существовании пом.2 было два этапа. На первом этапе все его стены были расписаны. На втором - ранние росписи были покрыты новой глиняной штукатуркой и к восточной стене пристроена алтарная ниша. Большого перерыва между этими этапами не было, и оба они относятся к одной, предмусульманской эпохе.

Помещение 3 располагалось к востоку от помещения 2. Оно полностью не раскопано, но все его стены оконтурены, а на одном участке раскоп в помещении углублен до пола. Помещение было прямоугольным в плане, вытянутым с востока на запад на 4,6 м и с юга на север на 6,3 м. Стены его сложены из сырцовых кирпичей и сохранились на высоту до 3 м. У восточной стены, в 2,1 м от южной, раскопан алтарь, сходный с тем, остатки которого были открыты в пом.2, но более крупный и парадный (рис.4). Высота алтарной ниши 1,65 м, дуга арки начинается с высоты 1,1 м. В нише помещены вписывающиеся одна в другую две перспективные арки. По бокам алтаря располагались две колонки, одна из которых хорошо сохранилась более чем на половину высоты. Внутри ее помещен круглый деревянный стержень, сужающийся кверху; он обмотан травой, обмазан глиной и аккуратно оштукатурен. Круглая колонка покоится на базе, поверх которой располагалась подставка в виде сосуда-кузача. База имеет форму усеченной пирамиды.

Сходные алтари с колонками на Верхнем Зеравшане ранее уже были известны по раскопкам в Гардане Хисоре (в Мадме) и Куме, но там они, что особенно наглядно видно в Куме, были монолитными, вылепленными целиком из глины (*Якубов Ю.Я., 1990, с.14*). Возможность того, что подобные колонки могли иметь и иное устройство, уже предполагала В.Л.Воронина на основании найденной в помещении 13 на объекте III древнего Пенджикента колонки с отверстием внутри от сгнившего стержня с отпечатками свернутого спиралью камышового жгута (*Воронина В.Л., 1953, с.108*). Находка в пом.3 на цитадели Хисорака подтверждает правоту этого маститого историка согдийской и восточной архитектуры. Алтарная ниша и фланкировавшие ее колонки стояли на суфе, достигавшей высоты 25 см. Участок для разведения огня перед алтарем имел подкововидное глиняное обрамление. Судя по найденным при раскопках фрагментам толстой глиняной штукатурки с оттиснутым орнаментом, не сохранившийся верх арочной ниши был украшен сходно с алтарем пом.2.

В ходе раскопок пом.3 были расчищены части конструкции перекрытия, состоявшего из арчевых балок длиной 2,2 м и диаметром от 6 до 8 см, на которых покоились более мелкие прутья; вся конструкция была тщательно перевязана пучками травы. Выяснилось также, что снизу, то есть изнутри помещения, конструкцию покрывал слой глиняной штукатурки. Как любезно сообщил профессор Б.И.Маршак, следы от подобной конструкции (отверстия от сгнивших балок, отпечатки на глине и т.п.) были открыты и в Пенджикенте, в частности на объекте XVI. Найденные на Хисораке деревянные детали карниза и перекрытия позволяют дать научно обоснованную реконструкцию устройства кровли согдийской "часовни" и иных помещений.

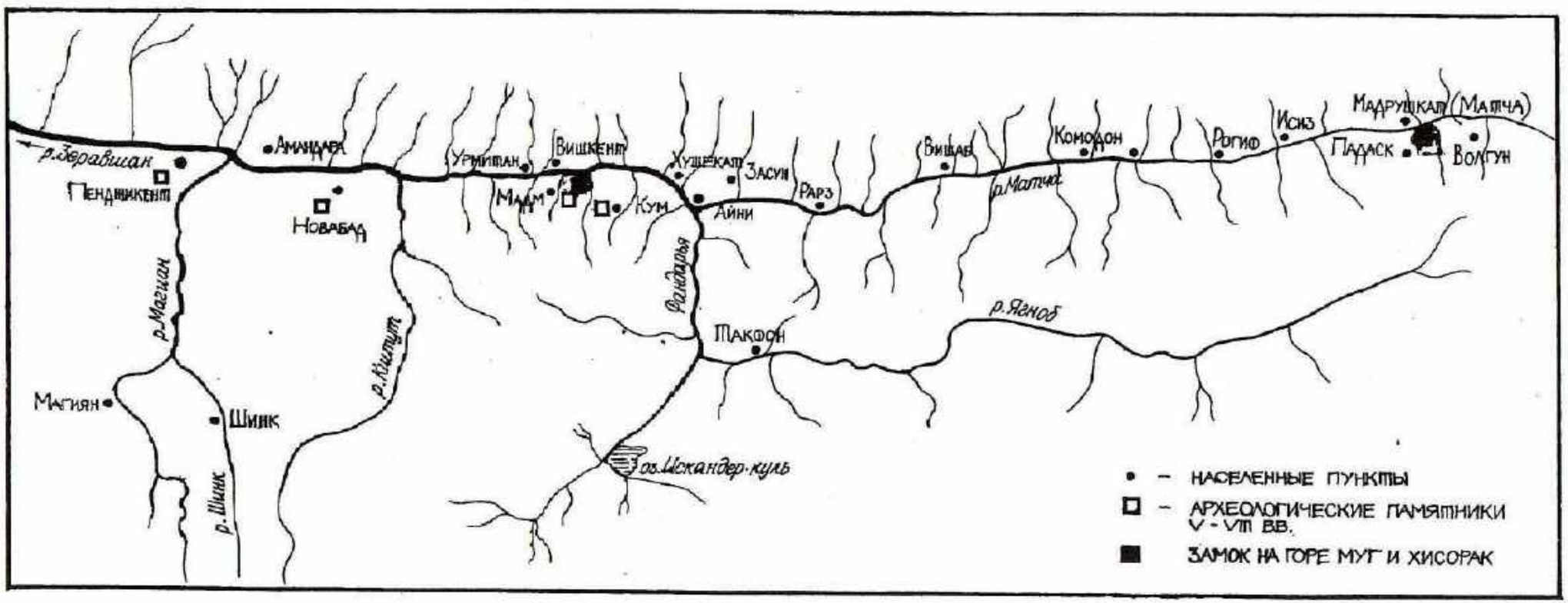

Рис. 1. Схема Верхнего Зеравшана: гора Муг (близ кишлаков Мадм и Кум), Хисорак (близ кишлаков Мадрушкат-Матча и Падаск)

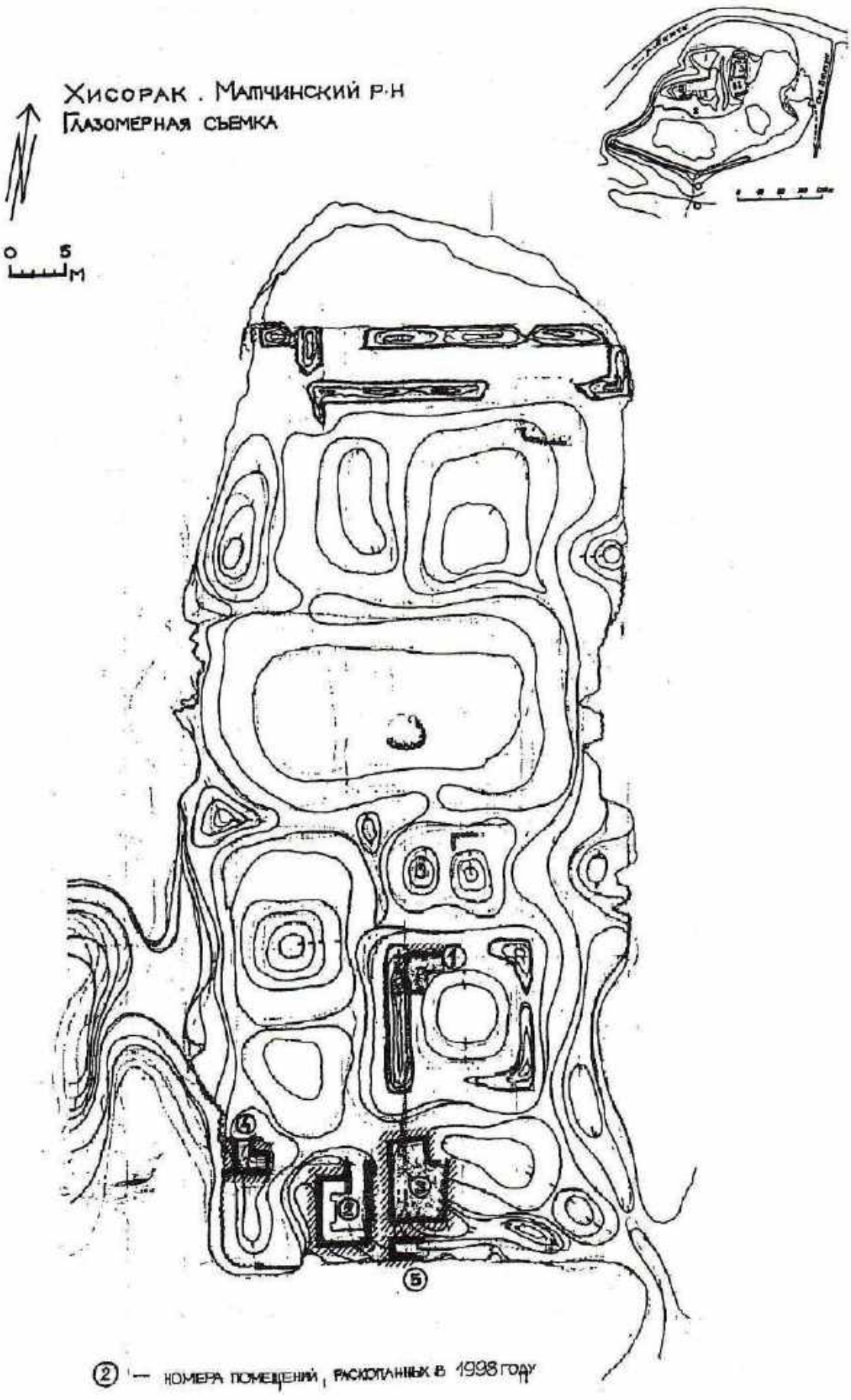
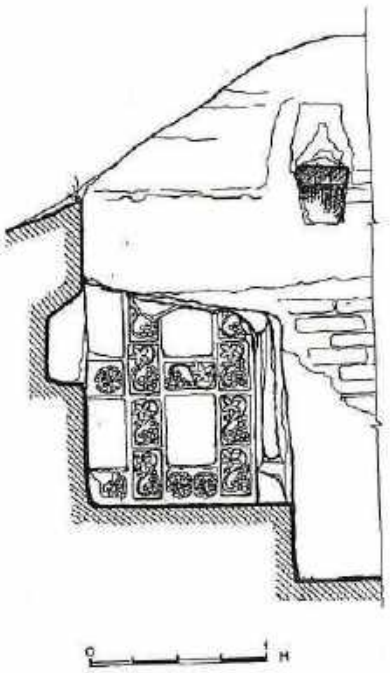

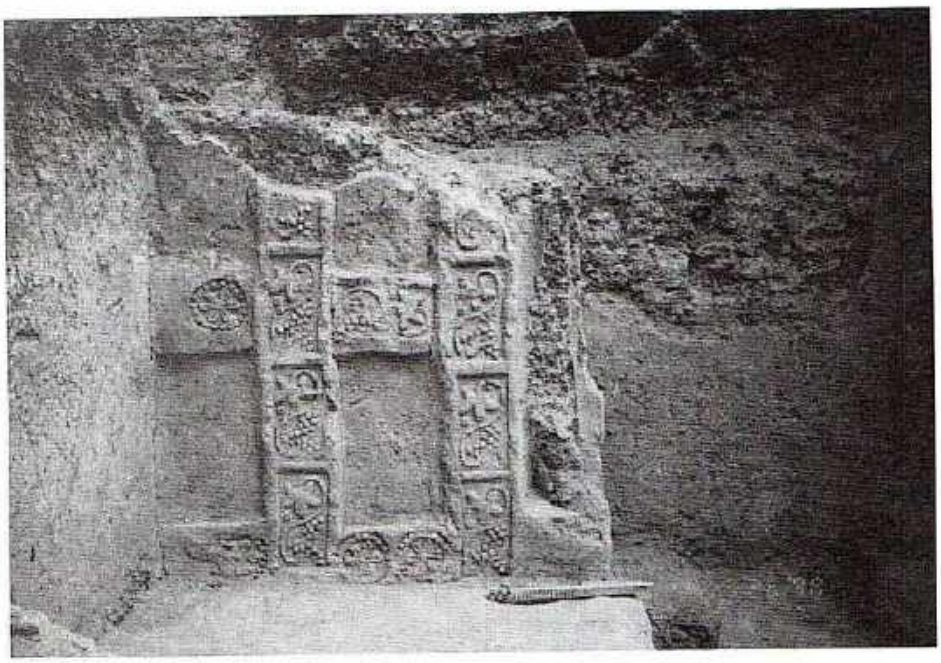
Рис. 2. Хисорак. Глазомерный план.

1

3

2

Рис.3. Хисорак, цитадель,помещение 2. 1- общий вид; 2- стенка тамбура с резьбой по глине; 3- часть разреза в помещении 2 со стенкой тамбура.

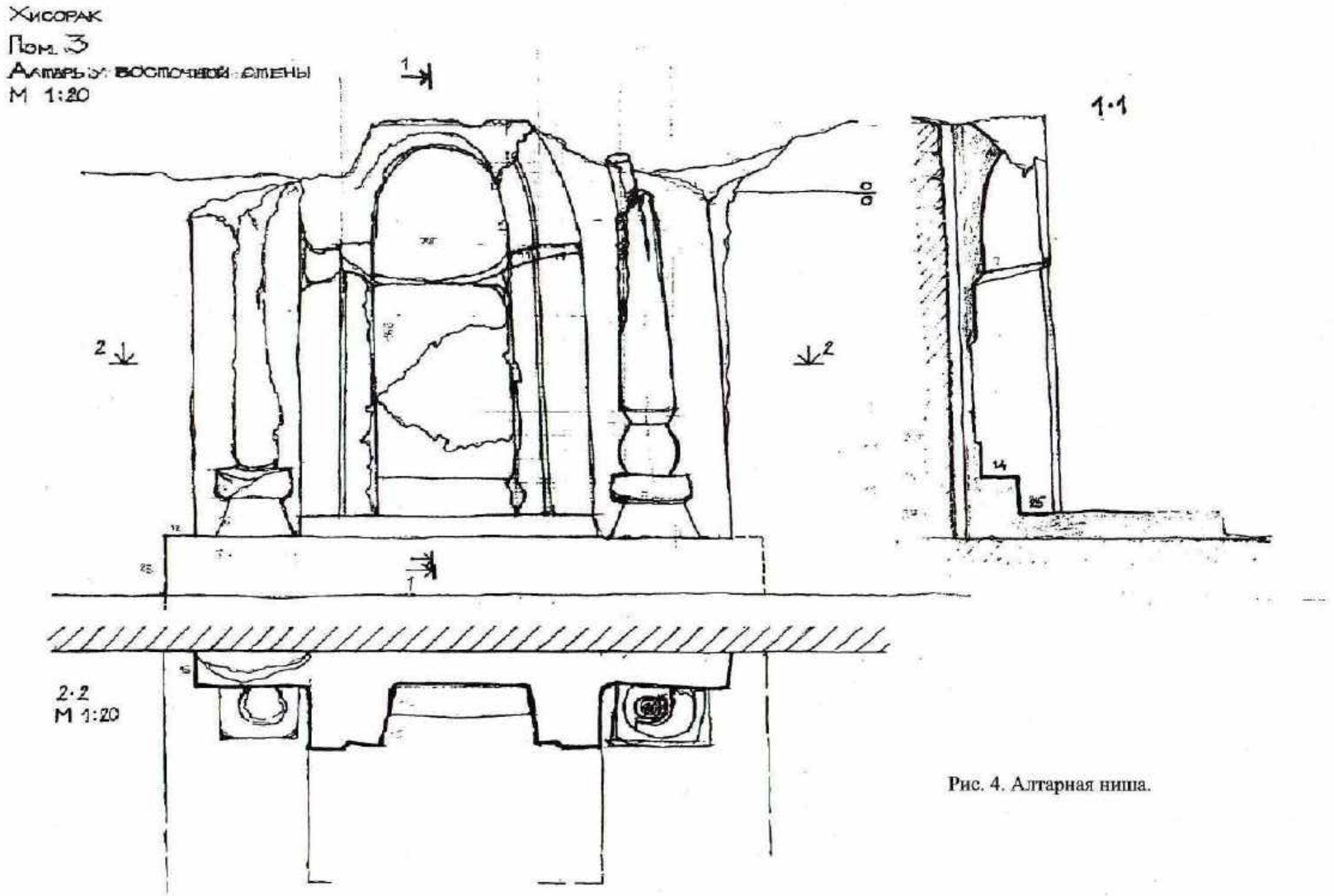

Рис. 4. Алтарная ниша.

М.И.ФИЛАНОВИЧ
(Институт археологии АН РУз,
г.Ташкент, Республика Узбекистан)

СОГДИЙСКИЕ И ХОРЕЗМИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ЧАЧА

Археологическими исследованиями в Ташкенте установлено, что наиболее предпочтительным направлением движения инноваций, в результате которых на территории Ташкентского оазиса (Чача) появляется культура с традицией градостроительства, следует признать направление из Приаралья вверх по Сырдарье.

Наиболее раннее архитектурное сооружение на территории Ташкента (крестообразное здание в кольце двойной стены II в. до н.э.), хотя функционально и примыкает к культово-погребальным комплексам Приаралья и правобережного Хорезма (чирикрабатская культура, Кой-Крылган-Кала), в то же время демонстрирует строительные приемы, принесенные в Чач в сформировавшемся виде (комбинированная кладка из пахсы и сырца разных размеров при стандарте 40х40х10 см, характер сводов, арок с прочерченной кружальной линией, щелевидные окна, стреловидные бойницы, лунки от столбовых конструкций вдоль стен). Эти признаки, как и керамический материал с аналогиями в материале культур древних дельтовых протоков Сырдарьи, позволяют говорить не о культурном влиянии, но о перемещении сюда части населения из ареала чирикрабатской культуры, что соответствует выводам исследователей о затухании водных дельтовых протоков, питавших города и поселения чирикрабатцев, и постепенном уходе их жителей ко II в. до н.э. (*Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1993, с.90-94*).

Есть основание считать, что в Чаче до III в. до н.э. существовали лишь безархитектурные полуземляночные поселки бургулюкской культуры расписной керамики. Первые городские образования с планом в виде вписанных друг в друга прямоугольников (Канка), а также здания культового и светского характера – крестовины в круге (Шаштепа, Актобе 2) обязаны своим появлением инновациям из Приаралья и Хорезма. Путь этно-культурных миграций вдоль Яксарта (вплоть до Ферганы) становится в последующие эпохи одной из значительных трасс торговых и культурных контактов кочевого и оседлого населения.

Дальнейшее развитие градостроительства в Ташкентском оазисе в первых веках до н.э. и первых веках н.э. происходило в рамках местной культуры Каунчи, сформировавшейся в результате этих контактов. Она распространяет затем свое влияние на Согд и Фергану. Вместе с тем в этот период все более активным становится движение по торговым дорогам, пересекавшим Чач с юго-запада на северо-восток.

Ко времени раннего средневековья здесь ощутимо влияние более южных регионов, в частности Согда, культурные инновации из которого распространяются по трассе торгового пути в Семиречье и далее в Китай. Они зафиксированы и в территориальных рамках Большого Ташкента. Северо-западная часть заключенного в них микрооазиса демонстрирует в V-VII вв. дальнейшее развитие местного культурного комплекса Каунчи, в то время как в восточной части, где проходила, видимо, главная торговая трасса, городки (Ханабад), поселения, замки (Актепа Юнусабад) и сам столичный город Чача VII-VIII вв. н.э. (городище Минг-Урюк) находятся под столь сильным воздействием эталонов согдийского культурного комплекса, что можно говорить, скорее, о вхождении их в ареал распространения согдийской культуры.

Такой вывод отчасти подкрепляется и сведениями письменных источников о населении согдийских колоний в Восточном Туркестане, где выходцы из Чача по количеству поставлены на третье место после жителей из Самарканда и Бухары. Язык и письменность в Чаче также были согдийскими, что видно по надписям на монетах местных правителей. Видимо, близкое культурное родство поселений как по трассе "согдийской колонизации", так и в самих метрополиях нашло отражение в утверждении некоторых китайских источников, что страна Су-ли (Согд) распространяется от реки Чу до Железных ворот (юго-восточная граница Согдианы).

Керамические комплексы традиции Каунчи в Ташкенте преобладают, что закономерно в ареале развития этой культуры. Согдийские элементы в керамике также присутствуют, но только в пунктах восточной части микрооазиса (кувшины, кружки, чаши).

Согдийские параллели четко фиксируются на примере градостроительных форм: при общей геометричности плана (городища Минг-Урюк, Ханабад), развивающего наследие Хорезма и Приаралья, наблюдаются четкие южные параллели. Цитадель городища Ханабад построена в виде прямоугольника предположительно с полукруглыми или прямоугольными башнями на углах и открытым двором, окруженным по периметру узкими, гребенчатой планировки казематами. Это сооружение, как и некоторые замки той же планировки (например, Кулактепа), находят параллели в Согде и Уструшане.

В цитаделях и замках четко соблюдается принцип планировки, повсеместно распространенный в Согде, т.е. принцип двухчастного деления на собственно возвышенный замок и располагавшийся у его подножия дворцовый комплекс[1]. В Ташкенте этот принцип лежит в основе планировки цитадели Минг-Урюка и замка Актепа Юнусабад, который, как теперь ясно, служил загородной резиденцией самого правителя Чача VII-VIII вв. При общем аморфном плане резиденция включает в себя четкий квадрат замка с прямоугольными башнями на углах, к которому пристроен обнесенный стеной с башней участок с многозальным дворцовым комплексом. Оба сооружения выполнены в традициях

[1] Дворцовый комплекс - если это цитадель или правительственный замок и хозяйственный двор - если это рядовой землевладельческий замок. - Прим.ред.

согдийской архитектуры. Прежде всего, сама планировка повторяет признаки, присущие парадным зданиям Пенджикента, Варахши, горных селений Согда (Гардани Хисар, Кум). Это система залов с суфами, среди них приемные с выделенными "эстрадами", где под балдахином устанавливался трон. Такие детали, как ступенчатые суфы, предназначенные для персон разной степени знатности, плоские деревянные перекрытия, опиравшиеся на колонны с идентичными повсюду деревянными базами, терракотовые элементы внешнего декора стен делают сходство подчас тождественностью.

Культовые сооружения в виде отдельно стоящих зданий, как и святилища внутри дворцов и замков, также имеют прямые аналогии с Согдом и Уструшаной. Храмы замковой архитектуры с полукруглыми башнями на углах, связанные с поклонением огню (Актепе Чиланзар в Ташкенте, тепе Нау в Уструшане), демонстрируют единый принцип построения: центральная комната для алтаря, окруженная коридором, башни, заполненные мелкой золой.

Внутренние святилища с суфами вдоль стен и полуовальным алтарем огня в центре (Канка, Минг-Урюк, Актепа Юнусабад) в Чаче аналогичны тому типу согдийских святилищ, который характерен для замков горного Согда[2] .

Объединяет Чач с Согдом и традиция покрытия стен в залах и коридорах дворцов, богатых домов и замков сюжетными росписями.

Материалы археологии свидетельствуют и о большой близости, если не о тождественности культовых воззрений жителей обеих областей, что выражалось в погребальном обряде по зороастрийскому образцу (идентичные конструкции некоторых наусов, использование оссуариев), обряде, пришедшем из Согда.В эпоху раннего средневековья продолжали развиваться также связи с Хорезмом, что нашло отражение, в частности, в некоторых элементах замковой архитектуры. Как и в усадьбах раннесредневекового Хорезма (Тешик-кала и др.), в замке Актепа Юнусабад присутствует башня-донжон, нижний этаж которой занят параллельными коридорами, а верхний отведен под парадные помещения, стены которых украшались росписями. В структуре самой резиденции Актепа наличествует также кубический объем из сырцового кирпича с суфами внутри. Это здание с куполом, как один из ранних примеров перекрытия такого типа, находит аналогии среди многочисленных зданий храмов и мавзолеев Хорезма. Купольный киоск мог служить для временного выставления оссуариев в дни поминовения душ предков.

Поклонение оссуариям существовало в Хорезме (*Рапопорт Ю.А., 1971)*. Тот же обычай, по письменным сведениям, отмечается в Чаче, где в определенные дни выставлялся оссуарий с прахом родителей владетеля для церемонии поклонения ему, сопровождаемой жертвоприношениями. Прогрессивный процесс культурной интеграции в эпоху раннего средневековья, связанный с активно функционировавшими торговыми путями как по Сырдарье, так и с юга, из Согдианы, сходившимися на территории Ташкентского оазиса (Чача), способствовал выравниванию уровня культур этих регионов. На этой базе в последующий средневековый период сложилась во многом унифицированная культура, что особенно проявилось во время вхождения Согда и Чача в Саманидское государство, когда Самарканд и Бухара в Согдиане, как и Бинкат (Ташкент) в Чаче, заняли позиции ведущих торгово-ремесленных и культурных центров.

[2] См. также дворец Варахши (*Шишкин В.А., 1963*). - Прим.ред.

М.А.ЮСУПОВА
(НИИ Искусствознания Академии художеств РУз,
г.Ташкент, Республика Узбекистан)

ТРАДИЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО САДА "ЧАРБАГ" В ЗОДЧЕСТВЕ БУХАРЫ XVI-XVIII вв.

Чарбаг - это традиционный для ландшафтной архитектуры Средней Азии четырехчастный сад-парк. Он получил широкое распространение в конце XIV-XV вв. в эпоху Амира Темура и Темуридов, о чем свидетельствуют данные исторических источников, книжной миниатюры и археологических раскопок.

Архитектура чарбагов времени Темуридов, в основном самаркандских, рассмотрена Г.А.Пугаченковой (*Пугаченкова Г.А., 1951; она же, 1957*), а ее влияние на садово-парковое искусство Бабуридов (Великих моголов) в Индии - М.С.Тохтаходжаевой (*Тохтаходжаева М.С., 1989*).

Что касается бухарских объектов, то авторы ограничивались лишь упоминанием исторических данных о чарбаге Убайдуллахана I в начале XVIII в. в Бухаре (*Мир Мухамад Амин-и Бухари, 1957*).

В данной статье нами впервые исследованы чарбаги Бухары XVI -XVIII вв. с выявлением более ранних местных традиций в их устройстве начиная с IX-X вв.

Распланированные и благоустроенные сады и парки были известны в Средней Азии еще в период средневековья. Упоминая о садах Бухары IX-X вв., Мухаммад Наршахи писал, что "в Бухаре нет места и жилища лучше, чем прекрасное, похожее на рай Джуи-Мулиян, потому что вся эта местность занята дворцами, парками, цветниками, фруктовыми садами и водами, постоянно текущими по ее рощам. Каналы пересекаются между собой и проведены по тысяче направлений в сторону рощ и цветников" (*Наршахи М., 1897, с.37*). Более обстоятельные сведения об организации садов времени Саманидов можно найти в других строках Наршахи: "От ворот Регистана до Даштака были хорошо распределенные, разукрашенные, высокие каменные постройки, украшенные картинами гостиницы, искусно разбитые парки, хорошие бассейны и вязы, листья которых образовывали как бы шатер. Деревья давали так много тени, что ни один луч солнца не проникал сквозь листву на места, устроенные для отдохновения около бассейна. Сады были полны прекрасных: груш, миндаля, орехов, черешни, винограда; одним словом, все плоды, какие есть в благоухающем раю, были здесь и украшали сад своим прекрасным видом" (*Наршахи М., 1897, с.38*).

Из этого описания следует, что уже в IX-X вв. в большом количестве возводились сады с различными плодовыми и декоративными деревьями и с бассейном.

О пригородных садах Бухары XI-XII вв. в местностях Джуйбар, Шамсабад, Дарбазача, у ворот Сагабад и др. приводит данные переводчик рукописи Наршахи, автор XII в. Кубави. В частности, о саде в Шамсабаде он писал: "В XI в. Малик Шамс-уль Мульк купил много земель у ворот Ибрагима и разбил там великолепные сады. Он израсходовал на постройки там очень много материала и денег и назвал это место Шамсабад. Близ Шамсабада Малик Шамс-уль Мульк отвел пастбище для царских лошадей и назвал это место Гурук (курикхона - заповедник). Он огородил это место крепкими стенами на протяжении полфарсаха (расстояние полета стрелы - 1 миля). В этом пространстве он построил дворец, устроил голубятню и, кроме того, собрал в Гурук различных диких животных, как-то: антилоп, коз, лисиц, кабанов. Все эти животные привыкли к жизни в зверинце, а забор был настолько высок, что они не могли оттуда убежать" (*Наршахи М., 1897, с.41*). Далее об этом же саде в XII в. Кубави писал: "В 1119 г., когда сад пришел в запустение, по приказу Арсланхана на территории царских садов Шамсабад была возведена мечеть Намазгох" (*там же, с.67*).

Судя по выявленным археологами данным о ранних садах Средней Азии, в раннем средневековье не было выработано их определенной типологии. Однако, в их организации прослеживается тенденция к выявлению двух взаимопересекающихся осей и создания так называемого "чарбага" - четыре сада. Именно чарбаг с его абсолютной симметрией и удобством в местном, преимущественно равнинном рельефе, станет ведущим принципом в последующем садово-парковом строительстве Средней Азии.

К эпохе Темуридов уже были выработаны определенные каноны в создании сада-чарбаг, которые в 1515-1516 гг. были изложены в земледельческом трактате "Иршад-аз Зиръа", написанном в Герате и посвященном главному строителю-меценату, известному узбекскому поэту-классику Алишеру Навои (*Пугаченкова Г.А., 1951, с.176-177*).

В данном трактате в "Главе о посадке саженцев, цветов, деревьев, душистых трав, об устройстве чарбага и последовательности его возведения" был рекомендован следующий типовой чарбаг. В прямоугольном, окруженном стеной саду с правильной ориентацией по странам света выделялись две оси - дорожки с каналом, а на их пересечении устроен водоем. На главной оси, ведущей от входного портала в глубь сада, размещалось жилое здание, являющееся основной высотной и монументальной доминантой чарбага. Перед имаратом (зданием) устраивали вымощенный дворик - пешгох, к которому примыкал упомянутый бассейн. В усадьбу вел портальный вход, внутренний периметр стены-дувала обводили арык и ряд тополей. Каждая из двух четвертей участка делилась в свою очередь еще на четыре части, образуя так называемый "чарчаман". Остальная часть участка засаживалась, соответственно рекомендациям, различными плодовыми и декоративными деревьями и разнообразными цветами. Таким образом создавался райский сад - парадиз (рис.2). Описание и графическая реконструкция этого плана, приведенные Г.А.Пугаченковой, весьма схожи с описаниями и археологическими раскопками садов Темуридов XV в. и с описаниями ряда садов Бухары XVI-начала XVIII в., что говорит об общности и непрерывности традиций садово-паркового искусства Средней Азии в ее различных регионах (в данном случае, в Самарканде и Бухаре).

Эту нашу мысль может подтвердить и тот факт, что один из садов Бухары XVI в. был создан Мирак Саид Гиясом (ум. в 1546 г.) - агрономом, крупным специалистом из Хорасана в области строительства и планирования парков, "без совета которого в его городе не строилось ни одного здания и который разработал много планов садов-парков и подземных гидротехнических сооружений" (*Хасанходжа Нисорий, 1989, с.29*). Бежав от военных беспорядков в Хорасане, он оказался в Бухаре, где его весьма высоко ценил правитель Убайдуллахан I. Для этого хана Мирак Гияс возвел такой сад, который напоминал "Колонны боги Эрам". Здесь были высажены различные плодовые и неплодовые деревья и цветы, уподобляющиеся его райскому саду. Там было много каналов (арыков) с прозрачной водой. Несомненно, этот сад был разбит по канонизированным в упомянутом хорасанском трактате принципам, характерным для темуридских чарбагов в Самарканде.

О непрерывности и преемственности традиций можно судить также по описанию чарбага Ханабад, устроенного Убайдуллаханом II в 1709 г. в западной части Бухары, близ ворот Талипоч. В его создании участвовали специалисты Бухары, хорасанского города Балха и др. (*Мир Мухаммад Амин-и Бухари, 1957, с.191*). На территории нескольких объединенных садов был разбит квадратный в плане (1500 гязов в стороне - около 1500 м) чарбаг. "Посередине каждой (стороны) возвели ворота из четырех высоких колонн", которые соединялись аллеями, обсаженными тополями. "Площадь сада геометрическим порядком" была разбита: на квадраты, обсаженные тополями; на шестиугольные и треугольные цветники с плодовыми деревьями по сторонам; а также большими и малыми оросительными каналами, "по которым неслась чистая и прозрачная вода" (*Мир Мухаммад Амин-и Бухари, 1957, с.185-186*). Посреди сада был возведен монументальный и живописный дворец.

Примечательно, что это описание сада Убайдуллахана начала XVIII в. точь в точь совпадает с описанием сада Амира Темура конца XIV в. "Дилькушо", приведенного автором XV в. Шарафаддином Али Яздий (*1997, с.91-92*). Так, он писал, что сад "Дилькушо" был заложен по приказу сахибкирана на Канигиле под Самаркандом в 1396 г. Его квадратный план имел 1500 гязов в стороне. На каждой стороне было устроено по одному высокому (видимо, портальному - Ю.М.) входу, а на каждом углу сада - по башне с голубятней. Эти арочные входы и башни были богато украшены изразцами. Сад разделялся дорожками на четыре части, где выделялись шести- и треугольные чаманзоры - цветники. По обочинам аллей были высажены белые тополя, а по краю цветников - плодовые деревья (*Шараф ад-Дин али Яздий. 1997, с.92*). Удивительно, что в обоих садах тот же квадратный, идентичный по размерам план с входами на каждой стороне, та же четырехчастность - чарбаг, и те же трех-шестиугольные цветники. По размерам и планировке был похож на них и другой сад Амира Темура - "Боги-Нау".

Таким образом, выясняется, что к XV в. уже были выработаны каноны идеального чарбага - сада-парка с дворцом, где были учтены все особенности планировки жилища в местном климате, методы наиболее рациональной и живописной разбивки сада с высадкой на его территории, согласно требованиям эстетики и законам агротехники того времени, прекрасных цветов, плодовых и декоративных деревьев.

Судя по миниатюрам XV-XVII вв., большое внимание уделялось в светских садах устройству водоема. Часто это бассейн с фонтанчиком и система каналов и арыков в самом саду. Каноны разбивки сада подчинялись закономерностям пользы, красоты и гармонии. Часто, уподобляя эти благодатные сады райским кущам, здесь выпускали павлинов и оленей, в бассейне плавали рыбки и утки (рис.1)[1] . Это был архитектурный сад, где жилое здание, раскрытое наружу айванами, лоджиями и балконами, создавало удивительную гармонию в единении человека и его жилища с природой.

Дворец в центре чарбага представлял собой двух-трехэтажное сооружение компактной планировки с купольным или плоским перекрытием. Миниатюра XV-XVII вв. и в особенности миниатюра бухарской школы дает нам обильную информацию об архитектуре этих ныне исчезнувших типов сооружений. Так, судя по изображениям, вершины стен дворца венчал зубчатый парапет. Над плоской кровлей иногда возвышался купол, либо небольшой шатер, служивший перекрытием центрального двухсветного зала, вокруг которого по двум этажам размещались жилые комнаты с навесными балконами и лоджиями.

Нередко дворцы своими богато украшенными портальным или колонным айванами были обращены на вымощенный двор с бассейном. Таков был, судя по археологическим раскопкам, и дворцовый павильон XV в. эпохи Темуридов Давлятабад, где в здании продольно-осевой композиции в центре выступает скорее купольный двухсветный крестообразный зал с помещениями на его четырех углах и входом в дом через овальный двухколонный айван (*Маньковская Л.Ю., 1980, с.42*). Таким образом, не стесненный пространством дворец свободно располагался в центральной части сада-чарбага.

Судя по описаниям таких дворцов Мавераннахра темуридского времени, а также по данным книжной миниатюры, в центре главного фасада по высоте и декору выделялся портал с весьма глубоким арочным айваном. К нему прилегали двухъярусные боковые отсеки. В тени этого айвана обитатели дома устраивались на отдых, проводили свой досуг и встречали гостей. Такую же функцию нес и колонный айван, карниз которого в центральной части мог быть украшен кайваном - приподнятой П-образно ломанной линией карниза.

Похожий двухколонный айван (но прямоугольный в плане) приведен на миниатюре к рукописи Саъади Бустан (Бухара, 1566/67 гг.) "Великодушный визирь избавляет от казни юношу разбойника" (*Пугаченкова Г.А., 1979, с.142-143*). Здесь верхний архитрав айвана имеет ломаный абрис - кайван, образуемый путем поднятия его центральной части. Наиболее ранний из таких кайванов в Бухаре сохранился в живописном айване хонако-мечети 1-й половины

[1] Использована иллюстрация из переданного в дар Государственному музею Востока личного архива В.Г.ДОЛИНСКОЙ (*Архив ГМВ, ф.I. Оп. 5, ед.№ 6*).

XVI в. Ходжа Зайн ад-Дин. Здесь на каждой из двух сторон Г-образного айвана кайваны подчеркивали расположенный в центре этой части вход в зал мечети.

Изображенные на указанной миниатюре крупные сталактитовые капители изящных колонн, кайван с полосой эпиграфики, нижние панели и мелкоузорчатая роспись стен были присущи и сохранившимся в Бухаре гузарным мечетям начала XVI в. Балянд и Ходжа Зайн ад-Дин, что говорит о том, что методы оформления богатых домов, дворцов и порой богатых квартальных мечетей были весьма схожи. Следовательно, по оформлению сохранившихся мечетей Ходжа Зайн ад-Дин и Балянд мы можем весьма достоверно представить в реальности декорацию дворцов и богатых домов Бухары XV-XVII вв.

На втором этаже дворцы раскрывались в сад лоджиями и навесными балконами, что весьма оживляло архитектуру сооружения. Здания располагались преимущественно в центре усадьбы. Перед ними размещали двор с цветниками, декоративными деревьями, бассейном и ручьями, а за домом - фруктовый сад. Одинаковую архитектуру можно наблюдать на ряде миниатюр: "Пир с музыкантами", "Пиршество" (Королевская библиотека в Виндзоре. Герагская школа конца XV в., Султан Али Мешхеди), "Меджлис у принца" (Тебриз, начало XVI в.) - и такое же оформление второго плана зала на миниатюрах Бухарской школы XVI в. из коллекций США - "Свадьба Михра и Нахид" (1523 г., Бухара), "Юсуф перед женщинами Египта" (1550-е гг., Бухара). На всех названных миниатюрах изображен дворец или богатый особняк. Его портальный айван раскрыт глубокой арочной нишей на мощеный двор с бассейном, расположенным на первом плане. Через широкую арку портала виден интерьер зала. В его глубине на оси размещен прямоугольный выход на балкон, огороженный панджарой. Через этот проем просматривается прилегающий к дому с тыла сад. Интерьер зала богато расписан изысканным растительным орнаментом в бело-голубой, либо в бело-кремовой гамме, иногда с изображением фантастических зверушек. По низу стен проходят, вероятно, майоликовые панели, составленные из шестигранных шашек, либо украшенные утонченным растительным орнаментом. Горизонтальный бордюр панели, образуя излом в виде П-образной рамки, окаймляет также и прямоугольный проем, за которым виден пейзаж цветущего сада или цветника.

Как изображено на миниатюрах "Свадьба Михра и Нахид" (1523 г., Бухара), "Царь застает казия пьяным" (1566/67 гг., Бухара), главный вход на территорию чарбага оформлялся дарвазаханой в виде щедро украшенного глазурованным декором портала с зубцами-кунгра в его завершении и прямоугольным или арочным входом. Чарбаг ограждал глухой забор, украшенный по главному фасаду цветными глазурованными вкраплениями на фоне кирпичной кладки стен. На территории сада были разбросаны живописные беседки. Иногда двор с дворцом от расположенного позади них сада отделял штакетник традиционно красного цвета, прерываемый прямоугольной рамой входа.

Судя по миниатюрам бухарской школы XVI-XVII вв., плоские крыши дворцов часто имели световые фонари, через проемы которых освещались и проветривались помещения, расположенные в центре дома. Зачастую крыша представляла собой огороженную по периметру и вымощенную плиткой или кирпичом смотровую площадку. Поднимаясь сюда, женщины кроме любования окрестностями также могли наблюдать через проемы светового фонаря за происходящими в нижнем зале (скорее, мужской половины дома) событиями. Такие сцены можно видеть на многочисленных миниатюрах разных школ (герагской, бухарской, тебризской и др.). Вероятно, световые фонари в загородных домах были рассчитаны также и на наблюдения за происходящим в приемном зале, что так объяснимо при затворнической жизни женщин-мусульманок того времени.

В XV в. уже был выработан как бы типовой проект разбивки чарбага, где определяется и расположение самого дворца.

Упомянутый ранее земледельческий трактат "Иршад-аз Зиръа" (Герат, начало XVI в.) со строгой ориентацией по линии север-юг содержал также предложения и по размещению самого дворца. Так, рекомендовалось устраивать дом со строгой ориентаций по линии север-юг с раскрытием айвана на север (*Пугаченкова Г.А., 1951, с.161*). Следует отметить, что раскрытие летнего высокого айвана на север являлось апробированным веками приемом, характерным также и для жилой архитектуры Бухары издавна и по настоящее время.

В чарбагах сбоку от расположенного перед домом вымощенного дворика - пешгох устраивали легкую беседку самой различной архитектуры.

Беседки располагались и на других участках сада. В исторических источниках упоминаются беседки, украшенные китайским фарфором. Такова Чинихона ("Фарфоровый павильон" XV в. в чарбаге Улутбека в Самарканде, облицованная плитками подлинно китайского фарфора и частично его местными имитациями на кашине.

Возможно, в подражание ей в Стамбуле чуть позже - в 1466-1474 гг. был возведен Чинили-киоск (фарфоровый павильон), а также в XVI в. в Ардебиле была выстроена Чинихона (фарфоровая комната) (*Пугаченкова Г.А., 1951, с.161*). Вероятно, в то время существовал образ некоего фарфорового павильона, украшавшего раеподобный сад, вошедшего в поговорки и считавшегося эталоном хорошего вкуса. Хофизи Таниш, восхваляя постройки, сооруженные в чарбаге при могиле Абу-Бакра Са'ада в XVI в. в комплексе Чор Бакр близ Бухары, пишет о том, что в середине этого чарбага было выстроено сооружение, стилизующее китайский павильон, вероятно, с использованием имитаций расписного фарфора.

Здесь будет уместно вспомнить то, что в Бухаре в XV в. существовал и другой тип чарбага, возводимого в составе культово-мемориального комплекса, что было весьма удобно для паломников, устремляющихся и поныне к этим святыням. В Бухаре наиболее крупные из таких мемориальных садов были возведены в XVI в. в загородных некрополях при могилах известных суфиев - Баха ад-Дина Накшбанда и Абу Бакра Са'ада. Причем о последнем, то есть о разбивке чарбага в мемориальном комплексе Чор-Бакр, оставлены достаточно подробные сведения, свидетельствующие о продолжении в Бухаре XVI в. традиций темуридского времени, унаследовавших, в свою очередь, более древние местные традиции.

Так, по распоряжению наиболее могущественного из шейбанидских правителей Абдуллахана II у могилы почитаемого им суфия Абу-Бакра Са'ада "...в 1558/59 гг. ... умелыми строителями под счастливой звездой, в благоприятное время" был заложен комплекс сооружений, состоящий из хонако, медресе и мечети. Землю вокруг них украсили различными плодовыми деревьями. К северу от могилы святого для хана заложили великолепный чарбаг. "В центре чарбага, стилизуя китайский расписной павильон, было выстроено здание, подобного которому не видел никто" (*Ахмедов Б.А., 1985, с.395*).

"В центре (чарбага) соорудили очень красивый, прелестный бассейн, подобный райскому источнику. Сад украшали плодовые и другие деревья. Это кипарис, ива, горный кипарис, чинара, виноградник и яркие цветы". Далее из текста следует, что здесь еще были сосны, персики, яблоки, груши, айва, виноград (*Хофиз Таниш Ал-Бухорий, 1999, с.228*). От городских ворот до сада, что составляет примерно один фарсах, по обеим сторонам дороги провели каналы, обсадили их ивовыми деревьями, чтобы Его Величество (Абдуллахан II) во время проезда находился в тени (*там же*). Комплекс сооружений и сад создавались в течение почти десяти лет - в 1559-1571 гг. (*Ахмедов Б.А., 1985, с.394*).

Из выявленных нами по источникам садов Бухары исследуемого времени можно назвать чарбаг "Пир-и мирза", располагавшийся на юго-запад от Бухары (*Хасанходжа Нисорий, 1993, с.164*); некий неизвестный нам чарбаг Абдуллахана, созданный в 1587 г.; большой сад-парк, называемый в XVI-XVIII вв. "Чарбаги Хаким-ойим", приписываемый жене джуйбарского шейха Ходжа Калона (Ходжа Саъад) и расположенный в квартале Чукур-махалла. Видимо, в последующее время этот сад переходил из рук в руки, ибо в XVIII в. его уже называли "Чарбаги Боки-хон", а в XIX в. - "Чарбаги Барот-бек" (*Сухарева О.А., 1976, с.13*).

Некоторые из названных садов Бухары, разбитых за пределами города, со временем были включены в его территорию. Наверняка в центре известных нам по источникам чарбагов Бухары XVI в. - Пир-и мирза, Абдуллахана, многочисленных садов, принадлежавших шейхам Джуйбари и др. (*Ахмедов Б.А., 1985, с.164,187*), также возвышались дворцы рассмотренной выше компактной планировки и выразительной объемно-пространственной композиции.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Традиция устройства многочисленных садов-парков с плодовыми и декоративными деревьями, журчащими ручьями, бассейнами с прилегающими тенистыми местами для отдыха, с диковинными растениями и животными прослежена издревле и зафиксирована в Бухаре историческими данными с рубежа IX-X вв. и в XII в. Однако принципы четырехчастного сада чарбаг окончательно были закреплены в конце XIV в. в садово-парковом строительстве времени Амира Темура.

2. Распланированные по характерным для времени Темуридов и канонизированным в гератском трактате начала XVI в. "Иршад -аз Зиръа" принципам архитектурные сады - чарбаги существовали также в Бухаре и в ее окрестностях.

3. Особое распространение чарбаги получили в Бухаре, когда она являлась столицей могущественного государства Шейбанидов в XVI в. и затем Аштарханидов в XVII - XVIII вв.

4. Здесь при устройстве чарбагов нередко использовали "типовые проекты" садов эпохи Амира Темура, порою повторяя их с точностью до размеров и мельчайших деталей планировки.

5. В разработке и устройстве чарбагов Бухары XVI-XVIII вв. иногда принимали участие лучшие специалисты по разбивке садов из Хорасана, в частности из городов Балх и Герат.

Рис.1 Миниатюра Бехзада в "Диване" Султан-Хусейна. 1485г. (Париж, Национальная библиотека).

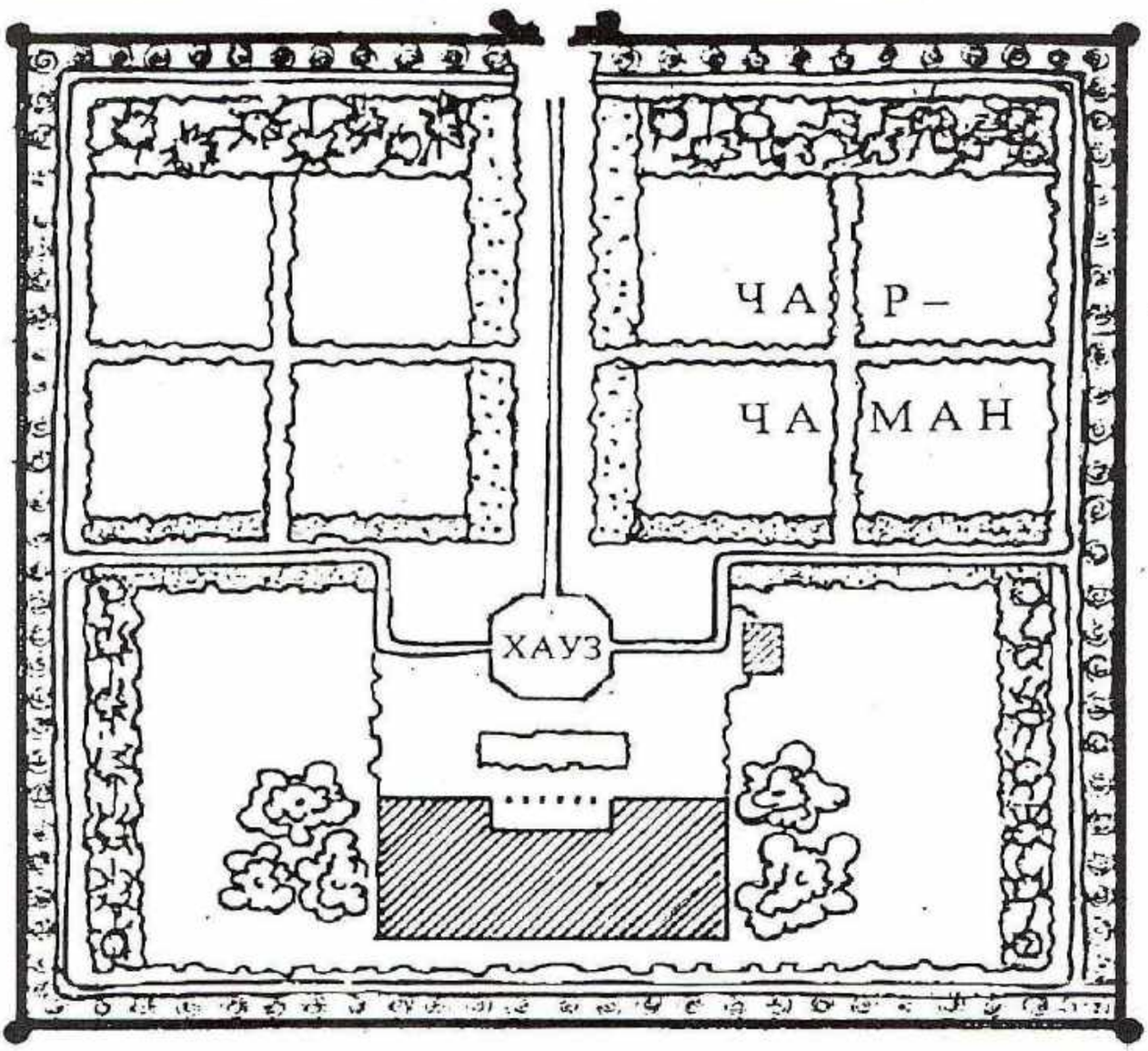

Рис.2. Типовой чарбаг. План. Реконструкция Г.А. Пугаченковой по трактату XVI в. "Иршад аз-зираа" и отчасти по данным книжной миниатюры

ВОСПОМИНАНИЯ НЕРАДИВОЙ УЧЕНИЦЫ

Я надеюсь, что Галина Васильевна простит меня за неофициальность и абсолютную ненаучность этой статьи (мне нечего сказать про средневековую керамику Самарканда кроме того, что я ею восхищаюсь). Оказывается, уже наступило время, когда можно писать воспоминания, хотя бы и фрагментами. Мне хочется напомнить Галине Васильевне те времена, когда я работала в ее экспедиции на Афрасиабе - памятнике, которому было отдано 30 лет ее жизни и где с ее именем связаны самые значительные исследования и открытия. По сравнению с этим мое семилетнее пребывание здесь - просто эпизод, но без этого не состоялась бы моя дальнейшая археологическая судьба.

В чем было бесспорное преимущество существования такого государства, как Советский Союз? Любой археолог, независимо от его политических убеждений, ответит на это сразу и довольно неожиданно: можно было ездить куда хочешь в его бескрайних пределах, участвовать в каких угодно экспедициях, заниматься археологией любых времен и народов "От Китая до Дуная". Не составляло особого труда, после обязательной университетской экспедиции в Новгород или Смоленск уехать в Сибирь, Молдавию или Среднюю Азию. Именно так я и поступила в 1977 г. после археологической практики в Поволжской экспедиции.

Самарканд был выбран по нескольким причинам. Во-первых, само название города звучало необыкновенно красиво: Самарканд-Мараканда-смарагд-драгоценность - и прочно ассоциировалось с теми сказочными картинками, которыми иллюстрировались старые издания "Тысячи и одной ночи". Вторая причина была более специфична. На первом курсе я получила "неуд" по общему курсу Археологии СССР. Вопрос, на который я не смогла ответить, касался раннесредневековых государств Средней Азии. Хотелось поехать и взглянуть на предмет моего позора. А третья причина была основной и решающей - Г.А.Федоров-Давыдов, мой научный руководитель, был в хороших отношениях с директором Самаркандского Института археологии и договорился о том, что меня возьмут поработать в местную экспедицию на правах археолога-практиканта (то есть делать все, что скажут). Так я попала в Самарканд, думая, что приехала ненадолго, "только посмотреть" и вкусить экзотики. Я и не предполагала тогда, что вместо положенных трех недель проведу здесь в первый же год три месяца и вернусь в Москву лишь под угрозой отчисления из Университета, и уж тем более, что застряну здесь на целых семь лет и что от этой "сладострастной отравы" уже никогда не освободиться.

И вот в сентябре 1977-го я прилетела в Самарканд, оставив любимую и уже привычную Поволжскую экспедицию. Г.А.Федоров-Давыдов велел найти в самаркандском институте Галину Васильевну Шишкину с тем, чтобы вручить ей свою дальнейшую судьбу - в смысле устроиться работать в экспедицию. В Самаркандский Институт археологии я добралась ближе к вечеру, из сотрудников уже никого практически не было на месте, а про Галину Васильевну сказали, что она и вовсе целыми днями на Афрасиабе. Я забеспокоилась – на каком же транспорте мне добраться до памятника и как долго туда ехать? Меня успокоили - не беспокойтесь, это через дорогу (в буквальном смысле). Ночевала я у сотрудников Института, друзей Галины Васильевны. Утром проснулась от звонка в дверь и звонкого, совсем, как мне показалось, юного голоса: "А где специалист из Москвы?". "Специалист" вышел в коридор и увидел миниатюрную светлоглазую, светловолосую женщину (на ней и платье было светлое с голубым и зеленым). "Здравствуйте, это я". Надо было видеть выражение лица Галины Васильевны. Лишь потом я все поняла. Только в этом году она возглавила сектор Средневековой археологии и, соответственно, Афрасиабскую экспедицию. Для Афрасиаба это были не лучшие времена. Дело отца, Василия Афанасьевича Шишкина, Галине Васильевне пришлось не просто продолжать, а восстанавливать из хаоса: недокопанные раскопы, аварийные шурфы, горы многолетних отвалов и беспаспортной керамики; стаи одичавших собак, представлявших реальную опасность, и вдобавок ко всему – огромная мусорная свалка, устроенная на уникальном памятнике мирового значения. Больше всего тогда этой маленькой и самоотверженной женщине нужны были настоящие помощники, археологи-профессионалы, каждый из которых мог бы взять на себя какой-то определенный участок работ.

Можно представить, как она "обрадовалась", когда вместо обещанного специалиста из Москвы увидела барышню с университетскими амбициями.

За неимением лучшего, на отдельный участок работ все-таки бросили меня. Это был незаконченный раскоп на Мечети. Всю работу делали кишлачные старики и мальчишки (обычная рабочая сила всех среднеазиатских экспедиций). К моему приезду начальник объекта ушел в отпуск, и на раскопе осталось всего два шкодливых подростка, норовивших сбежать пораньше с работы. Я осталась один на один с такой полевой археологией, о которой даже и не упоминалось в учебнике Д.А.Авдусина. Все мои амбиции как рукой сняло. Я бегала за Галиной Васильевной по Афрасиабу (у нее у самой было несколько объектов) и с ужасом спрашивала : "Что же мне теперь делать?". Она, не прерывая своей работы (в основном это были расчистки и "доведение до ума" огромных шурфов на Цитадели), неизменно отвечала: "Делайте что хотите, но чтобы все было сделано и как следует". Мне давались, казалось бы, "карт-бланш" и полная свобода действий, но тем не менее, Галина Васильевна почти каждый день заходила ко мне на раскоп (всегда внезапно) и довольно язвительно высказывалась по поводу моей пригодности к археологическим занятиям. Критиковала она страстно, остроумно и, увы, правильно. После этого она брала нож, кисточку и тешу и с выражением на лице, явно означавшим: "Горе ты мое!", начинала работать рядом. И чудесным образом находился потерянный пол и дальше чистился как по маслу, а за слоем штукатурки обнаруживался, наконец, заложенный сырцом проход, который я искала в другом конце раскопа, а на белой стене под ее кисточкой проступали едва заметные темно-красные тонкие линии и прихотливые завитки – остатки росписей. Она никогда не говорила: "Здесь надо делать вот так, а здесь - так". Она не поучала, она делала. Находясь рядом с ней, глядя, как она работает, слушая ее комментарии, успокаиваешься и понимаешь, что и как надо делать. Понимала я, к сожалению, медленно или не так и не сразу. И назавтра ее посещение раскопа неизменно начиналось восклицанием: "Что же Вы здесь наделали!".

Тремя месяцами раньше на Афрасиабе появилась моя юная коллега - Ольга Иневаткина - и нам каждый день доставалось "на орехи" от нашей тети Гали (так мы звали ее между собой, что для нее, конечно, не было секретом). В своей опеке Галина Васильевна была очень требовательна. Ольге доставалось больше - она была любимицей. Здесь безошибочная интуиция Галины Васильевны, наверное, подсказала, что Ольга никогда не изменит Афрасиабу. Она работала на Цитадели на очень сложном объекте, ее точно так же ругали за ошибки и за плохо разметенный раскоп (это было одним из самых тяжелых преступлений). Обидеться на тетю Галю нам не приходило в голову. Как можно обижаться на женщину, которая, выдав нам ежедневный "порцион" критики, отправлялась работать в шурф, где требовалась специальная акробатическая подготовка или квалификация каскадера.

Это был не законченный предшественником Галины Васильевны знаменитый центральный шурф на Цитадели глубиной около 17-ти метров, сделанный без соблюдения какой-либо техники безопасности. Стенки его во многих местах грозили обрушиться в любое мгновение. Проще всего было бы засыпать его от греха подальше. Но Галина Васильевна на свой страх и риск решила шурф "довести до ума". Ни нас, ни рабочих в сам шурф она не пускала (была велика опасность обвала). Мы, не понимая этого, все время норовили туда залезть, посмотреть, как она работает, и помочь хоть чем-нибудь. Галина Васильевна гнала нас, но в конце концов позволила работать в самой безопасной части – у выхода. Вот тогда мы с Ольгой поняли, что такое настоящая стратиграфия: от самого верха до низа Галина Васильевна выделила, расчистила и зафиксировала все прослойки, полы, строительные и ремонтные периоды, завалы и разрушения. Это было удивительное, завораживающее зрелище - разрез столетий по вертикали от самых поздних предмонгольских слоев до Ахеменидов.

Именно этот шурф стал ключевым объектом в дальнейших хронологических и структурных исследованиях городища. За многие годы работ на Цитадели, которые и по сей день продолжает Ольга Николаевна Иневаткина, этот шурф разросся в сложную систему огромных раскопов, ставших центральными объектами для работающей в настоящее время на Афрасиабе Узбекско-Французской экспедиции, а сама Цитадель считается одной из самых исследованных среди

В мой последний сезон на Афрасиабе, через 7 лет, когда я горделиво осматривала свой любимый раскоп на дворцовом комплексе, который считала не стыдным показать самым взыскательным и ученым коллегам, она сдержанно заметила: "Наконец-то Вы стали копать, а не ковыряться". И тут же шутливо добавила: "И когда же Вы научитесь подметать раскоп как следует?". Галина Васильевна хвалила редко и с оговорками, тем самым накрепко прививая ценные привычки своей особенной, "фирменной" полевой археологии. Больше таких красивых и правильных раскопов за всю археологическую жизнь у меня не было.

Галина Васильевна не смогла приехать на защиту моей диссертации (конечно, по теме Афрасиаба) - начался очередной полевой сезон. К сожалению, болезнь матери не позволила Галине Васильевне приехать и на защиту Ольгиной диссертации (конечно, по Цитадели Афрасиаба). А нам так хотелось продемонстрировать тете Гале, что мы все-таки небезнадежны.

Побывав на Афрасиабе в последний раз в 1991 г. на Международной конференции и глядя на все это археологическое великолепие, я пыталась определить то место, где 14 лет назад мы с Ольгой держали за основание раскачивающуюся хлипкую пятиметровую лестницу, выпрошенную у институтского садовника, на верхушке которой, держась буквально за воздух и поминутно ойкая от страха, сидела Галина Васильевна, расчищая очередной строительный период.

Сейчас, когда я бываю в Музее Востока, где она теперь работает, и слышу ее ничуть не изменившийся за эти, страшно сказать, 23 года насмешливый голос, я чувствую желание воскликнуть привычной скороговоркой: "Галина Васильевна, я сейчас, я все сделаю, как надо, у меня еще есть время все исправить!"

Спасибо за все, Галина Васильевна! Долгих Вам лет жизни!

С любовью
Ирина Аржанцева
(МГУ им. М.В.Ломоносова)

БИБЛИОГРАФИЯ

Архив ГМВ, ф.I, Оп. 5; ед. хр. ГВ 73-76, 100/73 (архив Г.В.Шишкиной); САЭ 17 (архив Среднеазиатской археологической экспедиции); вр.№ 6 (архив В.Г.Долинской).

Бадр ад- Дин Кашмири. Раузат ар- Ризван ва хадикат ал-Гилман. Рукопись. Пер. Б.Бабаджанова // Архив ИВ АН РУз, инв. № 2094.

Иневаткина О.Н. Полевой отчет о раскопках на цитадели Афрасиаба в 1991 г. // Архив Института археологии. Самарканд.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Зиливинская Э.Д. Научный отчет о раскопках на Селитренном городище в Астраханской области в 1984 г. // Архив ИА РАН, Р.1.- N 10845,а.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Паромов Я.М., Богословский О. Отчет о раскопках на Селитренном городище Астраханской обл. в 1980 г. // Архив ИА РАН, Р.1.- N 8269, а.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Булатов Н.М. Отчет о раскопках Селитренного городища Астраханской области в 1983 г. // Архив ИА РАН, Р.1.- N 9275, а.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Булатов Н.М. Научный отчет о раскопках на Селитренном городище в 1981 г. // Архив ИА РАН, Р.1.- N 9677, а,б.

Абу Али Ибн Сина. Канон врачебной науки. Пер.М.А.Салье. Кн.I.Ташкент, 1954.

Атхарваведа. Пер. и комм. Т.Я.Елизаренковой. Избранное. М., 1976.

Байхаки Абу-л-Фазл. История Масуда (1030-1041). Пер. с перс., введ., комм. и прил. А.К.Арендса. Изд-е 2-е, доп. М., 1969.

Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступ., пер. и комм. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971.

Казвини З. ад-Д. б.Х. Дополнение к "Избранной истории". Баку, 1990.

Мир Мухамад Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Пер. А.А.Семенова. Ташкент, 1957.

Наршахи Абу-Бакр Муххамад. История Бухары. Пер. с перс. Н.Лыкошина, под ред. В.В.Бартольда. Ташкент, 1897.

Ригведа. Мандалы I-IV. Пер. и комм. Т.С.Елизаренковой. Литературные памятники. М., 1989.

Хасанходжа Нисорий. Музаккири Ахбоб. Перевод с фарси на узбекский Исмаила Бекжон. Ташкент, 1993.

Хофиз Таниш Ал-Бухорий Абдулланома. Пер. с фарси на узб. Садика Мирзаева. Ташкент, 1999.

Хубайш Тифлиси. Описание ремесел. Пер. с перс. Г.П.Михайлович, М., 1976.

Шараф ад-Дин али Яздий. Зафарнома. Извлечения в пер. А.Уринбаева // Уринбаев А., Буриев О. и др. Темурийлар бунеткорлиги давр манбаларида. Ташкент, 1997.

Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. Изд. подготовил С.Н.Иванов. М., 1983.

Абдулгазиева Б. Храмы огнепоклонников Ферганы // Верования и культы домусульманской Средней Азии. М., 1997.

Абдуллаев Каз. Коропластика Бактрии-Тохаристана в античную и раннесредневековую эпохи. АКД. М., 1985.

Абдуллаев Каз. Об одном буддийском образе в коропластике Бактрии-Тохаристана // ИМКУ. Вып.24. Ташкент, 1990.

Абдуллаев Каз. Сасанидские параллели в Согде и Бактрии-Тохаристане на примере некоторых памятников пластического искусства // Культура Среднего Востока: Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990а.

Абдуллаев Каз. Манихеи в Согде (Памятники искусства и религиозное движение) // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. ТДК. Ташкент, 1995.

Абдуллаев Каз. Терракотовая пластика Ай-Ханума // РА, 1996, № 1.

Абдуллаев Каз. Изображение гор на кушанских монетах // Нумизматика Центральной Азии. Вып.IV. Ташкент, 1999.

Абдуллаев Каз., Завьялов В. Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени (по материалам Зар-тепе) // ВДИ. 1985, № 4.

Абдуллаев К.А. Квартал керамистов городища Канка // ИМКУ. Вып.11. Ташкент, 1974.

Абдуллаев К.А. Археологическое изучение городища Канка // ИМКУ. Вып.12. Ташкент, 1975.

Абдуразаков А.А., Безбородов М.А. Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент, 1966.

Абишева Б.А. Средневековая керамика из поздних наслоений Афрасиаба // ИМКУ. Вып.17. Ташкент, 1982.

Аванесова Н.А. Жеман-Узен II - атасуский могильник Центрального Казахстана // КСИА. Вып.142. М., 1975.

Аванесова Н.А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // Археологические вести. № 4. СПб., 1995.

Аванесова Н.А. К вопросу о знаковой основе культовой керамики сапаллинской культуры // Согд в системе культурных связей Центральной Азии. ТДК. Самарканд, 1999.

Аванесова Н.А. Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры (по материалам исследования могильника Бустон VI) // ИМКУ. Вып.30. Самарканд, 1999а.

Авдусин Д.А. Раскопки в Гнездово // КСИИМК. Вып.XXXVIII. М., 1961.

Агамалиева С.М. Гончарство Азербайджана (Историко-этнографическое исследование). Баку, 1987.

Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Агеева Е.И. Керамика городов поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау // Известия АН Казахской ССР. Вып.2. Алма-Ата, 1949.

Агеева Е.И. Керамика Отрара // Известия АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1951.

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов южного Казахстана // ТИИАЭ АН Каз.ССР. Т.5. Археология. Алма-Ата, 1958.

Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская // ИМКУ. Вып.2. Ташкент, 1961.
Азимов И.М. Архитектура Узбекистана XVIII-нач. XX вв. (традиции и локальные особенности). Автореф. докт. дисс. М., 2000.
Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981.
Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.В. Отрар. Алма-Ата,1987.
Альбаум Л.И. Некоторые культовые предметы из раскопок Балалык-тепе // КСИЭ. Вып.XXX. М., 1958.
Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
Альбаум Л.И. О гончарном производстве на Афрасиабе X-XI вв. // Афрасиаб. Вып.1. Ташкент,1969.
Аминджанова М. Археологическая разведка в Зааминском районе (Материалы к археологической карте Узбекистана) // ИМКУ. Вып.8. Ташкент, 1969.
Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.
Антонова Е.В. Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анаусской культуры // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
Антонова Е.В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998.
Арзютов Н. Отчет о раскопках 1937 г. на месте развалин Сарайчика // Известия АН Казахской ССР. Вып.2. Алма-Ата, 1949.
Армарчук Е.А. Садвар - средневековый город на юго-востоке Хорезма (к изучению хорезмийской городской культуры IX-XI вв.) АКД. М., 1992.
Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
Арциховский А.В. Введение в археологию. М., 1947.
Арчвадзе Т.Д. Позднесредневековые керамические изделия Восточной Грузии // Археологические памятники феодальной Грузии. Т.III. Тбилиси, 1978.
Аскаров А. А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
Аскаров А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
Атагаррыев Е. Средневековое городище Шехр-Ислам // МКТ. Ашхабад, 1971.
Атагаррыев Е. Средневековое керамическое производство Туркменистана // МКТ. Вып.2. Ашхабад, 1974.
Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в "трехрогих" головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVII вв. Силсилат ас-салатин. Ташкент, 1985.
Ахмедов Г.М. Неполивная керамика Орен-Кала IX-XIII вв. // МИА. № 67. М.-Л., 1959.
Ахмедов Г.М. Средневековая городская культура Азербайджана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
Ахмедов Г.М. Характерные особенности средневековой поливной керамики Азербайджана // МСППКЗ. Тбилиси, 1985.
Ахраров И. Кухонная керамика Ферганы // ИМКУ. Вып.7. Ташкент, 1966.
Бабаян Ф.С. Развитие поливной полихромной керамики в Армении IX-XIII вв. // МСППКЗ. Тбилиси, 1985.
Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI–начало XIII вв.). Алма-Ата, 1986.
Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Керамика средневекового Отрара. Алма-Ата, 1991.
Байпаков К.А. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата, 1990.
Бартольд В.В. К вопросу об оссуариях Туркестанского края // ИРКСИВА. Вып. 8. СПб, 1908.
Бартольд В.В. Богра-хан, упомянутый в Кутадгу билик // Сочинения. T.V. М., 1968.
Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. T.V. М., 1968а.
Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (юго-западная Киргизия). Фрунзе, 1962.
Беленицкий А.М. Раскопки на городище древнего Пенджикента (в 1953 г.) // КСИИМК. Вып.60. М., 1955.
Беленицкий А.М. О работе Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г. // АРТ. Вып.VII. Душанбе, 1961.
Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки на городище Пенджикент в 1984 г. // АРТ. Вып.XXIV. Душанбе, 1993.
Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995-1997 гг. Вып.15. Азов, 1998.
Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
Бентович И.Г. Керамика верхнего слоя Пенджикента // ТТАЭ. T.IV. М.-Л., 1964.
Бердымурадов А.Э., Самибаев М.К. Храм Джартепа. Ташкент, 1999.
Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып.II. Л., 1940.

Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. XI. М.-Л., 1949.
Бернштам А.Н. Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции // МИА. № 14. М.-Л, 1950.
Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26. М.-Л., 1952.
Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
Богомолов Г.И. Раскопки на городище Иш-курган // ИМКУ. Вып.18. Ташкент, 1983.
Болелов С.Б. К вопросу о стандартизации среднеазиатской керамики в древности (по материалам Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме) // VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского. ТДК. М., 1999.
Большаков О.Г. Город в конце VIII- нач. XIII вв. // Средневековый город Средней Азии. Л.,1973.
Борисов А.Я. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях // ТОВЭ. Т.2. Л., 1940.
Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент, 1986.
Брусенко Л.Г., Галиева З.С. Раскопки в шахристане III // Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979.
Брусенко Л.Г., Галиева З.С. Материалы раскопок квартала X – начала XI вв. на городище Канка // ИМКУ. Вып.17. Ташкент, 1982.
Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974.
Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия н.э. М., 1982.
Брыкина Г.А. Усадьба Кайрагач // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982а.
Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Фергана // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
Букинич Д.Д. Новые данные о назначении загадочных сфероконических сосудов // Социалистическая наука и техника. № 8. Ташкент, 1938.
Буряков Ю.Ф. Надписи на глазурованных сосудах Тункета // Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1963.
Буряков Ю.Ф. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга // Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1966.
Буряков Ю.Ф. Коллекция бронзовых художественных изделий XIV-XV вв. из Самарканда // ОНУ. № 8-9. Ташкент, 1969.
Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
Буряков Ю.Ф., Брыкалова В.Г. К эволюции гончарных печей средневекового Бенакета-Шахрухии // ИМКУ. Вып.22. Ташкент, 1988.
Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. Античные памятники Северной Уструшаны // ОНУ, 1989, № 7.
Буряков Ю.Ф., Садиев М., Федоров М.Ф. Соборная мечеть Самарканда XI-начала XIII вв. // Афрасиаб. Вып.IV. Ташкент, 1975.
Буряков Ю.Ф., Тихонин М.Р. Раскопки керамической мастерской конца XV-XVI вв. в Шахрухие // ИМКУ. Вып.16. Ташкент, 1981.
Бурякова Э.Ю. Раскопки бань на территории средневекового Самарканда // ИМКУ. Вып.20. Ташкент, 1986.
Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т.XI. М., 1979.
Вайнберг Б.И. История обводнения Присарыкамышской дельты Амударьи в древности в свете археологических работ последних десятилетий // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., 1991.
Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 1970-80-х гг. // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып.1. М., 1991а.
Вайнберг Б.И. Древнехорезмийские керамические рельефы из культового центра Калалы-гыр 2 (IV-II вв. до н.э.) // Культура Востока: проблемы и памятники. ТДК. СПб., 1992.
Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э.-VIII в. н.э. М., 1999.
Вайнберг Б.И. Олень в глиптике Древнего Хорезма // ВДИ, 2000, № 3.
Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып.1. М., 1993.
Вактурская Н.Б. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XV вв.) // ТХАЭЭ. Т.IV. М., 1959.
Валиулина С.И. Аламбики Билярского городища // Ученые записки Казанского университета. Т.134. Казань, 1998.
Вархотова Д.П. Керамика VII-VIII вв. с городища Кува // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
Веймарн Б.В. Искусство Средней Азии. М.-Л., 1940.
Вертоградова В.В. Глиняные таблетки с буддийскими надписями из Хишт-тепа // МАИКЦА. Вып.17. М., 1990.
Вертоградова В.В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1995.
Веселовский Н.И. Сообщения о раскопках на городище Афрасиаб близ Самарканда в 1885 г. // ЗИРАО. Т.2, вып.1-3. СПб., 1887.
Веселовский Н.И. Греческие изображения на туркестанских оссуариях // ИАК. Вып.63. Пг., 1917.
Вивденко С.В. Исследование и реставрация кушанской пластики Северной Бактрии. АКД. Ташкент, 1990.
Вильчевский О.Л. Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в. // СА, 1961, № 2.
Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып.8. М., 1968.
Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХАЭЭ. Вып. XIII. М., 1981.
Вишневская Н.Ю. Подражание металлу в керамике IX в. с городища Джигербент // Древний и средневековый Восток. Ч.II. М., 1988.
Вишневская Н.Ю. Кухонная керамика Джигербента IX-начала XIII веков // Культурные ценности. СПб, 1999.
Вишневская О.А. Культура саких племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. // ТХАЭЭ. Вып.VIII. М., 1973.

Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ, 1997, № 2.
Волков И.В. Керамика Азова XIV-XVIII вв. (Классификация и датировка). АКД. М., 1992.
Волков И.В. Керамические комплексы средневековых городов как отражение перемещений населения (Золотая Орда, XIV в.) // Вторые научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти академика С.Д.Сказкина. Ростов-на-Дону, 1995.
Воробьева М.Г. Изображение львов на ручках сосудов из Хорезма // КСИЭ. Вып. XXX. М., 1958.
Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного времени // Керамика Хорезма. ТХАЭЭ. Т.IV. М., 1959.
Воробьева М.Г. Керамика // Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в н.э. ТХАЭЭ. Т.V. М., 1967.
Воробьева М.Г. Хорезмийские терракоты // Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981.
Воронин Л.Н. Сооружения башенного типа в архитектуре Востока и их генезис // Труды Среднеазиатского индустриального института. Вып.1. Ташкент, 1937.
Воронина В.Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М. 1951.
Воронина В.Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента // ТТАЭ. Т. II. МИА № 37. М.-Л., 1953.
Всеобщая история искусств. Искусство средних веков. Т.11, кн.2. Под общей редакцией Б.В.Веймарна и Ю.Д.Колпинского. М., 1961.
Вундцеттель Н.Э. К нумизматике Сасанидов // В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
Вяткин В.Л. Афрасиаб - городище былого Самарканда.Ташкент, 1927.
Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях // МИА. № 25. М., 1952.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. № 85. М., 1958.
Галиева З.С. Сфероконические сосуды Средней Азии // Цивилизация Древнего Хорезма в контексте мировой культуры. ТДК. Нукус, 2000.
Ганевская Э.В., Заславская Ф.А. К атрибуции одной из терракот Сурхандарьинского краеведческого музея в г.Термезе // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.
Генс Ю.Ю. Сфероконический сосуд из Термеза // СА, 1969, № 2.
Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. АКД. Л., 1961.
Горбунова Н.Г. Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом // АСГЭ. Вып. 13. Л., 1971.
Гордлевский В.А. Ходжа-Ахмед Ясеви. Избранные произведения. Т.III. История и культура. М., 1962.
Городцов В.А. Древние мусульманские светильники в виде сфероконических глиняных сосудов // Труды ГИМ. Вып. 1. М., 1926.
Горячева В.Д., Береналиев О. Раскопки Краснореченского городища // АО 1978. М., 1979.
Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге // Труды ТКАЭЭ. Т.I. М.-Л., 1960.
Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве // Труды ТКАЭЭ. Т.I. М.-Л., 1960.
Григорьев Г.В. Городище Тали-Борзу // ТОВЭ. Т.II. Л., 1940.
Грицина А.А. Археологические памятники Сырдарьинской области. Ташкент, 1992.
Грицина А.А. К сложению городов и поселений на древних путях Северной Уструшаны // ТДК. На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Ташкент, 1990.
Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону // КСИИМК. Вып.1. М., 1953.
Грязнов М.П. Комплекс археологических памятников у горы Тенсей на Енисее. Новосибирск, 1979.
Губаев А.Г., Логинов С.Д. Итоги изучения сасанидского поселения Ак-депе // Культурные ценности. 1996-1997. СПб., 1998.
Гудименко И.В. Итоги раскопок Азовского археологического отряда и отряда "Дельта" в 1991 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Вып.11. Азов, 1993.
Гудименко И.В. Итоги археологических исследований отряда "Дельта" экспедиции Азовского краеведческого музея в г.Азове и Азовском районе в 1995-1996 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995-1997 гг. Вып.15. Азов, 1998.
Гудкова А.В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
Гулямова Э. Раскопки цитадели городища Хульбук в 1960 г. // АРТ. Вып. VIII (1961). Душанбе. 1962.
Гулямова Э. Штампованная керамика Хульбука // МКТ. Вып. 2. Душанбе, 1971.
Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских "капелл" // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа (древность и средневековье). М., 1990.
Гусейнова С.Б. К вопросу о преемственности клеймения глазурованных сосудов XI-XV вв. // МСППКЗ. Тбилиси, 1985.
Гюзальян Л.Т. Надписи на местной керамике из Орен-Кала // МИА. № 67. М., 1959.
Гюзальян Л.Т. Палеоэпиграфические материалы из раскопок Орен-Калы // МИА. № 133. М., 1965.
Давидович Е.А. Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи // КСИИМК. Вып.80. М., 1960.
Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955.
Демидов С.М. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований у юго-западных туркмен // ТИИА. Т.VI. Серия этнографическая. Ашхабад, 1962.
Денике Б.П. Искусство Средней Азии. М., 1927.

Денисова В.И. Свод археологических источников. Г1-11. Терракотовые статуэтки. Пантикапей. Ч.III. М., 1974.
Деопик Д.В., Митяев П.Е. Методика анализа керамического декора // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
Джанов А.В. Гончарные печи XIV-XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь. 1998.
Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // СА, 1958, № 1.
Джанполадян Р.М. Лабораторная посуда армянского алхимика // СА, 1965, № 2.
Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван. 1982.
Джидди Г. Историко-археологические сведения о крепости Гюлистан // Известия АН Азерб.ССР. Серия общественных наук. N 6. Баку, 1961.
Длужневская Г.В. Еще раз о "кудергинском валуне" // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
Дмитров Л.Д. К вопросу о загадочных сфероконических сосудах как зажигательных бомбах XIII в. // НЗИиА. Кн.1. Киев, 1943.
Достиев Т.М. Поливная керамика средневекового города Шабрана (XI–XIII вв.) // СА, 1989, № 3.
Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.
Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
Древности страны луров. Каталог выставки. СПб., 1992.
Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.
Древности Южного Узбекистана. Токио, 1991.
Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979.
Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950-1951) // ТТАЭ Т.II. МИА, № 37. М.-Л., 1953.
Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, № 118. М.-Л., 1962
Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1972.
Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. докт. дисс. М., 1978.
Заднепровский Ю.А. Фергана // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
Залеман К.Т. Отчет о поездке в Туркестан летом 1908 г. // ИРКСИВА. Вып.9. СПб, 1909.
Заурова Е.З. Керамические печи VII-VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва // ТЮТАКЭ. Т.XI. Ашхабад, 1962.
Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
Зеймаль Т.И., Ртвеладзе Э.В. Северный Тохаристан // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
Зограф А.Н. Античные монеты. МИА, № 16. М.–Л., 1951.
Иванов Г.П. Проблемные вопросы периодизации и культуры древней Ферганы // Фарҳона ҳалкашунослиги. Фергана, 1996.
Ильясов Дж.Я. Бодхисаттва из Чаганиана // Верования и культы домусульманской Средней Азии. ТДК. М., 1997.
Ильясов Дж.Я. Мелкая пластика // Материалы полевых исследований УзИскЭ. Вып.1. Ташкент, 1997а.
Ильясов Дж.Я. Предметы художественной культуры // Материалы полевых исследований УзИсКЭ. Вып.II. Ташкент, 1998.
Ильясов Дж.Я. Шахревар в Чаганиане // Изучение культурного наследия Востока. Материалы международной конференции. СПб., 1999.
Ильясова С.Р. Об идеологическом традиционализме ("Древо жизни" на керамике Ферганы) // Изучение культурного наследия Востока. ТДК. СПб., 1999.
Иневаткина О.Н. Северное укрепление древнего Самарканда // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. ТДК. Ташкент, 1990.
Исамиддинов М.Х., Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н. Об обнаружении нового древнесогдийского городища // Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути. ТДК. Самарканд, 1994.
Исамиддинов М.Х., Рапен К. К стратиграфии городища Кок-тепа // ИМКУ. Вып.30. Самарканд, 1999.
Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.
Исмизаде О.Ш. О глазурованной керамике с клеймами из средневековой Кабалы (XI-XIV вв.) // Материальная культура Азербайджана. Т.V. Баку, 1964.
Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.О. Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку, 1983.
Итина М.А. Могильник бронзового века Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 5. М., 1961.
Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья // ТХАЭЭ. Т.X. М., 1977.
Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986.
Кабанов С.К. Ареал и эволюция древних керамических форм // СА, 1964, № 3.
Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып.2. Ташкент, 1973.
Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент, 1977.
Кабанов С.К., Филанович М.И., Урманова М.Х. Раскопки части жилого массива IX-XI вв. // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
Кавасаки К. О терракотовой плитке с образом Будды из Караул-тепа // Древние цивилизации Евразии. История и культура. ТДК. М., 1998.
Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр // ТИИАЭ. Т.XII. Алма-Ата, 1961.
Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников центрального Казахстана // ТИИАЭ. Т.VII. Алма-Ата, 1959.
Калмыков А.Д. Открытия Кастальского. ПТКЛА, № 13. Ташкент, 1909.
Карев Ю.В. Дворец VIII в. в Самарканде в контексте доисламской и раннеисламской дворцовой архитектуры. Опыт исторической интерпретации. АКД. М., 1999.
Кацурис К., Буряков Ю.Ф. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы // ТЮТАКЭ. Т.XII. Ашхабад, 1963.
Кдырниязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII-XIV вв. Нукус, 1989.
Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э.-I тысячелетие н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
Кобылина М.М. Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников. Г1-11. М., 1970.
Когаров Е.Г. Монгольское "обо" и их этнографические параллели // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т.VI. Л., 1927.
Кожемяко П.Н. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
Козенкова В.И. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. // КСИИМК. № 76. М., 1959.
Козловский В.А. Некрасова Е.Г. Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза // Бактрийские древности. Л., 1976.
Кой-Крылган-Кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э.-IV в. н.э. ТХАЭЭ. Т. V. М., 1967.
Копылов И.И. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины // Ученые записки Казахского пединститута. Т.XV(3). Серия общественно-политическая. Вып.2. Алма-ата, 1958.
Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
Кочнев Б.Д. К истории Ташкентского оазиса конца X века // ОНУ, 1987, № 6.
Кочнев Б.Д. Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование. Автореф. докт. дисс. М., 1993.
Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (ч.1) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып.4. М., 1995.
Кочнев Б.Д. Караханидские фельсы Кеша // Согд в системе культурных связей Центральной Азии. ТДК. Самарканд, 1999.
Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966.
Кошеленко Г.А. Родина парфян. М., 1974.
Кошеленко Г.А., Новиков С.В. О коропластике Маргианы эллинистического периода // СА, 1999, № 4.
Кравченко А.А. Средневековый Белгород-на-Днестре (конец XIII – XIV вв.). Киев, 1986.
Крашенинникова Н.И. Раскопки в Китабском районе // АО 1983 г. М., 1985.
Кругликова И.Т. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. М., 1976.
Кругликова И.Т. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина // Древняя Бактрия. М., 1979.
Кудратов С.С. Исследование ферганского городища Эйлатан // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). ТДК. Л., 1990.
Кудратов С.С. Ранние гончарные печи с городища Эйлатан // ОНУ, 1991, № 3.
Кудратов С.С. Поселения левобережья р.Нарын в Фергане. АКД. СПб., 1992.
Кудрявцев А.А. Поливная керамика Дербента XI – середины XIII веков // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
Кузьмина Е.Е. Цилиндрическая печать из Мервского оазиса со сценой единоборства // История Иранского государства и культуры. М., 1971.
Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 1-2. М., 1991.
Курбанов С. Археологические исследования цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Ташкент, 2000.
Кызласов Л.Р. К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК. Вып.XXIX. М.-Л., 1949.
Кызласов Л.Р. Остатки замка VI-VII вв. на городище Акбешим // СА, 1958, № 3.
Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
Кызласов Л.Р., Мартынов С.В. Из истории производства посуды в Южной Сибири в VI-IX вв. // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.

Лаевская Э.Л. Мир мегалитов и мир керамики. М., 1997.
Лебедева Т.И. О самаркандских тагхона // ИМКУ. Вып.20. Ташкент, 1986.
Лебедева Т.И. Раннесредневековый замок Сарагепа на юго-западной окраине Самарканда // ИМКУ. Вып.26. Ташкент, 1992.
Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. М., 1971.
Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
Лелеков Л.А. К иконографии саганианского обожествленного героя // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. ТДК. Ташкент, 1985.
Ленц Э. О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского Востока // ЗВОРАО. Т. XV. СПб., 1904.
Леонов Н.И. Мавзолей X в. в Зеравшанской долине // СА, 1960, № 4.
Лещенко В.Ю. Использование восточного серебра на Урале // Приложение в кн.: Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. М., 1976.
Лившиц В.А. Юридические документы и письма. Серия "Согдийские документы с горы Муг". Вып.II. М., 1962
Лившиц В.А. Согдийские тексты, документы и эпиграфика // Источниковедение Кыргызстана (с древности до XIX в.). Бишкек, 1996.
Литвинский Б.А. Предметы из погребения на Сталинабадских холмах // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Вып. 3, Сталинабад, 1958.
Литвинский Б.А. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. // АРТ. Вып.6. Сталинабад, 1961.
Литвинский Б. А. Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972.
Литвинский Б.А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории культуры Центральной Азии) // Искусство и культура Центральной Азии. М., 1983.
Литвинский Б.А. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991.
Литвинский Б.А. Погребальные памятники // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995.
Литвинский Б.А. Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.
Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-Тепе. М., 1971
Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Некоторые аспекты семантики и иерархии stupa в Средней Азии и Индии // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.
Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах. (Культура и связи кушанской Бактрии). М.,1983.
Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.
Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.
Лихачев А.Ф. О загадочных сосудах сфероконической формы из Волжской Болгарии // Труды IV Археологического съезда. Т.I. Казань, 1884.
Лоховиц В.А., Хазанов А.М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Вып.XI. М., 1979.
Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.
Луконин В.Г. У истоков древнеиранского искусства // Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М., 1987.
Лунин Б.В. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XV в. // ИМКУ. Вып.2. Ташкент, 1961.
Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X-начала XIII вв. // ТЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
Лунина С.Б. Эволюция техники гончарного производства в средневековом Мерве // ТЮТАКЭ. Вып. 15. Ашхабад, 1974.
Лунина С.Б. Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии // СА, 1978, № 3.
Лунина С.Б. Города южного Согда в VIII–XII вв. Ташкент, 1984.
Лунина С.Б. Изделия художественного ремесла Кеша // Культура Среднего Востока. Ташкент, 1990.
Лунина С.Б., Усманова З.И. Керамика с поселения Нагай-курган близ Ташкента // Труды ТашГУ. Археология Средней Азии. V. Ташкент. 1960.
Лушпенко О.Н. К вопросу о локализации Наутаки // Урта Осие тарихи ва археологиясининг долзарб муамолари. Ташкент, 1995.
Лыкошин Н.С. Мечеть Хазрет-Султана в Туркестане и связанные с нею суеверия киргиз. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Вып.1. Петроград, 1916.
Майнагашев С.Д. Жертвоприношения небу бельтиров // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т.III. Пг., 1916.
Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
Малаева З.А. О раскопках на объектах VII и VIII Калаи Кахкаха 1 в 1977-1979 гг. // АРТ. Вып.XIX. Душанбе, 1986.
Мамбетуллаев М. Городище Большая Айбуйир-кала (раскопки 1976-1977 и 1981 годов) // Археология Приаралья. Вып.IV. Ташкент, 1990.
Мамбетуллаев М. Хумбуз-тепе - керамический центр южного Хорезма // Археология Приаралья. Вып.II. Ташкент, 1984.
Мамбетуллаев М., Кдырниязов М.Ш. Городище Воснган // Археология Приаралья. Вып.1. Ташкент, 1982.

Мандельштам А.М. Могильник Арук-Тау в Бишкентской долине (Южный Таджикистан) // КСИИМК. № 76. М., 1959.
Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. М-Л, 1966.
Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА, № 145. Л., 1968.
Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // ТТАЭ. Т.VII. Л., 1975.
Манылов Ю.П. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья // АКД. Ташкент, 1972.
Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – нач. XX вв.). Ташкент, 1980.
Марафиев С.Ш., Москаленко Н.А. К вопросу о назначении симобкузача и генезиса циркульного орнамента // МКТ. Вып.4. Душанбе, 1987.
Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
Маргулан А.Х. Жертвенные сооружения // Древняя культура центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
Марущенко А.А. Старый Серахс (Отчет о раскопках 1953 г.) // ТИИАЭ АН Туркм.ССР. Т.2. Ашхабад, 1956.
Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII вв. // ТГЭ. Т.V. Л., 1961.
Маршак Б.И. Согдийские терракоты // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований. М., 1972.
Маршак Б.И. Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73. М., 1959.
Массон В.М. Неолитические охотники и собиратели // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л., 1966.
Массон В.М. Кушанские поселения и кушанская археология. (Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973-1975 гг.) // Бактрийские древности. Л., 1976.
Массон В.М. Древняя Бактрия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
Массон М.Е. К истории добычи ртути в Средней Азии // Народное хозяйство. № 5. Ташкент, 1930а.
Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930а.
Массон М.Е. Краткие исторические справки о среднеазиатских минаретах // Материалы Узкомстариса. Вып.2-3. Ташкент, 1933.
Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.
Массон М.Е. Народы и области Южного Туркменистана в составе Парфянского государства // ТЮТАКЭ. Т.V. Ашхабад, 1955.
Массон М.Е. К нумизматике Сасанидов на территории советских республик Средней Азии // История иранского государства и культуры. М., 1971.
Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Гумбез Манаса. М., 1950.
Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // ТЮТАКЭ. Т.IV. Ашхабад, 1959.
Мастера искусства об искусстве. Т.1. Средние века. Под редакцией А.А.Губера, В.В.Павлова. М., 1965.
Материалы к истории туркмен и Туркмении. Т.I. М.-Л., 1939.
Мейтарчиян М.Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М., 1999.
Мерщиев М.С. Могильник у поселения Актобе // ТИИАЭ АН КазССР. Т.XIV. Алма-Ата, 1962.
Мешкерис В.А. Терракоты Самаркандского музея. Каталог. Л., 1962.
Мешкерис В.А. Ранние терракоты Согда // Искусство таджикского народа. Вып.3. Душанбе, 1965.
Мешкерис В.А. Терракоты из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М.,1969.
Мешкерис В.А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977.
Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989.
Мешкерис В.А. Коропластика Средней Азии IV-III вв. до н.э. – VII-VIII вв. н.э. (периодизация, типология, динамика стилей). Автореф. докт. дисс. М., 1992.
Минасянц В.С. Оссуарии Ташкента и Ташкентской области, история комплектования коллекции, их иконография и символика // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 1990.
Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки гончарных печей на городище Орен-Кала // МИА. № 67. М., 1959.
Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки ремесленного квартала на юго-западной окраине Байлакана в 1956-1958 гг. // МИА. № 133. М., 1965.
Мирзаахмедов Д.К. Глазурованная керамика Бухары второй половины XVIII-первой половины XIX в. // Из истории культурного наследия Бухары, Ташкент, 1990.
Мирзаахмедов Д.К. Глазурованная керамика Ташкента XVII в. // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990а.
Мирзаахмедов Д.К. Глазурованная керамика Ташкента конца XV-XVI вв. // ИМКУ. Вып.26. Ташкент, 1992.
Мифологический словарь. М., 1990.
Михальченко С.Е. Сфероконические сосуды Поволжья // КСИИМК. Вып.140. М., 1974.
Мкртычев Т.К., Наймарк А.И. Происхождение одной аркадной композиции на штампованных оссуариях Самаркандского Согда // Культура и искусство народов Востока.ТДК. М., 1987.
Мкртычев Т.К., Наймарк А.И. Оссуарии Согда // Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн.2. М., 1991.
Мкртычев Т.К. Purna-ghata на Кара-тепе // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1996.
Муллокандов М. Раннесредневековый буддийский монастырь Хишт-тепе в Ховалингском районе Таджикистана // МАИКЦА. Вып. 17. М.,1990.

Мурзаев Э. Непроторенными путями. М., 1954.
Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.
Мухитдинов Х. Терракоты Саксонохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. АКД. Душанбе, 1973.
Мухтаров А. Шедевры в единственном лице // Путешествие в Согдиану. Душанбе, 1982.
Наследники Шелкового пути. Штудгарт, 1997.
Негматов Н.Н. Древнетаджикская художественная обработка глины // Путешествие в Согдиану. Душанбе, 1982.
Негматов Н.Н. Божественный и демонический пантеоны Уструшаны и их индоевропейские параллели // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984.
Негматов Н.Н. Живопись Шахристана (проблемы и суждения) // Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. М., 1985.
Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957.
Неджафова Н.Н. Поливная бытовая керамика Азербайджана XII-XIII вв. (с резервированным орнаментом) // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия общественных наук. № 6. Баку, 1960.
Некрасова Е.Г. К вопросу об унификации терминологии древней керамики Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Л., 1974.
Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А. Керамика Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
Немцева Н.Б. Стратиграфия южной окраины Афрасиаба // Афрасиаб. Вып.1. Ташкент, 1969.
Немцева Н.Б. Рабат-и Малик (археологические исследования 1973-75, 1977 гг.) // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983.
Немцева Н.Б. Рабат-и Малик. Ташкент, 1998.
Немцева Н.Б., Дресвянская Г.Я. Памятники Заамина и его округи (к археологической карте Северной Уструшаны) // ИМКУ. Вып.20. Ташкент, 1986.
Неразик Е.Е. Керамика Хорезма афригидского периода // ТХАЭЭ. Т.IV. М., 1959.
Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1963.
Неразик Е.Е. Хорезм в IV-VIII вв. // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
Новрузлу А.И. Средневековая керамика Азербайджана (IX-XVII вв.). Баку, 1993.
Обельченко О.В. Кую-Мазарский и Лявандакский могильники – памятники древней культуры Бухарского оазиса. АКД. Ташкент, 1954.
Обельченко О.В. Курганные погребения первых веков н.э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника // Труды САГУ. Археология Средней Азии, IV. Новая серия. Вып.CXI. Исторические науки. Кн.25. Ташкент, 1957.
Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып.2. Ташкент, 1961.
Обельченко О.В. Курганы древнего Согда. Ташкент, 1981.
Обельченко О.В. Культура древних кочевников долины Зеравшана. Автореф. докт. дисс. М., 1982.
Обельченко О.В. Культура античного Согда. М., 1992.
Оболдуева Т.Г. О датировке стен Эйлатана // СА, 1981, № 4.
Оразбаев А.М. Курган с "усами" в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.
Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
Оразов О. Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад, 1979.
Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.-Л., 1935.
Павчинская Л.В. К истолкованию изображений на Муллакурганском оссуарии // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд, 1987.
Павчинская Л.В. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник (типология, районирование, хронология). АКД. Самарканд, 1990.
Павчинская Л.В., Ростовцев О.М. Оссуарии из Сарытепе // ИМКУ. Вып.22. Ташкент, 1988.
Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Л., 1983.
Папахристу О.А. Черная металлургия Северной Ферганы (по материалам археологического исследования городища Ахсикет IX-начала XIII вв.). АКД. М., 1985.
Папахристу О.А, Л.С.Баратова. Керамика из стратиграфического раскопа № 9 Городища Эски-Ахси (Ахсикет) // ИМКУ. Вып.24. Ташкент, 1990.
Пацевич Г.И. Гончарная печь на городище Сарайчик // ТИИАЭ АН КазССР. Т.I. Алма-Ата, 1956.
Перевозчиков В.И. Гончарный комплекс XIV века в котловане под дом быта "Юбилейный" // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Вып.11. Азов, 1993.
Петерс Б.Г. Археологические раскопки Феодосии в 1975-1977 г. // КСИА. Вып.168. М., 1981.
Пидаев Ш.Р. О генезисе штампованных орнаментов на керамике античной Бактрии // ОНУ, 1975, № 1.
Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции. Вып.3. М., 1984.

Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
Пидаев Ш.Р. Эволюция двух форм керамики древней Бактрии // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент, 1989.
Пидаев Ш.Р. К вопросу о появлении образа Будды в коропластике Бактрии // ИМКУ. Вып.30. Самарканд, 1999.
Пилипко В.Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
Пилипко В.Н. Ранний железный век Этека (Южный Туркменистан) // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 11. М., 1986.
Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А. Северная Парфия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
Пилипко В.Н., Масимов И. Буддийская статуэтка из Ак-Калы (Средняя Амударья) // СА, 1969, № 3.
Полевой Л.Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969.
Пославский И.Т. К вопросу о глиняных гробах // ПТКЛА. Год 8-й. Ташкент, 1903.
Потапов А.А. Рельефы древней Согдианы // ВДИ, 1938, № 3.
Потапов Л.П. Умай - божество древних тюрков // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
Предметы художественной культуры // Материалы полевых исследований УзИскЭ. Вып.2. 1998.
Пространство и время. Вещный мир // Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988.
Пругер Е.Б. К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане // СА, 1975, № 2.
Пругло В.И. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М., 1966.
Прушевская Е.О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. Вып.63. СПб., 1917.
Пугаченкова Г.А. Глазурованная керамика Нисы XV-XVI вв. // ТЮТАКЭ. Т.I. Ашхабад, 1949.
Пугаченкова Г.А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Труды САГУ. Вып.XXII, Ташкент, 1951.
Пугаченкова Г.А. Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои. Ташкент, 1957.
Пугаченкова Г.А. Маргианская богиня // СА XXIX-XXX, 1959.
Пугаченкова Г.А. Коропластика Древнего Мерва // ТЮТАКЭ. Т.XI. Ашхабад, 1962.
Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. Очерки с древнейших времен до 1917 г. М., 1967.
Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
Пугаченкова Г.А. О культах Бактрии в свете археологии // ВДИ, 1974, № 3.
Пугаченкова Г.А. Укрепления нижнего города // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
Пугаченкова Г.А. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л., 1978а.
Пугаченкова Г.А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Вып.2. М., 1979.
Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979а.
Пугаченкова Г.А. Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М.,1982.
Пугаченкова Г.А. Шедевры Средней Азии. Ташкент, 1986.
Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.
Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
Пугаченкова Г.А. Об одном иконографическом образе в искусстве Бактрии // ВДИ, 1989а, № 4.
Пугаченкова Г.А. Среднеазиатские сады и парки XV в. // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1997.
Пугаченкова Г., Галеркина О. Миниатюры Средней Азии в изобразительных образах (Из советских и зарубежных собраний). М., 1979.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Бухара. М., 1948.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусства Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М., 1982.
Пугаченкова Г.А., Ртveладзе Э.В. Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.
Ранов В.А., Салтовская Е.Д. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. // АРТ. Вып.VII (1959 г.). Душанбе, 1961.
Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии) // ТХАЭЭ. Т.VI. М., 1971.
Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
Распопова В.И. Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л., 1990.
Распопова В.И., Шишкина Г.В. Согд // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
Рау П.Д. Курганы с кострищами и кострища в курганах нижнего Поволжья // ТСА РАНИОН. Т.IV. М., 1928.
Ремпель Л.И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // ТЮТАКЭ. Т.I. Ашхабад, 1949.
Ремпель Л.И. Новые материалы к изучению древней скульптуры южной Туркмении // ТЮТАКЭ. Т.II. Ашхабад, 1951.
Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК. Вып.69. М., 1957.

Ремпель Л.И. Цепь времен. Ташкент, 1987.
Романчук А.И. Итоги раскопок в портовом квартале II Херсонесского городища // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
Ртвеладзе Э.В. Сфероконические сосуды из Маджар // СА, 1974, № 4.
Ртвеладзе Э.В. Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыр-тепе // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М., 1989.
Ртвеладзе Э.В. Кампыртепа – структура, периодизация // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып.1. Ташкент, 2000.
Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986.
Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л., 1962.
Рутковская Л.М. Античная керамика древнего Мерва // ТЮТАКЭ. Т.XI. Ашхабад, 1962.
Сагдуллаев А.С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. АКД. Л., 1978.
Сагдуллаев А.С. Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент, 1987.
Сагдуллаев А.С. Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи раннего железа // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Ташкент, 1987а.
Сагдуллаев А. С. Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика). Автореф.докт.дисс. М., 1989.
Сагдуллаев А.С. Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии // Античные и раннесредневековые древности южного Узбекистана. Ташкент, 1989а.
Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. Исследование средневековой Каффы в 1991-1992 гг. // Боспорский сборник. М., 1994.
Сайко Э.В. Некоторые особенности керамики кушанского периода Северной Бактрии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т.II. М., 1978.
Сальников К.В. Курганы у озера Алакуль // МИА. № 24. М., 1952.
Сарианиди В.И. Культовый сосуд из Маргианы // СА, 1980, № 2.
Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.
Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.
Седов А.В. Керамические комплексы Ай-Ханумского типа на правобережье Амударьи //СА 1984,№ 3.
Семенов Г.Л. Святилище в Пайкенде // Эрмитажные чтения 1986-1994 годов памяти В.Г.Луконина (21.1.1932 – 10.IX.1984). СПб., 1995.
Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
Смирнов К.Ф. "Быковские курганы" // МИА. № 78, М., 1960.
Смирнов К.Ф. О некоторых итогах исследования могильников меотской сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. Вып.XXXVII. М., 1951.
Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
Смоляк А.В. Этнографические данные об обрядах ложных погребений у народов нижнего Амура // СА, 1969, № 3.
Соколов Я.А. Клинкер и его производство. М., 1949.
Соколовская Л.Ф. Неглазурованная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам городища Афрасиаб конца VII-начала XIII вв.). АКД, альбом. Ташкент, 1995.
Сокольский Н.И. О боспорских щитах // КСИИМК. Вып. 58. М., 1955.
Соловьев В.С. Работы в Бешкентской долине в 1980 г. // АРТ. Вып.XX. Душанбе, 1987.
Соловьев В.С. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец, 1996.
Спицын А.А. Шаманские изображения // Труды Отделения русской и славянской археологии. Т.VIII, I. М., 1906.
Ставиский Б.Я. Работы Магианской группы в 1959 г. // АРТ. Вып.VII. Душанбе, 1961.
Ставиский Б.Я. О датировке ранних слоев Тали-Барзу // СА, 1967, № 2.
Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998.
Ставиский Б.Я., Якубов Ю.Я. Находки в бассейне Верхнего Зеравшана // Наследие предков (Мероси ниегон). Душанбе, 1999.
Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э.-VII в. н.э. Ташкент, 2000.
Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976.
Сычев Н.П. К вопросу о Булгарских сфероконических сосудах // КСИМК. № 14. М., 1947.
Ташходжаев Ш.С. Средневековый керамический комплекс из шурфа у медресе Кукельдаш г. Ташкента
// Труды ТашГУ. Вып.172. Ташкент, 1960.
Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент, 1967.
Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. Вып.XXXIII. М., 1950.
Тесленко И.Б. К вопросу о производстве поливной керамики с орнаментом граффито в крепости Алустон в XIV в. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
Тихонин М.Р. Новые данные о керамическом производстве в рабаде городища Канки // ИМКУ. Вып.20. Ташкент, 1986.
Толстиков В.П. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ, 1976, № 1.
Толстов И.И., Кандаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства // Отчет Императорской Русской археологической комиссии за 1882-1888 гг. СПб., 1890.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Толстой Н.И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
Тохтаходжаева М.С. Общее в архитектурно-планировочных приемах садово-паркового искусства Средней Азии XIV-XVвв. и Индии XVI-XVII вв. // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989.
Тревер К.В. Terracotas from Afrasiab. М.-Л., 1934.
Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.-Л., 1940.
Тревер К.В. Новое "сасанидское" блюдце Эрмитажа (из истории культуры народов Средней Азии) // Исследование по истории культуры народов Востока. М-Л., 1960.
Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III-VIII веков. М., 1987.
Трудновская С.А. Печати // Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV до н.э.- IV в. н.э. ТХАЭЭ. T.V. М., 1967.
Тургунов Б.А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
Тургунов Б.А. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепе (предварительное сообщение // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.
Тюляев С.И. Искусство Индии (III тыс. до н.э. - VII в. н.э.). М., 1988.
Усманова З.И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала // ТЮТАКЭ. T.XII. Ашхабад, 1963.
Усманова З.И. Эрк-кала // ТЮТАКЭ. T.XII. Ашхабад, 1963а.
Федоров М.Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в. // Нумизматика и эпиграфика. T.XI. М., 1974.
Федоров М.Н. Политическая история Караханидов в XII-начале XIII в. // Нумизматика и эпиграфика. T.XIV. М., 1984.
Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976.
Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских царей и древние города Поволжья. М., 1989.
Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998.
Филанович М.И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе // Афрасиаб. Вып.I. Ташкент, 1969.
Филанович М.И. Гяур- кала // ТЮТАКЭ. T.XV, Ашхабад, 1974.
Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
Филанович М.И. Материалы к исторической топографии средневекового Ташкента // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
Фисенко Б.А. Погребальный обряд племен катакомбной культуры Юго-Востока // Археологический сборник. Саратов, 1966.
Фоменко В.П. Раскопки мавзолея и некрополя близ городища Орен-Кала в 1958 г. (Раскоп III) // МИА. № 133. М., 1965.
Фронджуло М.А. Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. М., 1988.
Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // МИА. № 42. М., 1954.
Ходжаш С.И. Чужеземная глиптика в урартских центрах Армении // ВДИ, 2000, № 4 (в печати).
Цепова О.В. Декорированная керамика Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып.1. Ташкент, 2000.
Шарахимов Ш.Ш. Гончарное производство средневекового Самарканда X-начала XIII вв. АКД. Ташкент, 1975.
Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1968.
Шишкин В.А. "Курган" и мечеть Чор-сутун в развалинах Старого Термеза // Труды ТАКЭ. Т.2. Ташкент, 1945.
Шишкин В.А. Некоторые результаты работ на городище Варахша // Труды Института истории АН УзССР. Вып.8. Ташкент, 1956.
Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
Шишкин В.А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. Вып.1, Ташкент, 1969.
Шишкина Г.В. Клад медных монет с Афрасиаба // ИМКУ. Вып.5. Ташкент, 1964.
Шишкина Г.В. Материалы первых веков до н.э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып.I. Ташкент, 1969.
Шишкина Г.В. Керамика конца IV-II вв. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып.III. Ташкент, 1974.
Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА, 1975, № 2.
Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент, 1979.
Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.
Юсупов Х.Ю. Разведка вдоль трассы второй очереди Ильялинского обводнительного канала // Известия АН ТуркмССР. Серия общественных наук. № 5. Ашхабад, 1980.

Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. М., 1999.
Ягодин В.Н. Городище Хайван-кала – раннесредневековый Кердер // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981.
Ягодин В.Н. Кердерская Умай // Вестник Каракалпакского Отделения Республики Узбекистан. № 2. Нукус, 1999.
Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала). (По материалам раскопок 1953-1955 гг.) // МИА. № 67. М.-Л., 1959.
Якубов Ю. Религия древнего Согда. Душанбе, 1996.

[Литвинский, Пичикян=] Litvinskij B. A., Pichikjan R. Александр Македонский сражает персов (далекое эхо сидонского саркофага в храме Окса – Северной Бактрии) // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di scienze, morale, storiche e filologiche. Anno CCCXCIV. Serie IX, Vol.e VIII, fascicolo 1. Roma, 1997.
Abdullaev K. Buddhist Terracotta Plastic Art in North Bactria // Silk Road Art and Archaeology. Vol.5. 1997/98.
Ackerman Ph. A Survey of Persian Art. From Prehistoric Times to the Present. Ed A.U. Pope and Ph. Ackerman. Vol. I, London-New York, 1938.
Agrawala V.S. Terracotta Figurines of Ahichchhara (District Bareilly, U.P.) Varanasi, 1985.
Andronikos M. Vergina II. The Tomb of Persephone. Athens, 1994.
Beal S. Si-Yu-Ki. Buddhist Records of the Western World. L., 1906, vol.I.
Belenitskii A.M., Marshak B.I. The Paintings of Sogdiana // In: Azarpay G. Sogdian Painting. Berkeley/ Los Angeles/ London, 1981.
Bernard P., Grenet F., Rapin C., Isamiddinov M. et leurs collaborateurs. Fouilles de la mission franko-soviétique à l' ancienne Samarkand (Afrasiab): premièr campagne // CRAI, 1990.
Bernard P., Grenet F., Rapin C., Isamiddinov M., et leurs collaborateurs. Fouilles de la mission franco-ouzbéque à l' ancinne Samarkand (Afrasiab): deuixème et troisième campagnes (1990-1991) // CRAI, 1992.
Bishop M.C., Coulston J.C.N. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. London, 1993.
Bopearachchi O. Monnaies greco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonnè. Paris, 1991.
Bopearachchi O. Aman ur Rahman. Pre-Kushana Coins in Pakistan. Karachi, 1995.
Boucharlat R., Lecomte O. Fouilles de Tureng tepe. Paris, 1987.
Collon D. Ancient Near Eastern Art. Berkeley, Los-Angeles, 1995.
Comparative Studies in History and Archeology, vol.42. Leiden, 1997.
Coussins P. Les armes gauloises figurées sur les monuments grecs, étrusques et romains // RA, IV ser., T. XXV. Paris, 1927.
Denisov E. Die Buddhististiche heiligenbild-terrakotte aus Mor-tepe // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Band 28, Berlin, 1995-1996.
Deshpande M.N. Kushan Bronzes from Chausa and Satavahana Bronzes // The Great Tradition Indian Bronze Masterpieces, New Delhi, 1988.
Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Ceviren Besim Atalay. C.I. Ankara, 1939.
Droysen H. Die Balustraden reliefs. – In: Bohn R. Das Heiligtum des Athenes Polias Nikephoros. Berlin, 1885 (Altertumer vom Pergamon, Bd. II – Text; Bd. II- Tafeln).
Durman Tepe and Lalma. Buddhist sites in Afghanistan surveyed in 1963-1965. Edited by S.Mizuno. Japan, Kyoto, 1968.
Eiland M. L. Parthians and Romans at Nineveh // Ancient Iran and the Mediterranean World. Proceedings of an International Conference in Honour of Professor J. Wolski, Krakow, 1998 (Electrum. Studiu z historii starożytnej, vol.2).
Ettinghausen R. Parthian and Sassanian pottery // SPA, 1949, vol. II.
Feuerbach A.M., Markel J.F., Griffiths D.R. An examination of crucible steel in the manufacture of Damascus steel, including evidance from Merv, Turkmenistan // Metallugica Antiqua (in Honour of Hans-Gert Bachmann and Robert Maddin). Bochum, 1998.
Fouilles d'Aï Khanoum I. Planches. Sous la direction de Paul Bernard // MDAFA. T.XXI Paris, 1973.
Francfort H.-P. Fouilles d'Ai Khanum III. Le sanctuaire du temple à niches indentées //MDAFA.T. XXVII, Paris, 1984.
Francfort H.-P. Fouilles de Shortuohai. Recherches sur l' Asie Central protohistorique. Vol.I-II // MMAFAC.T.II. Paris 1989.
Fussman G. Ruines dans la vallée de Wardak // Arts Asiatiques, T.XXX. Paris, 1974.
Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Hord Cities // BAR. Vol.198. Oxf., 1984.
Gardin J.-C. Lashcari Basar // MDAFA. T. XVIII. Paris, 1963.
Gardin J.-C. Les céramiques // MDAFA. T. XXI, Paris, 1973.
Ghirshman R. Begram // MDAFA. T.XII. Caire, 1946.
Ghirshman R. Iran. Parthes et Sassanides. Paris, 1962.
Ghirshman R. Le Chionites-Hephtalites // MDAFA. T.XIII, Caire, 1948.
Ghouchani A. Inscriptions on Nishapur pottery. Tehran, 1986.
Göbl R. System und Chronologie der Münzprägung des Kusânreiches. Wien, 1984.
Gorbunova N.G. The Culture of Ancient Ferghana VI century B.C.-VI century A.D. // BAR. International Series 281, London, 1986.
Grenet F. Les pratiques funéraires dans l'Asie Centrale sédentaire de la conquête grecque à l'islamisation. Paris, 1984.
Grenet F. Notes sur le panthéon iranien des Kouchans // Studia Iranica. T. 13-fascicule 2, pp. 258-261. Paris, 1984a.
Grenet F., Liger J.-C., Valence R. de. L'arsenal // BEFEO. T.LXVIII. Paris, 1980.
Il'yasov J.Ya. The Hephthalite Terracotta // Silk Road Art and Archaeology. 7. Kamakura, 1999/2000, pp. 147-160.

Il'yasov J.Ya., Mkrtychev T.K. Bactrian Goddess from Dalverzin-tepe (Attempts at Typological Analysis) // Silk Road Art and Archaeology. 2. 1991/92.
Invernizzi A. Sculture di metallo da Nisa. Cultura greca e cultura iranica in Partia. Lovanii, 1999 (Acta Iranica, vol. XXI).
Kieseritzky C., von, Warzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.
Kinch K. F. Le tombeau de Niansta tombeau Macedonian // Memoires de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark. Copenhague. 7me serie. Section des Lettres, T. IV, № 3. Kobenhavn, 1920.
Klimburg-Salter D. The Painted Covers of Samghatasutra 627/8 and the Votive Objects from Gilgit // SAA. 1992.
Klimburg-Salter D. Buddha in Indien. Die Frühindishe Sculptur von König Asoka biz zur Guptazeit. Milano, 1995.
Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques [vol. 1–2]. P., 1949–1950 (Bibliothèque des Écoles francaises d'Athènes et de Rome, vol. 169/1–2).
Lawson S. Dharani Sealings in British Collections // SAA.Vol.2, 1985.
Litvinsky B. A., Pichikyan I. R. An Attic Shield with a Triskelion from the Temple of the Oxus (A Discovery of an Archaic Emblem from Athens in Northern Bactria). Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Coparative Studies in History and Archeology, vol. 42. Leiden, 1997.
Lowe Th.L. Refractories in High-Carbon Iron Processing: A Preliminary Study of the Deccani Woots-Making Crucibles // Cross-craft and Cross-cultural Interactions in Ceramics. The American Ceramic Society, Inc. Westerville, OH, 1989.
Lowe Th.L. Solidification and the Crucible Trocessing of Deccani Ancient Steel // Principles of Solidification and Materials Processing. Vol.2. New Delhi, Dombay, Calcutta, 1988.
Lyonnet B. Céramique et peuplement du Chalcolithique à la conquête arabe // MMAFAC. T.VIII. Paris, 1997.
Maenchen-Helfen O. The Yuen-chih problem re-exmaned // JAOS, 65.
Maier F. Keltische Altertumer in Griechenland // Germania, Jahrg. 51, Halbband 2. B., 1973.
Marschall J. Taxila. Minor Antiqueties. Cambridge, 1951. Vol.II.
Melikian-Shirvani A.S. In Islamic Times: in Buddhism // Encyclopaedia Iranica, vol. IV, L., 1990.
Meshkeris V.A. Indian votive syncretism as reflected in the coroplastics of Kushan Baktria // Information bulletin, 11, Moskow, 1986, p. 20-29.
Miller S. G. The Tomb of Lyson and Kallikles: a Painted Macedonian Tomb. Mainz am Rhein, 1993.
Mitchiner M. The Apogel of the Indo-Greeks; circa 160 to 120 B. C. London, 1975b (Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage, vol. 2).
Mode H. Die Frau in der Indischen Kunst. Leipzig, 1970.
Mollard-Besques S. Catalogue raisonné figurines et reliefs en terre-cuite grecs et romains. Myrena. P., 1963; Illustrations. P., 1963.
Nikonorov V. P. The Armies of Bactria 700 B. C. – 450 A. D. Vol. I (Text), vol. 2 (Illustrations). Stockport, 1997.
Papakhristu O.A. Techniques and technology of manufacturing ceramic vessels-crucibles for smelting wootz in Central Asia (as illustrated with the archaeological material of IX-XII cc. AD) // 5th European Meeting on Ancient Ceramic. Book of Abstracts. Athens, 1999.
Papakhristu O.A., Swertschkow L.M. Eisen aus Ustruschana und Tiegelstahl aus dem Fergana-Becken // Der Anschnitt Zeitschrift fur Kunst und Kultur Im Bergbau. 1993, N 4.
Pavchinskaia L.V. Sogdian Ossuaries // BAI. The Archaeology and Art of Central Asia Studies From the Former Soviet Union. New Series. Vol. 8. 1994.
Perdizet P. Syriaca, V. // RA, IV ser., T. III. P., 1904, Janvier–Juin.
Persian Art. An illustrated souvenir of exibition of Persian Art at Burlington House. London, 1931.
Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie und Komposition des Alexandermosaiks auf antiquarischer Grundlage. Mainz am Rhein, 1996 (Aegyptiaca Treverensia. Trierer Studien zur griechisch-römischen Ägypten, Bd. 8).
Pritsak O. Die Karachaniden // Der Islam. Bd.31/1. Berlin, 1953.
Pugachenkova G.A. New Terracottas from North Bactria // EW, 1992, 42:1.
Pugachenkova G.A. Form and Style of Sogdian Ossuaries // BAI. The Archaeology and Art of Central Asia Studies From the Formtr Soviet Union. New Series. Vol. 8. 1994.
Rapin Cl. La Trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum. Fouilles d'Aï Khanoum VIII // MDAFA.T.XXXIII. Paris, 1992.
Rosen-Ayalon M. La poterie islamique // MDAI. T. I. Mission de Susiane. Ville Royale de Suse IV. Paris, 1974.
Rosenfield J.M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley-Los Angeles, 1967.
Rowland B. Art and Architecture of India. Harondsworth, 1959.
Rowland B. Art of Afghanistan. Objects from Kabul Museum. L., 1970.
Sage M. M. Warfare in Ancient Greece. A Sourcebook. L.– N. Y., 1996.
Sarianidi V. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985.
Sekunda N. The Seleucid Army. Stockport, 1994.
Sharma G.B., Rishi K.K., Kuldip Singh. Catalogue of Sculptures from Sanghol // Kushana Sculpture from Sanghol (1st-2nd Century AD), A Recent Discovery. Vol.I, Ed. by S.P.Gupta. New Delhi, 1985.
Shirinov T.Sh., Matboboev B.Kh., Ivanov G.P. Kubo City in Akhmad al-Fargoni' s Epoch. Tashkent, 1998.
Sims-Williams N., Cribb J. New Bactrian Inscription of Kanishka the Great.// Silk Road Art and Archeology.T.IV. 1995/96.
Stary P. F. von. Ursprung und Ausbreitung der eisenzeitlichen Ovalschilde mit spindelformigen Schildbuckel // Germania, 59. Jahrg., 2. Halbband. Mainz am Rhein, 1981.

Stein A. Innermost Asia. Oxford, 1906.
Sumner W.M. Achaemenid Settlement in the Persepolis Plain // American Journal of Archaeology: Archaeological Institute of America. 1986. Vol.90, 1.
Swarup Sh. The arts and crafts of India and Pakistan. Bombay, 1957.
Taddei M. Inscribed Clay Tablets and Miniature Stupas from Gazni // EW. Vol.20. Nos.1-2, 1970.
Tanabe K., Hori A. et al. Excavation at Dalverzin Tepe, 1996 // BAOM, 17 (1996). Tokyo, 1997.
Tanabe K., Hori A. et al. Excavation at Dalverzin Tepe, Uzbekistan, 1997 // BAOM, 18 (1997). Tokyo, 1998.
Tanabe K., Hori A. et al. Excavation at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan, 1998 // BAOM, 19 (1998). Tokyo, 1999.
Tarzi Z. L'architecture et le décor rupestre des grottes de Bamiyan. 2. Planches. Paris, 1977.
The Oasis and Steppe Routes. The Grand Exhibition of Silk Road Civilizations. Nara, 1988.
Vainberg B.I. The Kalali-Gir 2. Ritual Center in Ancient Khwarasm // BAI. The Archaeology and Art of Central Asia Studies From the Former Soviet Union. New series. Vol.8 (1994), 1996.
Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarahaniden // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin, XXXIII. Berlin, 1930.
Wiseman D.J. Gottes und Menschen im Rollsigel Westasiens. Prag, 1958.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

BAI – Bulletin of the Asia Institute. Michigan
BAOM – Bulletin of the Ancient Orient Museum
BAR – British Archaeological Reports. Oxford
BEFEO – Bulletin de l'École Français d'Extrême-Orient. Paris
CRAI – Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris
EW – Est and West. Roma
JAOS – Journal of the American Oriental Society. New York-New Haven
MDAFA – Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan. Paris
MDAI – Mémoires de la Délégation archéologique Française en Iran. Paris
MMAFAC – Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. Paris
RA – Revue archeologique. Paris
SAA – South Asian Archaeology
SPA – A Survey of Persian Art

АКД – автореферат кандидатской диссертации
АО– Археологические открытия. Москва
АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад, Душанбе
АСГЭ – Археологические сообщения Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ГИМ – Государственный Исторический музей. Москва
ГосНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации. Москва
ДЮУ – Древности Южного Узбекистана. Ташкент
ЗВОРАО – Записки Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества
ЗИРАО – Запиоки Императорского Русского археологического общества
ИАК – Известия Археологической Комиссии. СПб.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИРКСИВА – Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях
КИДУ – Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Москва
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии. Москва
МАИКЦА – Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Москва
МИА – Материалы Института археологии. Москва
МКТ – Материальная культура Таджикистана. Душанбе
МСППКЗ – Материалы I Симпозиума по проблеме "Полихромная керамика Закавказья – истоки и пути распространения". Тбилиси
НЗИА – Научные записки Института истории и археологии. Киев
ОНУ – Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ПТКЛА – Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
РА – Российская археология. Москва
РАЕН – Российская Академия естественных наук
РГГУ – Российский Государственный гуманитарный университет
СА – Советская археология. Москва
САГУ – Среднеазиатский Государственный университет. Ташкент
САЭ – Среднеазиатская археологическая экспедиция. Государственный музей Востока, Москва
ТАКЭ – Термезская археологическая комплексная экспедиция. Ташкент
ТашГУ – Ташкентский Государственный университет
ТАЭ – Таджикистанская археологическая экспедиция. Душанбе
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа

ТДК–Тезисы докладов конференции
ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии. Москва
ТИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата
ТИИАЭ АН Туркм.ССР – Труды Института истории, археологии и этнографии. Ашхабад
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТОВЭ – Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва
ТТАЭ – Труды Таджикистанской археологической экспедиции. Душанбе
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УзИскЭ – Узбекистанская искусствоведческая экспедиция. Ташкент
Узкомстарис – Узбекистанский комитет по охране памятников старины и искусства. Ташкент
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад

Средняя Азия.
Археология. История. Культура

Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной

Редакционная коллегия:

Т. Г. Алпаткина
С. Б. Болелов
О. Н. Иневаткина
Т. К. Мкртычев

Компьютерный набор – Т. Г. Алпаткина

Государственный Музей Востока
117019, Москва, Никитский бульвар, д. 12А,
Тел.: (095) 290-16-82.
e-mail: museumeast@mail.cnt.ru
mkrtiga@orc.ru

Верстка, дизайн:
О.М. Якушкин

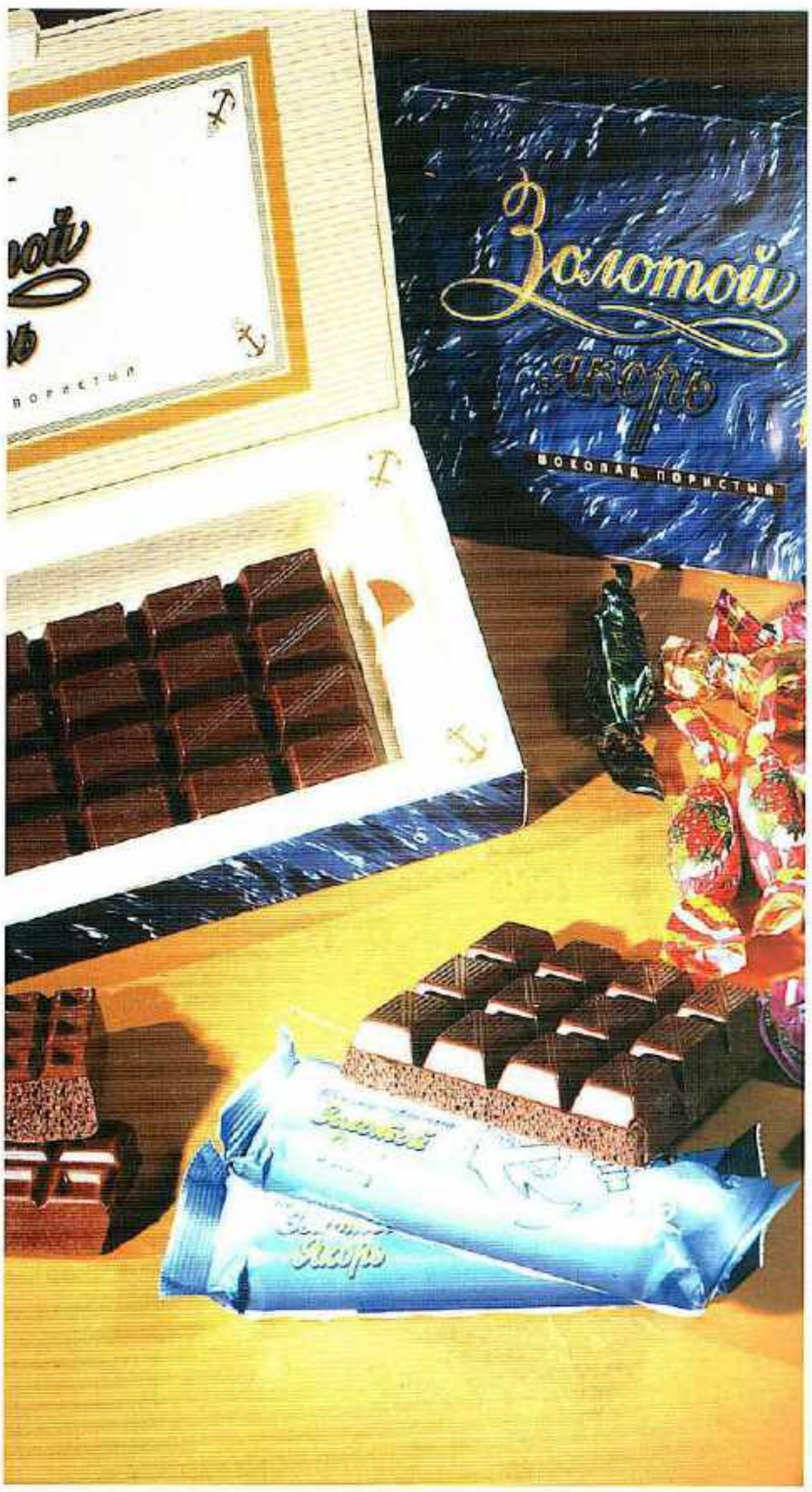
Суперобложка:
Объемная реконструкция блюда VIII в. по фрагменту (рисунок В.В.Кухтиной) из раскопок на цитадели Афрасиаба.
К.Горыня

Лицензия на издательскую деятельность
ЛП – 064310 от 14.11.95
Издательство „Пересвет"
Москва, ул. Михайлова, д. 30

Подписано в печать 26.02.2001. Формат 60x90 1/8.
Печать офсетная. Усл. печ л. 34.
Тираж 350 экз. Заказ № 612

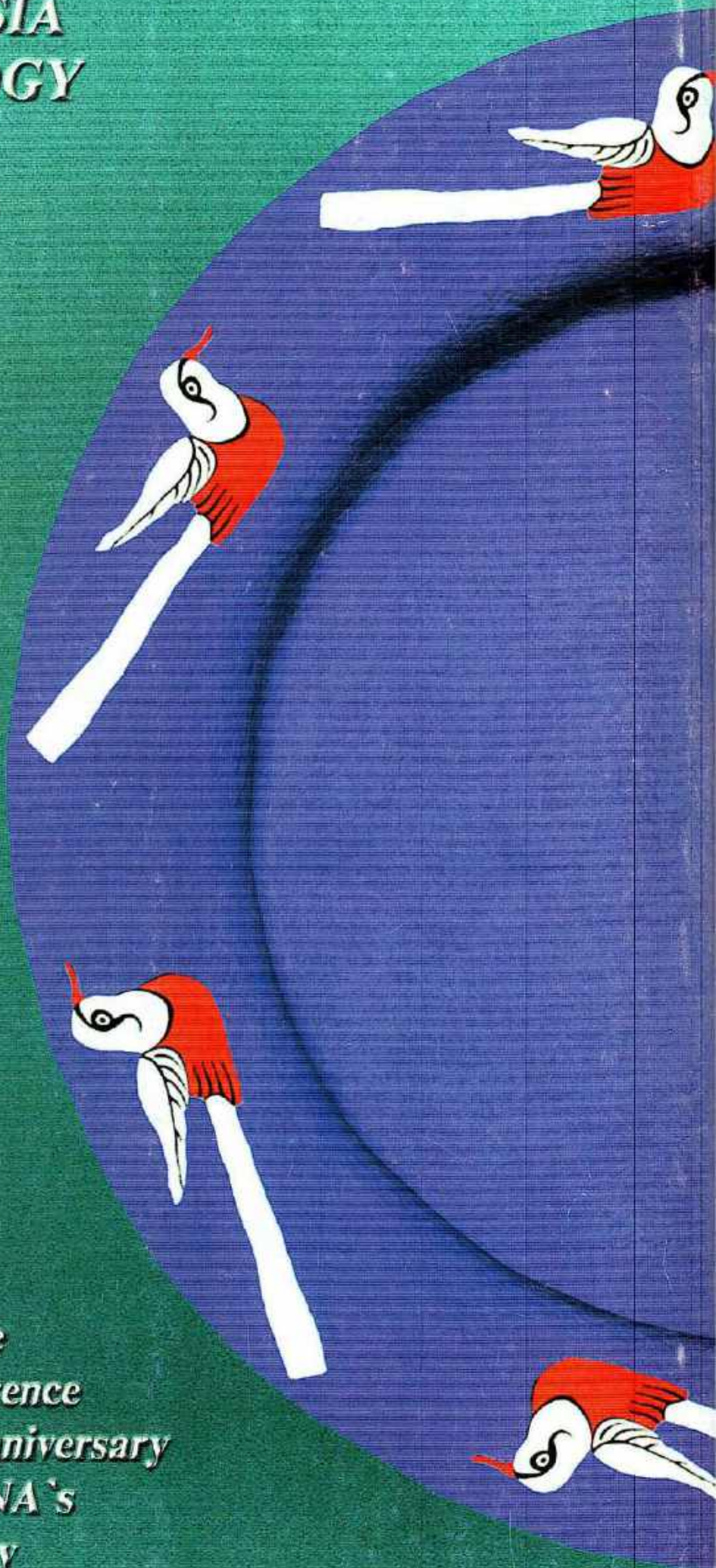
Отпечатано с готовых диапозитивов

"ПЕРВЫЙ КОНДИТЕРСКИЙ КОМБИНАТ - АЗАРТ"
Санкт - Петербург, Большой Сампсониевский пр. 77/7
тел./факс: (812) 245 - 23 - 10, 245 - 36 - 26

CENTRAL ASIA
ARCHAEOLOGY
HISTORY
CULTURE

Papers
presented to the
international conference
dedicated to the 50-th anniversary
of G.V.SHISHKINA's
scholarly activity